А. Г. Достоевская

Дневник 1867 года

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ.
Фотография Ш. Ришарда, 1867 г.
На обороте надпись А. Г. Достоевской (с неточной датой):
«В начале 1868 г., незадолго до рождения дочери Софии».
Музей-квартира Ф. М. Достоевского. Москва

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ

ДНЕВНИК 1867 года

Издание подготовила
С. В. ЖИТОМИРСКАЯ

МОСКВА «НАУКА»
1993

Ответственный редактор
А. Л. ГРИШУНИН

Редактор издательства
Н. А. АЛПАТОВА

Д $\frac{4702010101\text{-}050}{042\ (02)\text{-}93}$ 714-92, I полугодие

ISBN 5-02-012790-6

КНИЖКА ПЕРВАЯ [1*]

Мы выехали из Петербурга в 5 часов в веселый ясный день 14 апреля. Нас провожали мои родные [1], Милюковы [2], Эмилия Федоровна с Катей [3]. Ехали мы весело и благополучно. На третьей станции пили чай, но такой горячий, что Федя бросил свой стакан, боясь опоздать к поезду. В Луге мы ужинали очень дурно, «потому что все было ужасно сервировано». На дороге ничего особенного не случилось, исключая того, что я ночью впадала в какую-то опасную задумчивость [2*], едва отвечала на вопросы, или очень тихо и вообще выказывала сильнейшее желание заснуть. Дорогой я спала довольно много, но зато Федя почти ничего не спал. В 2 часа мы приехали в Вильну. К нам подбежал сейчас лакей от Гана, гостиницы, которая находится на Большой улице, посадил нас в коляску и повез к себе. У ворот гостиницы нас остановил Барсов, знакомый Федора Михайловича [4]. Он объявил, что живет здесь, в Вильне, и непременно придет к нам в 6 часов, чтоб с нами идти и показать нам город. Нас водили по разным лестницам, показывали один номер за другим, но все было ужасно грязно. Федя хотел уже переехать в другую гостиницу, но потом отыскался хороший номер, в который мы и переселились. Но слуги гостиницы оказываются олухами ужасными [3*], сколько ни звони, они не откликаются. Еще странность: у двоих из них не оказывается левого глаза, так что Федя придумал, что вероятно это так и следует, вероятно, кривым платят меньше.

Мы пообедали и пошли осматривать город. Он довольно велик, улицы узкие, тротуары деревянные, крыши крыты черепицей. Сегодня страстная суббота, поэтому в городе большое движение. Особенно много попадается жидов со своими жидовками в желтых и красных шалях и наколках. Извозчики здесь очень дешевы. Осматривая город, мы очень устали, взяли извозчика и он нас за гривенник прокатил по всему городу. Все приготовляется к празднику: по улицам [4*] встречаются с куличами и бабами. Костелы полны прихожанами. Мы заходили в русскую церковь Никол⟨ы⟩, недостроенную, на Большой улице, поклониться плащанице. Затем заходили в костел на Ивановской улице. Потом видели крест [5*], реку Вилию. Это чрезвычайно быстрая река, не слишком широкая, но вид с берега на отдаленные горы, на крест [5*] и кладбище очень хорош, особенно летом, когда все распустится. Видели мост, потом

[1*] *Перед текстом дневника надпись стенографически:* Куплена была 11 апреля 1867, перед отправлением заграницу, с целью записывать все приключения, которые будут встречаться на дороге.

[2*] *Вставлено при расшифровке в 1890-х годах* (далее везде: *вставлено*): (по выражению Феди).

[3*] *Заменено при расшифровке в 1890-х годах* (далее везде: *заменено*): странными людьми.

[4*] *Может быть:* улице.

[5*] *Может быть:* крепость.

часовню на Георгиевской площади, построенную в память усмирения поляков, очень красивую ⟨слово не расшифровано⟩ и легкую, которая мне очень понравилась ⟪крышей остроконечной⟫. Часов в семь мы воротились домой, напились чаю и я легла спать. Федору Михайловичу пришла мысль, что нас ограбят в то время, когда все люди в гостинице уйдут к заутрене. Поэтому он заставил все двери чемоданами и столами[6*]. Ночью без четверти два часа с ним сделался припадок, очень сильный, который продолжался 15 минут. Утром я встала в 7 часов, ⟪пила чай, кофей⟫. Я сходила за бабой, за которую с меня спросили 3 злотых (45 к.), а уступили за 35. Баба оказалась очень хорошо испеченной. Нам дали творогу и два яйца[7*]. Потом опять я пила чай. Вся гостиница нам стоила около 8 рублей за ⟨не разобрано⟩. Когда мы уж совсем собрались, вошел какой-то жидок с предложением что-нибудь у него купить. Мы забыли мыло, и поэтому я решилась купить его. Взял за яичное 15 копеек. Другой его товарищ предлагал нам купить какой-то образ, который, по его словам, стоил ему самому 15 рублей, но который он продает очень дешево. Но мы отказались. Мало-помалу набралось так много жидов в нашу комнату, которые явились нас провожать. Каждый прощался с нами, все бросились выносить наши вещи, и под конец два из них[8*] попросили на чай. Мы сели в коляску и довольно далеко отъехали, как вдруг за нами бегом поравнялся жидок, он хотел нам продать два мундштука янтарных. Мы прогнали его.

На железной дороге нам пришлось очень долго ждать. Мы взяли билеты прямого сообщения до Берлина по 26 р. 35 к. за персону. Пришлось нам сесть в вагон второго класса только двоим, так что мы могли вволю спать. Часов в пять проехали Ковно. В это время в городе был пожар, который был нам с моста очень виден. Не доезжая до Ковно, нам два раза нужно было проезжать под туннель, и во второй раз мы ехали под землею чуть ли не с 10 минут. Проехав Ковно, мы встретили речку, очень маленькую, но чрезвычайно извилистую, которая то и дело меняла свое направление, то вправо, то влево, так что поезд переезжал ее по крайней мере три или четыре раза. Часов в восемь мы приехали в Эйдкунен[9*]. Тут ⟪Федя едва не поссорился с кондуктором.⟫ Мы пообедали в последний раз в России. (Вообще станций попадалось так мало, что есть приходилось, к моему, разумеется, сожалению, очень немного.) (У нас остались русские мелкие деньги и поэтому мы старались здесь их оставить.) Когда сели в вагон, то пришел какой-то чиновник, очевидно немец, который довольно резко спросил: «Как зовут»? Федя едва с ним не поссорился, заметив, что он, вероятно, немец, и что спрашивают: «Как вас зовут»? Затем мы получили свой паспорт и поехали в Эйдкунен. Между этими двумя станциями[10*] находится мост, который отделяет русские от прусских владений. ⟪Сейчас началась⟫ станция в немецком вкусе, большая, роскошно убранная, с беседками в саду. Мы вышли и отправились в залу для осмотра нашего багажа. Федор Михайлович ушел, чтобы разменять оставшиеся у него русские деньги, кажется,

[6*] Федору Михайловичу... столами *заменено*: Слуга посоветовал нам покрепче запереться на время заутрени, когда все люди уйдут в церковь. Федору Михайловичу пришло на мысль, что нас могут ограбить, пока никого не будет в доме, а поэтому он заставил все двери чемоданом и столом.

[7*] *Вставлено*: И мы с Федей разговелись.

[8*] *Заменено*: все.

[9*] *Заменено*: Вержболово.

[10*] *Дальше зачеркнуто*: русской и немецкой. *Заменено*: Вержболовым и Эйдкуненом.

рублей 40. Ко мне принесли чемоданы, и я уже отворила саквояж, как подошел осмотрщик и спросил меня, нет ли у меня чего-нибудь запрещенного[11*]. Я ответила, что нет, и он не стал осматривать. Тут уже все изменилось: все, которые говорили еще за полверсты по-русски, начали говорить по-немецки. 《Мы вышли в зал и я села около моего чемодана》. В Эйдкунене прекрасный вокзал, комнаты в два света, отлично убранные, прислуга 《чрезвычайно》 расторопная. Все пили, кто кофе, кто Zeidel Bier, пиво в больших кружках. Я вспомнила, что у меня остался один русский рубль, сказала об этом Феде и мы пошли разменять его в контору. (Я забыла, ему дали за 39 руб. 32 талера.) Но в конторе никого не было, нам сказали, что можно разменять в буфете. Здесь мы купили папиросы, и Федя спросил себе пива. В половине одиннадцатого позвонили, чтобы ехать в Берлин. Нас поместили в вагон для курящих. Сели мы и еще 《один》 какой-то жид, который сначала заговорил с нами по-немецки, но потом, видя, что мы затрудняемся ему отвечать, перешел на русский.

Как только поезд отошел, я сейчас заснула и спала, кажется, ужасно много, 《так что》 Федя говорил мне, что я проспала Пруссию. Не видела я ни Кенигсберга, который мы проехали ночью, ни Мариенбурга. Утром мы проехали Вислу, Elbing и многое множество немецких городов и селений. Немецкие селения состоят большею частью из каменных домов. Но мне не понравилось их устройство. Сначала построены деревянные перекладины, а 《потом》 между ними лежат камни, 《так что вид, по крайней мере для меня, некрасивый》. Все дома обиты плетушками, которые летом покрыты диким виноградом. Померания довольно пустынная и некрасивая страна, безлесная и негористая. 《По дороге за все следует платить зильбергрошами, даже за то, если бы мне вздумалось сходить кое-куда, так следует заплатить один Silb.[12*]》 Около Эльбинга мы подъезжали недалеко от моря, потому что чем дальше ехали мы к югу, тем местность становилась красивее, попадались 《поминутно》 горы, покрытые елями и соснами. Встречаются целые аллеи тополей. Затем проехали немецкую крепость Кюстрин, которая сильно вооружается. Потом Франкфурт-на-Одере. Здесь мы пили кофе (Федя переплатил за меня). На дороге мы все пили кофе и, надо отдать справедливость, очень дурной. Но чаю достать было положительно невозможно. 《Отсюда》 мы повернули к Берлину и, кажется, в 7 часов приехали в этот первый для меня иностранный город. У вагона нас встретил какой-то немец, который вручил нам номер «Hotel Union». Мы согласились и пошли за нашим багажом. Здесь везде на стенах прибиты надписи: «Vor Taschendieben wird verwarnt»[13*]. Вероятно здесь их так много, что даже предостерегают. Багажа мы ждали довольно долго. Наконец, наш проводник повел нас к экипажу, какой-то небольшой каретке. Мы сели, через несколько минут принесли наши чемоданы, и мы отправились. Федя все время бранил немцев на чем свет стоит, даже мне наскучило.

Первое впечатление на меня произвел Берлин не слишком дурное, улицы довольно узкие, как, говорят, во всех иностранных городах, дома высокие, в три этажа, узкие, крыши крыты щеточками, здесь со-

---

[11*] *Вставлено*: чаю, табаку.

[12*] *В стенограмме зильбергроши большей частью обозначены немецкой буквой s; далее везде передается как зильб.*

[13*] Остерегайтесь воров (*нем.*).

всем не кроют железом. На улицах стоят большие тумбы, оклеенные со всех сторон афишами, ⟨⟨различными⟩⟩ объявлениями о продаже и об увеселениях. Нас провезли почти через весь город. Видели реку Spree — очень гаденькая, маленькая речонка, видели ⟨⟨мельком дворец⟩⟩, императору памятник, но все так неясно, теперь почти ничего не осталось в памяти. «Hotel Union» находится в Mittelstrasse, недалеко от Unter den Linden, на узенькой улице. Нас ввели в номер, за который взяли один талер 10 зильб. Федор Михайлович по обыкновению начал ⟨⟨все⟩⟩ бранить: и немцев, и гостиницу, и погоду. Спросили чаю. Нам дали, но принесли не самовар, которых в Европе совсем не водится, а чайник, который был поставлен на спиртовую лампочку. Принесли ужин и Zeidel Bier. Постели здесь покрываются не одеялами, а перинами, довольно толстыми, не понимаю, как они могут так жарко спать. ⟨⟨Мы спросили себе одеяла. Они нам дали⟩⟩. Вытопили у нас, потому что было ужасно холодно. Окна были уже выставлены. Легли мы спать довольно рано, я, по крайней мере, в 9 часов. Спала я страшно крепко, даже не узнавала Федю, когда тот приходил ко мне[14*].

Сегодня 18 апреля проснулась я в половине девятого. Сегодня дождь маленький, но кажется, будто шел целый день. У берлинцев окна отворены, сидят и смотрят из окон. Под моим окном распустилась липа. (Здесь окна закрываются снаружи шторами, т. е. с улицы.) Видела сегодня, что большая собака везла тележку с кувшинами молока. Федя говорит, что это здесь в употреблении. Дождь продолжает идти, но мы решились выйти, чтобы посмотреть город. Вышли на Unter ⟨den⟩ Linden, зашли к меняле разменять наши полуимпериалы. За полуимпериал дают пять талеров и 16 зильб., а другой — так и 15 зильб. Но не разменяли и пошли далее. На дороге Федя заметил мне, что у меня худые перчатки. Я рассердилась и сказала, что лучше нам не вместе ходить. Он повернулся и пошел назад, и я отправилась ко дворцу. Долго ходила, видела университет, Schloss, Bauacademie, Zeughaus, Opernhaus, Ludwigskirche[15*]. Дошла даже до Brandenburger Thor[16*], которые выстроены по образцу Пропилеев. Дождик все еще шел, немцы с удивлением смотрели на меня, девушку, которая, не обращая ни малейшего внимания, без зонтика шла по дождю[17*]. Меня сильно беспокоила моя ссора с Федей. Я бог знает, что вообразила себе, различные глупости и потому раньше пришла домой. Там мне сказали, что он еще не приходил. Это еще больше меня поразило. Окна у нас были отворены, и я стала высматривать в окно, не идет ли Федя. Прошло, кажется,

---

14* *Вставлено*: прощаться на ночь.

15* Замок, Строительную академию, цейхгауз, оперу, церковь Людвига, Бранденбургские ворота (*нем.*).

16* пошли далее... Brandenburger Thor *заменено*: пошли далее. Видели Schloss, Bauacademie, Zeughaus, Opernhaus, университет и Ludwigskirche.— Дорогой Федя заметил мне, что я по-зимнему одета (бел. пуховая шляпа), (фраза: что... шляпа — приписана позже.— *С. Ж.*), и что у меня дурные перчатки. Я очень обиделась и ответила, что если он думает, что я дурно одета, то нам лучше не ходить вместе, сказав это, я повернулась и быстро пошла в противоположную сторону. Федя несколько раз окликнул меня, хотел за мною бежать, но одумался и пошел прежнею дорогою. Я была чрезвычайно обижена; мне показалось замечание Ф. М. ужасно неделикатным. Я почти бегом прошла несколько улиц и очутилась у Brandenburger Thor.

17* *Вставлено*: Но мало-помалу я успокоилась и поняла, что Федя своим замечанием вовсе не хотел меня обидеть и что я напрасно погорячилась.

часа два[18*]. Я, выглянув в окно, увидела, что Федя с самым независимым видом, положив руки в карманы, идет домой. Я очень обрадовалась и когда пришел[19*], то мы помирились[20*]. Затем спросили обед. Нам подавали одно за другим шесть блюд самых разнообразных и по составу очень дорогих 《и под конец подали омлет и два апельсина》. За все это с нас взяли по талеру, очень дешево по сравнению с числом блюд. После обеда Федя стал пить чай, и я пошла, чтобы купить книгу или какую-нибудь картину в воспоминание Берлина. (Я забыла, Федя заказал себе пальто и заказал брюки. Ему обещали принести 《брюки》 в шесть часов, и тогда мы могли тотчас ехать в Дрезден.) Я купила две картинки, но пошла по Friedrichstrasse, но очень далеко по этой улице, прошла назад, но пришла уж в шесть часов. Федя был ужасно раздосадован тем, что я не иду, что таким образом мы опоздаем на железную дорогу. Кельнер Жорж пришел и сказал нам, что мы никак не поспеем, и чтобы мы лучше и не собирались, иначе хуже будет, если мы не застанем, а что лучше он нас завтра поутру разбудит рано, и мы приедем днем в Дрезден. Мы согласились. Федя отправился в баню русскую, а я осталась читать[21*]. Он скоро пришел (говорит, что остался доволен банею), мы напились чаю, и Федя спросил счет и пиво. Счет оказался в 13 талеров. Утром кельнер обещал нас разбудить, но стукнул только два раза, Федя услышал, но потом опять заснул. В половине шестого он меня разбудил, и мы к шести часам были уже совсем готовы. Заперли чемоданы и отправились в карете на железную дорогу. Туда мы приехали очень рано. Здесь я купила себе план и книжку отправлений поездов по всей Европе. Заплатила 10 зильб., а Федя купил «Город〈ской〉 В〈естник〉». Кондуктор был так любезен, что посадил нас в отдельный вагон, где была только одна девица (вероятно, он думал получить от нас что-нибудь за это, 《но ошибся в своих расчетах》.

От Берлина до Дрездена всего 25 Meilen[22*] (около 175 или 180 верст). Мы выехали без четверти семь и приехали в сорок минут двенадцатого. По дороге нам встречались сирень и черемуха,

---

18* вообразила себе... часа два *заменено*: Я решила идти поскорее домой, думая, что Федя вернулся, и я могу помириться с ним. Но каково было мое огорчение, когда, придя в гостиницу, я узнала, что Федя заходил уже домой, пробыл несколько минут в комнате и опять ушел. Боже мой, что я только перечувствовала! Мне представилось, что он меня разлюбил и уверившись, что я такая дурная и капризная, нашел, что он слишком несчастлив и бросился в Шпрее. Затем мне представилось, что он пошел в наше посольство, чтоб развестись со мной, выдать мне отдельный вид и отправить меня обратно в Россию. Эта мысль тем более укрепилась во мне, что я заметила, что Федя отпирал чемодан (он оказался не на том месте, и ремни были развязаны). Очевидно, Федя доставал наши бумаги, чтоб идти в посольство. Все эти несчастные мысли до того меня измучили, что я начала горько плакать, упрекать себя в капризах и дурном сердце. Я дала себе слово, если Федя меня бросит, ни за что не вернуться в Россию, а спрятаться где-нибудь в деревушке за границей, чтоб оплакивать мою потерю. Так прошло два часа. Я поминутно вскакивала с моего места и подходила к окну (окна здесь отворены, несмотря на раннюю весну) посмотреть не идет ли Федя. И вот, когда мое отчаяние дошло до последних пределов

19* *Вставлено*: Я с плачем и рыданиями бросилась к нему на шею. Он очень испугался, увидев мои заплаканные глаза, и спросил, что со мною случилось. Когда я рассказала ему все мои страхи, он страшно смеялся и сказал, что надо иметь очень мало самолюбия, чтобы броситься и утонуть в Шпрее, в этой маленькой, ничтожной речонке. Очень смеялся и моей мысли о разводе и говорил, что «я еще не знаю, как он любит свою милую женочку». Заходил же он и отворил чемодан, чтоб вынуть деньги для заказа пальто. Таким образом все объяснилось.

20* *Вставлено*: и я была страшно счастлива.

21* *Неразборчиво переправлено* — по-видимому: название книги.

22* Миль (*нем.*).

уже вполне распустившиеся. Где-то, кажется в Roderau, Федя принес мне кофею в вагон, чем меня очень порадовал (⟪я такая глупая⟫, ужасно радуюсь всем этим мелочам). На этой станции вышла девица и сел какой-то саксонский юноша, юнкер, что ли, не знаю, но ужасно глупый, который все время курил махорку. Приехали в Дрезден. Федя пошел нанять карету и нанял за 22 зильб. (ужасно дорого). Нам принесли вещи и мы поехали. Наш возница очень хотел, чтоб мы остановились где-нибудь в «Victoria» или в «Britisch Hotel», но мы приказали нас везти в «Stadt Berlin», гостиницу, которую нам рекомендовал Яновский[5]. Кучер провез нас через весь город и остановился на площади, на отличном месте в центре города. Тотчас зазвонили в ⟪какой-то⟫ колокол и к нам выбежали слуги отеля. Мы попросили попроще номер. Нас повели в третий этаж по таким переходам и ⟨слово не расшифровано⟩, что потом едва можно было найти наш номер (29). Это очень узкая и длинная комната ⟪(клетка)⟫ с красными обоями, с двумя окнами, выходящими на площадь, очень дорогая (1 талер 10 зильб. в сутки), но неудобная. Однако мы остановились и спросили чаю, нам подали его так мало и такой слабый, что нельзя было пить. Мы наскоро собрались и пошли в галерею. Она находится близ дворца, напротив театра. За вход берут 5 зильб. (15). Мы вошли и сначала почти бегом обежали галерею, но Федя ошибся и привел меня к Мадонне Гольбейна[6]. Она мне сначала очень понравилась. ⟪Потом мы зашли в старую.⟫ (Галерея разделяется на две части большою беседкою, в которой находятся вышитые картины. В конце одной части находится Мадонна Гольбейна, на другом ⟪конце⟫ — Мадонна Рафаэля.) Наконец, Федя привел меня к Сикстинской Мадонне. Никакая картина до сих пор не производила на меня такого ⟪сильного⟫ впечатления, как эта. Что за красота, что за невинность и грусть в этом божественном лице, столько смирения, столько страдания в этих глазах! Федя находит скорбь в улыбке. (Это очень большая картина в великолепной золоченой раме, закрытая стеклом. Да вообще все замечательные картины находятся под стеклом для избежания порчи.) На небольшом расстоянии помещены бархатные скамейки для зрителей. Здесь их немного, но всегда сидят и глубокомысленно рассматривают Мадонну. Младенец на руках богоматери мне не понравился. Федя правду сказал, что у него совсем не детское лицо. Сикст очень хорош, чудесное старческое лицо, полное благоговения перед нею. Св. Катерина[23*] мне совсем не понравилась, хотя она, по-видимому, красавица, она расположена очень театрально, напыщенно, ее поза неестественна. Из ангелов мне понравился на правой стороне, который с таким прелестным выражением смотрит наверх. Сикстинская Мадонна на меня так сильно подействовала, что я не хотела ни на что более и смотреть. ⟪Мы скоро вышли из галереи⟫. Из галереи мы пошли на Брюллеву террасу[7]. Это довольно большая терраса над Эльбой, каменная, обсаженная деревьями (⟪кажется⟫, липами). Здесь устроены две кофейни. Мы прошлись немного и пошли домой, я — чтобы переменить сапоги, которые мне ⟪очень⟫ жали ноги, пообедать мы решились внизу, в нашем отеле за table d'hôt'om. (Здесь странный обычай обедать за table d'hôt'om, в час. Кто хочет обедать попозже, тот должен брать порциями, что несколько дороже, а кто хочет, чтобы ему приносили в номер, тот платит за все вдвое.) Мы обедали внизу, в общей зале, где, впрочем, никого не было. Здесь пили

[23*] *Заменено:* Св. Варвара.

Lautenheimer[24*] (11). (Федя меня за это бранил.) День был удивительно ясный, и вообще я была в этот день ужасно как счастлива! Пообедав, мы пошли по городу отыскивать лавку, где бы мы могли купить мне шляпу. (Здесь все ходят в соломенных круглых шляпах, я одна только в высокой и бархатной.) Но все, что нам попадалось, было такое дурное, что мы не решились купить. Мы вышли an der Promenade. Это целая аллея, очень длинная, густая, где гуляет много народу. На многих домах попадались надписи: «Hier ist eine möblierte Zimmer zu vermiethen»[25*]. Мы заходили в несколько мест, но немцы так глупы, что невыносимо: прибьют надпись к воротам дома, а не позаботятся прибить такую и к дверям, поэтому толку не добьешься. Наконец, в конце Променада мы нашли 2 möb⟨lierte⟩ Z⟨immer⟩ в третьем этаже и отправились. Оказалось, что отдаются на месяц две довольно большие, хорошо убранные комнаты за 20 талеров. Нам уступали за 18. Но хозяйка-немка показалась нам слишком щепетильною и льстивою, и мы сказали, что дадим завтра ответ, возьмем ли мы квартиру. От нее мы узнали, что шляпу можно купить у модистки ее импер⟨аторского⟩ величества Königl⟨iche⟩ Majestät — Diedrich, напротив «Hotel Victoria». Мы пошли туда. Сначала нам какая-то немка показала совершенно в противоположную сторону. Но потом мы все-таки отыскали. Шляп у ней было не слишком-то много, из них самая лучшая была та, которую я выбрала (простая, белая, из грубой соломы, с розами на полях и около щеки, с двумя бархатными лентами сзади). Спросили с нас 7 талеров, но уступили за $6^1/_2$. Мою шляпу старую я оставила у ней, она обещала мне ее прислать в «Stadt B⟨erlin⟩». Отсюда мы пошли на террасу ⟪пить кофе⟫. Здесь на террасе мы спросили себе кофею, ⟪нам подали⟫. Взяли, кажется, 5 зильб. Вечер был прекрасный, солнце садилось, и на горах, окружающих город, вдали, очень ясно очерчивались различные замки и домики. Вообще Эльба в эту минуту была очень хороша, так что даже Федя, не находивший никогда город красивым, теперь сказал, что это очень хорошо. Потом мы пошли наверх по лестнице к ресторану. Здесь в этот вечер был концерт с огромной программой. Нам предлагали войти, цена слишком ничтожная (именно, $2^1/_2$ зильб.), но мы лучше хотели погулять, еще успеем сходить и другой раз. Мне терраса в этот вечер очень понравилась, особенно та ее часть, которая идет направо от Эльбы. Мы сошли вниз, гуляли по саду, шли по набережной у самой Эльбы, ⟪где иногда во время прилива заливается водой⟫, все искали отель, где можно было, по словам Майкова[8], пообедать дешево и хорошо. Но у самой набережной его не оказалось. Феде нечего теперь читать, и я боюсь, что он, пожалуй, соскучится. Он видел где-то «Былое и думы», и ему захотелось прочесть. Но он очень сожалел, что это будет стоить 2 талера. Я упросила его купить. С террасы мы пошли поскорее, пока лавки еще не заперты. ⟪Мы долго искали, этого нельзя найти, к тому же⟫, немцы ⟪ужасно⟫ бестолковы, до крайности. Наконец, где-то в магазине нам сказали, что «Былого» нет, но есть «Полярная звезда», две книги[9], стоят 3 талера. Читать нечего. Мы и купили и пошли домой, чтобы поскорее напиться чаю. Вообще в этот весь день я была удивительно счастлива. Федя был так снисходителен, ничем не раздражался, ни о чем не спорил, был весел и меня, кажется, очень любит. Я раньше заснула, но потом, когда он стал ложиться, он пришел ко мне, и мы долго с ним говорили ⟪и целовались⟫

[24*] Название вина (*нем.*); в скобках, очевидно, указана цена.
[25*] Здесь сдается меблированная комната (*нем.*).

(он называет меня славной, божьим человеком, говорит, что меня очень любит; дай-то бог, чтобы это было как можно до[льше]). В этот вечер мы очень долго ходили, против всякого обыкновения Феди, который ходит пешком очень мало.

20 апреля (2 Mai)

Я встала довольно рано и стала умываться, чем разбудила Федю, но он не рассердился. (Вообще все эти дни он очень снисходителен ко мне.) Утром я писала письмо, а потом мы пошли искать себе квартиру. На Johannisstrasse есть несколько объявлений об отдаче квартир. Мы вошли в одну, здесь отдаются две комнаты: одна довольно большая, другая — спальня, маленькая, за шесть талеров, окнами выходят на сквернейший, тощий бульвар, который ⟪уж⟫ одним своим видом наводит тоску. Несмотря на дешевизну, мы не решились взять этой квартиры, потому поискали и на другой стороне улицы и нашли 2 Z⟨immer⟩ nebst Schlafkabinet[26*]. Это во втором этаже. (Здесь этажи считаются не так, как у нас: 2-й называется первым, 3-й — вторым.) Здесь две большие комнаты, порядочно меблированные, и спальня. Отдают за семнадцать талеров с бельем, посудой и всякой всячиной. Хозяйка наша — suisse[27*] Zimmermann, высокая, сухощавая. Мы дали ей в задаток червонец и обещали переехать сегодня же. ⟪Отсюда⟫ выходя, мы встретили прехорошенькую девушку, ⟪очень⟫ небольшого роста, которой на вид казалось лет восемь. Она продавала половики, по 3 зильб. за штуку. Эта девушка удивительная красавица — черноволосая, черноглазая, смуглая, с правильными чертами лица, просто картинка. Я спросила, как ее зовут и сколько ей лет.— Амалия, отвечала она, что ей 14 лет. Мы просто загляделись на нее, она нам улыбалась. Федя дал мне 5 зильб., чтобы я отдала их Амалии. Я это сделала, она была очень довольна, поблагодарила. Я спросила, откуда она, и просила заходить к нам, к M⟨me⟩ Z⟨immermann⟩. ⟪Она мне обещала.⟫ Потом я совершенно забыла дорогу, и мы долго плутали, отыскивая Брюллеву террасу. Какая-то немка показала нам совершенно обратную сторону. (Вообще, если немца что-нибудь спросить, то он, во-первых, ничего не поймет, а во-вторых, непременно соврет дорогу.) Федя начал выходить из себя, бранил меня за то, что ⟨слово не расшифровано⟩ не знаю дорогу, как будто бы я могу это знать. Долго мы ходили, наконец, ⟪Федя спросил[28*], нам сказали и мы⟫ вышли на террасу. Сегодня день ужасно холодный, ветер дует нестерпимо. Мы посидели немного и пошли в галерею. Сегодня был Freier Eingang[29*] (четверг), с нас денег не взяли. Как только мы вошли, так мне и бросилась в глаза Мадонна Мурильо, стоящая в первой зале. Что это за удивительное лицо, какая нежность красок! ⟪Здесь⟫ мне чрезвычайно понравился младенец богоматери,— удивительно милое выражение лица. На этот раз мы только мельком оглядели. Останавливались только перед картиною Тициана ⟪Спаситель⟫[30*][10]. Эта великолепная картина, по выражению Феди, может стоять наравне с Мадонною Рафаэля. ⟪Это⟫ лицо выражает удивительную кротость, величие, страдание... В другой зале была картина Caracci — Спаситель в молодых ле-

[26*] 2 комнаты со спальней (*нем.*).
[27*] Швейцарка (*фр.*).
[28*] *Может быть:* узнал.
[29*] Бесплатный вход (*нем.*).
[30*] *Вставлено:* Zinsgroschen: Христос с монетою.

тах[11], 《прекрасное лицо》[31*]. Видела я на этот раз картины Wouvermann'a. Содержание их обыкновенно какое-нибудь сражение или охота, остановка войска, но непременно является на сцену всадник, и лошадь. Потом видела картины французской школы Watteau, представляющие кавалеров и придворных дам 18 столетия. 《Каждый маркиз любезничает с дамой сердца.》 Костюмы написаны великолепно[32*]. Claude Lorraine с картинами мифологического содержания 《или библейского содержания》. Потом сходили мы опять к Мадонне Гольбейна, но эта Мадонна мне теперь 《уж》 не понравилась. Это чисто германский идеал, какая-то гордая, спесивая (подбородок), Мадонна безо всякого смирения (таково мое мнение)[12].

Из галереи мы пошли обедать на террасу. Здесь обед à la carte[33*] стоит 1 талер. Мы спросили два обеда. Нам подали 6 различных кушаний и, наконец, десерт, состоявший из мороженого двух сортов, апельсинов, конфект, бисквитов, изюму, орехов. И все это за один талер. Федя выпил кофею, и мы пошли домой, чтобы переехать на новую квартиру. Здесь с нас взяли за пребывание одного дня 4 талера 10 зильб. Мы наняли носильщика, который повез наши пожитки на тележке, а мы с Федей пошли в недалеком расстоянии от него. Я почему-то помнила, что номер нашего дома 7[34*]. Он остановился и стал вносить наши вещи. Я вбежала наверх и уже собиралась позвонить, как вдруг вспомнила, что это была первая квартира, которую мы смотрели, но которую не захотели взять. Я сошла вниз и сказала носильщику, чтоб он вез дальше. Мы прошли почти всю улицу, но никак не находили нашей квартиры. Наконец, на другой стороне улицы увидали объявление о двух комнатах (удивительно, как я забыла местность). 《Наконец-то мы》 отыскали наше жилище.

Немного отдохнув, мы отправились с Федей за покупками. Пришли опять на нашу площадь и у Schmidt купили чаю (два талера за 〈слово не расшифровано〉), сахару (за Pfund 6 зильб.), кофе (жареный и молотый 12 зильб., оказался дурной), лимон (1 зильб.). Нам обещали прислать на дом, а мы отправились покупать варенье, апельсины и в аптеку. Апельсины здесь продаются на вес, за Pfund 10 зильб. На Pfund пошло 4 апельсина. Варенья нигде не нашли, даже не понимают, что мы такое спрашиваем. Федя в аптеке купил 《касторового масла и》 Карлсбадской воды. По дороге домой зашли в булочную, купили себе булок и пряников. Я ужасно как устала от всей этой ходьбы и рада была радешенька, что добралась домой. Но вдруг нам сказали, что из магазина еще ничего не принесли, а принесли из «Stadt Berlin» платье, которое мы там забыли. Делать было нечего, пришлось, несмотря на усталость, идти к Schmidt'y, насилу дошли и узнали, что они давно уже послали. Наконец-то покойно, с большим удовольствием напились чаю. Федя остался читать, а я легла поскорее уснуть. Когда Федя пришел ложиться, то он мне рассказал пресмешную историю, которая с ним случилась. Он отправился кой-куда, вышел из квартиры и, не зная устройства замков, припер дверь (а дверь, если ее припереть, тоже заперлась на замок, чтобы отворить ее, нужно было звонить). Федя воротился, тронул дверь — не поддается. Он постоял, подумал, видит — холодно. Он решился позвонить. Позвонил

[31*] *Вставлено:* Эту картину очень высоко ставит и любит Федя.
[32*] *Вставлено:* Федя сводил меня посмотреть картины.
[33*] по выбору из меню (*фр.*).
[34*] Потом оказалось: Johannisstrasse № 25 (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

раз,— никто не слышит, позвонил другой,— кухарка и Z⟨immermann⟩ услышали. Девушка спрашивает: «Wer est dort?» Федя отвечает: «Ich». Немки зашептались, засуетились: «Wer könnte es sein?»[35*]. Вероятно, испугались, не знают, что и подумать, кто бы мог к ним так поздно прийти. Спрашивают: «Кто это ich?» Федя объясняет дело, и его впускают домой. (Какой он сегодня милый, меня очень любит, дай бог, чтобы это было долго, как я была бы счастлива.)

21 апреля (3 Mai)

Сегодня довольно пасмурно, холод совсем не майский, такие дни и у нас бывают нередко. Утро у меня незаметно прошло в писании журнала, так что я даже не поверила, когда мне Федя сказал, что ⟨⟨теперь⟩⟩ уже 3 часа. Дождик на минуту перестал и мы пошли на Брюллеву террасу обедать. Хотели спросить — он по table d'hôte[36*], а я — à la carte, но этого нельзя было, и потому оба спросили по table d'hôt'у. Нам подали 6 кушаньев ⟨⟨и десерт. Пили⟩⟩ вино Niederheimer. После обеда пережидали дождь, и когда он перестал, пошли домой, заходили в магазин, где Федя видел «Waterloo»[13], но не купил. Придя домой, Федя вспомнил, что у него нет папирос и уже один пошел за ними. Потом мы долго сидели, он читал, а я лежала у него за спиной (мое любимое место еще в детстве)[37*].

22 апреля (4 Mai)

Сегодня опять дождь, такая скука. Мимо дома бегут ⟨⟨две⟩⟩ школьницы с сумками в виде ранцев за плечами. Я все утро писала письма, но потом не оказалось печатки и мы решились отнести письма завтра. Нечего делать, хоть и дождь, а следует идти обедать. Сегодня опять пошли на «Бельведер» на террасе. Видно, уж такая судьба. Но спросили не целый обед (который здесь стоит для двоих по талеру), а ⟨⟨только⟩⟩ по порциям. Обед стоил меньше всего на 20 копеек, а Федя остался голодным. Потом мы пили — я шоколад, а он — кофе. Шоколад такой густой, словно кисель, даже пить противно. С террасы мы пошли по Schlosstrasse искать «Полярную звезду» за 55 год, но нигде не могли найти. В этой книжной лавке попались нам «Записки Дениса Васильевича Давыдова», мы их купили, потому что Федя их ⟨⟨еще⟩⟩ не читал[15]. Прошли Altmarkt и подошли к «Hotel Victoria», который находится в двух шагах от нас. Здесь мы зашли к M⟨me⟩ Д⟨идрих⟩, у которой купили мою шляпу. Она вызвалась нам ее доставить и до сих пор не принесла, так что мы сами взяли ее. Потом заходили в Café Français, купили разных пирожков для чаю.

5 мая (23 ⟨апреля⟩)

Сегодня опять пасмурная погода, но дождя, вероятно, не будет. Федя сегодня страшно сердит, не знаю, на кого и на что. Я тоже раздражаюсь. Утром у меня болела голова так сильно, что я ничего не могла сделать. Федя писал письмо. В два часа мы пошли отыскивать почтамт. Сначала нам показали отделение почтамта на нашей же улице Johannisstrasse. Здесь мы отдали письма. (С нас взяли за 3 письма 12 зильб.— 36

[35*] Кто там? — Я.— Кто это может быть? (*нем.*).

[36*] Общий обед за табльдотом.

[37*] Мое... детстве *заменено*: мое любимое место как теперь, так и в детстве, за спиной у папы[14].

копеек,—это очень мало). Потом отправились в Haupt-Postamt[38*] на Post-Platz. Туда нас проводил какой-то Gepäkträger[39*] ($2^1/_2$ зильб.). Мы спросили, нет ли в poste restante[40*] письма на наше имя. Оказалось, что нет. Потом пошли отыскивать дешевую гостиницу, но куда ни заходили, везде одно и то же: по порциям, а в одной так было ужасно много мужчин. Пришлось идти опять на террасу. Пообедали мы опять отлично и все время слушали музыку, концерт, который давался в Бельведере же, внизу, под нашей залой. Ничего хуже не может быть, как слушать музыку через 2 или 3 комнаты или через пол. Доносятся только какие-то раздирающие душу звуки, а полного, целого, ⟨⟨ничего⟩⟩ не выходит. Выпили кофею, отправились пошататься по городу. Город в воскресенье и вообще в праздники представляет ужасно скучный вид. Все магазины заперты, улицы пусты, я не знаю, куда тогда скрываются немцы. Спят ли они, что ли, или уходят все в гости, но только сегодня ужасно пусто и грустно в городе. Мы заходили купить папирос, с нас взяли 4 зильб. (12 коп.) за те, которые в Петербурге стоят 25, ровно вдвое. Чем дальше, тем дешевле становятся папиросы. Мы долго ходили по опустелым улицам и уже подошли к дому, как вспомнили, что у нас нет ничего к чаю. Мы опять пошли. Как назло на этот раз не попадалось ни одной хорошей булочной, так что нам долго пришлось ходить, пока мы могли купить что-нибудь. Пришли домой, у меня все еще болела голова. Я сейчас же легла и заснула очень крепко.

6 M⟨ai⟩ (24 ⟨апреля⟩)

Сегодня день превосходный, теплый, почти жаркий. Мы пошли в галерею. Здесь мы долго смотрели на ландшафты Рюисдаля, болото, кладбище, дорогу и прочие картины Wouvermann'а, все больше воинственного содержания, либо охота, либо турнир или война, но непременно участвуют лошади и воины, полузакрытые от зрителя дымом ружейным. Потом смотрели картины Watteau. Это придворный живописец начала прошлого столетия. Он рисует преимущественно сцены из веселой придворной жизни, где какой-нибудь маркиз ухаживает за ⟨⟨какой-нибудь⟩⟩ блестящей красавицей. Картины эти исполнены жизни, лица очень выразительны и совершенно нарисована одежда. Мы долго ходили внизу, потом пошли наверх, где мы еще ни разу не осматривали, там помещены картины современных нам живописцев, и несколько старинных картин. Здесь самое лучшее, что мне понравилось, было *письмо*[16], нарисованное так естественно, что я издали приняла его за письмо приклеенное (перо и лента, которою перевязано письмо). Было уж 4 часа, и звонок заставил нас уйти. (Забыла: у Мадонны Рафаэля был какой-то иностранец, может быть грек, армянин или француз, который, видимо, восхищался Мадонною, то вскакивал и подбегал к картине, то складывал руки на груди, то опускал голову, то тяжко вздыхал. Наконец, встал, посмотрел еще раз поближе и быстро ушел из комнаты.) Из галереи мы пошли ⟨⟨к известному месту, оттуда другим⟩⟩ ближним путем на террасу. Сначала мы искали у синагоги, нет ли тут гостиницы, но тут только какая-то грязная харчевня, так что нам пришлось идти обедать в «Бельведер». Взяли опять по обеду. Наш «дипломат» (один слуга, ужасно похожий на дипломата), оскорбленный нашим замечанием, что берет 5 зильб. за

[38*] Главный почтамт (*нем.*).
[39*] Почтальон (*нем.*).
[40*] До востребования (*фр.*).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ө. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Новое, дополненное изданіе

Изданіе и собственность

Ө. СТЕЛЛОВСКАГО,

Въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27, въ С.-Петербургѣ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Титульный лист Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (изд. Ф. Стелловского. СПб., 1866) с дарственной надписью писателя жене
РГБ

чашку кофе, хотел нам отмстить тем, что положил вместо 5 зильб. $2^{1}/_{2}$, но мы его обманули, положив эту самую монету ему в виде награды за услуги[41*]. Потом мы пошли в другой ресторан и пили там кофе ($2^{1}/_{2}$), оттуда пошли в H⟨aupt⟩-P⟨ostamt⟩, где, разумеется, ⟪еще⟫ не рассчитывали получить письма, но пошли от нечего делать. Но там уже находились письма от Паши и мамы[17]. Я очень обрадовалась. Потом пошли мы гулять по городу, дошли до его конца, до поля и Пражской железной дороги и потом, довольно поздно, очень усталые, вернулись домой[42*].

7 ⟨мая⟩ (25 ⟨апреля⟩)

День опять великолепный, жаркий. Мы пошли в галерею (Федя сначала пошел в кафе Français почитать газеты, сказав, что он скоро придет ко мне в галерею. Я долго ходила и преимущественно осматривала эту часть, где помещены картины немецкой школы. В этой части галереи мы почти совсем не бывали. Я долго ходила, пока не пришел Федор Михайлович. Я ему показала замечательного старика. Из галереи мы пошли искать себе обед подешевле. На какой-то улице нашли надпись: «Börsen Halle und Literarisches Kabinet»[43*]. Мы пошли. Спрашиваем: «есть у вас table d'hôte?» — «Есть».— «Почем?» — «По $7^{1}/_{2}$, 10, 12 и самое высшее по 15 зильб.». Такая дешевизна нас соблазнила, и мы решили здесь пообедать. Спросили два обеда в 15 зильб. Нас сначала совсем не поняли (ужасно глупы эти немцы). Я должна была им долго растолковывать, чего мы желаем. Подали нам ⟪премерзкий⟫ суп, совсем холодный, потом макароны, ветчину, затем телячьи котлеты (эти еще были хоть кой-куда), голуби, потом пудинг, но такой ⟪дрянной⟫, что в рот нельзя было взять. Федя все спрашивал их, все ли это, и нам подали сыр с маслом, изюм и орехи. Федя пил вино Niedersteiner. Вообще обед был так дурен, что мы горько раскаивались в своем легкомыслии. (Видно судьба хочет, чтобы мы всегда обедали на террасе.)[44*] Отсюда мы пошли покупать мне пальто. Сначала обежали все лавки, смотря в окна, и потом уже решились зайти. Вошли в самый хороший магазин города. Смотрели сначала очень хорошие вещи из толстой шелковой материи. Показали нам очень блестящие вещи. Мы отобрали две, спросили цену и узнали, что за самую скромную из них берут 27 талеров. Мы так и ахнули. Я решила не покупать, но Федя настаивал и давал за хорошую 22 талера (против моей воли). Потом нам показали поскромнее, и я выбрала очень изящную, но почти совсем без украшений кофточку, из очень хорошей материи. За нее спросили 12, но отдали за 11 талеров 10 зильб. (около 14 рублей на наш курс). Мы пошли покупать шерстяную, заходили в 2—3 магазина, но оказалось все нехорошо. Затем на Alt M⟨arkt⟩ нашли то, что нам было нужно: потемнее и поскромнее. Это — кофточка из темной с точками материи, очень плотной, с прекрасными пуговицами. Спросили с нас 7, а уступили за $6^{1}/_{2}$ талеров. Потом мы купили две пары перчаток (1 талер 5 зильб. за пару). Уставши как следует, мы пошли на террасу и здесь в «Бельведере» ели мороженое, после которого у Феди похолодало в желудке, и он спросил себе кофею, чтобы согреться. Здесь мы слушали музыку очень хорошую, из разных опер. (В другой раз мы

41* *Вставлено:* Я очень смеялась моей хитрости.

42* *Вставлено:* Всю дорогу весело и оживленно разговаривали. Целый новый мир открылся перед моими умственными очами!

43* «Биржевой зал и литературный кабинет» (*нем.*).

44* *Вставлено*: а, между тем, это для нас дорого.

пообедаем внизу[45*].) Потом пошли к G. за табаком и усталые воротились домой. Мы долго сидели и разговаривали с Федей. (Он собирался ехать. Он ждал в эту ночь припадка, но его, слава богу, не было.)[46*]

26 ⟨апреля⟩ (8 ⟨мая⟩)

Утром мы ⟪пошли⟫ купили башмаки. Они стоят 3 талера 5 зильб. Немки, продававшие башмаки, ⟪ужасно⟫ удивлялись и называли мои ноги маленькими, потому что в их магазине были страх какие большие сапоги[47*]. Пошли на почту, но там нам сказали, что писем еще нет. Оттуда пошли мы через сад на Ostrallee, на котором мы еще никогда не бывали. Тут есть пруд, несколько аллеек, которые идут вверх и доходят до Zwinger'a[18].

Было ужасно жарко, мы искали себе скамейку, но здесь на них так скупы, что нам удалось посидеть на самой жаре против театра. Потом мы пошли на террасу. Дорогою мы увидели, что есть какой-то ресторан Helbig, над самой Эльбой (это тот самый, про который говорил нам Майков). Мы зашли и узнали, что обед из 4-х блюд здесь стоит 20 зильб., а из 5 — 25, вообще дешевле, чем на террасе. Мы решились здесь пообедать, но сначала пошли посидеть на террасе. Часу в пятом мы пришли в ресторан. Подали нам довольно хорошо, но не так как в «Бельведере». Но ведь и цена-то различная. Федя спросил пива. Только один десерт оказался худой, т. е. какой-то пудинг с подливкой. Пообедав, мы пошли вниз в этом же ресторане пить кофе. Этот ресторан совсем над Эльбой, довольно большой, с прекрасными стеклами и с зеркалами ⟪по окнам⟫, с видом на Эльбу. Внизу на самом берегу есть площадка, на которой пьют кофе. Сюда-то сошли и мы. Нам подали кофе, но слишком мало сахару, так что Федя должен был спросить себе еще, и с него затем взяли как за целую чашку. Мне было очень весело в этот день, я ⟪была⟫ такая счастливица, Федя был весел и шутлив. Мы сидели в двух шагах от Эльбы. Тут какой-то старичок ⟪в очках⟫ ловил рыбу, но как-то ⟪очень⟫ странно, не смотрел на воду, вероятно, думал, что рыба закричит, когда ее поймают. Я все время[48*] хохотала, а все дамы, сидевшие здесь, смотрели на меня с удивлением. Мне ⟪здесь⟫ очень нравится. Тут много немок, которые пришли сюда пить пиво и шить или вязать на свежем воздухе. Отсюда мы пошли на железную дорогу узнавать, в котором часу ходит поезд в Лейпциг. Надо было идти по старому мосту. Мы, не зная, пошли по левой стороне. К нам подошел какой-то молодой, ⟪очень красивый⟫ полицейский и превежливо заметил, чтоб мы проходили на другую сторону. Он был ⟪очень⟫ рад, что ему хоть раз в этот день удалось сделать ⟪хоть⟫ кому-нибудь какое-нибудь замечание, все вели себя так благонравно, что даже смешно смотреть — не волнуются, не шумят, так что бедному полицейскому некого и усмирять, и он в грусти ходит по мосту. Пришли в Neustadt, на другую половину города[19]. Здесь гораздо скучнее, чем на этой стороне, он ⟪гораздо⟫ пустыннее, меньше магазинов, какой-то невеселый. Мы проходили мимо Palais im Japan[49*][20], в котором, как говорят, находятся превосходные вазы японские и множество великолепного фарфора. Наконец, кое-как добрались до железной

[45*] *Вставлено*: чтобы слышать музыку.
[46*] *Вставлено*: Все эти дни я страшно счастлива.
[47*] *Вставлено*: У саксонок замечательно большие ноги..
[48*] *Вставлено:* шалила и
[49*] *Заменено:* Japanisches Palais — японский дворец (*фр.*).

дороги, узнали, что нужно, и пошли назад, но уже не той дорогой, а чрез сад японского дворца, который лежит у самой реки. Здесь особенно замечательного нет ничего, кроме каких-то куртин, но из сада ведет в сторону аллея в глухую улицу Körnerstrasse. Здесь на 2-м доме находилась надпись, что «В доме этом жил немецкий поэт Körner»[21], даже, что в этом доме у него жил его приятель Фридрих Шиллер. По этой-то узкой некрасивой улице прогуливался этот великий поэт! Мы опять пошли на старый мост и пришли на террасу. ⟪Здесь мы взяли опять[50*]. Потом⟫ мы решились хоть один раз пожертвовать 5 зильб. и сойти вниз послушать их концерт. ⟪Здесь он⟫ начинается в 5 часов. Теперь было 8, так что поспели уже не к началу, но это все равно, сидели. Надо было что-нибудь взять, чтоб что-нибудь делать, а то так скучно, да и все что-нибудь пьют или едят. Я спросила кофею, а Федя лимонаду. Но лимонад оказался сиропом, чересчур сладким. Он спросил себе мороженого, а потом кофе. Я думаю, мы обратили на себя внимание тем, что поминутно или пили или ели. Здесь все столы заняты разными дамами или офицерами, которые целыми партиями сидели около двух столов. Все они, кто поглупее, у того непременно на затылке пробор ⟨слово не расшифровано⟩ ⟪так не расчесывают⟫. Между ними был какой-то лизоблюд — юноша, который между ними очевидно лебезил, стараясь попасть в их компанию и вместе с ними раскланивался с их начальниками. Напротив нас сидела семья очень злого господина и томная барыня с двумя дочками. Мы долго ждали, пока кончился антракт и начался какой-то вальс Str⟨auss⟩, а затем какая-то кадриль, составленная из разных опер, первая фигура из «Дон-Жуана»[22]. Когда кончилось одно отделение, мы ушли, нельзя было так долго слушать эту дичь[51*]. Мы пошли по Moritzallee, если идти по которой, то мы очень недалеко живем от террасы. Я забыла. Нас обсчитал кельнер, которого мы с Федей назвали посланником, он имеет такой важный вид. ⟪Он обсчитал нас на $2^1/_2$.⟫ Вообще надо заметить, что здесь прислуга ужасно пользуется неясностью монеток, поэтому часто вместо 5 зильб. дают $2^1/_2$. Так сделал и наш «посланник»[52*]. Но Федя позвал его и указал на это. Тот в минуту понял в чем дело, отдал деньги, покраснел и поспешил удалиться, а потом с самым независимым видом проходил мимо нас, а в душе, я думаю, ужасно нас ругал[53*]. Федя отдумал ехать завтра, он поедет в среду 15 числа.

27 ⟨апреля⟩ (9 ⟨мая⟩)

⟪Утром мы проснулись в 12 часов и [в о с н е] у нас происходила ссора. Но потом мы помирились⟫. У нашей хозяйки умер маленький сынок 5 лет. Бедная M-me Z⟨immermann⟩ очень плачет, плачет и Ида и Гертруда, дочь M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩. Сегодня утром мы вышли из дому. Федя пошел в C⟨afé⟩ F⟨rançais⟩ читать газеты, а я пошла доставать адрес той библиотеки, в которой можно доставать русские книги. Я скоро получила, что мне было нужно, и вернулась домой, чтобы прочитать письмо, которое я нашла в кармане[54*] Феди[23]. (Дело, конечно, дурное, но что же делать, я не могла поступить иначе.)[55*] Прочитав письмо, я так

[50*] *Дальше слово пропущено.*
[51*] *Вставлено:* (Сегодня я страшно счастлива!).
[52*] *Вставлено:* Нас всегда возмущает это мелкое мошенничество, тем более, что мы всегда отлично даем на чай.
[53*] *Вставлено:* за то, что мы открыли его плутню.
[54*] *Заменено:* письменном столе.
[55*] *Вставлено:* Это письмо было от С⟨условой⟩.

была взволнована, что просто не знала, что делать. Мне было холодно, я дрожала и даже плакала. Я боялась, чтобы старая привязанность не возобновилась и чтобы его любовь ко мне не прошла. Господи, не посылай мне такого несчастья! Я была ужасно печальна, просто как подумаю об этом, так у меня сердцу больно сделается. Господи, только не это, это слишком будет для меня тяжело, потерять его любовь.

Я едва успела утереть слезы, как он пришел домой. Он очень удивился, увидя меня. Я сказала, что у меня живот болит (я была уверена, что и он придет домой, не знаю, почему). Потом я ему сказала, что мне нездоровится, что у меня дрожь. Он хотел, чтобы я легла в постель, очень стал беспокоиться, расспрашивал, отчего это у меня. (Он меня еще любит, он сильно всегда беспокоится, когда со мной что-нибудь делается.) Говорил, что мне не надо есть. (От нравственных мучений вздумал лечить голодом.)[56*]

Мы пошли по данному адресу отыскивать библиотеку и скоро ее нашли. Нам подали каталог. Здесь не более двух десятков книг русских, но все больше запрещенные. Мы выбрали «Полярную звезду» за 55-й и 61-й годы[24]. Оставили 2 талера в залог и спросили, что стоит. Библиотекарь ответил, что, конечно, русские книги дороже, и потому он берет $2^1/_2$ зильб. в неделю ($7^1/_2$ очень дорого!). Pachman'sche Leihbibliothek[57*] на Wildruffer Strasse. Нести с собой книги было далеко, и мы пошли домой, чтобы отнести книги. Отсюда пошли обедать и обедали опять во вчерашнем ресторане, но спросили не пива, а Landwein. Саксонское вино очень тяжелое и страшно кислое, но зато дешевое — $12^1/_2$ бутылка. Десерт опять тот же пудинг. Я была весь обед скучна. Федя допытывался, отчего это происходит, но я ему не сказала. Он очень опасается болезни и рад, что не уехал сегодня. Сегодня должна быть гроза ⟨слово не расшифровано⟩ ⟪она уж разыгралась. Мы пошли⟫ на террасу, здесь в Café Reale мы спросили — я — кофею, а Федя — мороженого, а потом кофе. Здесь к нам подошел мальчик продать цветы «la violette»[58*] за зильбергрош за крошечный букетик. Я, больше для того, чтобы дать ему что-нибудь, чем чтобы купить букет, дала ему 2 зильб. Федя говорит, что цветы удивительно хорошо пахнут, но у меня такой сильнейший насморк, что я ничего не слышу. Не успели мы дойти до конца аллеи, как пошел дождь. Я побежала поскорее домой, и мы решились более не выходить со двора. Когда мы сидели за чаем, нам принесли письмо, и я испугалась, думала, из полиции, (которая, надо сказать, очень странная здесь. Берут наш паспорт и оставляют у себя, а дают вместо того какой-то другой билет из саксонской полиции). Но, оказалось, что это письмо Lieutenant D⟨ostoewsky⟩[25] прислал нам какой-то торговец косметическими товарами, желая сделать нас своими покупателями. Потом мне сделалось ужасно грустно. (Вообще весь этот день я была ужасно несчастной). Я пошла и стала смотреть в окно. Федя два раза призывал меня, потом пришел сам ко мне[59*]. ⟪Потом, когда⟫ я простилась и легла, он ⟪также⟫ приходил проститься, а потом пришел со свечой посмотреть, не плачу ли я. Его, очевидно, беспокоит, что со мной делается. ⟪Мне⟫ кажется, ⟪что⟫ он подозревает, что я знаю про письмо, потому что он спрашивал

[56*] не надо... голодом *заменено*: не надо многого есть. (От нравственных мучений вздумал лечить диетой.)
[57*] Публичная библиотека Пахмана (*нем.*).
[58*] фиалка (*фр.*).
[59*] *Вставлено:* и сказал мне ласковые слова.

меня, не ревную ли я его. Я ответила, что ревную к англичанке, которую мы видели на террасе. Сегодня ночью ужасная гроза, сильнейший гром так и гремит, и дождь огромными каплями падает 《на нашей улице. Качал деревьями》.

28 ⟨апреля⟩ (10 ⟨мая⟩)

Сегодня я встала утром, чтобы идти в русскую церковь. Я хотела подать часть за папу[60*]. Гертруда, дочь хозяйки, вызвалась меня проводить. Мы пошли Dohna-Schlag[26] и пришли в улицу к какому-то дому. «Вот здесь церковь»,— сказала мне Гертруда. Я просила указать. Она привела меня к дверям, на которых была надпись: «Russischer Geistlicher[61*] Janowsky». Я позвонила. Мне отворил человек, и я спросила у вышедшего господина, где русская церковь. Он указал мне на какую-то дверь, сказал, что там, и спросил, что мне надо. Я просила позволения говорить по-русски и выразила свое желание. Он отвечал, что церковь бывает отперта по воскресеньям и по праздникам[27], и тогда бывает обедня в 11 часов. Я сказала, что приду в воскресенье, и ушла. Бедная M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩, она очень грустит. Ее ребенок отнесен в Todtenhaus[62*] еще вчера вечером, потому что, по их законам, покойника нельзя держать у себя дома, а нужно относить на кладбище.

В два часа вышли из дому, не зная, куда идти. Решили идти в галерею. Долго мы ходили, останавливались только пред нашими любимыми картинами. Потом пошли на почту. Но писем еще нет. Отсюда идем на террасу обедать, в «Бельведер», потому что Феде наскучило уже обедать в Helbig и не есть мороженого. Подавали нам очень долго, видимо, нас здесь не уважают. Возле нас сидела немка, немец и их ребенок. Родители ели, а бедный ребенок должен был только на них смотреть и, я думаю, страшно голодал. Пообедав, мы вышли и сели у входа в ресторан, над рекой. Мимо нас проходил весь народ, [возвращаясь с ?] террасы, старые старенькие старички с сумрачными лицами, которые приходят послушать даром музыку. Шел какой-то пароход, который двигался очень медленно. (Надо заметить, что все здешние пароходы старинного устройства и имеют ту особенность, что они то подойдут к берегу, то снова отойдут. Нам случалось видеть это не один раз)[63*]. Нам наскучило сидеть на террасе и мы пошли в Grand Jardin. Это в нашей стороне. Мы пошли по Dohna-Schlag, потом повернули налево, затем направо, и вошли в какую-то рощу. При входе находится ресторан. Здесь было много публики, все больше старики, старухи и множество детей. (Вообще, надо сказать, что детей в Дрездене страшно много,— только и попадаются что дети бегом, дети в колясочках, дети на руках.) Мы вошли. Надо было что-нибудь спросить. Я спросила кофею. Подали очень дурной, кажется ячменный. Федя спросил пива. Тут возился какой-то мальчик в песке, который очень бесцеремонно веселился и оборачивался к публике. Нам он очень понравился. У Феди была конфетка и он захотел ее подарить мальчику. Сначала звал его Францем, Фридрихом, но мальчик не подходил. Потом Федя сам подошел к мальчику, предлагая конфетку. Но тот ужасно как смутился. Затем к девочке, которая также законфузилась и отказалась взять конфетку. Этот мальчуган, поиграв немного, побежал

[60*] *Вставлено:* (сегодня его умерший день).
[61*] Русский священник (*нем.*).
[62*] Морг (*нем.*).
[63*] *Вставлено:* может быть, Эльба мелка в этом месте или песок наносится, не знаю.

в дом и вызвал какую-то старушку, вероятно, его бабушку, стал указывать на нас и говорил ей, что этот господин подходил к нему и давал ему Papier[64*]. Бабушка смеялась, кланялась нам и, наконец, увела мальчика в дом. Мы спросили, где Zoologischer Garten[65*]. Нам показали. К нему ведет большая дорога, по которой находится надпись «für Reitung»[66*], потом большая дорога для экипажей и, наконец, дорога для пешеходов. Какой странный порядок, даже досадно,— отчего не позволить идти где каждому угодно; непременно нужно назначить границы, где ходить и где ездить. По дороге к саду мы наткнулись на какой-то ресторан, где играла [духовая?] музыка, целый оркестр медных инструментов. Публики было ужасно много. Дамы меня оглядывали. Нам неловко было не взять билетов. Федя пошел и взял программу. Взяли с нас 5 зильб., а оказалось, что играют уже 10 №, а всего-то № — 12, так что нам пришлось очень мало послушать. Прислуга поминутно подходила к нашему столу и, я думаю, ужасно удивлялась тому, что мы ничего не спрашиваем. Мы посидели немного и, не дослушав Vorschatz польки, пошли домой. Нам навстречу попадалось еще много гуляющих, которые шли в Grand Jardin. Дорогой у меня разболелась нога, и я раньше Феди ушла домой.

29 апреля (11 мая)

Федя проснулся не в духе. Сейчас же поругался со мной, я просила его не так кричать. Тогда он так рассердился, что назвал меня [проклятой гадиной][67*]. Это меня ужасно рассмешило, но я показала вид, что разобиделась, и ни слова не говорила с ним. Это его, видимо, раздосадовало. Потом я оделась и, сказав ему, что пойду к Zeibig'у[68*] [28], ушла. По дороге я зашла в магазин ⟪один⟫ антикварских вещей. Здесь много саксонского фарфору «alte Sachs», который ⟪здесь⟫ довольно дешев, например, различные чашки по 2 или 3 талера, тарелки с изображениями, взятыми от Watteau, очень хорошего фарфора и прекрасной живописи, по 2 талера. Он мне обещал уступить три тарелки за 5 талеров. Это еще дешевле. Потом великолепная чашка 8 талеров, блюдо для фруктов 8 талеров. Мы разговорились с старым немцем, он выразил свое изумление, что я так быстро и хорошо говорю по-немецки и сказал, что сначала меня признал за англичанку. Он, кажется, очень добрый старичок. Говорит, что если купить эти вещи на заводе в Мейссене, то заплатим вдвое, а вещи будут из нового фарфора, между тем как старый саксонский фарфор ценится гораздо дороже. Я обещала зайти. Он проводил меня ⟨слово не расшифровано⟩, сказав, что редко кто из иностранцев говорит так правильно по-немецки, как я. ⟪Потом⟫ пошла я к Z⟨eibig⟩. Это совершенно в конце города. Я ужасно долго и много шла, am See, проходила мимо какого-то грязного ручейка, мимо Annenkirche, по дороге выпила Himbehren Wasser и, наконец, кое-как, беспрестанно спрашивая, дошла до Ammonstrasse. Это очень длинная, широкая и безлюдная улица. Было страшно жарко, даже душно. Я нашла квартиру Z⟨eibig⟩, позвонила и от служанки узнала, что его дома нет и что он бывает дома только после 5 часов. Я сказала, от кого я, и что, может быть, опять приду, и ушла. На этот раз дорога показалась мне поближе.

64* Бумагу (*нем.*).
65* Зоологический сад (*нем.*).
66* Для верховой езды (*нем.*).
67* *Эти два слова вычеркнуты в стенографическом оригинале.*
68* Zeibig, здешний профессор и стенограф, к которому я имела рекомендательное письмо от П. М. Ольхина. (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

Я прошла на почту и спросила писем. Я думаю, мы ужасно надоели этому сержанту, который выдает письма. Мы каждый день заходим и спрашиваем: «Нет ли письма, нет ли письма?» Писем не было, и я пошла домой. Купила по дороге ленточку для Феди ($3^1/_2$ зильб.). 《Пришла домой.》 Федя еще сидел, страшно насупившись, я ничего с ним не говорила. Но 《потом》, когда он стал одеваться, я решилась прекратить ссору и спросила, хочет ли он весь день не говорить со мной? Я оказалась опять во всем виноватой, но это ничего, лишь бы не ссориться.

Вышли из дому и не знали, где бы нам пообедать. Федя вздумал идти обедать в Grand Jardin, спросил у извозчика, есть ли там ресторан. Тот отвечал, что ресторан великолепный. Мы пошли. Это довольно далеко от нас, но мы здесь совсем не ездим в каретах, все пешком. Кое-как добрались до сада. Музыки на этот раз не было, по случаю смерти лейтенанта Каменского[29]. Публики было много. Нам предложили обедать по карте и отвели в какой-то зал, но обедать там нам не хотелось, потому что все немцы прелюбопытный народ и стали бы смотреть, что такое нам носят есть. Мы пошли в другую залу, возле буфета. В дверях сидели какие-то 4 старухи, одна из них очень дряхлая, с собачонкой, и, вероятно, очень богатая, потому что три остальные очень за нею ухаживали, носили за нею подушки и ее пальто, и усаживали ее на [кресла?]. Они сидели прямо при проходе, между залою и садом. Мы прошли через буфет и велели подать нам обед. Зало довольно большое, с оркестром и большими зеркалами, составленными из кусочков. Нам подавали обед очень тихо, вероятно, желали дать нашим желудкам отдых. Феде пришлось даже два раза пойти к ним — сказать, чтобы они так не медлили. Для десерта у них не оказалось мороженого, и нам подали какой-то пудинг. Мы отказались. Нам принесли еще суше пирожки. Они хотели послать в ближайшую кондитерскую за мороженым, но мы решили пойти туда сами и просили его только показать нам дорогу. Он нас повел, долго толковал, но показал опять-таки, по немецкому обыкновению, не туда. Федя всю дорогу ругал немцев за их непонятливость, и когда встретился нам саксонский гусар, Федя был так разгневан, что бросился ругать саксонского короля, зачем он содержит 40 тысяч гвардии. Я отвечала, что если деньги есть, то отчего же и не содержать. (Впрочем, мне было положительно все равно, содержит ли он гвардию, или ее вовсе не существует. Я отвечала только, чтобы что-нибудь сказать.) Федя ужасно рассердился, но на этот раз и на меня, и объявил мне, что если я глупа, то пусть держу язык за зубами. Вот как мне иногда достается за немцев. Сперва нашли какую-то распивочную, где немцы пили пиво. Нам сказали, что кондитерская будет дальше. Кое-как нашли ее. Спросили мороженого, нам отвечали: «сейчас». Мы сели при входе. Я просила Федю сорвать мне цветок каштанового дерева. Я в первый раз в жизни видела цветы каштана. Это довольно длинный, красивый цветок с хорошим запахом. Здесь, 《вероятно》, не позволено рвать цветы, и Федя рисковал быть схваченным, как нарушитель общественного спокойствия. Подали мороженое. Оно было несравненно хуже, чем в «Бельведере», и почти совсем растаяло. Пошли. Федя бранился: зачем аллеи прямы, зачем тут пруд, зачем то, зачем другое — просто так мне надоело, и я решительно желала, чтоб поскорей кончился этот скверный день. В Gr〈and〉 J〈ardin〉 находится Sommer Theater[69*]. В Gr〈and〉 J〈ardin〉 есть также тир для стрельбы из ружья. Какой-то немец стоял у прилавка

[69*] Летний театр (*нем.*).

и яростно стрелял. Действительно, это был очень хороший стрелок: почти каждый раз он попадал в кружочек и заставлял железного турку подниматься из-под полу. Мы тоже подошли. Федя хотел попробовать, но я, совершенно не зная, что он когда-нибудь стрелял, сказала ему с ⟪насмешкой⟫: «Не попадешь»[70*]. Это подзадорило его, и он взял ружье. В первый же раз он попал, и какой-то гусар показался из-под полу. Он попадал почти через раз и потом с торжеством обратился ко мне: «Что?» И прибавил, что это опять подтверждает его давнишнюю мысль, что жена есть естественный враг своего мужа. Я спорила с ним, но он не хотел согласиться и утверждал прежнее.

Мы пошли не прямо домой, а на террасу, где я пила кофе, а Федя ел мороженое и пил кофе. Посидев немного, мы подошли к решетке и стали смотреть закат солнца. Тут мы из-за заката и поссорились. Федя опять меня выругал, и мы очень злоб[ные] пошли домой. На дороге мне сделалось так тяжело, что я не имела силы удержаться, заплакала и сказала Феде, что я эти дни несчастлива. (Это правда, я вследствие известного обстоятельства очень сильно расстроена нервами.) Мы дошли до конца Moritz Al⟨lee⟩, Федя пошел за папиросами, а я чуть не бегом побежала домой. Не успела я войти в комнату и раздеться, как пришел Федя. (Как оказывается, он тоже ужасно спешил домой, не зная, что и подумать о том, что ⟪это⟫ такое со мной происходит.) Я немного поплакала, но потом мне стало лучше. Федя говорил, что, верно, мне скучно, что мы живем очень уединенно, что непременно, чтобы я приняла касторку, уверял, что все это пройдет, говорил, что, верно, нам непременно надо уехать, что я, вероятно, раскаиваюсь, что вышла за него и прочие и прочие глупости. И при этом рассказал мне сказку о двух стариках, которые, не имея детей, печалились и горевали, что будет, если их внуки помрут. Я утешилась и решила плакать тогда, когда действительно будет о чем плакать, а все свои пустые сомнения бросить. Потом мы напились чаю, я пошла смотреть в окно (в другой комнате). Федя пришел ко мне на меня поглядеть[71*]. Он сказал мне, что он не будет меня будить для прощания ночью, потому что эти все три дня я после долго не могла заснуть, а вчера так сидела до 5 часов, но я упросила, чтоб он этого не делал[72*].

30 а⟨преля⟩ (12[73]⟨мая⟩)*

Сегодня я встала довольно рано и, когда Федя проснулся, спросила его, можно ли мне идти в церковь. Он согласился, я поскорее оделась и ушла. Церковь довольно далеко от нас, в Beuststrasse. Я уже пришла в конце обедни, когда пели «Отче наш». Церковь довольно большая для домашней. Образ богоматери на правой стороне иконостаса взят с Мадонны Рафаэля (что Федя очень не одобряет). Пели они каким-то чрезвычайно странным и неслыханным мною напевом, как поют романсы. Священник — тот самый, которого я тогда видела (Юшновский). В церкви было много русских разодетых барынь. По окончании обедни все

[70*] *Вставлено:* Этим замечанием я вовсе не хотела его обидеть, а сказала спроста.

[71*] *Вставлено:* Мы дружно разговаривали, и у меня стало опять легко на сердце.

[72*] *Вставлено:* Надо сказать, что я довольно рано ложусь, Федя же сидит до двух часов и позже. Уходя спать, он будит меня, чтоб «проститься». Начинаются долгие речи, нежные слова, смех, поцелуи, и эти полчаса — час составляют самое задушевное и счастливое время нашего дня. Я рассказываю ему сны, он делится со мною своими впечатлениями за весь день, и мы страшно счастливы.

[73*] *В стенографической записи ошибочно: 11.*

стали подходить ко кресту. У стены стояла богато одетая дама, которая очень важно и самоуверенно раскланивалась и ушла в дверь, ведущую в комнаты священника. Вероятно, это его супруга: попадья — везде попадья! Знакомые встречались друг с другом. Они говорили по-русски «здравствуйте» и потом начинали говорить по-французски; должно быть, говорить по-русски здесь не принято. Русские здесь все в высшей степени некрасивые, с какими-то вздернутыми носами и с веснушками на лице. Я пришла домой в 12 часов. Федя еще пил чай. 《Потом》 мы сели читать, а в 4 часа пошли к Pachmansch'e Leihbibliothek; на дверях была надпись, что по воскресеньям она бывает открыта только до часу. На наш стук нам отворила хозяйка библиотеки; мы взяли опять три № «Полярной звезды» и 《Фейербаха》, отдали в залог 2 талера. Надо было отнести книги домой. По дороге мы зашли к Курмузи и купили у него фиников (14 зильб. Pfund), желе красносмородинного и кофе (15 зильб.). Все это мы отнесли домой и пошли на террасу обедать. Нас встретил «дипломат» (все слуги нам кланяются, как старым знакомым). Обед был хорош, но в наказание Феде дипломат нам объявил, что мороженого 《нам》 не будет, потому что оно все вышло. 《Потом мы》 вышли на балкон — Федя, чтобы пить кофе и читать «Independance Belge». 《Потом》 Федя непременно захотел идти вниз, 《чтобы》 слушать музыку. 《Мы》 сошли, заплатили 5 зильб., только что сели, как Федя стал говорить, что лучше нам уйти, что все так дурно играют. Я насилу убедила прослушать Schubert'a «Ständchen». Эта вещица мне очень понравилась. Мы посидели еще с 10 минут, пошли по террасе, а потом домой. Вечером Федя принимал касторку[74*], и говорил мне, что я очень хорошенькая, что он мною сегодня любовался. Все эти слова для меня так дороги, что я с большим удовольствием записываю их.

1 мая (13)

Сегодня я встала в 9 часов и, вспомнив, что у нас мыла нет, пошла купить его. Заплатила за какое-то кокосовое 《мыло》 $2^1/_2$ зильб. Пришла прачка, 《она》 принесла белье и просила получить деньги; за всю стирку взяла 14 зильб. Очень дешево. 《Это》 обходилось за дневную рубашку $2^1/_4$ зильб. (7 к.). Пока я собирала белье, она, не желая терять времени, ушла, и я должна была отправить к ней белье с Dienstmann'ом[75*]. 《Вчера мы》 ходили по городу и встретили ужасное множество различных калек: то горбатых, то с вывернутыми ногами, то кривоногих; вообще Дрезден — город всевозможных калек. Это самое некрасивое население, которое только я вижу, все старики и старухи просто отвратительны, смотреть не хочется, так они безобразны. Сегодня Федя скучный; это оттого, что здесь ему очень надоело. Он говорит, что мы начинаем 《перек[и]с[а]ть, даже наши с ним [руки?] начинают》 [полнеть?], например, даже его обручальное кольцо, которое так ловко входило ему на безымянный палец на правой руке, еще третьего дня перестало входить, а сегодня, через два дня, не входит и на левую руку. Это его очень печалит, но я радуюсь. Так он предполагает послезавтра ехать[30], то нам нужно было отдать в починку наш саквояж, у которого опять сломался замок. 《Мы пошли.》 Неподалеку от нас живет Klempner, но он объявил, что это не его дело и отослал нас к Schlosser[76*]. По счастью, он жил на

[74*] *Заменено:* был чрезвычайно ласков и
[75*] Слугой (*нем.*).
[76*] Жестянщик, слесарь (*нем.*).

этом же дворе и обещал нам окончить работу к завтра. Освободившись от мешка, мы пошли, сами не зная куда. Вышли на Большую улицу и Федя купил для путешествия мыла и помады (4 зильб.). Потом зашли еще в магазин галстухов, и Федя купил себе небольшой галстух. Здесь они довольно дороги, не дешевле петербургского, но в незначительном разнообразии. Отсюда мы пошли на почту, 《где》, я воображаю, мы до страсти надоели этому бравому служителю. Он нас каждый раз (услышав нашу фамилию), спрашивает Д или Г[77*], и объявляет, что писем к нам нет. Такая досада. Куда идти, право, не знаем, решились идти на станцию железной дороги, чтобы узнать, в котором часу идет поезд в M⟨eissen⟩. Дорога довольно длинная, день жаркий, я ужасно хотела есть. Наконец, пришли, но узнать положительно ничего не могли, такая путаница, что ужас. Но все-таки узнали, что самый скорый поезд идет в $^3/_4$ 3-го. На станции есть ресторан. Федя предложил отобедать здесь. Я согласилась. Здесь весь обед можно получить, как и на «Бельведере», за талер, но мы взяли по порциям, что обошлось вместе с N⟨ieder⟩st⟨einer⟩, (который здесь 25 зильб.) 2 талера 5 зильб. Но потом наш кельнер, вероятно, обиженный тем, что мы обраковали его десерт, вздумал нас обмануть. Сначала он сказал нам, что за червонец дают 5 талеров 10 зильб., но когда мы объявили ему, чтобы он дал нам 15 зильб., то он обманул нас еще лучше: он дал 4 монеты, на вид совершенно одинаковые, три гульдена и один 10 зильб., который очень схож с гульденами. Этот обман мы узнали только вечером, когда пришли в магазин Курмузи покупать свечи и апельсины. Следовательно, он обманул нас на 30 коп.[78*] (Я забыла сказать, что когда мы шли на железную дорогу по старому мосту, нас нагнал извозчик, везший какую-то большую машину, которая обливала улицу. Я едва успела отбежать в промежуток моста, как весь тротуар был залит водой, и женщина, которая не побереглась, вымочила себе все платье. Я посмеялась над этим, но только что мы дошли до конца моста, как навстречу к нам появилась 《опять》 такая же машина, опять чуть меня не облила. 《Так что》 я в душе ужасно выбранила немецкое устройство.) 《На этот раз мы мост прошли благополучно, не заставили полицейского покричать на нас.》 Когда мы шли от железной дороги, нам навстречу стали попадаться густые толпы народа. Все стояли и, очевидно, чего-то ожидали. Я спросила какую-то женщину, что это значит. Она 《мне》 отвечала, что сейчас здесь провезут какого-то австрийского генерала на кладбище. Когда я сказала об этом Феде, он ужасно стал бранить немцев за их любопытство и уверять меня, что русский народ не так глуп, чтобы бежать смотреть на похороны какого-нибудь генерала. Я отвечала, что народ везде любопытен, и отчего в городе, где мало развлечений, народу и не бежать поглазеть на церемониальное шествие. Мы прошли через японский сад и《через》 Кернерову улицу и вышли на площадь, где стояла чья-то статуя. 《Как назло именно》 в это время показалась процессия: впереди ехали различные полки, играя похоронные марши. 《Так, по крайней мере, я думаю》[79*]. Пропустив процессию, пошли мы в нашу сторону. Идти домой было еще рано, зашли за папиросами и отправились на террасу. В концерт идти не хотелось, мы уселись наверху и спросили кофею. Перед этим мы только

[77*] *Вставлено:* (т. е. с какой буквы она начинается).

[78*] *Вставлено:* Конечно, это пустяки, тем не менее досадно, когда на вас смотрят, как на дурачков, которых легко можно обмануть.

[79*] *Дальше зачеркнуты 9 строк.*

что поссорились, из-за русских. Он назвал меня глупой, что меня ужасно рассмешило. (Вообще я на него сердиться не могу; иногда хочется сделать серьезную и сердитую физиономию, но лишь взгляну на него, и всякая досада кончается.) Кельнер принес нам и булки, очень вкусные, и когда пришел получить деньги, то спросил 8 зильб. Федя дал ему 10 зильб., он подал сдачи $1\frac{1}{2}$ Pf., значит прямо от нас унес $\frac{1}{2}$ зильб. Я, чтобы привести его в сознание, спросила его: что это 5 Pfennig'ов, то есть $\frac{1}{2}$ зильб. При моих словах он ⟪приятно осклабился⟫, взял эти 5 Pfennig'ов и ушел. Следовательно, я же и осталась в дурах. Хоть мы были с Федей в ссоре (но что это были за ссоры!), но ни он, ни я не могли не засмеяться. Я так просто-напросто покатилась со смеху. ⟨Фраза не расшифрована.⟩ Кельнер, видя, что я смеюсь, ужасно сам расхохотался. Федя уверяет меня, что это он смеялся надо мною же, над тем, как он ловко меня надул. Эдакие эти кельнеры мошенники, как раз обманут[80*]. Посидев здесь немного, мы пошли гулять по Бельведеру. Здесь оказался большой куст прекрасных розовых розанов, вполне распустившихся. Они были так хороши, что Федя все соблазнялся украсть их. ⟪Я ему говорила, чтобы он пришел сюда вечером, тогда нарвал бы себе.⟫ Мы пошли по Moritzal⟨lee⟩ и зашли в магазин Курмузи. Тут-то и открылось мошенничество нашего кельнера. Федя начал по обыкновению ругать немцев и немецкую монету. Приказчик, разумеется, из вежливости соглашался.

Пришли домой. Еще было довольно рано, 7 часов. Сели читать. Я с большим удовольствием прочла очерк «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова»[31]. И скажу: какая женщина, какое сильное и богатое существование! Потом мы разговаривали с Федей об его отъезде. ⟪У меня, лишь только я⟫ подумаю, что вот он уедет, и я останусь здесь одна, так меня просто мороз по коже дерет. Что я тогда буду делать, я себе и представить не могу — как мне будет скучно и грустно, буду сидеть одна в этих трех скучных комнатах без него, без которого я, ⟪право⟫, не могу, ⟪кажется⟫, жить на свете. Я его убеждала не тосковать обо мне, что я не заболею, ничего со мной не сделается, что все пройдет благополучно. Он просил меня писать к нему каждый день. Я с большим удовольствием это сделаю,— это будет мне хоть некоторым утешением. Потом он ⟪мне⟫ говорил, что, видно, для меня разлука с ним очень легка, что, видно, я его не люблю[81*]. Если я рада, что он едет, то это вовсе не для выигрыша (в который, по правде сказать, я мало верю), но я вижу, что он здесь начинает прок[и]с[а]ть, становится раздражительным. Это понятно: все один да один, ни лица знакомого, ни человека, с которым бы он мог перемолвить слово. Хорошо еще, что мы можем хоть что-нибудь доставать читать, а то мы бы погибли от скуки. Ехать туда — его желание, его мысль, отчего же не удовлетворить его, иначе это будет все вертеться в голове и не давать покоя. Меня будет утешать то, что он несколько развлечется и вернется ко мне прежним любящим человеком, хотя я и теперь не могу пожаловаться на его нелюбовь. Вечерами мы читаем и по часам не говорим. Иногда он на меня взглянет или я на него, и всегда с хорошей улыбкой, всегда с радостью[82*]. Мы долго говорили в этот вечер. Он сказал, что если ему случится там выиграть, то он приедет за мною, и мы будем там жить. Это было бы

80* *Вставлено:* Меня очень забавляет ловить в проделках тех людей, которые стараются нас обмануть.

81* *Вставлено:* Но он не прав.

82* *Вставлено:* Я очень счастлива.

хорошо. Впрочем, не знаю, может быть, это и неправда, может быть, лучше бы было вовсе туда не ехать. Потом ⟪вечером⟫ я села писать и писала с $^3/_4$ часа. Было ⟪уже⟫ 12 часов, когда Федя сказал, что мне уже пора ложиться; начались вновь страстные прощания, и я пошла спать. ⟪Но⟫, как на зло, вот уже 3 ночи я очень плохо сплю: сначала очень долго не могу заснуть, а когда Федя придет прощаться и разбудит меня, то это меня разгуляет, и я не сплю еще часа 2 или 3. ⟪Так что⟫ Федя уж хотел завести обычай не прощаться со мною ночью, но я упросила его этого не делать. (Сегодня вечером Федя ⟪опять⟫ принял касторку, ⟪потому что вчерашняя на него не подействовала⟫. Любопытно видеть, как Федя принимает это противное лекарство. Тут играю роль и я. Все приносится на стол: касторка, свежая вода, две ложки, апельсин и желе. Я беру ложку, наливаю воду и стараюсь, ⟪чтобы⟫ ее не расплескать. Федя наливает касторку, берет у меня ложку, выпивает и, почти бросив мне в руки ложку, делает отчаянный жест, вскрикивает, схватывает апельсин, полотенце и начинает с жадностью есть желе. Потом объявляет мне, что я себе представить не могу, какая это гадость, и что хуже этого не может быть никакого лекарства.) Я долго ворочалась, не могла заснуть: то скрипела кровать, то кошка возилась и мяукала в соседней комнате, но с приходом Феди я немного стала засыпать. Потом разговорилась с ним и ⟪потом⟫ уже долго, долго не могла заснуть, вертелась, скрипела кроватью, так что мой снисходительный Федя, наконец, мне заметил, что я ему спать не даю. Я, разумеется, показала вид, что ничего не слышу и крепко-накрепко сплю.

2 М⟨ai⟩ (14 М⟨ai⟩)

Встала я сегодня часов в 9 и вспомнила, что надо сегодня написать маме письмо, во 1-х, потому что я хочу писать к ней каждую неделю, а во 2-х, надо было поторопить их с присылкою денег. В это письмо я вложила записку и к Маше[83*], потому что до сих пор еще не написала к ней порядочного письма. Когда письмо было готово, Федя уже проснулся. Я ему сказала, что мигом сбегаю на почту, и ушла. Действительно, я пришла очень быстро, из чего он заключил, что «он держит меня в строгости, что я у него «шелковая», ⟪«потому-то и летает так скоро»⟫. После чаю Федя объявил, что лекарство не подействовало, и что придется принять еще раз[84*] и пошел за ним в аптеку. Во мне, как во всякой ревнивой женщине, пробудилась страшная ревность. Я сейчас рассудила, что он, вероятно, пойдет к моей сопернице. Я тотчас же села на окно, рискуя выпасть из окна и навела бинокль в ту сторону, из которой он пошел и из которой он должен был воротиться. Уже сердце мое испытывало все муки несчастной покинутой женщины, глаза мои поневоле стали наполняться слезами от слишком пристального взгляда, но Федя не показывался. Вдруг я нечаянно взглянула в другую сторону и вижу, что мой[85*] Федя смиренно идет домой. Я встретила его и тотчас же рассказала ему все мои похождения. (Любопытно, если бы я была ревнивая женщина, к кому могла бы я его теперь здесь ревновать — разве только к немецкой харе[86*] Иде или к самой М⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩? ⟪Так как он опять принял слабительное, то долго ждал его действия. Когда действие

83* Мария Григорьевна Сватковская, моя сестра. (*Примеч. А. Г. Достоевской*).
84* Что... еще раз *заменено*: что ему надо заказать лекарство
85* *Вставлено:* дорогой
86* *Заменено:* старой.

было сделано⟫, он до того ослабел, что лег полежать и глубоко заснул, сказав перед сном, чтобы я его разбудила через час. Мне пришла в голову нелепая мысль, что он, может быть, умер. Я[87*] пошла посмотреть и увидела, что он живехонек. В $^{3}/_{4}$ 5-го я его разбудила. Он оделся, и мы пошли обедать на террасу в довольно большой дождь. Но здесь с нами случилась история, которая заставила нас больше не являться обедать сюда. Когда мы вошли, то 4 слуги в соседней комнате играли в карты, и в комнате, в которой уже было без нас двое гостей, прислуживал один «дипломат». Вошел какой-то саксонский офицер. «Дипломат» сейчас же бросился к нему. Федя постучал, «дипломат» не двигался. Федя еще раз постучал. Он, очень невнимательно выслушав, извинился и ушел опять к офицеру. Мы стали обедать не diner, a à la carte[88*]. Мы спросили супу. Он, едва выслушав, пошел за супом, и потом, когда мы уж давно окончили, все ходил, носил кушанья офицеру. Федя опять постучал, тогда кельнер, видимо, обиженный, сказал довольно резко, что он здесь, что он слышит и, ⟪поэтому⟫, что стучать не для чего. Потом принес вина. Федя заказал еще телячьих котлет и ⟨слово не расшифровано⟩. Немного погодя, приходит кельнер и приносит одну порцию ⟨слово не расшифровано⟩. Мы спросили его, что это значит. Он отвечал, что мы требовали только ⟨слово не расшифровано⟩. Федя объяснил ему, в чем дело, и тот, сказав, что сейчас будет готово, ушел. Федя был в ужасном гневе. Он говорил, что следует сейчас же уйти, чтобы не давать потачки лакеям. Я отстаивала их, потому что очень хотела есть. Федя уверял, что жалеет, что он не один и пр. и пр. Явился ⟪опять⟫ кельнер и принес нам одну порцию Kalbskotlet[89*]. Это уж окончательно взорвало Федю. Он рассердился и потребовал счет, тот отвечал, что всего 29 зильб. Федя дал талер и не взял со стола сдачу. Мы вышли очень рассерженные из отеля. Собственно я не была так раздражена, как Федя. Мне было просто смешно, что нам не случилось обедать. Я просила Федю успокоиться, он не хотел и начал браниться, ⟪даже плюнул⟫. Мы пошли обедать над водой, но я сказала Феде, что если он будет так сердито смотреть, то я лучше уйду домой. Тогда он просто закричал на меня (он уверяет, что просто вскрикнул от боли). Меня это раздосадовало, и я ушла домой. ⟪На дороге купила себе за 2 зильб. пирожное.⟫ Но потом вспомнила, что дома будет скучно, а лучше мне сходить на почту узнать, нет ли нового. Я и отправилась, но писем не было. Купила папирос и пришла домой. Ида мне сказала, что Федя только что был, походил, походил по комнате и куда-то опять ушел. Меня ужасно это встревожило, я не знала, что и подумать, куда он пошел. Но, поглядев в окно, я увидела, что он идет домой. Я была очень рада и встретила его, как ни в чем не бывало. Он был очень бледен, расстроен, видно было, что это его огорчило. Он говорит, что тотчас же побежал за мной. Приходит ⟪за мной⟫, и меня нет. Он пошел опять на террасу, думая, не пошла ли я, для доказательства своей независимости, куда-нибудь на террасу обедать. ⟪Мы немножко поссорились⟫, потом он пришел меня звать обедать. Мы оделись и пошли уже в сильный дождь. Куда было идти,— я думаю, в 8 часов вечера нигде нельзя было найти обед. По дороге у нас лежал «Hotel Victoria». Мы зашли. Там очень хорошо убрано, много газет и журналов на столе. Мы спросили карту и выбрали себе 3 кушанья. Но эта малость обошлась

87* *Вставлено:* со страхом.
88* Полный обед, а по выбору из меню (*фр.*).
89* Телячьих котлет (*нем.*).

нам 2 талера 10 зильб. Положим, что все было приготовлено хорошо, но и цена тоже тут страшная, за котлету — 12 зильб. Ну где это видано? Оттуда мы пошли есть мороженое. Надо отдать справедливость, нигде нет такого прекрасного красненького мороженого, как здесь, и цена не слишком дорогая.

Пообедав в 9 час. вечера, мы пошли домой, но этот день был днем ссор: я открыла зонтик и, не умея держать его так, как держат его предусмотрительные немки, ушибла какого-то честного немца. Федя раскричался на меня за это так, что у меня с досады сделалась лихорадка. Надо было достать наш саквояж от кузнеца, но его мастерская была уже заперта, и мы не достучались. Пили дома чай, и за чаем побранились снова[90*]. Я подошла очень миролюбиво, чтобы поговорить с Федей насчет завтрашнего отъезда, а он, не поняв, почти закричал на меня. Я, разумеется, не могла этого вынести и тоже, в свою очередь, закричала на него и ушла в спальню. Потом было раскаяние, потом были жалобы на свое несчастье, на несходство и на многое множество различных ⟪сплетен⟫.

Как это глупо копаться в своем сердце и носиться с своим несчастьем, которого на самом деле и нет. Я была рада, когда кончился этот подлый день, потому что ссориться мне уж стало надоедать. Федя меня не разбудил ночью прощаться. Это дурной знак, но, впрочем, вероятно, к добру, иначе мы опять бы поссорились. Федя не завтра поедет, а послезавтра.

M⟨ai⟩ 15(3)

Я встала в 9 часов. Идет дождь очень сильный, небо пасмурное, значит дождь будет на весь день. Сегодня часу в 6-м у нас ужасно Ида стучала в дверь. Мы сначала не поняли, но потом догадались, что третьего дня приказали ей нас разбудить рано утром. Федя отвечал, что мы проснулись, и она ушла. Потом я опять заснула. Федя сегодня проснулся с флюсом, у него ужасно распухло ⟪под носом и⟫ левая щека, так что это сильно изменило его физиономию. Я разбудила его упреком в том, что он меня вчера ⟪вечером⟫ не разбудил, когда ложился спать. Он очень удивлялся, и говорит, что не только разбудил, но что я даже с ним говорила, ⟪что он меня много целовал, даже в плечико⟫, и что я очень разумно отвечала на все его разговоры. Ей богу, я положительно не помню, чтобы я в эту ночь просыпалась. Но все-таки это очень хорошо, что я даже и во сне не перестаю быть любезной со своим прелестным мужем.

Так как выйти Феде сегодня решительно нельзя, во-первых, по болезни, а во-вторых, из-за погоды, то мы положили обедать дома. Для этого послать Иду в трактир взять для нас обед. А пока я пошла за саквояжем, принесла его и отправилась взять каталог из P⟨achmansche⟩ B⟨ibliotek⟩, чтобы выбрать книги для Феди. По дороге я зашла к фотографу и купила у него три вида Дрездена: галерею, Zwinger и Hofkirche (по 5 зильб.). Ко мне вышел какой-то господин в красной ермолке и показал много картинок. Я с ним разговорилась и спросила ⟨его⟩, куда нам ехать, чтобы видеть Саксонскую Швейцарию. Он мне долго толковал, называл много имен. Я поблагодарила его, но сказала, что очень жаль, что все эти имена забуду и все-таки не попаду в Швейцарию. Тогда он с большой любезностию принес карандаш и написал весь маршрут мне, очень

[90*] *Вставлено:* что за несчастный день!

подробный, с обозначением, где нужно останавливаться, сколько времени и когда приехать домой. Я его ⟨⟨очень⟩⟩ поблагодарила и ушла, очень довольная тем, что, наконец, знала, куда нам отправиться.

⟨⟨Потом я⟩⟩ пришла в библиотеку, объяснила, в чем дело, и получила каталог. Потом заходила за папиросами и пришла домой. Федя удивился, отчего я так долго не являлась, но я объяснила мой разговор с немцем. Потом я опять пошла, но уже за книгами. По дороге я разменяла три червонца. Мне дали 5 ⟨талеров⟩ 15 $^{1}/_{2}$ зильб. (2 зильб. больше на 3 червонца). Я долго выбирала в библиотеке. Здесь около 30 русских книг, не более, большею частью запрещенные. Он вынул мне еще книги, которых нет в каталоге, и я думала, что это какие-нибудь еще более интересные книги, и что же? Оказывается, что это «Грамматика для детей старшего возраста», какой-то «Дневник девочки», «Бедные дворяне» Потехина[32] и прочие совершенно не запрещенные книги (еще что-то вроде путешествия вокруг света для детей). Это мне напомнило, как мы однажды пришли с Федей в одну книжную лавку с желанием купить «Полярную звезду». Это лавка антикварских книг. Во-первых, мне пришлось разбудить (именно разбудить) старичка, который здесь торгует (бедный, он заснул за чтением какой-то политической газеты). Он вскочил, и спросонья сначала нас не мог понять. Но потом, узнав, что мы требуем русских запрещенных книг, он объявил, что у него есть такие. Стал усиленно рыться в своих шкафах (мы все ждали) и вытащил откуда-то с таинственным видом книгу «Сергиевские Серные Воды» Марии Ростовской, с указанием их пользы. Мы[91*] сказали ему, что этого нам и даром не надо, и ушли из его лавки.

Мой библиотекарь объявил мне, что через 8 дней у них будут новые книги, и я взяла, какие тут были. Но когда показала принесенные книги Феде, он, просмотрев их, сказал, в них ему нечего читать, и что я лучше бы сделала, если б выбрала другие книги. Я вызвалась отнести их назад, но сперва хотела отобедать. Ида принесла нам суп, ⟨⟨какую-то очень густую кашу⟩⟩, потом бифштекс и телячьи котлеты, которые отличались каким-то особенным вкусом. Я готова отдать голову на отсечение, что это была не телятина, а просто, вероятно, собачье мясо. Эта мысль меня так беспокоила, что я бросила есть. Был еще компот из маленьких яблоков, тоже невкусный. За обедом мы сочиняли с Федей стихи вроде следующих:

Иды все нет как нет,
Не несет она котлет...

и другие, в этом же духе.

Что же до моих похождений за книгами, то Федя объявил, что это просто водевиль: «Муж в подушках, а жена на побегушках». После обеда выпили кофею, обменивались взаимными любезностями, Федя лег спать, сказав, чтоб я его разбудила к чаю, а я пошла опять за книгами. На этот раз я выбрала «Былое и Думы», 3 части, а себе взяла «Мизерабль»[33]. Потом мы долго ходили с Федей, чрезвычайно дружно разговаривали и уверяли друг друга в любви. Было уже 12 часов, я легла спать, но долго не могла заснуть. Наконец, ⟨⟨кое-как⟩⟩ заснула, но ⟨⟨вскоре⟩⟩ Федя разбудил меня, и мы долго целовались. (Он был сегодня в ужасном восторге).

[91*] *Вставлено:* с Федей страшно расхохотались,

M⟨ai⟩ 16 (4)

Сегодня я встала довольно рано, меня разбудила ⟪какая-то⟫ очень хорошая военная музыка проходившего мимо нас прусского полка. Это происходило по случаю рождения какого-то принца. В такие дни обыкновенно бывает Reveil, т. е. утром проходят по городу войска с музыкою. Заснув еще немного, я встала и пошла за чаем, который у нас весь вышел. Потом я разбудила Федю. Он очень ласковый проснулся, что с ним бывает нечасто, потому что сонный он «зверь сущий». Я с ним долго беседовала ⟪и я целовала его ноги⟫. Потом он встал, и мы напились чаю и кофею. Ему пришла в голову престранная[92*] мысль, что какой-нибудь из наших кредиторов перешлет свой иск за границу, и что его здесь за долги посадят в тюрьму[34]. Это может случиться, потому что бывали случаи, когда пересылали ⟪долги⟫ за границу. Он очень задумался и долго ходил по комнате. В час мы вышли из дому. Он не взял чемодана, а саквояж, набитый доверху различным бельем.

Шел дождик, мы дошли до угла и наняли карету. Кучер повез нас, но вдруг Федя начал уверять меня, что он везет нас не туда, что это совсем в другую сторону. Я его насилу убедила, что так и надо ехать. Приехали на железную дорогу за $1\,^1/_2$часа до отхода. Отдали кучеру 6 зильб., он был очень доволен. Я припомнила при этом, как Федя при въезде в Дрезден нанял карету довезти до «St⟨adt⟩ B⟨erlin⟩» за 22 зильб. Мне даже смешно показалось, как мы были тогда неопытны. Пришли в Wartesaal[93*]. Здесь встретил нас тот мошенник. ⟪Федя заметил ему, что сплутовал, но тот покраснел и не хотел признаться в обмане.⟫ Мы спросили супу и бифштекс и мигом все уничтожили. Федя весь обед все время ходил смотреть, открыта ли касса. За тот стол, за которым я сидела и читала газеты и описание погребения нашего генерала Каменского, сел какой-то немец, довольно красивый собой, и тоже читал газеты. Потом мы с Федей выпили кофею, и Федя стал звать меня в вокзал. Я встала и немного замешкалась для того, чтоб взять со стола 1 зильб., который Федя оставил слуге[94*]. Мне хотелось его наказать за его прежний обман. Федя, взяв билеты, шутил, обратился ко мне и спросил, что я такое сказала этому молодому немцу. Я ужасно рассмеялась на такой странный вопрос. Немца вижу в первый раз и вдруг что-то такое сказала ему. Но он мне сказал, что хоть это и глупо, но у него есть $^1/_{100}$ подозрения. Тогда я ему рассказала, в чем дело. Не знаю, поверил ли мне, или все еще подозревает в такой нелепости. Федя рассказал мне ⟪при этом⟫ довольно смешную историю. Он пошел «Für Herren»[95*], с ним вместе какой-то немец. Они отворили, глядь — женщина. Они назад, ждут за дверями и толкуют о таких беспорядках. Вдруг еще немец, прямо бросился к дверям и отворил их, но тотчас же отскочил назад. Дама все сидит да сидит. Таким образом, около «Herra» образовалось человек шесть. Наконец, дама вышла. Это была какая-то старушка. Те с жадностью тотчас бросились на место.

К нам подходил какой-то старичок, который предлагал нам купить что-то завернутое в бумажках, что это было — не знаю, но мы вежливо отказались. Впрочем, он упорно подходил ко мне еще раз. Мы долго ходили по платформе, ⟪но⟫ вдруг зазвонили, и Федя должен был сесть

[92*] *Заменено:* страшная.
[93*] Зал ожидания (*нем.*).
[94*] *Заменено:* переменить монету, которую Федя оставил кельнеру.
[95*] «Для мужчин» (*нем.*).

в вагон, так что мы не успели даже проститься. Вагон был полон, все 8 человек. Он сел возле какого-то старичка, очень старенького. Я стояла у окна, смеялась Феде, он улыбался и показывал рукой на грудь (означает любовь) и расставлял четыре пальца — он вернется через 4 дня. Я сказала ему «люблю», он благодарил. У меня слезы так и набегали на глаза, когда я смотрела на него, и я тотчас же отходила от вагона, а он мне грозил и умолял не плакать. 《Но》 когда поезд тронулся, 《то》 мне сделалось так грустно, 《что》 я отошла в сторону и расплакалась. 《Но потом》, видя, что на меня смотрят, пошла из вокзала, закрывшись вуалью. На дороге я тоже плакала, но потом мало-помалу стала развлекать себя.

Я пошла по новому мосту, по которому ходит железная дорога. Это ужасно длинный мост, я думаю, больше Николаевского. Шла по Ostra-Allee, заходила в булочную и скоро вышла к почтамту. Я предчувствовала, что будет от нее письмо и очень рада, что это случилось без Феди, и что я могу его прочесть. Я заплатила за него 6 зильб. 6 Pf.[96*], тотчас же узнала почерк и пошла домой, не обнаруживая особенного волнения[97*]. Я торопливо пришла домой, страшно в душе волнуясь, 《сходила кое-куда》, достала ножик и осторожно распечатала письмо. Это было очень глупое и грубое письмо, не выказывающее особенного ума в этой особе. Но я уверена, что она была сильно раздосадована этим происшествием и что в этом выразилась ее обида. (Моя догадка оправдалась: письмо было послано из Дрездена). Я два раза прочла письмо, где меня называют Брылкиной (очень неостроумно и неумно)[35]. Я подошла к зеркалу и увидела, что у меня все лицо в пятнах. Потом я вынула его чемодан и долго рассматривала его письма. 《(Тут нашлось еще одно ответное письмо 〈не расшифровано〉 от Прасковьи[36]. Я его изорвала.)》. Многие из них я уже читала прежде. Потом я вышла, чтобы купить сургучу. Я зашла в магазин, купила маленькую книжечку (5 зильб.), бумаги (по 1 Pf. за лист) и суругуч один, потом купила клею, кисточку и различных бус, из которых я хотела сделать убранство для моей кофты. 《Потом》 я пришла домой и стала разбирать письма.

Когда я села пить чай, ко мне пришла посидеть M-me Z〈immermann〉. Она довольно скучная особа, поминутно 〈слово не расшифровано〉, но несколько скандальная дама, напр., меня она называла veuve de 〈paille〉[98*]. Она долго сидела у меня и старательно расспрашивала, куда уехал Федя. Я ей соврала. Пила у меня чай, советовала покупать его у Филип на Altm〈arkt〉, который исключительно торгует чаем. Потом мы долго разговаривали с ней о прошлогодней войне между пруссаками и саксонцами[37]. Город был взят. Сначала его хотели бомбардировать со стороны G〈rand〉 J〈ardin〉, так что бедная M〈-me〉 Z〈immermann〉 ужасно боялась, что дом будет пробит бомбами, и прятала своих детей. Саксонский король, которого здесь все любят, принужден был бежать в Богемию. Город был взят пруссаками, которые и теперь находятся. Это те самые офицеры с красными воротниками, которых я видела на террасе. 《Это все с расчесанными затылками.》 Синие мундиры принадлежат саксонцам. M〈-me〉Z〈immermann〉 говорит, что здесь ужасно было много раненых и убитых, которых приносили с поля сражения. У ней стояли постоем 《солдаты》 по два человека на неделю, иногда на две

[96*] *Вставлено:* (письмо было без марки).
[97*] *Вставлено:* Но затем мне стало нехорошо.
[98*] *Вставлено:* что мне совсем не понравилось. Veuve de paille: соломенная вдова (*фр.*).

и больше, так что эта война для них очень дорого стоила. Иностранцы, которые здесь жили, все поспешно выбрались из города. Она долго рассказывала мне о своих несчастьях. Мне было довольно трудно с нею говорить, я не знала, о чем. Потом она пожелала мне спокойной ночи и ушла. Но через пять минут воротилась и сказала мне, что ее сестра хочет меня видеть. Я просила прийти. Ее сестра лет сорока, вдова, прежде мне ⟨она⟩ показалась резонеркой, но теперь мне ⟨она⟩ очень понравилась. Она какая-то очень живая, вертлявая; она дает уроки разных языков, говорит (если не врет), что ей приходится иногда давать до 11 уроков в день. Но, ⟨вместе с тем⟩, она нисколько не горюет, а уверяет меня, что совершенно довольна судьбой. Она рассказала мне свою жизнь, потом жизнь какого-то певца Wachtel, который из простых кучеров сделался самою знаменитостью Европы[38]; как он развелся с своей женой и вообще все его семейные обстоятельства. Я забыла сказать, что она принесла с собою 3 альбома[99*] и показала мне много карточек, между прочим, одну какую-то певицу, теперь потерявшую голос, и которой она прежде давала уроки. По словам ее, эта певица удивительно как несчастна, сначала в детстве очень бедствовала от бедности, а потом, когда сделалась богата и знаменита, то страдала от неверности мужа. Наконец, к довершению горя, потеряла свой голос. Она много говорила о театре, сказала ⟨мне⟩, что зимой постоянно абонирована бывает, и звала меня идти с нею на будущей неделе в театр, уверяет, что дрезденский театр — хорошие подмостки для начинающих актеров, что публика дрезденская очень строга, и похвалы ее чрезвычайно как ценятся. Я была очень рада ее приглашению, и мы решили идти на «Wilhelm Tell»[39]. Потом мы долго разговаривали, и она оказалась большою философкою. ⟨Потом⟩, часов в 11 она ушла спать. Я осталась одна. Мне сделалось так страшно, не потому, чтобы я очень боялась, но уж слишком тихо и пустынно. Я стала читать и читала до часу, потом осмотрела все двери и окна и легла на Федину кровать. Долго еще читала в постели, потом загасила свечку, но спать все-таки не могла до 3-х часов. Тут все время я представляла себе Федю, как он едет, что с ним припадок и разные, разные несчастия.

Мая 5 (17)

Утром я встала и поспешила написать письмо, чтобы его отправить на почту. ⟨Напилась кофею и ушла. Проходила через Altmarkt через его середину.⟩ За письмо взяли 3 зильб. Потом зашла в библиотеку за книгами. Вынул он мне много, но я взяла «Бедных дворян» Потехина и первую часть романа Крестовской[40] «В ожидании лучшего», второй части не нашлось. Я спросила ⟨себе также⟩ каталог, но он отвечал, что каталога нет, кто-то взял. Он обещал мне его отложить как только принесут[100*]. Надо сказать, что сегодня идет целый день дождь страшный, поэтому народу меньше. Я закрываюсь вуалью и этим обращаю внимание всех проходящих. Женщины на меня так и оглядываются, вероятно, удивляются, для чего надевать такую тряпку[101*]. Я пошла в музей. Сегодня даровой впуск в отделение «Handzeichnungen und Kupferstiche»[102*]. Я подошла к двери и спросила у вышедшего молодого

[99*] *Вставлено:* (очевидно, им обоим хотелось меня развлечь).
[100*] *Дальше зачеркнуты пять строк.*
[101*] *Вставлено:* Очевидно, вуали здесь не в употреблении.
[102*] Рисунки и гравюры (*нем.*).

человека, можно ли войти и где взять билет. Он мне рассказал, я вошла. Здесь собственно нет ничего[103*] любопытного. Все эти рисунки развешаны по стенам за стеклами, а самые-то хорошие и запретные — в альбомах. Я походила-походила, да, видя, что другие рассматривают альбомы, я и взяла один из них. Ко мне подошел капельдинер и сказал мне, что это у них не водится, что за это надо заплатить, и тогда он мне покажет. Я спросила, сколько нужно. Он сказал, что это будет зависеть от моего желания, и спросил, что я желаю видеть. «Все!» — вскричала я наивно.— «Das ist unmöglich»[104*],— отвечал капельдинер с насмешливою улыбкой. Вероятно, это такое множество картин, что и высмотреть-то в целый месяц невозможно. Я было сконфузилась, но потом просила мне показать лучшие вещи. Посадил он меня за отдельный стол и вынул альбом «La Musée Royal». Здесь все великолепные картины. ⟨Не расшифровано.⟩ Потом подал произведения Рафаэля. Сначала шли все его портреты, различные, но довольно сходные между собою. Потом снимки со всех его произведений. Тут попалась и Сикстинская Мадонна, и ангелочки ее. Когда я осмотрела эти два альбома, капельдинер на меня посмотрел и сказал: «Не довольно ли?». Но я взглянула на часы и вижу, что осталось еще $^1/_2$ часа. Я желала за свои деньги осмотреть как можно больше[105*] и сказала, что еще хочу что-нибудь посмотреть. (Тут я спросила у одной дамы, сколько им дают. Она сказала, что если дать 5 зильб., то он будет век благодарен.) Он принес мне еще альбом. Здесь все были картины из мюнхенской Pinakotek, очень хорошие картины. Во все время, когда я смотрела последний альбом, капельдинер поглядывал на меня с нетерпением, ожидая, когда выйдет эта несносная госпожа и, видимо, жаждая поскорее получить заслуженные им деньги. ⟪Но⟫ я заметила это и[106*] решила проморить его как можно дольше, именно — до 2-х часов. Я отдала ему деньги, он остался очень благодарен. Я пошла наверх, в галерею. Впереди меня шло английское семейство, которое я прежде встречала в галерее: отец, мать и дочь, с лакеем назади. Мать, старая кокетка, преважно вошла в залу, а отец был так любезен, что пропустил меня, ⟪так нехорошо одетую⟫, вперед. Я вошла и, разумеется, по своему обыкновению, стала рассматривать мою Мадонну Мурильо, эту чудесную богиню. Народу было сегодня, несмотря или благодаря дождю, очень много, отчего мне было неприятно ходить, так как я была неважно одета (Федя за это, вероятно бы, рассердился на меня, но я хотела сберечь мое хорошее платье; у меня так мало костюмов, да и мне почти все равно, что бы ни сказали другие). Я довольно долго ходила по галерее, сначала вздумала сосчитать, сколько картин Вувермана. Сосчитала до 15, потом забыла и бросила, ⟪но все-таки⟫ ходить было без Феди довольно скучновато, и я вышла из галереи без четверти три. Куда деваться? Я пошла на двор, который образуется из галереи и различных ученых кабинетов, находящихся на этом дворе. Тут бьют несколько фонтанов. Возвращаться домой я не думала, потому что не хотела сегодня обедать, а M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ сказала, что пойду обедать к моей знакомой, которую здесь встретила. Я отправилась через старый мост, в N⟨eu⟩stadt. Здесь сначала зашла в какую-то лавочку и купила рисунок, потом зашла в колбасную и спросила, что стоит язык (16 Pf.),

[103*] *Заменено:* много.
[104*] Это невозможно (*нем.*).
[105*] *Вставлено:* да и времени свободного было много.
[106*] *Вставлено:* шаля.

я взяла $^1/_4$ Pf⟨und⟩. Девушка, продававшая здесь, приняла меня за австрийку. Я пошла далее по главной улице, входила в разные переулки, потом дошла до Baunitzstr⟨asse⟩[41] и еще далее до Alaunstrasse. По дороге я все ела, сначала без булки, один язык[107*], потом купила себе апельсин. Должно быть, это здесь диковинка, чтобы есть на улицах. Впрочем, я делала это незаметно, но две какие-то барышни очень долго осматривались на меня, а я, назло им, закрывала себя зонтиком. Дойдя до конца этой Алаун, я увидела вдалеке желтые покрытые ельником горы. Следовательно, вышла уже за город. (Эта часть города называется Antonstadt.) Здесь я увидела огромное поле (Экзерцирплац), на котором производилось ученье. Нет ничего уморительнее, как ученье здешних солдат. Вообразите себе до 12 человек, на равном расстоянии, очень высоко, наравне с головою, поднимающих ноги, и с руками, которые, как палки, упирались в бока, все это по команде. Я ужасно долго рассматривала их и очень смеялась. ⟨⟨Потом я⟩⟩ расспросила дорогу, пошла через поле, мимо солдат, туда, в лес, и вышла к какому-то «Pristisch-Schlösschen», к какой-то ресторации. Я толкнула дверь и очутилась в небольшой комнате, оклеенной обоями, представлявшими различные пейзажи. Здесь сидели сам хозяин, какой-то немецкий солдат и два немца. Они, вероятно, разговаривали о политике. Я спросила, нельзя ли напиться кофею. Он отвел меня в соседнюю комнату с множеством ребятишек, половина которых разбежалась, а мать пошла варить кофе. Мне пришлось довольно долго ждать, пока ⟨⟨она⟩⟩ его готовила. В это время ребятишки, красные и здоровые, как репа, прибегали и бормотали по-немецки. Их я бы ни за какие тысячи не могла бы разобрать. Особенно тут возился мальчишка. Наконец, кофе принесли, причем служанка глубоко извинялась, что разлила его. Я напилась (кофе был плохой), вышла к хозяину и дала ему талер. Он, видимо, был изумлен таким «богатством», тотчас пошел к жене в соседнюю комнату, и они вместе высыпали на стол целую груду медных денег. Это для того, чтобы сдать мне сдачу. Наконец, он пришел, и я дала ему 5 зильб. Он поблагодарил меня за посещение (странная манера у этих немцев всегда благодарить за покупки. Так, я раз зашла в одну лавочку, только чтобы спросить, что стоит там висящий лиф. Хозяйка ⟨⟨за что-то меня очень⟩⟩ поблагодарила и просила меня, если мне что понадобится, обращалась бы не иначе, как к ней).

Я пошла, но не обратно, а дальше, в гору. Тут перешла крошечный ручеек, прошла несколько домов и увидела надпись об отдаче квартиры. Мне захотелось приблизительно узнать цену здешних дач, и я пошла посмотреть. Сначала вошла вниз к какой-то девице, которая очень любезно призвала мне хозяина, который и показал мне квартиру. Эта квартира — в две комнаты, но таких крохотных, что даже и повернуться-то негде. Я спросила цену. Он отвечал: за $3^1/_2$ месяца 20 талеров. Цена небольшая, но зато ⟨⟨и⟩⟩ квартира тоже никуда не годится. Я, впрочем, обещала прийти с мужем. ⟨⟨Потом⟩⟩ он очень учтиво проводил меня по тропинке наверх, которая вела в лес, где, как он сказал, много гуляющих. Я пошла, грязь тут страшная. Две девочки, искавшие какие-то травы, да больше ничего. Я все дальше и дальше шла, думая увидеть что-нибудь хорошее, пока не дошла довольно близко до шанцев, около которых ходил часовой с ружьем. Я струсила ружья: пожалуй, примет за врага и убьет. Я и то боялась, идучи по военному полю, что меня застрелят, как иностранку, идущую сама не зная куда, в дождь и в такую слякоть,

[107*] *Вставлено:* (Мне разрезали в колбасной ломтиками).

в которую хороший хозяин и собаки не выгонит. Да к тому же и страшновато стало, никого нет, пожалуй, кто-нибудь и напал бы и утащил бы от меня ⟪вверенные мне⟫ деньги. Я поскорей бежать, мне навстречу какой-то трудолюбивый крестьянин, в высокой шляпе. Я представляю, что такие должны быть бандиты, с самым разбойничьим лицом. Это был мирный, примерный немец, везший из леса целую груду валежника. Я пошла по ⟪этой же⟫ дороге назад, думая, что это бог знает как далеко, но к 6-ти часам была уже у моста. По дороге заходила 2 раза пить содовую воду, по 5 Pfennig стакан. От моста я прошла мимо театра, где сегодня дают «Африканку»[42]. Съезд большой, все в каретах, друг за другом гуськом тянутся к подъезду, а по боковым аллеям так и толпятся пешеходы. Я с завистью посмотрела на них и пошла ⟪к приказчику. У него было уже готово, он был так любезен, что показал мне, как нужно запечатать. Отсюда я уж⟫ прямо домой, была так уставши, что ноги едва носили. Я бросилась на диван ⟪с ногами⟫ и принялась читать. Опять ложиться было как-то неприятно. Я знала, что уж никто не придет разбудить меня поцелуями [108*] как два дня тому назад Федя, как это он делает обыкновенно, и что меня всегда делает счастливой. Этот день мне было очень грустно без него, такая тоска, потому-то я и ходила без толку по городу, чтобы как-нибудь убить время. Читала я опять до 2-х часов, пока, наконец, не заснула.

M⟨ai⟩ 18 (6)

Сегодня у меня было много дела утром. ⟪Я встала, надо было запечатать это проклятое письмо, но так искусно, чтобы не было заметно, что его кто-то читал. Я это сделала. Сначала мне печать не удалась, но потом вышл⟨о⟩ лучше, и я успокоилась. Я потом переписывала письмо на память, хотя это и не стоит.⟫ Утром ко мне зашла M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ спросить, как я здорова и не скучаю ли я очень. Я сказала, что ничего, что жду его, может быть, сегодня или завтра. Действительно, даже в день отъезда очень ждала его, а вечером так какой-то мальчик сильно позвонил у нашей двери. Я так и вздрогнула, даже покраснела и побежала к дверям, думая, что это Федя (потому что он обыкновенно очень сильно звонит), но это был не он. Я очень рассеянна, так, наливаю себе вместо чая воду, и проч. Мы поговорили с M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ и она ушла, а затем пришла ее сестра. Она мне объявила, что завтра, если будет хорошая погода и не приедет Федя, то она поедет со мною вместе voir la nature [109*]. Что мы поедем с нею в Blazewitz, где есть летний домик Sch⟨iller⟩, в котором он написал своего «Дон-Карлоса»[43]. Здесь есть, говорят, в гостинице бюст, очень отвратительный, который представляет «Густычь», или Августу, прислужницу ресторана, в котором обедал всегда Шиллер, и к которой он был очень внимателен. Я обещала ехать с нею. Потом она ушла и воротилась, принеся ко мне букет сирени. Здесь она совершенно вся в цвету, но жаль, что время ее очень скоро проходит. Здесь она представляет не кустарник, а деревья.

В два часа я пошла на почту. Дорогой я все время молилась, чтобы получить письмо от кого-нибудь, или от Феди или от мамы. Спросила моего немца. Он подал мне Федино письмо[44]. Я так обрадовалась, что отошла в сторону и долго не могла распечатать письма. Не хотелось испортить конверта, то снимала перчатки. Наконец, прочитала. Я была

108* *Вставлено:* и речами.
109* Смотреть природу (*фр.*).

так счастлива этим письмом, что не знаю, как это и выразить. Прочла его 2 или 3 раза[110*]. Как Федя умеет писать письма,—это удивительно, просто как будто говоришь с ним. Я просто с торжеством вышла из почтамта, ⟨⟨но⟩⟩ узнав, что сегодня вечером пойдет почта в Homburg, я решилась туда написать. Но идти домой мне не хотелось, потому я пошла на бульвар, села на скамейку и на вырванных листках моей записной книжки написала ему письмо. Прохожие на меня с любопытством смотрели. Потом я зашла в магазин купить конверт и тут же попросила эту госпожу дать мне чернила и перо, которые она мне любезно предложила. Я надписала и тотчас же отправила. Тут я узнала, что и в Россию пойдет сегодня почта, и потому решилась написать письмо к нашим. Меня сильно беспокоит, что это с ними, что они ничего не пишут. Я зашла сначала в булочную, съела там различных лепешек и спросила кофею. Мне дали, но преотвратительный. Я съела на 4 зильб., потом различными улицами[111*] дошла до дому. По дороге я купила себе шпилек за 1 зильб. ($4^1/_2$). Дома я поскорее написала письмо и отнесла его на почту. Это меня успокоило. Потом я пошла бродить по городу, зашла в Friedrichstadt. Тут мост, по которому идет железная дорога, но идти дальше было некуда. Я поворотила на новый Эльбский мост, ⟨⟨но⟩⟩ потом, сообразив, как это будет далеко, притом возвращаться через старый Эльбский мост, я решилась идти домой. Зашла в булочную и купила какой-то каравай, очень вкусный, но только на горьком масле. Пришла домой, еще 4 раза перечла Федино письмо ⟨⟨и⟩⟩ читала до 2-х часов, потом легла и отлично спала. Правда, видела какие-то страшно длинные сны, но больше ничего.

M⟨ai⟩ 19 (7), воскресенье

Сегодня проснулась я довольно рано утром, вспомнив, что мне надо приготовиться идти с M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ к обедне. Я оделась, дошила лиловое платье, как пришла ко мне сестра M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ и повела меня показать свою комнату. ⟨⟨Посидели⟩⟩, и она предложила мне отобедать сегодня у них. Я согласилась. ⟨⟨Потом мы⟩⟩ пошли в церковь. Сначала зашли в книжный магазин, чтобы переменить книги для M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩, а затем в католическую Hofkirche[112*]. При входе мы встретили очень много народу, который то входил, то выходил. Мы вошли. Здесь все скамейки заняты были католичками, а в проходах стояли иностранцы и вообще иноверцы, которые пришли только послушать пение. На правой стороне стояли мужчины, на левой—дамы. Между народом прохаживались смотрители за порядком в церкви. Это были, я так полагаю, придворные лакеи в серых одеждах и с жезлами в руках. Они ходили и отстраняли народ, чтобы было просторно в проходах. Пение было великолепное,—это положительно оперная музыка: те же оперные певцы и оркестр, что и в дрезденском Hof-T⟨heater⟩[113*]. Мне это пение очень понравилось, даже у меня часто холод проходил по телу при этих дивных звуках. Церковь великолепная: пред серебряным распятием стоят 12 больших серебряных подсвечников, а с правой стороны находится алтарь de la Vierge[114*], убранный цветами.

[110*] *Вставлено:* и украдкою поцеловала его.
[111*] *Вставлено:* (я люблю изучать город).
[112*] Придворную церковь (*нем.*).
[113*] Придворный театр (*нем.*).
[114*] Святой девы (*фр.*).

Я в первый раз видела католическое служение. При службе находились 6 мальчиков, которые, когда следовало наклонять голову или стать на колени, звонили в колокольчики; другие ходили, третьи приносили евангелие. Они были в красных одеждах, с белыми пелеринками поверх, очень молоденькие, я думаю лет, 7 или 8. Ксендз мне не понравился, очень льстивое лицо. Мне чрезвычайно понравилось пение. Я непременно пойду в будущее воскресенье сюда послушать, но пораньше, к началу обедни. Мы достояли до конца, но мало-помалу почти весь народ вышел из церкви, так что остались к благословению очень немногие.

Мы вышли из церкви и пошли на почту. Я здесь нашла от Феди письмо. С тревожным чувством распечатала я его, думая, что найду здесь, что он проигрался. Но этого не случилось. Но как после его первого письма у меня сделалось на сердце радостно, так после этого письма у меня в душе промелькнуло какое-то неудовольствие, так что даже это письмо меня не обрадовало. Происходило ли это оттого, что я сама его ожидала вместо письма, боязнь ли ⟨⟨это⟩⟩, что он там долго останется,— не знаю, или напоминание, что ему нужно выиграть для родных, но все это сделало на меня такое дурное впечатление, что я готова была заплакать[45], несмотря на то, что письмо было [в высшей степени] полно любви ко мне. Я очень была невнимательной и едва могла себя превозмочь, чтобы ехать с M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩. Мне было невыносимо грустно. Лучше, если б он скорее приехал, так мне тяжело. Или меня тяготит мысль, что это[115*] не честное дело,— лучше и не разбирать этих чувств.

Я пришла домой и отобедала с M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩, у ней была одна англичанка M-lle Tomson, которая мне очень понравилась. Она заговорила со мной по-английски. Я ей отвечала кое-как. За обедом подавали суп mouton[116*], салат, так что я вышла из-за стола почти голодная. (За этот обед M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ хотела с меня взять восемь, но ⟨⟨потом⟩⟩ взяла 10 зильб.) После обеда M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ пригласила меня выпить чашку кофею в комнату своей сестры, я выпила и ушла одеваться к прогулке. Я хотела в это время написать ему письмо и отправить, но не пришлось. Может быть, он и сам приедет. ⟨⟨Она пришла и⟩⟩ мы пошли к пароходу.

Было три часа. Пароход был почти полон, когда мы подошли, чтобы взять билеты. Взяли мы билеты туда и назад, и стоило это мне 5 зильб. (15 коп. русских), страшно дешево. M-me попросила какую-то госпожу подвинуться, и мы нашли себе место. Скоро мы поехали. Это всего 20 минут езды до Blazewitz. Мы ехали долго городом, он довольно обширный. Наконец, пошли заводы, фабрики и начались дачи. На левом берегу Эльбы находится несколько ресторанов, например, «Linkische Bad»[46], где, по словам M-me, танцуют солдаты и горничные. Далее шел «Waldschlösschen», очень красивый ресторан, с прекрасным видом на горы. Туда ездят дилижансы. ⟨⟨Потом⟩⟩ показался Albrechtsburg,— замок, принадлежащий графине Höhenau, супруге брата прусского короля. При этом M-me рассказала мне историю их жизни. ⟨⟨У него⟩⟩ первая жена была ⟨⟨принцессой⟩⟩ и находилась в связи с лакеем. Это подало повод к разводу, и брат короля женился на ее фрейлине[47], но брак этот не был признан ни прусским, ни саксонским дворами, и она получила запрещение жить в Пруссии. ⟨⟨Она⟩⟩, по словам M-me,

[115*] *Заменено:* выигрыш в рулетку, по-моему
[116*] Бараний (*фр.*).

очень умная и образованная женщина, чрезвычайно приветливая и добродушная. Он устроил ей превосходный замок, но мне не очень понравился. Далее пошли виноградники, 《поля》, которые я прежде считала за необработанные пастбища. Они представляют для глаз очень некрасивый вид, покрыты песком и едва зелеными деревьями. Вино Саксонии очень невкусно, оно так же кисло, как уксус. Наконец, показался и Loschwitz,— небольшая деревушка, улицы которой все более и более поднимаются в гору и, наконец, совершенно пропадают в вершине. От Loschwitz'а мы должны были переехать на плавучем мосту через Эльбу в Blazewitz. Здесь плавучие мосты в большом употреблении. Так и через Эльбу, в самом городе, перевозит плавучий мост, за неимением постоянного. Я в первый раз видела мосты такого устройства. Он с трубой и с колесами, довольно вместительный. На нем переезжают и экипажи, а для пугливых людей сделаны каюты и решетки по сторонам, которые их предохраняют от лошадей, если бы те вздумали испугаться и взбеситься. Народу набралось сейчас очень много, и именно, вероятно, для того, чтобы отучить меня от боязни, въехали на плавучий мост 2 экипажа. Положим, находиться вместе еще ничего, но чтобы в это время сидеть преспокойно в коляске, когда лошадь ежеминутно может понести, на это я совершенно не согласна. С нас взяли за перевоз 5 Pfennig'ов за каждую. Через несколько минут (потому что плавучий мост идет очень скоро) мы были в Blazewitz'е, ресторане, где Шиллер, живший в Loschwitz'е, постоянно обедал. Здесь, над самым рестораном, находится прекрасная высокая липа. Под нею-то, вероятно, он и обедал, потому что тут стоит памятник с бюстом его и надписью, приглашающей путника приостановиться и поразмыслить и проч. Здесь устроена терраса с большими прекрасными липами, очень тенистыми. Мы спросили себе — я кофею, а она какую-то смесь из пива, белка и лимона, должно быть, ужасная гадость. (Я заплатила 4 зильб.) Мы долго сидели тут, рассматривали публику и удивлялись, откуда берется такое множество народа, которое поминутно перевозится совсем на другую сторону, в Loschwitz — просто целые толпы, без всякого преувеличения. С нами вместе приехал сюда шарманщик. Он начал играть; сначала играл довольно веселые арии, но потом, когда подошло время, чтобы обойти всех и получить за свою игру, он заиграл до того плачевную, ноющую, жалобную песню, что не было ни малейшей возможности не дать ему. Я дала 2 зильб. M-me — тоже. Мы все время удивлялись, какие в Blazewitz'е злые собаки. Представьте себе, что они, несмотря на ошейники, равнодушно не могут смотреть друг на друга. M-me решила, что это непременно одна собака прусская, а другая — саксонская, потому-то они, по международной нетерпимости, никак не могут простить друг другу ни малейшего шага. При этом M-me, которая очень веселая особа, рассказала мне анекдот, очень глупый и замечательный по своей нелепости. Будто бы в вагоне на железной дороге ехали два доктора, гомеопат и аллопат. Разумеется, они дорогой все время спорили, и каждый доказывал превосходство своей системы. Наконец, приехали; кондуктор отворил дверцы и остолбенел: «il n'y avait pas que 2 paires de bottes, ils ont mangé l'un l'autre»,— «оставалось только 2 пары сапог, они съели друг друга»,— так и эти собачонки. Мы довольно долго сидели на берегу, потом обошли кругом заведения, прошлись по улице 《Лошвица》, чтобы дать мне понятие, что это такое за Blazewitz, 《и опять》 переехали по мосту на ту сторону. Здесь мы вошли в деревушку

Loschwitz, по которой находится 2 или 3 ресторана. Стены домов обвиты плющом, это очень кра́сиво. Мы пошли к гостинице, потом из ее сада поднялись по каменной, вырубленной в скале лестнице еще выше. Чем дальше мы поднимались, тем лучше открывался вид. Эти горы, покрытые виноградниками, эти леса вдалеке и высокие горы в тумане, наконец, эта деревушка, с своими улицами, прямо поднимающимися на вершину, и деревенская церковь, на которой в это время звонили к вечерне,— все то составляло какую-то ⟪сельскую⟫ картину, которую я еще до сих пор никогда не видала. Этот звон навеял на душу какое-то грустное чувство. ⟪Но⟫, может быть, это оттого, что хоть я и развлекаюсь, но мне все-таки чего-то недоставало, чего-то дорогого при мне не было (Феди не было) без чего мне и радость не в радость. Мы взобрались на самую верхушку, сначала на террасу (в которой вместо крыши служили сплетенные между собою сучья), а потом еще наверх и тут сели. M⟨-me⟩, дала мне зонтик, а сама пошла взять себе пива, а мне принесла пудинг. Она очень добрая особа, старушка лет 50, но на вид ей не больше как лет 38 или 39. Такая живая, что прелесть, гримасница, всех передразнивающая, всегда находящая сказать что-нибудь острое, премилая особа, с которой ⟪никак⟫ не может быть невесело. Она была очень ко мне заботлива: когда замечала, что на меня дует ветер, она тотчас же пересаживала меня на другое место. Заботилась, чтоб мне не было жарко, и очень упрекала, что я с собой не взяла ничего теплого, а потом заслонила меня своею спиной и надела на меня свой носовой платок, чтобы мне не продуло в шею. (В Дрездене ужасный ветер. Это город ветров, говорит M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩, вследствие этого в нем такой здоровый воздух. Говорят, что в прошлом году, когда во всей Европе была сильнейшая холера, здесь не было о ней и помину, несмотря на то, что она была очень близка, и что в городе находилось ужасное множество раненых. Так и в 47-м году, в холерный год, здесь ее не было. И вот в память-то этого и был выстроен одним гражданином такой Cholerabrunnen[117*], который я видела на площади близ почтамта.) Потом мы спросили, у какого-то здесь сидящего немца, не знает ли он, в котором часу идет отсюда пароход. ⟪Он нам сообщил.⟫ Мы посидели и отправились (как у меня далеко видит глаз ⟪на часовую стрелку⟫)[118*]. Сошли в какой-то ресторан, чтобы дождаться парохода, но здесь уже ничего не ели и не пили. Мы сели за один стол с одним немецким семейством, состоявшим из отца, еще молодого, лет 26, или, может быть, моложавого очень против своей жены, которая на вид казалась лет 30 непременно. С ними был маленький сынок, краса и гордость семьи, лет около 4-х. Отец принес ему колбасу, за которую он с радостью ухватился и собирался есть ее без хлеба. ⟪Но⟫ отец дал ему ⟪белую⟫ булку и рассказал нам, что гораздо лучше и полезнее для детей давать им съестное, чем сладости. M⟨-me⟩ заметила, что это Vaterssohn, т. е., что он очень похож на отца. Отец и мать переглянулись, особенно она с гордостью посмотрела на мужа и сказала нам, что это их единственный сын. Но мальчик вздумал немножко покапризничать, и когда M⟨-me⟩ спросила его, хороша ли колбаса, он ей не захотел отвечать, чем искренно огорчил свою мать. Но M⟨-me⟩ нашлась и потребовала,

---

[117*] Холерный фонтан (*нем.*).
[118*] *Вставлено:* я рассмотрела минуты на башенных часах.

чтобы он поблагодарил отца за Würstchen[119*]. Он, видимо, был несогласен. Тогда M⟨-me⟩ объявила ему, что если он не скажет благодарности, то она непременно возьмет назад колбасу и приготовилась уже произвести эту операцию над мальчиком ⟨знаками⟩. Мальчик видит, дело плохо, поглядел-поглядел, да и сказал: «Ich danke Vater für das Wurst»[120*]; тогда M⟨-me⟩ его успокоила ⟨и утешила его⟩, сказав, что теперь он может есть колбасу. Мальчик потом спрашивал у матери, не сердится ли она на него. Она отвечала, что нет, но если в другой раз он будет капризничать, то она не возьмет его с собой гулять. Мы, наконец, распростились с этим милым семейством и отправились на пароход, потому что было уже 2 звонка. На пароходе было ужасно мало[121*] народу. Мы достали себе места, но сделался такой сильный ветер, что я боялась простудиться и попросила ее перейти в каюту. Первая комната была для курящих. Мы отворили вторую, но здесь было уже до того тесно, что, казалось, они сидели друг на друге, и яблоку не было места где упасть. ⟨Тогда мы остались в первой комнате, где курили, отворили окно и так⟩ доехали до пристани и пошли домой. Я все надеялась, что, может быть, Федя как-нибудь да приехал, что нет ли его на пристани, но к моему ужасному горю, мое желание не исполнилось, его нигде не было. Я пришла домой, хотела M-me Zimmermann позвать на чай, но была такой усталой и такой опечаленной, что мне были ⟨ужасно⟩ в тягость всякие разговоры в этот день. Я сначала читала, а потом разбирала письма, долго не спала, кажется, до 3-х часов. У меня случилось несчастье, я оборвала занавесь. Не знаю, как это мне поправить. (Я забыла: у немцев прислуга отпускается гулять ⟨лишь⟩ через 2 недели или через 3. У нас через 3. Ида уж была вчера счастлива, что она завтра пойдет гулять, и у ней было удивительно радостное лицо все сегодняшнее утро. ⟨Потом⟩ после обеда к ней пришла ее подруга, они, разодевшись, пошли гулять и гуляли до 11. Она говорит, что много выходили, но что нигде не танцевали, потому что этого не любит.)

Понедельник, 20 (8) ⟨мая⟩[122*]

Сегодня утром я встала, радостно и поскорее оделась, чтобы идти на железную дорогу. День был превосходный, я пошла через террасу и к $^1/_2$ 12-го пришла на машину, так что встретила еще берлинский поезд. Потом подождала, когда пришел поезд из Лейпцига. В это время я ⟨все⟩ смотрела, как они на железной дороге управлялись с поездами; например, следует отвести вагон куда-нибудь, положим, в сарай. Машина дает задний ход, идет на всем ходу, потом вагон быстро отцепляют и тогда вагон, уже раз оттолкнутый, долго еще движется и, таким образом, доходит до места. Потом я видела, как переворачивают вагоны. Для этого устраивают большой круг, который может оборачиваться. На этот круг ставят вагон и тихонько его передвигают. ⟨Но⟩ пришел и поезд, а Феди нет, как нет. Я видела, как шарабан из почтамта уехал, и нарочно пошла медленно, чтобы не прийти раньше его. Наконец, я дошла, получила письмо сначала от Феди, а потом спросила, нет ли страховых,

---

[119*] Колбаску (*нем.*).
[120*] Благодарю отца за колбасу (*нем.*).
[121*] *Заменено:* много.
[122*] Эта и следующая запись в стенограмме ошибочно обозначены днем позже, при расшифровке А. Г. Достоевская исправила эту ошибку.

он подал письмо от мамы. Оба письма были ужасно нехороши[48]. Федя писал, что почти все проиграл, а мама прислала только 35 рублей. Меня это ужасно огорчило, я пришла домой и страшно расплакалась. Плакала долго и много, но потом написала письмо Феде, в котором просила его лучше приехать домой поскорей, чем там оставаться, и отправила 《это》 письмо на почту. Вместе с тем, написала и маме и просила ее тайно заложить[123*] салоп и прислать деньги. Я была ужасно как встревожена этими письмами,— просто ужас, такая брала тоска. Дома я наврала, что у меня больна сестра, а то они бог знает что могли подумать. Почтарь выбранил меня за то, что я беру маленькие конверты, и продал их конверт (2 зильб.). Отсюда я не знала, куда мне идти. По обыкновению я ничего не обедала, зашла в C〈afé〉 Fr〈ançais〉 и выпила чашку кофею. 《Потом пришла домой》 и хотела ехать в Pillnitz, но опоздала: пароход отходит ровно в 3 часа, а потом еще в $^1/_2$ 7-го, но это было бы слишком поздно. Не зная, куда идти, села в дилижанс «Waldschlösschen». Дилижансы здесь прекрасные и очень дешевые. Так, до W〈aldschlösschen〉 берут 1 зильб. и 2 Pfennig., хотя это очень большое расстояние. Село внутри кареты 8 человек, в Rauch-Coupé[124*] еще не знаю сколько-то, и еще многие полезли наверх. Мы немного ждали, пока не приехал на Schlossplatz другой дилижанс. Потом кондуктор затворил дверь, повернул какую-то машину, и мы поехали. Ехали очень быстро, и скоро были в W〈aldlschlösschen〉. Пассажиры были — старичок, какой-то немец, очень смешной и, по-видимому, глупый, и жена его, престарелая немка. Глядя на них, я думала, что они друг другу говорят: «Ах, какие мы сделались сморчки, то ли было дело прежде». Еще были 4 дамы, одна с очень 《дурным лицом, даже》 самодовольным. 《Она мне так опротивела, просто сказать нельзя, так я и готова была ее ударить. Эдакое подлое семейство.》 〈Фраза не расшифрована.〉 Когда мы вышли из дилижанса, я пошла вслед за этими 4 дамами, не зная, куда идти. Они все шли дальше и дальше, прошли какую-то таможню, где написано: «Geldannahme»[125*]. 《Но》 это, как я после узнала, берут деньги с проводимых в город товаров или скота. На дороге попадались мальчики, которые просили дать им сколько-нибудь. (Но я, не желая приучать к нищенству, отказывала им.) Дамы эти дошли до ресторана «Zum der Saloppe», я пошла за ними. Это довольно большая терраса высоко на горе, откуда расстилается прекрасный вид на окрестные горы и на самый город. Я села у одного столика и спросила кофею, мне подали. Недалеко тут же сидело какое-то прусское семейство (прусский офицер), которое ужасно было скандализовано тем, что я одна (как будто это их дело). Вероятно, это здесь не принято, потому они стали меня ужасно нагло осматривать (а это принято?), оборачиваться прямо ко мне лицом к лицу и долго смотреть на меня. Когда я на их взгляды отвечала тоже долгим, несмущающимся взглядом, они, видимо, были сконфужены, и старуха, смотря на меня, что-то очень стала презрительно улыбаться и переговариваться. Мне это надоело. Возле меня сели те старички, мои 《бывшие》 спутники в дилижансе. Я спросила их, далеко ли отсюда Albrechtsburg. Старички мои отвечали и потом предложили мне пересесть за их столик. Сначала я не хотела, но потом он встал и очень учтиво и поспешно захлопотал, чтобы перенести мой поднос к ним. Сам же спросил себе

123* *Вставлено:* мой меховой
124* Купе для курящих (*нем.*).
125* Взимание денег (*нем.*).

пива, а жена — масла с хлебом. Мы разговорились. Сначала она была ко мне суха, но потом оказалась превосходною женщиною. Оба они были так дружны друг с другом, видимо, они живут душа в душу. Она спросила меня, что по всему видно, что я англичанка, но я отвечала, что я русская. Тогда старичок объявил, что у него был какой-то знакомый русский, и спросил, не знаю ли я его? Он назвал несколько фамилий, и особенно фамилию Степанова, который, по его словам, был ученый, посланный русским правительством осмотреть школы. Я вспомнила, что наш Павел Иванович[126*] тоже был послан от казны осматривать училища и подумала, что это он. Старичок, узнав от меня, что он жив, просил меня ему поклониться. Но потом оказалось, что тот Степанов был у него, еще когда тот был студентом, т. е. этак в 20-м или 22-м году нашего столетия[127*]. Это меня очень рассмешило. Потом он много расспрашивал про Россию. Очевидно, они имеют самое грубое понятие о нашем отечестве[128*]. (Даже M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ спрашивала меня, есть ли в России пароходы, и уверяла, что у нас очень плохие постели.) Немка спросила, знают ли в России по-немецки и, когда я ей сказала, что ему обучают во всех школах, она была, видимо, ⟨⟨очень⟩⟩ рада такому процветанию отечественного языка. Потом разговорились и о здешних достопримечательностях. Она была очень польщена, когда я похвалила Мадонну Гольбейна, но согласилась со мной, что и ей ⟨⟨самой⟩⟩ не нравятся произведения Альбрехта Дюрера и Луки Кранаха. Старичок всегда ей говорил: «Нужно нам и сюда также иногда сходить». На ней был пестрый платок, который мне также понравился. Я, по своему обыкновению, захотела узнать о цене. Она мне с гордостью сказала, что этот платок куплен и подарен ей мужем. Вообще эти старики мне очень, очень понравились. Он такой вежливый и приветливый, всем и каждому уступавший дорогу и так заботливо ухаживающий за женой. Это мне очень понравилось, так что они меня примирили с прочими немцами. Он весело смеялся, когда мы говорили о 12 днях, которые здесь вперед. Но так как не 12 дней, а в 3 столетия уйдет на 14, то через несколько тысячелетий мы так разойдемся с Западом, что когда там будет зима, у нас будет по календарю лето, и наоборот. Назад они предложили мне идти пешком. Я согласилась, тем более, что я не хотела бы ходить одна, а рано вернуться в дилижансе домой было скучно. Мы пошли по прекрасной каштановой аллее, которая здесь называется Schillerstrasse, потому что ведет к дому S⟨chiller'a⟩. Каштаны теперь все в цвету, здесь цветы даже не белые, но почти совершенно розовые, что еще более красиво и очень хорошо пахнут. Одно жаль, это ⟨⟨то⟩⟩, что они уже начинают отцветать и через несколько дней цветы совершенно завянут[129*]. Забыла: старики захотели мне показать Waldsch⟨lösschen⟩, и мы зашли. Здесь пивоварня [и м е е т с я][49]. Тут было много народу, но мы только одну минуту были здесь и другим ходом вышли на улицу. Тут мне попалась девица, блондинка, очень беленькая, с голубыми глазами, но у ней были до того белые волосы, просто как нитки. Таких волос я еще никогда не встречала. Это оригинально, но не слишком чтобы уж очень хорошо. (В воскресенье, когда мы ездили с M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩, на пароходе была девушка с рыжими волосами, очень беленькая, страшно

[126*] Учитель физики в Мариинской женской гимназии. (*Примеч. А. Г. Достоевской*).
[127*] *Вставлено:* Значит, Степановы разные.
[128*] *Вставлено:* (спросили, пьют ли в России пиво и каково оно?).
[129*] Дальше полторы строки зачеркнуты.

нежная, и с небольшими правильными чертами лица, хорошеньким носиком, очень красивая с профили и довольно обыкновенная en face, потому что у ней слишком бледные глаза и почти то же выражение, как у нашей Mietz'ы [130*]. Мы ⟪отлично⟫ подвигались помаленьку домой, и не заметили, как дошли до города. Здесь тотчас же переменился воздух, сделалось гораздо душнее. Мы дошли до конца старого моста ⟪вместе⟫ (кстати: старушка посоветовала мне купить Weintrauben P⟨ommade⟩ для губ.). Тут я распростилась с моими старичками. Они очень дружелюбно попрощались со мной и потом преважно пошли под руку, а я пошла домой. ⟪Купила помады и пудры.⟫ Я поскорее попросила мне сварить чаю, пришла M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ опять посидеть и напилась у меня чаю, хотя уже поужинала. Они ужинают в 7 часов. Потом к ней пришел какой-то молодой человек для урока. Она ушла, сказав, что после 9 часов непременно придет ко мне [131*]. Действительно, пришла, мы много говорили между собой, даже о религии. Она обещала мне дать сочинения Ренана [50], сходила за ними в комнату, спросив предварительно, не рассердится ли мой муж за это? ⟪Но потом она⟫ воротилась и сказала, что Ренана она отдала читать, скоро получит и тогда даст, а теперь, покамест, дала мне Мольера. Она с полчаса просидела со мною, потом ушла, а я легла спать.

Вторник, Mai 21 (9)

Сегодня я довольно рано встала и начала писать письмо к Ольге Алексеевне [51]. Написала черновую, но переписать не успела, потому что ушла на почту. Сегодня очень ветреный день, так что меня чуть не сшибало с ног, когда я переходила через мост. Но потом вдруг небо нахмурилось, и потом сильнейший град. У меня не было зонтика, и потому я встала у одной кондитерской. Постояла несколько минут, но вижу, ⟪что⟫ если буду так терять время, то не успею на станцию, и потом⟨у⟩ отошла. ⟪Но⟫ пошел дождь до того сильный, что я принуждена была зайти в кондитерскую. ⟪Но⟫ купить ничего не было возможности. Я стала прицениваться. На все страшная дороговизна. Я была не рада, что зашла. Наконец, мой выбор остановился на коробочке сигар (7 ½) для Феди, я купила и, несмотря на дождь, пошла на машину. Навстречу мне все попадались кареты, наполненные путешественниками. Я заглядывала в них, надеясь найти Федю. Но, придя на машину, узнала, что это только берлинский, а что из Лейпцига сейчас придет. Но я была вполне уверена, что Федя и сегодня не будет, а если пошла, так это только чтобы окончательно убедиться. Отсюда я отправилась на почту, получила письмо и была ужасно огорчена,— опять неудача. Но что же делать? Я решилась написать ему письмо [52]. Домой идти не хотелось, я зашла в библиотеку спросить, нет ли новых русских книг. Взъерошенный молодой человек объявил, что книги будут очень скоро (он всегда эдак обещает). Я спросила у него конверт, он засуетился, сказал несколько раз: «Oh ja!» (Это, надо заметить, любимая поговорка немцев. Иногда они говорят «ja» как-то странно, полу-утвердительно, полу-отрицательно, так что не знаешь, как и понять это «ja».) Растрепанный молодой человек очинил мне мой карандаш и потом, когда я его сломала, то подал очень тонко отточенный свой. Потом принес конверт и чернил. Один конверт я, по своему обыкновению, испортила. Он дал мне другой.

[130*] *Вставлено:* (кошки).
[131*] *Вставлено:* (Она добрая, ей, очевидно, хочется, чтобы я не скучала).

Я написала все, как следует, и отнесла на почту, а сама пошла в кафе F⟨rançais⟩ и здесь выпила кофею и биток съела. Сюда при мне пришел какой-то Herr geliebster Doktor[132*], так, по крайней мере, закричала хозяйка при его входе, какая-то дебелая немка, ужасно короткая, строящая из себя молоденькую девочку, что к ней, разумеется, не идет (да и к кому идут ужимки). Она сейчас же села около него и принялась любезничать, мне даже стало противно.

Пришла я домой и сказала M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩, что еду в Pillnitz. Она дала мне зонтик. Взяла билеты туда и обратно (8 зильб.) и тотчас же отправилась в каюту. Может быть, моя фигура имеет в себе что-нибудь такое, что неприятно для немцев, потому что все немецкие барыни обыкновенно меня очень долго осматривают. Тут сидела какая-то ужасная харя, полная своего достоинства, с подлыми черными глазами[133*] и со вздернутым носом ⟨слово не расшифровано⟩ (она ужасно походила на нашу еврейку Вольфсон). Она высокомерно посмотрела на меня, потом, когда я открыла окно, она двинулась, чтоб его затворить. Затем сделала выговор девочке, которая тоже отворила окно. Должно быть, эта особа очень боится ветра, что так упорно закупорилась в каюте. Она долго и очень грозно на меня посматривала, потом встала, оглядела меня внушительно и ушла, бог ее ведает куда. Я, признаюсь, была очень рада. После Loschwitz был Wachwitz и еще какие-то witzi. Я было села на палубу, но здесь мне не понравились три развеселые немца. Они уже выпили по 2 кружки пива (а может быть, и больше) и были достаточно навеселе. Я особенно боялась одного из них, похожего на Рязанцева[53]. Он, кажется, намеревался, и даже очень, пристать ко мне. Потом, когда я сошла на берег, я тотчас же, чтобы с ним не встретиться, побежала ко дворцу. Это дворец, в котором король живет летом. Он вовсе не отличается каким-нибудь великолепием, или я, может быть, уже привыкла к великолепию, судя по Петербургу, но такие замки, как летняя резиденция саксонского короля, встречаются очень часто у наших даже не слишком богатых бар, да еще в 10 раз великолепнее. Дворец этот в японском и китайском вкусе, с острыми кровельками, и с какими-то рисунками по стенам, синие и красные рисунки. Фонтан только хорош, но он не в движении. Вообще здесь только устраиваются, потому что теперь короля здесь нет, готовятся к его приезду, подчищают аллеи, поправляют фонтан, садят деревья и красят дома. Сад довольно густой и красивый, но опять-таки небольшой, с аллеями, обнесенными решетками, обвитыми каким-то вьющимся растением. Есть несколько беседок, но не замечательных. Я пошла до конца сада, воротилась назад и вдруг встретилась с молодыми людьми, которых так боялась. Это меня так рассердило и испугало, что я даже покраснела, когда прошла мимо них. Потом я тотчас же повернула в сторону и ушла мимо оранжерей в самую глухую часть сада. Но отсюда-то открылся едва ли не единственный прелестный вид во всем Pillnitz'е. Это вид на очень высокую гору, на которой находится La Ruine[54]. Здесь было все, как обыкновенно бывает на картинах и пейзажах: и прекрасного цвета голубое небо, высокие горы кругом, горы, обсаженные внизу виноградниками, а вверху обросшие лесом, между которыми виднеются тропинки, и, наконец, обломки какой-то готической башни и каменный мостик около

132* Дражайший господин доктор (*нем.*).
133* *Заменено:* госпожа, полная собственного достоинства, с неприятными черными глазками.

нее. Но было так хорошо, что я просто бы до вечера просидела здесь, если б это было возможно и если бы со мною был Федя. Так здесь было тихо и покойно, так хорошо. Но, однако, я не знала, в котором часу отходит пароход, я пошла в Schloss R⟨estoration⟩. Здесь под тенью каштанов, стояли столики. Я спросила кофею. Мне подали довольно хороший. ⟪Я здесь напилась.⟫ По двору расхаживали павлины, с прекраснейшими, но уже несколько попорченными хвостами. Когда я пила кофе, он ко мне подошел очень близко, и я разговаривала с ним. Вероятно, ему что-нибудь дают, поэтому-то он и привык подходить к людям.

Отсюда я пошла к пристани. Там я узнала, что пароход пойдет в $^1/_2$ 8-го, а до того времени можно сходить посмотреть La Ruine. Служанка рассказала мне дорогу, но я побоялась идти одна, потому что ⟪знала, что⟫ со мною деньги. Мне попался мальчик, я у него спросила дорогу. Тогда он ⟪мне⟫ предложил меня туда вести, если я ему что-нибудь дам. Это был мальчик лет 6, не более, зовут его Hans Mars. Он занимается тем, что водит на гору прохожих. Я расспросила его о его родных. Он каждый раз меня переспрашивал, но все-таки понимал, о чем я веду речь. Мальчишки, которые ему попадались навстречу, переглядывались с ним, и он, кажется, был очень горд, что водит осматривать,— значит, дело делает. Мы скоро прошли дубовую аллею и поворотили на гору, на настоящую гору, потому что это приходилось мне в первый раз, особенно на такую высокую гору. Тропинка шла уступами. Но чем выше мы поднимались, тем более и шире открывался вид на окрестности. Это очень хорошее место для осмотра вида на несколько верст. Это так высоко, что внизу люди кажутся не более вершка. Мальчик меня привел, я ему дала 6 Pfen. Он остался очень доволен и попросил меня отпустить его домой. Мне он был более не нужен, и он с радостью отправился вниз по тропинке. Я несколько осмотрелась и пошла на мостик, откуда уже открывался самый полный вид на соседние горы. Картина очень полная. Там-сям разбросаны деревушки, вдали виден город Пирна, везде горы, самые разнообразные. Одни покрыты виноградниками, следовательно, некрасивы, другие покрыты елками, пихтами, темно- и светло-зелеными. Где-то внизу журчал ручеек. Я пошла поискать его, но на дороге спросила у попавшейся компании, куда ведет эта дорога. Мне сказали: на Ferdinandstein, но предупредили, что я тогда не поспею на железную дорогу. Мне бы ужасно не хотелось оставаться здесь ночевать, потому я лучше воротилась опять к руинам[134*]. Но тут началась гроза. Где-то вдали шел страшный дождь. Прямо против меня сгустились страшные черные тучи, которые все принимали самые прихотливые формы, но все более и более темнели. Начался ⟪страшный⟫ гром, раскаты его глухо раздавались по лесу, молния зигзагами сверкала по темному небу. Зрелище было удивительное, особенно для меня, которая никогда не видала грозы на воздухе, а привыкла всегда прятаться в это время дома, из боязни быть убитой. Но тут я ничего не боялась,— ну, убьет, так убьет, значит мне так на роду написано, не под деревом, так другим образом найдет, если мне уж смерть предназначена. Какое это восхитительное зрелище, я была просто поражена этим. Я дрожала, но не от страха, а от какого-то благоговения и восторга пред великими силами природы. Я долго смотрела, потом пошла вниз, тогда уже над самой моей головой началась гроза и полил страшный дождь. Я поспешила. На дороге мне

[134*] *Заменено:* к пристани.

попалось стадо баранов, которых пастух гнал. Они очень боязливо бежали и, видимо, боялись меня. Но я их страшно перепугалась и кричала пастуху, чтоб он их как-нибудь отогнал от меня. Он смеялся и сделал ⟨не расшифровано⟩ как я хотела. Какие эти бараны грязные, ужасно, совершенно как свиньи. Наконец, я кое-как дошла до ресторана, где останавливается пароход. Здесь уже полная зала была людей, которые пришли сюда спрятаться от грозы. Я села к столу и спросила кофею. Пока я пила, подле сел один юнкер или солдат гвардейский и еще какой-то болван, который нагло стал смотреть на меня. Я выпила свою чашку и ушла на балкон. Там сидело несколько человек. Мало-помалу сюда начали собираться. Потом дождь прошел, и пароход стал готовиться к отъезду. Я вышла на берег. Было довольно холодно, так что я даже дрожала. (Предусмотрительные немки всегда имеют с собою на случай дождя какую-нибудь шаль, а у меня ее и не было.) Наконец, кое-как я попала на пароход и поспешила в каюту, которая скоро начала наполняться дамами и мужчинами, так что я была ужасно рада, что заблаговременно достала себе место. Тут я говорила несколько времени с одною немкою, которая тоже ехала из Пильница. Кажется, добрая женщина. Она тотчас же заметила, что я не привыкла разговаривать по-немецки. Наконец, я приехала в Дрезден и в 9 часов была дома. Но у меня болела голова и немного болело горло.

Среда, 22 M⟨ai⟩ (10)

Сегодня утром я встала очень рано, ⟪еще⟫ только что пробило 6. Не зная, как убить время до тех пор, как мне надо будет идти на железную дорогу, я села писать письма. Написала к Павлу Григорьевичу[135*] и к Ольге Алексеевне. Это у меня заняло порядком времени, так что к 11 часам у меня едва-едва было готово. Я отнесла их на нашу почту и отправилась на станцию. Но и на этот раз я обманулась. Он не приехал. Я глядела, когда желтый шарабан (здесь почтари в желтом одеянии ходят)[136*] с моим письмом отправится в почтамт, а он, как назло, очень тихо ехал. Дорогою я уже приготовилась к содержанию письма, именно, что все проиграно, и что надо выслать деньги, так что оно меня нисколько и не удивило. Но я была очень рада и счастлива, что Федя так меня любит, что он так испугался, когда не получил моего письма[55]. Да, надо сильно любить, чтобы так чувствовать. Со мною были деньги. Я тотчас же ⟪их развязала и⟫ пошла по банкирам, но никто из них не имел сношений с Гомбургом. Так что я перебывала почти у всех банкиров, но не могла добиться толку. Все мне советовали просто⟪-напросто⟫ послать по почте, говорили, что он там получит без затруднений, что он должен тогда будет показать только свой паспорт. Но я не знала, как уложить деньги, я зашла в ⟪один⟫ магазин бумаг, и хозяин магазина был так любезен, что показал мне, как это делается. Но я, придя домой, совершенно напрасно билась, стараясь сделать это как можно лучше. Многие конторы бывают заперты от 12 до 3 часов, так что мне все советовали зайти в 4 часа. Но если б я это сделала, то мое письмо было бы отправлено не сегодня, а только завтра, а, следовательно, он не так скоро бы его получил. Наконец, я на Wildrufferstrasse нашла одного банкира Robert Thode[137*], который взялся перевести на Фра⟨нкфурт⟩, сказав мне,

[135*] Павел Григорьевич Сватковский, муж моей сестры. (*Примеч. А. Г. Достоевской*).
[136*] *Вставлено:* а почтовые кареты окрашены в ярко-желтый цвет.
[137*] *В стенографической записи здесь* — Thode, *далее* — Thore; *в наст. издании везде* Thode.

что его Anweisung[138*] всегда примут и в Гомбурге. Он перевел на флорины, но просил прийти через $^1/_2$〈часа〉. Я было ушла, но вошел какой-то белоголовый конторщик или сам банкир. Он очень вежливо пригласил меня к себе в кабинет и сейчас же написал все, что было нужно. Я отдала свое письмо, он вложил и обещал сегодня послать на почту. Но я, со своей стороны, написала еще письмо, в котором извещала Федю, что 《только что》 послала деньги. Я торопилась и отдала это письмо почтарю, уже когда он ехал на почту, и потому не положила никакой марки. Я сначала очень испугалась, думая, что мое письмо не дойдет, но меня успокоили. Потом я зашла выпить кофею, купила себе зонтик за 2 талера и пришла домой, чтобы готовиться к театру.

В 6 часов мы пошли, но я не взяла с собою ничего теплого, так что 《еще и》 по дороге туда начала сильно зябнуть. Мы пришли в театр еще задолго до начала. Театр этот довольно хорош, вроде нашего Михайловского. Обит красным бархатом. Весь потолок украшен портретами знаменитых людей. Театр был совсем полон, потому что было последнее представление Wachtel'я, певца прусского[139*] королевского театра. По этому самому и цены были возвышены. Над сценой, где обыкновенно бывают часы, находились часы очень древнего и простого устройства. Они представляли собой две дощечки, поставленные рядом. Одна изображала часы, другая минуты, или, вернее сказать, 5 минут, потому что по прошествии каждых 5 минут дощечка, представляющая минуты, поднималась и на ее место выдвигалась 《другая》 дощечка с 5-ю минутами. Наконец, началось представление. Давали «Il Trovatore»[56], музыка мне очень знакомая, потому что я и сама немного бренчала дома из этой оперы. На сцену вышла примадонна, г-жа [И л ь н е р], очень высокая и худая немка, чисто немецкое лицо, с тоненьким носом, именно такое лицо, которых я не люблю. Одета она была в длинное красное платье, с черной отделкой, которое мне очень не понравилось, совершенно без вкуса, да и носить-то его она не умела, 《потому что как-то оно волочилось сзади》. Начала она петь ужасно высоко и испускала рулады, которые сестре M〈-me〉 Z〈immermann〉 очень нравились, и она только и дело говорила: «C'est ravissant, quelle voix, mon Dieu, quelle voix!»[140*]. Я с нею соглашалась, но сама была очень недовольна. Потом вышел знаменитый, столь прославленный Wachtel (бывший кучер, M〈-me〉 мне вновь рассказала его биографию). Я смотрела на него в бинокль. Это ужас, что такое, совершенно модная картинка: белый (разумеется, набеленный), с румянцем на щеках, черные глаза, черные курчавые волосы, маленькие усы и эспаньолка,— все красиво, но выражения никакого, какая-то вывеска, как обыкновенно рисуют на цирюльнях. M〈-me〉 Z〈immermann〉 находила, que c'est un joli garçon[141*]. Этот господин, чтобы выразить или волнение, или нетерпение или ужас, всегда закатывал глаза, поднимал брови и грозно посматривал на всех зрителей. Явилась и 《цыганка》 Krebs Michalesi, довольно старая женщина, но с хорошим контральто. Она ужасно все время выкатывала глаза (я просто думала, что они у нее выпадут, так она ими старалась выразить волновавшие ее чувства). Вообще она только и играла, что глазами, а Wachtel вел себя дураком. Опять явилась на сцену Ильнер, уже в белом платье, начала

[138*] Перевод (*нем.*).
[139*] *Заменено:* Пражского.
[140*] Это восхитительно, какой голос, боже мой, какой голос! (*фр.*).
[141*] что это красивый молодой человек (*фр.*).

опять стонать и петь [высокие] фиоритуры, что мне вовсе не нравится, а публика, чем больше она взвизгивает, тем больше ей хлопает. А говорят, что дрезденская публика очень строга, что ей угодить очень трудно. Правда, вызывали W⟨achtel' я⟩ три раза. Когда стали ему хлопать в 4-й, то многие стали шикать, и один немец, очень услужливый, сидевший около меня, заметил, что их баловать не следует. Я почти не смотрела на сцену, мне было все равно, что бы там ни происходило. Я смотрела на часы и рассчитывала, через сколько часов приедет Федя. Выходило, что чрез 40 часов и 20 минут, потом меньше, потом еще меньше и так далее. Я очень сердилась на их часы, которые так тихо идут и не показывают, чтобы нам поскорее уйти домой. Наконец, все окончилось: Ильнер умерла, трубадур сгорел и пр., и мы вышли из театра. Правда, было довольно холодно, так что я после теплоты-то попала в такой мороз. Но M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ посоветовала мне накрыться платьем, и только это меня немного спасло. Я звала ее на чай, но она отказалась. Я посидела немного, выпила чашку и легла спать. Видела я во сне, что Феде будто бы все носят ⟨⟨различные⟩⟩ подарки,—кто перстень, кто книги; одна певица подарила ему слоновой кости горшочек для цветов, очень тонкой работы. Я, наконец, спросила: «Что же это тебе все дарят?» «Да сегодня мое рожденье», отвечал Федя: Я была так поражена этим, что не знала, когда его рожденье, и не подарила ему ничего, что ужасно расплакалась и побежала к Маше, которая уже лежала в постели, и спросила ее, где мои 3 тысячи (у меня оказались откуда-то 3 тысячи), и умоляла дать мне совет, что ему купить. В слезах-то я и проснулась, гляжу—день, но всего только 8 часов (28 до Федина приезда).

Четверг, 23 (11) мая

День дождливый, пасмурный, скука страшная. Стала шить, дошила нескончаемое лиловое платье, сейчас пойду на почту. Я уже заранее предчувствовала какое-нибудь еще более гадкое известие. Пошла очень тихо на почту, получила письмо[57], прочла и увидела, что Феде, видимо, очень хочется еще остаться и еще поиграть. Я ему тотчас же написала, что если он хочет, то пусть и останется там, что я даже его не буду ждать раньше понедельника или вторника. Я предполагаю, что он там и останется. Что же делать, вероятно, это так нужно. Пусть лучше эта глупая[142*] идея о выигрыше у него выскочит из головы. Мне было очень грустно.

Отослав письмо, я пошла бродить по городу для того, чтобы рано не прийти домой и не показать виду M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩, что я не обедала. Так по сильному дождю и такой погоде, когда добрый хозяин и собаки не выгонит, я пошла до Венской железной дороги, потом по Beuststrasse домой. Шла, нарочно замедляя шаги, чтобы попозже прийти домой. По дороге зашла в кондитерскую выпить кофею. Мне его приготовляли минут с 10, но оказался он очень хорош, так что я готова была выпить другую чашку. Дождь меня вымочил просто до нитки. Я переоделась, сначала съела купленные телятину и сосиски, потом принялась что-то делать. Наконец, за что я ни принималась, все мне как-то скучно. Я решилась идти еще выпить кофею и купить бумаги для штопания. Купила на 2 зильб., и 2 Pfenn. заплатила за иголку, которую сейчас же и сломала, как только начала шить, и принуждена была взять иголку от Иды. Потом села писать письмо к Стоюниной[58] и стала пить чай. Ко мне зашла M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ и обещала прийти посидеть после 9 часов.

142* *Заменено:* несчастная

Она пришла ⟪(она, кажется, попивает, потому что от ее вида будто бы какой-то [винный?] запах)⟫. Она начала с восторгов о вчерашнем театре. Я, разумеется, ей вторила, но на самом деле была недовольна. Зачем было противоречить, ведь она привыкла считать Россию варварской страною, ⟪то⟫, пожалуй, и не поверит, что у нас лучше, и сочтет за хвастовство, так пусть ей и остается ее невежество. Россия оттого не потеряет. Мы разговорились и о войне, и она объявила, что считает войну за рабство, в котором еще находится человечество, что с какой стати солдат должен жертвовать своею кровью из-за честолюбия своего государя, и объявила, что она республиканка. Она рассказала, что прошлого года прусский и саксонский короли ездили вместе в коляске, были в театре, целовались и обнимались на железной дороге, и это всего через две недели после страшной войны, которую они вели. Король должен был бежать в Богемию. Этого никто не одобрял, потому что ⟪ему⟫ было лучше всего держаться в Саксонии, как ему и советовал прусский король, и быть нейтральным. Но как же не помогать, когда он католик,— католику австрийскому императору, хотя народ-то, и все войско здесь протестанты, и сами богемцы смеялись над войском короля и называют их протестантами. Мы долго разговаривали на эту тему, и она советовала мне идти посмотреть памятник ⟨героя⟩, которому здесь оторвало обе ноги. Эти-то самые знаменитые ноги и были похоронены здесь, на холме, а самое тело было отвезено в Петербург. Странная судьба этого человека — быть похороненным в разных местах [59].

Пятница, 24 (12) ⟨мая⟩

Утром я встала рано, думая, что Федя сегодня приедет, и собиралась идти на станцию, но почему-то, не знаю, я зашла раньше на почту и здесь получила его письмо. Он говорит, что мое письмо получил, а посланное от банкира еще нет, и поэтому-то он еще не выезжает. ⟪Я думаю, что это неправда, а что это только предлог остаться там подольше.⟫ Он мне написал смешное письмо, в котором жалуется на страшную зубную боль, просит, чтоб я немного потерпела [60]. Ну, что же делать, я и написала письмо, что пусть так и будет, пусть он останется там подольше. Оттуда я зашла в булочную, выпила чашку кофею, съела крем и, несмотря на дождь, пошла осмотреть Mineralien Kabinet[143*]. Собственно здесь ничего хорошего нет, собрание очень маленькое, в одну небольшую узкую комнату; нового я ничего здесь не увидела; все это я видела и прежде, исключая разве лабрадора, который увидела в первый раз, да еще насекомых в янтаре. Они отлично сохранились. Я походила здесь с $^{1}/_{2}$ часа и была обрадована звонком, который возвестил об окончании положенного для осмотра времени. В Geologisches Kabinet [61] я потому и не попала, но не раскаиваюсь. Отсюда я пошла в галерею. Обыкновенно в дождь и в бесплатные дни особенно много бывает здесь народу,— вероятно, в такие грустные дни всякий не знает, куда деваться и идет в галерею. Со мной была моя книжечка, и я сделала некоторые замечания о годе рождения художников и о тех картинах, которые на меня произвели особенное впечатление. Отсюда я зашла к банкиру ⟪русскому⟫, спросила, послал ли он письмо. Он был удивительно вежлив, показал мне марки и даже проводил меня, как и в первый раз, до двери. Побродив еще немного, я зашла выпить чашку кофею во вчерашнюю кондитерскую, хозяин

143* Кабинет минералов (*нем.*).

меня тотчас же узнал, и мы разговорились о политике, о [драке] и о выходе из Дрездена прусского войска. Потом я пришла домой, села читать «Русского»[62] и штопать мои чулки, которые все перештопала. К вечеру 《еще》 я почувствовала сильнейший голод и потому отправилась купить себе масла, хлеба и колбасы[144*]. Потом я велела Иде делать чай. Ко мне пришла сестра M〈-me〉 Z〈immermann〉, удивилась, что я сижу в таком холоде, и увела меня пить чай к себе. У ней в комнате мне очень нравится, потому что так уютно. Она сегодня топила у себя два раза, поэтому у ней было довольно тепло. Мы много разговаривали о различных предметах, и я замечаю, что я довольно быстро говорю по-французски, 《даже》 вчетверо быстрее, чем неделю назад. Это меня очень радует, так что можно надеяться, что, пробыв за границей несколько месяцев, я буду довольно порядочно говорить по-французски и по-немецки. Пили мы чай с Kirschenwasser[145*], вроде рома, который, по словам M〈-me〉 Z〈immermann〉, пьют в Швейцарии все старики и старухи каждый вечер, и они тоже его употребляют. (Поэтому-то мне иногда и казалось, что M〈-me〉 Z〈immermann〉 бывает немного подшофе.) Наконец, она дала мне «Le theâtre français», с двумя небольшими пьесами. Одна из них «Poèsie ou le pôt au feu», в которой является синий чулок, мне чрезвычайно понравилась по своей нелепости смешной. Я читала это на сон грядущий, потом крепко заснула. Утром раза два или три просыпалась, потом засыпала, видела различные сны и очень лениво встала. 《Еще я》 забыла: вчера еще раз заходила на почту и ужасно удивила почтмейстера, который мне сказал: «Неужели мне мало одного письма?» Получила я письмо от Павла Александровича[146*]. Письмо было к Феде[63], но я знаю его руку, сама распечатала и прочла; ничего особенного

Суббота, 25 (13) 〈мая〉

Я вспомнила, что вчера мне почтмейстер сказал, что письма приходят рано утром; я уже в 9 часов была у него, но не нашла письма. Пришла домой и решила, что, вероятно, Федя сегодня приедет. В 12 часов пришла на станцию, но Феди не было. Оттуда на почту, и дорогою уже предугадала это письмо, т. е. что все проиграл, 《что》 просит денег[64]. Так и случилось. Я тотчас же написала ему письмо, зашла к банкиру, но он мне сказал, что сейчас контора запирается, и что откроется вновь только в 3 часа. Я воротилась домой, выпив по дороге чашку кофею, 《потом》 взяла деньги и снесла к нему. Но, может быть, мой костюм в этот раз не возбудил в нем такого уважения, потому что он мне довольно долго спустя предложил место, и уже не проводил меня, как вчера, до двери.

Отдав письмо на почту, я пошла прогуляться на верху Zwinger'а, где я еще никогда не была. Его можно пройти кругом по балюстраде. Я обошла, потом села на сырую скамейку и принялась писать. И все это было для того только, чтобы как-нибудь убить время. Потом я пошла в нашу библиотеку, спросила, не привезли ли книги. Тот отвечал, что еще

[144*] *Вставлено:* (Все эти дни я принуждена была не обедать, а питаться лишь кофеем, чаем и закусками, и вот почему: M-me Z. не считает выгодным давать мне обед, да и стол у ней скудный, ходить же в отели обедать немыслимо; здесь не принято, чтоб молодая женщина посещала рестораны без кавалера, и на меня нагло глядели бы разные немцы и немки. Ходить же пить кофе в кондитерскую не считается неприличным. Так вот я и голодаю совсем против моего желания!).

[145*] Вишневая наливка (*нем.*).

[146*] *Вставлено:* (Исаева).

нет, но он ожидает с минуты на минуту. Я выбрала Евгении Тур 2 книги и потом еще «Записки Екатерины II»[65]. Зашла в кондитерскую выпить чашку кофею, потом пришла домой и стала читать книги. Все это повторение на одну и ту же тему: гордая девушка жертвует собой и своей любовью для сестры или родственницы. Вообще ужасно глупо. Вечером ко мне пришла M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩, поговорила ⟪со мною⟫ немножко, пожелала хорошенько спать и ушла.

Воскресенье, 26 (14) ⟨мая⟩

Я встала сегодня довольно рано, чтобы идти на почту, а потом в церковь. Оделась и повидалась с M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩, у которой обещала сегодня обедать. Пошла на почту, получила письмо[66], в котором Федя обещает приехать завтра. Потом пошла в церковь. Как здесь хорошо поют, просто чудо. Иноверцев, как и в прошлое воскресенье, было ужасно много. Сначала я вдали смотрела службу, а потом отошла ⟪ближе⟫ к оркестру. Тут я видела двух хорошеньких девиц: блондинку и брюнетку, я предполагаю, соперниц: одна была великолепно одета, другая — так себе, пожалуй, даже дурно, но обе прехорошенькие. Потом они вместе вышли из церкви, и к ним тотчас же подошел какой-то кавалер, с которым они разговорились. Пришла я домой, сейчас же села обедать, и весь обед уговаривала M⟨-lle⟩ Tomson идти с нами. Но она говорила, что в том только случае пойдет, если я обещаюсь говорить с нею все время по-английски. Я дала ей это обещание, но она все-таки не решилась идти. В $^1/_2$ 2-го мы пошли и пришли туда без $^1/_4$ 2. Купили билеты (14 зильб. туда и назад), немножко подождали и сели в вагон. С нами сидели ⟪какие-то⟫ муж и жена. Мне сначала послышалось, что они разговаривали по-русски, но потом я разуверилась, ⟪потому что они начали говорить по-немецки⟫. Была еще какая-то немка, которая ехала куда-то очень близко и которую провожали муж и двое ребятишек. Мать поминутно обращалась к своему мужу, а он, вероятно, какой-нибудь колбасник, нарочно старался не глядеть на свою жену. Действительно, она ужасно как пожилая и смотрит старее его. Когда поезд отошел, один из мальчиков заплакал, его поспешили вывести.

Не более как через час мы приехали в Pötscha. Все время нам приходилось ехать около самой Эльбы. Она мало-помалу делается узкою, не больше Spree или нашей Черной речки, ужасно узкая, но, говорят, глубока — до 12 саж. глубины. Мы проезжали мимо Pillnitz, мимо Пирны. Это небольшой городок, в несколько улиц, очень чистенький, но, я думаю, прескучный. Здесь недалеко, на высокой горе, находится дом сумасшедших, с большим садом и бельведером. На станциях очень много вышло, так что у нас было довольно просторно. Виды были великолепные. Все скалы, высокие, угрюмые скалы по другой стороне Эльбы, а по той, по которой мы ехали, целая стена, которою поддерживается гора от падения. Прежде здесь была скала, но ее взорвали для проведения дороги. Везде зелень. Чрезвычайно хорошо. Наконец, мы приехали в [Саксонскую Швейцарию?], вышли и все направились к лодке. Село, я думаю, человек с 15, если не более, так что края лодки были почти в воде. Я немного трусила, потому что, говорят, здесь она очень глубока, да и вообще ничуть не хотелось бы вымочиться в воде. Но нас кое-как благополучно перевезли и взяли по 12 Pfen. за человека. Вышли мы на берег. Здесь стояло несколько человек с оседланными лошадьми. У M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ болят ноги, и потому она не решилась идти пешком. Я хотела идти, но она убедила меня сесть на лошадь. Я сначала

не соглашалась, во-первых, потому что я никогда не ездила и 《поэтому》 боялась, а во-вторых, не хотелось давать такой большой цены, именно 1 талер 5 Pfennig'ов. Потом они уступили за 25 зильб.[147*] Нечего делать, приходилось сесть. Я села 《и положила напротив ноги》 и стала держаться за холку лошади. Меня сначала очень встревожило, я, вероятно, даже побледнела и вообще имела испуганный вид. M〈-me〉 Z〈immermann〉 мне указывает на деревья. Я ничего не слышу, да и видеть-то ничего не хочу[148*]. Но мало-помалу я оправилась, уж перестала держаться за холку лошади. Как это хорошо, эта Саксонская Швейцария! Высокие, неприступные скалы, огромные камни, наваленные один на другой, которые, кажется, так и готовы упасть на вас. Все эти скалы покрыты деревьями (больше елками), между скалами бежит ручеек. Это все так хорошо, что и представить себе трудно, но одно было жаль, это — что Феди не было со мной, а без него меня ничего не приводит в восторг. Иногда скалы так низко висели над нами, что приходилось сильно нагибать голову, чтобы не ушибиться. Иногда скалы образовывали между собой только один узкий проход, где можно было идти не более двум человекам рядом. Мы ехали шаг за шагом. Лошади были привычные. Только лошадь M-me Zimmermann испугалась ее зонтика и бросилась в сторону, но потом сейчас же ее привели в повиновение. Я разговорилась с моим проводником. Он мне сказал, что мою 《лошадь》 зовут Fritz'ом, а что другую лошадь — Lisel. Моя лошадь была очень смирная и добрая лошадка. Она иногда поворачивала голову и посматривала на меня своими милыми, умными глазами, а раз так остановилась, чтобы поесть травы, но проводник не позволил ей остановиться. Мы, я думаю, ехали около часу, когда, наконец, приехали в Bastei.

Я уже под конец нисколько не боялась, а преудало сидела на моем Россинанте, 《даже》 уже не держалась за холку Fritz'а. Дорогою нам попадалось много прохожих, которые с удивлением посматривали на нас и посмеивались. Этот смех, я думаю, возбуждал мой храбрый вид — le chevalier de la triste figure[149*], как потом меня прозвала M〈-me〉 Z〈immermann〉. Когда мы приехали в Bastei, мы ужасно хохотали над моею фигурою. M-me Zimmermann говорила, что я была до того печальна, что она на меня смотреть не могла. В минуту отчаяния, когда мне становилось не под силу удержаться, я говорила «О, о!»[150*]. Эти вопли до того ее смешили, что она хохотала, право, более часа. Да я и сама воображаю, как я была смешна на коне.

Наконец, мы приехали, слезли с лошадей, отдали деньги и пошли в ресторан. Здесь я спросила себе кофею, а она — пива, но у меня, не знаю почему, ужасно разболелась голова. Может быть, это происходило оттого, что я в первый раз ехала на лошади, от страху ли это или просто это произвел на меня впечатление горный воздух, 《вышина》, но у меня ужасно сильно болела голова, просто до тошноты. Надо заметить, что со времени приезда за границу это первый раз как я заметила, что у меня болит голова. Потом мы пошли осматриваться. Мы смотрели со скалы, которая огорожена решеткой, вниз, на Эльбу. Все казалось до того маленьким, что просто смешно. Так, там стояла лодка, вероятно боль-

---

[147*] *Вставлено:* кроме того, идя пешком, я рисковала отстать от спутников.
[148*] *Вставлено:* чтобы не упасть с лошади. Мой дебют верховой езды был довольно плачевный.
[149*] Рыцарь печального образа (*фр.*).
[150*] *Вставлено:* сама того не замечая.

шая, но она казалась игрушкой. Дома, пароходы, люди — все это представлялось не более, как в 1 аршин. Это, должно быть, страшная вышина. (Я забыла сказать, что мы из Pötscha переехали через Эльбу в местечко Wehlen, отсюда поехали горами и долинами, которые здесь называются Uttewalder Grund.) ⟨⟨В это время⟩⟩ проезжал по другой стороне Эльбы поезд железной дороги. Но он казался удивительно мал, не больше, как обыкновенно такие поезда продаются в виде игрушек. Мы долго здесь смотрели, потом походили и пошли спускаться. Мы вышли на мост. Это мост, соединяющий 3 или 4 огромных утеса между собою. Тут устроены отдельные мостики[151*]. Все это удивительно хорошо. Внизу видна зелень темная, перемешанная со светлой зеленью. Все стены здесь исписаны различными именами, встречается огромное множество имен русских. Видно и русские стараются «обессмертить» себя. И именно ⟨на скалах⟩, тоже замечательных по своей величине и высоте, на которых написаны имена и есть русские фамилии. Потом мы пошли спускаться. На дороге нам попадались мальчишки, которые просили нас подарить им сколько-нибудь. Один из них обещал «усыпать наш путь цветами», другой хотел продать нам «Glückblätter», листьев счастья на всю жизнь. Но мы отказались и продолжали наш путь. M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ говорит, что это у них обратилось в профессию, что этим эти мальчики только и занимаются и чрез это решительно отвыкают работать. Спускаться было довольно трудно, тем более, что я не привыкла взбираться на горы или спускаться с них. Это очень крутые, почти прямые дорожки. M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ удивительно как громко вскрикивала, когда ей приходилось сходить вниз, и меня ужасно пугала. (Я не понимаю отчего, но я сделалась удивительно пуглива, от всего-то я вздрагиваю, просто это меня досадует.) Когда мы уже совсем сошли, нам с горы кто-то громко кричал. Это какие-то шалуны, которые, взобравшись на гору, кричат разными голосами. (Я забыла: на Bastei есть высокая башня, но не выше некоторых утесов. Здесь помещается обсерватория. Но я не зашла. Какой-то господин, взобравшись туда, начал дразнить собаку, подражая собачьему лаю. Собака, услышав незнакомого противника, начала выходить из себя и ужасно бесилась, что ее противник сидит так высоко. Собаку едва могли отозвать, так она была возбуждена.)[152*]

Наконец, мы дошли до какой-то деревушки, оттуда надо было переехать на другой берег Эльбы, чтобы добраться до станции Rathen. Лодка подъехала. Мы сели. Тут была еще какая-то немецкая семья из 8 человек, но они решили лучше подождать, когда лодка воротится, потому что иначе не было никакой возможности усадить их всех. В нашу лодку опять попали те супруги, о которых я уже говорила. Они разговорились по-немецки с M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩. Мы переехали, и M-me Zimmermann, чтобы утишить мою головную боль, предложила мне что-нибудь съесть. Я спросила хлеба, масла и сыру. Она взяла себе то же, но сыру спросила Kuhkäse[153*], какую-то вонючую гадость. Пока мы сидели, я услышала, что наши супруги говорят между собою по-русски. Я тотчас же обратилась к жене с вопросом, не русские ли они? Она отчего-то, не знаю, ужасно сильно покраснела и сказала, что она русская, что они живут в Дрездене уже 10 лет. Она не имела совсем возможности

151* *Вставлено:* с которых открываются поразительные по своей красоте виды на окрестности.

152* *Вставлено:* И зачем было дразнить, все это обычные, неостроумные немецкие шутки.

153* Коровий сыр (*нем.*).

говорить по-русски, кроме своего мужа, который также жил в России лет 15. Она мне сказала, что здесь довольно много русских, что здесь гораздо выгоднее жить, чем в России, что она теперь совсем уж и не скучает по родине. Говорила она как-то странно, с выговором на о. Я очень обрадовалась с кем-нибудь поговорить по-русски, потому что уж с две недели как ни слова не говорила. Потом я спросила себе пива, а M-me Zimmermann — молока. Нам пришлось ждать здесь около часу, пока, наконец, не пришел поезд. Когда мы подходили к вагонам, ко мне подошла какая-то дама и поклонилась. Я уже давно заметила, что ее лицо удивительно мне знакомо, но не знала, где я ее видела. Когда она разговорилась, то я вспомнила, что мы ехали с нею вместе на пароходе из Pillnitz'a и говорили. Я вежливо с ней раскланялась[154*]. Тут мы сели в вагон, с нами сидели четверо молодых людей, немцев, очень милых, смешливых, может быть, студентов. Они всю дорогу хохотали, как безумные. Один из них говорил даже по-французски и по-английски, но, разумеется, с немецким выговором. Спиною к нам, в отдельном ⟨купе⟩ сидели, вероятно, молодые супруги. Они были очень нежны между собою: он положил свою руку ей на шею, а она к нему прижалась. Все это, разумеется, очень хорошо, и я хвалю супружеское счастье, но все-таки можно бы было немного поудержаться, по крайней мере, при публике бы не делать этого[155*]. Потом она совершенно прилегла к нему на плечо головою и, по-видимому, заснула. Мы с M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ смеялись этому. Молодые люди заметили и тотчас же стали тоже подсмеиваться: так, один из них обратился к товарищу и предложил ему сделать то же самое, то есть быть также нежным. Но тот в страшном отчаянии вскричал: «Ради бога, не надо!». Вообще мы обратили внимание всего вагона на этих нежных супругов, так что даже фермеры, которые, я думаю, тоже не прочь понежничать при людях с своими женами, и те даже стали посмеиваться. Наконец, мы приехали. Молодые люди вышли первые, потом помогли выйти M-me Zimmermann. Один очень вежливо подал и мне руку и помог выйти из кареты. Перед нами, когда мы вышли с вокзала, все время шел какой-то англичанин с мальчиком, которого мы видели и на Bastei и в Rathen'e. Мы перешли на другую сторону улицы, через несколько времени перешел и он. Наконец, он повернул куда-то, а мы пошли домой. У меня сильнейшим образом болела голова. Я тотчас же легла в постель, боясь поздно проснуться.

Понедельник, 27 (15) ⟨мая⟩

Я встала сегодня очень рано, собралась, чтоб идти в почтамт. Пришла туда и получила письмо от Феди[67]. У меня так и упало сердце, когда я получила письмо. Я предполагаю, что он уже сегодня не приедет. Отсюда пошла в Gipsabgüsse[156*]. Сегодня бесплатный вход, но у дверей от меня отняли зонтик и дали нумерок. Я вошла. Ничего хорошего. Здесь мне не понравилось, например, статуя Parthenon. Эта статуя без головы, ног и рук. Вообще мне никогда не нравится ничего поддельного[157*]. Из гипса статуи так дурно выходят, все формы пропадают. Вообще долго не оставалась там, мне все казалось, что я непременно что-нибудь да

154* *Вставлено:* и поговорила. Мне очень симпатична эта простота отношений; жаль, что мы, русские, никогда так откровенно и простодушно не сходимся, а всегда будто дичимся друг друга.
155* *Вставлено:* Терпеть не могу, когда нежность выставляют напоказ.
156* Гипсовые слепки (*нем.*).
157* *Вставлено:* В скульптуре же я люблю лишь мрамор.

разобью. Даже мне виделось, что и солдат, которому поручено смотреть за посетителями, тоже как-то подозрительно на меня посматривает. Я вышла, спросила свой зонтик, отдала за него 1 зильб. и пошла на станцию. Здесь мне очень захотелось поесть. Я спросила хлеба, масла и сыру и приготовила уже деньги, чтобы отдать, выложила на стол 2 и $2\,^1/_2$ зильб. не зная, сколько именно нужно. Тут явился кельнер, который разговорился со мной и рассказал свою жизнь в Париже. Я поскорее, чтоб избавиться от его разговоров, встала и ушла, и только тогда вспомнила, что оставила 2 зильб. на столе. Разумеется, он подумал, что это за его услуги. Мне было так досадно, что я чуть не воротилась за деньгами.

Поезд пришел, но не привез Феди. Мне было ужасно больно и тоскливо, я шла и дорогою все время рыдала, так что немки очень пристально смотрели на меня. Пришла на почту и получила два письма: от мамы и от Павла Григорьевича. Я тут же принялась читать письма. Мама написала какой-то вздор: про ненависть, которую я внушила Федору Михайловичу к ней и бог знает еще какие рассуждения. Я была так огорчена тем, что Федя еще не приехал, что расплакалась. Потом я постаралась сделать, чтобы слезы были незаметны. Написала маме письмо и пошла во второй раз на машину, взяв с собой «Theatre Fr⟨ançais»⟩. По дороге я зашла напиться кофею, а потом поспешила на станцию. Но и в $^3/_4$ 4-го он не приехал. Я решилась подождать поезда в 6 часов вечера. Все это время я читала «Le mariage de la raison»[158*]. Время, мне показалось, очень скоро прошло, и я не заметила, как пришел лейпцигский поезд. Я уже потеряла всякую надежду увидеть сегодня Федю, как вдруг вдали показался он. Я с минуту всматривалась, как бы не веря глазам, потом бросилась к нему и была так рада, так рада, так счастлива! Он немного изменился, вероятно, с дороги. Был запылен, но все-таки мы очень радостно встретились. Мы хотели нанять экипаж, здесь надо сначала взять билет или нумер от полицейского на крыльце вокзала, а без его позволения мы не имеем права нанять карету. Я поспешно подбежала к полицейскому, взяла от него билет, отыскала коляску, и мы сели.

Дорогою Федя мне рассказывал про свои несчастия. Я очень жалела, но все-таки была ужасно счастлива, видя, что он, наконец, приехал. Ида нас встретила у подъезда. Мы тотчас же спросили чаю. Я все время любовалась моим Федей, и была бесконечно счастлива. За чаем он спросил, не было ли ему письма, и я подала письмо от С⟨условой⟩. Он или действительно не знал, от кого это, или притворился незнающим, но только едва распечатал письмо, потом посмотрел на подпись и начал читать. Я все время следила за выражением его лица, когда он читал это знаменитое письмо. Он долго, долго перечитывал первую страницу, как бы не будучи в состоянии понять, что там написано. Потом, наконец, прочел ⟪и все письмо⟫[159*]. Мне показалось, что руки у него дрожали. Я нарочно притворилась, что не знаю, и спросила его, что пишет Сонечка[160*] [68]. Он ответил, что письмо не от Сонечки, и как бы горько улыбался. Такой улыбки я еще никогда у него не видала. Это была или улыбка презрения, или жалости, право, не знаю, но какая-то странная[161*]. Потом он сделался ужасно как рассеян, едва понимал, о чем я говорю.

158* «Брак по расчету» (*фр.*).
159* *Заменено:* и весь покраснел.
160* Софья Александровна Иванова, родная племянница Ф. М. (*примеч. А. Г. Достоевской*).
161* *Заменено:* жалкая, потерянная улыбка.

Вечером мы пошли погулять, зашли за сигарами и папиросами, а оттуда пошли на террасу. Я уже здесь не была, я думаю, недели две. Все по-старому. Мы хотели зайти на музыку, но боялись засидеться, а потому пошли пить кофе в кафе Реаль. Федя спросил себе мороженого, а я кофею. Придя домой, я легла спать, а затем, очень скоро, и он.

Вторник, 28 (16) ⟨мая⟩

Сегодня мы проснулись довольно поздно. У нас теперь часов нет[162*] и потому мы времени совершенно не знаем. Я сначала оправляла мое черное платье, а Федя все время, как потерянный, ходил по комнате, все чего-то искал, точно он что потерял, рассматривал письмо. Вообще видно было, что письмо это его очень заняло[163*]. Но мне очень, очень бы хотелось знать его мнение об этом поступке. Потом я писала стенографически, много читала, а в 4 часа мы пошли обедать. Зашли за сигарами и папиросами и купили «Колокол». Отсюда пошли обедать в Helbig по 15 зильб. в 4 кушанья. Это довольно дешево, и кушанья довольно хорошие. Во время обеда тут же у окна сидел какой-то больной, который мне ужасно надоел своим покашливанием и какими-то стонами, которыми он срывал свой кашель. Затем зашли в кафе Реаль выпить кофею, а отсюда просто не знали, куда нам деваться. Было уже 7 часов вечера, следовательно, за город идти нельзя уже было. Мы пошли в Gr⟨and⟩ Jardin. Здесь уже играет не прусская музыка, а саксонская. На дороге нам попались два русские семейства,— видно, что русских здесь довольно много. Заплатили 5 зильб. и вошли в сад. В это время играли увертюру из оперы: «Четыре трубочиста». Потом «Das Lied der Rose»[164*], мелодия с фокусами, причем часть музыкантов уходила за кусты и оттуда начинала отвечать главному оркестру. Затем играли «Frauenherz»[165*], вообще все очень сладкое и сентиментальное. Федя спросил пива, и мы положили 15 зильб. Тот поблагодарил и взял себе деньги, но мы остановили его[166*]. Тогда выдал нам сдачи 5 Pfen.[167*] ⟪Федя не захотел так оставить, он пошел тотчас же к хозяину ресторана, но затем воротился и объявил мне, что, кажется, он сразился. Это меня ужасно насмешило, его воинственный вид. Вообще он не на шутку ссорится с немцами.⟫ Мы пошли домой. На дороге встретили моего банкира Thode, который очень вежливо со мною раскланялся. Зашли и к Курмузям, как Федя его называет, и купили разные разности.

Среда, 29 (17) ⟨мая⟩

Сегодня Федя целое утро занимался составлением ⟪известного⟫ письма[168*]. Я все думала, позовет ли он меня выслушать письмо, или нет. Но когда он написал, то позвал и спросил моего мнения. Потом мы вышли, чтобы где-нибудь пообедать. По дороге купили сигар, папирос и шляпу (2 талера 5 зильб.) коричневую. Какой Федя еще дитя, он так и охорашивался в новой шляпе. Мой отзыв, что эта шляпа идет ему, ему польстил. Мы решили пообедать сегодня в «Waldschlösschen». Но я знала только

162* Вставлено: (остались в Гомбурге).
163* *Заменено:* затронуло и оскорбило.
164* «Песню розы» (*нем.*).
165* «Сердце женщины» (*нем.*).
166* *Вставлено:* (пиво стоит $2^1/_2$ Cr., не давать же на чай впятеро).
167* *Вставлено:* Такая наглость меня рассмешила, а Федя готов был не на шутку поссориться с немцем.
168* *Вставлено:* к Каткову[69].

длинную дорогу, а по короткой надо было переехать через Эльбу на пловучем мосту. Мы пошли искать пристань, 《но》 я взяла слишком направо и потому [потеряла?] дорогу. Наконец, кое-как, с помощью какой-то немки, мы отыскали дорогу и переехали на другой берег. Взяли с нас по 5 Pfennig'ов. Потом мы пошли по берегу. Федя был в ужасно дурном расположении духа. Он все о чем-то тосковал, был страшно нетерпелив и поминутно спрашивал, скоро ли мы придем в «Waldschlösschen». Наконец, мы подошли. Хотели сначала обедать в саду, но 《потом》 пришлось отобедать в зале, где было удивительно жарко. Пообедали. 《Но》 на беду подали вместо бифштекса котлеты. Это раздражило Федю, да к тому же мы никак не могли дозваться кельнера, чтобы расплатиться с ним. Федя искал его по всему дому, а когда тот пришел, то сделал ему [выговор?]. Затем мы пили в саду кофе и отправились гулять. Федя просил привести его куда-нибудь в сад. Я хотела показать ему сад Albrechtsburg'a, 《но так как он был ужасно нетерпелив, то я сказала ему, что лучше, чем капризничать, пойти домой. Он рассердился, сказал, зачем он так много прошел и вообще казался не в духе》. На дороге нам попался какой-то сад, принадлежавший к даче. Ворота были отперты, и мы вошли. Сад довольно большой, с извилистыми аллейками и, я представляю, с хорошим видом на Эльбу. Погуляв, мы отправились домой, но уже по самому берегу. Здесь мы несколько раз ссорились, но наши ссоры оканчиваются большею частью моим смехом: я никак не могу, да и не хочу сердиться на Федю серьезно и потому всегда стараюсь обратить ссору в смех. Мы поспорили, кто скорее подойдет к пристани, [м о л у и л и м о с т у]. Но подошли вместе, быстро переехали на другую сторону и пошли на террасу. (Тут мы встретили нашу милую англичанку. Она, вероятно, здесь живет, потому что вот уже две недели как я ее встречаю. Она одевается довольно хорошо, почти каждый раз в новых нарядах.) Мы пришли к Café Reale. Здесь Федя спросил мороженого, но нам принесли две порции, и я должна была тоже есть. Потом мы отправились домой.

Я ужасно устала от этой длинной прогулки, так что от чаю ушла в спальню и легла в постель. (Надо заметить, что когда я ухожу в другую комнату, Федя всегда тревожится и всегда меня спрашивает, что я там делаю. Ему все приходит на мысль, что я ужасно как скучаю, и он очень жалеет обо мне[169*].) Так и этот раз он меня спрашивал, зачем я туда ушла. Я отвечала, что я лежу и думаю[170*]. Так продолжалось несколько раз, я всегда пробуждалась, когда он меня спрашивал. Но потом опять преспокойно засыпала. Наконец, 《уж》 через час 《после моего сна》, он рассердился и позвал меня. Я еще с сонными глазами пришла к нему и начала со сна уверять, что я не спала. Он возмутился и объявил, что если я не хочу сидеть около него, так пусть ухожу. Вообще был ужасно разгневан, а я так расхохоталась и сказала ему, что это ужасно глупо и смешно разговаривать и бранить сонного человека, который сам не понимает, что говорит, и который преспокойно себе спал[171*]. Федя сам увидел, что несправедлив и просил только не смеяться над ним. Потом я долго сидела через силу, и он вывел из этого то заключение, что я сижу «из мщения».

169* *Вставлено:* На самом деле, я нисколько не скучаю и рада целыми днями смотреть и слушать его.

170* *Вставлено:* на самом деле, я спала.

171* *Заменено:* и просто валится от усталости.

Четверг, 30 (18) мая

Сегодня праздник, Himmelfahrt, Вознесение. Опять город пуст, и все магазины заперты. Федя принялся писать письмо, а я все время читала «Mon voisin Raymond»[172*], преглупую и пресмешную вещь. ⟪Но⟫ с Федей случилось несчастье: он $^{1}/_{2}$ письма написал на одном листе, а другую на другом, так что первую половину пришлось переписать. Это его раздосадовало. Окончив его, кажется, в 5 часов, мы пошли отнести на почту и зайти к Михаилу Каскелю получить деньги. На почте я справилась, нет ли для меня письма. ⟪Оказалось, что нет.⟫ За письмо отдали 8 зильб. Михаила Каскеля не было дома, сказали прийти завтра. Мы пошли обедать к Helbig на Эльбу и спросили обед в 15 зильб. Подали 3 кушанья, прежде подавали четыре, но зато получше, чем прежде, с компотом из яблоков. Я, видя, что Федя не ест компота с жарким, подумала, что он совершенно его не хочет, и преспокойно принялась его есть, оставив ему только одно яблоко. Каково же было мое изумление и стыд, когда он, окончив есть жаркое, принялся за компот. Мне было очень совестно, что я была так жадна. Я, разумеется, попросила у него извинения за мою глупость. Мне было ужасно жарко, потому что я была в двух кофтах. Я предложила идти на террасу, а я сама хотела идти домой, чтобы переодеться. Мы так и сделали. Но я сначала зашла за папиросами, потом в кондитерскую, ⟪преспокойно съела мороженое⟫, ⟨не расшифровано⟩ поправила волосы, так что пришла на террасу, я думаю, через час. Федя, которому было ужасно скучно сидеть одному, шел ко мне навстречу ужасно раздосадованный и почти закричал на меня[173*]. Уверял, что он сильно беспокоился. Беспокоиться-то уж положительно было не о чем. Он говорит, что опасался, что я не найду его. Это тоже несправедливо: терраса так мала, что не найти невозможно, поэтому и опасаться было излишне. ⟪Я посмеялась этому, но Федя обиделся и начал отворачиваться от меня, как маленький ребенок, и уверял, что он оскорблен. Я несколько раз хотела примириться с ним, но не было ни малейшей возможности. Он продолжал киснуть и отворачиваться, и под конец на мой вопрос, будет ли он сегодня со мной говорить, отвечал, что ему говорить не с кем, что он не может говорить с людьми, которые его оскорбляют и смеются над ним. Мне, наконец, это надоело, и я решилась тоже не говорить. Но он или ускорял шаги, или я отставала, только мне приходилось всегда идти позади его, и это он тоже приписал моему нежеланию идти. Мы пошли в Gr⟨and⟩ J⟨ardin⟩. Мне было ужасно скучно идти такую даль и не говорить с ним. Но что же делать, пришлось покориться. Наконец, мы пришли туда. Это было во время антракта. Все вошли с того входа, где не продают билетов и поэтому ничего не заплатили.⟫[174*] Спросили себе кофею и пива, посидели несколько времени, но концерта все еще не было. Сидеть так надоело, и мы пошли к стрельбе. Федя взял ружье и начал стрелять. Из 10 выстрелов он терял один, это очень хорошо,— значит, меткий стрелок. Я упрашивала его «убить», то оленя, то егеря, то солдата, и ужасно радовалась, когда он «убивал». Потом и я захотела попробовать, но Федя меня умолял не убить когонибудь[175*] и показал, как следует выстрелить. Я с большим опасением

[172*] «Мой сосед Раймон» (*фр.*).
[173*] *Заменено:* и прочел мне наставление.
[174*] Я посмеялась... заплатили *заменено*: С террасы пошли в Grand Jardin и попали на музыку во время антракта.
[175*] *Вставлено:* в самом деле.

взяла ружье в руки, наметилась и заставила турку подняться. Это возбудило во мне такую гордость, что я с торжеством обратилась к Феде: «Что?!». И захотела сейчас же выстрелить еще раз, даже не зарядив ружья. Федя мне это сказал, и это ужасно рассмешило такую страстную охотницу до стрельбы. Но второй удар был не так ловок, потому что я не могла хорошенько наметиться, да и Федя мне твердил, что я могу кого-нибудь убить. Мы заплатили 6 зильб. и ушли, решившись непременно придти еще несколько раз пострелять. (За 3 выстрела — 1 зильб.) Мы много гуляли вокруг оркестра и ушли под какой-то церемониальный марш. Проходили мимо Зоологического сада и видели через решетку слона, а Федя говорит, видел и оленя, но мне не показал (экая ведь злость). ⟪Пришли домой и опять успели уж поссориться. Нынче, что ни час, то ссора, это просто даже досадно, до какой степени он стал ⟨не расшифровано⟩. Я просто не могу с ним говорить, потому что он [кричит, а мне уж надоело?] поминутно получать наставления.⟫

Пятница, 19 (31) мая

Погода очень хорошая, встали довольно рано, ⟪и за чаем поссорились с Федей из-за его сочинения. Я хотела прочитать строчку из его «Записок из подполья»[70], но он на меня закричал и велел просить прощения. На меня это ужасно как действует, у меня сейчас начинает подергиваться лицо, и я сказала, что я не хочу просить прощенья, да и говорить лучше с ним не буду, если он уж постоянно хочет ссориться. Но мы скоро помирились.⟫ Он написал сегодня письмо к Паше, я приписала кое-что. Он сначала запечатал, но потом, когда я сказала, что там есть довольно резкое выражение «откозырять», он снова распечатал письмо[176*] и зачеркнул это слово[71]. Отнеся на почту, мы зашли к Каскелю. На этот раз двери у него были отперты (это, право, первый раз, потому что все раза, когда я приходила, всегда двери были заперты на замок). У него холодно и темно, точно в погребе. От нас взял ⟨перевод⟩, просил подписаться и сначала хотел выдать бумаги, но мы взяли 10 золотых (по 5 талеров 20 зильб. каждый). Банкир или конторщик был так к нам любезен, что принес нам стулья. Выйдя из «погреба», мы пошли к Helbig, где отлично пообедали. Нам подали какой-то соус из рыбы, очень странный[177*], название забыла, Федя хоть и горевал, что это производит дурное на него впечатление, но все-таки ел. За обедом, я не знаю, за что именно, но за что-то очень пустое, мы поссорились. ⟪Федя на меня закричал, и я попросила его лучше не говорить со мной, разумеется, я это сделала в шутку, но он принял это за серьезное намерение, стал молчать; когда я его спросила, думает ли он продолжать всю дорогу в Gr⟨and⟩ J⟨ardin⟩ — он отвечал, что ему не с кем говорить, что он не хочет, чтобы над ним смеялись и что поэтому будет воздерживаться от разговоров. Я с ним согласилась⟫, но мне сделалось до того скучно оттого, что ни слова не промолвит, что я начала теребить свой зонтик и объявила Феде, что если он со мною говорить не станет, то зонтику сегодня капут, ибо я без движения жить не могу. Он расхохотался, и назвал ребенком. Пришли в сад, заплатили 5 зильб., сели, и я захотела пива. Но Федя не хотел. Потом ветер начал уносить наши листки, служившие нам вместо контрамарок. Федя хотел удержать, а я свой

[176*] Он... письмо *заменено:* Федя запечатал письмо, но потом, когда я сказала, что там есть одно резкое выражение, он снова распечатал.
[177*] *Заменено:* вкусный.

скомкала и бросила. Это его рассердило. Потом он хотел идти к тиру, я опять противоречила, так что у нас опять произошла ссора. Наконец, он ушел от меня, чтобы стрелять. Я долго не раздумывала и, желая [повиновением] покончить ссору, пошла за ним. Здесь он в ярости[178*] перестрелял всех солдат, сначала тех, которые крутились, и потом и тех, которые стояли в рядах. Тут и я присоединилась, но только из 7 выстрелов заставила 2 раза выйти турку. Так мы прострелями 20 зильб. Воротились, посидели еще несколько времени, и Федя так и решился прострелять ровно талер. Мы подошли, но здесь глаз очень изменил, он почти не видел, так что дал несколько промахов. Проиграв еще 10 зильб., мы пошли домой и по дороге ⟪я все время старалась примириться⟫. Зашли в булочную, купили сладеньких пирожков ⟪и под конец вечера окончательно мир был заключен⟫.

Суббота, 1 июня (20)

Сегодня ⟪утром⟫ я все утро читала и писала, а Федя ⟪тоже⟫ ходил, обдумывал сочинение о Белинском[72]. Потом мы пошли сначала за сигарами, а потом к Helbig обедать. ⟪Но сегодня у нас ссоры не было весь день. Это очень [хороший знак], и так как⟫ я взяла с собою книги, то мы зашли переменить в нашу библиотеку. Книг новых все еще нет,— я думаю, что этот расторопный господин нас просто обманывает, и что русских книг вовсе и не будет. Я взяла 2-ю часть «В ожидании лучшего», а Федя «Голос России»[179*] [73]. Он зашел в кафе Фр⟨ансэ⟩ почитать газеты, а я отнесла книги домой, а потом пришла тоже в кафе выпить чашку кофею. Отсюда мы не знали, куда нам идти: в окрестности было поздно, да и не знаем куда, так что опять воротились в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩, но сегодня решились зайти в Zoologischer Garten[180*]. За вход берут 5 зильб. с персоны. Выдали нам по синему билетику, кончик оторвали и просили хранить, не знаю, зачем, потому что потом никто у нас его не осматривал. Мы пошли, и первое, что попалось нам на глаза, были бобры. Они так и ныряли в воде, очень ловко, прямо вниз головой. Их было трое. Один преспокойно сидел у норки и уплетал рыбу. Мы полюбовались несколько времени и пошли осматривать дальше. Дальше шел целый пруд, через который были перекинуты мостики. В этом пруду находились различные птицы. Мы смотрели, как бедная уточка никак не могла пробраться сквозь решетку, и как ей из-за решетки отвечали криками другие утки. Потом видели павлина, белого, блестящего, как снег. К нему не было дорожки, но Федя сделался так любознателен, что пошел по траве, почти к самому павлину, хотя я его и уверяла, что за это отрывают головы. Потом видели много различных птиц, названия которых я не помню, и, наконец, дошли до помещения хищных зверей. В наружных клетках, которые выходят в сад, их не было, нужно было пойти в средину здания. Но там до того сильный запах, что меня чуть-чуть не стошнило, просто невыносимо. Здесь я заметила в одной большой клетке двух львов и львицу. Она спала, но он преспокойно что-то уплетал. ⟪Далее⟫, в следующей клетке была львица, а еще дальше лев, довольно большой, но с бельмом на одном глазу. Первая ходила из одного угла в другой и беспрестанно ударяла головой об стену. (Замечательно, что все дикие звери в своих клетках то и дело что ходят

[178*] И я захотела... он в ярости *заменено:* но, пробыв немного, Федя пошел стрелять. Федя

[179*] *Вставлено:* Федя решился перечитать все запрещенные издания, чтобы знать, что пишут за границей о России. Это необходимо для его будущих произведений.

[180*] Зоологический сад (*нем.*).

77

въ Volksgarten'ѣ и сойти внизъ послушать концерта. Начинается онъ въ 5 часовъ, а теперь было восемь. Поспѣли уже на конецъ, но это все равно. Сѣли, надо было что нибудь спросить, чтобы что нибудь дѣлать, а то такъ скучно, да и всѣ что нибудь пьютъ или ѣдятъ. Я спросила кофе, а Федя — лимонаду, но лимонадъ оказался сиропомъ черезъ чуръ сладкимъ и Федя спросилъ себѣ мороженаго, а потомъ кофе. Я думаю, мы обратили на себя вниманіе тѣмъ, что поминутно или пили или ѣли. Здѣсь всѣ столы заняты разными дамами и офицерами, которые цѣлыми партіями сидятъ около двухъ столовъ (Я обратила вниманіе на прическу офицеровъ: кто изъ нихъ получше, у того непремѣнно проборъ на затылкѣ.) Между ними былъ какой-то лизоблюдъ — юноша, который между ними очевидно лебезилъ, стараясь попасть въ ихъ компанію, и вмѣстѣ съ офицерами раскланивался съ ихъ начальниками. Напротивъ насъ сидѣла семья очень злаго господина и толстая барыня съ двумя дѣвками. — Мы долго ждали пока кончился антрактъ и начался

Страница из расшифрованного дневника А. Г. Достоевской. РГАЛИ

взад и вперед. Мне их всегда бывает очень жаль, видно, что им хочется на свободу.) Потом здесь были леопард и тигр, но все это меня не так поразило, как этот одноглазый лев. Федя на него так пристально смотрел, что он еще яростней заходил в своей клетке. Сначала слегка зарычал, но потом все сильней и сильней, так что из другой клетки отвечала львица, вероятно, его супруга. Они рычали до того страшно, что, мне казалось, они разобьют решетку и вырвутся из клетки. Я никогда не слыхала такого страшного рычания. Но запах был невыносим, мы вышли и пошли к домику, в котором находился слон. Это не слишком большой слон, я видела гораздо больше (после я узнала, что ему только 4 года, что он был привезен очень маленьким). И он забавлял публику, вытаскивая платки из карманов. 《Потом》 пошли далее и набрели на то место, где был сильный запах, кото-

рый, по мнению Феди, происходил от черемухи. Оказалось, что это Wildschwein[181*]. «Так что мы не знали, куда и деваться от его запаха.» Мы уже хотели уходить и подошли к верблюдам. Здесь Федя стал подзывать к себе верблюда, тот подошел, и Федя погладил его по горбу[182*], тот принял ласку, очень довольный, и посмотрел на него своими умными глазами. За первым верблюдом подошла и супруга его в интересном положении, которая, вероятно, думала, что Федя даст что-нибудь. Федя ее погладил. Когда мы подошли к выходу, то увидали, что он заперт, и решительно не знали, как нам выйти из этого пахучего сада. Мы спросили дорогу у какого-то человека, и он нам сказал, чтобы мы шли дальше. По дороге нам попался дом с обезьянами. Мы зашли и к ним на минутку. Лица совершенно человеческие. По саду расставлены деревянные руки с указанием, куда ведет дорога. Одна из них указала на Zwinger медведей. Мы пошли. Было уже довольно темно, и он находился в берлоге. Видно, что ему было невыносимо жарко,— он ходил из одного угла в другой, тяжело дышал и, видно, рвался из этого тесного убежища. Тут висела надпись, что он из Восточной Азии, следовательно, из России. Мы начали говорить с ним, называли его Михаилом Ивановичем и разными именами. Потом, когда мы стали отходить, я заметила в другое окно, что он будто бы нам кланяется так, именно всем телом кланяется. Разумеется, это было от жары. Он старался освежить себя, но мы приняли это за поклон нам, как соотечественникам. Кое-как мы нашли дорогу к выходу. Здесь есть ресторан, но я не знаю, возможно ли пить или есть что-нибудь в такой духоте. Пить мне ужасно хотелось, так что мы пошли поскорее отыскать какой-нибудь ресторан. Проходя мимо Sommertheater[183*], мы услышали пение. Я попросила Федю мимоходом зайти сюда выпить чего-нибудь, потому что желала «что-нибудь» послушать. Но не тут-то было. Музыка прекратилась, было очень пустынно и скучно. Я спросила у буфета содовой, мне подали целую бутылку и взяли за нее 4 зильб. Отсюда мы пошли в ресторан Gr⟨and⟩ J⟨ardin⟩. Пришли, но здесь музыка уже кончилась, и музыканты расходились домой, так что платить не пришлось. Федя спросил пива, а потом пошел выстрелить «3 раза» на тир за 1 зильб. Немки, увидя нас, очень обрадовались, представляя себе, что мы опять будем так играть, но ошиблись: Федя взял эти 4 выстрела, и мы ушли.

Воскресенье, 2 июня (21) ⟨мая⟩

Я сегодня хотела идти в русскую церковь, но случилось так, что я, заснув в 12 часов ночи, была разбужена Федею в 2, и с этой минуты уже никак не могла заснуть. Сначала я думала, что это от голода, и ⟨слово не расшифровано⟩ поела. Но сон не приходил. Я стала «что-то» читать. Так пробило 5 часов. В это время по улицам появилось очень много народу: все куда-то спешили, кавалеры, дамы, некоторые из них с книжками в руках. Это, вероятно, в церковь. Теперь я понимаю, отчего в воскресенье никого нет на улицах,— потому, что все отправляются куда-нибудь за город и даже, по возможности, с утра. Я не могла более сидеть, ничего не съев, и потому велела сделать для себя кофею. Потом несколько раз принималась ложиться, но ничего не удавалось, и у меня страшно разболелась голова. В 11 часов встал и Федя, но я уже расхотела

[181*] Дикий кабан (*нем.*).
[182*] *Заменено:* по голове.
[183*] Летнего театра (*нем.*).

идти в церковь. Я ходила как полоумная,— так у меня болела голова. Федя меня приглашал прилечь. Я прилегла и еще не спала, как он вошел в комнату и, видя, что я не шевелюсь, на цыпочках ушел, но чрез минуту воротился и тихонько запер окно. Видно было, что он очень заботился, чтоб меня как-нибудь не разбудили, чтобы я не простудилась. (Вообще нынче, когда он сидит долго вечером, он нарочно уходит в наше зало для того, чтобы мне не видно было свечи, и не мешала бы мне спать.) Меня это очень тронуло, эта внимательность его ко мне. Я проспала, кажется с час, но голова от этого еще сильнее разболелась, просто до невыносимости.

В 4 часа мы вышли, чтобы пообедать. На дороге хотели купить сигар, но магазин был заперт, 《так что》 пришлось дожидаться, когда отворят другие магазины. 《Потом》 пошли к H〈elbig〉, здесь пообедали. Нас 《здесь》 отлично кормят — 4 кушанья: суп, говядина с артишоками и картофелем, какая-нибудь рыба с трюфелями и Braten со сливами с компотом. Компот у нас служит вместо десерта, и при этом Федя обыкновенно меня язвит, намекая, как одна госпожа любит яблоки, и какой при этом произошел однажды случай.

Мы предполагали ехать сегодня в Blazewitz. Для этого надо было ехать в дилижансе, который останавливается у Neu-Markt. Мы пришли туда, но дилижанса не было. Нам сказали, чтоб мы шли в Amalienstr〈asse〉[74], там всегда находятся дилижансы. Федя на это рассердился, и едва наша прогулка не расстроилась. Пришли и едва не опоздали, чтобы найти место в дилижансе, потому что он был уже почти полон. 《Против нас сидела какая-то, вероятно, принцесса, вся в браслетах 〈слово не расшифровано〉 с огромными камнями》 〈не расшифровано〉. Мы сначала довольно долго не могли двинуться с места. Кондуктор несколько раз свистал, но это не помогало. 《Мы не двигались, так что》 Федя объявил мне, что он скептик и не верит, чтобы мы сегодня поехали. Наконец, мы двинулись. Bl〈azewitz〉 вовсе не так далеко, как мне представлялось, к нему не более 4-х верст, но по довольно скверной дороге, пустынной, обсаженной очень редкими деревьями, так что совершенно не годится для прогулки. Мы страшно запылились, и Федя раздражился против этой прогулки. Народу было удивительно много, так что у берега нельзя было достать себе места. Мы сели у Schillers-Linden, спросили кофе. Феде здесь не понравилось, я предложила переехать на другой берег, чтобы посмотреть окрестности. 《В Loschwitz》 я повела его в Burgberg. Но странное дело, так как эта местность ему не нравилась, то и мне стало скучнее, и я стала находить, что это совсем не хорошо. Федя предложил мне идти к какому-то маленькому домику, который находился на самой вершине горы. Я согласилась, и мы пошли. Этот домик был, я думаю, вдвое выше, чем B〈urg〉b〈erg〉. Надо было все подниматься в гору, иногда отлого, иногда же очень круто. Наконец, мы добрались до какого-то трактира. Я почти все время бежала и потому очень хотела пить, просила, чтобы Федя мне позволил, но он ни за что не хотел исполнить моего желания[184*]. Пошли еще выше и дошли до какого-то лесу. Выше подниматься было некуда, а к домику мы все-таки не пришли, вероятно, надо было идти другою дорогой. Я немного посидела на земле и причесала мои распустившиеся волосы. 《Потом》 пошли назад, но идти назад я никак не могла. Мне легче было гораздо сбежать, и потому я 《всегда》 выжидала, когда Федя

[184*] *Вставлено:* боялся, что я простужусь.

отойдет несколько и потом его догоняла и даже перегоняла. Но в иных местах было до того круто, что мне приходилось держаться за стену и за перегородку, которая сама едва держалась. Федя показывал мне, как надо идти, как-то выворачивая ноги, как танцмейстер, но я не решилась. Мне казалось, что я еще скорее эдак упаду. На дороге я сказала, что когда мы придем вниз, я непременно чего-нибудь выпью. Федя отвечал, что того не будет, и отвечал очень резко. Я, тем не менее, ему отвечала. Конечно, он был в этом случае прав, потому что хотел сберечь мое здоровье. Но я ведь ужасно зла, и это в моем характере, так что нас это повздорило[185*]. Пришли в ресторацию, где ожидают пароходов. Федя спросил пива, я тоже, но мне почему-то очень долго не несли, так что я пила из кружки Феди. Народу было ужасно много. Мы пошли взять билеты (по 3 зильб. за каждого). Наконец, в ресторане позвонили, и мы пошли к пристани. Народу было видимо-невидимо. Чтобы достать место на пароходе, надо было стать по возможности ближе к пристани. Я и стала. Но когда повалил народ, то меня начали давить и прижали к дереву, потом повлекли. Мое платье зацепилось за столб и не пускало меня. Таким образом, я не могла пройти и мешала и себе, и другим. Федя это видел и сочинил, что меня раздавили, и что меня командир бранил (а если б и бранил, то что же за важность). Вошли на пароход, я сейчас попросила какую-то девушку подвинуться и достала себе место, а Феде места не было, потому что народ все валил да валил. Я думаю, вошло на пароход из одного Losch⟨witz'a⟩ человек 150, если не более, да и на пароходе было порядком. ⟪Так что нельзя было найти место.⟫ Федя предлагал мне отыскать в другом месте, но я не решилась кинуть найденное, и он один отправился. ⟪Но⟫ места ⟪все-таки⟫ не нашел и должен был стоять, пока в N⟨eu⟩stahl народ не вышел ⟪и он мог сесть⟫. Напротив меня сидела одна особа, художница, которую я встречаю очень часто, особенно в галерее, где она занимается там снимками разных картин. Это девушка лет 25, белокурая, с двумя жидкими локонами, с большими, страшно выпуклыми голубыми глазами, незначительным носом и страшно огромным ртом, доходящим, без преувеличения, до ушей. Эта особа вечно улыбается, очень самодовольная. Не знаю, происходит ли это от глупости (всего вероятнее) или от какой-нибудь сладкой задушевной думы. Она ехала, вероятно, откуда-нибудь, где снимала виды, потому что у ней в руках были папка и складной стул. Подле меня сидело английское семейство: отец, мать и двое маленьких сыновей, оба с удивительно маленькими глазами, так что мне показалось, что им даже и смотреть-то было трудно. Один из мальчиков часто вставал на скамейку, и едва не упал в воду. Тогда я его вместе с отцом схватывала за ноги, чтобы только как-нибудь удержать его. Наконец, приехали. Я подошла к Феде. Он был удивительно как серьезен. Опять очень сердит. Дорогой мы поругались. Я все время приставала сказать ⟨не расшифровано⟩, почему он сердится. Он окончательно рассердился и пошел от меня в сторону, а я пошла домой. Я сначала и не сообразила, куда бы он мог пойти, тем более, что дороги решительно не знает. Но когда я воротилась домой, то легла в постель, потому что у меня сильно болела голова. А потом он пришел. Он ходил в булочную за пирожками. У нас не был⟨и⟩ зажжен⟨ы⟩ свеч⟨и⟩, и он страшно начал ругаться, как никогда я не слышала, чтобы он ругался: черт, проклят⟨ая⟩, дьявол,

[185*] Федя... повздорило *заменено:* Федя отвечал, что не позволит мне пить, пока я совсем не остыну.

черт, проклят⟨ая⟩. Мне хотелось ужасно рассмеяться. После он объяснил, что он ушиб себе руку, отворяя комод, и поэтому ругался. Я заварила ему чаю, потом опять легла. Он несколько раз звал меня к чаю, говорил, что не следует лежать в постели. Наконец, я встала и пришла, чтобы проститься с ним, и сказала, что у меня сильно голова болит. Тогда он ⟨не расшифровано⟩ (или это, может быть, мне так показалось) сказал мне, что ведь у меня давеча голова совсем прошла, что если теперь и болит, то болит от лежания на постели. Я этим ужасно обиделась, тем более, что очень хотела спать, поэтому ясно не уразумела, в чем дело, но я сказала, что если он не верит, то пусть так и будет, и ушла, заперев за собою дверь. Через минуту пришел он и объявил мне, что хочет объясниться и вдруг очень трагически закричал: «Нет-с, Анна Григорьевна, уж под башмаком у вас я никогда не буду!». Я расхохоталась, отвечала, что хочу спать и что он очень самолюбив, а я никогда не ставила и не хочу его ставить под мой башмак. Он требовал, чтобы мы объяснились, но мне стало ужасно досадно. Я не хотела объясняться и расплакалась, довольно долго плакала, потом заснула. Ночью он меня разбудил, поцеловав, и затем я еще крепче заснула[186*].

Понедельник, 3 июня (22) ⟨мая⟩

Сегодня я встала часов в 10. Тотчас же села за окончание письма к Стоюниной. Мне стало очень досадно, что я так долго ей ничего не писала. Я мигом кончила, но еще не отнесла на почту. Потом встал Федя. Он сегодня очень серьезен. ⟪Видимо, хочет молчать. Потом⟫ я подошла ⟪чтобы спросить гребень⟫, и спросила, отчего он такой и не сердится ли на меня? Он объявил, что не сердится, но что обдумал и решил, как ему действовать, что надо между нами положить границы. Я ему отвечала смело, что пусть он там как ему угодно перекладывает границы, но что я нисколько этому подчиняться не намерена, и поэтому все эти перекладки будут тотчас поломаны и все пойдет по-старому. Вообще мне было очень смешно[187*]. Потом я стала читать «Les Miserables», а он писал.

В 5 часов мы вышли из дому, чтобы идти обедать (видно ⟪было⟫, что сегодня будет непременно гроза). Мы зашли сначала на почту, отдать письмо к Стоюниной и оттуда к H⟨elbig⟩. Не успели мы съесть второе блюдо, как поднялся ветер, небо нахмурилось, и в нашу залу вошло человек 30. Они все сидели внизу, у берега, но при дожде пришли сюда. Сделалась сильнейшая гроза, сначала очень далеко, а потом гром разражался прямо над нашими головами. По мосту бежали во всю прыть люди, которых дождь там застал. Так за дождем нам пришлось просидеть около 2 $^1/_2$ часов: мы отобедали, выпили кофею. Федя пил пиво, но дождь все еще не переставал. Я это время читала немецкую газету «Über Land und Meer». Наконец, невзирая на дождь, нам пришлось идти. Я совсем вымочила свое платье и зонтик. Зашли в библиотеку, взяли 2-ю часть «Les Mis⟨erables⟩». Когда вышли из библиотеки, дождя уже не было. Мы решились, придя домой, переменить сапоги и идти куда-

186* Опять очень сердит... еще крепче заснула *заменено:* и очевидно, очень устал. Придя домой, я заварила чаю, и так как у меня невыносимо болела голова, то я легла пораньше спать. Ночью Федя разбудил меня поцелуем, но я тотчас же крепко заснула.

187* Он объявил... смешно *заменено:* Он улыбнулся и сказал, что ничуть не сердится, но что очень озабочен нашими делами. Бедный Федя, мне его так жаль! Я и сама очень задумываюсь о том, как мы выйдем из наших тяжелых обстоятельств. Надеюсь на бога, что он поможет нам.

нибудь гулять. Сказано и сделано. Я надела свои высокие сапоги, в которых у меня постоянно разбаливается мозоль и мы пошли в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩. Было довольно сыро, но очень хорошо. Одно жаль, это что у меня болела нога, так что я, пройдя 5 минут, должна была ⟨⟨на одну минуту⟩⟩ останавливаться, ⟨⟨так сильно начинала болеть у меня мозоль⟩⟩. Пришли в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩. Сегодня оркестр играл в зале, а в саду никого не было. Мы хотели сесть в саду, но стулья все были мокры, я бы ничего, я бы села, но Федя не хотел этого позволить. А в зал входить не хотелось на какую-нибудь минуту, потому что мы все-таки должны были поскорее идти домой. Так, не отдохнув, мы и пошли назад. На дороге нам попались поляки, те самые, которых я встретила, переезжая из Pillnitz'а. Я их терпеть не могу. Особенно тут есть маленький человечек, какой-то жидок, как мне кажется. Их всегда можно встретить в этой аллее. Пришли домой и напились чаю. Я дочитала «Les Mis⟨erables⟩» и пошла спать, а Федя ушел в зал, чтоб мне не мешать хорошенько выспаться. Сегодня мы заплатили M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ за квартиру и дали Иде 1 талер 15 зильб. (10 я взяла себе[188*]), но M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ просила позволения представить счетик, который она на нас издержала. Она написала счет в 3 талера 20 зильб., в котором поставила за топливо (⟨⟨пять⟩⟩ раз ⟨топили⟩ печку), потом за уголь на машину, за спирт. ⟨⟨(Какая подлость, на грошах и тут надо украсть.)⟩⟩ Во сне я видела сегодня, во-первых, что я куда-то спешила, не знаю, в какой именно город. Была уже на станции, взяла билеты, но так долго заговорилась с мамой, что поезд ушел, и я нанимала Dienst⟨mann⟩[189*], чтобы он довез меня до какой-то станции, где я намерена была найти поезд. Потом я проснулась, немного полежала, заснула и видела другой сон, ⟨⟨что будто бы я в С⟨еверной⟩ Ам⟨ерике⟩ в Нью-Йорке, где у меня есть три родственника мамины, с которыми я очень подружилась, что потом у них сделался на чердаке пожар, но мои вещи были спасены. Затем я, не знаю как, очутилась уж в Дрездене, но все-таки намеревалась опять ехать в Нью-Йорк. Потом я встала⟩⟩.

Вторник ⟨23 мая (4 июня)⟩

Сегодня день пасмурный, я думаю, будет дождь. Я встала довольно рано и пошла, чтобы отнести книги (9 книг) в библиотеку, а оттуда к зубному врачу[190*]. У него в комнате в тазу была кровь. Это меня так неприятно поразило, что я просто хотела вырвать. Я сговорилась с ним прийти к нему завтра, но он берет очень дорого, именно 2 талера. Я пришла домой, ⟨⟨вся⟩⟩ дрожа от какого-то страха, сама не знаю, почему, ⟨⟨так что⟩⟩ эта дрожь продолжалась во мне долгое время. Федя пробовал меня уговорить не трусить так, уверял, что это вовсе не больно и не страшно, и просил не беспокоиться, что он мне сломает зуб. Дорогою я заходила купить мыло, а потом в аптеку, где спросила l'huile de Falk, масло, которое Екатерина II советует употреблять для лица. Но аптекарь с удивлением посмотрел на меня и отвечал, что этого у них нет. Я спросила, нет ли какого-нибудь средства. Он мне за 2 $^{1}/_{2}$ приготовил какое-то лекарство, которым я должна мыть несколько раз в день свое лицо. Я пришла домой и села писать. Сегодня Федя задумал идти в баню, в Diana-Bad. Я ему рассказала дорогу, и он отправился. Во время его

[188*] *Заменено:* прибавила от себя.
[189*] Слугу (*нем.*).
[190*] *Вставлено:* мне надо запломбировать зуб.

отсутствия я то и дело посматривала в окно, не придет ли он, хотя очень хорошо знала, что он скоро не может воротиться. Он проходил часа с полтора. Наконец, я увидела его, он меня также заметил и начал делать гримасы и показывать язык. Я стала смотреть в бинокль и качала ему головой. После ванны он казался очень расстроен[191*]. Он мне рассказал, что там есть римские бани, очень тесные, жаркие и душные, есть и русские бани, с полком. Но, оказывается, что комната полна паром, но уже остывшим, так что никакого жару не было. За отдельный № с бельем и мылом берут 15 зильб., а если кто желает пропотеть, с того берут 20 зильб., и для этого завертывают в какие-то меха. Но Федя не решился испытать этого удобства. Какой-то немец усиленно навязывался к нему с своими услугами, желая, разумеется, что-нибудь получить за труды, но Федя не обратил на него никакого внимания, ⟪и ничего ему не дал⟫. После ванны Федя сделался удивительно свеж, ему они бывают очень полезны. Мы пошли ⟪обедать⟫ к Helbig, отобедали, но сегодня суп был очень дурной, какой-то прокислый, должно быть подогретый. И масло к рыбе подавалось горькое. Федя заметил это нашему мальчику, который нам всегда подает. За столом опять шел разговор о любительнице яблоков, хотя теперь я очень мало их беру, стараюсь все еще загладить свою давнишнюю вину[192*]. Отсюда мы пошли на террасу пить кофе. Здесь мы уже не были дня 3. Я сегодня смотрела листок о приезжающих и думала, нет ли Вышнеградских[75]. Сегодня, идя назад по террасе, я увидела Маничку. Она шла с какою-то дамой. Очень может быть, что они теперь за границей, каково у меня предчувствие. ⟪Но⟫ она меня не заметила и, я думаю, не узнала. Зашли в библиотеку. Здесь молодого человека не было, а была сама хозяйка, ужасно бестолковая госпожа, которая притащила нам несколько каталогов и просила выбрать. ⟪Но этого никак нельзя было сде[ла]ть[193*].⟫ Так что Федя взял «Nikolas Nickleby» Диккенса. Отнесли домой, пошли в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩ и здесь слушали музыку. Просидели до самого конца, что никогда не случалось прежде. Сегодня играли какую-то особенно нежную мелодию, «Das Bild der Rose», и еще увертюру из «Vier Haymons Kinder»[194*]. Мне было очень весело в этот день.

Среда, 5 июня ⟨24 мая⟩

Сегодня я поднялась бог знает с каких пор, чтобы идти к зубному врачу. Так как у нас часов нет, то я думала, что уже 10 часов. Взглянула у M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ на часы — всего только 7. Тогда я принялась читать роман Диккенса, потом оделась и ушла к Fein. Здесь бог знает какая история происходила со мною[195*]: я плакала, смеялась, умоляла его не сломать мне зуб, но так как я вырывалась у него из рук, то он был вовсе не виноват, если немного подломал мне зуб. Впрочем, все окончилось благополучно. Я просила у него извинения, что так сильно кричала, но он меня уверял, что вполне понимает, что я никак не могла

191* *Заменено:* казалось, очень освежился.
192* *Вставлено:* Дорогой мой Федя, как я его люблю!
193* *Вставлено:* (Я прочла «Les Miserables», эту чудную вещь Виктора Гюго. Федя чрезвычайно высоко ставит это произведение и с наслаждением перечитывает его. Федя указывал мне и разъяснял многое в характерах героев романа. Он хочет руководить моим чтением, и я страшно этому рада!).
194* «Картину Розы»... «Четверо детей Хеймона» (*нем.*).
195* *Вставлено:* я страшно была взволнована.

удержаться от страху. Пришла я домой, расплакалась и побранилась с Федей, который вздумал меня упрекать, зачем я пошла к неизвестному дантисту. 《Но мы потом помирились.》 Потом все утро я писала стенографию или читала книгу. В 5 часов пошли к H⟨elbig⟩ обедать. Во время обеда я читала 《Les M⟨iserables⟩》.

Заходили на почту. Писем нет, потом в библиотеку, где Федя жестоко побранился с растрепанным молодым человеком. Оба они не понимали друг друга, потому что Федя тоже очень неясно объяснял ему по-немецки. Отсюда зашли в кафе Fr⟨ançais⟩, где пили кофе, а потом пошли в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩, наше всегдашнее убежище 《от скуки》. Мы хотели там посидеть, но нам объявили, что тут какой-то Verein[196*], и что кроме как по билетам никого не пускают. Нечего делать, мы должны были идти. Сегодня весь сад G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩ был освещен маленькими цветными фонариками. Это было довольно красиво. Нечего делать, мы должны были так гулять по саду. Зашли в какой-то кабачок, и пили пиво. Потом гуляли под музыку и отправились домой. Я была довольно весела сегодня, то прыгала, как маленькая, через несколько ступенек, то пела, то танцовала, просто Федя не знал, чему это и приписать. Заходили в кондитерскую, 《чтобы》 купить пирожков, и съели там мороженого, но когда пришли домой, у меня сильно разболелся живот, и я должна была лечь. Федя поминутно спрашивал меня: «Ну что, еще болит?», как будто эта боль могла пройти в одну минуту. Потом мы сидели вместе, и он просил меня рассказать ему всю историю нашей любви. Я ему долго рассказывала, какое он произвел на меня впечатление, как я вошла, как потом было. Он слушал и сказал мне, что он, женясь на мне[197*], еще очень мало меня знал, но теперь вчетверо более меня ценит, зная, какая я простая. (Федя был ко мне очень нежен.)

Четверг, 6 ⟨июня⟩ (25 ⟨мая⟩)

Сегодня мы встали довольно рано. Я выстирала и выгладила себе платок и платье. Хотела сначала идти в галерею, но нездоровилось и потому отдумала и стала заниматься стенографией. Так как мы не знали часов, то угадывали часы по желудку. Думали, что непременно часов 6 или 7, но когда мы пришли к H⟨elbig⟩, то оказалось, что всего-то навсего было ½ 5-го. Нам сегодня подавал обед не наш обыкновенный мальчик, а другой, который не знал наших обычаев, а потому не так хорошо подавал. Были сосиски, после которых у меня целый день была страшная жажда. Под конец обеда пришел наш мальчик. Мы объявили ему, что зачем его не было, и что при нем было гораздо лучше. Это, видимо, ему польстило. Мы дали на чай 2 ½ зильб. Это приобрело нам огромное уважение подававшего нам обед кельнера, точно он никогда не видал так много денег. Мы пошли пить кофе тут же, на берегу. Но сегодня там идет работа, пристраивают еще досчатый пол и решетку. Мне это не понравилось — прежде было так хорошо, прямо в двух шагах река, а теперь это отгорожено. Я спросила кельнера 《который обманул меня на ½ Pf., [дав?] мне [пол?] курицы за 2 зильб.》, что это означает. Он сказал, что это для помещения большего числа столиков, и чтобы было более безопасно. Отсюда мы отправились покупать папиросы. В этом магазине нас так хорошо знают,

[196*] Союз (*нем.*).
[197*] *Вставлено:* хоть и любил, но

что, не слыша еще от нас ни одного слова о том, что мы намерены купить, приказчик тотчас же бросается к шкафу и вынимает папиросы,— так уж мы здесь известны. Пришли на почту. Так почтмейстер посмотрел на меня и, не спрашивая фамилии, подал мне пакет от мамы. Мама прислала 35 талеров и 18 зильб. Мы начали вместе читать и я увидела, что мама пишет не то, что следует[198*]. Я вырвала из рук Феди письмо. Он, к моему крайнему удивлению, даже и не обиделся, но заметил, что если я не хотела давать ему читать, то могла бы сделать это иначе. Я узнала, что мой билет пропал[199*]. Как это жаль, я просто готова была плакать! Мы тотчас же зашли к Michael Kaskel в его погреб. Он как-то старательно расспрашивал меня, как его фамилия и, заставив подписаться, хотел выдать бумажками. Мы просили фридрихсдорами. Но он отвечал, что у него нет, а предложил наполеондоры (5 талеров 13 $^{1}/_{2}$ зильб., а потом мы узнали, что они ходят только 5 талеров 10 зильб.). Отсюда мы пошли к Thode и спросили, нет ли у него на нас векселя. Он отвечал, что есть маленький, в 16 гульденов. Это вышло на талеры 9 талеров 10 зильб. Мы были очень рады, что выручили этот вексель. Зашли домой, посидели немного и отправились в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩, наше единственное место гулянья. Сегодня был оркестр не медных инструментов, а скрипок. Играли: «Der Dichter und der Bauer» von Suppee[200*]. Я вспомнила при этом, что несколько дней перед этим мы, будучи в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩, поссорились с Федей, да так, что он и говорить со мной не хотел. Я, разумеется, хотела все обратить в шутку, и когда заиграли этот «Der D⟨ichter⟩ und ⟨der⟩ B⟨auer⟩», я ему объявила, что это наша опера, что он D⟨ichter⟩, а я B⟨auer⟩, и просила его хорошенько прислушаться. Это действительно как раз подходило к нашей ссоре. Тут, действительно, слышались два разговора: один тихий, умоляющий, нежный, просящий,— это, по-моему, голос B⟨auer'a⟩, а другой, кричащий, ничего не выслушивающий, бранчливый голос — D⟨ichter⟩. ⟪Когда я это вспомнила, то⟫ мы стали следить и подпевать: «Федичка, миленький, прости меня». А он отвечал: «Нет, нет, ни за что...» и т. д.[201*] Пили пиво, потом стреляли в цель. Я дала 3 выстрела, но ни одного верного. Потом пошли домой очень дружно. Я всю дорогу, да и весь день, то и дело что пела, но песни очень грустные, заунывные. У меня всегда песни обозначают, что я очень грустна. Когда я весела, я никогда не пою. Вечером я села у окна, чтобы смотреть на улицу. Я ужасно люблю сидеть в темный вечер, разумеется, в хорошую погоду, у открытого окна, смотреть вдаль и думать, думать. Мне это бывает чрезвычайно приятно. Я вспомнила письмо мамы. Вспомнила, что она спрашивает, нельзя ли жить на 25 коп. в день. Мне сделалось так грустно, что я расплакалась. Милая, милая старушка, какая она наивная и, вместе с тем, как она добродушна[202*]. Федя пришел ⟪ко мне⟫ утешать меня, уверял, что он ⟪меня⟫ понимает, что я люблю так свою мать и теперь[203*]. Вечером я ужасно долго не могла спать. Меня под конец начало тошнить. Я взяла хлеба. Федя говорил, что это заставит только

[198*] *Вставлено:* знать Феде.
[199*] Я... пропал *заменено:* Правда, я была виновата, но я была так взволнована: я узнала, что мой выигрышный билет пропал (он был заложен пред отъездом).
[200*] «Поэт и крестьянин» Зуппе (*нем.*).
[201*] *Вставлено:* Мы страшно хохотали и на опере помирились.
[202*] *Вставлено:* Я очень ее люблю.
[203*] *Заменено:* и так по ней скучаю.

скорей меня вырвать, что это нехорошо. Я отвечала, что думаю напротив. Тогда он мне закричал: «Ты очень зла!» Мне сделалось ужасно смешно на это восклицание, тем более, что не более, как за час до этого, говорил, что я добрая[204*].

Пятница 7 〈июня〉 (26 〈мая〉)

Сегодня утром я решилась непременно отправить 〈не расшифровано〉 письма к Ване и маме. Я все утро писала то одно, то другое письмо. Потом я непременно хотела идти в галерею. Федя тоже вздумал идти. Я сначала сходила за пакетами на почту, потом пришла, он был уже готов, а у меня же письма не были еще дописаны. Я стала их дописывать и запечатывать, и просила его идти одному в галерею, сказав, что я к нему присоединюсь. Федя ушел. 《Он, не знаю отчего, вздумал, что я нарочно так долго запечатываю и пишу, рассердился и ушел от меня. Я преспокойно》 докончила письма, зашла в другую библиотеку, где взяла каталог Дрезденской галереи. Потом я отправилась в галерею, и по дороге пошел такой сильный дождь, что я едва успела спрятаться у Museum'а. Я взошла, хотя мне сказали, что осталось только 15 минут, отдала свой зонтик и стала искать Федю. В комнатах было почти совершенно темно. Я быстро пробежала все комнаты, не останавливаясь ни перед одной картиной, 《потом》 дошла до Мадонны, на минуту присела и потом опять пустилась бежать. Наконец, когда я уже думала во второй раз обойти музей, я увидела Федю. Но в комнате было до того темно, что ни я, ни он сначала друг друга не узнали. Потом мы пошли, но он задрапировался в мантию угрюмости и [задумчивости?] и объявил мне, что я могла бы пожертвовать своими письмами. Я отвечала, что разве он мне чем-нибудь жертвует. Он еще пуще рассердился и не хотел со мной говорить[205*]. В это время пробило 4 часа, капельдинер закрыл занавеси оконные и мы должны были в дождь идти из музея. Дождь лил ливмя, и с 25 минут мы стояли под воротами. Я все время старалась заговорить с Федей, но он был непреклонен и ни одним словом не отвечал на мои беспрерывные разговоры. 《Тут был один англичанин, который удивился, как я пробежала галерею и теперь останавливался несколько раз посмотреть на нас.》 В это время городские кареты подъезжали к музею и отвозили пассажиров из-под ворот, так что мало-помалу тут осталось немного. Наконец, и мы решились поехать. Федя потребовал, чтобы везли к Thode. Я не знала, что мне и подумать о эдаком странном желании. 《Но когда》 сели в карету, он объяснил мне, что когда он пришел за сигарами, то хозяин этого магазина рассказал ему, что русский царь в Париже убит, а потом сказал, что только ранен[76]. Федя просто так был поражен, что едва мог вымолвить слово. Но потом господин рассказал, что государь вне опасности. Это очень утешило Федю. Он тотчас же побежал в Café, чтобы прочитать там газеты. Но в газетах еще ничего не было. Отсюда ему нужно было идти за мною в галерею, но дороги он, по обыкновению, не знал и потому должен был остановить какого-то прохожего немца и спросить: Wo ist Gemälde Gallerie? — Was? — Wo ist Gemälde Gallerie? — Gemälde Gallerie? — Ja, Gemälde Gallerie. — Königliche Gemälde Gallerie? — Ja, K〈onigliche〉 G〈emälde〉 G〈allerie〉. — Ich weiss nicht, ich bin hier fremde[206*].

204* *Вставлено:* Он и сам расхохотался своему замечанию.
205* Потом... говорить *заменено:* Он показался мне страшно расстроенным.
206* Где картинная галерея? — Что? — Где картинная галерея? — Картинная галерея? — Да,

К чему, спрашивается, этот дурак сделал столько вопросов, если он не намерен был указать дорогу. Это уж чисто немецкая манера. Мы приехали к Thode, самого мы его не видели, но нам там сказали, что никакой опасности нет [207*]. Но мы решились узнать в русском консульстве и поэтому мы велели Dienstmann'у вести себя к консулу. Он нас повел. Это довольно недалеко от нас, но далеко от того места, где он нас взял. 《За труды он спросил 2 зильб.》. В присутствии никого не было. Был только какой-то господин, говоривший по-французски. Он нас просил расписаться, кто мы такие, и рассказал, что ничего опасного не случилось. Он был удивительно вежлив и даже побежал отворять нам дверь [208*]. Мы немного успокоились. Пошли обедать, потом сходили за книгой, а вечером пошли на террасу. По дороге нам хотелось купить газету, где бы было что-нибудь напечатано об этом случае. Но магазины здесь очень рано запираются, именно в 7 часов, да и в единственном магазине, который был еще не заперт, мы узнали, что здесь по одиночке газет не продают. Нам указали купить у женщины у Löwen Apothecke. Мы купили прибавление к «Ведомостям», но ничего особенного не узнали [209*]. 《Потом пошли》 на террасу, пили кофе, а Федя ел мороженое.

Суббота, 8 〈июня〉 (27 〈мая〉)

Сегодня утром я встала рано и отправилась в баню. Пришла я туда часов в 9. Меня спросили, какую я желаю — 1-го или 2-го класса. Я сдуру спросила 1-го. Оказалось, что следует заплатить 15 зильб. Это мне очень не понравилось [210*], но делать уже было нечего. Меня попросили немного подождать. Через 3 минуты сказали, что я могу идти. Ванна — довольно небольшая комната, но очень уютная, с диваном, столом, двумя зеркалами и вообще с большими удобствами. Ванна уже была наполнена теплою водой. Тут были два крана, на которых стояли надписи: горячая и холодная вода, но сколько я ни старалась отворить их, мои труды были тщетны. Да, кроме того, я очень боялась, чтобы вода слишком не полила, а я, наверно, не сумела бы затворить кран. Я стала купаться. Мне очень понравилось, так что я подумала, что если б я была богата, то непременно бы завела себе такую ванну. Потом я стала мыться, но мыло у меня оказалось удивительно скверным, оно почти сало, так что, когда я нечаянно вымыла им лицо, то у меня лицо начало щипать, и вообще после мыла этого тело и волосы делаются как-то чрезвычайно сухи, что 《было》 довольно неприятно. На стене висело наставление для купающихся, в котором, между прочим, было сказано, что кто пробудет больше часу, то платит еще за час. Это меня встревожило, я боялась заплатить еще 15 зильб., и потому поспешила поскорее выкупаться. Я пришла домой и увидела, что Федя еще и не думал вставать. Сегодня я хотела 《тоже》 идти в Japanisches Palais, чтобы смотреть Antiken [211*], сегодня свободный вход, но пока я собиралась, пришла прачка. Нужно было рассчитать ее и собрать белье в стирку. Время шло, и Федя меня

картинная галерея.— Королевская картинная галерея? — Да, королевская картинная галерея.— Не знаю, я не здешний (*нем.*)

207* Никакой опасности нет *заменено:* несчастия с государем не случилось. Федя был страшно взволнован.

208* ...что ничего опасного... дверь *заменено:* что государь остался невредим. Слава богу, какое счастье для всех русских! Получив это известие

209* *Вставлено:* Федя был страшно взволнован известием о покушении на жизнь государя; он так его любит и почитает.

210* *Вставлено:* (денег у нас так мало, да я и не люблю тратить на себя лишнее).

211* Японский дворец... древности (*нем.*).

убеждал остаться и лучше идти с ним в библиотеку. Но потом сказал, что ему все равно. Тогда я сейчас же [212*] оделась и вышла из дому. Но не успела я пройти и нашей улицы, как услышала 2 часа. Я своим ушам не поверила и спросила какую-то девочку и D⟨ienstmann'a⟩, который час. Мне отвечали — два. Делать нечего, опоздала, тогда я купила редисок и васильков и пришла домой. Я хотела попросить Иду сказать Феде, что пришла какая-то дама,— то-то, я думаю, он бы заволновался,— но это мне не удалось, потому что он видел, как я пришла. Я ему предложила букет из редисок [213*]. Потом мы пошли в библиотеку (накануне Федя взял «Marchand d'Antiquités», но молодой человек дал вместо 2-й части 1-ю часть «Copperfield» [77]. Мы зашли переменить. Отсюда — на почту. Здесь нам подали письмо, запечатанное буквою К. У меня просто подломились ноги, мне представилось, что это от Каткова [214*]. Федя распечатал. Сначала мы не могли разобрать, от кого. Оказалось от Кашиной, и такое мелкое, что прочитать всего на почте совершенно было невозможно. Мы решили: Федя пойдет читать газеты в Café, а я пойду домой. Я почти добежала домой, стала читать письмо, и просто не знаю, что со мною сделалось. Мне так было жаль эту бедную, милую Людмилу, которая должна так терпеть от этого подлого человека и этой мерзавки [215*]. Ах, бедная, бедная девушка! Когда Федя пришел, я ему рассказала. Он начал читать письмо и также пришел в ужасное негодование. Он жалел, что его нет в Петербурге, тогда бы он непременно что-нибудь бы предпринял. Он готов бы был отколотить Милюкова или дать пощечину N⟨ardin⟩, хотя бы за это ⟨пришлось⟩ просидеть три месяца в тюрьме. Нам очень жаль Людмилу [78]. Если б у меня были деньги, я тотчас бы послала ей, чтоб она могла хотя бы жить отдельно. Какое ее ужасное положение! Как мне ее жаль! Если ей все так будет дурно, то мы, если она только согласится, возьмем ее к себе.

⟪Потом⟫ пошли обедать. Сегодня было ужасно много народу у H⟨elbig⟩. Отсюда ⟪мы⟫ пошли на террасу пить кофе и читать «L'Europe». Так мы будем делать каждый день, чтобы иметь возможность читать газеты. Гулять вечером мы никуда не пошли потому, что все уже ужасно надоело. Вечером мне ужасно взгрустнулось, я пошла в другую комнату и села на диван. Чрез несколько времени пришел Федя узнать, что такое со мной. У меня действительно очень тяжело на сердце. Он меня просил не печалиться [216*]. Потом несколько раз еще приходил ко мне (видно, что он меня очень любит). Потом, когда я легла спать и не могла долго заснуть, он приходил осведомиться, не плачу ли я, и просил не огорчать его и спать. (Чуть не забыла: вчера, когда мы шли по W⟨ildruffer⟩st⟨rasse⟩, мы увидели какого-то молодого человека, лет 15-ти, который был до того поразительно похож на Павла Александровича, что я и Федя сначала приняли за него самого. Был этот только немножко помоложе.) Сегодня на площади продаются березки к завтра. Тут такой же обычай, как и у нас. Вся площадь завалена целым лесом берез. Мы купили земляники за $3^1/_2$ зильб., очень небольшую чашечку. Из этого следует, что ягоды здесь довольно дороги. Все немцы приготовляются к празднику: все моется, чистится. ⟪Немцы⟫ красят окна, должно быть, для праздника, будет очень хороший запах.

[212*] Потом... сейчас же *заменено:* мне не хотелось пропустить случая посмотреть антики, я тотчас же

[213*] *Заменено:* васильков

[214*] *Вставлено:* Я страшно тревожусь, какой будет ответ на нашу просьбу.

[215*] *Заменено:* от своего отца и этой негодной женщины.

[216*] *Вставлено:* говорил, что я ему страшно дорога.

Воскресенье, 28 мая ⟨9 июня⟩

Сегодня я встала рано, чтобы идти в русскую церковь. Но Федя просил меня заварить ему чаю, а Ида, как нарочно, так долго копалась с кипятком, что я просто боялась прийти к концу обедни. Сегодня было очень много русских, даже генералы со звездами. У одного я заметила желтую ленту, что означает, как Федя потом мне объяснил, георгиевскую звезду. Вообще было очень много народу. Священник говорил проповедь, в которой распространился на счет второго покушения на священную жизнь государя-императора [79]. Он говорил, что и теперь, как и в первый раз, это покушение не удалось, и если мы видим, как это принял совершенно чуждый нам народ, который готов был разорвать убийцу в клочки, так как же мы должны быть ⟪этим⟫ огорчены? Закончил он тем, что никакое покушение [217*] не может удаться, потому что с нами бог.

Я пришла домой довольно веселая, но меня встретил Федя сурово и указал на произведенный беспорядок в доме. Я, действительно, так спешила, что не успела убрать различных вещей, и я на эту брань не обратила внимания [218*], попросила у него гребень и ушла в другую комнату, причесала себе голову. Только накануне Федя, давая мне гребешок, просил меня быть поосторожнее [с ним?], говорил, что этот гребень он очень любит, и что его легко сломать. У меня были страшно попутаны волосы, я, забыв наставление, стала расчесывать и вдруг сломала 3 зубчика. Господи, как мне было тяжело! Только что просил не сломать, а я сломала, и так как мы были в ссоре, то он мог подумать, что я сломала со злости, как будто бы я способна была на эти подвиги. Я просто не знала, что мне делать. Если б это было не воскресенье, я бы тотчас же пошла и поискала бы купить такой же гребень, но теперь все заперто. Я просто так в эти минуты страдала, что невыносимо: уничтожить ту вещь, к которой он так привык [219*], ведь это ⟪просто⟫ такая небрежность, за которую надо просто было меня прибить. Я расплакалась и решила уйти из дому, ходить до вечера и унести с собою гребенку. Вдруг он вошел ко мне в спальню и, увидев гребенку, хотел положить ее в [карман?]. Я тут не выдержала, ужасно разрыдалась и просила простить меня ⟨за⟩ сломанную гребенку. Он ⟪тотчас⟫ рассмеялся, сказал мне, что я ужасное дитя, что это ничего, что я сломала, что это вовсе не важность, что не стоило плакать, что теперь эта гребенка будет ему памятна и ⟪еще⟫ в тысячу раз дороже прежнего, что вся-то она не стоит одной тысячной доли моей слезы. Вообще он много меня утешал, целовал мои руки, лицо, посадил к себе на колени. Так что мало-помалу мне и самой показалось смешно плакать. Но когда я потом раздумала, то это было вовсе не детское чувство: мне было больно и обидно, что я уничтожила вещь, которая так была [м и л а] для Феди. Потом я все время читала каталог библиотеки [220*]. Это довольно хороший каталог, с введением, в котором описывается начало, блестящая эпоха и вообще все приобретения, сделанные Дрезденской галереей. Но она написана довольно вычурным языком, так что я ее довольно долго читала. Потом мы пошли на почту, но письма сегодня нет. По дороге я встретила моих старичков, с которыми я дружелюбно беседовала zum Saloppe. Они меня тотчас же узнали. Я представила им Федю. Они что-то спросили его, но

217* *Вставлено:* на особу государя

218* и я... внимания *заменено:* Федя чрезвычайно любит порядок и всегда его поддерживаст. Я не обратила внимания на его замечание.

219* *Заменено:* о которой он так просил.

220* *Заменено:* галереи.

ни я, ни он не поняли. Потом я спросила, куда они идут. Отвечали, что идут на Эльбу и звали нас с собою. Вообще мои старички очень понравились Феде. Мы расстались, пожав друг другу руки. У H⟨elbig⟩ было сегодня ужасно много народу, просто недоставало мест, так что наш кельнер должен был пробивать чуть ли не кулаками себе дорогу к нашему столу. Между немцами был один, который удивительно был похож на папу в последнее время его болезни[80], но только еще более худой, а папа был пополнее лицом ⟪и толще носом⟫. Иногда мне просто казалось, что это папа, потому что он беспрестанно ходил мимо нас, как бы желая обратить на себя наше внимание, а потом сел так, что я могла его видеть.

Отсюда мы пошли на террасу пить кофе и читать газеты. Пока Федя читал, я все рассматривала. Тут был какой-то седенький старичок, в гуттаперчевом пальто, с белым крестом; очень игриво спросил себе мороженого и все время еды разговаривал с каким-то другим немцем, с которым тут же познакомился. Подле них сидела молоденькая, лет 17, девушка, очень красивая, с милым личиком, которая прислушивалась к их речам и без умолку хохотала как сумасшедшая. Мне было очень приятно смотреть на это милое, хорошенькое личико. С террасы мы пошли в Grand Jardin и пришли уж к 4-му отделению, так что нам за наши $1^1/_2$ зильб. пришлось очень мало чего послушать, в этом числе какой-то странный и страшно глупый вальс Strauss Jun⟨ge⟩[221*]. В антракте Федя ходил стрелять и прострелял 3 зильб. Тут было ужасно много народу и, между прочим, два совершенно уже развеселые немца, у которых, я думаю, в глазах двоилось. ⟪Наконец⟫ дослушали музыку и пошли поскорее домой из боязни дождя, который так и висел над нами. Дома сели опять за чтение. Я легла, однако, в $^1/_2$ 12-го, так как я нынче очень долго обыкновенно не засыпаю, а Федя перешел в наше зало и читал там. Потом я сквозь сон слышала, как он приготовлялся спать. Это у него ужасно как долго, точно к большому путешествию. Но когда мы с ним прощались ⟪([страстное] прощание)⟫, не могла ни капли заснуть, так что теперь у меня почти что зелено в глазах. Сегодня Ида ходила в гости. Здесь служанок отпускают через три недели в праздник в гости, но не больше. У Иды есть какой-то Militär von Infanterie[222*], какой-то Gustaw, вот ведь эдакая рожа, а тоже имеет друга милого[223*]. Должно быть, и он тоже хорош.

Понедельник, 10 июня (⟨29 мая⟩)

Сегодня все утро было чрезвычайно мрачное, ⟪так⟫ что казалось, ⟪что⟫ сегодня будет дождь. У меня сильно болела голова. Я легла спать днем, но от этого еще сильнее она разболелась. В 4 часа мы пошли на почту, и Федя получил два письма. Одно от Паши со вложением нескольких писем, присланных Феде со дня его отъезда, а другое было от Аполлона Николаевича[224*]. Федя тут же распечатал письма. Когда он читал, то я могла тоже читать те же самые письма. Я наполовину прочитала письмо С⟨условой⟩. Тут были еще 2 письма от Прасковьи[225*]. Подлая тварь, она только и делает, что выпрашивает деньги. Я очень была рада, что ей не удалось. Теперь какое-то ее поздравительное пись-

221* Штрауса Младшего (*нем.*).
222* Пехотинец (*нем.*).
223* Gustaw ...милого *заменено:* Gustaw, за которого она хочет выйти замуж, когда скопит приданое. Она очень дурна,
224* *Вставлено:* Майкова.
225* Прасковья Петровна Аникиева — незаконная подруга Михаила Михайловича Достоевского, сыну которого Федя помогал (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

мо, но второе письмо — с требованием денег[226*]. Отсюда мы пошли к H⟨elbig⟩. Здесь Федя дал мне прочесть письма Андрея Михайловича[227*], письма Паши и Майкова[81], но ничего не сказал о других письмах. Как это гадко, что он меня так обманывает, ведь этим он и меня приучает поступать не так, как следует, этим он дает мне право также от него скрывать, что мне хочется. Это уж очень нехорошо, особенно для него, которого я считала за образец всего[228*]. Потом мы пошли в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩. Пришли, разумеется, к 4-му отделению, простреляли 3 зильб., посидели, выпили пива и отправились домой. Федя сегодня чувствует себя очень нехорошо и боится припадка. Поздно вечером ему сильно ударило в голову, так что когда он пришел прощаться, то говорил, что боится припадка.

Вторник, 11 июня (⟨30 мая⟩)

Сегодня в $^{3}/_{4}$ 5-го или 4-го, не знаю хорошенько, я была разбужена Федей,— у него начался припадок. Мне показалось, что он не был слишком сильный и продолжался 3 минуты. ⟪В это время я вынула письма и прочитала их. Теперь я думаю и знаю чувства этой, которая так [у м н а], что говорит, что, вероятно, он ее еще любит и получать письма [и з в е щ е н и е м], что [ж е р т в а] это, так у нее самолюбие и теперь, понятно, могла написать такое письмо. Потом я осторожно вложила письмо в [к а р м а н][229*].⟫

Федя пришел в себя, но сам не заметил, что у него был припадок, если б я ему этого не сказала. Потом он заснул, но несколько раз просыпался. Сегодня он в очень дурном расположении духа, как обыкновенно после припадка. Но сегодня он особенно скучен, страшно скоро устает, голова болит, и даже очень сильно, как после припадка редко когда было. Вообще он сегодня в страшно мрачном настроении, сильно раздражается, ни за что, ни про что. Сегодня я хотела идти в галерею, чтобы просмотреть картины с каталогом. Но я довольно долго собиралась, пока приготовляла ему белье, пока что, так что прошло довольно много времени, а я еще не ушла. Тогда он рассердился на меня и спросил, скоро ли я, наконец, уйду. Я пошла[230*].

Была внизу, в особом отделении галереи возле гравюр, где находятся картины, писанные сухими красками (пастелью). Здесь находится очень много хороших портретов очень красивых женщин и много видов г. Дрездена, каков он был в различные времена своего существования. Отсюда я отправилась наверх ⟪и пошла⟫ сначала в мою любимую комнату, к Рюисдалю. Но здесь сидел ⟪тоже⟫ какой-то немец, до того отвратительный, что ⟪просто⟫ смотреть на него нельзя было; мне он ужасно надоел. Сегодня пропасть народу, так что смотреть даже мешают. Уж за $^{1}/_{4}$ часа до закрытия пришел Федя. Он долго не мог отыскать галерею, расспрашивал у ⟨не расшифровано⟩ у D⟨ienstmann'a⟩, но ему

226* Я наполовину... денег *заменено:* Я заметила, что было письмо от С⟨условой⟩. Тут были еще 2 письма от Прасковьи; она только и думает, чтобы выпросить у Феди денег, хотя при отъезде он и дал ей, сколько мог.

227* *Вставлено:* (Достоевского, брата Феди).

228* Как это гадко... всего *заменено:* Меня очень огорчило, что он это сделал, что он не хочет быть откровенным со мною.

229* В это время... в к[а р м а н] *в стенограмме вычеркнуто; разобрано частично. Заменено:* Бедный Федя, как мне его ужасно жаль! Я без слез не могу видеть его ужасные страдания!

230* Тогда он... пошла *заменено:* Я хотела было остаться дома, но Федя рассердился на меня и спросил, скоро ли я, наконец, уйду. Чтоб не раздражать Феди, я пошла.

показали в другую сторону. Отсюда мы пошли на почту. Он зашел в «вагон», как это он обыкновенно делает, а я пошла через площадь ⟪опять⟫ к почте. А он, не заметив, куда я пошла, пошел по аллее. Я не знала, куда он делся, и все осматривалась, как вдруг ко мне подошел какой-то господин. Я думала, что он хочет меня спросить дорогу, и хотела отозваться незнанием, но он объявил мне, что он доктор Zeibig и что не я ли имею к нему письмо? Он точно из-под земли вырос. Я удивилась, спросила его, почему он меня узнал. Он отвечал, что жена его ему показала меня. Спросил адрес мой и обещал зайти за письмом [82]. Когда я подошла на почту, то Федя начал меня бранить, зачем я не дождалась его, и вообще он сегодня ко мне придирался страшно [231*]. Писем сегодня нет. Пошли в библиотеку. Сегодня там решительно ничего не могли выбрать, мы ничего не взяли. Пошли обедать. Нам указали другую библиотеку в Mor⟨itz⟩str⟨asse⟩ Schmidt'а, но там Диккенса оказался только один роман, да и тот был в расходе. В одной книжной лавке нам указали другую библиотеку, куда мы и отправились. Здесь взяли 5 книг по 6 Pfennig в неделю за каждую. Это удивительно как дешево. Потом мы пошли домой. Федя лег на диван и мы поспорили. Он требовал непременно, чтоб я сказала M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩, что он болен. Мне этого не хотелось, потому что я с большим неудовольствием всегда говорю кому бы то ни было о его болезни. Он на меня рассердился и сказал, что его мучают, и велел идти вон из комнаты. Я, разумеется, вышла, но мне было чрезвычайно больно. Забыла. По дороге купили изюм, редьки и сахару [232*]. Потом он долго лежал и все боялся другого припадка. Но я его утешала тем, что припадка не будет. Я весь вечер провела, вышивая стеклярусом разные узоры. В 12 часов я легла, но заснуть не могла. Когда Федя пошел кое-куда, он начал кашлять. Мне показалось, что с ним там случился припадок, и тотчас же выбежала за дверь и простояла там до тех пор, пока Федя не воротился в комнаты.

Среда, (31 мая) 12 июня

Сегодня утром я встала часов в 10 и, не знаю почему, подошла к окну. Только что я выглянула, как увидела, что ко мне идет Zeibig. Я была еще совсем не одета. Я поскорее сказала Иде, чтоб она ввела его в комнаты, а сама бросилась одеваться. Оделась я до того живо, что он едва успел войти, как я уже была там и разговаривала с ним. Я отдала ему письмо. Он просмотрел его и сказал, что он уже знает про эту свадьбу из газет [83], но, разумеется, он не знал имени этого писателя. Потом мы разговорились о разных разностях. Он был очень любезен, предложил мне осмотреть здешнюю стенографическую библиотеку, сказал, что он там постоянно по четвергам и понедельникам, от 9 до часу, но и в другие дни он будет там непременно, если только я его заранее извещу двумя строчками. Он хотел меня ввести в стенографическое общество, куда я могла попасть с его женой [233*]. Просил меня обращаться к нему ⟪с вопросами⟫, если мне что понадобится. Он сказал, что есть здесь окрестности до того красивые, но мало известные, которые в 100 раз прелестнее обыкновенно

231* *Вставлено:* Бедный, бедный мой Федичка.

232* Федя... сахару *заменено:* Федя почему-то непременно хотел, чтобы я сказала M-me Zimmermann, что он болен. Мне этого не хотелось; я с большим неудовольствием говорю всегда кому бы то ни было о его болезни. Ведь помочь ему не могут, а выслушивать сожаления бывает тяжело.

233* *Вставлено:* (как оказывается, та женщина, отворявшая мне дверь, была его женой, а я, по костюму, да и по манерам, приняла ее за служанку).

посещаемых мест. Вообще он был очень весел и любезен, но говорил он на каком-то особенном наречии, так что мне трудно было его понимать. (Саксонцы говорят довольно отлично от ⟨⟨прочего⟩⟩ немецкого языка, именно, у них нет D, а вместо его употребляют T. Так, например, они говорят «Atieu» вместо «Adieu», потом вместо B употребляют букву P. Точно так говорил и он.) Просидел он у меня с полчаса и ушел. Я обещала, что непременно приду к нему посмотреть библиотеку. Когда Федя проснулся, я ему сказала, что у меня был Z⟨eibig⟩, потом сказала, что пойду сегодня в Antikensammlung[234*], помещается в Japanisches Palais[235*]. Сегодня свободный вход. Я отправилась. Народу было довольно немного. Здесь находятся различные статуи, отлитые с различных знаменитых статуй, и, кроме того, еще разные древние статуи. Здесь меня особенно поразили статуи девушки и женщины из Herculanum, страшного гигантского роста. Я была просто им по колена. Наконец, я дошла до зала, в котором находятся ассирийские древности. Здесь я увидела в первый раз в жизни три мумии. Сначала я даже не знала, что это такое, но потом какое-то странное чувство отвращения сделалось во мне, так что меня начало даже тошнить. ⟨⟨Но⟩⟩ потом я поборола это чувство в себе и подошла, чтобы ближе рассмотреть их. ⟨⟨Одна⟩⟩ мумия представляет собою мешок, довольно длинный, который был обернут в раскрашенный красками чехол с лицом человека. Тут три мумии: мужчины, женщины и ребенка. Два первые покрыты этими чехлами, а 3-й — ребенка, видно испорчен. Все пелены, которыми он покрыт, уже испортились и из-под них виднеется череп. На меня это ужасно как дурно подействовало. Отсюда я пошла в комнату, где хранятся чисто германские, отечественные древности. Их здесь очень немного: несколько глиняных урн, которые употреблялись при погребении германцев, несколько браслетов и колец, вообще очень немногочисленное собрание. Я прошла опять всю галерею и вышла к выходу. На стенах висит надпись с просьбою вытирать почище ноги, когда входят в музей. Вообще во всех собраниях и учреждениях непременно отбирают трости, зонтики, вообще все вещи, которыми можно нанести вред выставленным предметам. Неужели находятся ⟨⟨такие⟩⟩ люди, которые решаются истребить или разбить ⟨⟨какую-нибудь⟩⟩ вещь? Как это подло, это хуже грабежа. ⟨⟨Лучше украсть, нежели испортить какой-нибудь предмет.⟩⟩ M-me F⟨rosche⟩ мне рассказывала, что в картинной галерее несколько времени тому назад какой-то подлец разорвал картину, изрезал ее в 3-х местах: ведь эдакой же нашелся мерзавец! Я бы, кажется, убила такого человека! Я зашла к H⟨ausmann'у⟩, чтобы спросить, нельзя ли как-нибудь попасть в Porzellans⟨ammlung⟩[236*]. Тот мне сказал, что нужно заплатить 2 талера; я отвечала, что мне это невыгодно платить столько за одну. Тогда он мне сказал, что завтра утром, в 10 часов, пойдут англичане, то, если хочу,— примкнуть к ним. Я сказала, что, может быть, я и приду. Тогда нужно будет заплатить только 10 зильб. Отсюда я пошла покупать клякс-папир за $^1/_2$ зильб., тесьму — 3 зильб. и шпильки — 1 зильб. пачка. Пришла я домой, и всю дорогу думала, как я люблю моего Федю, как он мне дорог и прочие обыкновенные мои думы. Я пришла домой, но он даже и не взглянул на меня. Он писал письмо к Эмилии Федоровне[84], это

[234*] Античная коллекция (*нем.*).

[235*] *Вставлено:* (Я знаю, что Федя после припадка несколько дней в мрачном настроении, и стараюсь оставлять его в эти дни одного, чтоб его не раздражать).

[236*] Коллекцию фарфора (*нем.*).

я увидела издалека. Потом спросил конверт. ⟪Я его спросила, к кому он пишет. Он мне отвечал, что какое тебе дело, к кому я пишу. Я отвечала ему, что мне все равно, хотя бы он к черту писал, не только в Петербург. Меня эта неоткровенность очень обидела. Я ее совершенно не заслужила. Это очень нехорошо.⟫

Мы пошли на почту отнести письма, но письма себе не получили. Пообедали. Суп Гули, очень вкусный, который я очень люблю. (Подавали солонину или язык, не помню хорошенько.) Отсюда пошли на террасу читать газеты, но пред нами кто-то их взял. Как мы долго ни дожидались, делать нечего, он все продолжал читать. Я умирала от скуки, я уже давно отпила свой кофе и решительно не знала, что мне делать. Наконец, я попросила Федю проводить меня до угла, чтобы я могла идти домой, а пусть он сам останется там еще ждать, пока этот господин прочтет свою газету. Я воротилась домой, через несколько времени пришел и Федя, и мы пошли по направлению к G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩, но до него не дошли, а воротились и сходили за пирогами. Навстречу нам попалось два покойника. Здесь покойников возят на дрогах, глухо закрытых почти до земли черным покрывалом, так что гроб совершенно не виден, а когда кто-нибудь гроб провожает, то родственники идут впереди покойника, а не сзади. Пришли домой. На дороге купили яиц, и Федя ел их всмятку. Потом мне сделалось ужасно грустно, я вспомнила маму, вспомнила, как мы тихо и хорошо с нею жили, и мне стало ужасно грустно и ужасно жаль, что ее нет со мною. Федя расслышал мои слезы и начал ссору, в которой мы еще пуще прежнего разругались. Право, мне весь этот день после обеда он был так гадок, что я просто насилу удержалась, чтобы не ударить его зонтиком. На меня это находит, так что я просто и сама не бываю рада[237*].

Четверг, 13 (1 июня)

Сегодня утром я предполагала идти, во-1-х в P⟨orzellann⟩ S⟨ammlung⟩, во-2-х, к Z⟨eibig⟩ смотреть библиотеку, потом в галерею. ⟪Но случилось так, что я была в ссоре с Федей и потому не хотела уйти, не сказав ему: он, вероятно бы подумал, что я нарочно ухожу. Я приготовила платки, чтобы не было у нас истории.⟫ В 2 часа отправилась в галерею, чтобы пройти ее с каталогом. По дороге я зашла в шляпный магазин, где меня прельщала шляпа. Стоит она 2 талера 15 зильб. Была с черным бархатом и лиловыми цветками. ⟪Мне⟫ она очень понравилась из окна, но она была мне мала. Я разговорилась с хозяйкой и узнала, что мою шляпу можно перевернуть на другую сторону, что это будет стоить 15 зильб. и надо будет ждать 8 дней. Отсюда я пошла на почту, чтобы узнать, нет ли для меня письма. Письма не было, и я, вся вымоченная дождем, пошла в галерею. Народу сегодня было довольно много, но меня особенно рассердил один жид, который просто спал перед картинами[238*]. Сегодня я высмотрела много вещей. В 3 часа пришел Федя. Но так как он, спеша, переходил из комнаты в комнату[239*], а я останавливалась рассматривать картины, то он мне сказал, что я, вероятно, нарочно не хочу с ним ходить, потому что на нем старая шляпа. А я даже

[237*] Федя расслышал... рада *заменено:* Федя услышал, что я плачу, и пришел меня уговаривать и утешать.

[238*] *Вставлено:* Как можно так небрежно относиться к великим произведениям искусства!

[239*] *Вставлено:* (его обычная манера — останавливаться и смотреть только на излюбленные картины).

этой шляпы и не заметила[240*]. Проходили мы по галерее до звонка, потом пошли на почту. Этот ⟪проклятый⟫ почтмейстер (не мой старый знакомый) вздумал сказать, что уже приходили спрашивать от Достоевских за $^1/_2$ часа перед этим, но что писем не было. Федя тогда очень удивился и сказал ему, показывая на себя и на меня, что никому, кроме нас, не следует давать писем. Тогда тот сказал, что ведь это вы ⟨не расшифровано⟩ взяли. Так как мы с Федей в это время уходили в галерею, то ему не могло придти на ум, что спрашивала письма я. Это его ужасно растревожило. Я вполне думаю, что ему представилось, что это приехала С⟨услова⟩ и ему это было неприятно. Я, разумеется, не созналась в том, что это была я[241*]. Пообедали, он пошел читать, а я пошла домой. Но на дороге купила земляники, сладкого пирога и булок. Феде все не нравятся здешние булки, он говорит, что они отзываются горьким маслом. Я этого не нахожу, но, разумеется, подтверждаю: зачем его огорчать на таких пустяках. ⟪Потом⟫ он пришел домой и предложил ⟪мне⟫ идти гулять. Но я отказалась, сказав, что мне гораздо веселей сидеть дома и делать что-нибудь, чем ходить с ним, когда он не говорит со мной ни слова. Потом он меня передразнил и сердился, зачем я грустна. Все-таки мне ужасно тяжело, мне все время казалось, что я совершенно здесь одна, что у меня нет друга, что единственный друг — моя мама, да и она в Петербурге, она, может быть, умрет без меня. О, Господи, Господи, сохрани мне маму, так она мне дорога всегда. Вот не умела я ценить этого прекрасного существа прежде. Право, я иногда очень, очень жалею, зачем я не осталась с нею навсегда. Право, это было бы лучше, ведь эдак же [с г л у п и т] человек. Право я и сама не знала, как я глупо поступила[242*]. Но довольно об этом. Возвращаясь домой, я видела у колодца несколько девушек немецких, которые накачивали воду. Они все были в синих передниках и с короткими, с буфами, рукавами. Это довольно красиво и вместе с тем и удобно, потому что не позволяет рукавам попадать в кушанье, как это у нас случается. (Я все забываю записать: все немки ходят в круглых шляпах, даже старухи, торговки на площадях. Но у каждой непременно в голове иголка вязательная непременно, вместо шпильки, поддерживающей шиньон.) Я сегодня проходила через Alt-Markt. Это подвижной рынок, большая часть его на ночь убирается. Он состоит из скамеек, которые на ночь отставляются в сторону. Здесь можно купить все: гвозди, башмаки, масло, счеты, книги, ⟪картины⟫ — решительно все, что вам угодно. И особенно сыр, именно Kuhkäse,— до того отвратительный и дурно пахнущий, что его, я думаю, взять в рот, так вырвет. Но немцы едят его с удовольствием, и чем гнилее сыр, тем он лучше и больше раскупается. От него так пахнет, что даже по рынку проходить трудно ⟪от запаху⟫. На воскресенье все эти лавки убираются вон, и площадь остается совершенно пустою. Сбоку находится небольшой фонтан, который освежает площадь. Сейчас пробило 10

240* *Вставлено:* Конечно, он пошутил.

241* Тогда тот... была я *заменено:* Я тут же покаялась Феде в своем нетерпении и сказала, что письмо спрашивала я, а то его ужасно встревожили слова почтмейстера, я думаю, ему представилось, что это приехала С⟨услова⟩ и ему это было неприятно. Я, разумеется, созналась, что это была я.

242* Но я отказалась... поступила *заменено:* Сегодня мне опять страшно грустно по маме: я жалею, что мой искренний друг, моя мама, не здесь, а далеко, в Петербурге, думаю, что она может умереть без меня. О, Господи, Господи, сохрани мою маму, так она мне дорога! Вот не умела я ценить этого прекрасного существа прежде; мне даже как будто жаль, что я не осталась с нею навсегда. Зачем я уехала за границу, ее оставила?

часов, и тотчас же раздался какой-то рожок. Вероятно, это стража, потому что в 10 и в 11 часов непременно раздается один и тот же звук. Я, кажется, не записала одного замечательного происшествия, именно: я на днях утром как-то неловко поставила чайник на машину, и когда Федя пришел садиться, то он нечаянно задел за стол, а, может быть, он не задевал, только вдруг мой чайник срывается с машины, падает на полоскательную чашку, разбивает ее, упадает далее на диван и разливает весь чай на пол. Федя сейчас давай меня бранить, а я, разумеется, расхохоталась и позвала поскорее Иду, чтобы она уничтожила следы моей неловкости. Вечером мы примирились и все пошло по-прежнему.

Пятница, ⟨14 (2) июня⟩

Сегодня для меня день неудачный. Я встала довольно рано и объявила Феде, что пойду в галерею. Он, разумеется, согласился со мною, что это похвальное желание. В $^{1}/_{2}$ 2-го я отправилась, но по дороге зашла в один бумажный магазин, где хотела купить Мадонну. ⟪Но⟫ здесь они очень дороги, ⟪и⟫ довольно небольшая и довольно несхожая стоит 10 зильб. С⟨икстинской⟩ М⟨адонны⟩ совсем не было, но мне обещали найти ее к вечеру. Не купить ничего было неловко. Тут я нашла Zauber-Photographie[243*]. Это два конверта: один заключает в себе фотографию, т. е. намазанный лаком листок, а другой — протечную бумагу. Для того, чтобы получить фотографию, следует лакированный листок положить на блюдечко, сверх него положить протечную бумагу и налить воды. Тогда покажется фотография. Это стоит $7^{1}/_{2}$ зильб. и содержит в себе 6 штук. Я, разумеется, купила это. Пошла в галерею, много там ходила, осмотрела Рибера, видела все картины Рембрандта, Рубенса ⟨не расшифровано⟩. В $^{1}/_{2}$ 4-го пришел Федя, и мы еще раз обошли ⟪с ним⟫ галерею[244*].

Отсюда мы пошли на почту. Почтмейстер подал письмо, адресованное на имя госпожи Достоевской. Рука была женская. Федя тотчас же, вероятно, подумал, что это письмо от С⟨условой⟩ потому что, когда я стала распечатывать, то он мне сказал: «Посмотри, чья подпись». Разумеется, он боялся, что эта дура напишет мне что-нибудь. Я ему показала, что это письмо от Сто⟨юниной⟩[85]. Я была очень рада, что у них все благополучно. Отсюда пошли в библиотеку и есть. Я не знаю, почему у меня вдруг сломался зуб,— это очень дурной знак. Я, разумеется, не показала и виду, что со мной случился этот грех, и преспокойно стала доедать, но про себя решила сегодня же непременно идти к зубному врачу и заказать себе зуб, потому что воображала себе, что это уж слишком заметно. Но потом, когда я пришла домой и посмотрела в зеркало, то решила, что если не слишком смеяться, то приметно не будет, а что зуб можно вставить тогда, когда у меня будет побольше денег. Вообще я немного поуспокоилась, и когда Федя просил меня сходить в прежнюю библиотеку, чтобы отдать книги и получить залог, то я не решилась уже заходить к дантисту, тем более, что я узнала, что он берет за зуб 4 талера. В библиотеке с нас уж много содрали: именно, 2 талера 8 зильб., но я выторговала эти 8 зильб. Он принес 2 пакетика. В одном был первый наш залог, в другом — второй. Сейчас видна немецкая аккуратность: залог был отложен в сторону. Русский бы не так

243* Волшебные фотографии (*нем.*).
244* *Вставлено:* Федя указывал лучшие произведения и говорил об искусстве. Какие удивительные шедевры здесь собраны!

сделал, а непременно бы залог на что-нибудь да употребил. Сейчас во всем виден немец.

Я пошла домой. Проходя по одному переулку, я увидела похороны. На дрогах, запряженных в 6 лошадей, стоял гроб, покрытый до самых колес богатым черным покрывалом, вышитым золотыми крестами и ангелами. Наверху стояла колонна из двух цветов. За ними следовало несколько карет с траурными лакеями. В одной из них сидел очень печальный старик, ⟪очень горестно⟫ ⟨не расшифровано⟩. Все провожавшие держали в руках пальмовые ветви. Потом мы с Федей пошли в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩, но на дороге зашли выпить кофею в одну кондитерскую, куда я прежде заходила разговаривать с хозяином о политике. Здесь Федя счел за нужное выругать все дрезденское масло и сказал, что здесь все отвратительно. Хозяйка заступилась и сказала, что у них хорошее. Но Федя и тут ее срезал, сказав, что и у ней прескверное. Федя находит какое-то особое удовольствие, ⟪как он сам говорит⟫, ругать немцев в глаза: так, мы пришли недавно в одну кондитерскую, и там я ела крем. Федя попробовал и сказал, что он никогда в жизни не ел такого отвратительного крема, так это abscheulich. Булочница думала, что он ошибся в слове, и сказала: «Schön Sie wollen sagen?» А Федя опять повторил: «Abscheulich»[245*]. Булочница была, видимо, оскорблена этим и, я думаю, готова была выгнать нас из магазина. Когда мы вышли из кондитерской, где пили кофе, я увидела, что у меня перчаток нет. Не знаю, потеряла ли я их из кармана, который у меня дырявый, или оставила в кондитерской, не знаю хорошенько, но мне их очень жаль, потому что они были совершенно цельные, хотя несколько замаранные, но это пустяки. Пришли в Gr⟨and⟩ J⟨ardin⟩, слышали «Feld-Marsch» из «Rienzi» Wagner'a. Просидели до конца и пошли домой. ⟪Мы теперь совсем примирились.⟫ Сегодня в первый раз за границей и, кажется, во второй раз в жизни шли под руку[246*]. Я, разумеется, на это согласилась. И мне это было приятно, идти с ним под руку, хотя для этого я должна была делать гигантские шаги, так как Федя выше меня ростом. Пришли домой, я тотчас же бросилась переводить мои фотографии на бумагу. Некоторые у меня удавались, но некоторые — не совсем: так, девица у меня вышла без носа и ребенок без тела, но это неважная вещь, зато другие картинки вышли очень хорошо. Потом я писала письмо к Стоюниной, которое пошлю в письме к маме.

Суббота, 15 ⟨(3 июня)⟩

Сегодня я опять проснулась в 2 часа и не спала до шести. ⟪Так что⟫ я думала, что мне опять придется быть с больной головой весь завтрашний день. Я просто готова была плакать, так мне было досадно. Но, к счастию, в 6 часов я заснула очень крепко и едва могла проснуться, когда в 11 часов Федя меня начал будить. Я ему сказала, что я долго не спала, он отвечал, что это неправда, что я отлично спала и теперь притворяюсь. Мне это было очень досадно, особенно со сна, когда я еще не разобрала, что он шутит. Но потом, через 5 минут, я стала понимать, в чем дело, и ужасно расхохоталась. Федя сегодня проснулся очень в духе. ⟪Я сначала ⟨не расшифровано⟩ и, разумеется, принялась его целовать, мое любимое занятие, когда только он не сердит.⟫ Но встал он левой ножкой, то есть сидел за чаем пасмурный. Сегодня идет дождь,

---

[245*] Хороший, вы хотите сказать? — Отвратительный (*нем.*).
[246*] *Вставлено:* Федя предложил.

так что просто выйти нельзя. Но я однако же пошла в кондитерскую за оставленными перчатками. По счастию, они оказались там. Эта старуха очень любезно подала мне их. Опять я в благодарность съела у ней пирога, очень вкусного, просто какого я в Дрездене и не едала. Именно, он не такой приторный, как все пироги в Дрездене. Крем, безе здесь очень приторны, чересчур сладки, так что почти есть нельзя. Но этот был с земляникой ⟪внизу, просто такой, какой ела в Петербурге⟫. Я пришла к Феде и закричала «ура». Он меня тотчас же передразнил. Нынче он меня все передразнивает, говорит не моим голосом и уверяет, что я точно так говорю, просто даже обида. Он сегодня меня очень любит и называет меня своей маленькой, крошечкой, хотя на самом деле я очень большая дылда. Потом я принялась шить и петь. Я пела самые различные песни, так что Федя просто удивлялся, откуда у меня что берется. Потом мы пошли за сигарами. Здесь Федя поспорил с немцем, который утверждал, что наш полуимпериал стоит 5 ⟨талеров⟩ $12^1/_2$ зильб., а мы пошли к Bondi и разменяли за 5 ⟨талеров⟩ 15 зильб. Сейчас же воротились к немцу и доказали его несправедливость[247*].

Пошли на почту, но сегодня писем совершенно нет,— просто такая грусть и досада. Что это такое означает? Зашли в библиотеку, взяли «Miserables»[248*] (издание того формата, который заключает в себе 17 частей). Пошли обедать. За обедом мы все шутили. Я называла его Федичкой, а он уверял, что, ⟪во-первых⟫, он не Федичка, а многоуважаемый Федор Михайлович, а я ему говорила, что здесь, в Дрездене, никто его не «многоуважает». Потом мы разговорились о благородстве. Он назвал меня, что я готова отца — мать за деньги продать, не только мужа. Но когда я протестовала против этого, то сказал мне, что нет на свете человека благороднее меня, но что он за это меня еще не хвалит, потому что я еще очень молода, потому что это первинки, что я совершенно не знаю жизни, а что если б знала жизнь, то непременно бы не вышла замуж за старого, беззубого, беспутного козла, старого грешника. Я, разумеется, говорила ему, что это неправда[249*]. Зашли в Café Reàle, пили здесь кофе, Федя читал газету, я — тоже, сначала «L'Europe», потом какую-то промышленную газету с описанием выставки. Отсюда пошли в книжный магазин покупать «Колокол». Купили за 1-е июня, чего мы не знали, потому что в последнем № было сказано, что следующий № выйдет 15 июня. Заплатили 6 зильб. Купили по дороге и мыла за 6 зильб., очень дурного и, как видите, дорогого. Отсюда зашли на рынок купить ягод. Так как у меня карманы были полны книгами, а руки — мылом и ягодами, то я положила свои перчатки в зонтик и думала, что так их не уроню. Сначала я все примечала за ними, но потом, когда мы пошли к Kourmouzi купить свечи и сигар, я не приметила, и когда мы вышли из магазина, то перчаток уже не было. Придя домой, я послала Иду к K⟨ourmouzi⟩ узнать, не оставила ли я там перчаток, но оказалось, что нет. Это мне такая досада, что я просто готова сердиться. Ведь случаются с человеком ⟪такие⟫ дни, когда все не удается!

247* *Вставлено:* Нас страшно возмущает постоянное желание торговцев, кельнеров и пр. обсчитать нас, сдать нам фальшивую монету или обесценить наши русские деньги, и мы с Федей боремся и не позволяем считать нас дураками.

248* *Вставлено:* роман, пред которым преклоняется Федя.

249* знала жизнь... неправда *заменено:* знала жизнь, то ни за что бы не вышла замуж за старого, беззубого, беспутного человека, старого грешника. Я отвечала, что все слова его — неправда, и что я его страшно люблю и страшно счастлива.

Весь вечер провели в мире. Я все хохотала, смеялась, как безумная. Федя тоже не хмурился. Как я подумаю, как изменился его характер — это ⟨просто⟩ удивительно. Прежде, бывало, так раздражителен, а теперь все мне сходит с рук. Прежде, бывало, он так страшно кричит[250*], что я просто иногда страшилась за свою будущую жизнь. Если бы он и при мне не изменился, то это было бы просто мукой. Но теперь это все прошло, хотя наши обстоятельства теперь куда как не блестящи. Сегодня, придя ко мне прощаться, Федя мне сказал, что я его делаю и счастливым, и несчастным. Несчастным потому, что если б он был теперь один, то легче было бы ему переносить, а теперь он боится за меня; ему больно, что и я терплю. Я уверяла его, что его опасения совершенно пустые, что я вовсе не так страдаю, как он думает. Хотя я на самом деле ужасно беспокоюсь об его ответе[251*]. Что если он вдруг откажет нам? Что мы тогда будем делать? Это просто невыносимо так жить.

Воскресенье, 16 июня (4)

Сегодня ⟨утром⟩ я встала, чтобы читать «⟨Les⟩ Mis⟨erables⟩», которые я вчера взяла в новой библиотеке. Я читала Waterloo. Это очень трудное место в романе, по крайней мере для меня, оно наполнено различными военными выражениями, так что мне приходится очень часто прибегать к помощи лексикона. (Сегодня я видела сон, что Маша Андреева выходит замуж за Рязанцева, который хотел жениться на Глаше[86], но как-то странно перепутали, и он женится на Маше. Потом эта же Маша ⟨будто бы⟩ замужем за Сашею Сниткиным, и ужасно его не любит и дурно с ним обращается. Он будто бы совершенно этим убит, а я его поддерживаю, хочу поговорить с Андреевой и заставить ее его полюбить. Ужасная чушь.) Потом я писала маме письмо, в которое вложила письмо к Стоюниной. Я была так рада, когда узнала о благополучном рождении ее дочери Нади. Я сходила купить конвертов и зашла к Курмузи узнать, не оставила ли я там перчатки. Но оказалось, что нет. Меня это очень раздосадовало, а тут, как на грех, как мы пошли гулять, Федя говорит мне: «Надень перчатки». Между прочим, в другое время ему никогда и в голову не приходило мне сказать это. Потом мы пошли обедать, зашли на почту, но писем и сегодня нет ни от кого. Такая досада, ⟨что⟩ ужас, я просто готова была плакать, тем более, что Федя всегда этим ужасно раздражается и бывает очень пасмурен. ⟨Наконец⟩, сегодня подали Guli-суп, но потом, как жаркое, что-то ужасно жирное, что почти есть было нельзя. Потом прошлись по террасе и пришли домой, и здесь увидели Иду в очках. Она говорит, что с 16 лет не видит ничего шить. Ведь эдакая подлая страна[252*] — кривые, хромые, безголосые, ничего не видящие, просто ужас, что это за поколение. Пошли в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩, но, сходя с лестницы, мне вздумалось, по обыкновению, спрыгнуть через 3 ступеньки. Но только что я вышла на улицу, как у меня страшно заболел бок, спина и чем далее, тем более, так что я почти вовсе не могла идти и колотья поднимались все выше и выше, так что у меня уже болела вся грудь, живот и спина. Федя меня начал уверять, что я, вероятно, себе что-нибудь там порвала, но я его все успокаивала, хотя ⟨и⟩ сама побаивалась какого-нибудь казуса. Пришли,

---

250* *Заменено:* так раздражался и кричал на своих домашних.
251* Хотя... ответе *заменено:* На самом деле, про себя, я очень беспокоюсь о нашем печальном денежном положении. Каков будет ответ Каткова?
252* *Заменено:* Какой здесь болезненный народ.

стали пить кофе, а потом пошли пострелять на 5 зильб. Я выстрелила 3 раза с большим неуспехом, так что просто даже стыдно стало. Зато Федя все попадал. Наконец, ему захотелось кое-куда. Я, разумеется, повела его, но здесь тоже попадались эти проклятые немки, так что никак нельзя было сделать. Федя на меня рассердился и сказал мне, что я в другой раз всегда сумею найти, а теперь я нарочно не хочу найти ему удобного места. Меня это, разумеется, рассмешило, и я приписала это его раздражительности. Наконец, кое-как удобное место было найдено[253*],— тогда он прибавил шагу, чтобы поскорее дойти до оркестра и иметь возможность выслушать «Белую Даму» Boildieu[87]. Я ⟪ему⟫ сказала, что, вероятно, она уже сыграна. Он рассердился и сказал мне, что я, вероятно, буду очень рада, что мы опоздаем. ⟪Наконец⟫ мы пришли все-таки к началу увертюры и посидели. Пошли домой очень веселые. У Феди эти бури проходят через минуту и через минуту нельзя бывает даже заметить, чтобы он даже сколько-нибудь сердился на меня. Федя взял меня под руку, и мы полетели, потому что нельзя называть ходьбою такие быстрые шаги. Я обыкновенно делаю $3^1/_2$ шага, в то время, когда он делает 2, а теперь я должна была идти наравне с ним. Потом пошли за пирогом. Но в нашей булочной его уже не было. Тогда Федя сказал, что я должна его вести в ближайшую булочную, что я всегда в другие раза нахожу близкую булочную, а только теперь не хочу для него найти. Я повела, но он расхотел идти во вчерашнюю булочную, и я должна была найти для него другую. Наконец, пришли в кондитерскую и здесь взяли пирожных по 3 Pfenn. ⟪за штуку⟫, 9 штук, но эта немка нас все-таки обманула на 3 Pfenn., взяв за 9 штук 3 зильб. Уж эти мне немки! Мне в эту минуту очень хотелось пить кофею. Я попросила Федю, не может ли он подождать. Он сказал, что не хочет. Но потом через минуту одумался и просил, чтоб я пила кофе. Я отвечала, что теперь уже не хочу. Он спросил,— оттого не хочу, что горда ⟪очень⟫. Я отвечала, что очень горда: если не хотел исполнить с первого раза, то я просить второй раз не хочу. Потом он меня долго упрашивал ⟪воротиться⟫ пить кофе. Но я уж не захотела[254*]. Пришли домой, сидели долго вечером. Потом я легла спать, а когда он пришел прощаться, то сказал мне, что он очень счастлив, что женился на мне.

Понедельник, 17 (5) июня

Сегодня очень пасмурный день. Я вчера весь вечер читала «⟨Les⟩ M⟨iserables⟩, описание сражения при W⟨aterloo⟩, и потом всю ночь видела во сне войну, раненых солдат, кровь лилась по улицам реками. Я была с Федей, но он не хотел меня защищать. Мне было холодно, мне не дал шаль, это меня глубоко обидело. В $^1/_2$ первого я оделась и пошла в стенографическую библиотеку к Z⟨eibig⟩. Я ему обещала прийти в прошлый четверг, но обманула, потому решилась идти сегодня. Жена Hausmann'a[255*] рассказала мне дорогу в библиотеку. Я пришла туда и спросила Z⟨eibig⟩. Он тотчас же вышел ко мне и крепко-прекрепко пожал мне руку, и тотчас же бросился познакомить меня с каким-то

[253*] Наконец... найдено *заменено:* Ему захотелось купить папирос, я повела его к лавочке, но не могла сразу найти дорогу. Федя рассердился и сказал мне, что я в другое время сумею найти, а вот теперь нарочно не хочу. Меня это, разумеется, рассмешило, и я приписала его слова его раздражительности. Потом, когда лавочку нашли

[254*] *Заменено:* Я согласилась, и с удовольствием выпила отличного кофею, до которого я такая охотница.

[255*] Дворника (*нем.*).

немцем P⟨rof.⟩ Haide. Это высокий старик, очень любезный, который был, кажется, очень рад, узнав, что я тоже стенограф. Библиотека состоит из двух шкафов. Он мне показал немецкую стенографию, английскую, французскую, древнеримскую, итальянскую, саксонскую и много других. У немцев есть целые стенографические журналы и книги. Z⟨eibig⟩ подарил мне много книг, именно «Corresp⟨ondent's⟩ Blatt»[256*], ⟪потом⟫ стенографические немецкие песни, каталог библиотеки и ⟨томик⟩ какого-то Kätsch с книжечкою для писания и с табличками. Потом, когда я осмотрела шкап, причем я ужасно ⟪как⟫ устала нагибаться, он повел меня показать по стенам ⟪разные⟫ портреты различных стенографов и бюст Gab⟨elsberger'a⟩[257*]. Потом фотографический снимок его памятника в München'e. Потом портрет N. Stolze, его противника, затем различные картины. Потом он мне предложил прийти в четверг послушать их заседание. Я, разумеется, согласилась. Он обещал за мною зайти. Потом спросил меня, не поеду ли я в Париж. Я отвечала, что поеду. Он обещал дать мне письмо к M-r Prevost и к другим стенографам в Париже. Потом, когда мы уже совсем уходили, ему вздумалось показать мне одну Kammer[258*], в которую на хоры вход из их комнаты. Но здесь только что окончили работу по проведению газа, и поэтому было все не убрано, я распростилась с моим немцем, и Z⟨eibig⟩ обещал ко мне зайти в четверг. Потом я пришла ⟪домой⟫ и, рассказав Феде про немцев, очень смеялась над их наивностью. Затем я писала стенографию, ⟪читала, и мы⟫ пошли на почту. Но и сегодня ничего не получили. Это ⟪просто⟫ меня мучает. Мне делается до того грустно после, как я узнаю, что нет писем ни из Москвы, ни из Петербурга. Потом заходили купить ягод, и, увидав клубнику, довольно крупную, мы спросили, что стоит вся довольно небольшая корзинка. Нам ответил продавец, что стоит 15 зильб. Это ⟪просто⟫ возмутительно дорого. Это точно как у нас, у Елисеева. Я не понимаю, кто им дает такую страшную цену. Потом заходили на минуту домой и пошли в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩. Сегодня играли произведения Mozart'a: «Andante Cantabile», «Menuet», «Allegro», все удивительно хорошо. Мы с Федей были очень рады, что попали сегодня послушать эту музыку. Мы пили здесь кофе и пиво, а затем Федя пошел стрелять. Но сегодня удивительно неудачно, вероятно, потому, что не хорошенько видел.

Тут я опять встретила мою коротконожку, которую я уже раз видела в этом саду. Это очень бледная, старообразная особа, должно быть, очень раздражительная. С нею ее матушка, с каким-то особенным вылепленным лицом, и какой-то господин, который все с нею любезничал и в прошлый раз повел ее под руку. Мне пришло на мысль, что она, должно быть, богата, а этот господин желает на ней жениться из-за денег, а потому так и ухаживает за нею, а матушка так и очень этому рада и старается не мешать им разговаривать. Мы сегодня раньше пошли домой. Федя взял меня под руку, и мы помчались, так что я едва поспевала за его шагами. Сегодня я весь вечер читала «⟨Les⟩ Mis⟨erables⟩», и когда пробило $^{1}/_{2}$ двенадцатого — обыкновенное время, когда я отправляюсь спать, то Федя меня погнал ложиться, сказав, что я могу дочитать и завтра ее. Я простилась с ним и отправилась в другую комнату, где и дочитала главу ⟨...⟩

[256*] «Листок корреспондента» (*нем.*).
[257*] *Вставлено:* основателя их системы.
[258*] кладовую (*нем.*).

В $^1/_4$ 4-го, не более полчаса, как я успела заснуть, с ним сделался припадок. Я тотчас же вскочила, так что, как он мне после говорил, он при начале припадка видел, как я подбежала к нему. Меня на этот раз припадок очень поразил: я становилась на колени, ломала руки и все повторяла: «О, несчастный, несчастный». Действительно, это страдание было ужасно. Но, по счастию, припадок продолжался недолго. Потом он очнулся, но, видимо, не понимал, что с ним было, так что уже через $^1/_2$ часа я ему сказала, что у него был припадок. Он сделался ко мне удивительно ласков, говорил, что я добрая, что он меня любит, умолял меня лечь в постель и заснуть. Бедный, бедный Федя. Как мне его бывает жаль, когда с ним бывают эти припадки! Господи, чего бы я, кажется, ни дала, чтобы только он мог совершенно выздороветь. Вообще теперь надо вести себя благоразумно, не пить вина, 〈...〉.

Вторник, 18 (6 июня)

После его припадка я не могла заснуть до 5 часов, потом завернулась в шубу и заснула. Но в 8 часов он меня разбудил, сказав, что пора вставать. Так как у нас часов нет, то, разумеется, мы никогда времени не знаем. Я встала и через два часа разбудила его, думая, что непременно 12 часов, но оказалось только что десять. Я дала ему поспать еще два часа. Встал он ужасно разбитый, с совершенно другими впечатлениями, чем обыкновенно. Ему бывает после припадка чрезвычайно грустно, тяжело, точно он на чьих-то похоронах. Он страшно устал. Утром он был очень мил со мною, но по временам ужасно скучен. Я хотела сегодня идти в галерею, но, видя, что он такой скучный, 《раздумала и》 осталась дома. Пошли на почту. Опять писем нет. Еще стало грустней. Оттуда обедать. За обедом я читала «〈Les〉 Miser〈ables〉», которых прочитала еще 6 частей. Мне удивительно как понравилось. Я забыла сказать, что весь день я записывала в свою книжечку содержание той части романа, которую я читала. Я думаю так продолжать все время, чтобы в случае нужды сейчас же можно было припомнить весь роман. Заходили в библиотеку и пошли пить кофе в кафе Fran〈çais〉. Федя читал «〈Journal〉 des Dêbâts», а я — различные журналы, преимущественно относящиеся до Парижской выставки. Гулять мы сегодня никуда не пошли, потому что Федя устал, но решились очень немного пройтись по Bürgerwiese, по дороге в Gr〈and〉 J〈ardin〉. Потом зашли в кондитерскую и купили сладких пирожков. 《Но так как кондитер долго не мог ответить на вопрос, сколько ему следует, а Федя повторил свой вопрос 4 раза, то он, наконец, вышел из терпения и почти закричал. Мне сделалось ужасно совестно за него, и я тоже почти закричала на Федю. Хотя мне было это и больно. Когда мы вышли, то шли до дому очень сердит[ые]. Но дома я тотчас попросила прощения, сказав, что лучше пусть он меня прибьет, чем будет на меня сердиться. Наконец, мы примирились.》 Сели читать. Вечером у нас время проходит очень мило: оба читаем, да по временам ласково взглядываем друг на друга, и я ему говорю: «Федичка!» Бывает очень весело. 《Но》 так как я сегодня мало спала, то легла чуть ли не в 10 часов. Федя пришел в час прощаться, я ему сказала, что месячного, которое должно было придти 16-го, нет, как нет, и я не знаю, что это бы значило. Тогда он мне отвечал: «А, может быть, там что-нибудь есть, может быть, ты забеременела?». Больше мы ничего об этом не говорили.

Среда, 19 (7 июня)

Сегодня мы ужасно как много спали. Я думаю, я проспала часов 12 с лишком. Встали. Я опять принялась читать и немножко переводить. Федя принялся пить чай, но так как он сегодня после припадка, то угодить на него очень трудно, и чай оказался нехорошим. Он просил меня дать ему налить самому. Я отвечала: «Сделай одолжение». Это его так рассердило, что он закричал на меня. Он кричал ужасно громко, как бывало, в старину, кричал на Федосью[88]. Меня это тоже рассердило и я[259*], вся красная, ушла в другую комнату. Не прошло 5 минут, как Федя, очень веселый, пришел ко мне в залу и сказал, что просит прощения. Я очень весело встала со своего места и сказала, что я вовсе не сердилась на него,— что я на него никогда не могу сердиться. Так у нас ссора и кончилась[260*]. ⟪Это и лучше, чем если бы я сказала, что я очень обижена, что не хочу прощать его, он бы тоже рассердился и мы опять бы начали глупо ссориться.⟫. Он мне сегодня все говорил, что я очень добрая, что я святая, ⟪что мне молиться не для чего⟫, что у меня нет грехов, что он все более и более смотрит на меня как на святую, как на образец женщины, безгрешную, терпеливую[261*]. (⟪Потом⟫ я как-то раз сказала ему, что я просто бы ужасно досадовала, если б поверила, что он меня считает за глупую. Он отвечал, что я очень умна, что я редкого ума человек.) Потом он пошел в цирюльню и пришел, очень помолодев, с ⟪более⟫ короткими волосами. Пошли на почту. Писем нет. Отобедали и, взяв из библиотеки книги, пошли домой. На дороге купили клубники. Дома Федя несколько полежал, и мы отправились в Gr⟨and⟩ J⟨ardin⟩. На дороге пили воду д-ра Struwe, которая Феде очень понравилась. ⟪Так что⟫ мы каждый раз теперь будем пить эту воду. Пришли в Gr⟨and⟩ J⟨ardin⟩. Но сегодня программы все вышли, так что мы не знали, что такое играют, а Федя непременно хотел бы знать и потому где-то отыскал программу. Но как после оказалось, совсем другая, потому что играли ⟪совершенно⟫ не то, что там написано. Пили кофе. Федя хмурился, а я наблюдала. Тут опять была та больная коротконожка со своею матерью и с этим молодым человеком. Они так весело беседовали, как вдруг, в то время, когда этот молодой человек зачем-то ушел в буфет, к моей больной подошла целая семья, состоящая из отца, матери, двух сыновей и дочери, довольно миловидной, но удивительно ⟨не расшифровано⟩, которая так и двигалась, как и подергивалась всем телом и особенно лицом, которое ни на одну минуту не оставалось спокойным. Она все качала головой, кривила губами и проч., что к ней, право, не шло. Оба семейства очень дружелюбно встретились, хотя я уверена, что у моей больной просто кошки на сердце грызлись. Второе семейство притащило столик и преспокойно уселось у больной. Пришел и ⟪тот⟫ молодой человек, который был также знаком с этим семейством, и должен был раскланяться и заговорить с ними. Братья смеялись, сестра подергивала плечиками, строила из себя девочку и даже купила у проходящего мальчика ⟪какого-то⟫ деревянного плясуна, который так и подергивался в ее руках. Вся хорошая беседа была нарушена, все удовольствие дня кончилось для моей больной, хотя она продолжала улыбаться,

---

259* Это... я *заменено:* Это ему не понравилось, он рассердился и закричал на меня. Это меня обидело, но я ничего не возразила и

260* *Вставлено:* Не люблю я ссориться: на душе тяжело, мысли такие невеселые, делать ничего не хочется! Я готова лучше уступить, лишь бы сохранить мир.

261* *Вставлено:* Дорогой мой, я не стою его похвал, совсем я не такая хорошая, как он думает, но мне дороги его слова.

и хотя ее маменька тоже очень улыбалась, как будто очень довольная тем, что они свиделись. Второе семейство на несколько времени отошло к другому столику, где сидели его знакомые. Я думаю, это несколько успокоило больную, но через 10 минут оно вновь воротилось. К нашей больной подсела какая-то старушка, с которой она принуждена была разговаривать, а молодой человек должен был разговаривать со вторым семейством. Потом он на несколько времени отошел к другому семейству, которое сидело очень близко от нас, так что мы могли слышать их разговор. Они очень насмешливо смотрели в ту 〈сторону〉, где он сидел, и один из них очень рассматривал в лорнет мою бедную больную, и, вероятно, смеялся над нею. Я слышала, как старая дама сказала ему, что, вероятно, его удерживает в Дрездене какое-нибудь чрезвычайное дело, и при этом смотрела в сторону, где сидела его дама. Наконец, он воротился, но уже прежнего веселья не было, все было натянуто. Наконец, больная пожелала ехать домой. Он повел ее под руку. На дороге они принуждены были остановиться, потому что не заплатили кельнеру. 《Но》 она ужасно долго не могла достать своего кошелька. Наконец, кошелек вынут, мать расплатилась, и они пошли. Она, должно быть, коротконожка, что так странно ступает.

Потом я видела еще две, должно быть камелии, очень великолепные, надушенные, в светло-лиловых шелковых платьях 《с длинным шлейфом》, в бархатных кофтах и круглых шляпах. Они пришли прогуляться около статуи, которая находится среди лужайки. Когда они приблизились, целая компания молодых людей 〈не расшифровано〉, офицеров, начала смеяться над ними, и я видела, как сначала один из них пошел подле и несколько раз встречался с ними. Я не знаю, говорил ли он им что-нибудь или нет, но потом подошел и другой, и я видела, как он, поравнявшись с ними, показал им монету, потом ушел и они ушли. Я сказала это Феде, но он сказал, что я могу легко ошибиться. Это, действительно, может быть, и правда.

Сегодня мы раньше пришли домой, сели читать. Я просидела до $^{1}/_{2}$ 12-го, потом легла, а Федя пришел в 2 часа. (Я, разумеется, тотчас же проснулась, и мы очень радостно поцеловались.) Потом я сказала 《ему опять с горем》, что у меня все-таки нет месячного, он мне отвечал, что значит 《там》 что-нибудь есть. Я спросила его, 《боюсь》, будет ли он этому рад, и что я боюсь, что он будет этим недоволен. Но он отвечал с очень веселым лицом, что 《ничего》, что совершенно напротив, что он будет даже очень рад этому, хотя прибавил, что тяжело оставлять детей без денег и 《даже》 без воспитания. Но потом несколько раз поцеловал меня, и я поспешила перевести разговор на другое. 《Но》 когда он сам лег в постель, то сказал, что это будет очень хорошо 《вообще》, что один, даже два ребенка гораздо лучше, чем ничего[262*]. Я заговорила о другом, но он, видимо, думал об этом и сказал: «Значит, это будет в феврале». «Может быть, будет мальчишка»,— прибавил он с удовольствием и сказал: «Ах, ты, Аничка»! Видно, что это ему тоже понравилось. Я уверена, что он также полюбит ребенка, если это будет. Но, впрочем, он сказал, что, может быть, это и неверно, может быть, еще месячное и придет.

[262*] Даже... ничего *заменено:* даже двое детей вовсе не обременят нашу семью, а только вольют в нее новую жизнь.

Четверг, 20 (8 июня)

Сегодня я долго не могла ночью заснуть, пока, наконец, не накрылась шубою, тогда кое-как заснула. Встала в 9 часов и велела Иде приготовить кофею, а сама в это время записывала ⟪весь⟫ вчерашний разговор с Федею. Сегодня в 2 часа я пошла в галерею. Федя сказал мне, что придет также за мной. Я осмотрела опять испанскую, итальянскую и ломбардскую школы и увидела много того, чего прежде совершенно не заметила. Пришел и Федя, но был недолго, потому что скоро стали спускать шторы и зазвонил колокольчик, что означает закрытие галереи. Мы отправились на почту, но и сегодня писем нет. Федя подумал, не берет ли кто наших писем. Он спросил об этом почтмейстера и просил показать книгу, в которой расписываются в получении рекомендованных писем. ⟪Но⟫ тот сначала нас не понял, а потом отвечал, что показать эти книги никому не смеет. Пообедали. Сегодня обед был какой-то дурной. Сходили за книгами, купили клубники и вишен. (Я забыла: идучи в галерею, я купила целый ⟪маленький⟫ кувшинчик вишен за 2 зильб., довольно много, положила их в карман и всю дорогу ела, так что выпачкала ⟪себе⟫ лицо.) Зашли по дороге в Café Fr⟨ançais⟩. Я стала есть вишни, Федя сказал, что пусть я пойду куплю для него ⟪еще⟫ столько же, тогда ⟪пусть⟫ ем вишни. Я обиделась и перестала есть, ⟪и как-то сказала, что он мой враг. Он на это надулся, но, я думаю, нарочно. Домой придя, я его разуверила, что он вовсе не враг мой⟫. Он меня очень упрашивал есть вишни, говорил, что иначе он подумает, что я считаю его жадным, что он не хотел дать мне вишен. Я не ела, потому, что много ела давеча, ⟪да и мне всегда не хочется после того, когда замечают⟫.

В $^{1}/_{2}$ 7-го я стала ждать Z⟨eibig⟩, чтобы идти с ним на заседание. Я нашла где-то свои старые перчатки, починила их, чтобы не быть с голыми руками. (Федя сегодня поссорился с Идой за нечищенное платье, и когда мы пришли, то видели, что она плакала. Я думаю, она нас просто ненавидит. Потом он потерял свои светло-сиреневые перчатки, которые у него с незапамятных времен. Он их никогда не надевает, а только держит в руке и несколько раз забывал их где-нибудь в лавке. Всякий раз я ему их поднимала, но на этот раз они потеряны безвозвратно, он очень их жалеет.) Я все смотрела в окно и от души желала, чтобы Z⟨eibig⟩ не пришел за мной. Мы решили с Федей подождать его до 8 часов и, если не придет, идти гулять. Но в $^{3}/_{4}$ 8-го я увидела его на конце улицы с каким-то генералом, с которым он распростился у нашего крыльца. Я встретила Z⟨eibig⟩, а через минуту вышел Федя, очень веселый и любезный. Они заговорили, но это был престранный разговор — смесь французского, русского, немецкого. Хорошо, что это не продолжалось более 10 минут, иначе мы бы поговорили, но так как заседание было назначено в 8 часов, то мы поторопились идти. В конце нашей улицы он куда-то зашел в Landhaus[263*] и отдал свои книги Hausmann'у, и я предполагала, что мы сейчас взойдем наверх, но мы прошли двор и вышли на Moritzstr⟨asse⟩, а мы все никуда не входим. Потом прошли Frauenstr⟨asse⟩ и вышли на Alt Markt. Я думала, что заседание не в думе ли, но и Rathhaus[264*] прошли и пошли по Wildrufferstr⟨asse⟩. Поровнявшись с отелем, мы вошли в него, прошли мимо кухонь и поднялись во 2-й этаж. Я ⟪просто⟫ изумилась, и не знала, что бы это было такое. Но от такого солидного человека нельзя было

[263*] Зд.: учреждение (*нем.*).
[264*] Ратушу (*нем.*).

ожидать ничего дурного. Нам показали дверь, Z⟨eibig⟩ отворил, и мы вошли в длинную, узкую комнату, обитую красными обоями, с зеркалами и картинами на стенах. За длинным столом сидело человек с 10. Перед каждым была кружка пива или какая-нибудь закуска. Все курили, пили и ели. При моем входе все они встали и раскланялись. В средине стола сидел мой знакомый D-r Hayde, которого я уже раз видела в библиотеке и с которым я говорила. Это очень милый и почтенный старик, очень высокого роста, но красивый, с всклоченными волосами и отрывистым смехом. Я была очень удивлена, что попала сюда, и сначала решительно не знала, что это такое. Но, как потом выяснилось из моего разговора с одним курчавым молодым человеком, это было еженедельное собрание стенографического общества, которое зимой собиралось в комнате, а летом или в комнате, или где-нибудь в саду. Сначала один из них, вероятно, секретарь, прочитал какой-то доклад, длинную бумагу, из которого я ничего не поняла. Потом D-r Hayde вынул множество газет, в которых находились известия о стенографии в различных местностях, стенографические споры и так далее. Все это читалось и сопровождалось различными возгласами и шутливыми замечаниями разных членов. В это время Z⟨eibig⟩ меня спрашивал, предложил мне карту и просил выбрать кушанье. Но я отказалась, сказав, что ела и еще буду есть. Он предложил мне чего-нибудь выпить, но я и от этого отказалась и сказала, что если мне что понадобится, то непременно обращусь к нему. D-r Hayde встал с своего места и показал на меня своим членам и сказал, что он меня приветствует как своего сотоварища, и желает, чтобы это посещение оставило во мне хорошие воспоминания по моем возвращении в Россию. Я отвечала, что это так и будет. Вообще мне было досадно, что я не могла ответить им немецкою речью. Затем секретарь опять принялся читать присланные письма в эту неделю, окончив которые, было предложено кому-нибудь говорить. Начал говорить какой-то господин, немец, о Weimarn'е, говорил много, все смеялись, я также, но, надо признаться, я не слишком много поняла из его дрезденской речи. Мой сосед, молодой курчавый человек, заговорил со мною и спросил, знаю ли я немецкую стенографию. Я отвечала, что не знаю, но что буду непременно заниматься. Члены передавали друг другу какую-то бумагу, на которой они подписывались. Я спросила, что это значит. Мне отвечали, что это для статистики, что это каждый член присутствующий должен подписаться. Мне тоже предложили. Но я отвечала, что жалею, что не знаю немецкой стенографии[265*]. Потом говорил другой о собрании учителей в каком-то немецком городке, при котором он стенографом, и при этом рассказал несколько случаев, бывших у противников своих, приверженцев Stoltze. Рассказывал он довольно любопытно и шутливо. Потом разговорились о стенографах-прощелыгах. При этом кто-то рассказал о господине, выдававшем себя за стенографа, и приходившем просить денег к H⟨ayde⟩, назвав себя присланным от Z⟨eibig⟩, а к Z⟨eibig⟩ — назвал себя присланным от H⟨ayde⟩. Это очень рассмешило общество. Наконец, D-r H⟨ayde⟩ приступил к рассмотрению программы собрания стенографов, которое назначено на четвертое августа сего года. Место выбрано Feldschlösschen, и члены должны были идти встречать гостей на железную дорогу. Тут же был выбран и Festkomitet[266*], между прочим, был выбран и Z⟨eibig⟩.

[265*] *Вставлено:* и расписалась по-русски (стенографически).
[266*] Праздничный комитет (*нем.*).

Вообще заметно, что он здесь очень уважаемый человек. Во время разговора приходили новые члены, и тут же были представлены обществу еще 2 гостя, из которых один, горбатый, просил принять его в члены общества. На это было дано согласие. Между прочим, D-r Z⟨eibig⟩ 《просто》 из себя выходил, желая мне чем-нибудь услужить. Он все меня спрашивал, не желаю ли я чего, и когда я сказала, что прошу чистой воды, то он приказал принести графин. Сначала все члены, смотря на меня, улыбались,— я думала, что они смеются надо мною, но потом увидала, что ошибалась: они были очень услужливы и любезны ко мне[267*]. Часов в 10 D-r Z⟨eibig⟩ сказал мне, что, вероятно, мне пора. Я была очень рада, потому что очень боялась, что Федя меня будет бранить за такую долгую отлучку. Мы встали. Я подала D-r Hayde 《руку через стол》, поблагодарила его. Он мне крепко-крепко пожал руку, даже до боли, и сказал, что хотел бы, чтобы мне было приятно вспоминать о них. Я, разумеется, отвечала, что это оставило во мне самое приятное впечатление. При моем уходе все встали и очень любезно раскланялись со мною. Мы вышли. С нами вышел и господин гость, как и я, немец, но который, вероятно, думая, что я не понимаю по-немецки, сказал мне по-французски на мою просьбу воды, что вода в Дрездене нехороша. Он шел рядом со мною и предлагал несколько вопросов. Спросил, где я живу, и когда узнал, что я живу в J⟨ohannis⟩st⟨rass⟩e, то сказал, что он живет по той же улице. Так они меня проводили до дому. Я ужасно боялась, чтобы дверь не была заперта, тем более, что ключа с собою у меня не было. Но, к счастию, дверь была открыта. Дорогою D-r Z⟨eibig⟩ предложил мне отправиться с ним и еще с семейством в Thorandt во вторник, где бы он показал нам много хороших мест. Он обещал зайти ко мне, чтобы поговорить об этом. Когда я пришла домой, Федя меня выбранил, зачем я Z⟨eibig'a⟩ не пригласила на чай, но я не знала, во-первых, есть ли чай, во-вторых, как Z⟨eibig⟩ понравился Феде. Федя говорит, что нашел его очень хорошим, сердечным человеком.

Пятница, 21 (9) ⟨июня⟩

Сегодня утром, когда мы сидели за кофе, M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ сказала, что какой-то господин желает меня видеть. Я была 《по обыкновению》 не одета и предложила выйти Феде. Он вышел и через минуту воротился, сказав, чтоб я вышла, что это ко мне. Я поспешила одеться и увидела D-r Händsch'a, который вчера вместе с Z⟨eibig' ом⟩ провожал меня до дому. Я просила его садиться. Он сказал, что так как он с женою отправляется сегодня куда-то в Donau и так как у него свободные места в карете, то он предлагает нам, не хотим ли и мы отправиться вместе. Я отказалась, сказав, что мы уже решились куда-то ехать. Он просидел с 5 минут и ушел, а Федя его и не поблагодарил[268*] за его внимание. Действительно, это было очень любезно с его стороны пригласить нас отправиться вместе, но что же делать,— нам средства не позволяют гулять, да и не хотелось. Я забыла, что у него жена русская, может быть, ей хотелось повидаться со своими соотечественниками.

Потом я пошла в галерею и осматривала Рубенса. Когда пришел Федя, я так ему обрадовалась, что изменилась в лице и почти побежала

[267*] *Вставлено:* Мой сосед сказал мне, что многие удивляются, что я такая молодая и так хорошо знаю стенографию, как обо мне пишет Ольхин. (Между прочим D-r Zeibig сказал членам, что Ольхин, может быть, приедет в Dresden и присоединится к ним).

[268*] *Заменено:* поблагодарил.

к нему. Мы проходили до звонка, потом отправились на почту, но писем и сегодня нет. Просто досадно до сумасшествия. Сегодня Федя решил, что я напишу Ване, пусть он сходит к Каткову и узнает, дома ли он, здоров ли, и не уезжал ли куда в этот последний месяц. Сходили пообедать и пришли домой. Федя прилег немножко на кровать. ⟪Когда он потом встал, то, мне кажется, еще спал, потому что, когда я ему сказала, сегодня ли отправить письмо, он ужасно рассердился и закричал, что так нельзя жить, что это невыносимо и пр.⟫ Я тотчас написала письмо и сама отнесла его на почту. Когда я воротилась, то Федя предложил идти за книгами в библиотеку, но я была так утомлена, что не могла идти. ⟪Он, рассердившись, пошел и⟫ когда он воротился, он спросил, пойдем ли мы гулять. Я отвечала ему, что пойдем, и подошла к нему, чтобы помириться, но он сделал вид, что не хочет мириться. Потом пошли. Он всю дорогу молчал, а я хохотала, потому что мне было смешно, как я с сонным человеком говорила[269*]. Когда мы стали подходить к саду, то Федя захотел домой, но был в нерешимости. Я сказала: «Коли домой, так домой». Он ужасно рассердился и поворотил домой, но пройдя несколько шагов, когда я ему сказала, что мне лучше бы хотелось посидеть в саду, он вдруг очень быстро поворотил к саду, но сказал, что более 5 минут в саду не просидит. Я отвечала, что если сидеть, то не 5 минут, а с полчаса, и в таком случае гораздо лучше идти домой. Но так как он настаивал, то я сказала: «Лучше мы пойдем домой, или я одна пойду». Так как он продолжал идти, то я ⟪преспокойно⟫ поворотила домой, а он пошел в сад[270*]. Через полчаса после меня пришел и Федя. Он был очень пасмурный. Когда стали пить чай, то он сказал, что я, вероятно, назло ему придвинула стол. Я отвечала, что это глупо говорить про меня, что я буду делать ему назло. ⟪Потом мы разговорились о нашей ссоре. Он сказал, что не уважает немцев, исключая Z⟨eibig'a⟩ и того доктора. Вообще⟫ начал говорить насмешки, и потом сказал, что у него теперь нет денег, но что у него они будут и что его все-таки можно уважать. Меня это ужасно оскорбило. Как! Подумать, что я уважаю людей только за деньги! Я отвечала ему, что я денег в нем вовсе не ценю, что если б я захотела быть богатой, то давно уже была богата (он отвечал, что уж несколько раз об этом слышал)[271*], что я вовсе не ценю в нем богатства[272*]. Мне было до того больно, что я не могла удержаться и расплакалась. Но потом мы кое-как примирились. ⟪Я ужасно наплакала свои глаза⟫, Когда мы, ⟪наконец⟫, стали пить чай, я сказала, что я завтра буду писать письмо ругательное. Федя спросил: «Зачем ругательное?» Я отвечала, что на ругательные письма отвечают тем же. Он спросил, кому. Я отвечала: «Одной моей знакомой, которая

269* *Вставлено:* И меня, и Федю страшно тревожит то обстоятельство, что Катков нам ничего не отвечает. Деньги у нас выходят, ниоткуда их не предвидится, и совершенно не знаем, что нам предпринять. Бедный Федя очень пасмурен, беспокоится и сердится на такие пустяки, на которые прежде не обращал внимания. Его дурное настроение отражается и на обращении его со мною; он придирается ко мне, а я тоже страшно беспокоюсь о нашем положении, тоже раздражаюсь и не могу сдерживаться. Напр., сегодня произошла такая нелепая сцена, в которой мы поступали как дети.

270* *Вставлено:* Ну, зачем я это сделала? Все наши ссоры происходят оттого, что мы оба очень беспокоимся и мучаемся от неопределенности нашего положения. Господи, помоги нам выйти из него! Мы так любим друг друга и так счастливы, и если б не наши плохие обстоятельства и денежные заботы, то не было бы людей счастливее нас! А тут мы ссоримся как маленькие ребята.

271* *Вставлено:* так как могла выйти замуж за Т., человека, который ко мне сватался.

272* *Вставлено:* а люблю его за его ум и его душу.

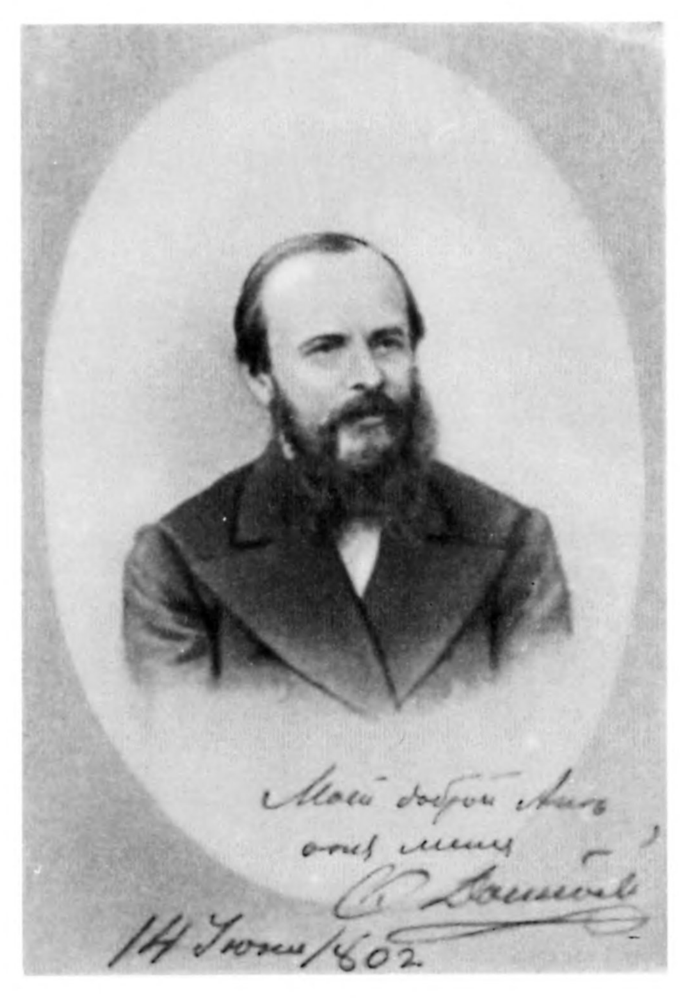
меня недавно обругала». Я сказала, что не намерена спускать оскорблений, особенно если я их не заслужила, что ведь он сам говорил, что надо людям указывать их место в природе. Он отвечал, что отвечать злом на зло очень дурно и что гораздо лучше простить. Я отвечала, что думаю совершенно иначе. Потом он меня несколько раз целовал и смотрел на меня, я смотрела на него, улыбаясь, а он несколько раз щурился и сказал: «Злая ты». Я отвечала, что, может быть, что я и зла, но не к нему. Он очень внимательно на меня поглядывал и, видимо, старался отгадать, что я такое думаю. Потом я ушла 《в свою комнату》, в залу и стала писать. Он чрез несколько времени пришел ко мне, называл меня литератором, женой литературной и спросил, что я такое пишу. Я отвечала: «Письмо».— «Нельзя ли узнать к кому?» — «Нельзя».— «Однако же...» — «Не скажу». Тогда он мне посоветовал идти спать. Видимо, ему было ужасно любопытно узнать, тем более, что он, я думаю, вполне догадывался, о ком я веду речь. Потом я ушла спать. Когда он пришел прощаться, то велел мне непременно идти завтра к бабке, сказал, что 《это》 нам обоим очень важно знать,— беременна ли я или нет. У меня в самом деле ужасно болела сегодня грудь, около правого легкого, и болел живот. 《Но, может быть, мне кажется, оттого, что я ела сухое. Когда я плакала, то у меня сильно болел живот.》

Суббота, 22 (10〈июня〉)

Сегодня я утром встала и пошла за конвертами для писем, которые я пишу к маме, к Марии и Маше, 《и нарочно》 перед тем, как отнесла письма, зашла к Феде и показала ему письма. 《Я думаю, это еще более его подзадорило.》 На дороге я встретила вчерашнего доктора. Он мне раскланялся, но говорил очень сухо. Мне кажется, он обижен, что мы отказались от прогулки. Очень жаль, что мне пришлось обидеть этого, может быть, очень достойного человека. Вчера я читала немецкие газеты и прочитала там, что какой-то 29-летний человек ищет себе жену, девицу или вдову, но без детей, с состоянием от 2 до 3 тысяч талеров — все как следует. Но вот что гадко меня поразило — это то, что он приписывает, что письма и карточки должны быть адресованы туда-то, но должны быть оплачены franco, не франкированные же письма не будут принимаемы и будут оставляемы на почте. Каково это! Так молод и так расчетлив! Мне кажется, что это одно могло бы остановить меня выйти за него замуж, если б я даже и имела намерение выбрать таким образом себе супруга. Как! Уже при выборе не скрывает своей расчетливости, точно уж это так много — все-то письма стоили бы не более одного или много-много двух талеров. Так что ж будет дальше, когда она сделается его женой и когда нечего будет скрываться. Вот, я думаю-то, скука какая, когда нужно смотреть за каждым грошем и когда в каждом гроше спрашивают отчета. Федя потом говорил, что, может быть, это сделано с целью: может быть, это может произвести хорошее впечатление, что это показывает экономию и [р а с ч е т л и в о с т ь]. Не знаю, каковы немки, но, мне кажется, что это во всяком человеке произведет очень дурное, [вовсе?] не хорошее впечатление. (Я все забываю записать, что у немцев ужасно небольшие дворы, почти их нет. Обыкновенно в хороших домах находится большая дверь, как ворота. Надо пройти несколько шагов, и видна другая дверь, тоже широкая, обыкновенно с цветными стеклами, так что насквозь не видно. У них еще, я в первый раз видела, есть какие-то бугорчатые стекла, волнистые или матовые, так что решительно

ничего нельзя видеть.) Потом мы пошли на почту, и сегодня я получила два письма, одно от мамы, а другое от Вани. В нем Ваня пишет, что он приехал в Петербург. Я этому очень рада, ⟨потому что⟩ бедной маме не так будет скучно. ⟨В нем⟩ они пишут, что Паша ужасно им надоедает, что он мучает маму, требуя от нее денег, что будто бы она ему что-то должна, что даже спрашивает, получила ли мама деньги от всех жильцов и т. д. Когда я прочла, это меня так взбесило, что я вся раскраснелась и ужасно тяжело дышала. Я не запомню, чтоб я так сильно сердилась, как на этот раз. Как он смеет? Какое он имеет право таким образом поступать? Жаль, что они очень неясно пишут на этот счет. Я хотела поскорее идти домой, чтобы написать маме и сегодня же послать, но Федя убедил меня отложить до завтра, и, действительно, я, по крайней мере, буду иметь возможность написать письмо поподробнее. ⟨Я забыла⟩: купили вишни, сахару и чаю, принесли все домой и отправились в Gr⟨and⟩ J⟨ardin⟩. Когда мы пришли туда, то уже издали заметили, что там было ужасно много народу. Когда мы подошли, нам сказали, что вместо 2 $^{1}/_{2}$, как по обыкновению, сегодня пять зильбергрошей, потому что сегодня какой-то концерт с пением и мужским хором. Мы долго не решались, идти или нет, но так как я увидела Thode, и мне показалось, что он заметил, что мы не решаемся, то неловко было не войти. Мы взяли программы и насилу могли отыскать местечко у одного столика, где уже сидели какие-то дамы. Федя спросил себе пива. Около нас сидели две молоденькие девушки с отцом, очень высокенькие, очень тоненькие подросточки. У них прекрасные белокурые волосы, ⟨не заплетающиеся⟩. Одеваются они всегда одинаково, должно быть, это двойняшки, потому что довольно схожи друг с другом. Очень миленькие девушки. Они, должно быть, немки, потому что, я слышала, все говорили по-немецки. Федя сходил узнать, какой № играли. Оказалось, что первая часть уже сыграна, а идет 2-я часть, исключительно песни, так что нам пришлось прослушать номеров с пять немецких песен. Федя пил свое пиво, как вдруг заметил, что там находится огромный паук[273*]. Он подумал, что это ему так и подали, но мне кажется, что нет: иначе, как мог он выпить более $^{1}/_{2}$ кружки и не заметить паука. Он подозвал кельнера и показал ему это. Тот объяснил, что вероятно, паук упал с дерева. Федя приказал принести другую кружку. Но когда тот ушел, то Федя стал бояться, чтобы кельнер не вздумал только добавить кружку, а вовсе не вылить. Кельнер принес. Федя спросил, вылил ли он,— тот отвечал: «О, да, я ее сам выпил, ведь это с дерева упало». ⟨Ему было вовсе не неприятно выпить, потому что это с дерева упало.⟩ Это нас окончательно убедило, что пиво новое, тем более, что, вероятно, кельнер не хотел упустить случая выпить остаток пива. Наконец, после долгого пения началась музыка «Fidelio» и «Mosaik» Wagner'a[89]. Но мелодия удивительно тих⟨ая⟩, так что за разговорами немцев, сидевших сзади меня, мне почти ничего не было слышно, так что для меня все это пропало. За нашим столом сидела какая-то немка, которая при пении находила нужным плакать, и я видела, как глаза ее очень часто наполнялись слезами. В 9 часов мы ушли и пришли домой уже в $^{1}/_{2}$ 10-го. Так поздно мы еще ни разу не приходили домой. Напились чаю, но сегодня такая беда случилась с моею чайной машиной,— ежеминутно нужно было подливать спирт, иначе огонь гас, и чай был холоден. Потом я стала писать письмо Ване, а в одиннадцать часов была так утомлена, что отправилась

[273*] *Заменено:* большой жук.

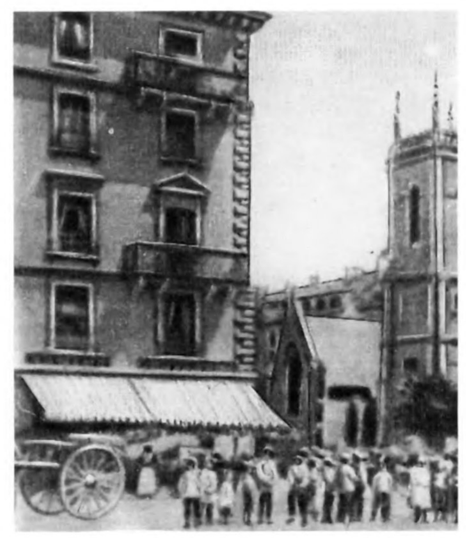

Ф. М. Достоевский.
Фотография Н. Досса (Санкт-Петербург, 1876 г.)
с дарственной надписью жене писателя.
Местонахождение оригинала неизвестно.

А. Г. Достоевская в созданной ею в Историческом музее комнате-музее «Памяти Ф. М. Достоевского». Фотография с подписью и датой-автографом: «2-го декабря 1916 г.» Музей-квартира Ф. М. Достоевского. Москва

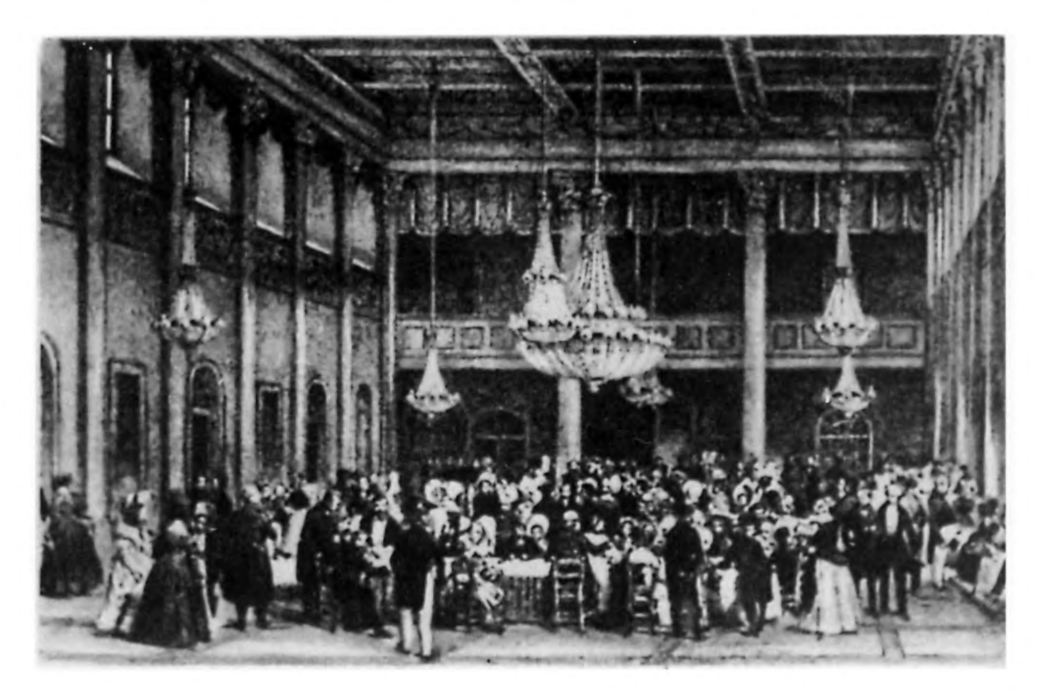

Женева. Дом, в котором жили Достоевские с августа по декабрь 1867 г. (угол ул. Вильгельма Телля и ул. Бертелье). Фотография

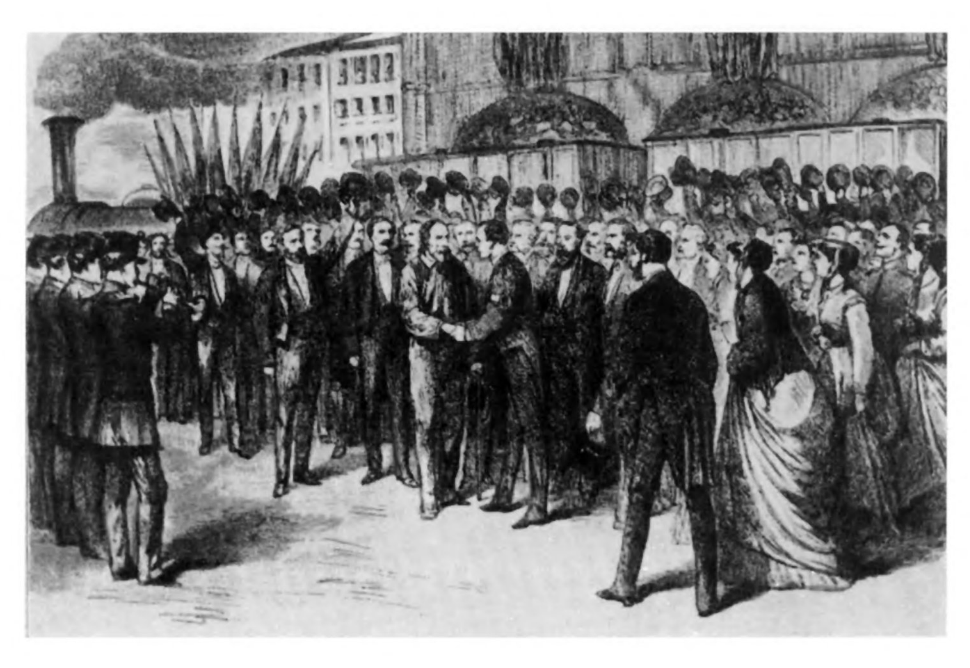
Женева. Дом, в котором жили Достоевские в 1868 г. (ул. Монблан). Музей-квартира Ф. М. Достоевского. Москва

Женева. Мост Монблан, втор. полов. XIX в. Фотография

Баден-Баден. Рулетка в Кургаузе, ок. 1850 г.
Гравюра

Встреча Гарибальди в Женеве 8 сентября/27 августа 1867 г.
Рисунок

спать. Я забыла сказать, что сегодня утром Ида принесла мне немецкую 《газету》 «National Zeitung»[90], где было напечатано, что в заседании стенографического общества присутствовала одна русская дама. Вот я выписываю все слова газеты: «der letzten erweiterten Sitzung des stenographischen Instituts wohnte eine nach Gabelsbergers System gebildete russische Dame bei, welche in Petersburg dasselbe häufig anwendet»[274*].

Воскресенье, 23 (11) 〈июня〉

Сегодня утром я за что-то поссорилась с Федей, но мы тотчас помирились и были очень довольны друг другом, но когда я писала маме письмо, я так раздражилась на Пашу, что очень сердито и крикливо стала выговаривать Феде. Он на меня рассердился и едва помирились. Вообще я нынче завожу драки. Пошли на почту. Писем нет. Отсюда в Gr〈and〉 J〈ardin〉 обедать. Но сегодня было до того много народу, что не было совершенно места. Мы сели обедать в зале, куда нам принесли стол и стулья. Но хотя обед стоил дороже, чем когда-либо, но был хуже. Вместо вина мы пили содовую воду, которая здесь очень дорога, бутылка стоит 5 зильб., между тем как в бутылке не более четырех стаканов, а в продаже один стакан стоит 5 Pfennig. Пили кофе и пошли гулять по саду, забрели очень далеко, куда-то в неизвестную часть сада. Дорогою Федя начал меня поддразнивать, спрашивал, скоро ли ты родишь. Я, разумеется, краснела и просила его замолчать. Он говорил, что это очень хорошо, что я буду матерью, что он страшно счастлив, что если будет девочка, то как ее назвать, не нужно Аней. Я сказала тоже, что не Аней.— «Так назвать ее Соней, в честь Сони романа, которая так всем нравится, и в честь московской Сони[91], а если мальчик,— то Мишей в честь брата». Потом он говорил, что лучше, если б мальчик, потому что девушке нужно приданое, а мальчик и так обойдется. Потом говорил, что это для меня будет идол, что я буду без памяти любить, что это вовсе не хорошо, а нужно любить в меру, 《любить потому, что это собственное произведение. Мне это не понравилось, точно разговор какого-нибудь нигилиста. Потом все поддразнивал меня. Я старалась отвести разговор на другой предмет, но он все говорил, что 〈не расшифровано〉 это хорошо, а ты вот лучше скажи, когда, когда》. Потом говорил, что мне нужно есть за двоих[275*] 《теперь, таким образом острил》. Мы воротились опять в сад, кое-как достали себе место и Федя спросил у одного кельнера себе пива, а я у другого — кофею. Мой кельнер скоро пришел и вместе с кофеем подал и кружку пива, сказав, что это ничего, что другой принесет. Чрез несколько времени, впрочем, довольно долгое, явился и другой и очень удивился, что Федя уже пьет. Тогда Федя ему сказал: «Sie haben geschlafen»[276*]. Это ужасно раздосадовало кельнера и он грозно посмотрел на Федю. Вблизи сидевшая немка ужасно хохотала, видя, каким холодным и строгим тоном это сказал Федя.

Была и моя коротконожка с своим кавалером. Но сегодня почему-то ее мать ушла раньше и с нею осталась какая-то дама, которая повела ее

[274*] На последнем расширенном заседании стенографического института присутствовала русская дама, получившая образование по системе Габельсбергера и часто применяющая ее в Петербурге (*нем.*).

[275*] Потом говорил... за двоих *заменено:* Потом говорил, что, наверное, дитя будет нашим идолом, и мы будем без памяти любить его, что это вовсе не хорошо, что нужно любить в меру. Он очень мило меня поддразнивал, говорил, что мне теперь нужно есть за двоих; вообще видно, что он счастлив при мысли, что у нас будет ребенок.

[276*] Вы проспали (*нем.*).

под руку, а не ее кавалер. Когда она потише ходит, то это не так безобразно. Она всегда с большою любовью смотрит на него, у нее даже лицо становится лучше,— видно, что любовь красит. Если они женятся, она его будет очень любить. Был тут еще прусский полковник, жену и сестру жены которого я уже видела раз здесь. Сестра — хорошенькая брюнетка со вздернутым носиком, жена — какая-то размалеванная картина, с удивительно большими бровями. Она, должно быть, пустая женщина. Лицо ее только и оживляется, когда она обращается к собачке, которая тут же была с нею, гладит и ласкает ее, с большею любовью, чем к мужу, и муж, чтобы подласкаться, гладит собачку. Не люблю я, когда женщина уж слишком любит животных, даже больше людей,— нехорошее это сердце. Мы не досидели до конца, пришли домой в девять часов. Сейчас чай пить, потом читать. Я же легла на диван к Феде, и мне было так хорошо. Потом, когда происходило прощание, Федя мне говорил, что я хорошая жена, что я настоящая жена, что ангел, посланный богом, которого он и не стоит. Но я отвечала, что мне тоже послано, что меня он любит, что это невозможно для меня такое счастье. Мы долго говорили, но потом уже я не могла ни за что заснуть, сколько ни старалась. Одевалась теплее, ничего не помогало. ⟨⟨Я, наконец,⟩⟩ чтоб не будить Федю, перешла в нашу залу и прилегла тут. Но и тут не спалось. Потом взяла «Русский» и начала читать,— это очень интересно. Наконец, в 7 часов я попросила Иду дать мне кофею, и она мне принесла, а M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ посоветовала мне от начавшейся головной боли съесть чего-нибудь, напр., Sardellen [277*]. Я послала Иду их купить на $1^1/_2$ зильб., а сама отправилась отдать назад каталог библиотеки и получить залог свой. Взяли за $2^1/_2$ недели 5 зильб., отдали 25 зильб. залогу. Потом купила узор за $1^1/_2$ и, прогулявшись, пришла домой. Федя уже проснулся и, узнав, что я не спала, сказал, что никогда не будет больше будить меня прощаться. Это меня очень огорчило [278*]. Я забыла: когда он спал, я подошла и поцеловала его ногу [279*], он, однако, услышал и проснулся. Потом он встал, всегда непременно посылал меня спать, говоря, что это, вероятно, пройдет. Я послушалась и легла, и он пришел, чтоб отворить окно, чтоб было прохладнее, но потом отдумал и не отворил. Затем пришел попрощаться со мною. Я записываю эту мелочь для того, чтоб сказать, какой он у меня милый и заботливый. Его внимательность меня очень трогает, я ее очень ценю, больше даже чем вещи большие. Я проспала, кажется, часа три, видела во сне ужасную чушь и, наконец, проснулась, когда Федя пришел меня очень весело будить.

Мы оделись и отправились на почту, но писем нет. Оттуда — обедать. Наш кельнер сказал, что уже думал, что мы уехали. Видно, пожалел, что лишился 2 зильб. в день. Сегодня я в ужасно дурном расположении духа, а меня еще больше раздразнили немцы, которые целыми толпами куда-то идут, то сюда, то туда. У них непременно в руках или щетка, или корзинка, или какой-нибудь узел. Мы сначала не могли понять этого, и я полагала, что они идут куда-нибудь на кладбище, как в Иванов день, но потом дело разъяснилось. В Иванов день бывает ярмарка в Neustadt'е, которая продолжается 3 дня (всего в году бывает 3 ярмарки, одна в Neust⟨adt⟩ теперь, две другие — в Altst⟨adt⟩ зимой). Поэтому каждый

[277*] Сардельки (*нем.*).

[278*] *Вставлено:* Наши прощания на ночь и ночные разговоры были для меня очаровательны, да и для Феди тоже.

[279*] *Заменено:* в голову.

спешит купить себе что-нибудь на ярмарке. Я непременно пойду посмотреть их ярмарку. Толкотня ужасная, просто даже идти не хочется, так что я даже толкнула какого-то немца-мальчишку. Наконец, вышли на площадь, где купили у ничего не понимавшей немки, которая хотела нам в один мешок свалить и вишни и землянику. Вишни теперь по одному зильб. за чашку. Все это я навьючила себе в руки: 2 свертка, в кармане двое папирос, и книгу, в руках перчатки и зонтик, так что мне было ужасно неудобно идти. Мы разошлись с Федей, потому что проезжала телега, как вдруг, проходя по концу Altm⟨arkt⟩, я встретила Вышнеградского[92]. Я не заметила, с кем он шел, но я видела как он узнал меня: он приостановился и сказал: «Это Сниткина». Но мы уже соединились с Федей и завернули за угол, так что я и не видала его. Но мне вообще была ужасно неприятна эта встреча, потому что за нею, вероятно, последует другая, а я теперь вовсе не в таком виде, чтобы встречаться со знакомыми — у меня вовсе нет летних нарядов. Я так поторопилась, что чуть было не свалилась с тротуара, так что меня можно было почесть за пьяную. Меня это ужасно раздосадовало, так что я просто не знаю, на кого и на что сердилась. Зашла я к Курмузи купить свечей. Купила 8 на фунт за 10 зильб. Дома немножко посидели и отправились в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩ но, к сожалению, пришли уже к «Menueto» Bethoven, большей части его произведений и не застали. Потом было что-то ужасно глупое, затем Wagner и восхитительный вальс Strauss'a. Мы было повздорили с Федей тут немножко, но тотчас оба расхохотались, и мир был заключен. Прослушав, ⟪наконец⟫, какую-то польку, мы пошли домой под руку, но тихо, ⟪и дорогой⟫ Федя меня все поддразнивал известным предметом и заставлял меня краснеть. Называл меня своею маменькой и говорил, что этого нечего стыдиться.

Сегодня на нашей улице праздник. Рядом с нашим домом находится Stadt Waisenhaus[280*], откуда мы ежедневно, часа в четыре, когда идем обедать, видим выходящими множество детей, будущих ученых. Нам всегда бывает очень прятно смотреть на них, на их оживленные лица, на их книжки, и тетради, в которые, я думаю, они дома и не заглянут. Тут происходят ссоры и драки[93]. Утром и вечером в доме бывает молитва, которую дети обыкновенно поют. Вечером, в 9 часов, когда мы только приходим домой, раздается эта детская песнь, которая удивительно как приятно раздается в тихом ночном воздухе. Этот гимн имеет очень много сходства с одною из наших церковных песен. В Иванов день в W⟨aisen⟩h⟨aus⟩ бывает праздник, на который, я недавно читала в газетах, приглашение желающих сделать какой-нибудь подарок, приношение для этих бедных малюток. Сегодня вход в дом был украшен зеленью, а во дворе виднелись флаги и различные венки. Как мне потом говорили, детям раздавали конфеты, пироги и шоколад. Вечером, часов уже в 10, раздалась музыка. Я была уверена, что это для детей, и очень за них радовалась. Право, эти детские праздники так много хорошего оставляют на душе. Мне кажется, если б было возможно, я бы желала быть надзирательницей в каком-нибудь приюте, и непременно бы устраивала маленькие детские праздники, на которых угощала бы детей. Вероятно, мне было бы очень весело смотреть на их веселье и пляски. Но каково же было мое удивление, когда потом Ида сказала мне, что детей уже уложили спать, а танцуют учителя и учительницы приюта. «Подлецы,— ⟪сказала я, и Федя был со мной согласен⟫,— лучше бы веселились дети,

[280*] Городской сиротский приют (*нем.*).

чем большие, которые, я думаю, без того могут найти себе место, где повеселиться». Когда играла музыка, я смотрела в окно. Сначала вовсе не было никого под окнами, а стояли только два маленьких мальчика, лет шести или восьми. Когда кончили играть какую-то мазурку, вдруг эти два мальчугана захлопали в ладоши, вероятно, для поощрения. Меня это ужасно насмешило: эти крошечные ребятишки всегда считают себя большими и поступают точно так же, как большие. Но скоро улица стала наполняться людьми, из всех домов вышли девушки, которые устроились под окнами. Некоторые же из них, большие охотницы повертеться, начали сначала вальсировать любимый национальный танец, а затем танцовать и все остальные танцы. Но сначала они как-то дичились прохожих и, завидя приближавшегося человека, тотчас же бросали танцы и кидались в темные сени, но мало-помалу привыкли и уже нисколько этим не церемонились, а преспокойно кружились, так что уже прохожие должны были их обходить, чтобы ⟪только⟫ не задеть. Иные кружились и одни ⟪вообще⟫, вероятно, им было весело танцевать, хотя бы и без кавалеров.

Я легла спать, но в два часа проснулась, когда Федя пришел. Он опять мне говорил много хорошего, говорил, что очень, очень любит меня, больше всех ⟨не расшифровано⟩, говорил, что я ⟪именно⟫ создана для него, что ему именно такую жену и нужно было. Потом я часа два не могла заснуть, пока, наконец, в 6 часов заснула и затем проспала до 12 часов. Когда Федя меня начал в 12 будить, я не поверила и уверяла его, что всего-то только пять часов. Но просто ужаснулась, когда услышала по большим часам, что бьет 12 часов. Когда я вышла, то M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩ сказала мне, что был Z⟨eibig⟩ и написал мне письмо, в котором приглашает меня с Федей отправиться с Literarisches Gesell⟨schaft⟩ [281*] в Blazewitz. Я сказала Феде, но он сказал, что мы не поедем. Делать нечего, хотя мне очень совестно пред этим добрым немцем постоянно отказываться от его любезных предложений. Я принялась за примерку и шитье моего черного платья, потом в 5 часов мы пошли обедать. На почте писем нет как нет. Пообедали и отправились за ягодами, которые теперь еще дешевле стали. Потом отнесли их домой и пошли в Gr⟨and⟩ J⟨ardin⟩, чтобы устать, потому что усталость очень полезна для Феди. Пришли уже к 3-й части, но было очень, очень приятно, потому что народу было немного. Вечер великолепный, сидеть под кленами и липами так приятно. Федя меня поддразнивал и говорил, что посоветуется с M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩, как со мной поступать, так как это у нас случится только в первый раз. Вообще очень поддразнивал меня. Пришли домой. Я читала, потом села писать стенографию. Я нынче хочу [у с и л е н н о] заняться ею, ведь она мне пригодится. Забыла: как-то у нас был расчет с Федей, если б у него было 20 тысяч: долги 4, еще долги 3, еще долги 4, Паше 2, Эмилии Федоровне и Феде — 3, четыре тысячи остались ⟨бы⟩ нам для житья целого года. Это очень хорошо. Если б 100 ⟨тысяч⟩, то Паше 10, Эмилии Федоровне 15, и, наконец, как-то случилось, что раз хотя обо мне вспомнил и сказал, что мне 15. Заслужила, нечего сказать. Я решила, что если б я когда-нибудь выиграла, то, разумеется, не дала бы ему, чтоб он так рассорил эти деньги [282*].

281* Литературным обществом (*нем.*).

282* Если б 100... деньги *заменено:* Я решила, что если б я выиграла или как-нибудь у меня явились деньги, то я тотчас же бы уплатила все долги, чтоб они не беспокоили Федю. Но все это фантазии и мечты.

Когда я легла в 12 часов в постель, я стала думать о разных семейных неприятностях, об Эмилии Федоровне и Паше[283*]. Меня это до того разозлило, что у меня сердце начало очень дрожать, и я ни за что не могла заснуть. Федя слышал, что я ворочаюсь, и несколько раз меня спрашивал, что со мною, и очень жалел. И потом 2 или 3 раза приходил ко мне и спрашивал, где именно болит, и решил, что нам непременно нужно сходить к доктору, посоветоваться непременно. Потом, когда началось [страстное] прощание, то он мне сказал, что я точно из рая, что я такая хорошая, что он меня очень, очень уважает и очень высоко меня ставит, что он еще такую ни разу не встречал во всю свою жизнь, что прежде женитьбы он меня любил вдвое меньше, потому что я хоть всегда была хорошая, но теперь он видит только, как это во мне твердо, что я его истинный, единственный друг его. Теперь он меня еще больше любит. Так я не спала до 4 часов, наконец, заснула, проснулась в 10.

Среда, 26 (14) ⟨июня⟩

Сегодня я утром стала писать письмо к нашим, прося у них денег или браслета. Мне сделалось до того грустно, что я сильно-сильно расплакалась и, несмотря на все усилия, не могла перестать. Мне было чрезвычайно грустно, что я не могу сделать им никакого подарка, а между тем самая ничтожная вещь как бы их обрадовала. Федя услышал, что я плачу, подошел ко мне, обнимая меня, сказал, что меня любит, и потом, чтоб развлечь, рассказал мне историю о Ver-Vert'e[94], о попугае, который находился в одном монастыре, и которого монахини научили говорить различные священные песни и молиться. Все удивлялись V⟨er⟩-V⟨ert'y⟩, всякий хотел его видеть и все желали слышать, как эта умная птица умеет молиться. Таким образом, эта птица прославила весь монастырь. Монахини соседнего округа пожелали иметь эту птицу. Они выпросили позволения у монахинь дать на несколько времени погостить V⟨er⟩-V⟨ert'a⟩. Эти сначала долго не соглашались, но, наконец, решились отпустить V⟨er⟩-V⟨ert'a⟩. Они отправили его с обозом, который переезжал из одного округа в другой, ⟪попросили беречь, заботиться о нем⟫. Дорогою он научился у извозчиков разным неприличным словам и ругательствам. Когда его привезли в монастырь, все собрались смотреть и слушать, как он будет петь и молиться. Как вдруг он начал пушить монахинь такими словами, что они сами не знали, куда им деваться. Это их рассердило: они подумали, что монахини назло им научили его говорить такие обидные слова. Началась переписка, пожаловались епископу. Те монахини, которым принадлежал V⟨er⟩-V⟨ert⟩, потребовали его назад, чтоб увидеть, правда ли это, и когда уверились, что их птица испорчена, то забросили бедного V⟨er⟩-V⟨ert'a⟩. Это Федя рассказал так премило, что я должна была расхохотаться и перестала плакать. Потом я сходила за конвертом и, уходя, когда он меня спросил, на какую я иду почту, я отвечала, что на эту, и чтоб он не беспокоился, что я пойду на нашу почту и возьму его письма, что этого не будет. Он ничего не отвечал, но когда я отошла, он вдруг подошел ко мне и с дрожавшим подбородком начал мне говорить, что теперь понял мои слова, что это какие-то намеки, что он сохраняет за собой право переписываться с кем угодно, что у него есть сношения, что я не смею ему мешать. Я ⟪ему⟫ отвечала, что мне до его сношений дела нет, но что если б мы были друг с другом откровеннее, то я, может быть, могла бы избавиться

[283*] *Вставлено:* об их происках против меня.

от одной очень скучной переписки, которую должна была завести. Он спросил ⟪меня⟫, кто это написал. Я отвечала, что одна дама. Ему ужасно было любопытно узнать, кто эта особа, он, вероятно, уже догадался, кто это может быть, а поэтому очень обеспокоился и начал выпытывать у меня, кто она такая, и не по поводу ли его брака у нас переписка, и что он очень желает узнать, как меня могли оскорбить. Я отвечала уклончиво, но он мне серьезно советовал сказать ему, потому что он мог бы мне помочь в этом случае и объяснить, как сделать, что, вероятно, он помог бы. Я отвечала, что эта переписка особенно важного не представляет, и потому я могу сама обойтись без его совета. Его это очень занимало, так что он даже вечером и ночью говорил, что я с ним не откровенна, что получила письмо от кого-то. Потом мы пошли на почту. На этот раз было письмо от «Русского Вестника», но очень тоненькое, так что Федя, распечатав его, говорил, что вероятно, отказ. Он начал читать. Писал не сам Катков, но какой-то другой, и говорилось, что Катков просит извинения (у меня просто ноги подкосились). Но, по счастью, далее шло утешительное известие, что желание будет исполнено. Я была очень рада, но Федя мне сказал, что я рада потому, что вещей моих он не заложит. Меня это ужасно взбесило, как во мне предполагать такие вещи[284*]. ⟪(Я и забыла: у нас сегодня пропал гульден. Я вполне уверена, что Федя его разменял, но он уверен, что у него был, и спрашивал, не брала ли я. Потом говорил о том, что брать бы так не следовало, потому что деньги наши общие. Я, разумеется, не брала, я сказала, что нет, но меня это так досадует, что я почти сама уверена, что это я украла у него деньги. Пожалуй, и он это думает, хотя я уверена, что у него нет этой мысли в голове.)⟫

Пошли обедать, а потом в библиотеку. Здесь у Hainze есть акварий, в котором находится очень много маленьких рыбок золотых, головастиков и улиток, так что, когда мы приходим, то я всегда очень интересуюсь ими и долго их рассматриваю. Сегодня прибавились две черепахи, очень миленькие, которые выползли из воды и сели на камень. Потом пошли в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩. Дорогою Федя меня все уверял, как это нехорошо ревновать мужа. Я не думала ревновать, мне было решительно все равно, и я вовсе не имею ни малейшего намерения его мучить ревностью. Просидели почти до конца и ушли домой. Стали: Федя — читать, а я — шить. Федя вообще не любит, когда шьют, но это не относится до меня. Я могу шить, и он этим не возмущается. Потом я легла спать, я нынче все нездорова, у меня живот все болит. Я легла, но опять долго не могла заснуть. Федя несколько раз приходил ко мне наведываться, заснула ли я. В час я заснула, в два он меня разбудил ⟨...⟩[285*]. После этого я не могла заснуть ни капли. Мне это было так досадно, что я даже плакала, тем более, что без сна мне приходят в голову самые мрачные мысли, особенно относящиеся до наших дел, так что я под конец начинаю сильно волноваться. В десять минут шестого, когда я уже была вполне уверена, что у Феди припадка не будет, он вдруг закричал. Я вскочила, подбежала, но кричать он скоро перестал, но судороги были страшные, руку всю скрючило ужасно и ноги тоже. Потом он начал как-то хрипеть, как никогда не случалось. Потом он открыл глаза и один раз несколько минут смотрел точно так, как когда начинается припадок, так что я только молила богу, чтоб припадок не повторился. Я просто тогда бы

[284*] *Вставлено:* но, конечно, он шутил, как сама я потом убедилась.
[285*] *Вставлено:* прощаться.

не знала, что мне и делать, позвать доктора, и как растолковать и, наконец, есть ли тут такие доктора[286*]. Но, к счастью, это прошло, и Федя повернулся и заснул, так что до самого утра не просыпался. В восемь часов он меня разбудил, думая, что теперь уже двенадцать. Я встала, но узнала от Z⟨immermann⟩, что только восемь, сказала ему, и он опять заснул, а я так и осталась. Голова у меня страшно болела, потому что я всего-навсего спала каких-нибудь три часа. Я села читать один небольшой рассказ Bernard «Le bal de noce»[287*], но он мне не понравился. Потом я сходила на рынок и купила себе гребенку и еще звезду, изображаюшую Дрезден. Ей богу, я такое дитя, меня ужасно как радуют подобные вещи, то есть когда я могу что-нибудь приобрести из того, чего у нас в России нет. За звезду заплатила 9 зильб., за гребенку — семь с половиною. Сделала это потому, что я перестала ⟪было⟫ скопленные мною деньги употреблять на расходы, ну, так лучше хотя что-нибудь купить.

Федя встал ужасно раздражительный и разбитый. Сегодня мы решились идти в консульство для засвидетельствования этой бумаги. Но он сегодня ужасно грустен, так что я едва могла его упросить идти. Пошли. Консульство от нас в двух шагах, но так как мы пришли в 2 часа, то никого не было. Бумагу мы там оставили. Сказано прийти в одиннадцать часов. Отсюда мы пошли в галерею. На дороге купили мне перчатки светлые (за пару 1 талер $2^1/_2$ гроша). В галерее была жара непомерная. Феде сегодня, по обыкновению, ничего не нравится, так, то, что он прежде находил хорошим, теперь на то и смотреть не хочет. Это обыкновенно у него бывает, когда после припадка изменяются все его впечатления. Федя никогда не может рассмотреть хорошенько Мадонну, потому что не видит так хорошо, а лорнета нет. Вот сегодня он и придумал стать на стул пред Мадонной, чтоб ближе ее рассмотреть. Конечно, я вполне уверена, что в другое время он ни за что не решился бы на этот неизбежный скандал, но сегодня это он сделал. К нему подошел какой-то лакей и сказал, что это запрещено. Только что лакей успел выйти из комнаты, как Федя мне сказал, что пусть его выведут, но что он непременно еще раз станет на стул и посмотрит на Мадонну, а если мне это неприятно, то пусть я отойду в другую комнату. Я так и сделала. Через несколько минут пришел и Федя, сказал, что ⟪он все-таки стал и⟫ видел. ⟪Я, разумеется, выбранила его за это,⟫ но он ответил, что, что за важность, если б его вывели из галереи, что у лакея душа лакейская. Как будто лакей был виноват, что ему приказано не допускать различных беспорядков. Действительно, что бы это было, если б каждый вздумал смотреть так, как ему удобнее. Тогда был бы немалый беспорядок ⟪всегда⟫.

Пошли на почту. Но так как Федя, по обыкновению, зашел в вагон, а я отошла смотреть гравюры, которые висят на стене и изображают Саксонскую Швейцарию, я оглядываюсь и вдруг не вижу Феди. Я отправилась к почте, потом назад, смотрела, оглядывалась, но ничего не находила. Я была почти уверена, что он пошел в противоположную сторону и, обойдя здание, придет. Так что я пошла в переулок, как вдруг в конце площади увидела Федю и поспешила к нему. Он накинулся на меня с бранью, спрашивая, где я была, куда я заходила, как будто

[286*] *Вставлено:* Вообще, когда с ним случается припадок, я бываю страшно несчастлива, плачу, молюсь, прихожу в отчаяние.

[287*] «Свадебный бал» (*фр.*).

я могла в какие-нибудь 3 минуты куда-нибудь зайти. Я отвечала ему, что тоже искала его, но он не хотел верить, сказал, что я лгу, ⟨⟨что у меня привычка лгать⟩⟩. Я так рассердилась, что назвала его первыми попавшимися на язык словами: «подлая тварь». Писем нет. Но Федя ужасно сердит на меня и не хочет говорить, я ⟨не расшифровано⟩, что он не может со мной говорить, что я вру. Я никогда еще не лгала[288*]. Так мы, худо разговаривая, дошли до нашего обыкновенного обеда. Но при входе на нас, по обыкновению, оглянулся немец, а Федя приписал это моему громкому разговору и объявил мне, что если я заговорю, то он непременно уйдет. Тут у нас опять началась ссора, но окончилось благополучно. Федя весь день был немного скучный[289*].

Потом мы пошли в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩. Сегодня играли все ужаснейшую дрянь, все какие-то вальсы и польки, и ничего хорошего. Подле нас сели какие-то русские, мать и две дочери. Старшая была одета до невероятности безвкусно, ⟨⟨то есть шляпа странного фасона и странно убрана, какие-то широкие поля, и все одеты очень безвкусно⟩⟩. В антракте мы пошли пострелять. Федя сделал несколько промахов. Настреляли на 6 Grosch'ей. Потом я вздумала стрелять, хотя мне было ужасно бы совестно, если бы я не стала попадать. Но каково же было мое удивление, когдя я вдруг попала 3 раза сряду в цель, четвертый — в охотника, которого убила. Потом несколько промахов, потому что Федя просил убить сражающихся солдат. Но, конечно, я не могла, потому что не знала, как это сделать. Потом убила еще охотника. Таким образом, из 9 выстрелов пять были мои. Это великолепно. Потом мы пошли, погуляли, посидели в саду. ⟨⟨Ушли домой.⟩⟩ Федя опять опасается припадка. Господи! Да неужели же все будут припадки и здесь? Мне это так грустно, что я не знаю, что мне и делать. Как быстро крушится его здоровье. Господи, сохрани мне его на долгое время! Вчера вечером мы с Федей шутили о его [с е м е й н о м] несчастьи и он говорил, перефразируя комедию Мольера: Федор Дандин, ты захотел [с е г о], то я говорила: G⟨eorge⟩ D⟨andin⟩, tu l'as voulu»[95].

Пятница, 28 (16) июня

Встала я сегодня довольно рано и хотела было идти в Naturph⟨ilosophische⟩ S⟨ammlung⟩[96], но раздумала, тем более, что Федя мог проснуться и меня бы не было. Я разбудила его в 10 часов с целью идти сегодня в посольство, но мы сели за чай. Пробило уже половина двенадцатого, а мы все не трогались с места. Я тогда спросила Федю, пойдем ли мы, а если он не хочет, то ⟨⟨[сейчас?] бы мне сказал⟩⟩, и я пошла бы одна. Я принялась одеваться, а он сначала подумал, а потом вскочил и велел Иде дать себе тоже одеться. Но так как Ида долго не давала, то это его рассердило, и он бросил свои башмаки об пол. Я ему сказала, что если он не хочет, то пусть не идет[290*]. Но это еще больше его взбесило. Он, почти разъяренный, вышел со мною из дому, чтобы идти в посольство. Пришли туда. К нам вышел какой-то черный маленький господин,— он после оказался M-r Зайцевым,— очень тоненький, напомаженный и чрезвычайно вежливый. Он спросил нас, что нам

[288*] что назвала... лгала *заменено:* Но сдержалась и только серьезно сказала ему, что я еще никогда ему не лгала.

[289*] приписал это... скучный *заменено:* нашему разговору и сказал, что если немец опять оглянется, то он его ударит. Федя был сегодня весь день очень раздражителен и скучный.

[290*] *Заменено:* что пусть мы не пойдем сегодня.

угодно, Федя ему сказал, что засвидетельствовать записку. Он спросил: «У вас есть паспорт?» Федя ⟪(что я решительно ставлю ему в вину)⟫ отвечал: «Да, конечно, я не беспаспортный». (Разумеется, этого не следовало говорить, тем более, что чиновник имел полнейшее право спросить ⟪его⟫ паспорт и ⟪ему⟫ обижаться тем, что ⟪это⟫ спрашивают, было решительно невозможно.) Тот отвечал очень тонко и как-то особенно отчетливо: «Согласитесь сами, что я имел право спросить, потому что я не имел удовольствия вас знать и имею честь видеть вас только в первый раз, а потому и спрашиваю ваш паспорт». Федя отвечал: «Я, разумеется, знаю, что вы чиновник русской канцелярии». ⟪Тот спросил:⟫ «Я не понимаю, что это значит, что я чиновник русской канцелярии»? — «Я знаю, что вы чиновник русской канцелярии и не стану говорить вам, что вы беспаспортный». — «По крайней мере, я вовсе не думал вас оскорбить, требуя ваш паспорт, — ведь я не имею чести знать ни вашего почерка, ни почерка вашей супруги. Поэтому согласитесь, что мое требование справедливо и я очень сожалею, что здесь нет его сиятельства, который бы вам объяснил, что я имею полное право сделать вам этот вопрос». — Федя отвечал: «Нравы русской канцелярии не следовало бы переносить за границу», и потом прибавил: «Ну, довольно об этом, это вовсе не стоит того, чтобы толковать». — «Но ведь согласитесь, что не я первый начал, это вы начали». Потом он, очень обидевшись, сел писать, а я и Федя сели. В это время подъехал экипаж и в канцелярию вошел первый секретарь, граф Кассини[97], на подписание которого и была отдана бумага. Когда она была подписана и приложен штемпель, то M-r Зайцев, обратившись к слуге, сказал, чтоб он нам передал бумагу, хотя был с нами в одной комнате, но он нас не удостоил своего ответа. Тогда Федя, зная, что нужно что-нибудь заплатить за штемпель, обратился к слуге и спросил того по-русски: «Спроси, сколько нужно заплатить». Тот не понял по-русски, ⟪так как говорит по-немецки⟫. Тогда я перевела ему, и он спросил с нас 1 талер 2 зильб. Мы так и вышли из канцелярии, не раскланявшись с M-r Зайцевым, который сел к нам спиной, а Федя, уходя, сказал с ужасным гневом: «Русская канцелярия!» — Когда тот писал, в эту же минуту выходил какой-то секретарь, русский, но уже оевропеившийся, с пробором на затылке и с стеклышком в одном глазу, тоже очень тоненький, дипломат.

Мы вышли. Мне была очень досадна вся эта сцена, тем более, что она происходила при мне, и мне было ужасно неловко. Да к тому же я все-таки сознавала, что Федя был несколько виноват. ⟪Разумеется⟫, как после мне Федя объяснил, его оскорбила не ⟪его⟫ речь, сколько начальнический покровительственный тон, с которым он обошелся, то, что он, еще мальчишка, 25 лет, и смеет таким тоном говорить, еще отставив ногу и указывая на грудь. Эти манеры русской канцелярии, перенесенные за границу, раздосадовали Федю. Но мне сначала было так досадно, что я выбранила Федю тут на улице. Это его привело просто в бешенство, он начал все бросать, проклинал наш брак, [за то, что он был?] церковным, все бросался и был в таком бешенстве, что[291*] меня решительно испугал. Он мне сказал, что когда мы сидели в канцелярии, то ему вдруг привиделся брат Миша, — вдруг из-за двери показалась

[291*] раздосадовали Федю... что *заменено:* раздосадовали Федю. Разумеется, в обычное время, Федя, конечно, сумел бы сдержаться, но после припадка он всегда страшно раздражителен и не смог вытерпеть тона чиновника. Весь вечер Федя то и дело припоминал давишнее и приходил почти в бешенство, чем

голова и плечи его, что, может быть, он начинает сходить с ума, ⟨⟨а что его они так мучают⟩⟩[292*]. Потом, когда он стал надевать башмаки, то я ужасно испугалась,— мне представилось, что он хочет уйти. Я подошла к нему, сильно рыдая и едва выговаривая слова, и сказала ⟨⟨ему⟩⟩, что я на целый день уйду, но пусть он только не тревожится. ⟨⟨Потом мы с ним примирились. Я дала ему честное слово больше его не раздражать.⟩⟩ Он очень удивился. Право, я не знаю, что со мною делается, но я ужасно как расстроена. Мне все грустно, тоска страшная, я каждую минуту готова плакать, так что у меня сильно расстроены нервы. Но я теперь постараюсь сдерживать себя. ⟨⟨Мне было ужасно перед ним совестно за мое поведение, просто в глаза было стыдно смотреть. Но мы примирились.⟩⟩ Потом пошли на почту отдать письма, оба письма на простой почтамт. Я хотела одно рекомендовать, но он уже поставил [на письмо?] 2 марки, и тогда пришлось бы заплатить за них и, кроме того, за рекомендование. Я решилась отправить так, тем более, что эдак гораздо скорее дойдет,— для них не приходится ходить в главный почтамт. Заходили в библиотеку, где я смотрела на различных рыбок и черепах. Меня всегда очень интересует их акварий, тем более, что он теперь очень увеличился.

Пошли обедать. Но сегодня вина не брали, а спросили пива. Потом пили здесь кофей: дорогой, холодный и мало сахару. Не следует другой раз пить здесь. Заходили на N⟨eu⟩ M⟨arkt⟩ за вишнями, купили и клубники. Она здесь очень дорогая: за небольшую кружку 3 зильб., просто непомерная дороговизна. Принесли все домой и пошли в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩. Когда подходили, то увидели, что музыканты полка König Johann все попадаются нам навстречу. Потом, когда мы сели и спросили кофею и пива, нам мальчик сказал, что музыканты сыграли первую часть, но так как публики только и было, что трое человек, сидевших в кафе, то играть было невыгодно, и они, сыграв здесь более часа, отправились домой. Действительно, в саду, кроме нас, никого не было. Погода сегодня была очень холодная, был дождь, так что, я думаю, никто и не решился отправиться посидеть в саду. Мы просидели минут с 10 и в восемь часов были уже дома. Чуть не забыла: за обедом нам подавали сегодня какое-то кушание, состоявшее из мелко разрубленной телятины, [окруженное] колбасою и облитое каким-то майонезом, очень жгучим, довольно вкусное, которое я люблю. Я пожелала узнать название. Кельнер сказал, что это russisches Salat[293*]. Я никогда не едала такого кушанья в России. Сегодня в Gr⟨and⟩ J⟨ardin⟩ к нам подошел маленький мальчик с деревянными плясунами, которые стоят $1^1/_2$ зильб. Но мы не купили. Два дня назад Федя купил для меня три букетика, 2 из роз и один из гвоздики, очень хорошенькие, которые здесь довольно дешевы, по 6 пфеннигов за букетик. Здесь их продают мальчишки, которые, надо сказать, очень назойливы и неотступно пристают. Так надоедают, что нельзя не купить, а если не купишь, то они говорят: «Подарите мне сколько-нибудь». Особенно я терпеть не могу тут одного мальчишку с очень умоляющими глазами, который постоянно нам попадается навстречу и непременно пристает купить, всегда говоря очень жалостным голосом и смотря умоляющими глазами. Терпеть этого не

[292*] Вставлено: Бедный, дорогой мой Федя, как мне его жалко. Глядя на его раздражение, у меня у самой расстроились нервы, и мне стало страшно грустно и стало казаться бог знает что.

[293*] Русский салат (*нем.*).

могу. Как-то на-днях опять встретили у дерева того старика с большим носом, с таким носом, которого трудно встретить ⟨не расшифровано⟩ идеально большой нос, до того большой, что Федя восхитился и дал ему, кажется, Silbergrosch, как сказал, «именно за его богатырский нос».

Как-то раз ночью я раздумывала, сколько мне нужно, чтобы я была теперь вполне счастлива,— конечно, из вещественного, но не нравственного. Оказалось вот что: маме платье в 8 талеров, ей платок в 8 талеров, Ване что-нибудь в 4 талера и послать им в подарок в Петербург. Господи, сколько бы это было радости, так я этого просто и не знаю. Это составило около 23 талеров. Потом купить одну тарелку в 2, купить еще несколько гравюр и фотографических снимков с картин галереи. Это может быть на 5 талеров на глаза довольно,— всего-на-всего 30 совершенно было бы мне достаточно для моего полнейшего теперешнего счастия. Господи, какое я, право, еще дитя, что меня интересуют и так занимают такие незначительные вещи, но мне было бы так приятно, если б удалось приобресть себе эти гравюры, что я просто была бы очень и очень счастлива. Сегодня при ⟨не расшифровано⟩ прощании, он мне опять говорил, что я славная и милая, что он меня ужасно как любит, он потому теперь так сильно и сердится, что уж очень любит, что он любит больше всех меня, что он, наконец, ⟨⟨нашел⟩⟩ себе такого человека, которого он может так горячо любить.

Суббота, 29 (17) июня

Сегодня рано я встала, чтоб идти на почту и купить два конверта, которые я хотела послать в Berlin в Ross-Strasse, № 11 bei Frau Plaumann, к доктору, который вылечивает падучую. Но вдруг я услышала удары колокола по 2 раза, повторявшиеся довольно часто. Я сначала не знала, что это такое значит, но потом выглянула из окна и увидела, что весь народ куда-то бежит. Это меня заинтересовало, и я стала смотреть: мальчишки, женщины, мужчины, все куда-то спешили, кареты быстро мчались. Наконец, показалось 10 или 12 человек, мастеровых и хорошо одетых людей, которые везли пожарную машину. Тут я догадалась, что где-нибудь поблизости пожар. Я давно уже заметила, что у них нет каланчей, и недоумевала, как они распоряжаются в случае пожара. Но теперь мне удалось это видеть. Надо отдать справедливость немцам, они бежали стремглав и, право, везли огромную машину гораздо скорее, чем в иных случаях лошади. Лица были в поту, и видно, что они старались. Народу бежало туда пропасть. ⟨⟨Я⟩⟩ не знаю, как они действовали на ⟨⟨самом⟩⟩ месте, но по крайней мере на улицах выказывали сильнейшую деятельность. Попадались люди в особенных касках, с топорами и веревками за спиной,— это, должно быть, пожарные. Они также встречались едущими в каретах. Так как это было в той же стороне, как и почтамт, то я и отправилась. Это почти наискось от почтамта, но только виден был дым, а горел дом, выходивший в другую улицу. Я обошла несколько дальше, и в первом переулке могла очень свободно видеть пожар. Горел ⟨⟨какой-то⟩⟩ высокий, я думаю, четырехэтажный дом (не знаю, записала ли я, что у немцев первый этаж называется parterre, 2-й — первым, 3-й — вторым и т. д.). Он находился прямо около дровяного двора, так что по мере сгорания крыши черепицы горящие валились на дрова и могли их зажечь. Так что не столько поливали горевший дом, сколько эти дрова, из опасения. К тому же ветер был ужаснейший, так что горящие головни разносило на очень большое расстояние. Посмотрев несколько времени на пожар, я отправилась домой и написала к доктору

письмо, в которое вложила конверт с моим адресом, прося его как можно скорее написать мне ответ. Я поручила Иде отнести его на почту,— ну, что, если Ида вздумала не отдать его? Потом встал Федя, он сегодня очень шутлив, все шутил насчет нашего саквояжа, как он называет мой [живот?] и насчет чемодана. Он спрашивал меня, как я буду перевозить во Флоренцию [поклажу?], которую я везу, вообще очень много шутил со мной[294*].

Потом мы пошли в почтамт. Писем нет. Пообедали у Helbig'а и, купив только вишен, отправились домой. Ни земляники, ни клубники не купили, потому что или страшно дорого, или решительно не понимают, о чем мы спрашиваем. Сегодня утром я встретила Вышнеградского, но я перешла на другую сторону и не знаю, заметил ли он меня или нет. Вообще мне вовсе бы не хотелось с ним встретиться. Сегодня в G⟨rand⟩ J⟨ardin⟩ был D-dur Bethoven[98], просто такая великолепная музыка, что, кажется, не наслушаешься[295*]. Но было ужасно ветренно и холодно, так что я почти дрожала. Потом, когда кончили играть третью часть, мы ушли. Сегодня они очень мало чего собрали,— я думаю, талеров не более семи, а музыкантов двадцать шесть человек. Они во время антракта подходили, спрашивали у кассира, много ли продано билетов. Вечером, когда мы пришли домой и уже сели пить чай, Феде вдруг захотелось пряников, и я вызвалась сходить за ними, но хотела взять с собою Иду. Мы отправились. Дорогою Ида жаловалась мне на M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩, говорила, что ей та не позволяет видеться с ее Schatz'ом[296*], что не велит выходить замуж, между тем как тот уже прослужил 6 лет в военной службе, и к рождеству поступит в ландверы и тогда будет иметь право жениться. Тогда они займутся хлебопекарней, и она будет помогать ему в печении хлеба. Разумеется, ее рассуждения справедливы, тем более, что она говорит, они любят друг друга уже четыре года. Сегодня, подходя к дому, встретили маленького солдатика. Я сказала Феде, что это, вероятно, Идин Schatz. Когда пришли на лестницу, то оказалось, что это действительно так и есть, так что Федя ужасно этому удивился. Я целый день сегодня ужасная шутиха, смеялась, не зная чему, так что даже досада берет.

Воскресенье, 30 (18) июня

Сегодня я хотела идти в церковь, но Федя сказал, что это можно и отложить и я осталась[297*]. Потом я шила и читала. Пришли на почту и получили сегодня письмо с векселем от Wilken'а, петербургского банкира, на сумму 460 талеров. Мы очень обрадовались, что теперь возможно нам будет выехать из Дрездена. (Да, я забыла: в час Федя просил меня сходить переменить книги. Я отправилась, но библиотека была заперта и никого не было дома, так что я хоть и постучалась и мне отворила какая-то размалеванная немка, но книг все-таки не получила.) Пообедали по обыкновению у Helbig, и здесь наш кельнер подал мне какие-то каррикатуры, зная, что я любительница чтения. Он обыкновенно мне подает что-нибудь, а сегодня подал «Weltreise». Я не знала, что это такое, но меня очень заинтересовало. Отсюда пошли на террасу. Мы не были на ней уже более 3-х недель, так что, я думаю, нас уже здесь

294* шутлив... мной *заменено:* шутлив, все утро шутил со мною по поводу моего положения, я так была рада и поддерживала веселое настроение.

295* *Вставлено:* Федя был в восторге.

296* Сокровищем (*нем.*).

297* *Заменено:* но опоздала и очень жалею.

забыли. Все по обыкновению. Встретили лиц очень много знакомых, потому что я очень памятлива на лица и часто запоминаю с первого взгляда. Пили кофе, ели мороженое. 《Тут Федя с чего-то, не знаю, нашел, что они будто бы 〈не расшифровано〉. Впрочем, я знаю, отчего это он думает. Потому что я вчера делала ему замечание, что решительно не считаю за благодеяние то, что он на мне женился, что если б я знала, что он меня не любит, то уж, конечно, ни за что не вышла бы за него замуж.》 Потом мы отправились в G〈rand〉 J〈ardin〉. Здесь, как в воскресенье, было очень много народу. Играли довольно плохо. Мы ушли раньше конца. Дорогой я его спросила, сказал ли он M〈-me〉 Z〈immermann〉, что мы выезжаем. Он отвечал, что нет. Мне это ужасно совестно и досадно пред нею, тем более, что несколько времени тому назад еще она мне говорила, что если мы скоро поедем, то она привесит билетик к окнам, чтоб поскорее могли нанять ее квартиру,— желание совершенно справедливое. Но так как мы ничего не сказали, то чрез это она много могла потерять в это время. Мы тут поспорили с Федей. Мне сделалось ужасно досадно на нашу ссору. Я хотела примириться, подошла к Феде, но тот молчал и не ответил мне ни слова. Наконец у нас действительно завязалась ужасная ссора[298*]. Я двадцать раз подходила к нему, чтобы примириться, начинала просить прощения, но когда он отклонял это, то меня это взорвало и я начинала говорить бог знает какие вещи, каких ни за что не сказала бы в другое спокойное время. Так у нас продолжалось довольно долгое время. Я просто с ума сходила: когда как-то Федя вышел, мне до того сделалось нехорошо, что я, стоя у окна, едва могла удержаться, чтоб не броситься из него,— так мне хотелось это все покончить, и так тяжело было от нашей ссоры. Но потом как-то все, слава богу, уладилось.

Понедельник, 1-го июля (19 июня)

Сегодня утром я 《нарочно 》 пораньше разбудила Федю, потому что он хотел 《сегодня》 идти в баню. Когда он ушел, я тоже собралась и ушла, во-первых, чтоб кое-что продать, а во-вторых, купить 《карточку》. Но ни того, ни другого мне не удалось. Во-первых, вместо того, чтобы купить 《карточку》, купила стекляру〈су〉 13 ниток за 2 зильб. И потом мне вдруг пришла в голову мысль купить земляники, которой я и купила на 3 зильб. Но когда пришла домой, то была ужасно рассержена: очень устала, жара была страшная, напрасно ходила, вдобавок земляника решительно раскисла, сделалась какая-то мокрая и никуда не годится. Пришел Федя, он рассказал 《мне》, что 《успел》 поссориться в бане с одной немкой, которая приготовляла ему ванну, и выбранил ее. Потом, когда я его попросила сходить к Z〈immermann〉 и сказать, что мы едем, он потребовал, чтоб я поплясала. Я, разумеется, исполнила его просьбу. Он тотчас отправился. Мне было ужасно совестно перед нею, тем более, что она, вероятно, не понимая меня, тогда за что-то поблагодарила. Может быть, она поняла, что мы останемся еще на месяц. У меня точно груз свалился с сердца, когда это кончилось. В 3 часа мы пошли к Thode разменять вексель, но сначала зашли на почту. Сегодня на мое имя пришло письмо от того доктора. 《Пока Федя расплачивался, я побежала к окну и сломала печать.》 Федя пришел ко мне и спросил, от кого

[298*] Но так как... ссора *заменено:* Федя сказал, что сегодня не успел, а скажет завтра. Мы по этому поводу поспорили с Федей; мне стало ужасно досадно на нашу ссору. Я хотела примириться, подошла к Феде, но тот молчал и не ответил мне ни слова.

письмо. Я отвечала, что не скажу[299*]. Он отвечал, что это глупо, что я переписываюсь с его врагами, которые пишут какие-то доносы на него и что он, не зная, в чем ⟨⟨дело⟩⟩, не может оправдаться, что это не хорошо. Я ⟨⟨ему⟩⟩ выдумала историю, что будто бы особа приедет в Дрезден повидать меня, теперь она в Берлине и пр. Федя на меня ужасно рассердился и, когда мы пришли к Th⟨ode⟩, не хотел со мной говорить. Самого Th⟨ode⟩ не было, но его приказчик взял за перевод 1 талер 15 зильб., очень мало, сравнительно с суммою, и выдал нам 84 наполеондора, по 5 талеров 13 Gr. за каждый, и еще несколько талеров. Пришел сам Th⟨ode⟩, очень низко с нами раскланялся и велел дать нам для золота маленькие бумажные столбики с своим именем. Когда мы уходили, спросил, скоро ли мы уедем. Мы отвечали, что через несколько времени. Он пожелал нам хорошего пути. Потом пришли домой и переложили золото в кушак, который, давно забытый, лежал в мешке. Потом пошли за книгами. Решили выехать в среду. ⟨⟨Затем⟩⟩ сходили обедать и оттуда на станцию железной дороги. Здесь мы узнали, что поезд отправляется в Баден в половине 7-го утра и в половине 7-го вечера, но вечерний — скорый, что два билета 2-го класса стоят тридцать четыре талера, и что билеты имеют силу в продолжение пяти дней. Дорогой мы стали раздумывать, нельзя ли остановиться во Франкфурт⟨е⟩-на-Майне. Я бы была этому очень рада, ⟨⟨тем более, что⟩⟩ это дало бы мне возможность увидеть один город лишний, что для меня ⟨⟨было⟩⟩ очень хорошо. Из Франкфурта Федя съездит в Homb⟨urg⟩ и попытается достать свои часы. Я уверена, что Федя возьмет и меня с собой, когда отправится в Homburg, посмотреть этот прекрасный парк. Потом дорогою мы высматривали магазины мужских платьев, потому что Федя хотел сделать себе здесь летнее платье. Но Федя ⟨⟨очень⟩⟩ сердился и не хотел входить, так что, если входил, то говорил, что все сукна дурны, что ничего у них хорошего нельзя найти, ⟨⟨так что просто выводил меня из терпения. Потом⟩⟩ я ему напомнила его обещание купить мне Мадонну Мурильо. Мы зашли в магазин эстампов, но оказалось, что Мадонна там мало похожа на Мадонну настоящую, и покупать не стоило, все равно, что и не она. Начал идти дождь. Мы воротились домой. Пришла прачка, ⟨⟨которой⟩⟩ я отдала белье с приказанием приготовить белье к среде. Мне сегодня целый день нездоровилось, ужасно как тошнило, а когда мы были у H⟨elbig⟩, то до того, что я боялась, чтоб меня не вырвало. Я ужасно как устала, немного прошлась и устала ужасно. ⟨⟨Потом⟩⟩ вечером ходили ⟨⟨тоже⟩⟩ смотреть в магазины, но они были заперты. Потом прошли довольно [большое расстояние?] по Bürgerwiese, выпили воды доктора Struwe и воротились домой. Федя пошел купить сахару у Courmoussi. Фунт здесь стоит 6 зильб. (18 коп.).

Вторник, 2 июля (20 ⟨июня⟩)

Я решилась идти в галерею, чтобы попрощаться с нею, потому что завтра мы решили выехать. Я пошла раньше Феди, потому что я думала сначала зайти в Grünes Gewölbe[99], но было уже 3 часа, так что я никого там не нашла. Мне сказали, что Hausmann только до часу. Мне было это немного досадно. Но что же делать? Тогда я отправилась на почту

[299*] *Вставлено:* Я знаю, что Федя рассердился бы на меня, если б узнал, что я списываюсь с доктором насчет падучей. Он не верит ни в какие средства, и уверен, что ему можно повредить, а не вылечить. Чтоб не сердить его, я решила не говорить, что писала доктору в Берлин, но вышло еще хуже. Федя сказал

спросить письма, опять ничего не получила. Отсюда я зашла к тому золотых дел мастеру, который вчера давал мне за мою золотую вещь (цепочка сломанная) 3 талера и восемь грошей, и отдала ему эту вещь. Взяв золото, я отправилась в галерею, где ходила довольно много, пока, наконец, пришел Федя. «Сегодня он мне почему-то очень понравился лицом, такое свежее прекрасное лицо.» Мы с ним еще раз обошли галерею и вышли, лишь когда услышали звонок. Прощай, галерея[300*]. Может быть, никогда больше не придется тебя увидеть. Федя так говорит, что окончательно прощается с галереею, «с Тицианом», что, вероятно, ему уж больше не придется ни разу сюда приехать. Я же говорила, что очень вероятно, что мы приедем сюда еще года через три.

Из галереи мы отправились за покупками. Сначала зашли в магазин белья и спросили там платков. Пока мы разговаривали с Федей по-русски, и он спрашивал меня, как спросить по-немецки, нет ли в платках бумаги, один из приказчиков оказался знающим русский язык и ответил нам, что бумаги тут решительно нет. Потом он с нами много говорил по-русски, но с польским акцентом. Это полячок, который, как говорит, жил 2 месяца в Петербурге и долго жил на юге России. Мы выбрали полторы дюжины: одну дюжину голландских в 6 талеров пятнадцать грошей, а еще полдюжины в 7 талеров 15 зильб. дюжина, то есть в 3 талера 21, так что за все пришлось заплатить 10 талеров 15 Gr. Отсюда мы пошли смотреть для Феди штиблеты. Зашли в магазин мужских платьев, и Федя там выбрал себе потемнее. Продавец нам сказал, что штиблеты носят, если не одинакового цвета с панталонами, то или гораздо светлее, или гораздо темнее. Федя выбрал темные, но они были для него широки, и поэтому тот обещал принести Феде их завтра переделанными. Потом Федя просил показать ему материи. Из показанного ему понравились две, одна для панталон, другая для платья. Он прицепился. Ему сказали, что брюки из одной материи, а жилет и пиджак из другой будут стоить тридцать шесть талеров, но никак не меньше. Тогда Федя им предложил, не согласятся ли они взять за все эти 3 вещи 30 талеров, так он согласен будет им отдать сшить, а больше не прибавит ни копейки. Немцы рассчитывали, шептались, переговаривались и, наконец, согласились взять эту цену. Но Федя сказал, что он непременно уезжает завтра и поэтому ему нужно будет иметь готовыми уже к 2-м часам. Те согласились, сказав, что в 12 часов придут к нам примерять. Я в это время купила в том же магазине белой шелковой подкладки под рукава за 10 зильб., потому что подкладка была уже слишком изорвана. Так и порешили, и мы, довольные нашей покупкой, отправились обедать. Здесь я спросила журнал, но читать не могла, потому что меня очень тошнило, почти даже ничего есть не могла. Отсюда мы зашли за книгами. Федя ужасно настаивал, чтоб мы зашли купить цветок на мою шляпу. Но мне ужасно нездоровилось и поэтому я отсоветовала ему это сделать, сказав, что гораздо лучше, если мы купим это в Бадене, по крайней мере, цветок не испортится дорогой. На рынке мы не нашли ничего, кроме вишен,— ни земляники, ни клубники не было, да и хозяйка куда-то запропала. Нам объяснили, что клубника будет сию минуту, я думаю, что хозяйка именно за нею пошла и оставила каких-то дур, которые ничего не могут продать. Купили вишен у старичка, который так долго мерил и клал в мешочек, что просто вывел меня из терпения. Я поскорее отправилась домой, но по дороге мы вспомнили, что у нас

[300*] *Вставлено:* благодарю тебя за те счастливые часы, которые ты нам доставила.

решительно нет мелких денег и следовало разменять золотые у банкира. Я попросила Федю отправиться одному, а сама пошла домой. Федя был тоже сегодня очень болен, у него что-то кололо и сжимало. Он говорит, что у него расстроена печень. Это очень может быть, и я того ужасно как боюсь. Пока он отправился менять, я зашла в мой антикварный магазин, чтобы купить у них тарелки. Тут был другой торговец, который меня не знал, но он спросил, как и тот, по 2 талера за тарелку. Пока я с ним разговаривала, пришел и мой старый знакомый, который тотчас же узнал меня. Я с ними сговорилась купить 3 тарелки и заплатить за них 5 талеров, но взяла покамест только одну и отдала 2, сказав, что завтра непременно приду за другими. Я пришла домой, но Феди еще не было. Это меня стало беспокоить, тем более, что я проходила довольно много времени. Я была чрезвычайно рада, когда увидела, что он идет, потому что я стала бояться, не сделался ли с ним припадок, так как он жаловался весь день на боль. Потом мы отправились немного пройтись, но до сада не дошли, хотя издалека слышали музыку, игравшую «Боже, царя храни». Но идти туда было поздно и мы, посидев немного на скамейке, пошли домой. Мне показалось, что мы встретили, но за деревьями, Вышнеградского. Но он нас не видел. Я очень рада, что мне не пришлось иметь с ним разговоры, тем более, что я еще не отделалась от неприязненного ощущения при встрече с ним. Пришли домой раньше, спросили чаю, и я стала укладывать свой чемодан. Это я довольно скоро окончила и раньше легла спать, чтобы встать пораньше.

Среда, 3 июля (21 ⟨июня⟩)

Сегодня я встала довольно рано, села сначала за починку Фединых рукавов, докончила их, потом заштопала чулки и, уложив маленький чемодан, отправилась узнать, готовы ли мои сапоги. (Я их уже давно отдала починить. Он мне обещал еще в субботу окончить, я пришла во вторник, и оказалось, что решительно ничего не было сделано: даже он и не принимался. Я его выбранила, и он обещал приготовить к сегодня.) Он сказал, что еще нет, но что будут готовы через час. Я ему показала Федины сапоги, которые ужасно как пахнут и которые мы решили кому-нибудь продать. Но он давал мне слишком мало, именно всего только один талер. Но я, разумеется, не согласилась, потому что Феде и самому пригодятся, а за эту цену отдать не следует. Отсюда отправилась к моему антикварию. Он очень обрадовался, когда я пришла, вероятно, он уж не надеялся, что я исполню свое обещание. Я выбрала еще две тарелки и спросила, что стоит одна чашка китайского фарфора. Он мне сказал, что один талер. Но я сосчитала свои деньги и оказалось только $22^1/_2$ зильб., за которые он мне и уступил чашку. Я с ним долго разговаривала насчет того, что если я вздумаю что-нибудь купить, прислав ему деньги из России. Он мне сказал, что возьмется запаковать и отправить в Россию. Вот его адрес: August Rüdiger, Kunst-Antiquitäten Handlung, Dresden, Waisenhaus Strasse, N 18.

Я у него смотрела 1 Fruchtschalle, то есть чашку для фруктов с прекрасно нарисованными фруктами. Она стоит 8 талеров, другая побольше стоит 10 талеров. ⟨⟨Потом⟩⟩ чашечки китайского фарфора стоят по талеру. Потом еще 3 тарелочки с нарисованными амурами, нарисованными розовыми красками, с синим ободком, Königsblau. Все 3 стоят 5 талеров. Письменные принадлежности стоят: один 7, другие 9 талеров. Тут было очень много прекрасных вещей, напр., превосходный саксон-

ский сервиз, состоявший из подноса, кофейника, двух чашек, сахарницы и сливочника, и который он отдавал мне за 45 талеров. Если бы я была богата, то непременно бы купила этот сервиз. Он говорит, что если я куплю у него 4 тарелки, то нужно ⟪будет прислать⟫ 11 талеров, тогда он мне пришлет. От него я отправилась к сапожнику, но антикварий догнал меня и вручил ключ, который я у него забыла на столе. Я пришла домой. Федя еще не встал, но потом пришел портной примерить, и я его разбудила. ⟪Тогда я решилась ему сказать, что я истратила 2 талера.⟫ Я ему сказала, что я купила и показала вещи. Он мне объявил, чтобы я непременно шла сейчас же, где я купила и отнесла назад эти вещи и получила бы свои 2 талера, потому что он ни за что не хочет таких вещей. Разумеется, это меня рассмешило, тем более, что я очень хорошо знала, что он говорит шутя. Федя мне сказал, что эта чашка не китайского фарфора, потому что настоящая чашечка стоит в самом Китае 10 рублей, и вдруг я купила ее за один талер. А ⟪русские⟫ тарелки ему тоже не понравились, так что вообще он не одобрил мою покупку и уверял меня, что я непременно разобью дорогою ⟪все⟫ эти вещи. Но я говорила ему, что этого не будет и что вещи будут непременно целы. Я их очень старательно уложила, но сама не уверена, чтобы они могли сделать такой длинный путь и ничего не испортиться.

Потом я начала укладываться и просила Федю, чтоб он тоже уложил свой чемодан. ⟪Но он сначала просил меня оставить его в покое⟫, но потом начал укладываться. В его чемодане был почти сломан замок, и он послал за слесарем. Пришел какой-то мальчишка, который начал очень усердно стучать молотком, но дело у него не ладилось; так что он вместо того, чтоб исправить, только испортил и замка не приколотил. Федя, видя, что дело у него не ладится, отослал его назад, но тот, хоть ничего не сделал, но спросил за работу 20 зильб. Портной, который принес уже все платье, вызвался позвать другого ⟪слесаря⟫, за которым и отправился, и который действительно довольно порядочно сделал свое дело. В это время я спросила Федю, не могу ли я теперь отнести книги и рассчитаться с ними. Федя дал мне 5 золотых, но по дороге все банкиры были заперты (они всегда запирают свои магазины от часу до 3-х часов). Потом я отнесла книги и просила расчесть. Оказалось, что из отданного талера в залог мне следует получить еще Pfennig. Потом зашла еще на почту, но писем нет. Я сказала почтмейстеру, что за письмами будут приходить сюда от M-me Zimmermann, но он отвечал, что гораздо будет лучше, если я дам свой адрес, тогда письма будут прямо пересылаться туда, где мы будем жить. Я написала свой адрес и таким образом уже спокойна насчет писем. Уехать из Дрездена, не простившись с Z⟨eibig⟩, было бы ужасно странно, тем более, что он был постоянно так любезен и предупредителен ко мне и поэтому, несмотря на то, что было очень мало времени, я все-таки решилась поехать к нему. Я взяла на площади карету и велела ехать в Ammonstrasse № 45. Начался довольно большой дождь, так что я приехала почти вся мокрая к нему. Он был дома, был очень рад, что я приехала. Я извинилась перед ним, что тогда не поехали и сказав, что у Феди болели зубы. Потом несколько времени говорили; расспрашивал меня, не буду ли я в Париже, и тогда хотел дать мне письмо к какому-то стенографу m-r Prevost, но я отделалась от этого письма, сказав, что если поеду в Париж, то непременно пришлю к нему за письмом. Я у него просидела минут 10, потом простилась и захотела увидать его жену. Он закричал: «Mama!». Из комнаты выбежала какая-то женщина, еще довольно молодая и красивая, но

с странными ушами[301*]. Она стала извиняться, что не одета. Но я уверила ее, что она ведь дома. Она пожалела, что я тогда не поехала. Потом мы простились. Тут в передней было несколько человек детей его, черноглазых и белокурых. Потом я села в прежнюю карету, которую просила ждать, и поехала домой. Но он меня провез дальше моего дома. Когда я пришла, белье было уже принесено, и Федя уложил свой чемодан, и начал меня бранить за мое долгое отсутствие, и говорил мне, что, вероятно, я куда-нибудь заходила, что пропадала так много времени. Я, ⟨⟨разумеется⟩⟩, не сказала ему, где была, чтобы он меня только не бранил[302*]. Потом мы быстро уложились, распростились с M⟨-me⟩ Z⟨immermann⟩, которой обещали вновь приехать осенью. Отдали ей 6 талеров и двадцать два гроша, следующие ей за спирт и разные разности. Потом Федя отдал Иде 2 талера, которые, я вполне уверена, она завтра же отнесет в Sparcasse[303*], где у нее находится 25 талеров. M⟨-me⟩ Frosche даже прослезилась, прощаясь со мною, пожелала мне всего хорошего и вышла проводить нас до самого подъезда. Нам привели карету, и мы отправились. Федя хотел, кроме 2-х талеров, отдать Иде и сапоги, но я воспротивилась этому, тем более, что мы и так оставили мои калоши. Прощай, Дрезден, может быть, никогда больше тебя не увидим[304*] [100].

Приехали на станцию: сходя, мы спросили у кучера, сколько ему следует. Отвечал: 13 Grosche'й; мне это показалось много. Я спросила у полицейского, сколько ему следует. Он рассчитал и сказал, что следует только 9 Grosche'й. Немец и тут воспользовался и ⟨⟨непременно⟩⟩ хоть грош да украл[305*]. К нам вышел какой-то носильщик, который взял от нас даже наши мелкие вещи и свесил наши чемоданы. Оказалось сто шестьдесят фунтов. Но сто фунтов мы имеем право везти, так что заплатили только за 60 — три талера с чем-то. Билеты взяли прямого сообщения до Бадена, по 16 талеров 25 Grosch'ей, с правом останавливаться где угодно на дороге в продолжение целых пяти дней. Было еще довольно рано, мы отправились в буфет, чтобы несколько пообедать, потому что я с самого утра ничего не ела. Очень вкусно после голодухи. Потом, когда послышался звонок, мы вышли, но вещей наших не было: Федя пошел осведомляться и узнал, что наш [д о б р я к] хотел их преспокойно положить в багаж и уже налепил на них билеты. Федя насилу мог их освободить. Сели мы в курительный вагон, и я положила на свое место у окна свое пальто, а Федя напротив меня, но положил свои вещи только наверху, на сетку. Потом мы вышли. В это время в наш вагон вошел какой-то немец Fritz со своей старушкою сестрой. Тот преспокойно занял Федино место. Я им это заметила, но они сказали, что так как место не было занято, то они и сели. Мы долго толковали, но так как этих немцев нельзя было ничем убедить, то я их и оставила. Пришел Федя, я ему сказала, но он объявил, что своего места он не уступит, и сел

301* *Вставлено:* мне показалось, что это была та самая особа, которую я при первом моем посещении приняла за кухарку.

302* *Вставлено:* и сам не раздражался. Как часто мне приходится скрывать мои поступки и даже лгать для того лишь, чтоб Федя не сердился и лишний раз не раздражался; мне это всегда тяжело, но что будешь делать,— я так боюсь его раздражений и припадка.

303* сберегательную кассу (*нем.*).

304* *Вставлено:* А как здесь хорошо и счастливо жилось; мелкие ссоры наши я ни во что не считаю, так как знаю, что он меня любит, и что это вспышки его раздражительного характера; сознаю, что и я его страшно люблю.

305* *Вставлено:* а еще немцы славятся своею честностью.

у окна. Дама заметила ему, что это ее место. Они поспорили. Пришел и немец и сказал, что это ничего не значит, что наверху было занято, нужно, чтобы занято было самое место. Потом объявил, что это не «recht»[306*] и пошел за кондуктором. Сестра его ужасно как просила очень плаксивым тоном, чтобы он не начинал ссоры, но он был удивительно как разгневан, весь покраснел и объявил, что recht должно быть recht. Пришел кондуктор; он, очевидно, не хотел вмешиваться в эту историю, посмотрел, посмотрел и ушел. Но немец был сильно недоволен и хотел даже идти на станцию к инспектору дороги, но сестра его чуть-чуть не заплакала, прося его не делать этого, точно это была бы дуэль. Немец ужасно как разобиделся и несколько раз повторял: «Das ist doch impertinent, das ist nicht hübsch». Федя же ему отвечал: «Der Herr ist sehr hitzig»[307*]. Федя обыкновенно никак не может найти немецких слов, если следует [ч т о - н и б у д ь] поговорить, но если он захочет выбранить, то откуда и слова берутся, так и льются, точно он отлично говорит по-немецки. Я вполне уверена, что слово hitzig в обыкновенное время ни за что не пришло бы ему на ум, а тут он его вспомнил. Дело, однако, окончилось тем, что Федя по-прежнему занял свое место, а немец сел около меня и стал ужасно как толкаться, так что я была очень рада, когда Федя мне предложил поменяться местами, тем более, что мне дуло прямо в лицо. Федя сам потом нашел, что это самый беспокойный сосед в мире. Когда отъехали несколько сажен, немец снял свою шляпу и надел какой-то коричневый колпак, вышитый шнурочком, и так сидел всю дорогу. Он был очень внимателен к сестре, потому что налил ей на платок каких-то духов и потом кормил пирожками.

Дорогою ничего хорошего мы не видели, места довольно плоские. Всю дорогу я твердила Феде о моей любви, рассказала ему о нашей встрече и проч. Приехали в Leipzig в 10 часов вечера. Следовало ждать на станции с час до отъезда далее. Нам пришлось перейти на другую станцию, так что мы прошли шагов с тысячу по городу. L⟨eipzig⟩ довольно большой город, обыкновенный, как все немецкие города, с большими, широкими улицами. Единственное впечатление, которое во мне осталось от этого города, было то, что я несколько раз запнулась и чуть-чуть не упала на землю. Наши вещи нес какой-то молодой человек, очень приличный, который говорил и по-французски и по-немецки. Федя даже подумал, что это, может быть, какой-нибудь немецкий студент, который по вечерам, когда не видно, этим зарабатывает себе хлеб. Наконец, пришли на станцию, положили наши вещи в [д а м с к у ю] комнату, а сами спросили чаю, содовой воды и пива. Чай мы выпили скоро, но потом сделалось до того жарко в зале, что мы принуждены были выйти в коридор и там ходить.

В одиннадцать часов мы уселись снова, но так хорошо, что мне и Феде пришлось по два места, так что я могла заснуть. Я почти всю ночь проспала, но очень скверным сном, то есть страшно чутким, каждую минуту просыпаясь, так что мне казалось, что я и ровно ничего не спала. Федя же ни минуты не заснул. Он часто оправлял мое платье и этим меня будил. Вообще он был очень предупредителен ко мне во время пути и даже (это я забыла) принес мне на станции в Дрездене в карету содовой воды и все глядел на меня. Ночью на какой-то станции мы остановились на 10 минут, я вышла и купила себе бутерброд, от

[306*] Правильно (*нем.*).
[307*] Это дерзко, это некрасиво... Господин очень горяч (*нем.*).

которого у меня потом сделалась тошнота. Вообще мне было ужасно как трудно ехать: спать я не могла, не могла хорошенько улечься, и у меня была тошнота. Часа в 3 ночи, проехав Göth'у, мы увидели на вершине горы замок, который Федя сначала принял за дерево, но он был так в тумане, что рассмотреть его не было никакой возможности. Это, должно быть, по словам Феди, был Wartburg. Потом при рассвете начали попадаться замки. Сначала один,— на высокой горе, большое здание с круглой башней. Это был первый настоящий старинный замок, который я видала наяву, не на картине. Так вот где жили эти крестоносцы, вот где были турниры. Может быть, на этих самых полях, где мы теперь проезжаем, были битвы, рыцари разбойничали по дорогам. Вообще очень много воспоминаний возбуждают эти замки. Потом попадались и другие замки. А затем стали довольно часто попадаться старинные замки, но большею частью полуразрушенные, но почти все с круглыми башнями. В Giese[101] остановились на полчаса, я пошла выпить кофею. Нам подали по кофейничку и по чашке. Но кофе ужасно жидкий, так что после него только ⟨слово не расшифровано⟩ делать. Взяли по 6 Grosch'ей. Вообще здесь на станциях дерут ужасно: за бутерброд берут по $2\,{}^{1}/_{2}$ Grosch'а, что просто чудовищно. У меня, подъезжая к Франкфурту, сделалась такая тошнота, что я едва сидела на месте и молила Бога, чтоб мне скорее доехать, а, как назло, ехали очень тихо. Мы проехали мимо города Марбурга, который выстроен на горе и имеет удивительно красивый вид. На полях встречаются селения, дома, перед которыми были разостланы целые длинные полотнища холста, которые здесь они белят. В одном месте я даже видела, как один какой-то мальчик поливал холст водой из лейки. Кругом были высокие горы Thüringer Wald, высокие, темные. Попадались поля, засеянные рожью, в ней виднелось постоянно вместе с колосьями много васильков и красный мак. ⟪Так я еще никогда не видела во ржи в России.⟫ Попадались небольшие речки, которые в некоторых местах представляли крошечные водопады. Это было довольно красиво. Наконец, в половине десятого, мы приехали во Франкфурт. Мы должны были пройти несколько шагов до другой станции[102]. Здесь я вошла в дамскую комнату, чтобы несколько умыться, и если возможно было, то хоть немножко вырвать. Женщина, которая заведует этою комнатою, показала мне кабинет, но только что я успела туда войти, как она своим ключом преспокойно отперла, и явился Федя. Я, разумеется, была этим очень удивлена. Но Федя сказал мне, что поезд еще отправится в 2 часа, то не хочу ли я подождать несколько и вместо того, чтоб сейчас ехать, поехать с поездом попозже. Я просто с радостью согласилась. Я здесь вымылась, а моя женщина оказалась просто удивительно услужливой пиковой дамой: она предложилась вымыться и Феде, чему он был рад, так как с дороги казался очень черным. Ей же мы поручили и наши вещи хранить, пока мы пойдем осматривать город. Она мне советовала нанять коляску и велеть кучеру показать все, что есть замечательного в городе.

Мы с Федей пошли в гостиницу, в двух шагах от станции, и спросили там себе по чашке бульона, телячьих котлет, чаю и вина Affenthaler красного. За обед и чай они взяли всего 2 флорина (60 коп.), что довольно дешево. Пока мы обедали, в комнату вошла молоденькая, чрезвычайно хорошенькая девушка, очень мило одетая, которая ⟪потом⟫ оказалась русскою. К ней через несколько времени пришел ее брат, очень развязный молодой человек, который, нисколько не церемонясь, начал рассматривать нас в окно. ⟪Это, должно быть, довольно богатые русские.⟫ Потом

я отправилась на станцию, чтобы взять и переменить свой галстук, но моя пиковая дама куда-то вышла, но тотчас воротилась, и я надела чистый галстучек. Потом зашла за Федей в ресторан и мы отправились осматривать город. Сначала вошли в Langestrasse[103]. Она начинается большою густою аллеею прекрасных деревьев, которые в это время цвели довольно большими белыми цветами и длинными стручками. Мы спросили какого-то немца, что это значит? Он отвечал, что это акация. Я в первый раз в жизни видела белую акацию в цвету, и мне она чрезвычайно понравилась. Потом Федя зашел в вагон, который здесь несколько другого устройства, нежели в Дрездене, именно круглый. Пока я его поджидала, я видела осла, запряженного в небольшую повозку. Это тоже в первый раз в моей жизни. Мне осел понравился, такое милое, покорное животное, 《просто чудо》. В конце этой улицы находится памятник Gutenberg'y. Стоят 3 человека: G〈utenberg〉 и еще какие-то два товарища. Еще несколько шагов и находится памятник Göthe. Это называется Rossmarkt[104]. Далее идет улица, называемая Zeil, вроде нашего Невского проспекта, с отличными магазинами. Первые магазины попались нам книжные, но мы сначала не могли найти дверей, потому что вход со двора, как и во многих здешних магазинах. Здесь мы спросили «Колокол», он нам подал и взял 54 крейцера, ужасно дорого. Здесь же Федя рассматривал 4-ю часть «Думы» Герцена, но не купил, потому что уже читал. Затем мы зашли в магазин, чтобы купить галстук Феде. К нам вышла девица с высоко причесанной головой, которая на ломаном французском языке разговаривала с нами. Федя сначала выбрал розовый с колечками, но потом переменил и взял синий с точечками. Заплатили за него 3 флорина 15 крейцеров. Для меня галстука тут ни одного не было, потому что были или очень узкие, или широкие и вообще нехорошие. Потом мы прошли до конца Zeil и смотрели в одном магазине очень миленькие шляпки, потому что Федя все мне твердил, что мне необходима новая шляпка. Потом поворотили в какую-то другую улицу по направлению к Майну. Я помню, у нас дома на стене висела картина, изображающая Франкфурт-на-Майне, но с того берега. Я в детстве ужасно как любовалась всегда на эту картину, поэтому очень желала увидеть своими глазами.

Мы шли по очень длинной и жаркой улице, окна всех домов были закрыты ставнями 《от жары》, город был очень мертвый. Наконец, мы добрались до набережной. Когда я взглянула, так просто ахнула,— так была схожа моя картина с натурою: тот же мост с башней, тот же островок, отмель, даже такие же баржи, плоты плывут, как были у меня на рисунке. Это меня просто даже поразило, и мы несколько минут стояли на набережной. Но было ужасно жарко, и мы поворотили домой, но не старой дорогой, а вошли в какую-то другую улицу. Дома здесь построены очень странно — именно какими-то уступами, так что второй больше 1-го, третий больше второго, 4-й больше третьего. Это старинные дома какой-то странной архитектуры. Мы прошли Fischefeldstrasse и Bühnenhofstrasse[105], вышли к мосту, а оттуда через 2 шага на какой-то рынок. Рынок устроен вокруг старинной, очень старинной церкви, Dom, чисто готической архитектуры. Я смотрела долго на него сбоку, видела в палисаднике трех распятых: Иисуса Христа и двух разбойников. Но потом я наклонилась к одной старухе и спросила ее, как нам пройти на Zeil. Федя, который был на меня сердит за то, что я так далеко его завела, начал меня бранить, зачем я разговариваю, а не обратила внимание на это совершенство в искусстве,

хотя я это очень хорошо видела. Действительно, церковь удивительно как хороша, странной архитектуры. Она виднеется с берега Майна. Потом узкими улицами мы прошли и различными переулками вышли на Zeil. Здесь мы зашли в тот магазин, где я в окне смотрела шляпу, и спросила галстук. Мне показали, и я выбрала лиловый за 2 флорина 12 крейцеров. Потом я примерила одну шляпу, соломенную, с лиловым бархатом, очень миленькую. Когда же спросила о цене, то француженка мне сказала, что эта шляпа стоит 20 флоринов — просто чудовищная цена. Федя раскланялся 〈насмешливо〉 и пожелал, чтоб она продала эту шляпу за эту баснословную цену, и прибавил, что она, верно, принимает нас за варваров, за диких. Но она тоже предерзко отвечала, что видит, что вовсе не дикие. Когда мы с Федей разговаривали о шляпе, то она изломанным языком нас спросила: «Карошо это?»[308*]. Это очень бойкая и дерзкая француженка. Так мы и вышли из магазина. Потом зашли в магазин цветов, но здесь долго выбирали розы, потому что все были какие-то нехорошие. Наконец, попались две розы, которые мы и купили по 18 крейцеров за каждую. Затем купили еще вишен. Здесь продают их по фунтам, 6 крейцеров за фунт, очень спелых и хороших. Воротились на станцию. Федя до того устал, что просто упал на диван — так ему было тяжело, тем более, что он ужасно как страдает теперь желудком. Мне было ужасно его как жаль! Потом нам еще долго пришлось ждать поезда. Федя дал пиковой даме за услуги 1 гульден, следовало 24 крейцера за мытье, а он дал за услугу еще 36 крейцеров. Сначала она не была этим нисколько поражена, может быть, не догадалась, но потом, когда я ей отдала вишни, она была очень благодарна и сначала дала мне понюхать свои цветы — гвоздику, а потом принесла и подарила этот букет мне. Я всю дорогу нюхала их, и мне было несколько лучше, а то этот подлый дым от паровоза, который пахнет тухлым яйцом, просто начинал меня душить.

Наконец мы сели и в 2 часа поехали. Сначала все шло хорошо, но потом меня опять стало ужасно как тошнить, просто я не знала, что мне и делать. Пришлось переезжать через мост чрез Майн, так что я опять увидела весь город с моста и D〈om〉. Начались горы, сначала Taunus, а потом после Darmstadt'a — Schwarzwald. Мы и не заметили, как проехали до Heidelberg'a, и так как здесь остановились на 20 минут, то мы поспешили воспользоваться этим временем, чтобы хоть сколько-нибудь освежиться. Вошли в вокзал. Я спросила у дамы сельтерской воды, а Федя — пива, но дама несколько раз спрашивала нас, чего нам нужно, повторяла наши слова, а дела не делала, так что Федя, наконец, плюнул и мы пошли в другую комнату и спросили в другом буфете. Здесь оказались попонятливее, но тоже послали сначала 〈мальчика〉 в погреб за сельтерской водой, как будто они не могли ничего приготовить заранее, пока поезд еще не приехал. Наконец, дали, я выпила всю бутылку, а потом спросила бутерброд с сыром, но и этого у них не было, так что она едва успела нарезать, как позвонили к поезду. Мы уже съели свои бутерброды в карете, и они нам показались удивительно вкусными. Это, вероятно, с голодухи. Это на меня так подействовало, что даже меня перестало тошнить. H〈eidelberg〉 очень хорош, он окружен горами красивыми, поднимающимися очень высоко.

После H〈eidelberg'a〉 Федя заснул, и так глубоко, что не слыхал, как я вставала и проходила мимо него, когда мы приехали в Karlsruhe, главный город Бадена. Солнце светило ему прямо в глаза, так что

[308*] *Вставлено:* чем и рассердила Федю и вызвала его резкий ответ.

я должна была ⟪наконец⟫ пришпилить занавеску к окну. Karlsruhe, должно быть, хорошенький городок. Он построен в виде звезды, то есть королевский замок посредине, а от него идут, как лучи, улицы во все стороны, так что в конце каждой улицы можно видеть королевский замок. Потом пошла какая-то роща, в которой гуляли, и я, право, позавидовала,— так, мне показалось, было прохладно и хорошо. После Карлсруэ я разбудила Федю, да и хорошо сделала, потому что он спал очень тяжело и видел очень тяжелые сны. Проехали крепость Rastatt. На станции Oos должны были пересесть в другую карету, чтобы ехать в Баден. Это уже очень недалеко, кажется, минут с пять. ⟪Потом⟫ показался и город, с домами на горе. На станции нам подали вещи, которые приехали раньше нашего. Кучер ⟪какой-то⟫ посадил нас в карету и повез в какой-то отель. Улицы удивительно узки, но красивы. Вез он нас довольно долго ⟪по городу⟫ и привез в отель «Chevalier d'or», каменное здание с садом перед домом. Когда мы подъехали, швейцар позвонил в колокольчик и выбежало несколько слуг, чтобы взять наши вещи. (Здесь это обыкновение: когда приезжают, то непременно звонят в колокольчик.) Нас проводили во 2-й этаж и показали две комнаты: одну, которую мы потом заняли, за 5 франков, довольно хорошую, с 2-мя постелями, а другая была побольше, с балконом, но дороже, да и темнее. Мы взяли первую. Спросили себе чаю, а покамест служанка приготовляла нам постели. В это время Федя отправился, чтобы купить ягод. Когда он воротился, то принес вишен двух сортов и клубники, а также зашел в аптеку и купил там гофманских капель для меня, потому что он знает, что это помогает от тошноты. Придя, он рассказал мне свой смешной разговор с аптекарем, которому он рассказал, что эти капли ему нужны для дамы, которая беременна, и не повредит ли это ей. Тот не понял и спрашивал его: «Так вы сейчас хотите это принять?» Федя опять ему рассказал, тот опять повторил: «Так вы сейчас хотите принять?» Вообще решительно ничего не понял. У немцев и все так: никогда ничего хорошенько не поймут. Федя ходил по аллее, очень темной и с ⟨не расшифровано⟩, в ней, он говорит, очень много гуляющих теперь, но все одеты в легких платьях, так что и мне следует позаботиться о моем костюме. Я была ему чрезвычайно благодарна за его внимание, потому что он, действительно, обо мне очень заботится и старается, чтобы мне не было дурно.

Нам принесли чаю отдельно, чтобы мы могли заварить сами, потом чайник медный, но такой узкий, что я каждую минуту боялась, чтобы чайник не упал на стол. Вообще здесь прислуживают очень хорошо. Наш кельнер — молодой мальчик, очень проворный. Он рассказывает, что это лето у них удивительно мало гостей, все отправляются на Парижскую выставку и остаются здесь только на один или два дня, да и те говорят, что им нечем теперь жить — все прожили в Париже. Сегодня, когда мы ехали от машины, я видела двух детей, мальчика и девочку, которые ехали на ослах. ⟪Для девочки было устроено кресло ⟨не расшифровано⟩ на спине осла.⟫ Это я вижу в первый раз. Мы легли довольно рано и так хотели спать, что через минуту, когда Федя мне сказал, где наш пояс, я уже спала крепким сном и едва его поняла. Проспала я ночь очень хорошо, но на утро мне очень нездоровилось.

Пятница, 5 июля (23 ⟨июня⟩)

День был как нарочно ⟪очень⟫ пасмурный. Шел дождь, так что я думала, сегодня и выйти никуда нельзя будет. Мы напились чаю и кофе, и Федя отправился в вокзал, взяв с собою 15 золотых и еще несколько талеров. Но он обещал сегодня не приступать к игре и особенно не

спускать всего. Я же осталась одна, стала вынимать свои платья, пришивать крючки, поправлять юбку и вообще приготовлять мой наряд. 《Вообще》 мне было удивительно как скучно, грустно, я не знаю 《даже》 отчего,— просто до сумасшествия. Мне не хотелось никого видеть, никуда не ходить, а просто бы, кажется, легла бы здесь в темной комнате и лежала бы весь день. Так прошло часа три, пока не пришел Федя. Он мне сказал, что проиграл все деньги, которые у него были с собой. У нас осталось ровно 50 золотых. Было еще возможно жить. Потом я оделась, и мы отправились с ним в вокзал. Это довольно большое здание, с прекрасной большой залой посредине и с двумя боковыми залами. 《Этот》 вокзал называется Conversation. Наконец-то я увижу рулетку, думала я, входя в залу. Но я, право, ее представляла себе гораздо великолепнее, чем я теперь увидела. За большим столом, посредине которого находится самая рулетка, сидят шесть крупье, по двое у каждой стороны стола, для раздачи денег, и по одному в концах стола. Но я потом лучше опишу рулетку. Мы недолго смотрели. Федя мне предложил поставить пятифранковую монету. Я поставила по его указанию на impair, вышел pair, и я проиграла. Потом Федя начал играть. После долгой игры мы ушли, унеся с собою, кроме наших денег, два пятифранковика[309*]. Мы отправились домой обедать. Придя домой, Федя придумал прятать наш выигрыш в носок и не трогать его, а уж только тогда взять, когда проиграем весь капитал. Мы уложили эти 2 пятифранковика. 《Потом》, после обеда, мы отправились опять в вокзал и сначала пили кофе, а потом Федя читал газеты. Затем зашли еще раз в залу. Счастье долго колебалось, но потом окончилось тем, что мы, взяв 5 франков[310*], ушли домой, тем более, что было уже довольно поздно, часов с 10. Мне нужно было домой. Эти деньги были тоже положены в носок. Федя, проводив меня домой, отправился на рулетку. Но через несколько времени воротился, сказав, что проиграл все 5 золотых и просил достать эти 7, положенных в носок. Я достала. Он просил меня приказать чаю, потому что он скоро сам придет домой. Я была в этом уверена. И действительно, не прошло и получаса, как он воротился, сказав, что проиграл все. (Я забыла сказать, что до обеда мы ходили по городу и смотрели квартиры и выбрали одну, состоящую из двух комнат, которая отдается по 8 флоринов в неделю, и хотим завтра же в нее переехать.) Мы легли спать. Федя очень тревожился. Но что же делать. У нас еще 45 монет.

Суббота, 6 июля (24 〈июня〉)

Встали мы довольно рано, но я долго не могла собраться идти дать задаток за новую квартиру. Меня сильно тошнило и даже один раз вырвало. Я думаю, что причиною этому было также и то, что я долго не ходила кое-куда. 《Поэтому Федя сегодня стал настаивать, чтобы я приняла рицини ол〈еум〉[311*]. Я сначала не хотела, но потом, чтобы только он не приставал, сказала, что приму.》 Мы отправились осматривать квартиру и купили по дороге чаю. Квартиру наняли и обещали через час переехать. Потом воротились домой и приказали подать счет. Но когда его принесли, то я просто изумилась, на нас было насчитано 23 флорина за два дня. Это просто грабеж. Но что же делать, надо уж и этому было покориться. Чай они ставили по одному флорину и 36 крейцеров, т. е. это

[309*] *Заменено:* еще сотни двс пятифранковиков.
[310*] *Заменено:* 50 франков.
[311*] Касторовое масло (*лат.*).

выходит по 96 копеек. Потом пришлось еще дать франк кельнеру и полфлорина девушке. Из гостиницы мы взяли Hausknecht'а[312*], который и свез наши вещи. Я была весь этот день ужасно как нездорова, меня все тошнило, лицо было зеленое, глаза мутные. Когда я пришла, то тотчас же улеглась на диван и не сходила с него почти целый день. Денег мы еще истратили пять золотых, 《осталось 40》, да Федя взял десять 《золотых》, чтобы попытать счастия. Осталось тридцать. Федя, между тем, отправился купить мне рицини ол〈еум〉, принес мне и купил мне пеперментов и красного смородинного желе. 《Потом мы сказали принести нам чашку и ложку, и пока еще не принесли》, Федя все меня убеждал быть мужественной и принять все зараз, говорил, что это глупо, как барышне, принимать тихонько, 《что оттого еще больше слышится запах и вкус ол〈еум〉》, так что почти выбранил меня, еще не зная, как я принимаю. 《Он вылил весь довольно большой пузырек и, все продолжая браниться, подал мне чашку.》 Я, долго не думая, 《быстро》 выпила лекарство и так этим удивила, что он несколько раз меня назвал молодцом, потому что 《я даже》 лучше него принимаю это масло. Я помню, что когда ему как-то случалось принять, то он делал ужасные гримасы и раз даже сделал несколько пируэтов по комнате, и ужасно долго потом жаловался на дурной вкус. 《Но мне это очень легко пришлось, так что я даже не почувствовала его вкуса. Потом》 Федя ушел, а я заснула немного. Я проспала, я думаю, довольно долго, как вдруг, открыв глаза, увидела у моего изголовья Федю. Он был ужасно расстроен. Я 《тотчас》 поняла, что он, вероятно, проиграл эти десять золотых. Так и случилось. 《Но》 я тотчас же стала его упрашивать не сокрушаться и спросила, нужно ли ему достать еще. Он попросил еще пять. Я тотчас дала, и он меня ужасно как благодарил, как будто я ему 〈не расшифровано〉 действительно сделала такое. Я просила его идти обедать в ресторане, потому что я сама не стану сегодня обедать, 《так как, приняв ол〈еум〉, нужно дождаться действия》. Он ушел, обещав прийти как можно скорее. Он ушел в 4 часа, я стала его дожидать, но вот прошло уже пять, шесть, семь часов, а его все нет да нет. Это меня начинало сильно беспокоить. Я его дожидалась и думала попросить сходить за хлебом, так как я начала ужасно чувствовать голод. Я все лежала на постели и почти не спала, все просыпалась, поминутно плакала, тосковала ужасно. Наконец, я попросила хозяйку дать нам свечи и сходить за булкой. 《Я немного поела, но было》 уже девять, десять часов, а его все нет. Мне представилось, что с ним, 《вероятно》, случился припадок в вокзале и что он не знает, как им объяснить, где я, и он может там умереть, а я с ним не успею проститься. Эти мысли меня до того мучили, что 《я не знала, что мне и делать》. Я решила, что если он не приедет до 11 часов, то я непременно сама отправлюсь в вокзал и постараюсь узнать, не случилось ли с ним чего. Но в одиннадцать часов Федя пришел. Я ему сказала, что он со мною делает. Но он был сам ужасно расстроен, но мне сказал, что сам ужасно как рвался ко мне в эти последние три часа, просто не знал, что ему и делать, но что он никак не мог оторваться от игры, что он выиграл вместе со своими деньгами до четырехсот франков, но что он захотел еще более выиграть, но не мог отойти вовремя от стола. Это его ужасно как мучило. Но я его утешала, уверяла, что это ничего, что это пустяки, 《ничего, не важно》, пусть только он успокоится. Он просил меня дать ему возможность себя упрекать за такую глупость, просил у меня

[312*] коридорного (*нем.*).

прощения бог знает в чем, говорил, что он меня недостоин, что я ангел, что он подлец. Я его едва-едва могла утешить. Потом он тотчас отправился за свечами, сахаром и кофе. Придя, спрашивал, не надо ли мне куда-нибудь его послать, за чем-нибудь сходить. Но я его упросила остаться дома. Вообще он был в ужасном волнении. Бедный Федя, как мне его жаль (я забыла: в этот день он решился бросить свой старый кошелек, который 《только》 приносил ему несчастье. Я дала ему свой талер, чтобы он купил себе новый, а, кроме того, я дала еще ему 1 Pf. на счастье, который, он говорит, и положил первый, 《когда только купил》 портмоне. Мне же он купил и перчатки, но какого-то мастера из Гренобля, а не парижские). Но я кое-как постаралась успокоить Федю. Мне было его ужасно как жалко, потому что все это так его беспокоит. Я даже боюсь, чтобы не случился от того с ним припадок.

Воскресенье, 7 июля (25 〈июня〉)

Сегодня день очень яркий. Все 《разоделись》 на улицах нарядные. Я заметила сегодня, что на углу нашей улицы какой-то чиновник в платье с светлыми пуговицами читал громко какую-то бумагу. 《Читал ее долго. Потом, кончив чтение, ушел.》 Я его вижу уже во второй раз, в день нашего приезда и вот сегодня. Я хотела бы знать, что это такое. Осталось 《у меня》 25, но Федя взял сегодня еще пять, осталось двадцать. Когда он ушел, он просил меня одеться к его приходу, чтобы идти нам потом на почту. Но когда он ушел, мне сделалось так грустно: я была вполне уверена, что он непременно эти деньги проиграет. Мне было невыносимо грустно, я даже несколько раз плакала, просто с ума сходила. Наконец, он пришел и я очень хладнокровно спросила: «Проиграл?», он отвечал: «Да», был в ужасном отчаянии, но я его утешала, и он тогда меня сильно, сильно обнял и растроганным голосом говорил мне, что он меня любит, что я такая прекрасная жена, что он меня и не стоит. Потом он просил у меня дать ему еще денег. Но я отвечала, что сегодня я ему ничего не дам, что, пожалуй, завтра, а сегодня ни за что, потому что он, вероятно, их проиграет. Но он меня умолял дать ему хоть два золотых, чтоб он мог успокоить себя. Я вынула и отдала. Но он просил меня не считать его подлецом, который отнимает у меня кусок хлеба, чтобы проиграть. Я просила его успокоиться, уверяла, что вовсе его таким не считаю, что он волен проиграть сколько ему угодно. Он ушел, а я ужасно как плакала[313*]. Но он очень скоро воротился и сказал 《мне》, что проиграл деньги. Осталось восемнадцать. Мы отправились на почту, и Федя просил меня взять с собою три золотых, сказав, что если он эти три золотых проиграет, тогда будет решено, что завтра мы уедем из Бадена, потому что жить здесь незачем. Таким образом, у меня осталось пятнадцать золотых. 《Мы отправились на почту.》 Писем нет. Просили нас зайти через несколько времени. Пока мы отправились в вокзал. 《Здесь》 Федя начал играть и проиграл все деньги, и, возвращаясь домой, мы решили завтра ехать в Женеву. Но на дороге Федя встретил Гончарова, с которым меня познакомил. Гончаров сказал мне, что Тургенев видел вчера Федю, но не подошел к нему, потому что знает, что играющие не любят, когда к ним подходят. Так как Федя должен Тургеневу пятьдесят рублей, то ему непременно следует сходить к нему, иначе тот подумает, что Федя боится прийти из боязни, что тот потребует свои

[313*] *Вставлено:* Меня печалили его мучения и терзания, а также беспокоило наше будущее на чужбине с такими ничтожными средствами.

деньги. Поэтому Федя хочет завтра сходить туда[106]. Когда мы возвращались, то Федя говорил, что он, вероятно, стал бы играть расчетливее, если б меня не было с ним, потому что он решил испытать последнее средство и играть как можно расчетливее, но так как я была с ним, то он торопился. Я боялась, чтобы он не стал меня упрекать в том, что я ему помешала, и тогда я предложила ему взять еще три золотых и в последний раз попытать счастья. Федя был удивительно как рад, начал меня называть разными хорошими именами, говорил, что желал бы лучше, чтобы у него была жена дерево, чтоб она его бранила, чем так кротко его принимала и даже вместо брани только утешала, потому что это больно, когда кротко с ним поступают. Он был удивительно как рад. Потом пошел разменять эти деньги, а я покамест послала за обедом. За обед спросили один флорин и принесли четыре блюда: очень хорошего супа, но немецкого, с яйцами, потом бифштекс, вроде телячьи котлеты и какой-то пирог, сладкий, с вишнями. Все это, как Федя говорит, довольно порядочное, и все это за один флорин. Это уж слишком дешево. Потом мы после обеда пили кофе, очень вкусный, со сливками.

После обеда Федя опять пошел туда, а я осталась дома, сделалась удивительно спокойна. Я думала, ну, пусть он проиграет эти деньги (я ведь уж так ведь и положила, что у нас теперь только 12 золотых), но зато мы завтра уезжаем в Женеву[314*]. Мы разговаривали с Федей о деньгах и оба находили, что 《это》 ужасно мало 《для нас》 иметь всего только 12 золотых и для переезда, и для житья в Женеве, покамест нам не пришлют из Москвы, а хорошо бы было продержаться, не просить у них ничего. Федя предлагал закладывать наши вещи, но я ему тут же объявила, что мой браслет остался в Петербурге, что я просила маму выслать мне его, 《но что не знаю》, может быть, она и выслала мне его в Дрезден, но там посылка меня не застала. Но он скоро воротился, принеся сорок талеров, пятнадцать своих капиталов и двадцать пять новых, которые мы и положили в чулок. Он говорит, что выиграл 50, но потом разом поставил 10 на среднюю, 《думал выиграть больше》, да и проиграл. Ну, а тут и решился поскорее идти домой. Я была рада не столько деньгам, сколько его решимости оставить игру тогда, когда только он это вздумает. Потом он предложил мне идти в вокзал, к музыке, погулять. Мы отправились. Сегодня очень много народу, большею частью здешние жители, а иностранцев не так много. Мы погуляли по музыке и зашли в залу и поместились здесь у крупье. Вот уже два раза я вижу здесь одну русскую, которая играет всегда на золото и постоянно выигрывает. Она ставит большею частью на цифры, но также и на zero. Но вот что замечательно: я заметила, что она три раза поставила на zero и три раза выиграла. Это меня вводит в сомнение: справедливо ли она играет? Один из крупье, раздающих деньги, молодой черноволосый господин, постоянно к ней обращается, улыбается и переглядывается с нею и бесцеремонно говорит. 《Мне кажется》, не может ли 《тут》 существовать каких-нибудь сношений между нею и им? Может быть, он, как крупье, знает по некоторым приметам, когда может выйти zero и 《поэтому》 не передает ли он ей как-нибудь это, потому что она безошибочно выигрывает на zero. Раз только она поставила, но не выиграла. 《Вообще》 эта особа одевается очень великолепно, в бриллиантовых серьгах, в локонах, в светло-сиреневом платье, с белым шелковым лифом и лиловыми рукавами, отделанными белыми с черным

[314*] *Вставлено:* и опять будем спокойны и счастливы.

кружевами,— удивительно хорош. ⟪Вообще она должно быть очень много выигрывает, а потому и получает возможность хорошо одеться. Если бы у меня были деньги, то я бы тоже непременно стала бы ставить именно на те zero, на которые она ставит и, вероятно, также бы стала выигрывать.⟫ Вообще мне бы очень хотелось узнать ее фамилию, тем более, что лицо ее мне очень знакомо, и лица спутников. Но Федя очень несчастливо играл,— он проиграл все пятнадцать талеров. Сзади меня стояла какая-то немка с мужем, который отмечал на бумажке выходившие номера. Она долго, долго держала в руках своих талер, который хотела ⟪тоже⟫ поставить на ставку, долго не решалась, наконец, поставила вместе с Федей и проиграла. Потом она долго рылась в своем кошельке между мелочью, достала еще талер, поставила и проиграла. Ведь эдакое несчастье. Пожалуй, у ней только и есть, что этот талер, и вдруг проиграть его, как это обидно. Была тут еще одна молодая девушка, которая тоже ставила талер, проиграла его и так потом не ставила,— может быть, тоже последний[315*]. Какая-то старуха в желтой шляпе несколько раз ставила пятифранковики и каждый раз выигрывала, так что меня это даже поразило: куда ни поставит, непременно и выиграет. Она унесла, мне кажется, пятифранковиков штук 15, если не более. ⟪Потом подле меня стоял один какой-то, вероятно, благородный мужчина ⟨не расшифровано⟩, очень жарко дышал, просто-напросто сопел. Он поставил несколько раз 5 франков и каждый раз выигрывал, поставил ⟨не расшифровано⟩ на impair с черным на manque и каждый раз брал все ставки. Потом он стал ставить на числа и три раза таким образом выиграл. Так что он унес, я думаю, непременно франков 100, если не больше. Потом⟫ подле меня стоял еще один человек, довольно красивый, который играл на золото. Он ставил большею частью rouge или noir и, по мере того, как у него накоплялось, он ставил à la masse 5 Louis, à la masse. Так что у него под конец накопилось à la masse до 15 луидоров. Потом он поставил 9 луидоров и проиграл. Он ужасно, как краснел. Мне кажется, ему было очень досадно так много проиграть. Проиграв все, мы с Федей вышли из зала и отправились домой. Но дорогой я просила у него простить, зачем я пошла с ним, потому что, вероятно, без меня он бы мог не проиграть. Но он меня благодарил, говорил мне: «Будь благословенна ты, Аня. Помни, что если я умру, то, что я говорил тебе, что благословляю тебя за то счастие, которое ты мне дала», что выше этого счастия ничего и не может быть, что он недостоин меня, что бог его слишком уж наградил мною, что он каждый день об этом молится и только боится одного, чтобы это как-нибудь не изменилось. Он думает, что это только все оттого, что я теперь его люблю, что это как любовь пройдет, так все и переменится. Но я так думаю, что этого совершенно не будет, а что всегда будем так любить друг друга.

Понедельник, 8 июля (26 июня)

День какой-то грустный. Вообще мне ужасно грустно, как никогда не бывало, просто не знаю, что мне и делать. Сегодня у нас было двенадцать золотых и 25 талеров. Федя взял 15, пошел играть. Сначала он зашел к Тургеневу, но его здесь не застал, потому что тот бывает дома только до 12 часов дня. Затем пошел на рулетку и, отыграв 10 талеров, ушел домой, так что у нас оставалось 35 талеров. Но скоро пришел

[315*] *Вставлено:* Говорят, что здешние жители проигрывают в воскресенье, пытая счастье, все свои сбережения, сделанные за трудовую неделю. Как это жаль!

назад, сказав, что проиграл, и просит дать еще 15 талеров. Я отдала, осталось только 4 талера, потому что пятый отдан был за обед. Но сначала мы пообедали и он отправился, а я пошла на почту. Писем нет. Купила конвертов. Затем отправилась по Lichtenthalerstrasse, все дальше и дальше и вышла почти совсем за город[316*]. Когда я пришла домой, то немного спустя пришел и Федя и, весь бледный, сказал, что проиграл и эти и просил ему дать последние четыре талера. Я отдала, но была уверена, что он непременно их проиграет, что иначе и не может быть. Прошло более с полчаса. Он воротился, разумеется, проиграв, и сказал, что желает со мною поговорить, посадил к себе на колени и просил меня, чтобы я дала ему еще пять золотых, хотя он знает, что у нас останется только семь золотых и что нам нечем будет тогда жить. Но, нечего делать, иначе он не может успокоиться, иначе, если я не дам, то он сойдет с ума[317*]. Я ему представила, что нам будет ужасно трудно жить с этими деньгами, но много не говорила, а только просила оставить эти деньги до завтра, когда он поуспокоится. Но он мне сказал, что он до завтра будет ужасно как терзаться, что лучше покончить все сегодня, чем мучиться весь день. Разумеется, я не могла устоять против его доводов и отдала ему пять золотых. Он мне сказал, что, может, теперь только так поступаю, но что когда я сделаюсь постарше, когда я сделаюсь «Анной Ивановной», то уже не позволю ему так делать, скажу, что я прежде была глупа, но теперь, если мой муж дурачится, то я ему не должна позволять, должна его остановить. Но как я поступаю, это гораздо лучше[318*]: «Ты покорила ⟨не расшифровано⟩,— сказал он мне, и он ушел и просил меня тоже куда-нибудь пойти, потому что иначе мне было бы слишком тоскливо дома сидеть. Но я была ужасно как спокойна. Ну, что ж, я ведь так и положила, что у нас останется только 7 золотых, ну так и горевать нечего.

⟪Я тоже вышла и⟫ пошла по направлению к старому и новому замку. Это на горе, и приходится идти по лестнице и проходить мимо дома. Наверху есть несколько террас, с которых очень хороший вид на вокзал и окрестности. Я долго гуляла там, потом отправилась домой. Проходя по одной лестнице, мимо открытой двери дома, я заметила ⟪на лестнице⟫ мальчика лет восьми, который, с сумкой и грифельной доской в руках, преспокойно что-то считал. Я его спросила, где он живет. Он сказал, что в этом доме, и выходит всегда учиться на лестницу, что это задал ему учитель, что он обучается в Католической школе. Мне он очень понравился, он вовсе не тупой, как все немцы, и сразу понимает, о чем у него спрашивают. Я поговорила с ним и пошла вниз. ⟪Я долго ходила, наконец, пришла домой.⟫ Феди еще не было, но он скоро пришел и сказал, что у него ужасно как болело сердце по мне во все это время, что он из пяти взятых у меня (у меня уж осталось только семь) он проиграл немного, но просит меня идти с ним погулять к музыке. Я оделась, и мы отправились. Гуляли мы недолго, а затем пошли в залу, и тут Федя начал играть. Он то возвышался, то понижался. Наконец, остался только золотой. Мы перешли в другую залу. Здесь Федя начал играть, то проигрывая, то выигрывая. ⟪Наконец⟫, когда у него остался один ⟪лишь⟫ золотой, крупье объявил три последние удара, Федя поста-

---

316* *Вставлено:* На душе у меня было неспокойно.
317* *Вставлено:* Он был в страшном волнении.
318* *Вставлено:* что я покоряю его своею добротою и безропотностью и что он все более и более любит меня.

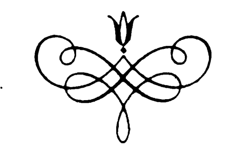
вил свой золотой на красное — вышло, второй удар поставил на passe — вышло. Таким образом, у нас уже три. Наконец, третий удар поставил на 12 средних — тоже вышло. Нам выдали два. Таким образом, у нас оказалось пять, точь в точь как было, когда Федя пришел сюда. Это нас ужасно как удивило и, надо признаться, обрадовало: ну, хоть не выигрыш, то по крайней мере свои на сегодня воротили. Мы были так рады, что всю дорогу весело смеялись, а Федя целовал мне руку и говорил, что нет счастливее его на свете.

Вторник, 9 июля (27 июня)

Сегодня утром Федя хотел идти к Тургеневу, но мы так долго не вставали, что опоздал и сегодня не пошел. У нас опять было 12 золотых. Федя взял пять и пошел играть. 《Следовательно, у нас только осталось семь.》 Но мне по его уходе сделалось ужасно как грустно. Я 《почти》 вполне сознавала, что он непременно проиграет, потом даже стала ужасно как плакать. Действительно, мои ожидания исполнились. Он воротился домой в ужасном отчаянии и сказал мне, что он все проиграл. Потом он меня стал просить дать ему еще два золотых, сказав, что ему непременно нужно отыграться, непременно нужно, иначе не может. Он 《даже для этого》 стал предо мною на колени и умолял дать еще два. Конечно, я не могла не согласиться. Я дала. Осталось всего пять. Я его просила не ходить сегодня, сказав, что он непременно проиграет, но делать было нечего. Он ни за что не мог на это согласиться. Прошло довольно много времени, и я была уверена, что так долго держаться с этими небольшими деньгами не было возможности. Наконец, он воротился и сказал мне, что заложил свое обручальное кольцо и что все деньги проиграл, поэтому просил меня дать ему три на выкуп кольца, иначе оно могло пропасть. 《Он сказал, что》 за кольцо дали ему 17 франков, нужно было сейчас же отдать — не пропадать же ему. Делать было нечего, нужно было дать эти деньги, 《хотя тогда у нас》 оставалось только два золотых и один гульден. Но Федя был в таком отчаянии, что я не решилась с ним говорить, а поскорее дала ему деньги. Он ушел и через несколько времени воротился. Он успел выкупить кольцо и выиграть пять золотых, что с его составляло восемь. Три он отдал мне, а пять оставил себе, чтобы идти опять играть. С него за кольцо не хотели взять никаких процентов, но он отдал франк, сказав, что пусть они возьмут за их услугу. Тут мы стали обедать, потому что я была ужасно как голодна. Дожидаясь Федю, 《все это время》 я ужасно как страдала: я плакала, проклинала себя, рулетку, Баден, все. Просто стыдно, не запомню себя в таком состоянии[319*]. Пообедали, и Федя опять отправился на рулетку. На этот раз я была 《как-то》 особенно спокойна: я решила, что эти пять золотых пропадут и поэтому не особенно горевала о них. Потом я оделать и отправилась погулять. Я пошла на гору S. Michel, где находится русская церковь. Нужно было идти по довольно крутой дороге и площадке, на которую выползло ужасное множество улиток или мокриц, — не знаю хорошенько. Я сначала не знала, что это такое, и даже немного струсила, но потом увидела, что они 《ужасно как》 медленно движутся на песке, подвигая своими рожками. Я помню, что это, кажется, означает хорошую погоду, если улитки выползают на песок, а тут они почти покрывали все дорожки. В некоторых местах скоплялись целыми семействами, так что даже неприятно было смотреть: такие длинные, слизис-

[319*] *Вставлено:* Но после слез мне стало легче.

тые червяки с двумя маленькими рожками. Но ходить на гору мне было довольно тяжело. Кроме того, ⟪у меня уж и так⟫ ужасно как болели ноги со вчерашнего гулянья, как будто их кто-нибудь бил. Я взобралась на гору и осмотрела ⟨слово не расшифровано⟩ русскую церковь, потом на дорожке спустилась к фонтану ⟪и отправилась вниз⟫. С горы удивительный вид на ⟪весь⟫ город, как в панораме, как обыкновенно мы видим на планах. Вообще я ⟪была⟫ очень довольна моею прогулкою, тем более, что ⟪совершенно⟫ не встречала ни одной разодетой дамы. Но мне было ужасно как грустно, как-то пустынно, тихо и мрачно. Отсюда я отправилась в город, где в одной лавочке купила себе новую книгу для записывания наших похождений. Стоит она 30 Kreuz⟨er⟩. Я хотела выбрать себе большого формата, но здесь были все с такими дурными переплетами, что я не решилась взять. Потом зашла за папиросами. Здесь они стоят 18 Kr⟨euzer⟩, а стоили недавно 24, это почти в полтора раза дороже дрезденского, где стоили 4 Grosch. (12 Kr.). Но это оттого, что мелкий табак. Пришла я домой довольно незадолго до Феди, который пришел и сказал мне, что выиграл немного. Когда мы сосчитали, то вышло, что он выиграл 16 золотых и, таким образом, у нас вместе с моими в чемодане пятью золотыми ⟪вышло⟫ 21 золотой,— состояние, неслыханное в последние дни. Я была удивительно как рада, потому что это хоть немножко поправило наше состояние. Федя предложил мне идти на музыку. Мы отправились, но, к моей досаде, не оставили дома этих денег. Мы долго гуляли и слушали «Stabat Mater» Rossini, эту чудную песнь, этот великий гимн, который так и проникает в душу. Я не знаю, много ли таких прекрасных вещей, как эта[320*].

[320*] *Вставлено:* Федя высоко ставит «Stabat Mater» и всегда с благоговейным чувством слушает этот гимн.

КНИЖКА ВТОРАЯ [1*]

Среда, 10 июля (28 июня)

Сегодня мы встали в десять часов. Федя отправился к Тургеневу, у которого просидел часа с полтора. От него Федя пошел на рулетку, взяв с собою пять золотых; у меня осталось дома 10. В это время я сходила на почту, но писем не получила; хотела еще куда-нибудь идти гулять, но было ужасно жарко, как-то душно; я отложила свою прогулку до вечера, когда сделается прохладнее. Пришла домой и стала читать «Историю» Соловьева [1], а наша девушка Marie принялась мести комнаты, для чего меня перегоняла из одной комнаты в другую. Этой Marie на лицо кажется лет восемнадцать, а мы ее спросили, и она сказала, что ей всего четырнадцать. Это такой ребенок, просто ужас: веселая, хохотунья страшная; она с нами совершенно подружилась, считает нас за своих родных, а поэтому всегда с нами очень весела. Но она удивительно тупа; она ни за что не поймет сразу, что ей скажут; да и хоть каждый день замечай одно и то же, она все-таки не станет замечать. Так, к обеду она никогда не приносит нам суповой ложки; я ей каждый раз говорю, а она всегда забывает. На все вопросы она отвечает громогласным «Ja» [2*], очень весело и решительно, но иногда очень похоже на карканье. Я на нее сегодня очень рассердилась, хотя не показала виду, потому что она очень долго не несла нам ни чаю, ни кофею. Они здесь чай варят и говорят, что нужно непременно, чтоб чай был в горячей воде, по крайней мере, с три четверти часа, иначе он не будет вкусен. Когда я вернулась с прогулки, меня стало тошнить, и я решилась лечь в постель. Мне это время ужасно какие странные вкусы приходят на ум: то хочется сладких пирожков, грибков каких-нибудь, то мужицкого серого пирога с капустою, который у нас продается в лавочках и которого я прежде совсем не любила. То захочется свеженьких огурцов, но вообще чего-нибудь кисленького или соленого. Тут мне пришли на ум свежие огурцы и так мне захотелось, что я попросила Мари сходить купить мне огурец. Она спросила: «Какой?» Я сказала: «Не маленький, побольше». Она взяла у меня 6 Kreuzer, и немного погодя принесла мне огурец, но такой огромный, я думаю, с поларшина длиной, очень толстый, так что мне не съесть его и в три приема. Я очистила пол-огурца и сделала, как мне советовала моя мама приготовлять свежепросольные огурцы, именно, посолила и била их между двумя тарелками. Пришел Федя и с досадой сказал, что проиграл, что его все толкали и не давали спокойно ставить ставки. Он попросил меня дать ему пять золотых, причем мне рассказал, что у него уже было до 17 золотых, но он хотел все увеличивать и все спустил. Я, разумеется, сейчас же дала. Осталось у меня опять 5 золотых, но я нынче попривыкла к этим историям, и они меня не так сильно беспокоят. Когда Федя ушел,

---

[1*] *В расшифровке А. Г. Достоевской заглавие*: Начало второй тетради.
[2*] Да (*нем.*).

я сделалась удивительно спокойна, как будто бы это были вовсе не последние наши деньги. Он пробыл, я думаю, больше часу, в продолжение которого я лежала на диване, смотрела в стену и думала,— это сделалось нынче моим любимым занятием. Наконец, Федя пришел; он мне показался очень бледным: я подумала, что он проиграл, и стала его утешать, говорила, что проигрыш — пустяки, что ничего важного не случилось, Федя мне сказал, что он не проиграл, а немного выиграл, и показал мне свой кошелек. Какое немного: было сорок шесть новых монет, целый кошелек монет! Я была ужасно рада, потому что теперь наше существование опять хоть сколько-нибудь обеспечено. (С моими пятью это выйдет пятьдесят одна монета.) Я была очень, очень рада, что выигрыш поможет нам хоть сколько-нибудь продержаться, что не придется ходить к Тургеневу и просить у него дать нам денег[2] до присылки от Каткова. Федя говорил, что ему ужасно как везло сегодня: он ставил на золото и поминутно получал, так что все дивились его счастию.

Я послала сейчас же за обедом. Тут мы вспомнили, что у нас нет кофею. Федя тотчас же вызвался сходить за кофеем, свечами и вином. Я всегда удивляюсь, когда Федя у нас занимается хозяйством. Ну, кто бы подумал, то есть поверила бы я, что этот серьезный человек, которого я в первый раз увидела 4-го прошлого октября, такой угрюмый человек, мог заниматься подобными пустяками, толковать с немецкими купцами о свечах и прочем? Федя отправился, а пока принесли обедать, и я расставила кушанья на столе. Я как-то нечаянно подошла к окну и не в окно, а в стекло окна увидела Федю, который нес в руках букет. Я стала дожидаться Федю, но вместо него пришел[3*] какой-то мальчик лет восьми, очень маленький. Он принес целую корзинку ягод. Я взяла у него из рук, посмотрела и увидела, что тут была малина, абрикосы и персики и мой любимый крыжовник. Это внимание Феди ко мне меня чрезвычайно обрадовало, тем более, что я вовсе его не ожидала. Сам Федя зашел за вином и чрез несколько минут явился ко мне. Мари сказала мальчику сесть на стул, но этого смешной мальчуган не осмелился, а сел только на кончик стула и ужасно смешно на меня посматривал. Пришел Федя и подал мне букет; я была донельзя рада и несколько раз поцеловала Федю. Я так благодарна моему дорогому, милому Феде за его внимание ко мне: он знал, что сделает мне большое удовольствие, и сходил за букетом, а это довольно далеко от нас. Вообще я чрезвычайно ценю всякое внимание Феди ко мне; например, когда я ложусь спать, я говорю: «Прощай, Федя», и он непременно приходит ко мне проститься, и я бываю всегда несказанно, невыразимо рада и счастлива. Так и в этом случае, я была очень, очень довольна. Федя сказал мне, что здесь, в «Stadt Paris», за вином, где он уже познакомился с хозяйкой, она, увидав букет, сказала ему: «Какой великолепный букет!» Федя отвечал: «Я несу его моей жене». Все немки, бывшие в лавочке, были чрезвычайно этим довольны, то есть этим вниманием к «жене». Букет действительно, великолепный; в средине были желтые и розовые розы, кругом фиалки и гвоздики, так что был удивительно красиво составлен. Мы сели обедать. Обед наш был, как нарочно, тоже очень хорош. Вообще они за наш флорин (60 копеек или около того) кормят нас очень хорошо. Например, я расскажу, что у нас было сегодня: очень вкусный суп-овсянка (которую, надо сказать, я никогда не любила, но сегодня она мне так понравилась,

[3*] *В тексте ошибочно* «прошел».

что я съела две[4*] тарелки), второе кушанье — довольно много жареной говядины с картофелем, зажаренным так, как его любит Федя, потом целый цыпленок и к нему компот из вишен и четыре куска отличного бисквитного пирожного. Они каждый день переменяют кушанья и, заметив, что мы постоянно у них берем, дают нам все лучше и лучше. Я велела сделать кофе, и мы чудесно пообедали. На десерт у нас были малина, крыжовник и вишни, совершенно черные. Но я так много ела вишен в Дрездене, что они мне стали противны, и я не могу съесть ни одной ягоды. Были у нас абрикосы и персики, но персики оказались не так вкусны: они жестки и желтоваты. (Вообще во всей Европе нельзя достать спелых персиков потому что их срывают незрелыми для отправления в другие страны, и персики доспевают дорогою.) Но абрикосы были удивительны, хорош был и крыжовник. Мы вздумали дать крыжовника и вишен Мари, но та сначала не понимала, что ей делать с ягодами; когда мы растолковали, что ягоды даем ей, то она была рада, как дитя, и очень благодарила. Смешная эта Мари: у ней усердия бездна,— просто из кожи лезет, чтобы сделать что-нибудь получше, но понятливости решительно нет никакой; из усердия она по три раза в день переменяет у нас в графинах чистую воду. [Вообще] у нас обед прошел очень весело. Да, разумеется: у нас было теперь 50 золотых (один золотой мы разменяли и после покупок осталось три гульдена и мелочь), значит можно было надеяться прожить, по возможности, дольше, не нуждаясь. Вообще я была сегодня гораздо спокойнее. Я просила Федю исполнить мою просьбу, то есть не ходить сегодня на рулетку: я уже заметила, что если человек выиграет, то уж ему в тот день ходить на рулетку не следует, иначе будет непременно проигрыш. Да и действительно, зачем быть таким недовольным. Но Федя просил у меня только пять золотых, чтобы попытать счастия; может быть, сегодня счастливый день, и удастся еще выиграть. Не дать денег не было возможности, и я дала и была уверена, что он непременно проиграет.

После обеда мы вместе вышли, сначала зашли на почту, но писем не получили. Федя отправился на рулетку, а я пошла, как он мне указал, налево от вокзала, следуя вдоль по речонке. В ней не было, я думаю, и $^1/_4$ аршина воды; она имеет крутые берега, вымощенные и покрытые зелеными вьющимися растениями; потом пошли отлогие берега, поросшие прелестною зеленою травкою. Зашла я очень далеко, я думаю, версты две, три от дому и повернула назад, но уже по другой стороне. Одно меня сильно беспокоит в моих прогулках,— это, что мне кажется, что со мною сделается обморок; вдруг мне делается как-то нехорошо, и я боюсь упасть без чувств. Также меня всегда страшит мысль, что я запнусь за ступеньку лестницы, которых здесь так много попадается по дороге, и непременно упаду, а последствия этого могут быть очень дурные, то есть выкидыш. Этого мне никак бы не хотелось; мне кажется, что тогда я стану считать себя несчастной. К тому же, я знаю, что это страшно огорчило бы Федю, который часто вместе со мной говорит и мечтает о нашем будущем ребенке. Я проходила, я думаю, больше часу, пока не пришла в густую аллею, которая называется Promenade. Я уже хотела своротить в улицу, как вдруг увидела Федю, который сидел на скамейке и давно, как он мне говорил, дожидался меня. Он сказал мне, что его все толкали и что поэтому он все проиграл. Просил дать 5 золотых, чтобы он мог отыграть проигранное. Мы пошли домой; я,

---

[4*] *Исправлено из* три.

разумеется, дала, хотя опять-таки была вполне уверена, что он непременно проиграет: невозможно же рассчитывать на постоянное счастье. Действительно, я недолго просидела дома, как Федя вернулся и сказал, что и эти золотые проиграл. Федя звал меня идти гулять в вокзал; было довольно еще светло, и поэтому мне не хотелось идти в вокзал, где все ходят такие разодетые барыни. Признаться, мне не особенно приятно ходить вечно в моем черном платье, которое далеко не так хорошо среди их блестящих костюмов. Впрочем, я не очень-то забочусь о мнении дам. Несмотря на мои противоречия, Федя просил идти с ним и взять с собою 2 золотых; я опять-таки наперед знала, что это будет проиграно. Но когда Федя мне сказал, что мне, вероятно, жаль этих денег, то я, конечно, их отдала. Я вовсе не денег жалела, а знала верность приметы, что не выиграть в этот день. Когда мы пришли, было совершенно светло, но фонари были зажжены, что представляло очень некрасивый вид. Вообще я не люблю времени, когда еще светло и дневной свет борется с светом фонарей,— это неприятно видеть. Чтоб дождаться, пока стемнеет, мы вошли в залу и подошли к столу. Федя сначала начал выигрывать, но потом неосторожными ставками все проиграл, и выигранное, и принесенные два золотые. Это ужасно рассердило Федю, и он, не зная, на что сердиться, начал бранить, зачем так долго не темнеет. Мы вышли в аллею и уселись между немцами на скамейке. Федя все время утешал меня, говорил, что это ничего, что мы проиграли, как будто бы мне требовались утешения: я более его была спокойна. А я его уговаривала, чтоб он не горевал, что проигрыш в сравнении с нашими деньгами сущие пустяки. Когда окончательно было темно, мы пошли к музыке. Сегодня был не всегдашний оркестр военных музыкантов, а какой-то инструментальный оркестр, который большею частью играл пьесы, назначенные для соло корнет-а-пистона или флейты, да притом все какие-то грустные мелодии, что, по моему мнению, вовсе не соответствует музыке на водах. Здесь было надобно играть веселые польки, вальсы, а не сонаты, а если уж надо что-нибудь серьезное, то, по крайней ⟨мере⟩, выбор пьес сделали бы получше, а то кому какое дело слушать соло на cornet-à-piston. Мы с Федей были окончательно недовольны музыкою, я не выдержала, и мы пошли домой. За чаем Федя мне рассказал свой визит к Тургеневу. По его словам, Тургенев ужасно как озлоблен, ужасно желчен и поминутно начинает разговор о своем новом романе. Федя же ни разу о нем не заговорил. Тургенева ужасно как бесят отзывы газет: он говорит, что его изругали в «Голосе», в «Отечественных Записках» и в других журналах. Говорил еще, что дворянство под предводительством Филиппа (?[5*]) Толстого хотело его выключить из дворянства русского[3], но что этого как-то не случилось. Но прибавил, что «если б они знали, какое бы этим они доставили мне удовольствие». Федя, по обыкновению, говорил с ним несколько резко, например, советовал ему купить себе телескоп в Париже, и так как он далеко живет от России, то наводить телескоп и смотреть, что там происходит, иначе он ничего в ней не поймет, Тургенев объявил, что он, Тургенев, реалист, но Федя говорил, что это ему только так кажется. Когда Федя сказал, что он в немцах только и заметил, что тупость, да кроме того, очень часто обман, Тургенев ужасно как этим обиделся и объявил, что этим Федя его кровно оскорбил, потому что он сделался немцем, что он вовсе не русский, а немец. Федя отвечал, что он этого вовсе не знал, но что очень жалеет об этом. Федя, как он говорил,

[5*] Вопросительные знаки в скобках проставлены А. Г. Достоевской.

разговаривал все больше с юмором, чем еще больше сердил Тургенева, и ясно выказал ему, что роман его не имел успеха. Расстались, впрочем, они дружески, и Тургенев обещал дать книгу. Странный это человек, чем вздумал гордиться,— тем, что он сделался немцем? Мне кажется, русскому писателю не для чего бы было отказываться от своей народности, а уж признавать себя немцем — так и подавно. И что ему сделали доброго немцы, между тем как он вырос в России, она его выкормила и восхищалась его талантом. А он отказывается от нее, говорит, что если б Россия провалилась, то миру от этого не было бы ничего тяжелого. Как это дурно со стороны русского говорить таким образом! Ну, да бог с ним, хотя я знаю, что Федю разговор с Тургеневым ужасно как рассердил[4] и взволновала эта подлая привычка людей отрекаться от родного.

Я легла сегодня спать в 10 часов, потому что довольно утомилась, да и сидеть было скучно: читать нечего. Пока я молилась и приготовлялась спать, Федя сидел и, как он говорит, выжидал, скажу ли я ему по обыкновению: «Прощай, дорогой Федя», или нет, потому что подумал, что я на него рассердилась. Все это объяснилось, и мы очень дружески расстались. Федя принялся ходить, а я под его шаги уснула. У меня так нервы раздражены, и я нынче вижу все какие-то странные сны. Так и тут я видела во сне моего папу; потом видела какого-то молодого человека, и что Федя взял четыре тысячи франков и отправился с ними на рулетку; а я знала, что на дороге нападут разбойники и убьют их; мне сделалось так жалко Федю и до того сердцу больно, что я от этого проснулась. Тут мне пришло на мысль, что и нас могут обворовать кузнецы[6*], которые живут наверху. Я встала с постели, чем ужасно испугала Федю, и просила его покрепче запереть дверь.

Четверг 11 июля (29 июня)

День сегодня великолепный. Я проснулась, кажется, часов в 8, но не встала, потому что Федя до четырех часов не спал; я боялась, что наделаю шуму и разбужу его. В десять часов Федя проснулся и не захотел уже спать. Я сказала сделать чай; пришла Мари и принесла карточку Тургенева, который приехал в карете и, спросив ее, здесь ли мы живем, велел передать эту карточку. Вероятно, он не хотел зайти сам, чтоб не говорить с Федей, ну а долг вежливости нельзя было не отдать. Да и странно: кто делает визиты в десять часов утра,— разве это только по-немецки, да и то как-то странно[5]. Мари нас сегодня все смешила своими ужимками: она, разговаривая, всегда действует пальцами, указывая на ту вещь, о которой идет речь. Федя долго ходил по комнате и в час ушел на рулетку, взяв с собой восемь золотых. У нас из 50 вчерашних осталось только тридцать золотых; но это еще очень довольно, если они не будут с тою же поспешностью выходить из нашего кармана, как те прежние. Я была вполне уверена, что Федя их проиграет,— это так и будет,— и непременно явится взять другие. Слова мои оправдались: Федя действительно проиграл; он объяснил это тем, что подле него стоял какой-то англичанин, от которого удивительно пахло острыми духами, так что не было возможности выдержать, потому-то он и проиграл. Федя просил меня дать ему еще пять золотых, я дала; осталось 25 золотых. Ну,— подумала я,— вот как начинают уходить наши денежки, пожалуй, легко может быть, что скоро останется у нас опять штук десять.

[6*] Наша квартира находилась над кузницей (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

Когда Федя ушел, я тоже отправилась погулять, но сегодня пошла в другую сторону,— это будет за кладбище, по густой каштановой аллее, которая шла под гору. Сначала было очень жарко, но потом в тенистой аллее сделалось так хорошо, что я с удовольствием гуляла. Я присела на скамейку, так как начала немного уставать. По аллее шел какой-то коротконогий толстый немец, очень смешного вида, а за ним бежала собачонка, маленький щенок. Он, вероятно, не хотел, чтобы она следовала за ним, потому что он часто оборачивался, топал на одном месте ногами, делал вид, как будто собирается бросить чем-нибудь в нее; собачонка тоже останавливалась, смотрела на него и потом, когда он начинал идти, то бежала за ним. Это продолжалось несколько раз; мне было ужасно смешно на этого добряка-немца, который с таким старанием топтался на месте и ничего не мог сделать с непослушным щенком. Я потеряла их из виду, но он, пройдя дальше, передал эту собачку каким-то мальчикам, которые потащили ее назад. Бедная собачонка хотела спрятаться под мою скамью, но они ее вытащили и понесли в город. Я прошла всю аллею до конца, потом через мостик и небольшой лесок вышла на открытую поляну, где по самой жаре пошла на гору. На горе проведена каштановая аллея, довольно тенистая, мне кажется, что она ведет к старому замку. Я повернула в город; тут в тени стояла скамейка; я подошла и села. На скамейке сидела какая-то девочка, белокурая, с черными заплаканными глазами, очень маленькая. Я спросила ее, зачем она плакала; услыша вопрос, она ужасно разрыдалась и начала мне сквозь слезы что-то говорить, но я решительно не могла ничего разобрать из ее слов. Я просила ее успокоиться, дала ей один Kreuzer, чтоб она купила себе лакомства. Ее зовут Жозефиной; она очень понятливая девочка, рассказала мне, где она живет, и очень хорошо отвечала на все мои вопросы. Пока она со мной говорила, подошел какой-то господин и начал с нею разговаривать, увещевая ее не плакать. Когда он стал утешать, она опять горько-прегорько расплакалась. Из разговора ее с господином, я узнала, что отец не пустил ее идти за пони, которого я за пять минут назад встретила на горе и которого даже несколько испугалась, потому что он сильно брыкался; незнакомец говорил, что отец ее скоро воротится, и советовал идти потихоньку наверх и там дожидаться отца, но она отвечала, что очень устала. Он ушел; я посидела и тоже ушла, а моя девочка так и осталась на скамейке дожидаться своей лошадки.

Я пришла домой, но Феди еще не было. Я долго лежала на диване. Наконец, пришел и Федя и сказал, что немного выиграл. Он показал мне сорок монет; таким образом у меня опять вышло 65 монет,— шестьдесят в чемодане и пять у него. Но Федя был очень раздосадован: ему ужасно везло, и он выиграл тридцать или сорок золотых и еще пятнадцать, которые он и поставил на двенадцать последних и проиграл. Вот эти-то пятнадцать золотых его и сердили,— так ему было досадно, что он их пропустил. Потом Федя вызвался сходить за вином и за персиками. Пока он ходил, Мари сходила за обедом, который нам прислали еще лучше вчерашнего и одним кушаньем больше,— просто удивляют нас своим вниманием, Федя воротился и опять принес букет, немного меньший, но тоже великолепный. Решительно Федя меня балует. Он также купил крыжовнику, вишен, персиков и абрикосов. Мы принялись есть. После обеда я положила эти 60 золотых в кушак, а он взял себе 5 монет и сказал, что идет на рулетку не для игры, а просто желая как бы побаловаться, даже без всякой страсти, и что если проиграет

эти 4 золотых (потому что пятую монету он истратил на покупки), то их не будет жаль. Федя ушел, а я отправилась отдавать платки метить; возьмут по 9 крейцеров за букву, и они будут готовы не ранее недели. Потом я сходила на почту, но тоже ненадолго, потому что мне показалось, что в нашей квартире дым, и мне вдруг представилось, что у нас может случиться пожар, и тогда уже все пропало. Писем сегодня нет. Пришла домой, пришел и Федя. Он проиграл. Это его раздосадовало, и он предложил мне пойти на рулетку и взять с собою 5 золотых. Он сказал, что, может быть, мы и не зайдем, но говорил, что хочет поскорее попробовать новую систему — именно ставить на zéro, так что, может быть, можно и много выиграть. Делать было нечего,— взяли пять золотых и пошли гулять, но музыкантов, которые сегодня начали играть ранее обыкновенного, уже не было,— вероятно, они куда-нибудь ушли, в театр, что ли,— ведь мы здесь вовсе не au courant[7*] с тем, что здесь делается. Пришли в залу; я предложила Феде, так как у меня не счастливая рука, не стоять около него, а сесть где-нибудь в стороне; я так и сделала, села в сторонке, но от этого нисколько не умножилось счастье. Федя ставил на zéro, оно вышло два раза, а он все-таки проигрался. Это его ужасно как раздосадовало, и он вышел очень сумрачный из залы. Когда мы шли по аллее, то Федя начал говорить, что было бы очень хорошо теперь сходить домой; я останусь дома, а он отправится на рулетку и начнет играть, взяв еще 5 золотых; может, что-нибудь и выйдет. Я сперва начала ему возражать, сказав, что ведь он сегодня выиграл, так и довольно нам, но это не помогло, и я должна была согласиться. Федя просил меня не сердиться, как будто я сердилась когда на него, целовал мои руки и говорил, что, ради бога, не хочет, чтобы моя нежность к нему исчезла. Я отвечала, что моя любовь к нему никогда не изменится. Пришли домой. Я дала ему деньги, и он отправился на игру, а я осталась приготовлять чай, который у нас, надо заметить, делается ужасно как долго. Федя скоро пришел, сказав, что все проиграл.

Вечером Федя сказал мне, что привязался ко мне, как ребенок, и что меня сильно любит и боится меня огорчить. Я его утешала, говорила, что у нас еще очень много денег осталось; осталось еще 50 золотых, а это ведь очень большая сумма при наших обстоятельствах. Федя весь вечер был очень скучен и раздражителен; он, видимо, потерял всякую надежду, и на него напало такое уныние, что мне было его чрезвычайно жаль. Я же была очень спокойна, потому что ведь с сегодняшним выигрышем вернулось почти все, что с нами было при нашем приезде сюда. А мой идеал — это сколотить 60 монет, да с ними прожить до отъезда. Вот это ⟨было бы весело⟩ все, что я желаю, и тогда я была бы очень, очень довольна и спокойна. Я пораньше отправилась спать, видела различные сны и, между прочим, то, что я прихожу на почту, и мне говорят, что мне есть письмо. Потом видела ужасно много разного вздору и проснулась довольно рано. Поздно ночью Федя приходил со мною прощаться и говорил мне чудные вещи о том, как он меня любит.

Пятница, 12 июля (1 июля)

Сегодня я встала часов в 10 и, как говорит Федя, должно застучала сапогами, так что разбудила и его, а он, бедный, лег в 4 часа, именно в то время, когда у нас внизу, в кузнице, начали выколачивать какую-то

[7*] В курсе (*фр.*).

коляску. (Ведь угораздило же нас найти квартиру над кузницей. Вообще мы выбираем места обыкновенно ужасно шумные; так и в Дрездене, во все время, как мы там жили, на нашей улице мостили мостовую, а потому в 4 часа утра подымали такой сильный шум и гам, что спать решительно не было возможности. Что за напасть за такая!) Впрочем, я не обращаю внимания на шум в кузнице, так как уже привыкла к нему; ну, а Федя, тот примечает, потому что он реже меня бывает дома. Меня это очень огорчило, потому что я знаю, что, недоспавши, Федя делается капризным и раздражительным. Напились кофею, причем и кофе ему не понравился. Потом Федя пошел на рулетку, взяв с собою 5 золотых, а меня просил в это время сходить за конвертами и сургучом. Я сейчас же отправилась и купила большую пачку сургуча за 24 крейцера и пакеты за 12 крейцеров. Не успела я прийти домой, как воротился Федя; сказал, что проиграл, и просил дать еще 5 золотых; я ему сейчас же дала (осталось 40). Скоро он опять пришел, опять проиграл, и на этот раз просил меня дать ему 10 золотых. Мне было его жаль, и я дала, хотя осталось мало, всего 30 золотых. Я ему сказала, что пойду гулять, потому что не хочется сидеть дома, Федя ушел в вокзал, а я пошла по направлению к новому Schlossweg[8*]; здесь я вошла по прямой лестнице, ступеней в 220, в Новый замок, где гуляла несколько времени. Как там хорошо! Это небольшой сад, но удивительно хороший. Высокий сумрачный замок на горе, с небольшим, но красивым подъездом, под которым висит матовая лампа. Пред замком стоят высокие, темные сосны и ели, вся стена обвита плющем, таким мрачным, что придает удивительную прелесть стене. Недалеко терраса с видом на горы. Несколько дальше идет отличный сад, который находится под замком; в нем целые аллеи обвиты розами. Мне это удивительно как понравилось. Потом я пошла из Нового замка в Старый, в котором я еще ни разу не бывала. По дороге, на распутье двух дорог, стоит столб, на котором находится орел, держащий голубя. Это, вероятно, герб, означает границу какую-нибудь. Здесь находится колонна (колодезь?), вокруг которого идет скамейка. Я посидела на ней и спросила девочку, которая тут бежала (вязала?), где дорога к Старому замку. Она мне указала и тотчас же попросила подарить ей сколько-нибудь. Это попрошайничество ужасно развито здесь везде; просто поминутно попадаются просящие подарить им что-нибудь. Я дала ей 1 Kr. Тут ко мне подошел какой-то мальчик, предложивший мне нанять осла, чтобы прогуляться. Запросил за один час 42 Kr., за 2 часа по 30 Kr. Я сказала, что в другой раз воспользуюсь этим, прошла несколько далее, села на скамейку и, отдохнув немножко, отправилась домой, потому что было уже 4 часа, и Федя, вероятно, дожидается меня обедать. Но Феди дома еще не было, а когда пришел, то сказал, что проиграл все, и взял еще 10 монет (осталось 20). Мы пообедали, но сегодня дали нам обед прескверный, как никогда, как будто знали, что мы в неудаче, так что мы остались голодные, и Федя дал денег, чтобы купить еще порцию телятины и котлет. За обедом Федя был удивительно нежен и добр ко мне. Потом пошел на рулетку и выиграл 30 золотых, так что у нас опять оказалось 50, но пять он оставил себе и вечером их проиграл в то время, когда я ходила на почту за письмами. Получила письмо от Стоюниной, адресованное на Дрезден, из которого оно и переслано. Она много говорит в письме

[8*] Дорога в замок (*нем.*).

о своей девочке, которую, видимо, очень любит. Я этому очень рада и письмо прочитала с удовольствием. Вечером мы пошли на рулетку и проиграли эти 5; сначала Федя взял 4, а 5 дал мне, сказав, чтобы я ни за что не отдавала ему их, а когда проиграл все 4, то обратился ко мне, чтоб я дала, иначе ему придется идти домой за деньгами. Ну, я, конечно, дала, а он и проиграл. Когда мы воротились домой, то Федя начал говорить, что надо бы нам что-нибудь сладенького, и вызвался сходить разменять деньги и купить чего-нибудь, для того, чтобы иметь деньги завтра отдать хозяйке. Он отправился и пришел, принеся свечи, лимоны (так как он знал, что меня сегодня тошнит и поэтому хотел устроить лимонад), апельсинов 4 штуки по 9 Kr. за штуку, сыру и даже, что меня очень удивило, купил мелкого толченого сахару. Такая заботливость просто поразила меня,— решительно я у него живу «как у Христа за пазухой». Меня даже смех берет, когда я вижу, что он отправляется за покупками и приходит, нагруженный свечами или сыром. Он очень любит хлопотать, заваривать чай и даже, как видно, делает это с удовольствием. Он очень, очень милый человек, мой муж, такой милый и простой, и как я счастлива. Мы весело напились чаю, поели сыру, апельсинов и устроили лимонад, очень вкусный. Пред сном были опять нежные, добрые разговоры. Я заснула очень покойная, потому что иметь хоть эти 44 золотых в кармане очень приятно, хотя бы это было и не надолго — гораздо лучше, чем иметь всего 2 золотых и не знать, как прожить остальное время.

Суббота, 13 июля (2 июля)

Сегодня мы встали довольно рано, и я сейчас же заплатила хозяйке за квартиру 5 флоринов; три она уже получила, а мы платим всего 8 флоринов в неделю. Она была, кажется, этим очень довольна. Пока я стала прибираться и пошла на почту отнести письмо Каткову[6], которое Федя, наконец, написал, он отправился на рулетку, но скоро вернулся, проиграв взятые 5 золотых. Я дала ему еще 8; одним словом осталось 30. Он очень долго не приходил. Я все это время читала ⟨...⟩ и даже принималась шить, но мне было удивительно как грустно. Я даже не могла понять этого ощущения: мне до всего все равно, как будто не мое дело, что бы там ни случилось. Меня ничего не радует, моя веселость пропала бог знает куда. Мне никуда не хочется, я бы даже не особенно обрадовалась, если б мы выиграли бог знает какую сумму: так мне было до всего все равно. Мне не хочется ничего делать, ни шить, ни писать, ни читать (правда, читать решительно нечего); Федя советует мне ходить в читальню, которая находится при вокзале; говорит, что туда ходят читать женщины. Я, разумеется, думаю туда сходить, но меня как-то все ничего не радует. Мне кажется, приезжай хоть мама,— человек, которого после Феди я люблю больше всего на свете,— и приезд ее меня не слишком бы обрадовал. Я бы, кажется, все лежала на постели с закрытыми ставнями и ничего не думая (?). Эта такая апатия, от которой я решительно не знаю, как мне избавиться. Даже ехать отсюда мне решительно не хочется; даже тяжело подумать, что надо будет опять укладываться, опять ехать, а на дороге меня опять будет тошнить,— лучше даже и не думать о дороге. Наконец, пришел Федя; сначала сказал, что плохо, а затем показал мне полный кошелек. В нем было 61 монета, что с нашими 30 составит ⟨91⟩ монету золотых. В числе их Феде попалась одна монета в 40 франков, которую ему еще ни разу не давали. Эту монету, как обыкновенно, он хотел отложить, но потом подарил

мне, так что я теперь владелица золотой монеты в 40 франков. Но, к досаде, я не могу ее никуда употребить, потому что все-таки на нее буду рассчитывать в случае нужды; а то я бы непременно купила себе брошь или что-нибудь хорошее. Федя рассказывает, что ему удивительно как везло, так что все удивлялись его счастию: куда ни поставит — все выигрывает. За ним обыкновенно становится какой-то англичанин и ставит туда, куда ставит Федя; а Федя замечал, что когда он поставит и посмотрит при этом на англичанина, то непременно выиграет: такое уже счастливое лицо у этого человека; он говорит, что такое доброе и милое, что непременно приносит с собою выигрыш. Они не понимают друг друга, потому что Федя не говорит по-английски, а тот, вероятно, не говорит по-французски, но при ставках всегда как-то разговаривают мимикой, что бывает (я представляю себе) очень смешно. Федю там уже знают, и до такой степени, что официанты обыкновенно подставляют ему кресло. Ему бы следовало дать что-нибудь официантам, которые так услужливы к нему, но он, кажется, ничего еще им не давал. А одна какая-то дама вот уже два раза, как заметил Федя, уступает ему свое место. Пока я складывала монеты в кушак, Федя отправился за сластями. Немного погодя явилась женщина, которая принесла целую корзинку абрикосов, вишен, крыжовника (Федя знает, что я люблю крыжовник), слив и рейнклодов,— так называется плод в честь Reine Claude, какой-то королевы. Женщина почтительно спросила у меня корзину, а когда я сказала, что у нас еще одна корзина остается, то мне ответила, что эту корзину возьмет тогда, когда господин придет еще раз за фруктами. На рынке его уже знают; там стоят три торговки, и Федя непременно купит у каждой из них что-нибудь; у одной фрукты, у другой букет, у третьей ягоды. Женщина ушла, и через минуту пришел Федя и принес новый букет. Сегодняшний букет был удивительно как хорош: посредине белые и пунсовые розы и окружены Fleur d'orang' ем, что представляло очень хороший вид и давало прелестный запах. (Какие здесь торговки обманщицы, например, они всегда запросят за букет один флорин (60 Kr.); Федя всегда предложит им 30 Kr. 《30 коп.》 и они уступают. Они говорят, что уступка оттого, что Федя постоянно у них берет; но разве ради знакомства можно уступать 30 Kr. (30 коп.); это уже слишком много; а все-таки это скверная привычка — запрашивать.) Я была очень рада букету, а особенно внимательности мужа ко мне. Федя зашел за вином и опять показал букет. Здесь хозяйка магазина, у которой он считается знакомым, спросила его, давно ли он женат, и он отвечал, что пять месяцев. Я думаю, она удивилась, что вот уже люди живут пять месяцев вместе, а муж носит своей жене букеты; ей, может, даже смешно, а я счастлива. Но вино я купила прежде него, так что это останется до завтра. Мы очень весело пообедали, и обед оказался гораздо лучшим; принесли даже рыбу, чего еще ни разу не приносили нам. После обеда Федя пошел поиграть, взяв с собою 8 штук (80 у меня в кушаке, 2 у меня и 1 истратили). Перед уходом мы дали нашей Мари один флорин, и она была этому очень рада; я думаю, что у ней никогда не бывает денег, и это ей сильно поможет. Я отправилась погулять и хотела дойти до Lichtenthaler Allee и для этого отправилась по Lichtenthalerstrasse. Шла очень далеко и много, наконец, вышла к той самой аллее, по которой мы недавно ходили по направлению к началу речки, но тогда мы не знали, как эта аллея называется. Я решилась пройти до конца аллеи, шла очень долго, пока, наконец, не дошла до католического мужского монастыря. Я вошла во двор, прогулялась немного и потом повернула домой. Идти

мне было ужасно как много, я шла быстро; сначала это было для меня ничего, но потом сделались сильные боли в нижней части живота, так что я даже испугалась, чтобы чего не случилось. Федя меня дожидался в аллее, как говорит, уже давно; деньги он проиграл, а все оттого, что сзади его стоял какой-то богатый поляк с полячком, по-видимому, как это всегда водится; полячок ставил очень немного талерами, но говорил на целые золотые; как, например: он прибавлял, что непременно выйдет на средние, а если не на средние, то на первые, а если не на первые, то на последние; понятно, что что-нибудь да следует выйти. Это так рассердило Федю, что он небрежно ставил ставки и проиграл. Мы пошли домой, и Федя сначала меня побранил, зачем я так долго, но потом, когда узнал, что у меня болит немного живот, очень испугался и выбранил, зачем я скоро шла, что он мог преспокойно подождать еще много времени, а спешить было не для чего. Потом он предложил мне пройтись к музыке и предложил взять 5 золотых; делать было нечего, 5 золотых взяты, хотя я была вполне уверена, что они будут проиграны, потому что ими нельзя выиграть (?). (Насчет нас существуют многие приметы: куда мы ни приезжаем, непременно переменяется погода и из постоянной хорошей погоды делается удивительно непостоянная и дурная. Это было замечено: 〈1)〉 в Москве, в Берлине, в Дрездене и, наконец, по приезде сюда. 2) Когда мы подходили к музыке, музыка непременно прекращается,— это тоже замечено во многих случаях.) Я забыла сказать, что сегодня, когда Федя много выиграл, его встречает Гончаров[9*], который вздумал пофанфаронить и показать, что он здесь не играет, а так только, а поэтому он спросил Федю, что такое «passe» и сколько на него берут. Ну разве можно поверить человеку, которого видели по два и более часов на рулетке, что он не знает игры; ну, а нужно показать, что, дескать, «этим мы не занимаемся, а предоставляем другим разживаться таким способом»[6]. Гончаров спросил Федю, как идут его дела. Федя отвечал, что прежде проиграл, а теперь воротил и даже с небольшим барышем, при этом показал ему полный кошелек. Гончаров, я вполне уверена, передаст это Тургеневу, а Тургеневу Федя должен или 50, или 100 талеров, поэтому как бы я была рада, если б удалось отдать Тургеневу здесь же, не уезжая, потому что иначе каким образом Федя успеет отдать эти деньги, когда мы приедем в Россию.

Мы пошли на музыку, но сегодня она была из рук вон плохая. Зашли на рулетку, и по обыкновению проиграли, после чего Федя сделался удивительно мрачен; меня это ужасно как досадует, что теряется от этого весь вечер. Вышли из вокзала и стали гулять. Федя тут показал мне своего счастливого англичанина; он мне показался удивительно 〈...〉 человеком, каким-то как будто забубенным гулякой, шляпа набекрень, но смешное лицо. Мы долго гуляли; сегодня очень много разных мастеровых, приказчиков, которые преважно разваливаются на стульях и, вероятно, в это время воображают себя гораздо лучше всех в Бадене. Под конец стали играть такую скверность с прибавлением еще чуть ли не кастаньет или вроде осыпки орехов, так что мы не выдержали и ушли. (Я в теперешнем настроении духа с удовольствием согласилась бы не ходить на музыку. Право, это было бы лучше, а то где пустое гулянье, тут разряженные барыни,— просто мне надоедают. У меня ведь тоже есть самолюбие,— не хочется быть одетой хуже какой-нибудь барыни, которая и вся-то, может быть, меня не стоит, а тут приезжает разряженная,

[9*] Знаменитый писатель (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

а я ходи в старом черном платье, в котором мне ужасно как жарко и которое, вдобавок, нехорошо. Но что же делать, если так надо.) Пришли домой и стали пить чай, но мне сделалось ужасно как тошно. Я легла на постель, а Федя много раз подходил ко мне и утешал меня, называя меня страдалицей; жалел, что я все страдаю, говорил, что ему меня ужасно как жалко и прочие милые вещи. Говорил с восторгом о будущем ребенке. Его участие для меня очень, очень утешительно. Потом тошнота дошла до рвоты и меня довольно много вырвало. Федя вошел в ту комнату, где я была; я просила, чтоб он не входил, потому что меня рвет и ему будет неприятно, но он отвечал, что ему вовсе не противно, тем более, что он знает причину, отчего это происходит. Легла я часов в 12 и чувствовала себя очень нездоровою: тошнота — просто ужас и боль в нижней части желудка. Придя прощаться, Федя говорил мне, что если б нам удалось сколотить немного денег, то ехать бы сначала по Рейну, а оттуда бы в Париж, где пожить бы дней этак с 8, а оттуда бы в Женеву. Вот было бы очень хорошо. Ах, если б это исполнилось, но я не надеюсь на такое счастье.

Воскресенье, 14-го июля (2-го или 3-го,— не знаю)

Утро сегодня прекрасное, хотя ветреное. Встали довольно рано, особенно я,— просыпалась в 7 часов, но в 10 опять уснула. Мне не давали уснуть ребятишки хозяйки, которые ужасно ревут. Я просто никогда не слыхала таких крикливых ребят, как у нее. Сегодня Федя встал сердитый и со мной поссорился. Ужасно рассердился на детей и несколько раз передразнивал их, как они ревут, что выходило ужасно как смешно. Потом взглянул на меня и видит, что я смеюсь, он расхохотался и сказал: «Фу, какая ты смешная! На тебя сердиться нельзя, ты так хорошо смеешься!» Сегодня Мари, несмотря на то, что ей дали вчера деньги, не особенно старательна, и, по обыкновению, ужасно долго все делает. Просыпаясь, мы имели 75 в кушаке и 2 у меня. Федя отправился играть, хотя я предчувствовала, что сегодня обойдется очень дурно, тем более, что видела сон, будто бы мы все проиграли. Он взял сначала 7, потом воротился и, проиграв, взял еще 8, но и тем была такая же честь. Затем еще раз вернулся, пока я никуда не уходила, и взял 10. Потом недолго поиграл, пришел сказать, что и эти проиграл, и просил меня дать ему еще 10. Осталось 40 всего, дала и эти, а сама пошла гулять, но ходила не слишком долго. Пошла по прямой лестнице в Новый замок, но на половине дороги должна была остановиться, потому что сильно устала и едва могла дышать. Потом взобралась еще выше, еще несколько времени сидела, так что ходила очень немного, а устала страх как. Пришла домой, как обещала, в 4 часа; Феди не было. Наконец, в 5 он пришел и ужасно был расстроен. Ему было страшно досадно, что еще недавно у него у руках было 44 монеты, но он все спустил, потому что не умел вовремя остановиться. Мне самой это было немножко досадно. Мы пообедали очень невесело, хотя я старалась изо всех сил его утешать. Потом он взял еще 5 (осталось 37), ушел, а я пока сходила на почту. Писем нет. Федя воротился домой и сказал, что и эти проиграл, просил еще 5, сказав, что если эти проиграет, то больше играть сегодня не будет и дает мне слово, что больше сегодня не спросит. Действительно мне представлялось, что сегодня будет несчастный день, и это так и случилось. Я дала ему 5 (осталось всего 32, но и с этим еще можно жить, тем более, что у нас накуплено много съестных припасов). Федя ушел и еще не приходил, я пишу и не знаю, что еще выйдет. Мне кажется, что он эти

деньги непременно проиграет,— сегодня уж такой несчастный день; не следовало бы совсем и ходить, потому что сегодня страшная толкотня, множество народу, разных подростков, все толпятся, толкаются, места нельзя найти порядочного. Не знаю, что и писать. Против нашего дома живет какая-то девочка, которая удивительно похожа на Лялю [10*]: так же здоровается, как он, так же смеется, как он,— просто Ляля да и только. Особенно, когда она бывает без сетки, а так зачесана под гребенку, просто мне кажется, что это не девочка, а мой Лялька. Под моим окном находится конюшня, а пред нею коляска, в которую обыкновенно вечером запрягают лошадь и отправляются на железную дорогу для извозу. Упряжь здесь довольно простая, делается [11*] очень просто. Я всегда припоминаю при этом наших извозчиков, которые так усердно должны стараться и так долго копаются, чтобы запрячь лошадь, между тем это делается здесь так просто. Здесь коляски обыкновенно покрываются белыми и красными покрывалами, вязаными или просто, как занавесочки на спинке и сиденье, и это представляет чистый вид. Как бы это было хорошо завести у нас, у наших извозчиков, у которых такие грязные сиденья, что неприятно и сесть. Уши у лошадей украшены большими белыми наушниками, что мне кажется смешно: не знаю, зачем это? Так как здесь приходится часто ездить по гористой местности и по гористым улицам, то обыкновенно, спускаясь, подкладывают под заднее колесо деревянную штучку, которая прикреплена к коляске железною цепью. Таким-то образом она движется вниз, а сойдя на плоскую местность, обыкновенно эту деревяшку вынимают, и коляска катится свободно. Я забыла, что сегодня была на здешнем кладбище; это очень небольшое кладбище, но удивительно спокойное; мне кажется, здесь так хорошо лежать. На меня опять нашли грустные мысли; от них меня отвлек маленький щенок, который вдруг, ни с того ни с сего, захватил мое платье и начал его грызть. Я вырвала платье и погрозила зонтиком; щенок сначала испугался, но потом побежал за мной и начал играть с моим зонтиком, начал валяться, прыгать и хватать меня за платье и так долго играл, пока, наконец, его не взял какой-то баденец на руки и не унес домой. Сегодня я ужасно как ошиблась: Федя сегодня не проиграл, а выиграл, именно выиграл 43, так что у нас с моими 32 очутилось 75; 72 он мне оставил, а 3 взял себе и непременно торопил меня идти на прогулку, говорил, что ничего 〈.....〉 и что гулять ужасно как хорошо. Придя, он извинился, что заставил меня ждать, и просил не сердиться, как будто я когда-нибудь сержусь на него. Я поспешно оделась, и мы отправились; сначала погуляли, а потом пошли на рулетку. Сегодня, странное дело, мне ужасно скучно показалось стоять у рулетки, несмотря на то, что Федя тут ставил. Он поставил один на passe,— это выиграли, сделалось 4, потом поставил еще груду серебра и на него золотой и проиграл; он переждал несколько времени, потом поставил 6 монет на последние 12 и выиграл 3 золотых монеты и еще несколько серебра. Тогда я стала просить, чтобы он ушел, потому что мне скучно. А собственно-то мне хотелось уйти с выигрышем хоть раз, потому что я заметила, что если пойду с Федей, то он непременно проиграет, ну, а раз нужно было сделать так, чтобы он при мне не проиграл, а ушел хоть с небольшим выигрышем. Когда мы сосчитали, то оказалось, кроме наших взятых 3 золотых монет, еще 75 франков. Я очень была этому

[10*] Мой племянник, Вс. П. Сватковский (*Примеч. А. Г. Достоевской*).
[11*] *Надписано сверху:* запрягается.

рада, и когда мы проходили мимо книжного магазина, предложила Феде зайти туда. Мы зашли и у приказчика (у которого клоп ползал по светлому жилету) просили показать книг. Мы выбрали два тома романа Gustave Flaubert «Madame Bovary», роман, про который Тургенев отнесся, как про самое лучшее произведение во всем литературном мире за последние 10 лет. Потом спросили Charras[7], но нам сначала подали историю 1813 года, а не 1815. Мы чуть-чуть ее не купили,— вот бы было хорошо; потом отыскался и 1815 год. Взяли за все книги 10 Фединых и от меня 1 франк (франк равняется 28 Kr.). За «Bovary» взяли 2 фр. 50 сант., а за Charras — все остальное. Федя тут же хотел купить мне Octave Feuillet[8], но потом спросил ⟨.....⟩[12*]. Так и не купили. Книги нам обещали прислать завтра утром, а одну часть Федя взял с собой и теперь. Вышли, пошли прогуляться и встретили Гончарова. Остановились на несколько времени поговорить. Мне почему-то кажется, что Гончаров непременно проигрался[9]; он говорит, что пробудет здесь недели с две, потому что поджидает одного человека. Он стоит в гостинице «Европа» по два флорина в сутки и платит за обед тоже два флорина, а дают ему, кажется, 8 блюд. Мы несколько времени поговорили и пошли по рядам. Федя предложил что-нибудь купить. Сначала думали купить детям хозяйкиным игрушек для того, чтобы они не шумели и не кричали. Но игрушки здесь слишком для них хороши,— не стоят они того. Федя предложил мне купить портмоне, я согласилась и стали выбирать. Был какой-то странной формы, круглый, но трудно отворяющийся, я бы его непременно очень скоро потеряла, а потому я выбрала обыкновенный, красной кожи с матовым золотом. За него спросили 6 1/2 франков, отдали за шесть. Мне он очень понравился. Пошли домой. Дома я просила Федю положить что-нибудь в портмоне для того, чтобы деньги водились; он сказал, чтоб я положила туда мои 40 франков. Но, во-первых, это были данные прежде, а во 2-х — ведь эти 40 франков не вечны и скоро выйдут, а нужно, чтоб монетка тут всегда сидела. Пришли домой, напились чаю, и я поскорее легла спать. Потом Федя пришел и очень дружно со мной беседовал,— говорили о ребенке, которого так оба желаем. Ночью, когда Федя совершенно заснул, он начинает вдруг будить меня: «Аня, Аня, Аня, Анечка». Я, наконец, просыпаюсь, и он спрашивает, что это со мной. Я говорю, что ничего. Он же мне отвечает, что будто бы я ужасно как его позвала, точно со мной что-нибудь случилось, и поэтому-то он меня и разбудил. Вот уж совершенно так не понимаю, отчего это я звала его.

Понедельник 15 июля (3-го июля)

Сегодня я проснулась опять в 7 часов; мне решительно не дают негодные ревы спать; один из них так плакал всю ночь, да не просто плакал, а как-то вопил и заливался больше для собственного удовольствия, чем из нужды. Когда они меня разбудили, я сначала хотела заснуть, но не удалось, и я стала читать «Madame Bovary»; чрезвычайно интересно. В 9 часов мы по обыкновению встали, я больше лежала, потому что меня сильно тошнит, а Федя встал и много ходил по комнате. Сегодня мимо нашего дома все проезжали коляски или кареты, наполненные

[12*] В тексте пропуск почти в строку. Вероятно, к нему относится сделанное на этой странице без соотнесения с текстом примечание А. Г. Достоевской «Книга называется ⟨.....⟩. Ф. М. очень ценил это произведение и несколько раз перечитывал».

дамами в черных платьях; в то же время в церкви начали звонить. Как потом мы узнали, сегодня в католической церкви происходила панихида по расстрелянном императоре Максимилиане[10]. Бедный государь, как я его жалею; какой прекрасный, твердый человек,— не хотел оставить престола, лучше желал умереть, чем вернуться и быть изгнанным принцем. Я хотела было пойти в церковь, но было чрезмерно жарко, да я бы и опоздала.

В 12 часов Федя отправился на рулетку, имея 6 золотых с чем-то, но он довольно скоро пришел, сказав, что проиграл (это ничего); он просил у меня 10, я дала. Он пошел и очень-очень долго не приходил. Наконец, пришел чрезвычайно печальный и сказал, что проиграл. Я стала тотчас же его утешать, говорить, что это ничего не значит, что это пустяки, но он мне вдруг сказал: «А не хочешь ли подарок», и вынул свой кошелек[13*]. В нем было 50 монет, да еще много серебра, а оставалось у меня 62, потому 16 взял (78 – 16 = 62). Федя приложил к моим 62-м еще 40 золотых монет = 100, да 2 у меня. А 10 монет и серебро взял к себе в кошелек, немного побыл дома и отправился за фруктами, но, впрочем, дал мне слово, что не пойдет на рулетку. Мне кажется, если пойдет, то непременно проиграет, потому что еще теперь взволнован. Не знаю, исполнит ли он свое слово, или нет. Когда я писала это, то позвонил колокольчик; я выглянула из окна и увидала здешнего должно быть чиновника, который с колокольчиком в руке звонил. Тотчас же высунулись из окон и дверей жители, и он начал читать по маленькой записке какое-то известие; прочитав, перешел на 2-й угол, где тоже зазвонил и читал. Федя, однако, удержался и не сходил-таки на рулетку, где, разумеется, проиграл бы, потому что не проиграть нет никакой возможности. Это уж такая примета: если ты выиграл, да к тому же выиграл много, то, придя в этот же день или сейчас, непременно проиграешь. Поэтому-то я и не советовала ему ходить, и он мне дал слово. Но так как его долго не было, то я и решила, что не миновать ему этой приметы. Наконец, он пришел, но ужасно озлобленный, а за ним мальчик принес корзинку с фруктами. Этот мальчишка меня ужасно как раздосадовал. Они уже привыкли, чтобы Федя давал им что-нибудь, и поэтому он остановился; хотя я отдала ему корзину, он не двигался с места, ожидая подачки. Я дала ему и поскорее выпроводила вон, потому что я терпеть не могу, когда у нас кто-нибудь чужой в квартире. Это меня выводит из терпения, и я ужасно как раздражаюсь. Федя принес сегодня очень много персиков, абрикосов, вишен, крыжовнику, слив и, к моему большому удовольствию, груш. Нынче, когда я прохожу мимо грушевых деревьев, я всегда с завистью смотрю на плоды. Мне ужасно как хочется их поесть, а они тут как тут и есть. Федя был несколько раздражен тем, что не играл. Сели мы обедать, но сегодня меня ужасно как раздосадовало то, что я ничего не могла есть из принесенного,— тошнило до невозможности. Потом я все-таки стала есть суп с вермишелью, он мне понравился, а потом принялась за горох. Гороху Федя не ел, ему остался судак; только я и давай есть да есть горох, как самое лучшее кушанье. Просто не

[13*] У Федора Михайловича всю жизнь была привычка сначала огорчить человека, а затем сильно обрадовать. Так, за границей, когда мы с ним бедствовали и с нетерпением ждали получки денег, он, получив их, тем не менее, возвращался с почты печальный и как бы подавленный. Я принималась его утешать, а он шел в переднюю или к хозяйке и приносил оставленные у ней сладкий пирог, фрукты и разные съестные припасы, о которых мы долгое время только мечтали и которыми он спешил обрадовать меня и семью, как только получал деньги (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

надивлюсь на себя, так у меня меняются вкусы. За обедом мы разговаривали о моих вкусах; и я сказала Феде, что мне ужасно хочется то, чего здесь ни за что не достанешь, а что можно достать в России в каждой лавочке,— именно рыжиков, которые мне мерещатся даже во сне. Вот бы, кажется, их-то я бы очень хотела поесть, а их-то и достать нельзя.

После обеда, в 6 часов, Федя отправился на рулетку, а я осталась дома, приготовляясь идти тоже погулять, потому что сегодня еще не выходила, но немного погодя пришел Федя, сказав, что проиграл 10 золотых, данных ему мною (100 − 10 = 90). Я дала еще 10, осталось 80. Федя меня упрекнул, зачем я никуда не иду, а сижу дома, и просил поторопиться куда-нибудь пойти. Я отправилась сначала на почту, писем не получила, а оттуда на железную дорогу, и здесь узнала, что в Страсбург ходит в 8 часов утра поезд, который приходит туда в половине одиннадцатого. Следовательно, если бы я туда утром поехала, то я могла бы попасть прямо к 12 часам,— именно к этому времени, когда (процессия) фигуры[14*] приходят в движение,— и могла бы воротиться в этот же день часа в 4. От железной дороги я воротилась домой и пошла на бульвар, думая, что встречу Федю, который всегда, не найдя меня дома, дожидался меня на бульваре; но его не было, да и домой он не приходил. Я немного посидела; вдруг сделалась сильнейшая гроза. Сначала вдали, над вокзалом, разверзлись небеса и заблистало золотое пламя, потом оно подвигалось все больше и больше и разразилось это над моей головой. Я сначала отходила от окна, но потом подумала, что суда божьего не избежать, и если мне суждена смерть, то она меня постигнет, если я даже спрячусь под периной, а гораздо благоразумнее ничего не пугаться. Я стала молиться, чтобы бог спас меня с ребенком и Федю, который, как я думаю, теперь в вокзале. Грозы я не испугалась, но досадовала, что Феде придется там остаться долгое время. Но дверь быстро отворилась, и пришел Федя, которому я очень обрадовалась. Он мне сказал, что подумал, что я испугаюсь грозы, расхвораюсь, заболею, а поэтому побежал из вокзала; бежал очень быстро, но на половине Promenade должен был остановиться, потому что сделалась сильная одышка, и сердце закололо, и он принужден был идти тихо. Он пришел так запыхавшись, что просто ужас; я поскорее подала лимонаду, и он сел отдохнуть. Дождем его нисколько не замочило. Мне это было очень приятно, что Федя боялся, что я испугаюсь, и пришел домой. Сначала он мне сказал, что все проиграл; я сказала, что это ничего, и он мне показал как бы вроде 7 или 8 серебряных монет, но потом предложил, не хочу ли я порадоваться 〈...〉, и вынул портмоне. В нем оказалось, когда мы стали считать при блеске непрекращавшейся молнии, оказалось, как я помню, 70 монет, которые я тотчас же и положила вместе с нашими остававшимися 80 (70 + 80 = 150), всего 150 монет, или 3000 франков. Кроме того у Феди в кармане оказались еще две 40-франковых монеты, да еще несколько золотых и 35 франков серебром. Молния была так сильна, что вся наша улица была освещена розовым цветом, и молнии как бы перелетали чрез нее. Но скоро буря перестала. Феде так и не сидится на месте. Он спросил меня, не надо ли чего-нибудь купить. Он нынче ужасно как любит ходить за покупками, так что совершенно избавляет меня от

[14*] В Страсбургском соборе имеются часы, внутри которых находятся фигуры 12 апостолов. В 12 часов выходит процессия св. апостолов и проходит на виду у публики. Путешественники к этому часу собираются в собор смотреть процессию (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

этого затруднения. Я сказала, что нужно сыру, апельсинов и лимон. Он отправился, но обещал не заходить на рулетку, между тем его так и подмывало зайти. Но прошло довольно много времени, и уж чай был подан, а Феди все нет, так что я просто начала думать, что он не мог удержаться и пошел на рулетку. Наконец, он явился, имея полные карманы, нагруженные разными разностями. Сначала отдал сыр, апельсины и лимон, потом вынул из кармана бутылку, и я даже не могла догадаться, что бы это такое было. Что же оказалось,— мое любимое, моя мечта — рыжики! Ну, это так муж! милый муж, что достал для жены в Бадене русских рыжиков. Это уж такая заслуга, которую, право, надо помнить (?). Потом Федя вынул из кармана бутылку с клюквой, которую тоже здесь достал, потом икры, горчицы французской, одним словом, все, что я только люблю. Ну, не мило ли это, ну, не прекрасный ли у меня муж; если бы только да это одно составляло мое счастье, а то ведь сколько еще есть прекрасных достоинств, которые так и заставляют привязаться к нему всем сердцем. Я была обрадована 〈...〉 бог знает как. Оказалось, что Федя как-то заметил лавку, в которой было много разных товаров, и где он раз купил чаю. Ну, этакий, не помнящий ничего человек да вдруг припомнил, как надо идти, сначала направо, потом налево, наконец кое-как нашел и спросил,— нет ли у него грибов; тот отвечал, что есть, и сейчас же принес целую связку сухих грибов. Федя сказал, что ему надо сырых, тогда тот отвечал, коверкая по-русски слова, что у него есть «рыжики». «Ну вот, их-то мне и надо»,— сказал Федя и взял бутылку. Потом торговец сказал, что у него есть и клюква, тоже по-русски,— Федя взял и клюквы. Я была бог знает как рада всему этому и была на восьмом небе. Просидели мы довольно долго, потом я легла и очень скоро заснула. Когда Федя пришел проститься, то мне сказал, что минут за 20 до этого я вдруг начала что-то такое говорить, говорила много и долго, но понять было нельзя. Я, право, никогда не знала за собою привычки говорить ночью; я полагала, что я именно этим-то и отличалась от Маши[15*], которая всегда говорит ночью, часто по-французски или по-немецки.

Вторник, 16/4 июля

Проснулась в 7 часов — разбудили меня скверные ребятишки, которые то и дело ревут. У нас было сегодня 166 золотых, следовательно, можно быть спокойной насчет жизни. Федя отправился на рулетку и взял с собою 20. Он долго не возвращался, и я думала, что он проиграл. Наконец, он пришел очень взволнованный и сказал мне, что с ним была история: именно он поспорил с каким-то господином, монету которого Федя нечаянно загреб. Когда тот Феде это заметил, то Федя тотчас же отдал, извинился и сказал, что это случилось[16*] по рассеянности. Но господин сказал, что «это было вовсе не по рассеянности». Тогда Федя подошел к нему и хотел его отвести в сторону, чтобы с ним объясниться. Но господин отвечал, что «теперь это все кончено». Тогда Федя при всей публике назвал его подлецом, и тот этим не обиделся. Федя был в выигрыше около 40 монет, но этот случай так его раздражил, что он начал играть без расчета и проиграл эти деньги. Он пришел домой, чтобы просить дать ему еще 20, которые он хотел непременно проиграть для того, чтобы показать, что он вовсе не ходит с целью выиграть, а ставит

15* Моя сестра (*Примеч. А. Г. Достоевской*).
16* *Надписано сверху:* было.

большими кушами и проигрывает. Он хотел взять 30, но я дала только 20 (осталось у нас 126), но и это было очень хорошо. Федя скоро воротился и сказал, что проиграл. Мы пообедали очень взволнованные, и он пошел опять, взяв с собою еще 20, но на этот раз ужасно скоро воротился, потому что сказал, что сколько ни ставил, он решительно все проигрывал, так что ему даже ни разу не дали (осталось 106). Потом взял еще 20 и эти проиграл, потом еще 10, потом еще 10, так что мы даже не ходили с ним и гулять в вокзал. Под вечер у нас осталось всего только 66 монет.

Я ходила гулять на гору за вокзалом и оттуда слушала музыку, которая была сегодян удивительно как хороша. Но потом мне показалось, что около церкви дым, и я воротилась домой, посмотрела, увидала, что все благополучно, и пошла вновь на гору; гуляла немного, но гулять одной ужасно скучно. Я воротилась домой и была ужасно как грустна, целый день. Писем не присылают, такая досада, просто ужас. Федя хотел переменить квартиру, потому что ему не дают спать наши кузнецы, да и дети кричат так немилосердно, что просто я и не знаю, что и делать. Вечером я умоляла Федю уехать из Бадена, но он ни за что не согласился и даже на меня рассердился. Ах, зачем мы не уехали вчера!

Среда, 17/5 июля

Сегодня утро пасмурное. Федя, отправляясь, взял с собою 10, которые он сейчас же и проиграл; потом пришел за другими и взял на этот раз еще 10, да еще 6 double-louis-d'or, которые он мне подарил, и сказал, что так как он выигрывает постоянно на trente et quarante, то, может быть и выиграет. Я дала, но он проиграл (осталось 40). Потом сходил еще раз, взяв 5, а я пошла в Новый замок по высокой лестнице. Тут я просидела, я думаю, более часу, читая книгу «Madame Bovary». Потом поднялась к замку, чтобы идти в Старый замок, но так как было уже 4 часа, то раздумала это сделать и поспешила домой обедать. Феди еще не было, но он скоро пришел. Сказал мне, что все проиграл уже давно, заходил сюда, но меня не было, а потому он отправился в читальню и читал русские газеты, подробрости о смерти Максимилиана. После обеда, который был сегодня недурен, Федя отправился, взяв еще 5, тотчас же проиграл и воротился еще за 5-ю. Когда он ушел, я отправилась погулять и пошла за папиросами, а оттуда на почту, а Федя, уже успев проиграть, увидал меня издали проходящей чрез площадь и поспешил за мною вслед. Впрочем, я и сама видела его, но мне нарочно хотелось проволочить время, чтобы не дать ему еще 5. На почте писем нет. Пошли домой еще за 5-ю, которые были также проиграны, так что когда Федя пришел домой, то у нас оказалось всего капиталу 20 золотых. Федя пришел довольно поздно и рассказал мне, что с ним была опять история. Какой-то очень высокий и толстый господин начал его толкать, Федя ему это заметил; тот отвечал, что рулетка — для всех. Федя сказал ему, чтоб он не брал чужого места. Тогда господин сказал, что «это не кончится для него так, как в прошлый раз»; очевидно, он намекал на трусость того господина и говорил, что в другой раз Феде это так не пройдет. Федя в стороне слышал, как кто-то сказал: «Началось!», следовательно, очень может быть, что Федю считают за человека, который всех задирает. Это уж слишком нехорошо, потому что при следующей «истории» Феде могут заметить круперы, что он постоянно затевает истории, и тогда придется перестать ходить на рулетку. Федя говорил, что если бы у нас было 40 золотых, то мы бы сейчас же и уехали отсюда.

Я бы этому была очень рада, тем более, что меня сильно начинают пугать эти истории. Да и Федя какой странный, как это он обижается на то, что его толкают. Ведь понятно, что всякий старается протесниться к столу, а поэтому бывает толкотня. Он ведь говорит же, что там часто происходят разные истории и часто ужасные грубости говорят друг другу, и это все ничего.

Сегодня принесла прачка белье; здесь все ужасно как дорого стоит вымыть. Напр.: моя белая юбка, которая была уже вымыта в Дрездене, но ее не успели выгладить, за нее взяли с одной только фалбалой — 24 Kr, а с двумя — так 30 Kr. и больше. Прачка мне сказала, что ведь в Бадене всего только в году и бывает народу, что два месяца, так и надо же им и ⟨запастись⟩ воспользоваться за весь год. Если же берут белье из отеля, то берут за одну юбку 1 1/2 флорина, т. е. 75 копеек. Каково это? Это просто грабеж, больше ничего.

Четверг, 18/6 июля

Сегодня у нас было утром 20 золотых, — это слишком маленький ресурс, ну, да что делать, может быть, как-нибудь и подымемся. Федя отправился, а я осталась дома, но он скоро пришел, сказав, что проиграл взятые 5, и просил еще 5; я дала и осталось 10; он пошел и проиграл и эти 5; взяв еще 5, он воротился, и сказал, что и эти проиграл, и просил у меня один золотой. У нас осталось 4. Я дала 1 золотой, Федя пошел, но через 1/4 часа воротился, да и где же было держаться с одним золотым. Мы сели обедать очень грустные. После обеда я отправилась на почту, а Федя пошел играть, взяв с собою еще 3. Остался всего только один. Я долго ходила по аллее, поджидая его, но он все не приходил. Наконец пришел и сказал, что эти проиграл, и просил дать ему сейчас же заложить вещи. Я вынула серьги и брошь и долго, долго рассматривала их. Мне казалось, что я вижу их в последний раз. Мне это было ужасно как больно; я так любила эти вещи, ведь они мне были подарены Федею. Это была, кажется, единственная вещь, которой я так сильно дорожила. Федя говорил, что ему больно и совестно смотреть на меня, что он отнимает от меня дорогие для меня вещи, но что же делать, ведь мы знали, что так и будет. Тайком от него я прощалась с милыми вещами, целовала их; потом просила Федю пойти заложить их на месяц, сказав, что я пошлю попросить у мамы денег, чтобы выкупить эти вещи, потому что так потерять их мне не хочется. Федя стал предо мной на колени, целовал меня в грудь, целовал мои руки, говорил, что я добрая и милая, что еще и нездоровая, и что лучше меня нет никого на свете. Федя пошел, но когда он вышел за дверь, мне сделалось до того тяжело, что я не могла удержаться и ужасно расплакалась. Это был не обыкновенный плач, это было какое-то рыдание, при этом сильная боль в груди, и боль эта не проходила даже и от слез; слезы нисколько меня не облегчили. Мне было так грустно, так больно, до невыносимости. Я всем завидовала, я всех находила счастливыми; казалось, что только мы одни были так несчастливы. Мне все казалось ужасно, грустно, тяжело. Я не столько опасалась проигрыша денег последних, как того, что все будет так пусто, так тяжело, все эти драмы и заботы. Что ни о чем нельзя будет думать, что каждую минуту мысль будет обращаться на то, что у нас накануне было 160 золотых; мы были безумцы — не уехали, и вот теперь нет ни одного. Я то ложилась на постель, задыхаясь от рыданий, то вставала и ходила по комнате и громко-громко рыдала. Я только один раз помню, что я так плакала — это именно перед свадьбой, но тогда со мной была

мама[11], тогда мне было, кажется, легче, а здесь я совершенно одна, нет моей мамочки, которая могла бы меня утешить чем-нибудь. Я до того приходила в отчаяние, что думала, что схожу с ума. Я боялась ужасно, чтобы Федя не пришел; мне желалось, чтоб он подольше не приходил, потому, придя, он скажет, что проиграл и что мы потеряны. Сегодня мы еще с ним шутили, и он говорил мне по-немецки: «Wir sind verloren»[17*]; мы смеялись, а теперь я была в таком отчаянии, что решительно не знала, что мне и делать. Я ужасно вздрагивала и чуть не падала в обморок, когда входила Мари: я думала, что это приходит Федя. Минутами мне казалось, что лучше бы Федя не приходил дня три, если не больше, а я бы это время пролежала где-нибудь в темной комнате или бы проспала все это время. Я страшилась встретиться с Федей,— мне было бесконечно его жаль. Господи, как мне было тяжело; не знаю, часто ли у меня в жизни будут такие страшные минуты. Прошло часа три и, пожалуй, даже больше, наконец Федя пришел. При звуке колокольчика я даже вскочила с места. Он мне сказал, что все проиграл, даже полученные за заложенные серьги деньги. Федя сел на стул и хотел посадить меня к себе на колени, но я стала пред ним на колени и стала его утешать. Тогда Федя сказал мне, что это в последний раз в своей жизни он это делает (играет), что уж этого никогда более не случится. Федя облокотился на стол рукою и заплакал. Да, Федя заплакал; он сказал: «Я у тебя последнее украл, унес и проиграл». Я стала его утешать, но он все плакал. Как мне было за него больно, это ужасно, как он мучается. Федя сказал, что получил за серьги 120 франков, но взяли процентов 5 фр., значит всего приходится заплатить 125 франков (на месяц). Потом мы несколько времени сидели на диване, обняв друг друга. Мне было ужасно тяжело, я была точно убитая. Потом Федя предложил до чаю сходить погулять, сходить за папиросами. Я согласилась, и мы пошли и несколько раз прогулялись по аллее. На сердце было ужасно тяжело, невыносимо больно. Федя говорил о различных проектах, что нам теперь сделать, чтобы поправить наши дела. Федя говорил, что два раза заходил к Гончарову, хотел ему открыться и просить 100 талеров, сказав, что в месяц успеет выслать ему. Но каждый раз не заставал его дома. Потом Федя говорил о Каткове, но как к нему писать, а особенно из Бадена,— ясно, что Федя проигрался. Это нехорошо. Эх, были мы дураки, что сегодня еще утром не уехали из Бадена, когда было 20 золотых; еще возможно было жить в Женеве. Когда мы пришли домой, мы легли на постель рядом, и Федя начал мне говорить о различных проектах, которыми мы могли бы поправить свое дело. Федя думал обратиться к Аксакову, предложить ему сотрудничество[12]. Сначала он хотел обратиться к Краевскому[13] и просить у него денег, обещая выслать роман в 10 листов к январю. Но мне казалось, что это просто невозможно. Это слишком много работы, тем более, что ему не справиться с романом для Каткова. Мы долго и грустно разговаривали. Мне было тяжело на Федю смотреть. Да и с ним было тяжело; без него я могу хоть плакать, но при нем у меня совершенно нет слез: я плакать не могу а это слишком тяжело. Мы просидели до 11 часов и решили, что завтра Федя пойдет попробует на последний золотой счастья; может быть, как-нибудь и подымемся. Я ушла спать и, к счастью, заснула; Федя меня разбудил в 2 часа прощаться, и я была так рада, что мне удалось опять скоро заснуть. Я боялась не спать, потому что эти грустные думы так и приходят на ум,

---

[17*] Мы пропали (*нем.*).

и ничем мне их не отогнать. Мне всегда в это время представляется, что я бесконечно счастлива, что вышла за него замуж, и что это-то, вероятно, мне и следует за наказание. Федя, прощаясь, говорил мне, что любит меня бесконечно, что если б сказали, что ему отрубят за меня голову, то он сейчас бы позволил,— так он меня сильно любит, что он никогда не забудет моего доброго отношения в эти минуты. (Как-то вечером Федя мне сказал: «Как мне тебя не любить, ведь вас теперь двое; я очень люблю тебя, а нашего ребенка заранее обожаю».)

Пятница, 19/7 июля

Сегодня я проснулась ужасно рано,— кажется, часов в 6, и просто испугалась. Ну, что я теперь буду делать; мне все приходят эти грустные мысли на ум, и я желаю теперь поскорее заснуть. Мне кажется, что лучше ничего не могло бы теперь быть. Я накинула ⟨на⟩ себя тальму, мне сделалось жарко, и я заснула. Так я проспала до $^1/_2$ 11-го. Проснулась я оттого, что вдруг увидела Федю, который сидел у меня на постели и смотрел на меня. Я спросила, что он? Он отвечал, что пришел на меня посмотреть, что я так долго сплю. Мы поговорили немножко, и я встала. Но я сегодня опять нездорова, меня опять тошнит (а вчера утром так и рвало жестоко). Я встала. Федя был такой жалкий. Потом часу в первом он взял один золотой, и я еще дала ему из скопленных одну пятифранковую монету, и пошел с ними на рулетку. У меня было отложено 4 флорина, я ему их отдала. У нас в доме осталось 5 флоринов, но за обеды не заплачено за 3 дня, а завтра придется платить за квартиру, но чем? Федя ушел, но потом воротился и сказал, что все проиграл. Он заложил по дороге свое обручальное кольцо за 20 франков, но, как назло, не взял ни одного удара. А какое у нас было маленькое желание,— всего только хоть взять 2 или 5 монет, и мы были бы счастливы. Но это нас наказывает судьба за то, что мы были тогда недовольны, когда у нас было 160 монет, и хотели больше. Но, видит бог, я большего не хотела; большего хотел Федя, и для кого? Не для себя, а для этих недобрых людей, которые его так мучают. Ведь ничего бы из выигранных денег мы не получили, а все бы пошло на них, это уж так. Мы сидели еще более опечаленные; что теперь делать, что заложить? У меня есть кружевная мантилья Chantilly. Я отдала ее Феде; он понес ее к ювелиру, но тот отвечал, что берет лишь золотые вещи, а в других вещах толку не понимает, а потому и не берет. Он указал другого какого-то Weissmann, который этим занимается. Федя туда заходил, но дверь была заперта. Тогда он воротился домой, весь измокший от дождя, который, как назло, сегодня так и идет, как из ведра. Потом Федя еще раз сходил до обеда, но опять не застал дома. Наконец, пообедав, он отправился; я поручила ему также зайти на почту. Федя скоро воротился и сказал мне, что этот закладчик таких вещей не принимает. Он дал адрес M-me Etienne, магазин которой находится на площади. Федя заходил туда, но самой не застал, а застал сестру, которая сказала, что она не знает, возьмет ли сестра, но чтобы он пришел завтра утром, в 10 часов. Тут Федя видел кружевную косынку, называемую Lama. Он спросил, что стоит; сказали ему, 48 гульденов. Потом Федя полежал несколько времени очень грустный и пошел на рулетку, взяв с собою мое обручальное кольцо, которое он также заложит. Ну, разумеется, из этого ничего выйти не может: на какие-нибудь три пятифранковые монеты много не разгуляешься. Федя был весь день сегодня ужасно грустный. Мне это тяжело видеть, тем

более, что ничем тут помочь не могу. Я просила Федю, чтобы он пошел в читальню и посидел там, потому что ему ужасно как скучно сидеть дома. Он давеча говорил: «Вот я тогда уходил, и мне было очень весело, а тебе-то каково было, каково было сидеть в такой тюрьме!»[14] Да, действительно, было ужасно тяжело, но все-таки не так, как теперь. Немного спустя, я тоже пошла погулять, дошла до вокзала и посмотрела в окно читальни. Мне показалось, что у стола сидит Федя; потом я опять прошла мимо. Действительно, это был Федя, который сидел, облокотившись на локоть, и читал газету. Я прошлась еще немного, но пошел дождь, и я воротилась домой. Дома делать ничего не могу, на ум ничего не приходит, кроме этой неотвязной тоски, которая меня так и гложет, так и мучает, и не с кем мне ее разделить, а ведь переносить одной ужасно трудно, еще тяжелее. Феде же я не могу ничего говорить, потому что я знаю, что и ему очень тяжело, так зачем же увеличивать эту тягость тем, что постоянно тосковать о своей тоске; я ведь могу и одна вынести. Поэтому я стараюсь быть веселой, даже смеялась и рассказывала ему анекдоты. Федя сказал мне, что «это очень хорошо», что «это показывает довольно высокий характер — не унывать в беде, а, напротив, сохранять как можно больше бодрости». Но когда я пришла с прогулки домой, мне сделалось до того тоскливо, что я решительно не знала, что мне и делать. Боже мой; что бы я, кажется, ни дала, чтобы тут была мама; как бы мне тогда было легко. Я знаю, одно ее присутствие было бы для меня утешением. Но от моих даже и писем нет; все это меня ужасно как терзает. Я так много плакала, просто ужас. Наконец, я встала и помолилась богу, потому что я надеюсь, что он даст мне силы перенести все это. Господи, да такие ли бывают несчастия, это ли можно назвать несчастием; зачем же быть такой малодушной? Но тоска, действительно, гложет до невозможности. Хоть бы Федя пришел поскорее,— при нем я плакать не могу. Но у меня и слезы-то теперь нехорошие; они меня нисколько не облегчают, от них не становится совершенно легко на душе, как бывало от прежних слез. Мне и хочется, чтобы пришел Федя, потому что тогда становится легче, и не хочется, потому что я вижу, ему ужасно тяжело и скучно. Делать нечего — поневоле приходится думать о нашем положении. Я несколько времени молилась, а потом успокоилась. Наконец, я не выдержала и отправилась куда-нибудь пройтись, да кстати и зайти купить кофею и сахару, которых у нас нет. Я уже запирала дверь, но на лестнице встретила Федю, который шел и, как мне показалось в темноте, нес букет. Мне сейчас же представилось, что он, чтобы порадовать меня, вздумал купить букет и истратил полгульдена, который я ему дала. Вот было бы хорошо,— на завтра есть нечего, а он покупает букеты. Но Федя сказал, что несет и плоды. Я отворила дверь; он подал мне букет, очень красиво расположенный, какой-то коронкой, с белыми и розовыми розами. Федя просил меня не думать, что принес мне золота, но одно только серебро. Но я была до того рада, что он хоть сколько-нибудь выиграл, и решительно не желала большего выигрыша. Федя подал мне два кольца (мое второе было тоже заложено за 20 франков) и рассказал мне, что получил за него четыре талера и одну пятифранковую монету и с ними отправился на рулетку. Талеры он все проставил, осталась одна пятифранковая монета; он поставил ее и пошел в гору. Дошел до 180 франков, потом опять спустился до 7, опять поднялся, опять спустился до 3 и т. д. Наконец, когда наиграл около 180 франков, то ушел от рулетки. Из вокзала он опять зашел к нашему доброму немцу, которому и отдал 2 золотых за 2 кольца. Тот очень удивился и спросил: «Неужели

вы наиграли эти деньги на только что полученные?» Федя отвечал, что да. Немец сказал: «Не играйте, иначе вы все проиграете». Вообще он был страшно удивлен, что Федя мог выиграть такую сумму и в такое короткое время, и предлагал ему выкупить теперь свои вещи, но Федя отложил это до другого раза. Вероятно, этот старичок тоже поплатился на рулетке и дал себе заклятье, несмотря на близость соблазна, никогда не решаться ставить ни одного талера, и твердо исполняет свое слово, а также и всех предостерегает от этого порока. Вообще Федя очень дружен с этим немцем, и тот, вероятно, нам и еще поможет. Федя говорит, что с огромной радостью покупал мне букет, потому что накануне он плакал, говоря, что больше не принесет мне ни букета, ни плодов, а вот теперь ему и удалось это сделать. Мы поставили букет в воду и пошли прогуляться, а также купить провизии. Сначала мы зашли за сигарами, а потом в магазин, где берем кофе (36 Kr., сахар 20 Kr. за фунт, свечи 36 Kr.) и купили полфунта сыру чудесного, какого я еще и не едала. Пока мололи кофе, мы отправились прогуляться, рассуждали и были ужасно довольны нашим положением. Да, разумеется, какое же сравнение со вчерашним днем. Теперь, по крайней мере, мы имеем чем заплатить завтра за квартиру,— 8 гульденов, не надо стыдиться хозяйки, что у нас нет денег; купили себе припасов больше, чем на половину недели, а главное, не нужно ходить к Гончарову и просить его дать сколько-нибудь на прожитие; заплачено за 3 обеда, за которые я еще не платила, и получим возможность выкупить платки. Да, ведь это все сделано хоть с очень маленькими деньгами, но ведь это облегчение. Мы очень радостно поели сыру, напились чаю и поели фруктов. Дали также и Мари, которая очень милая девушка,— ребенок страшный, поминутно хохочет, но, надо отдать ей справедливость, ужасно долго как все делает. Да, мы еще избавлены от необходимости идти завтра к M-me Etienne закладывать мантилью, что тоже большое счастье, потому что, может быть, она очень мало бы что дала, а, может быть, и совсем бы ничего не дала.

Суббота, 20/8 июля

Сегодня утром я рано встретила хозяйку в коридоре и отдала ей 8 гульденов; она была несколько сконфужена, получив эти деньги; вообще она конфузится, когда ей приходится получать деньги за квартиру. Потом я отдала нашей Мари 2 франка. А когда Федя пошел в вокзал, я отправилась выкупать платки. За них я заплатила за метку $1^1/_2$ флорина. M-me была так любезна, что показала мне какую-то парижскую новость,— платки с крошечными точечками,— говоря, что это самая последняя новость в Париже, и предлагала мне купить, за каждый платок по одному флорину 30 Kr. Со мной были деньги, но я подумала, что, может быть, они понадобятся на другое, и потому не купила, но надеюсь, что если Федя выиграет, то я буду непременно просить его купить мне такой платочек. Я заходила и на почту, но ничего не получила. Федя же отправился на рулетку, взяв с собою 80 франков, то есть 16 монет, а один золотой остался у меня. Но воротился и сказал, что проиграл, и просил ему дать эту последнюю золотую монету. Я отдала, и Федя отправился, но, разумеется, и ее проиграл,— не было никакой возможности выиграть: ведь не идет же такое сумасшедшее счастье человеку. Тут, как Федя говорит, он встретил одного знакомого 〈...〉, который очень вертелся около Феди, заговаривал с ним, хотя Федя решительно его не признавал. Молодой человек объявил, что ненадолго приехал сюда, но что уедет

с Гончаровым. Федя мне накануне рассказывал про одного русского, который у рулеточного стола стоял и просил своего знакомого дать ему денег, но тот отвечал, что не даст, потому что тот непременно проиграет. Теперь Федя и припомнил, что просивший деньги и был этот самый молодой человек. Федя немного с ним поговорил и они расстались. Не люблю я этих гордецов,—такие они пошлые, думают о себе невесть что, а, право, ни гроша не стоят. Так и этот мальчишка[15]. Федя воротился домой просто убитый. Что было делать? Мы стали перебирать вещи, что можно было продать, или заложить, и остановились на моей меховой шубке. Федя отправился к одному меховщику, которого вскоре и привел с собою, но тот, осмотрев шубку, сказал, что она порядочно вытерта, и что поэтому он ее не купит. Делать было нечего, решились ее оставить за собою. Он советовал ее везти, говорил, что если мы поедем по Швейцарии, то шубка отлично нам пригодится. Когда немец ушел, Федя отправился и заложил опять наши кольца, но на этот раз счастливое мое кольцо, выручившее вчера Федю, не помогло, и Федя проиграл. Так мы очутились совершенно без денег, с обедами не заплаченными еще, но, слава богу, хоть то, что за квартиру заплачено и закуплены некоторые вещи, как-то: чай, кофе и сахар. Потом Федя отправился по разным магазинам и всем предлагал кружевную мантилью, но везде отвечали, что этим не занимаются, отсылали к другим и даже не удостаивали посмотреть на вещь, так что Федя проходил часа 3 по всему городу, а толку не добился. Все его отсылали к этому Weismann, про которого они говорили, что у него есть банк, что он все принимает. Федя под конец отправился к нему; тот встретил его на лестнице, где он, кажется, бранился с одной дамой, но Федю он ввел в кабинет и сказал ему, что он таких вещей не принимает, а исключительно одни золотые, что он прежде занимался этим, но это невыгодно. Он все-таки осмотрел вещь и показал своей сестре. Тогда они объявили, что сегодня он ничего не может сделать, а что если Федя хочет, то пусть придет завтра в 11 часов, к M-me Etienne, которая оценит косынку, и тогда он скажет, желает ли он дать что-нибудь под нее, или нет. Таким образом, мы еще не знаем, даст ли он что-нибудь, или нет. Наше положение зависит теперь от Weismann'a. Федя говорит, что он теперь будет довольствоваться 2—3 пятифранковыми монетами (чтобы дожить до присылки денег), выиграет и уйдет непременно прочь, потому что иначе играть нельзя, иначе мы пропадем, что теперь следует нам несколько увеличить наши средства и тогда думать о лучшей игре.

Мы хотели идти гулять, а мне хотелось зайти в читальню, но пошел сильный дождь, который помешал мне выйти из дому. Пока Федя ходил, я смотрела из окна и видела здешние похороны. Сначала ехала пустая коляска, я не знаю для кого. Потом шел мальчик с черным небольшим крестом, который был прикреплен на высокой палке. За ним шли два мальчика в черных одеждах и в небольших белых кофтах, которые несли: один—кадило, а другой—какую-то вещь, которой я решительно не знаю назначенье. Затем следовал, вероятно, ксендз в черном одеянии и в белой кофте, вышитой на подоле. Он нес в руке книгу и читал ее. (На голове у него была какая-то ⟨....⟩ конечная шапка.) Сзади него шел, должно быть, псаломщик, тоже с книгой. Потом шел мальчик с большим крестом, обвитым флером. Затем уже следовали самые дроги, по сторонам которых (сели?) шли 4 факельщика с высокими зажженными свечами. Дроги же представляли из себя большой ящик, кажется, желтый, который был разрисован разными знаками. В этом ящике и находился

гроб. Позади гроба шли мужчины, кажется, по 2 в ряд, а после мужчин шли женщины в трауре, тоже по 2 в ряд. Впереди всех шла жена покойного и ее сестра, которые горько плакали. Как после оказалось, покойник был какой-то г. Noth, который оставил после себя 5 человек детей, но и некоторое состояние. Мы просидели вместе с Федей, дружно разговаривая, до 11 часов, когда начали звонить в колокол. Это, кажется, couvre feu, то есть старинное обыкновение, заставляющее гасить огни.

Воскресенье, 21/9 июля

Сегодня я нарочно разбудила Федю пораньше, чтобы он не опоздал к Weismann. Тот мог сказать, что он Федю ждал, и уйти, так что все дело бы пропало. Он пошел, а я ⟨все⟩ в это время молилась, чтобы только он мог заложить эту вещь, и чтобы она не пропала. Я даже смерила, сколько было аршин,—7 аршин и широкое кружево (косынка) (также 33 зубцов [18*] и, кажется, 14 зубцов в косынке). Федя, наконец, пришел и принес 3 золотых, то есть 60 франков. Он мне рассказал, что когда пришел к лавке Etienne, она была заперта; пошел к Weismann, и он заперт. «Ну,—подумал он,—все кончено», но однако же он встретил Weismann'a на улице, и тот предложил ему вместе идти к Etienne. Они подождали несколько времени, пока лавка ее была отперта, и пока она воротилась от проповеди. Потом Weismann пошел один к ней в магазин и, возвратившись, сказал, что эта вещь не модная, что это больше уже не носят, но что он согласен дать 60 франков на один месяц, сказав, что «если по прошествии месяца не выкупите, то вещь непременно пропадет». Он заранее сказал Феде, что за золотые вещи дает только $^1/_4$ стоимости. Следовательно, она оценила ему мантилью франков в 300, если не более; следовательно, им будет очень выгодно, если она им останется. О, господи, не допусти до этого! Мне так больно даже и подумать об том, что вещь, которая была так дорога для меня, вещь, которую мы с мамой с таким трудом приобрели, может пропасть за какие-нибудь 15 рублей. Я пошла в это время на почту и хотела уже отдать там мое письмо к нашим, в котором я бранила их ужасно за долгое молчание и также просила прислать несколько денег, чтобы выкупить мантилью, но когда я прочла их письмо, то чуть было не расплакалась. Одна какая-то девица все время смотрела на меня, пока я читала свое письмо, все следила за выражением моего лица. Мне было невыразимо тяжело. Мама мне объявила, что К. не может более держать мебель и хочет ее оставить у себя, если мы ее не выкупим; что Быстроумов уже наведывается к маме за деньгами, и вообще много неприятных вещей. Я была так убита, что едва не расплакалась на почте, но когда я пришла домой, то дала волю своему горю и ужасно много плакала. Действительно, лишиться мебели, которая была мне подарена папою и дана мамою, которая так много стоила нашему семейству, мне было слишком тяжело [16]. Мне кажется, лучше бы было перенести какую-нибудь тяжелую болезнь, чем это несчастное положение. Я ужасно много плакала и решительно не знала, на что решиться. Наконец, пришел Федя; он вошел очень бледный и стал предо мной на колени. Он сказал, что все кончено: что он все проиграл, что у него было уже 45 франков, но что он не удовольствовался и все проиграл. Это ужасно как поразило его,—я просто начала бояться, как бы припадок с ним не случился. Я сказала ему, что получила письмо от мамы, и рассказала ему свое горе. Он выслушал меня и тогда решил, что

[18*] *Так в подлиннике.*

нужно будет просить Каткова прислать эти деньги маме, чтобы она могла выкупить мебель, а потом ее заложить и деньги прислать нам. Но так как у нас решительно теперь нечем жить, то мы покамест должны будем просить у мамы, чтобы она дала нам 50 рублей на прожитье. Так мы и порешили. Я села писать к маме, описала все наше скверное положение и просила помощи. После обеда Федя несколько времени лежал и раздумывал, как ему быть: сходить ли к Гончарову сейчас, или же подождать и пойти к нему завтра утром, часов в 10, когда он только встает, потому что когда бы только Федя к нему ни приходил, никогда не заставал его дома, ну, а теперь он мог застать его за табльдотом. Федя хотел просить у него ⟨.....⟩ золотых. Я ему советовала лучше идти теперь, чтобы не трудиться завтра так рано, и тогда он может не застать его тоже дома. Федя пошел, пришел в отель «Европа», но там ему сказали, что Гончаров еще обедает, и просили зайти чрез 15 минут. Он пошел погулял и пришел именно в то время, когда тот уже выходил из отеля. Первый вопрос Гончарова был: «Ну, что, как ваши дела? Мои уж слишком плохи, плохи! Я вчера дал одному господину 500 рублей взаймы, а он их проиграл; я взялся играть за него, выиграл ему целую кучу золота, но он все спустил». Тогда Федя сказал ему: «Я к вам насчет одного дела. Я решительно проигрался,— до последней копейки. Третьего дня у меня было 160 золотых, а сегодня нет ни одного гульдена. Поэтому я пришел у вас попросить 3 золотых». — «Сколько, сколько?» — вскричал Гончаров. Федя повторил, что три золотых.— «Ну, столько-то я могу всегда ссудить»,— отвечал тот,— «но никак не больше, потому что я и сам еду через неделю в Париж, следовательно, мне деньги нужны». Федя отвечал, что ему нужны деньги только для домашних расходов, пока ему пришлют из России, а что через неделю он непременно ему отдаст. Гончаров тотчас же вынул из кармана кошелек и дал Феде 3 золотых. Федя сказал, что это будет ему совершенно довольно на карманные расходы, пока придут деньги из Петербурга, но обещал ему непременно вернуть их через неделю. Так они расстались, очень сконфуженные друг другом[17]. Федя сказал, что заходил к нему третьего дня, но уже по другому случаю,— именно, он хотел отдать Гончарову деньги, прося его передать их Тургеневу (ах, зачем он не сделал этого, как хотел), и вот теперь что случилось,— и у самого нет. Гончаров отвечал, что он с удовольствием взялся бы за это дело. Потом Федя просил его не говорить никому; тот отвечал, что, конечно, никому не скажет. Таким образом, Федя принес домой деньги — 3 золотых, но тотчас же оделся и отправился в вокзал, сказав, что будет доволен, если у него будет хоть 3 пятифранковых монеты, то он непременно уйдет. Я долго ждала его. День был великолепный, но я никуда не заходила, да и все эти дни мне никуда не хочется идти. Я много плакала и молила бога, чтобы он нас спас. Я была почти уверена, что Федя проиграет эти деньги: ну, много ли это 12 монет, как раз можно их спустить. В это время мимо наших окон проехало несколько колясок, в которых сидели разряженные гости, и, наконец, коляска, в которой на переднем плане сидела какая-то дама в померанцевом венке на голове и мужчина, тоже с померанцевым венком на груди; напротив них сидела какая-то дама, державшая на руках маленького ребенка. Мари мне объяснила, что это происходило крещение в церкви, и что мать крестная должна непременно иметь на голове венок из цветов, а крестный отец — букет. Федя пришел, кажется, часов в 8 и объявил мне, что выиграл 3 пятифранковых монеты, но одну тут же и разменял и купил фруктов, но когда захотел заплатить торговке

деньги, то оказалось, что ему в рулетке дали нечаянно вместо пятифранковых монет два по два гульдена. Одна из этих монет в 2 гульдена была, как сказала торговка, очень редкая. Федя отдал ее мне, да еще одну пятифранковую монету на расходы. Я была этому очень рада и тотчас же отдала Мари за 2 обеда, за которые мы были должны. Таким образом, у нас снова очутилось 12 монет, данных Гончаровым. Федя говорил, что как только он вошел в вокзал, как сейчас же и встретил там Гончарова, так что ему было очень неловко. Потом Федя просил меня приодеться, и мы отправились к вокзалу; сегодня народу удивительно как много, так что была просто толкотня. Мы походили несколько времени и пошли в кабинет для чтения; там дам уже не было, потому что был вечер, но сидело несколько мужчин. Мы тут посидели с 10 минут, и я читала «Северную Пчелу»[18]. Федя показал мне, как входить в читальню, так что в другой раз я могу отправиться одна. После мы воротились домой и хоть с несколько спокойным сердцем пили чай. Но какое это было спокойствие: вещи заложены, Гончарову должны, а между тем завтра же эти деньги будут проиграны. Я сегодня, пока Федя ходил к Гончарову, отправила письмо маме, в котором просила ее о деньгах. Как мне было невыразимо больно писать это письмо: я знаю, что бедная мамочка непременно подумает, что мы в крайней нужде, и будет страшно страдать за мою участь. Добрая, милая мамочка, как она нас любит и как бы она желала для нас счастья, а то эти вечные лишения, эти вечные просьбы денег от нее так и показывают ей наше незавидное материальное положение, хотя она и знает, что я очень счастлива, потому что Федя меня любит.

Понедельник, 22/10-го июля

Мы встали сегодня утром с тяжелым чувством боязни, что эти деньги будут проиграны. Обыкновенно Феде никогда не удается выиграть, когда он пойдет в первый раз. Мы это очень заметили. Обыкновенно самые удачные для него часы — это от 2-х до трех, а потом вечером, около 6 часов. Федя отправился, а я уже приготовилась к тому, что эти деньги будут проиграны. Действительно, Федя говорит, что когда он пришел, то неудача была страшная: именно 4 раза сряду было zéro, ну как же тут было ставить? Он думал, что ведь, наконец, zéro перестанет выходить, а между тем оно так и выходит. Ну, разумеется, и проиграл. Мне было невыразимо тяжело; я просто вышла из себя и несколько раз говорила: «О, подлость, подлость, проклятие!» Действительно, было очень тяжело, обидно как-то, что мы до такой степени несчастны, что даже не имеем возможности выиграть хотя бы только на наши ежедневные нужды. У меня в кошельке была одна пятифранковая монета, один двухгульден и еще очень немного мелочи. Федя взял у меня эту пятифранковую монету и пошел, но вскоре воротился, потому что сейчас же ее проиграл. Делать было нечего; конечно, следовало эту монету оставить на наше житье, но этого мы не сделали. Он просил меня дать ему остальную монету, я отдала, и он пошел. Тогда я стала молиться и просить богородицу помочь мне, как она мне постоянно помогала, чего я совершенно не заслуживаю. Я была как-то уверена, что Федя непременно выиграет. Мне казалось, что если у меня будет эта вера, то выигрыш несомненен. Я была так твердо убеждена в этом, что когда Федя вошел, я сказала себе: «Он выиграл». Действительно, он сказал, что поставил на эту редкую монету и выиграл, потом еще и, наконец, на нее наиграл 17

двухгульденников, но потом, спустив 5, когда у него осталось 12, ушел домой. Это были почти те же самые деньги, которые он взял у Гончарова. Я была невыразимо рада этим деньгам, потому что мы могли бы ими прожить несколько времени. Принеся 12 двухгульденников, Федя взял у меня два и сейчас же пошел на рулетку, хотя я ему решительно этого не советовала, потому что я заметила, что когда он шел на рулетку по выигрыше, ему не удавалось выиграть ни одного гульдена. Но он говорил мне, что ему нужно выиграть на бутылку вина, и что он будет совершено доволен. Федя отправился, но скоро с досадой воротился, потому что проиграл. Мы разменяли один гульден на вино и разности, а у него осталось 9 серебряных монет, с которыми он и пошел после обеда играть. Во время его отсутствия приходил ко мне какой-то старый, очень глупый немец. Он назвал себя Александром Мейером и спросил, нет ли старых вещей. Я ему показала сапоги и платье мое синее. Он все меня упорно спрашивал, сколько же моя цена. Я отвечала, что мне никогда не случалось продавать, а что пусть он сам скажет, что это стоит. Но он мне все продолжал совершенно по 〈....〉 говорить: «Сколько же вы хотите?» Потом он сказал мне, что такое, как мое платье синее, можно купить за 2 гульдена новое, что он человек бедный, что ему можно уступить, потому что ему нужно для его жены и т. д. Но я сама теперь почти нищая, и благотворительности, право, не могу делать. Мы долго с ним толковали, но решительно ничего не вышло, потому что он мне сказал, что придет еще через 14 дней, так будем ли мы еще здесь? Наконец, он ушел.

Пришел домой Федя, проиграв все, так что у нас ни гроша не осталось. Федя был в совершенном отчаянии, говорил, что погубил меня, что теперь все пропало, и был в таком сильном отчаянии, что я не знала, как его и утешить. Наконец, он, как и я, решил, что больше ходить на рулетку незачем, что это решено, что на рулетку он больше не пойдет; потому что это было видимо, что судьба не хочет, чтоб мы что-нибудь выиграли; ведь давалось же в руки счастье,— было 168 золотых, мы не хотели удовольствоваться, так пусть же нам ничего не будет; сколько ни закладывай вещей, сколько ни занимай,— все будет проиграно. И теперь решено, что на рулетку ходить нельзя. Ведь сегодня было покойно нам. Божия матерь нам помогла, дала нам 17 гульденов, а потом 12, но мы не умели их ценить, мы захотели больше, так вот теперь и наказаны. Этими 24 гульденами мы могли бы очень долго жить, именно до присылки денег, и как было бы хорошо. Но что ж теперь было делать? Федя заходил по дороге к одному меховщику, но его дома не было; обещали, что будет дома завтра. Жена этого человека Феде очень понравилась,— она очень простая и добрая, так что, может быть, дело сладится и нам удастся продать шубу. Но сегодня, кажется, что Федя принял твердое решение не ходить больше на рулетку,— не знаю, на сколько времени у него станет этого решения. Федя говорит, что когда ставит монету, то у него сейчас же в голове мысль: «Вот это Ане на хлеб, это ей на хлеб». Я не знала, как и утешить Федю, и предложила ему, несмотря на позднее время, идти гулять, но уж, конечно, не к вокзалу. Мы вышли из дому и отправились к Новому замку, дошли до церкви и потом по крутым ступеням подошли к Schloss Staffeln. Когда мы взошли наверх, то оттуда смотрели на этот проклятый дом, на эту проклятую рулетку, которая заставила нас так много страдать. Мы очень долго гуляли там, и мне очень понравилось. Был тихий прекрасный вечер, так что я с удовольствием гуляла. Потом зашли в сад замка

и оттуда пошли по дороге, где обыкновенно ездят экипажи, и шли от скамейки до скамейки и непременно несколько времени сидели и отдыхали, потому что я нынче очень скоро устаю. На одной скамейке мы застали, должно быть, жениха и невесту или не знаю как сказать. Они сидели в очень интересной позе и, видимо, были недовольны нашим приходом, но, впрочем, мы недолго сидели, и как только я несколько справилась, тотчас пошли домой. Когда мы стали подходить к дому, то Федя сказал мне: «Вот уже начинается город, и мы, пожалуй, и дома будем скоро». Я же ему показала, что мы уже у ворот. Это его так удивило, что он сказал: «Удивительная ты женщина, как это ты верный путь отыскала, чтобы дойти до дому». Я ему сказала, что в то время, когда он уходил, и я тоже уходила гулять, поэтому я много и знаю. Федя все упрекал себя, зачем он все это время оставлял одну; что он уже две недели здесь, а окрестностей совершенно не знает; что мало того, что деньги, но и времени сколько пропало. Пришли мы домой; тяжело было ужасно,— все разрушено, делать нечего, ни читать не хочется, да и нет нового, все уже перечитано, работать тоже не хочется, все мысли переходят на то, как мы теперь проживем, что мы теперь станем делать, как будем жить.

Вторник, 23/11 июля

Сегодня Федя встал довольно рано, чтобы идти к меховщику, но уже не застал его дома. Но ему дали там девушку, которая пришла к нам и взяла от нас салоп, а после полудня сам Федя сходил к меховщику; тот оказался добрым, но себе на уме немцем, осмотрел салоп и объявил, что больше 8 гульденов не даст. Делать было нечего, пришлось это взять, а между тем этот салоп на меху, на лисьем, и стоит, я думаю, рублей 30, если не более. Федя просил дать хоть 10 гульденов, но тот не согласился, и Федя решил взять 8. Шубка осталась у меховщика, а Федя пришел домой. Дал он ему талерами, а Федя уже заметил, что на талеры ему никогда не счастливилось,— вечно он проигрывал. Он получил 4 талера и 3 взял с собою, а мне один оставил на кушанье. Он был уверен, что теперь он выиграет. Следовательно, его решимости хватило только на один день, а затем опять желание выиграть, опять обогатиться. Федя пошел и, разумеется, проиграл. Потом воротился домой и просил меня дать ему этот последний талер, хотя у меня и ничего больше не оставалось. Я его убеждала этого не делать, потому что видно было, что судьба не хочет, чтобы мы что-нибудь выиграли. Но он хоть и сам соглашался, что ничего не выиграет, но все-таки взял. Потом воротился и сказал, что проиграл. Мы опять без денег, с одним гульденом, и должны за 2 дня за обеды. Когда он уходил, я читала баденский «Baden-Blatt», принадлежавший хозяину, и узнала, что здесь существует какой-то Crastorph, который имеет бюро. Мы решили сходить к нему и спросить, не может ли он нам достать денег под залог наших вещей. Мы пообедали и потом часов в 6 пошли в Lichtenthaler Strasse искать этого человека. Дом мы скоро нашли, но самого его дома не застали. Нам сказали, чтобы мы пришли завтра в 12 часов. Я забыла сказать, что сегодня Федя написал письмо к Каткову, в котором просил его выслать деньги маме, а я также написала письмо к маме, в котором еще усиленнее просила ее хоть сколько-нибудь прислать нам на время, а потом она может получить от Каткова. Я не знаю, что из этого выйдет, пришлет ли она нам сколько-нибудь. За письма отдали 28 крейцеров; осталось немного. Потом пошли гулять, но я так скоро устаю, что мы должны были посидеть на Проме-

наде. Потом пошли по вчерашней отлогой дороге к Новому замку и опять сидели на скамейке, чтобы несколько отдохнуть. Федя меня все поддразнивал: он мне говорил, что я теперь плохой ходок, что теперь уж я не та, что мне уж по горам не ходить. Пока мы шли, вдалеке началась буря,— сильная молния и гром; потом и до нас дошла. Мы пришли в сад замка и очень немного посидели на скамейке, как упало несколько капель дождя. Федя начал браниться, зачем мы сели, и мы поспешили по нашей прямой лестнице добраться до дому. Шли мы довольно скоро; Федя был ко мне очень нежен; по лестнице Федя вел меня под руку, потому что я боялась упасть. Но только что успели прийти, как начался сильнейший дождь, решительная буря с громом и молнией, совершенно такая, какая была в тот вечер, когда у нас было 168 золотых, но какое же различие между тогдашним положением и теперешним. Господи, как мне все это тяжело,— иной раз мне просто хотелось бы теперь умереть! Положение ужасное, денег решительно нет, да и не предвидится, где взять. Пили чай, сегодня и я выпила, потому что не пила уже с месяц: чай мне не нравился. Вообще у меня до невероятности странные вкусы: что нравится мне сегодня, то перестает нравиться, и даже становится противным завтра. Затем мы с Федей рассуждали о различных способах прожить здесь и о средствах, которыми будем жить на будущее время. Но мне очень нездоровилось, и я скоро заснула на его постели.

Среда 24/12 июля

Сегодня в 12 часов мы отправились с Федей к тому господину, у которого есть бюро. Мы застали его дома, и я разговаривала с ним по-немецки, потому что Федя очень трудно объясняется на этом языке. Тот нам дал адрес Weismann'а, но мы ему сказали, что Weismann не берет платьев. Тогда он просил наш адрес, чтобы прийти к нам, осмотреть наши вещи; мы ему дали и ушли домой, а он обещал прийти в 2 часа. Мы воротились, и я стала убирать комнату, потому что когда убирает Мари, то она это делает до такой степени долго, что нет никакого терпения видеть, как она неповоротлива. Он скоро пришел, посмотрел на вещи и сказал, что пришлет какого-то маленького человека, который берет такие вещи, но при этом он сказал, что следует написать на записке, что мы продали эти вещи, а что все-таки можно эти вещи через месяц выкупить. Когда он ушел, мы с Федей рассуждали о неловкости такого уговора, потому что очень может случиться, что этот господин откажется потом выдать вещи, сказав, что мы ему их продали. Но делать ведь нечего, приходится, как ни на есть, да отдать. Через час пришел какой-то маленький немец, мне кажется, из жидов. Мы ему показали платья, но он сказал, что он только покупает, а в залог не берет, а в женских платьях так и решительно не понимает толку, а что нет ли у нас мужского платья? Федя показал ему свое теплое пальто коричневое, которое очень хорошее, но только с плохой подкладкой. Он предложил за него 8 гульденов; это просто смешная цена, потому что оно стоило ему рублей 70, если не более. Потом про мое пальто он сказал, что даст за него 6 гульденов; а когда Федя предложил ему купить старое платье — старый сюртук и старое пальто, то тот даст нам всего только 2 флорина (1 р. 20 к.). Но разве это возможно, разве это нам может помочь? Мы показали ему сапоги, он их приложил на свою ногу и даже надел шапку на голову и сказал, что если мы хотим, то он даст нам 3 франка. Но мы спросили 4 франка — это 1 р. 12 к., он согласился, но вынул какие-то прусские монеты, которым мы не знали цены, и хотел нам дать их.

Разумеется, он тут бы нас отлично обманул. Но мы потребовали, чтобы он нам дал франками. Тогда он дал франк, потом 2 полуфлорина, которые он каждый считал не за 1 франк и 4 крейцера, а за один франк и 2 крейцера, то есть украл на каждом полуфлорине по 2 Kreuzer. Этакий негодяй, уж на грошах да надо обмануть, а это все прославленная немецкая честность! Я увидала, что он непременно хочет нас обмануть, а потому назло решилась не спускать ему ни Kreuzer'а, так что ему пришлось еще достать 12 крейцеров, и то обманул на один. Конечно, все это не важно. Он ушел, сказав, что у него есть одна знакомая, которая дает под залог, так что она придет посмотреть вещи. Он ушел, а мы остались. Мне было ужасно как грустно: что тут делать, когда они такие мошенники и дают так мало. Этак придется умирать с голоду, если они за всякую вещь будут давать так мало. Через час пришел этот же старичишка и сказал, что его знакомая больна и не может прийти. Потом он остановился, чтобы поговорить, и спросил, сколько мы возьмем за пальто, что он дает за пальто 8 гульденов. Мы отвечали, что это невозможно. Тогда он сказал — 9 гульденов, наконец, надбавил 9 гул⟨ьденов⟩ 20 крейцеров, а за старое платье предложил вместо двух 3 флорина, но я отвечала, что это невозможно, что мы за эту цену не отдадим. Мы ему сказали, что за пальто возьмем 50 франков; он махнул рукой и ушел от нас. Я думаю, что он придет еще раз и предложит несколько высшую цену, но все-таки это еще очень мало.

За обедом у нас была сегодня цветная капуста,— кушанье, которое я больше всего люблю, так что я просто с жадностью ела, мне было так приятно, просто ужас; я просила, чтобы нам почаще давали цветную капусту. Вечером мы пошли с Федей гулять (сегодня погода прекрасная), и было уже часов 7, так что солнце стало заходить; шли мы по аллее, которая представляет прелестный вид, мы им залюбовались, шли мы неторопливо и очень часто отдыхали на скамейках, которые здесь попадаются довольно часто. Здесь две дороги: одна для экипажей, более отлогая, но зато и дальняя, а другая для пешеходов, прелестная дорога,— нужно идти среди прекрасного лесу, и на каждом перекрестке находится камень, на котором нарисована стрела, указывающая на Alten Schloss. Нам много попадалось навстречу пешеходов, которые уже возвращались оттуда. Мы долго шли, так что уже слышали, как пробило 8 часов, а здесь темнеет очень скоро, но все еще до замка не дошли. Тут нам попалась навстречу какая-то немка, которая очень весело и с песнею бежала с горы. Мы сначала подумали, что это пьяная, но это оказалась очень милая немка. Она сказала нам, что мы уже недалеко от замка. Прошли мы мимо фонтана, который очень приятно журчал в тишине леса, и наконец, стали подходить к замку по очень крутой дороге. Я все время опиралась на руку Феди, и мы часто целовались. Мне всегда представляется, что ему ужасно как скучно ходить со мною гулять, но тут я заметила, что, напротив, он с удовольствием ходит и говорит со мной. Дорогой он много тосковал о том, что сделал, что проиграл и отнял у меня все мое богатство; я его утешала тем, что ведь у нас все общее, следовательно, не надо сокрушаться; все это не так важно, чтобы горевать; а вот лучше, если б наше теперешнее-то положение как-нибудь прекратилось. Наконец, мы пришли к замку. На воротах замка находится надпись, что просят, во избежание лесного пожара, не бросать окурков на деревья. Мы думали сначала, что за вход берут деньги, а потому решились туда не входить, но потом мало-помалу вошли. Пред входом находится площадка, на которой расставлены были столики. Здесь нахо-

дится ресторан и можно обедать. Разумеется, я думаю, у них большие барыши, потому что это почти единственное место, куда все ездят, а уж каждый непременно хоть что-нибудь да съест или выпьет здесь. Я очень жалела, что у нас не было денег, я бы с удовольствием выпила здесь пива или что-нибудь, потому что после такой прогулки мне очень хотелось пить. Вошли мы сначала через второй дворик и пришли в большую залу, которую Федя назвал двором, но мне кажется, что это была самая большая зала замка, потому что другой такой здесь не было, иначе где же могли они собираться? В одной стороне находится какое-то углубление; здесь, вероятно, был тайный проход какой-нибудь. Среди залы находится столб; не знаю, принадлежит ли он к этой зале, мне кажется, что принадлежит и служил прежде для украшения залы. Вот, наконец-то, я в рыцарском, в настоящем рыцарском замке, построенном в 10 столетии; прошли уже 8 веков. Я думаю, лет 500 как он необитаем. Замок довольно порядочно еще сохранился, сложен из дикого камня, но чрезвычайно беспорядочно,— совершенно без соблюдения красоты, а только была бы прочность; это именно им и требовалось. Где-то в стороне мы видели две темные комнаты: одна была совершенно без окон, другая же с маленьким окном. Вероятно, это были тюрьмы для пленников; тут сидели и мучились, может быть, многие годы, несчастные, попавшие в их руки. Из одной комнаты шла лестница в особенную башню; здесь, может быть, жила владетельница замка, какая-нибудь баронесса. Как много лет прошло с того времени, когда замок совершенно покинули,— это можно судить по тому, что среди комнаты выросли огромные деревья, липы и вязы; пола здесь нет, а просто земля. Мы взошли по очень узенькой лестнице на башню, во второй этаж, но оттуда уже начинается лестница новейшего устройства, очень широкая и удобная. Потом разными переходами мы взошли на башню и отсюда смотрели на горы. Вид очень хороший, жаль только, что уже было половина ($^1/_2$) 9-го, и солнце уже скрылось, так что все это представлялось нам в тумане. Вдали где-то извивалась на значительном пространстве большая река; не знаю, что это было,— может быть, Рейн, а впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Вдали мелькают горы, французские Вогезы, довольно невысокие горы. Мы решили с Федей прийти сюда когда-нибудь днем, в светлую пору, потому что идти по лесу совершенно не жарко, и вот тогда-то и осмотреть хорошенько все. На самую высокую башню мы не всходили. Во-первых, было довольно темно, а, во-вторых, я боялась, чтобы такая высокая прогулка не имела дурного влияния на меня: я ведь должна беречь своего будущего ребенка, наше дорогое счастье, я не смею рисковать его жизнью: ведь потеря его была бы страшным несчастьем для нас обоих. К тому же заболеть теперь было бы ужасно,— нужен будет непременно доктор, а денег решительно нет, Федя будет в ужасном беспокойстве, поэтому следует непременно беречься. Минут с десять мы смотрели вокруг; мы находимся наравне с той высокой башней, которая стоит на Mercuriusberg и которая всегда пред глазами вокзала. Вокзал же и русская церковь представляются глубоко под нами, хотя когда мы находимся у Нового замка, то нам Старый замок представляется расположенным не слишком высоко. Проходили мы там минут с 10, потом стали спускаться, так как начало чрезвычайно как скоро темнеть. Федя очень боялся, чтобы мы как-нибудь не потеряли дороги, но я ее твердо помнила, да и к тому же было достаточно светло, чтобы различать камни, означающие путь. Мы шли довольно быстро, я думаю, втрое скорее, чем давеча, так что подошли к Новому замку, когда пробило

9 часов. Прогулка эта была удивительно хороша, и нам обоим так понравилась. Был прелестный вечер. Даже несмотря на наше незавидное положение и тяжелые мысли, мне было очень приятно так прогуляться. Идти вниз по прямой лестнице было невозможно, так что мы должны были идти длинной дорогой; на пути несколько раз отдыхали, и я пришла домой очень усталая. Дорогой мы мечтали о том, как приятно теперь напиться чаю, но были совершенно разочарованы, когда узнали, что наша девушка еще и не думала нагревать воды, хотя уже и было около $^1/_2$ 10-го. О глупость, глупость немецкая! Каждое утро Мари нас спрашивает: «И кофе также?» Она очень хорошо знает, что мы всегда пьем утром и чай, и кофе, но догадки нет такой, чтобы самой догадаться, что мы и сегодня, по обыкновению, будем пить кофе. А после обеда, если ей не скажешь, чтобы она приготовила кофею, она ни за что и не приготовит. Сегодня я с большим удовольствием напилась чаю, чего уже давно не было, потому что я как-то невзлюбила чай и вот уж не пила его 2 месяца, но здесь мне так понравился, что я выпила, кажется, чашки 4. Потом легла спать и отлично спала. Когда прощались, Федя был так добр и нежен со мной. Как я счастлива, и какой у меня прекрасный и добрый муж, и как я его люблю. Сегодня Федя видел во сне, что Катков ему пустил кровь. Что это такое значит?

Четверг 25/13 июля

Сегодня утром я сходила к M-me Seitz, у которой были отданы наметить наши платки; я ей отдала еще 12 платков (?) и еще полдюжины, и когда отдала работу, то спросила, не знает ли она кого-нибудь, у кого можно заложить наши вещи. Она отвечала, что есть некто Weismann, но я сказала, что он не берет платьев. Тогда она отвечала, что она бы взяла, но только это им запрещено, а во 2-х, у них нет на это капиталу. Они каждый месяц должны платить в разные места и потому не имеют свободных денег, чтобы их так употребить. Это очень милая старушка. Она мне дала адрес и была очень ко мне любезна. Она мне не советовала никому другому закладывать, говоря, что очень может случиться, что мы назад и не получим вещей, как это здесь часто случается. Я пришла домой и сказала об этом Феде. Делать нечего, мы пошли опять к Crastorph, но сегодня его дома не было: он куда-то уехал; видели там его жену и дочь,— жену, которую мы вчера встретили в виде кухарки, но теперь она была немного лучше приодета. Мы с нею заговорили насчет платьев, и она, как кажется, очень бы хотела сама их купить, но мы сказали, что мы не хотим, чтобы они пропали, а непременно хотим их выкупить. Я много с нею говорила по-немецки. Она мне обещала кого-то послать посмотреть платья, сказав, чтоб мы ждали ее до 3-х часов. Я пошла домой, а Федя пошел к Weismann'у посмотреть, дома ли он. Когда я воротилась домой, то, не знаю почему, мне вздумалось разбирать мой чемодан. Вдруг, к моему ужасному удивлению, я нашла там серебряную монету, вроде полталера. Этой монеты я прежде никогда не видела и решительно не знаю, как это случилось, что она ко мне попала в чемодан. Тоже я и не копила, чтобы скопить деньги, потому что я коплю только на память очень маленькие медные монеты, а не серебряные. Это меня ужасно как удивило. Я спросила у Мари, какая это монета. Она пошла к хозяйке, и та сказала, что это 35 Kreuzer'ов, но потом, когда Федя разменял, чтобы купить папирос, то ее приняли за 17 Kreuzer'ов. Пришел Федя, он был в читальне. Мы ждали эту даму, но она не пришла. Мы пообедали очень грустные, потому что у нас очень мало что оста-

лось. После обеда я написала письмо к маме, в котором опять просила ее, и вложила также письмо к Маше, прося ее выслать мне 25 или 20 рублей на несколько дней. Не знаю — будет ли успешно мое письмо. Дай-то бог! Федя понес письмо на почту, а оттуда пошел к Crastorph. Жена его была очень удивлена, что эта дама не пришла, и сказала, что непременно придет с нею завтра, в 11 часов. Федя, придя домой, рассказал свой очень смешной разговор с этой немкой, который он вел на немецком языке. Решительно Федя притворяется, что не знает немецкого языка. Когда он со мной, то он очень затрудняется выражаться, и я обыкновенно за него говорю. Но когда он один, и когда ему непременно нужно говорить, то у него откуда-то так и берутся слова, такой полный выходит разговор. Он весь свой разговор передал мне по-немецки точно так же, как он там с нею говорил. Она спросила его: «Это была с вами ваша жена?». Он отвечал, что да.—«Sie ist hübsch» [19*],— сказала она. Федя отвечал, что да; что он не знает, как для других, но что для него она лучше всего на свете. Потом сказал, что мы женаты только всего 5 месяцев. Немка удивилась. Тогда Федя сказал, что мне 20 лет, а ему 40, что она, вероятно, удивляется, что он старый, а я молодая. Она тотчас же ответила, что это неправда, что он вовсе не стар. Федя прибавил, что у его жены было 3 жениха, но она ни за кого не пошла, а пошла за него и любит его. Так что немка была очень поражена и, кажется, стала удивляться нашему семейному счастью. Все это Федя мне рассказал на прекрасном немецком языке, очень свободно и даже избирал такие слова, которые он прежде ни разу не говорил.

Потом мы пошли погулять по прямой лестнице к Новому замку, а оттуда по вчерашней дороге к Старому замку, но сделалось темно, и подул сильный ветер, и вдали началась гроза. Здесь бывают довольно сильные грозы, и тогда небо делается совершенно розовое, совершенно багровое, и молнии так и раздирают на части небо. Мне тогда, не знаю почему, но становится как-то невольно страшно, и я всегда вздрагиваю и вздрагиваю. Это решительно невольно; Федя это несколько раз замечал, и теперь, когда при огромной молнии я невольно вздрогнула, он что-то проворчал. Тогда я очень рассердилась, ужасно. Меня теперь очень нетрудно вывести из себя. Я не знаю, в каком это я состоянии, но чтобы вывести меня из терпения, нужно очень немного. Я сейчас же волнуюсь и не знаю, что говорю и что делаю. Так мы, ни слова не говоря, пришли, но дома все-таки говорили, и я решительно забыла о нашей ссоре. Но Федя начал хмуриться и смотрел волком. Я ему это несколько раз замечала и просила глядеть поласковее, но ничего не помогло — он все продолжал хмуриться. Но мы скоро помирились. Потом, во весь вечер, у нас только и дело что происходили какие-то непонятные ссоры, которые сейчас и оканчивались. Так, Федя мне сказал что-то про роман, который я читала (Поль де Кока [20]), сказал, чтоб я бросила читать эту дрянь; я ему резко отвечала, что у меня нет ничего читать, и что я должна что-нибудь да делать. Когда я легла, я позвала проститься Федю, он пришел, и мы помирились. Я ему сказала, что я теперь очень похожа на нашу Федосью, которая в трезвом состоянии очень смирная женщина, но когда напьется, то ей море по колено, начинает буянить и бог знает что такое говорить и делать. Вот так и я. У меня на сердце решительно нет злости против Феди, ни малейшего недоброжелательства или досады, но когда он начинает со мной спорить, у меня сейчас же является 10 слов на

[19*] Она красивая (*нем.*).

одно его слово, и я говорю такие дерзости, просто ужас, и я никак не могу остановиться, хотя бы меня тут прибили, и когда окончу брань, то решительно как будто ничего и не случилось, будто бы я и не бранилась. Федя сказал, что это сравнение превосходно, что его ничего от меня не сердит. Мы очень дружески расстались, и Федя ушел вовсе не сердитый на меня. Вообще все наши ссоры оканчиваются очень дружески и серьезно мы никогда не бранимся.

Пятница 26/14 июля

Проснулась я довольно рано и разбудила Федю, чтоб мы могли приготовиться к приходу этих дам, которые придут смотреть платья. Мы прождали их до 12 часов, но никто не пришел. Тогда Федя отправился к ним. Но самое хозяйку не застал дома, а застал только дочь, которая сказала, что она скажет матери, когда та придет. Вообще, видимо, что дело не слаживается. Тогда Федя отправился к Weismann'у и сказал, что он хочет у него заложить платья; тот объявил, что пусть Федя принесет к нему в 3 часа. Федя сказал, что не может их принести. Тот посоветовал поручить Dienstmann'у, но тогда Федя откровенно сказал ему, что у него нет решительно ни копейки денег, чтобы заплатить даже и Dienstmann'у. Тогда Weismann обещал сам заплатить. Я забыла сказать, что сегодня утром Федя ходил к Гончарову, чтобы спросить его адрес на тот случай, если нам не придется теперь ему отдать. Гончаров своего адреса не сказал, но сказал, что этот долг такие пустяки, что не стоит и говорить, что если не здесь, то в Петербурге можно отдать как-нибудь, что вообще не стоит говорить. Тогда Федя ему сказал, что ищет теперь денег, 40 франков. Гончаров сказал, что не может их дать, потому что сам проигрался вчера ужасно, почти до последнего, хотя у него и осталось на дорогу. Разумеется, говорил он, что так как он путешествует со своими знакомыми, то всегда может спросить у них, и они ему помогут, но, во всяком случае, он теперь дать не может. Федя мне сказал, что ему кажется, что Гончаров очень сильно проигрался, что у него, пожалуй, тоже нечем даже заплатить и за отель. Как досадно, что мы не можем вернуть. Так они расстались довольно дружелюбно. Потом в 3 часа Федя сначала один пошел к Weismann'у, но его не было дома; Федя несколько раз ходил к нему смотреть, но постоянно двери были заперты. Наконец, тот пришел и объявил, что все время был у себя, и сказал, что он будет ждать только 10 минут; Федя привел Dienstmann'а и велел ему отнести мои 2 платья — зеленое и сиреневое. Weismann поглядев на платья, сказал, что это уже старое, что на них уже прошла мода и проч., и проч., и предложил Феде всего-навсего 20 франков. Федя сначала просил 40, но тот отвечал, что даст только 25, и, наконец, Федя, как он сам говорит, чуть ли не на коленях упросил его дать 30 франков сроком на месяц, но Weismann его предупредил, сказав, что если он пропустит срок, то вещи будут проданы. Господи! Не дай бог пропасть этим вещам; они так нам дорого стоили и вдруг могут пропасть за какие-нибудь 7 $^1/_2$ рублей. Это просто ужасно.

Когда Федя пришел, мы пообедали и решили идти сегодня пить кофе в Alt Schloss. Мне хотелось идти поскорее, но Федя как-то долго ворочался, так что я боялась, что мы опять придем, когда будет темно, и ничего не увидим. Когда мы уже уходили, Федя вдруг вздумал, чтобы непременно ключ оставить у Мари, чтобы она убрала посуду на столе. Мне этого не хотелось, потому что тогда я должна была все запереть, и к тому же она бы все унесла, даже то, что я хотела оставить себе на ужин. Меня это

так рассердило, что я несколько поворчала. Наконец, мы вышли, прошли несколько шагов по улице, как вдруг Федя заметил, что на нем старый домашний сюртук; следовало воротиться, чтобы переменить его на хороший. Мне это было так смешно, что я минут с 5 хохотала. Когда он переоделся, и мы пошли, то он вдруг нахмурился и не хотел говорить ни слова. Я ему сказала, что если этак будет продолжаться, то я лучше уйду, и когда он на мои просьбы помириться отвечал молчанием, то я поворотила назад и пошла одна гулять совершенно в другую сторону. Я гуляла с час, но потом очень устала и пришла домой. У меня начал болеть живот, и я легла на постель, но лежать было ужасно скучно. Мне хотелось помириться с Федей, чтобы отправиться куда-нибудь гулять. Я подозвала его, но он, вместо того, чтобы сейчас же помириться, вдруг объявил мне, что капризами я порчу нашу жизнь. Меня это рассердило: ну возможно ли это, чтобы из таких пустяков можно было объявить, что наша жизнь испорчена; что мы за такие нежные существа, что любовь наша может испариться так скоро, что из-за пустого слова можно бы было сказать, что вся жизнь наша испорчена? Мне не хотелось спорить с ним, и я легла на постель, заперев двери в свою комнату. Но Феде это не понравилось, и он отворил дверь, сказав, что душно. Я опять затворила, но он опять отворил и сказал, что это так и будет, что он хочет, чтоб из-за духоты дверь была отворена. Что же мне было делать? Я сказала ему, что если он не хочет мне позволить делать, что я хочу, то я уйду, потому что не хочу подчиняться. Я оделась и пошла гулять. Зашла сначала на кладбище и здесь долго сидела на какой-то могиле; потом ходила и осматривала памятники. Могилы, которые находятся у стен, украшены памятниками стоячими, высокими, прямо около стен. Подходя к часовне, я заметила возвышенное место, вроде скалы, на ней, на вершине, стоял ангел с чашей, а перед ним Христос, изображенный в наш человеческий рост. Он в терновом венке стоит пред ангелом с сложенными с мольбой руками. Тут же в разных положениях лежат 3 апостола. Но все это сделано чрезвычайно как грубо; лица даже преуморительные, так что решительно разрушает всякое благоговение. Пред этой скалой стояла какая-то женщина с девочкой лет 4-х на руках. Мать ей начинала молитву, а девочка тотчас же ее продолжала. Когда она останавливалась, вероятно, забыв слова, мать ей подговаривала, и так продолжалось довольно долго. Девочка читала молитву очень рассеянно, преспокойно рассматривая где-то на стороне цветы. Потом я подошла к часовне; в ней никого не было. Я вошла и немного посидела, рассматривая стены, украшенные различными бумажными раскрашенными картинками и венками цветов. Но вошел сторож, и я, боясь, что он сделает мне замечание, вышла из часовни. Потом я отправилась по другой дороге в ту сторону, где находится Mercuriusberg, но эта дорога меня привела только на ту большую аллею, где я несколько раз бывала, именно к тому месту, где работают памятники. По дороге за мной бежала собака; когда я останавливалась, останавливалась и она и, видимо, боялась меня. Вдруг у меня пред ногами пробежала полевая мышь. Собака бросилась к ней. Мышь тотчас же притворилась мертвой, и лежала неподвижно. Собака обнюхивала ее несколько времени и очень весело махала хвостом, но ее не трогала. Вдруг мышь начала двигаться и быстро побежала в траву, собака за нею и снова остановила ее. Я долго смотрела на эту сцену, наконец ушла; вероятно, мышь успела убежать. Вдали я заметила дорожный столб; я подошла и увидала надпись, означавшую, что это пешеходная дорога к Mercuriusberg. Я пошла, но,

вероятно, не в ту сторону, потому что вышла опять-таки на большую дорогу. Потом я шла довольно долго и вышла на тропинку с большим столбом; я прочла, что это дорога в Ebersburg, Wolfsschlucht; значит, это уже в другую сторону. Я немного посидела на скамейке и пошла домой, так что пришла к $^1/_2$ девятого. Феди дома не было; я все время ужасно боялась, не пошел бы он на рулетку. Что если б он проиграл последние деньги, их так мало, да и заложить нечего. Наконец, он пришел. Когда я легла спать, он пришел очень дружески проститься, и мы окончательно помирились. Я сержусь на себя: это я все начинаю пустые ссоры. У меня такой удивительный муж и так меня любит, а я его постоянно раздражаю.

Суббота, 27/15 июля

Сегодня я проснулась довольно рано и должна была разбудить Федю в половине 10-го, потому что меня начинало тошнить и дольше дожидаться кофею я не могла. Но Мари так долго его не готовила, что меня, наконец, вырвало; очень много желчи, и я едва могла потом успокоиться. Я осталась дома, а Федя пошел в читальню, но он взял с собою одну пятифранковую монету и сказал, что, может быть, поставит ее, а может быть, и нет. Я же сидела дома и читала Евангелие[21]. Он через два часа воротился очень грустный; он сказал мне, что выиграл две монеты, так что у него было 15 франков, но потом одну проиграл, пошел в читальню и там читал долгое время. Ему захотелось еще раз попытать счастье, и он пошел опять в вокзал, но на этот раз проиграл все остальное. Ему было это так досадно, потому что эти монеты помогли бы нам заплатить хозяйке, которой мы должны за неделю. Мне так трудно просить ее подождать, потому что эти люди ничего не понимают и положительно делаются очень грубы, как только узнают, что наши обстоятельства несколько изменились к худшему. Мне было тоже немного досадно на его проигрыш, но что делать,— ведь так нужно было и рассчитывать, что эти пять франков могут быть проиграны. Сегодня ровно 5 месяцев, как я вышла замуж, и хоть у нас было и мало денег, но мы ради праздника послали за вином. Пообедали мы раньше обыкновенного, но обед был сегодня довольно плохой, то есть именно те кушанья, которые я не люблю. Потом мы быстро собрались и в 5 часов уже вышли из дому, чтобы идти в Alten Schloss. Пошли мы сначала в Neues Schloss по прямой лестнице, и тут я заметила Феде, что у него стоптаны каблуки. Тогда он вздумал на лестнице же стаптывать их на другой бок, но все его движения были до того смешны, что я ужасно как много хохотала. Вообще теперь очень немного нужно, чтобы меня привести в смех, точно так же, как очень немногого нужно, чтобы привести почти в ярость, вывести из терпенья. Я очень много хохотала над его манерой исправления сапог, так что мне показалось, что он даже немного рассердился. Когда мы вышли на дорогу, где нанимают осликов, то вдали показались два осла, на которых ехали один господин верхом и одна девица на седле. Мы смотрели на них, и Федя сказал, что он желал бы так же вот ехать со мной. Только что он проговорил эти слова, как вдруг господин, ехавший на осле, начал подаваться вперед, все ниже и ниже, наконец, хватался руками об землю, осел, между тем, наклонился, и господин свалился кверху ногами, причем фалды его сюртука некрасиво развернулись. Это было так неожиданно и так смешно, что я, как я ни удерживалась, но не могла не расхохотаться. Господин покраснел и постарался опять взобраться на осла, а дама, его спутница, сказала: «Er ist

so müde»[20*],— как бы в оправдание осла. Меня ужасно насмешила подобная манера прогуливаться; этак, ведь, гораздо лучше идти пешком, чем сваливаться через каждые 10 минут. Я думаю, что этому господину пришлось на своем пути свалиться раз 10, по крайней мере. Я ужасно как много хохотала, и Федя был весел; день был прекрасный, хотя над нашими головами и показывались тучки. Потом мы пошли в путь; по дороге мы то обгоняли, то шли сзади двух старых дам, которые то занимали скамейку пред нами, то обгоняли нас. У фонтанчика, где написано «Sophienruhe», мы посидели несколько времени. Вдали послышался шум колес; Федя сказал, что он примет живописную позу, и вдруг, к нашему удивлению, проехала пустая коляска, и вся поза Феди пропала. Посидев немного, мы пошли в путь, и тут Федя опять обманулся; он увидал что-то красное в траве и объявил мне, что это красный гриб, но оказалось, что просто мокрица. Мы отдыхали очень много раз, и Федя обыкновенно говорил: «Ну, скажи, сколько до такой-то скамейки шагов?» Я говорила, он тоже обозначал 100 шагов, а, между тем, выходило всего только 50. Но он с 30 прямо перескакивал на 80 и, таким образом, у него всегда выходило 100. Было очень весело, но как-то он меня назвал Масей[21*]; мне это не понравилось, и я отвечала, что не откликаюсь, когда меня зовут чужим именем.

Мы пришли в замок. На террасе обедало много господ, между которыми были русские дамы; они пили шампанское и были очень веселы. Между кавалерами был один, может быть, виконт какой-нибудь, но до того отвратительный, что не хотелось на него глядеть,— удивительный урод и, вероятно, занят собою. Так как народу было довольно много, то мы очень долго не могли допроситься кофею. Федя два раза ходил в отель. Наконец, нам принесли, но принесли, кроме кофею, еще 2 хлеба и крошечный кусочек масла, хотя мы этого не просили, но это, вероятно, здесь такое уж обыкновение или это сделано с целью больше взять. Я ужасно боялась, чтобы с нас не взяли много, потому что при наших малых теперешних деньгах мы должны дорожить каждой копейкой. Мы выпили кофе, он оказался не слишком хорошим; потом расплатились. С нас взяли 30 Kreuzer'ов. Это довольно дорого, потому что 30 Kreuzer'ов в Бадене значительная цена. Таким образом, мы чудесно отпраздновали день нашей свадьбы. Выпив кофе, мы отправились на башню, сначала не так высоко, а потом выше и выше. В некоторых местах были вставлены какие-то рамы, в которых находились струны. Мне кажется, что это именно и есть Эоловы арфы, но, может быть, я ошибаюсь. На самый верх башни нас не пустили, дверь была заперта, но когда мы сошли вниз, то видели, что туда пошел какой-то сторож с ключом; следовательно, туда тоже можно бы было попасть, если б мы могли заплатить. Ох, уж эти немцы,— ничего даром не покажут, за все заплатить нужно непременно. Вид отсюда великолепный, просто чудо; вдали видна река большая, должно быть, Рейн. Вот виднеется недалеко от Бадена другой такой же маленький городок, должно быть, Gernbach. Вообще вид превосходный; Федя смотрел в бинокль, а я в наш бинокль решительно ничего не вижу, так что мне пришлось только носить его, а не глядеть. Федя подарил мне несколько цветков, очень хорошо пахнущих; я их засушу. Мы много смеялись, когда Федя вспомнил мою

[20*] Он так устал (*нем.*).
[21*] Машеньку Иванову, племянницу Ф. М., называли дома «Масей»[22] (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

антикварскую привычку: он очень удивлялся, что я еще не собираю камней на память с тех мест, где я бываю. Федя комически представил, что я сделаюсь такой антикваркой, что непременно буду брать отовсюду камни и заставлять Федю носить, так что при наших прогулках он непременно будет носить мешок, в который я бы клала камни, растения, разных животных, жуков и т. п. Когда мы осмотрели замок, то мне пришло в голову отправиться в Ebersteinburg, который отсюда находится недалеко. Но дороги мы не знали, поэтому мы вышли из других ворот замка и пошли к камню, где была надпись: «Auf die Felsen»[22*]. Мы пошли по очень старинной маленькой лестнице, по которой было очень трудно идти, потому что камни падали под ногами, но мы шли под руку и даже несколько раз дорогой поцеловались, но каково же мы были смущены, когда мы увидали, что навстречу нам идут какие-то две дамы, которые, вероятно, с вершины горы могли видеть наши поцелуи и, вероятно, осуждали нас. По этим ступенькам мы взошли к какому-то зданию; вероятно, это было вроде крепости, потому что тут, на скале, находится старинного устройства стена; потом мы поднимались все выше и выше, и оттуда открылся нам великолепнейший вид. Тут Федя подошел к самой окраине и сказал мне: «Прощай, Аня, я сейчас кинусь». Я даже испугалась. Мне представилось, что если б в самом деле ему как-нибудь случилось упасть, он бы решительно пропал между этими скалами, так что и сыскать нельзя было бы. Мне кажется, что если б он упал, то я и сама нарочно бы бросилась за ним, потому что, что бы тогда было мне жить, для чего? Скалы, по которым мы шли, были порфировые, того самого камня, из которого сделана ваза в Летнем саду, но, разумеется, здесь не в отделанном виде. Мы поднимались все выше и выше и под конец потеряли дорожку, так что и решились возвратиться назад. Но когда мы шли, то вдруг увидали вдали, на расстоянии 200 шагов, что с горы спрыгнула серна, маленькая, желтенькая козочка, очень милая. Она сначала остановилась, а потом быстро побежала вниз. Внизу она несколько раз останавливалась, так что мы могли ее видеть довольно долго. Федя очень жалел, что с ним не было ружья, но, мне кажется, было бы жестоко убить это милое, пугливое создание; если б было возможно, то хотелось вовсе не убивать, а только погладить и дать ей хлебца; вот это бы я с удовольствием сделала. Потом мы воротились в замок по той же тропинке, и я все время рассказывала Феде, по его просьбе, как я проводила детство и какие я помню сказки, а также про ту длинную сказку, которую нам каждый вечер рассказывал папа.[23]. В замке мы немного посидели и пошли в путь. Наши русские, обедавшие на террасе, кажется, только что окончили свой пир; одни остались на дворе, а некоторые пошли в башню и оттуда начали свистать и кричать петухами, и перекликиваться, что, мне кажется, вовсе не следовало бы допускать в хорошем обществе, разве между пьяными людьми. Что это русские, так это видно по тому, что дамы их курили папиросы,—ну кто же за границей курит из порядочных. Пошли мы в путь, но на этот раз нас часто обгоняли разные путники. Мы обыкновенно давали им дорогу, чтобы идти одним. Наконец, в половине 9-го мы были уже дома. Вообще прогулка доставила мне огромное удовольствие, и вот что я замечаю: меня никогда не тошнит и мне ничего не делается, когда я гуляю, но только что я приду домой и сяду на диван, со мной тотчас же делается тошнота, и меня хочет вырвать. Из этого я заключаю, что гулять мне

[22*] На скалы (*нем.*).

очень полезно, тем более, что я решительно не устаю и со мной ничего после этих прогулок не делается. Дорогой мы говорили про нашу Сонечку или Мишу; Федя сказал, что нам надо взять кормилицу и няньку. Я отвечала, что кормить буду сама, на что Федя сказал, что этого не будет: я еще слишком молода и слаба, и это меня утомит. Я отвечала, что если не кормить самой, то этим можно отнять половину счастья, а что это непременно так и будет, и я настою на своем. Мы всегда говорим с Федей: *наша* Сонечка, *наш* Миша. Мне кажется, что у нас будет дочь, но, не знаю, я бы, кажется, одинаково была счастлива, кто бы у меня ни был. Я одинаково буду любить и холить мое милое будущее дитя. Федя так счастлив тем, что у нас будет ребенок, и мечтает о нем. Какой он милый и добрый!

Воскресенье, 28/16 июля

Сегодня ребятишки опять меня рано разбудили; так досадно, так что я проснулась в 7 часов. Все время я думала о моей Сонечке или моем мальчике и мечтала о том времени, когда (если б это было возможно) приедет мама ко мне. О, если б это было возможно, как бы я была счастлива. Потом, в половине десятого, я встала и заказала кофе. Но этим я разбудила Федю, который мне сказал, что заснул только в 6 часов, потому что у него всю ночь болели зубы, а в начале ночи он все вздрагивал. Мне было очень досадно, что я не дала ему спать. Сегодня очень пасмурный и дождливый день; значит, справедливо то, что мокрицы выползают только пред хорошей погодой, а вчера их почти совершенно не было видно на дорожках. Дождь идет довольно сильный, но по улицам едут экипажи и отвозят богомольцев в немецкую церковь. Надо будет и мне когда-нибудь сходить туда посмотреть, что это за церковь. День прошел очень скучно,— я решительно не знала, что мне делать: читать решительно нечего, да и негде достать, писать — так карандаш очень маленький, все вываливается из рук, а купить другой нет денег; иголка кривая, ниток нет,— шить, значит, тоже нельзя. Просто хоть умирай от скуки. Федя сегодня все записывал — работал, а я лежала на постели, перечитывала[23*] Белинского и все ждала обеда. Нынче я ужасно какая сделалась странная: живу от утреннего чая до обеда, то есть постоянно есть хочу, но это объясняется тем, что мне всегда после кофе, а также после обеда делается легче, то есть перестает тошнота, поэтому-то я и жду с таким нетерпением часа, когда мы будем обедать. Но нынче нам и обед приносят какой-то скверный; именно, нам присылали прежде всегда 4 кушанья, в числе которых было 2 мясных, именно, говядина и курица или что-нибудь из дичи, или рыба, а теперь одно мясное, а второе мясное кушанье заменено капустой, которая здесь считается отдельным кушаньем. По-моему, капуста хороша только с соусом, как приправа к мясу, но не более. Я этим ужасно как недовольна, потому что всегда после обеда остаюсь голодною. После обеда и кофе Федя отправился на почту, где, разумеется, писем не было, а оттуда пошел в читальню. Я все время сидела дома, потому что сегодня было холодно невыносимо, просто как у нас в октябре месяце. Я сидела у окна, пока у меня не заболело горло; потом я пела различные песни. Наконец, пришел Федя, и мы, от нечего делать, сказали приготовить чай.

Сегодня нас целый день бесила наша хозяйка. Мне всегда слышны ее разговоры, потому что она живет стена об стену с нами. Сегодня к ней

[23*] *Исправлено из* читала.

пришла какая-то ее знакомая. Хозяйка наша была страшно раздражена, и мне кажется, что она часа 3, если не более, разговаривала с нею. Но что это был за разговор! Она не переставала ни на одну минуту, речь лилась, как река. Очень было досадно ее слушать, ведь этакая же говорливая, нелепая ⟨женщина⟩ баба. Ну, что с нею поделаешь; когда она так заговорит, решительно не знаешь, как ей и отвечать. Мне все представлялось, что это она на нас жалуется, потому что мы не заплатили денег. Она поминутно повторяла слова: «Мои дети, мои дети», так что, я думаю, не происходит ли ее гнев от того, что мы когда-то замечали, чтобы ее дети не шумели. Но это было уже так давно, что сердиться было бы смешно. Вообще наше поведение вовсе не заслуживает такого гнева. Вечером мы дружески беседовали, и Федя говорил мне, что он меня страшно любит и что он счастлив.

Понедельник, 29/17 июля

Рано утром была превосходная погода, но к 10 часам, когда я встала, она сильно переменилась, и пошел дождь, который идет и теперь. Скука невыносимая; не знаю, что мне делать. Вероятно, пойду в читальню, хотя мне вовсе не хотелось бы показываться там в таких худых перчатках, какие у меня есть. Целый день сидела дома; было довольно скучно; переводила французскую книгу от нечего делать. Думаю этим заняться, чтобы потом набить руку на переводах и иметь возможность переводить более порядочные вещи... День был серый, скука порядочная, и я только и дожидалась обеда, который и сегодня нам принесли, но он был не слишком хорош. После обеда Федя лег спать на час, а я в то время читала. Когда он встал, мы пошли сначала на почту, а оттуда в читальню. Народу здесь было довольно много, в числе которых были и дамы. Но ужасно пахло капустой, не знаю отчего. У стола мест не было; мы сели к окну. Швейцар тотчас же подал Феде русские газеты, и мы принялись читать, но когда сделалось довольно темно, то мы пересели к столу, над которым находится лампа. Пришел какой-то англичанин и сел читать, но никак не мог устроиться на месте, ворочался страх как, просто ужасно как надоел, производил ужасный шум в комнате, где все стараются сохранить возможную тишину. Я читала «Московские ведомости», а потом «Северную Пчелу». Наконец, беспокойный англичанин пересел на другое место, чему я была очень рада. Пришла какая-то русская дама, которая спросила русских газет, довольно пожилая; прежде была, должно быть, красива, но теперь уже не годится. Она была одета в костюм еще русский, довольно плохой, но так здесь одеваются все русские дамы. Потом пришла какая-то миленькая дамочка, в которую я бы, наверно, влюбилась, если бы была мужчиной. Носик хорошенький, глазки голубые, брови соболиные, но набелена была ужасно, так что все лицо было в морщинах, а между тем ей не более 23 лет. Наконец, часу в 9-м мы пошли домой, холод был невыносимый, а я была слишком легко одета, так что я дрожала, как зимой; я зашла в булочную и купила каких-то Slasten, кренделей, которые хотя мне и не понравились, но которые я потом весь вечер ела, никак не могла отстать. Мне сделалось ужасно холодно, и потом точно что кусало все тело. Мне кажется, у меня начиналась крапивная лихорадка. Я напилась чаю с лимоном и легла на Федину кровать и заснула, а он сидел и занимался, писал что-то. Сегодня он мне сказал, что завтра начнет мне диктовать свою статью. Это очень хорошо,— по крайней мере, у меня будет работа

и не придется скучать. Я лежала часа 2, потом перешла на свою постель и снова заснула. Федя прощался со мной очень нежно и говорил милые слова.

Вторник, 30/18 июля

Сегодня опять пасмурная погода, скучно страшно. В эти дни в свободное время думаю о моей Сонечке или о моем Мише, все мечтаю о них. Федя как-то вчера сказал, что он пойдет на рулетку и выиграет 30 тысяч франков для того, чтобы вернуться в Россию, потому что ему хочется видеться со многими людьми. Хотя я точно также хотела бы увидеться со многими, но меня испугала эта мысль воротиться скоро в Россию. Мне все кажется, что Федя перестанет меня любить, когда мы туда приедем. Как будто я еще не уверена в его любви. Я все боюсь, что другая займет в его сердце то место, которое я теперь занимаю. Мне представляется, что этот человек никогда никого не любил, что это ему только так казалось, а любви истинной вовсе не было. Потому что думаю, что он даже и не способен на любовь: он слишком занят другими мыслями и идеями, чтобы сильно привязаться к чему-нибудь земному. Я прочитала в «Баденском Листке» цены на дрова,— это просто ужас: за сажень букового леса — 20 флоринов, за дубовый — 20 флоринов, а еловый — 11 флоринов (11 Flor.— 6р 60к.), масло — 28 Kreuzer, яйца 10 штук — 16 Kr., молоко — 8 Kr., сливки — 16 Kr. Целый день я только то и делала, что читала немецкие ведомости,— вот до чего дошла у меня скука. Холод был ужасный, просто зима, а я еще вчера простудилась, так что сегодня вышла, чтобы идти на почту вместе с Федей, в теплом платье. Но на улице совсем не так холодно, как у нас. Мы зашли на почту; почтмейстер даже и не спросил моей фамилии, а просто сказал, что нет писем. Оттуда мы отправились с ним гулять вдоль по Лихтенталевской аллее 〈...〉 Федя смеялся над тем, что мы так долго здесь сидим, и говорил мне, что когда я приеду в Россию, то мне придется лгать, говоря о том, где я была, потому что иначе просто стыдно сказать, что была только в Берлине, Дрездене и Бадене, а больше никуда и глаз не показывала. Мы прошлись с Федей довольно далеко; отсюда он пошел в читальню, а я отправилась еще дальше, почти до самой дачи, а оттуда воротилась домой по Schillerstrasse, где живет Тургенев. Улица премиленькая, с садиками, довольно красивая, но почему-то скучная. Отсюда я отправилась на рынок и хотела купить яблоко в 3 Kreuzer, но случилось что у торговки не было сдачи, и пришлось заплатить все 6, которые у меня были. Я не рассмотрела порядком и потому, когда начала есть, то оказалось, что яблоко предрянное,— просто не стоило покупать: кислое, твердое, решительная гадость. Пришла я домой, все лежала на кровати и думала, как бы нам избавиться от нашего скверного положения. Как мне все это надоело, я себе и представить не могу. У меня все-таки есть какая-то надежда, что вот-вот как-нибудь все это переменится, сделается лучше, сделается спокойно, как прежде. Я все мечтаю о жизни с мамой. Мне это кажется так привлекательно, да и сама мама представляется мне таким прелестным, милым существом, что я просто благоговею перед ней. У меня до прогулки ужасно как болела голова, но потом прошла, как только я вышла на воздух,— очевидно, что мне непременно следует гулять, иначе у меня будет сгущаться кровь, и я буду нездорова. Федя из читальни зашел в магазин колониальных товаров, где ему верят, и попросил дать ему на 4 дня в долг. Хозяйка тотчас же согласилась и поверила 1 фунт кофе, $^1/_2$ фунта чаю, 1 свечку

и 2 фунта сахару, всего на 4 гульдена 16 Kreuzer. Ну, слава богу, что мы теперь хоть несколько обеспечены, хоть на несколько дней, провизией. Господи, какая это худая жизнь au jour le jour[24*].

Среда, 31/19 июля

Сегодня я встала довольно рано, чтобы перевести Феде отрывок из газеты, но так как долго дожидалась кофе, то меня сильно вырвало желчью; при этом у меня ужасно как стесняется грудь, ужасно как больно. Денег у нас всего оказалось сегодня 2 флорина, а за обеды не заплачено за 4 дня,— дольше не отдавать невозможно. Федя прочитал в газетах, что в Sophienstrasse есть какой-то господин, который покупает и продает вещи, следовательно, может быть, он и принимает под залог. Федя отправился, и, как он мне после сказал, оказалось, что это тот самый старичишка, который купил у нас сапоги. Он обещал дать Феде за пальто, и Федя пошел его к нему относить. За пальто он получил 6 гульденов, но тот написал очень бессмысленно, что продано не пальто, а Balton за 8 гульденов (2 гульдена проценту), и если не возьмут в течение 14 дней, то пальто останется у него. Этакой скверный старичишка, сделал какое условие. Таким образом, у нас оказалось вместо наших 2-х гульденов 8 гульденов. Тогда Федя начал говорить, что вот если бы теперь сходить да поиграть, взяв с собою 2 гульдена, ну, непременно можно выиграть: что за важность, если мы и проиграем из 8 — 2, т. е. $^1/_4$ нашего состояния. Так как Федя очень горячо принялся за эту мечту, то говорить решительно было невозможно; это значило бы только его больше разжечь. Но я советовала ему, если выиграет на два гульдена, то и уйти, но он говорил, что это невозможно; одним словом, у него была мечта выиграть ужасно много, ну, а если такая мечта водится, то положительно можно знать, что ничего не выиграет. Так и случилось: поставил — проиграл; даже, говорит, никто и не заметил, что я проиграл; да и разумеется, ну кто заметит такие пустяки. Федя воротился в ужаснейшей досаде, но это так надо было и ожидать, чего тут и печалиться. За три обеда отдали Мари 3 гульдена, осталось тоже 3 гульдена на все расходы.

Вечером мы с Федей пошли сначала на почту, но, разумеется, ничего не получили, а потом пошли к русской церкви, а от нее все выше и выше на гору, которая находится за церковью, не знаю, как она называется. Мне это гулянье вовсе не понравилось, потому что здесь зелени почти совершенно нет, листья уже опали, так что вид решительно некрасивый. Мы шли все дальше и дальше по дорожке, несколько раз садились на деревянные скамейки и потом опять продолжали наш путь. У Феди разболелось ухо, и он стал жаловаться на боль. Наконец, мы пришли на самый верх, на вершину горы, где находится возвышение со скамейкой; вокруг дерева тоже устроены скамейки; отсюда довольно хороший вид на Schwarzwald, но все-таки не бог знает какой. Разговаривали мы тут с Федей несколько времени и решили, что хоть у нас и денег нет, зато хоть любовь есть, зато мы так любим друг друга. Потому что, может быть, у других и деньги есть, и хотели бы любви, да ее нет. Я с ним была совершенно согласна. Пошли мы вниз; Федя все время боялся, чтобы мы как-нибудь не потеряли дорогу, но мы выбрались благополучно и, наконец, у Trinkhalle[25*] разошлись. Федя подождал, пока я не сошла вниз; я пошла домой, а он — в читальню. Пришла я домой и стала продолжать чтение «Преступления и наказания», который давеча вынула из чемода-

[24*] Со дня на день (*фр.*).
[25*] Бювет у минерального источника (*нем.*).

на. Я решила прочесть еще раз, хотя уже несколько раз читала. Чтение произвело на меня очень хорошее впечатление, так что я была решительно в восхищении от Фединого романа. Вечером мы вспоминали, как я прежде любила читать его произведения, как достала «Преступление и наказание», с каким жаром прочитала его, и многое, многое. Федя также читал первую часть «Преступления», так что вечер у нас быстро прошел. Пока Федя не приходил из читальни, я его ужасно как ждала, а когда пришел, то стала очень приветлива и угождала ему. Из этого Федя вывел такое заключение, что, вероятно, без него я что-нибудь да сделала, вероятно, чашку сломала, а вот теперь, чтобы загладить это, я и стараюсь как-нибудь к нему подольститься. Как-то вечером он меня очень дразнил тем, что говорил, что будет сечь Соню или Мишу, что надо правду сказать, что он до них уже давно добирается. Это было ужасно смешно. Он лег в третьем часу; сначала ужасно стал как браниться; мне тотчас же пришло на ум, не попала ли в кровать моя шпилька, когда я на ней ворочалась, потому что я очень люблю спать на Фединой постели. А если попала, то разумеется, Федя будет сердит, потому что ему тотчас же представится, что шпилька могла попасть ему в глаз, и пр., и пр. Я не расспрашивала, но поутру он мне сказал, что не от того бранился.

Четверг, 1-го августа/20 июля

Сегодня мы встали довольно поздно, в $^1/_2$ 11-го; делать опять нечего, и я решилась, чтобы не скучать, отправиться сегодня погулять. Было уже 12 часов, как я стала приготовляться; взяла я с собою носовой платок, чтобы его подрубить, и все, что к этому следует. Федя меня просил не ходить очень далеко; я обещала, но не сдержала своего слова. Я пошла по большой аллее, которая ведет в город Gernbach, потом поворотила на маленькую дорогу, на которой было написано: Teufel-Kanzel, Wolfsschlucht, Ebersteinburg. Я присела на первой скамейке и стала шить, и у мальчика какого-то спросила, куда ведет эта дорога. Он мне рассказал, и я пошла. На следующей скамейке опять села и шила, но шитью моему скоро был и конец: я сломала иголку, а другой не было, следовательно, нужно было отдумать шить. Тогда я пошла побыстрее, все по широкой дороге, очень тенистой, где идти было чрезвычайно приятно. Наконец, выбралась я на грязную дорогу и вдруг вдали услышала страшные крики и ругательства. Я пошла вперед и увидела, что два быка везут на цепи большое дерево, а сзади них идут два поселянина и кричат во все горло, помогая быкам везти. Я остановила этих буянов, и они очень вежливо мне сказали, как мне пройти. Наконец, показался высокий утес, и я подумала, что это, вероятно, и есть Kanzel, а против его еще другой такой же. Я села тут на скамейку и думала непременно спросить у первого прохожего, как вдруг из лесу выходит какой-то господин в одном жилете, сюртук же держа на руках. Было, действительно, очень жарко, и потому такой поступок совершенно простителен, но мне было как-то неловко спросить у него путь. Я решилась идти так. Затем я обошла еще большую скалу и тут узнала, что это и есть «Teufel-Kanzel Amondeas». Я пошла далее и по дороге всех спрашивала, сколько остается до Ebersteinburg'a. Все мне отвечали — полчаса, несмотря на то, что я уже прошла очень большое пространство, а бабы так даже непременно прибавляли половину. Наконец, я дошла до дороги, где было указано идти: на Gernbach, на Баден, на Wolfsschlucht, Merkuriusberg и, наконец, на Ebersteinburg. Я отправилась по последней дороге, пока не дошла до

гипсового распятия, которое стоит на перепутье двух дорог, одна — в Altschloss, а другая — в Ebersteinburg. Затем я вошла в деревушку под тем же названием. Мне попадались навстречу дети, маленькие, довольно красивые, но непременно с белыми головами, белыми, почти как сено или лен. Ребятишек было очень много, а один карапуз так вез за собою изломанную в голове и ногах лошадь. Я прошла все селение; в нем, я думаю, есть домов 80 и 3 гостиницы. Церковь с часами и циферблатом, но без стрелки. Наконец, я поднялась в гору и взошла на очень высокую местность. Это и был Ebersteinburg. Но самый замок, как мне кажется, еще древнее Altschloss'а [24]. Этот замок построен на неприступной скале и обнесен еще второю стеною, довольно толстой, в которой были сделаны бойницы, вероятно, для пушек. Как вообще были сложены эти замки: между камнями решительно не было никакой замазки, так что если бы путешественники любили увозить на память камни из такого замка, то давным давно замок был бы расхищен, и теперь не было бы ни одного замка в Европе. Но здесь главная башня,— вероятно, из боязни, чтобы она не рассыпалась,— скреплена цементом, в окна же вставлены рамы, для того, чтобы предохранить рассыпающееся здание. Тут же в замке, в средневековых комнатах, устроена маленькая гостиница. Я зашла туда и спросила, нельзя ли достать молока; мне сказали, что можно и что полуштоф стоит 6 Kreuzer. Я боялась, чтобы мне не дали холодного молока, потому что мне было ужасно жарко, и я боялась простудиться; но молоко оказалось теплым, именно такое, какое я люблю. Я с большим удовольствием выпила кружку и спросила, можно ли здесь пить кофе. Она отвечала, что сегодня нельзя, но в другой раз можно, и что с каждого человека (за кофе вместе с хлебом и маслом) берут 12 Kr. Отдав ей назад кружку, я пошла было осмотреть замок, но сзади меня пошел сторож; потом, когда я взошла по лестнице, оказалось, что дверь на самом верху заперта. Это у них обыкновенно так делается. Он мне отворил, и по деревянной внутренней лестнице мы взошли на самый верх. Вид, действительно превосходный: Рейн очень ясно виден, хотя до него, как говорил сторож, три часа ходьбы. Тут же виднеется и город Rastatt, немецкая крепость. За Рейном идут Вогезы, но их за туманом не было видно. С другой стороны городишки — Siegbach, еще какой-то и Rothenfels, красная скала, потом кругом Schwarzwald, все прекрасные в какой-то синеве горы. Вообще вид превосходный. Я полюбовалась и сошла вниз и дала моему проводнику 6 Kr. Не знаю, был ли он этим доволен, но что же мне делать, у меня самой не было больше. Потом я вышла за ограду и села на скамейке под стеной, где и причесала мой шиньон. Здесь я и позавтракала булкой, которая была у меня в кармане. Отдохнув, я отправилась в путь. На дороге мне попался какой-то англичанин или француз, не знаю хорошенько. Он ехал на осле и разговаривал очень громко и шутливо с двумя мальчишками, которые шли сзади и подгоняли осла. Выбралась я и в деревеньку и стала спрашивать у одной довольно хорошенькой бабы в широкой соломенной шляпе, как ближе пройти к Старому замку. Она мне растолковала, но я решительно не поняла. Сошла я вниз, тут встретила другую женщину, которая держала в руках очень миленькую девочку. Я с нею разговорилась, и мне ее девочка очень понравилась. Звали ее Louischen, ей 3 года, но такая милая, живая девочка, просто чудо, такая приветливая; нисколько не затруднилась тем, что я чужое лицо, схватила мои пальцы, обвила своими и не выпускает. Смеется она тоже много, так что мне представилось, что если б мне предложили выбрать из всех детей лицо для

Сонечки, то я именно выбрала бы это милое, доброе, хорошенькое личико,—так оно мне понравилось. Женщина эта сказала мне, что одна я, пожалуй, не найду, а что если я хочу, то она меня проводит с ребенком. Но за это надо было платить, и потому я отказалась. Вероятно, она хотела меня провести в замок какой-нибудь ближайшей дорогой, потому что по большой дороге, проезжей, я и сама отлично нашла. Дорога тут великолепная; видно было, что это была одна гора, и что ее перерезали, чтобы сделать дорогу. Деревья большие, темные. Я шла очень довольная, мне было весело, право, как ребенку бывает, так что я даже почти всю дорогу пела. Иногда попадались мне экипажи, ехавшие в замок из Alt-Schloss. На меня оглядывались, как на странность, что девушка одна идет в лесу, но мне было горя мало. Вообще моя прогулка мне очень понравилась. Я даже не торопилась дойти поскорее до Старого замка: я себе говорила, что ведь я когда-нибудь да приду. Наконец, я и пришла в замок, прошла быстро террасу, на которой сидело очень много народу, приехавшего сюда обедать. Не обратив на них внимания и не присев даже ни на минуту, я отправилась по очень крутой дорожке вниз, в надежде, что я могу где-нибудь и присесть; но, на мое горе, как ни подойду к скамейке, непременно она занята, так что мне пришлось идти от замка до бассейна, ни разу не присев, что было довольно трудно, тем более, что тут и есть самые крутые места. У фонтанчика я немного посидела; тут меня заинтриговал камень, на котором написано «Sophienruhe», со стрелой куда-то в лес; вероятно, это тоже куда-нибудь ведет; непременно надо сходить и посмотреть, что это за Sophienruhe. Я шла довольно быстро. Навстречу мне попадалось много народу, потому что день сегодня превосходный и грех им не воспользоваться. Когда я подходила к Новому замку, то пробило 4 часа, следовательно, я шла всего-на-всего от Ebersteinbourg'а до Нового замка только час, потому что, когда я вышла из деревушки, было на часах 3 часа, но, может быть, часы деревенские неверны. Если так, то я сделала очень много пути в один час.

Пришла я домой в $^1/_4$ 5-го. Федя лежал на постели и, я думаю, с нетерпением ожидал обеда; я сейчас же послала за обедом и с удовольствием поела. Устать я почти совершенно не устала, хотя прошла довольно большое расстояние. Пообедали мы очень дружно; я боялась сначала, что Федя будет сердиться на меня за такое долгое отсутствие, тем более, что он просил меня не заходить далеко; но он ничего не сказал, но, напротив, удивился, как я в такое короткое время успела столько пройти. После обеда Федя пошел на почту, а я осталась дома, но просила его не распечатывать моего письма. Он мне принес нефранкированное. Мне вдруг представилось, что мама не может дать нам просимых денег, но с первых же слов мама пишет, что посылает эти деньги с следующей почтой. Я была очень рада, что Федя не распечатал письма, потому что тут Ваня опять пишет адрес С[усло]вой, хотя я его уже и знаю. Тут, вероятно, последовали бы расспросы: почему и для чего, и так далее; вообще гораздо лучше, что он не распечатал. Милая мамочка, как я люблю ее, мою голубушку, и также Ваню, моего брата. Как бы я желала им теперь помочь. Вот бы теперь мне выиграть 200 рублей,— сейчас бы послала 100 рублей моей голубушке, пускай она заплатит Иеринеевичу[25]. Как бы она была рада, господи, и представить себе нельзя, и другим бы заплатила, просто снова бы поправилась. Господи, а вот я и не могу ей ничем помочь; как мне это больно и стыдно перед нею. Когда Федя ушел гулять, то мне сделалось так грустно от сознания,

что помочь нечем, при воспоминании ее доброты ко мне, что я ужасно как плакала, ужасно долго и тяжело. Потом пришел Федя, выпили чаю; у меня голова болела от прогулки, и от слез, и я раньше легла спать. Федя был так нежен и добр со мною, и видно, что он меня любит, и я его безумно люблю, но страшно люблю и мою добрую мамочку и так была бы счастлива, если бы оба дорогие для меня существа были бы со мной вместе.

Пятница, 2-го августа/21-го июля

Как сегодня меня раздосадовала хозяйка: она встретила меня в коридоре и сказала мне, что ведь я ей сказала, что деньги придут чрез два дня. Я ответила, что получила письмо, и что деньги получу сегодня. Тогда она мне сказала, что в августе месяце у них всегда дороже квартиры, потому что зимой у них никто не живет, а, следовательно, нужно им взять больше летом. Так как она получила прошлым летом 12 гульденов, то теперь она нам уступает за 11 гульденов в неделю. Неправда ли, как это хорошо? Как это низко! Она знает теперь, что у нас денег нет, так вот и надо воспользоваться этим неимением денег и поприжать человека. Если бы у нас были деньги, то мы бы непременно переехали, хотя бы нам пришлось платить те же 12 гульденов, но не ей, по крайней мере, а другой хозяйке. Потом она что-то ввернула о том, что Федя играет; не знаю, почему она это знает, да я и вообще не поняла хорошенько, про что она говорила. Я жалею, что у нас так мало денег, что мы не имеем возможности уехать: это было бы для нее самое лучшее наказание, потому что я вполне уверена, что никто не наймет у нее квартиры: во 1-х, люди обыкновенно ищут спокойствия, а тут кузница. Это мы только были такие неразумные, что наняли квартиру, не разобрав, что внизу шумят ужасно, ну, а другие будут поумнее нас; во 2-х, дети, которые кричат невыносимо, так что будят меня в 6 часов утра каждый день, и я потом никак не могу заснуть. Тогда бы она и припомнила нас и, вероятно бы, пожалела, что польстилась на большой барыш и осталась ни при чем. Как они все дурны! Вот, например, эта гадкая Мари: я ей уже с час назад сказала, чтобы кипяток был готов, но она и до сих пор еще не приходила за кофе, следовательно, когда она еще придет, да когда кофе прокипятит, это еще час, а у меня ужасно как болит голова и есть хочется; я боюсь, каждую минуту меня вырвет, и всему этому могла бы помочь какая-нибудь чашка кофе, выпитая сейчас, между тем теперь я решительно не знаю, что делать и даже вот сейчас плакала,— так мне было обидно это. Федя на нее за это рассердился, но рассердился и на меня, зачем я по пустякам плачу. Какой он, право, нетерпеливый: ведь я не браню его, когда с ним бывают припадки или когда он кашляет, я не говорю, что это мне надоело, хотя, действительно, это меня заставляет страдать; а вот он так не может даже снести того, что я плачу, и говорит, что это надоело; как это нехорошо, право, зачем у него такой эгоизм. Мне было очень досадно, и теперь я иногда об этом горюю, что в Феде именно встретилось то качество, которого я так боялась в моем будущем муже, это именно отсутствие семейственности. Да, это уже решено, что он положительно не хочет заботиться о своей семье. Федя скорее будет заботиться о том, чтобы Эмилия Федоровна бедная (эта глупая немка) не нуждалась, чтобы как-нибудь Федя Д[остоев]ский не так много работал, чтобы Паше ни в чем не было отказу, между тем ему положительно все равно что бы мы оба ни чувствовали, ему все равно, что у нас того и другого нет,— этого он даже и не замечает. Наконец, так как я его жена,

следовательно, принадлежу ему, то из этого следует то, что он считает меня как бы обязанной переносить все эти мелкие неприятности и лишения. Положим, я бы ничего не сказала, если б действительно я знала, что у него у самого нет, но когда я знаю, что мы нуждаемся для того, чтоб не нуждалась Эмилия Федоровна и прочая компания, когда мой салоп закладывается для того, чтобы выкупить салоп Эмилии Федоровны, то, как хотите, очень нехорошее чувство рождается во мне, и мне ужасно больно, что и в таком человеке, которого я так высоко ставлю и люблю, и в таком-то человеке оказалась такая небрежность, такая непонятливость, такое невнимание. Он говорит, что обязан помогать семье брата, потому что тот помогал ему; но разве Федя не обязан также в отношении ко мне, разве я не отдала ему свою жизнь, разве я не отдала ему свою душу с полным желанием и с полной готовностью страдать для того, чтобы он был счастлив; он этого решительно не ценит, это так и должно быть. Он не считает себя обязанным заботиться, чтоб жена его была спокойна, чтобы каждую минуту не тревожилась о том, что завтра нечего будет есть[26]. Как это нехорошо, как несправедливо! Я сержусь на себя, зачем у меня такие дурные мысли против моего дорогого, милого, хорошего мужа. Верно, я злая!

В 12 часов я отправилась на почту, и мне там сказали, что есть на мое имя франкированное письмо, но что он мне его не отдаст, пока я не принесу ему своего паспорта, а ведь прежде всегда выдавали мне, но то был другой чиновник, а этот, верно, не такой доверчивый, а потому и потребовал наш вид. Я воротилась домой за паспортом и пошла на почту; мне тотчас же и выдали. Оказалось, что мама прислала нам полис на 172 франка на Париж. Я зашла с почты к банкиру и предложила ему разменять; он согласился, но сказал, что нужно будет вычесть 2 франка. Я сейчас же не отдала, а сходила сначала домой. Это я сделала для верности, чтобы Федя не подумал, что мне прислали больше, а я только скрыла. Потом, посидев немного и отдохнув, я окончила письмо к Ване; в начале оно было очень любезно и мило, но в конце, зная, что он сказал о нашем адресе, я ужасно его обругала, так что вышло по пословице: «начала за здравие, а кончила за упокой». Пошла я к банкиру, но его самого дома не было; расплатился со мной его приказчик, дал мне 17 золотых десятифранковых монет. Я пошла домой; почти совсем дошла, но вспомнила, что хотела купить катушку и иголок; купила все это и вспомнила, что не отдала еще письма, и должна была отправиться на почту. Идя туда, я заходила к одному сапожнику и показала ему свои сапоги, которые непозволительно разорвались; но он покачал головой и сказал, что следует принести их не на ногах, иначе он не может ничего сделать, но что, кажется, мои сапоги безнадежны и чинить их нечего, вообще же он сказал, что на этой неделе и думать нечего о починке. Ну, как же я буду ходить, если починить нельзя? Потом зашла в кондитерскую, мимо которой постоянно прохожу с завистью, и купила там пирожок сладкий, внутри сливки с орехом,— удивительный пирог, я не знаю, ела ли я что-нибудь подобное. Я так разлакомилась, что купила еще такой пирожок и Феде для обеда. Но здесь они дороги, именно за пирожок просят 6 Kr., около 6 копеек, это довольно дорого: у нас и в самых лучших булочных продают за 5 копеек. Я пришла домой и рассчитала, сколько у нас денег. Федя на меня сегодня что-то сердит; он встал, взяв 3 десятифранковые монеты, и сказал мне, что берет *мои* деньги, чего прежде никогда не было, потому что мы уже решили никогда не говорить ни *мои*, ни *твои* деньги, а всегда общие. Он ушел и, как

я потом узнала, пошел отдать деньги 4 флорина и 16 Kr. за сахар и прочее, что он недавно забрал в магазине. Я в это время занималась стиркою платков; они новые и нужно было все-таки вымыть, чтобы они не были так накрахмалены. Федя воротился домой через час и ничего мне не сказал, но я заметила, что он был чем-то расстроен; потом он мне сказал, что проиграл 5 талеров; что у него уже было 7 талеров, но он не удовольствовался и проиграл и свои. Я стала его утешать, чтобы он не сокрушался. Потом мы пообедали, и тогда Федя мне сказал, что берет те деньги, которые назначены на выкуп пальто, но пальто не выкупит, а пойдет играть. Что с ним было делать,— я ему дала; у меня тогда осталось 12 монет. Я была вполне уверена, что он проиграет, но дала,— что же делать; это еще не важность,— у меня еще довольно останется, чтобы жить. Он просил меня подождать его один час, чтобы со мной идти гулять. В 7 часов Федя, действительно, пришел и принес мне мелкого винограду ⟨.....⟩ и груш. Он мне сказал, что ему некоторое время везло, и у него было уже до 40 талеров, но он тогда начал ужасно как рисковать и осталось всего 21, с которыми он и ушел. Он вернул мне взятые у меня 10 талеров и оставил себе 11. Я была этому чрезвычайно как рада; теперь, если считать, у нас было 198 франков, значит, больше, чем прислано было сегодня мамою; а к тому же уже отдан долг за кофе. Федя тотчас же просил меня идти гулять, и мы отправились, но сначала зашли за табаком, и Федя на выигрыш купил себе две сигары, которые он уже давно не курил. Здесь я увидела карты, и так как мы давно собирались купить с Федей, то он мне и купил. Стоят они 30 Kreuz. и, как он сказал, самые лучшие. Показал он нам и другие, поменьше, но эти были лучше,— все тузы были окружены изображениями баденских местностей, но до того непохожих, что решительно разобрать было невозможно. Тут были еще карты Lenormand гадательные, маленькие, стоят тоже 30 Kr.: я их непременно куплю из любопытства. Потом мы отправились гулять к Старому замку, потому что мне давно хотелось узнать, что это за Sophienruhe, надпись которой находится на камне. Мы и пошли туда, но подошли к фонтанчику так поздно, что не решились идти отыскивать это неизвестное нам место. Посидели несколько времени у фонтанчика, и так как мне хотелось очень пить, то я и напилась с руки, вместо чарки, что было ужасно как неудобно, потому что вода проливалась гораздо раньше, чем я успевала поднести ее ко рту. Потом мы пошли назад и толковали о том, что как бы было хорошо, если бы нам возможно было бы выигрывать по 2 талера в день,— тогда мы могли бы понемногу выкупить наши вещи и преспокойно дожидаться Катковских денег. Но ведь это невозможно: у Феди решительно нет настолько характера, чтобы остановиться, когда он выиграет 2 талера; у него сейчас же является мысль, что вот следует выиграть не 2, а, по крайней мере, 50, сейчас же начинается мечта о тысячах, и чрез это решительно все теряется; между тем, я вполне уверена, будь он скромнее со своими желаниями, то непременно бы начал выигрывать понемногу, и, таким образом, мы бы могли жить не в такой бедности, как теперь. Долго мы рассуждали, что мне следует купить башмаки; я, разумеется, не сказала, что отдала свои сапоги починять, так как Федя не любит старых сапог. Да боюсь, что во всяком случае деньги будут проиграны, так лучше хоть бы обеспеченной на счет обуви и не ходить так, как я ходила, тщательно скрывая свою ногу. Когда мы подходили к дому, то Феде пришло на ум купить сыру; тут я попросила его купить и ветчины, потому что я давно уже мечтала о том, как мы купим ветчины, и как

я буду ее есть с уксусом. Федя пошел покупать, а я отправилась одна домой и сейчас же по приходе, как какой-нибудь ребенок, стала рассматривать купленные карты. Пришел и Федя и принес не только сыру, ветчины, но и прекрасной колбасы; я, право, мне кажется, никогда еще не едала подобной, так была эта хороша. Сидели мы не слишком долго, потом легли и отлично проспали ночь.

Суббота, 3 авг[уста]/22 июля

Проснулась я довольно рано и мне до того хотелось есть, что я принуждена была сказать через стену Мари, чтобы она приготовила мне кофе; она все это делала так тихо, что даже не разбудила Федю, когда приносила кофе. Видно, что она ожидала сегодня получить от нас что-нибудь и поэтому-то и была так любезна и расторопна. К пробуждению Феди был приготовлен и другой кофе. Потом я сходила к хозяйке и отдала ей 16 флоринов за 2 недели и при этом говорила, что она слишком дорого с нас берет, но она отвечала, что мы ей дорого очень стоим на одних дровах; будто бы она покупает дрова по 16 флоринов за сажень, а для нас много истребляют дров. Этому я решительно не верю, а думаю, что она хочет воспользоваться нашим бедственным положением и поэтому взять сколько возможно больше денег. Потом я оделась и пошла за башмаками к моему вчерашнему сапожнику и купила у него сапоги за 5 флоринов, и в прибавку он ничего не взял за починку сапог, которую порядился сделать за 30 Kr. Таким образом, собственно, новые сапоги мне обошлись в 4 флорина 70 Kr. Это вовсе не дорого сравнительно с другими сапожниками. Ему же я отдала и свои старые сапоги за 30 Kr. прося сделать к четвергу, не раньше. Отсюда я пошла покупать себе карандаш и в одном из лучших магазинов купила карандаш Фабера, но до того черный, что хоть это и № 2, но писать им нет решительно никакой возможности. Здесь я смотрела также разные дорожные мешки; один мне понравился, стоит он 4 флорина; я бы желала себе приобрести подобный, потому что у меня нет дорожного мешка. Потом я зашла к одному парикмахеру и здесь купила пудры за 36 Kr. башмачок; пудра у меня вышла уже больше месяца, так что мне захотелось, наконец, ее приобресть. Тут была пудра в 60 Kr., но она мне показалась дорога и я ограничилась этой в 36. При этом мы толковали с парикмахером о войне и о том, что ее теперь не будет. Затем я смотрела у него шиньон в виде косы, совершенно под цвет моих волос; стоит 25 франков, но я уверена, что он бы уступил за 20 франков. Отсюда я зашла в кондитерскую и съела вчерашний пирожок, но он мне показался не так вкусен, потому что уже был старый. Затем я воротилась домой, и у меня осталось 10 золотых монет, 3 талера и 10 талеров у Феди. Показав ему покупки, которыми я была сама очень довольна, я села шить, потому что, как я это заметила, когда у нас есть хоть немного денег, и я сердцем спокойна, то я делаюсь сейчас же веселее, болтливее, я могу думать о чем захочу, у меня является охота и шить, и читать, и писать все, что вам угодно. Между тем, когда я принуждена думать, что вот-вот пропадут наши вещи, мне тогда ни о чем больше не приходят мысли, и я ужасно как мучаюсь. Вот и теперь: я так долго не могла собраться перешить ворот у моей кофточки, ворот был мне узок, а сегодня я тотчас же принялась за дело и очень скоро его отлично сделала. Федя, между тем, ушел на рулетку; сказал мне, что если выиграет пять талеров, то сейчас и уйдет; но я его слову не поверила и убеждена, что он непременно проиграет. Взял он с собою свои 10 талеров. Через несколько времени он

воротился и сказал, что проиграл; сказал, что сначала у него пять первых ставок были удивительно как хороши,— что ни поставит, то возьмет, так что у него с первого разу очутилось 8 талеров выигрыша, но тут он не захотел остановиться и, разумеется, стал бог знает как ставить и все проиграл. Ну, это было бы еще ничего, но мне было страшно жаль, что он был сильно опечален. Он просил меня дать ему еще 2 золотых монеты и 3 моих талера. У меня осталось, следовательно, всего только 8 золотых. Я ему дала, но была убеждена, что он и теперь проиграет. Он пошел и вскоре вернулся в ужасной досаде. Он говорил, что сзади его стояла какая-то русская дама, которая все время то и знай, что тараторила, так что сбила Федю с толку. Ну, разумеется, он в досаде все и проиграл. Он просил меня дать ему еще 3 золотых монеты. У меня осталось 50. Господи, как мне это было больно; следовательно, уж платья мои и все мои хорошие вещи непременно пропадут,— это уже решено, потому что каким образом можно ожидать, чтобы он выиграл[26*]. (Это Федя подошел ко мне и показал мне, где я должна ему прочесть, и размарал мне страницу, за что и получил нагоняй.) Он непременно проиграет и эти. Когда он воротился, я встретила его восклицанием: «Ну, не волнуйся, бедный Федя!»,— даже не видев его лица, так я была убеждена, что он непременно проиграл. Тогда он стал меня просить дать ему еще 10 франков, последних, как он говорил, хотя он и был уверен, что непременно и их проиграет. Я дала; у нас осталось 40. Ну, теперь прости мои платья, уж теперь они окончательно пропали,— теперь нельзя ожидать, что можно будет их выкупить. Действительно, Федя пошел и проиграл, хотя сказал, что когда выиграет 2 франка, то уйдет; но он выиграл не 2, а 4, а все-таки не мог удержаться и уйти, за то и все проиграл. Господи, как мне это было больно, как мне было тяжело; теперь опять все пропало, даже моя охота шить или что-нибудь делать; опять начались грустные мысли, опять тоска. О, господи, да когда мы, наконец, вырвемся из этого проклятого омута, в котором решительно погрязли; я думаю, что нам не вылезти, потому что все будем сидеть да сидеть, играть да играть, все рассчитывать на большой выигрыш и, разумеется, все просвищем. Стали обедать; за обеды за 4 дня я отдала 10-тифранковую монету. Осталось 30 франков и несколько мелочи. После обеда Федя выпил чашку кофею и в 5 часов лег, прося разбудить его в половине 6-го. Я тоже легла на постель и стала засыпать. Но в 25 минут 6-го Федя встал, подошел к моей постели и поцеловал меня, а я сказала: «Что ты, Федя?» Он уже отошел, но потом оборотился ко мне, и вдруг с ним начался припадок. Как я испугалась! Я его хотела отвести на его постель, но не успела и прислонила его к моей постели, между кроватью и стеной, потому что у меня решительно не было сил положить его на постель, и он все время стоял, полулежа, пока с ним были судороги. И потому от этого-то у него теперь и болит так нога правая, потому что он ею упирался в стену. Потом, когда судороги кончились, Федя начал ворочаться, и как я его ни удерживала, сил у меня настолько не хватило, чтобы окончательно удержать его. Тогда я положила на пол две подушки и потихоньку опустила его на пол, на ковер, так что он удобно лег, распустив ноги. Потом расстегнула ему жилет и брюки, так что он мог дышать посвободнее. Я заметила сегодня в первый раз, что у него губы совершенно посинели, и лицо было необыкновенно красное. Как я была несчастна! Он на этот раз довольно долго не приходил в память, а когда

[26*] В записной книжке чернила размараны (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

начал приходить, то, как мне ни было горько и больно, но меня рассмешило, что просьбы, обращенные ко мне, были на немецком языке. Он говорил: «Was? Was doch? Lassen Sie mir» [27*], и много еще разных немецких фраз; потом назвал меня Аней, просил прощения и решительно не мог меня понять. Потом просил денег, чтоб идти играть. Вот хорош игрок,— воображаю, как бы он там играл, но мне кажется, что именно тогда бы он и выиграл, хотя его бы и обманывали, без этого не обошлось бы. Когда Федя пришел в себя, он встал с ковра и начал ходить по комнате, стал застегиваться и просить дать шляпу. Я думала, не хочет ли он куда-нибудь идти. «Куда же ты идешь?» — спросила я его.— «Comme ça» [28*],— отвечал он. Я решительно не понимала и заставила его повторить, потому что мне послышалось, что он идет в колбасную. Потом я упросила его лечь спать, чего он решительно не хотел и даже начал браниться, зачем я его укладываю, зачем я его мучаю. Наконец он лег, но спал все урывками, не больше 3/4 часа, просыпаясь каждые 10 минут.

В 7 часов мы вышли из дому, но дорогой Федя вдруг захотел поцеловать мою руку и объявил, что иначе не будет считать меня своей женой; разумеется, я его отговорила,— это на улице при народе вышло бы крайне смешно. Потом Федя сказал, что хотел бы очень шоколаду; хотя это стоит 18 Kreuzer' ов, но я согласилась, и мы пошли. Но шоколад готовили очень долго, так что Федя, выпив содовой воды, несколько времени сидел, но, наконец, вышел из кофейни и пошел один походить, а я, делать нечего, осталась дожидаться шоколаду. Наконец, его принесли, хоть и долго, но зато он был хорош и так много: в этом небольшом кофейнике были две большие чашки, и шоколаду удивительно хорошего, так что я с удовольствием выпила. Пришел Федя, и мы отправились к вокзалу. Сегодня там играет австрийская музыка, вероятно, та самая, которая получила первую золотую медаль на парижском состязании. Теперь она возвращается домой и вот дает концерт. Все дамы необыкновенно как разодеты, в светлых, прекрасных платьях; весь город, все городские баденские франты так и спешат туда. Мы тоже пошли. Среди луга выстроено возвышение, украшенное флагами и венками, а также увешанное множеством разноцветных [29*]. Австрийцы в белых мундирах и их очень много. Но публики масса,— просто яблоку негде упасть. Мы несколько времени гуляли по боковой аллее; в главную входить не могли по причине моего дурного наряда. Ходили мы, ходили, но музыка нам решительно не нравилась. Были мы, может быть, в дурном расположении духа и потому нам все не нравилось, не знаю хорошенько, но музыкой мы остались недовольны. Федя так ослабел, что едва передвигал ноги; мы и зашли в кабинет для чтения, где, разумеется, никого не было. Да и какой такой любитель чтения решится в виду музыки идти читать какую-нибудь пустую газету. Был, правда, тут какой-то старичок, но я подозреваю, что он глух, а потому не занимается музыкой. Я взяла «Северную Почту», стала читать о ⟨......⟩, напугавшем императрицу. Потом Федя передал мне «Московские ведомости», где я читала рассказ о преступлениях, о подделке кредитных билетов [27]. Мы разговаривали между собою во время чтения, и вдруг Феде вздумалось сказать мне, что я дитя; потом он мне объяснил, что у меня было такое детское лицо,

[27*] Что? Что такое? Оставьте меня (*нем.*).
[28*] Да так (*фр.*).
[29*] Так в подлиннике.

какое-то будто бы милое личико. Федя не дал мне дочитать «Ведомостей», и мы пошли домой, потому что Феде было ужасно как холодно, да и мне тоже, потому что на мне была легкая мантилья. Пришли домой; по дороге Федя зашел за папиросами, но так как у него все деньги вышли, то он взял в долг, обещая завтра занести. Я сидела недолго, сейчас же легла на Федину постель и проспала так до 12 часов, когда Федя меня разбудил и просил перелечь на свою постель. Он очень боялся припадка второго, но я его уверяла, что второго припадка ни за что не будет, а что это ему только так кажется. Заснула я очень скоро и видела во сне, что Федя будто бы отдает меня на воспитание в воспитательный дом; что нам обоим это не нравится, что нам не придется видеться по целым неделям; я в то же время думала: и зачем это он вздумал меня отдать на воспитание; кажется, училась — училась 7 лет в гимназии, рада была, что оттуда вырвалась, а тут он вздумал отдать меня еще учиться, между тем как мы так хорошо с ним жили. Тут мне было так тяжело подумать, что нам вместе жить уж не придется. «Какой детский сон»,— сказал мне Федя, когда я ему поутру это рассказала.

Воскресенье, 4 авг[уста]/23-го июля

Встала я довольно рано, но, к счастию, меня сегодня почти совсем не тошнило, а может быть, еще и потому, что я съела немного цыпленка, оставшегося от вчерашнего обеда. Потом проснулся Федя, и я заказала кофе, который, не знаю, по какому чуду, сегодня сделали очень скоро. В 12 часов я отправилась на почту и по дороге купила себе Fastenbretzel, крендель с солью, которые здесь делаются только для воскресенья, в иные дни они совершенно не раскупаются. На почте нет ничего. Когда я пришла домой, Федя был уже готов, чтобы идти на рулетку. Взял он с собой одну 10-тифранковую монету. Я одевалась, а Мари стала прибирать комнаты. Вдруг пришел Федя, и мы сейчас же прогнали Мари вон. Федя мне сказал, что он проиграл, что у него уже было 4 выигранных монеты, но ему захотелось больше, и он все проиграл. Просил он у меня еще 10, но я сказала, что ведь всего-то у нас 20 франков и помощи уже ждать не от кого,— когда еще пришлет Катков, а между тем хоть умирай с голода. Мне сделалось так горько, что я расплакалась. Я ему сказала, что плачу от того, что мне представляется, что мы целые месяцы еще не выедем из Бадена, все будем играть, дожидаться огромного выигрыша и непременно здесь останемся еще месяца 4, потому что на присланные Катковские деньги мы тоже станем играть и тоже проиграем. Может быть, все это было сказано несколько жестко, но что же было мне делать? Ведь я первый месяц терпела и ни слова не говорила при самых последних деньгах; но тогда у меня всегда впереди мелькала мысль, что моя мама может помочь, да еще была надежда заложить платья и золотые вещи, а теперь все это уже заложено и, вероятно, не выкупится, а просить у мамы и невозможно, да и стыдно. Вот, может быть, отчего я и была несколько нетерпелива, именно, я горевала, зачем у Феди не может исчезнуть мысль, что он непременно выиграет тысячи. Мы видим, что это невозможно, а если довольствоваться 2 талерами выигрыша, то можем, по крайней мере выкупить наши вещи и как-нибудь выбраться из этого проклятого болота. Но я все-таки дала Феде деньги, но он мне сказал, что одна 10-тифранковая монета не составит 3-х талеров, а ему хочется начать с 3-х. Тогда я предложила ему разменять 10-тифранковую монету, но с тем, чтобы он непременно принес эти 2 талера назад, чтобы нам возможно было прожить еще 2—3 дня. Федя меня спросил, неужели

я не верю, что он принесет эти деньги назад? Я отвечала откровенно, что не верю. Тут ничего не было обидного: дело в том, что ведь каждый человек в надежде выигрыша поступил бы так, я бы сама так поступила, а потому думаю, что и он так поступит. Федя взял эти 2 десятифранковые монеты, а мне сделалось так грустно, что я лежала на постели и плакала очень горько. Мне было больно, что и эти деньги будут проиграны, и что у нас, таким образом, ничего не останется. Прошло более часу, когда Федя пришел домой. Я встала к нему, и он сказал мне, что принес только один талер. Я подумала, что это выигрыш, была очень рада и говорила, что буду довольна, если б он каждый день приносил по талеру,— и то было бы очень хорошо. Меня, действительно, мучила совесть, что я давеча резко сказала Феде, и я стала просить у него прощения. Но тут он мне показал кошелек с талерами, и их оказалось по счету 30, то есть около 110 франков. 25 Федя оставил мне, а 5 взял себе. Он мне предложил идти гулять, но у меня болела голова; до обеда оставалось недолго, и гулять далеко нельзя было, потому он пошел один покупать фрукты. Принеся эти деньги, Федя сделался как бы несколько колким в отношении ко мне; так, он говорил, что думал, если он проиграет деньги, то я на него наброшусь. Как это нехорошо! В целый месяц сегодня было в первый раз, когда я заметила, что проигрывать нехорошо, потому что это у нас последние деньги и решительно неоткуда получить помощи. И за это-то надо уже упрекать. Вообще он очень недоволен тем, что я давеча ему это заметила. Он не рассуждает о том, как мне бывает тяжела вся эта история, как меня раздражает постоянное неимение денег, да и в будущем представляется одна бедность и недостатки. Федя ушел за фруктами, прося меня велеть Мари накрывать на стол. Феди порядочно долго не было. Я пока звала Мари, но ее куда-то услали с детьми, да и Терезы дома нет, так что прислуживает сама мадам. Наконец, Федя пришел ужасно сердитый и объявил мне, что проиграл 5 талеров; что вот я не хотела с ним идти гулять, так вот он и проиграл, и требовал, чтоб я дала ему еще 5 талеров. Очевидно, он пошел опять на рулетку и опять их проиграет, да иначе и невозможно. Я, действительно, очень раскаивалась в том, что не пошла с ним гулять. Действительно, этого бы не случилось. Но разве я знала, что он будет так неблагоразумен? Нет, впрочем, я это знала, что он непременно пойдет на рулетку. Взятые 5 талеров, разумеется, уже теперь лежат у крупье, потому что нет никакой возможности думать, что он мог теперь сколько-нибудь выиграть. Нет, решительно Федю следует беречь не только от других, но и от самого себя, потому что он решительно над собой не имеет ни малейшей воли. Скажет так, обещает, пожалуй, даже даст честное слово, а поступит непременно не так, как сказал. Я вполне убеждена, что если у нас с ним выигрыш дошел тогда до 168 золотых, то это только потому, что деньги были не у него, а у меня, что я давала ему по 5 монет, а не больше. Иначе он бы проигрался в первый день своего приезда в Баден. Удивительный он человек, но какой хороший!

Мы сегодня хотели идти в Alt-Schloss пить кофе, но это нам навряд ли удастся: во 1-х, проигрыш — это уже так раздосадует Федю, что он, разумеется, будет сердит, а с сердитым человеком решительно нельзя гулять. А во-вторых, сегодня что-то пасмурно, вероятно, будет дождь, ну а при дожде уж какое гулянье! А, право, досадно,— хотелось бы пройтись, потому что решительно делать нечего, шить неохота, да и праздник. Вообще не знаю, как это устроится. Мадам мне говорила, что сегодня опять будет австрийская музыка. Сегодня я, действительно,

видела, как музыканты расхаживали по всему городу. Как я говорила, так и случилось: Федя вернулся, отдав эти деньги рулетке. Впрочем, он проиграл не 5 талеров, а только 3, два у него остались, и на них он купил слив и груш, а также запасся табаком и сигарами. Он на меня ужасно рассердился и все время упрекал, зачем я не согласилась тогда идти гулять. Но, боже мой, да разве я могла знать, что такая вещь случится? Федя ужасно рассердился, когда увидел, что кушанье еще не принесено. Но что же было делать? Мари куда-то была услана с детьми, а Тереза куда-то тоже ушла, да и запропала, так что хозяйка сама накрывала нам на стол. Пока Мари отправилась за обедом, Федя ушел купить сыру и купил целый фунт, а также был настолько предупредителен, что купил также 5 пирожков в той кондитерской, в которой я постоянно беру, а именно тех пирожков, которые я люблю. Вообще Федя очень предупредительный человек и умеет угождать, и как я его люблю. Он пришел, и мы пообедали. Мне было ужасно больно, что деньги проиграны, а еще больнее тем, что Федя меня одну обвинял в этом случае. После обеда и кофе Федя вдруг опять вздумал идти на рулетку. Он просил у меня 5 талеров, сказав, что на 3 только будет играть. Я его очень просила не ходить сегодня, а пойти на завтра утром, но ничего на него не могло подействовать,— что он непременно захочет, то уж непременно и будет. Делать было нечего, пришлось мне дать ему 5 талеров, про которые я была так и уверена, что он их назад не принесет. Так и случилось: не прошло и 20 минут, как он снова воротился и опять начал меня упрекать, зачем я не пошла в Старый замок, что я все тут виновата, что он и теперь проиграл. Федя до того доходил, что бил себя в голову, бил кулаком об стену,— меня это даже испугало. Господи, да я сию же минуту только что останавливала его, чтобы не ходить на рулетку сегодня,— ведь не послушался же он. Мы поскорее оделись и пошли гулять, но дорогой Федя был ужасно как скучен, так что я решительно не знала, о чем мне с ним и заговаривать. Вообще 3-й день после припадка для меня бывает самый тяжелый день. Я знаю очень хорошо, что бедный Федя и сам готов бы был освободиться от своей тоски, да не может. Он в это время делается ужасно капризным, досадливым; так, напр., он сердился, когда мы гуляли, что я часто просила сесть: говорил, что когда я одна хожу, тогда я не устаю, а когда с ним, так и усталость является. Потом бранил, зачем я иду не в ногу, потом зачем пугаюсь, одним словом, за все, за что никогда не побранил бы в здоровом состоянии. Пошли мы с ним в Старый замок и шли довольно тихо, но когда стали подходить, то услышали вдали в вокзале хор австрийской музыки: здесь как-то особенно ясно слышно. Мы пришли наверх, где публики сегодня совсем не было. Да ведь вся она теперь на гулянье, так что нельзя было ее ожидать. Был здесь какой-то немец с немкой, попросившие меня указать им дорогу, да еще какой-то сморчок, низенький старичок в пледе, очень смешной, который вертелся около нас. Мы уселись на террасе и стали слушать музыку. Не знаю, может быть, мы были в лучшем расположении духа или, действительно, музыканты играли лучшие пьесы, но музыка мне очень понравилась; весь выбор был очень удачен. Так сидеть было нельзя, потому что к нам уже подходил лакей. Мы спросили кофе, но без масла и хлеба; нам принесли. Стоит 24 Kreuzer'a, да лакею 6, всего 30 Kreuzer'ов, но, право, не стоило, потому что Федя совершенно своей чашки не пил, а я так свою выпила с трудом, потому что был почти весь цикорный. Мы сидели, пока не стемнело, потом пошли домой, но музыка слышна уже очень плохо, потому что за лесом она не так была слышна,

как на высоте, где ничего не мешало. Наконец, довольно усталые, пришли домой; музыка несколько развеселила Федю, так что он сделался не так скучен, как давеча. Я все боялась, чтобы с ним не сделался новый припадок в лесу,— вот было бы несчастье! Пришли домой, напились чаю.

Понедельник 5-го августа/24-го июля

День сегодня довольно хороший, встала я рано, потому что разбудил меня шум кузницы. Пила кофе без Феди. Потом принялась за шитье и починила его панталоны. Вот бы что нам следовало бы приобрести,— это именно панталоны: уж так нехороши, что просто и сказать стыдно, а мы вот все не можем никак собраться этого сделать. Потом я принялась за окончание моего лифа, который начат был очень давно, но как-то все откладывался в сторону, так что и до сих пор не готов. Но сегодня я как принялась, так и мигом его сделала. Федя, между тем, пошел на рулетку, взяв с собой 5 талеров. Пришел он час спустя и с очень грустным видом попросил еще 5. Я уже встала и подошла к комоду, чтобы вынуть еще 5 талеров, как он вдруг показал мне кошелек, набитый талерами, которых у него оказалось 31 штука, что с моими 10-ю составляет 41 талер. Я тотчас же спросила у него 1 талер на разные разности, и у нас осталось 40 талеров, то есть 150 франков. Федя решил идти сейчас же и выкупить у Weismann'a мои два платья, а также свое пальто. Для этого он взял с собою 15 талеров. Он скоро воротился и принес с собою мои платья. Weismann оказался добрым человеком. Он взял процентов всего только 2 франка; это очень мало, за 30 франков — 2 франка, хотя, впрочем, мы держали его деньги не больше 10 дней. Josel, у которого заложено Balton (как он называл пальто), Федя не застал дома,— куда-то уехал, и это помешало ему выкупить. Мне это очень досадно,— я так боюсь, чтобы деньги как-нибудь не ушли у нас из рук; все-таки было бы надежнее, если б эти вещи были бы уже выкуплены, чем если они еще находятся в руках этого дурного человека. Федя пресмешно рассказывал мне, как он пришел тогда к Josel'ю и, увидав в нем того самого человека, который к нам приходил, тотчас же, не стесняясь, надел на себя шляпу. Но Josel, объявил, что видит Федю в первый раз и что никогда у нас не был. А потом, когда стал осматривать пальто, то сказал, что у того пальто была разорвана подкладка, следовательно, таким образом, признался, что знает уже нас. Было 3 часа; до обеда оставался целый час. Федя не знал, что дома делать, и поэтому отправился в читальню. Я вышла вместе с ним, потому что пошла к моему сапожнику отдать Федины сапоги починить, иначе просто срам, так они разорваны. Дорогою я взяла с Феди слово, что он не пойдет на рулетку, и сказала, что он много раз давал мне слово, но потом ему изменял. Он отвечал, что слово слову рознь, и что теперь он дает мне честное слово. Сапожник, посмотрев сапоги, сказал, что возьмет за них 96 Kreuzer и приготовит к завтра вечеру, но, когда узнал, что мне нужно поскорей, то обещал приготовить к 3-м часам. Ну, разумеется, я уже и не стала торговаться, потому что 96 Kreuzer'ов вовсе не такая большая цена, а главно́е, что он сделает хорошо и скоро. Пришел и Федя; как оказалось, действительно, не был на рулетке, а был в читальне, а оттуда заходил покупать фрукты, которых купил ужасное множество, так что я и не знаю, как мы их и съедим: винограду, гранатов, абрикосов, слив белых, черных, малиновых и разных груш,— просто объеденье да и только. Федя пошел, взяв с собою 5 талеров на выкуп пальто и 5 талеров на игру, но мне кажется, что он этого Josel'я дома не застанет, а потому пойдет на рулетку

и проиграет все 10 талеров. Вот это будет уж очень худо, потому что поставит нас опять почти в такое же положение, в котором мы находились вчера или 3-го дня. Но я ошиблась в моем глупом предположении; когда Федя ушел, я пошла на почту спросить,— нет ли писем? Письма, разумеется, не получила, но когда возвращалась домой, то встретила Федю. Он шел из дому, где очень стучался и с досадой узнал, что меня дома нет. Он был у Josel'я, взял от него пальто, так что я, винюсь, на этот раз ошиблась, думая, что, вероятно, он проиграет все 10 талеров. Я пошла домой, а Федя на рулетку, но мы сговорились сойтись в читальне, куда я хотела скоро прийти. Я зашла домой, и здесь мне Мари рассказала, как господин приходил, как стучался, и как меня не было дома,— ее это все ужасно как интересовало. Потом я пошла; по дороге зашла в магазин и купила себе карандаш. Как здесь странно: здесь не второй № средний, а чем дальше номер, тем карандаш делается тверже. Я спросила, нет ли у них стенографических карандашей; та отвечала, что нет, но посоветовала мне взять 4-й номер, который, действительно, оказался очень хорошим. Я стала подходить к вокзалу, как мне навстречу попался Федя. Он уже успел проиграть и, не найдя меня в читальне, шел домой, чтобы взять еще денег и идти играть. Но я его воротила и кое-как уговорила идти со мной погулять, хотя ему ужасно как хотелось опять пойти и попытать счастья. Он говорил, что у него уже было в руках 4 талера выигранных, но ему захотелось больше, ну, разумеется, все и проиграл. Я ужасно боялась, как бы ему сильнее не захотелось играть, тогда бы пришлось воротиться домой и непременно дать ему деньги для игры. У нас оставалось 20 талеров, но из этого следует вычесть за кофе, сигары и свечи 2 талера, один талер сапожнику и 1 прачке, итак, остается 16 талеров. Но ведь зато выкуплено пальто и 2 платья, а это уж очень большой шаг на пути к нашему обогащению. Я постаралась отвести Федю подальше и просила его показать мне тот вид, которым он так любовался когда-то. Он меня повел. Дорогой мы все шутили. Федя представлял, как мы здесь заиграемся и проживем лет 5 и сделаемся *старенькими старичками*, худенькими, как эти немцы, и не узнают нас, когда, наконец, мы воротимся в Россию. Федя, несмотря на дурное расположение духа, весело шел сегодня и привел меня к одному месту, откуда открывается прекрасный вид на какой-то замок и горы. Он начал восхищаться этим видом, говоря, что это очень хорошо, что так именно и рисуют на подносах. Действительно, его слова были очень верны: так и есть, и хоть вид и был хорош, но, действительно, был похож на рисунки подносов, где обыкновенно представляют замок, небо и горы. Федя рассказал мне, что сегодня слышал прекрасного тенора и думает, что, вероятно, это пел кто-нибудь из артистов. Я спросила Федю, как он думает, можно ли влюбиться в голос. Он отвечал, что не знает, но чтобы я спросила у Краевского. Я сначала не поняла этого каламбура, да и спрашиваю: «Отчего же у Краевского?» Федя отвечал: «Ведь Краевский издает "Голос"». Гуляли мы довольно долго, а потом зашли в читальню, где сегодня было очень мало народу. Федя сел посредине стола, я поместилась около него, и мы оба читали. Как вдруг входит какая-то дама, оперлась на плечо Феди и начала ему что-то быстрым шепотом говорить. Я видела, какую удивленную физиономию сделал Федя. Наконец, он обернулся к ней прямо лицом, и тогда, увидав, что это совсем не тот, кому она хотела сказать, дама стала перед Федей извиняться за то, что приняла его за знакомого. Я сразу приметила, что это была ошибка, и потому углубилась в чтение газеты. Но

меня это до того насмешило, а особенно удивленный вид Феди, что я решительно не знала, что мне делать. Смех меня душил ужасно, но я сделала вид, что смешное что-то вычитала из газеты, а отнюдь не смеюсь над этим происшествием. Читали мы довольно долго. Потом вошел какой-то господин, как мне показалось, чуть ли не Миклашевский[28], не знаю наверно, может быть, и не он. Он что-то смотрел на меня; вероятно, если это он, то находил сходство мое с Машей, потому и смотрел. Мы послушали немного музыки и отправились домой, а Федя ходил за кофе, сигарами и свечами, так что мы теперь обеспечены на этот счет еще на несколько дней. Это меня хоть несколько успокаивает. Но за кофе с него взяли 56 Kreuzer'ов. Это слишком дорого; обыкновенно, кажется, мы брали по 36, если я только не ошибаюсь. Потом я легла спать и проспала до 12, а затем пришел Федя прощаться на ночь и был очень мил со мной, говорил, что меня очень любит, что очень, очень любит меня, что трудно такую, как я, и найти. И я была очень счастлива его словами.

Вторник, 6-го августа/25 июля

Проснулись мы в очень хорошем расположении духа, так что Федя даже смеялся, лежа в постели, и дразнил меня, по обыкновению. Милый Федя, какой он славный и как меня любит. Это он мне говорит, и я вполне этому верю. Но меня всегда только одно и страшит, что вот приедем мы в Петербург, все это окончится. Опять он станет тем нервным человеком, которым был в Петербурге, станет Паша бранить меня за каждый пустяк. Мне это даже больно и подумать — так мне хочется, чтобы наше согласие продолжалось так же хорошо. Мне ужасно больно подумать, что когда мы будем в Петербурге, то опять начнутся постоянные ссоры с Пашей, что тот будет меня обижать, а Федя не будет замечать, и за меня не заступится. Но это еще впереди, может быть, этого и не будет, а наша любовь останется такой же чистой, как и теперь. Я села шить что-то, потому что я рада: у меня явилась охота что-нибудь делать,— это тоже хороший признак; потом занималась стенографией. В 12 часов Федя пошел, взяв с собой 6 талеров; через час он пришел назад и сказал, что у него уже было 11 талеров, но потом, когда он пропустил zéro, у него пошло все хуже и хуже, и он окончательно проигрался. Мне это было очень больно. Но что же делать, я дала ему еще 5, он и эти проиграл; осталось из 19 талеров — 8. Потом пришел еще за 5-ю, я дала; осталось 3,— 1 на сапоги, 1 мой и 1 на прачку. Не прошло и 15 минут, как он воротился и попросил дать ему еще 2, так, что у меня остался только 1 талер, чтобы отдать сегодня за сапоги; больше ничего, кроме 1-го гульдена, нет: тут как хочешь, так и делай. Уходя, Федя просил меня не надеяться, чтобы он что-нибудь выиграл на эти 2 талера. Смешной какой, да разве это возможно, чтоб можно было что-нибудь выиграть всего-навсего на 2 монеты; нет, этого не может случиться. Я жду его с минуты на минуту, что он придет и скажет, что проиграл все. Тогда опять пойдут платья и пальто в заклад, опять Weismann выступит на сцену. Ох, как мне все эти дрязги надоели,— кажется, как бы была я рада, если б нам удалось хоть как-нибудь выехать из этого проклятого города; вот было бы для меня счастье-то; право, я бы была рада этому больше, чем если бы я получила какое-нибудь наследство. Я и забыла сказать, что вчера вечером дали Мари абрикосов и один гранат, которых я совсем не ем,— надоели очень, а абрикосы так мне кажутся ни больше, ни меньше, как сладкой репой, так что я совсем их не ем. Мари так обрадовалась

этим фруктам, что побежала поскорее показать Терезе наш подарок, поторопилась и упала на лестнице, причем опрокинула поднос и вместе с ним 2 тарелки, которые и разбились, так что наши фрукты достались ей, бедной, довольно дорого; я думаю, что наша хозяйка не простит их ей. Наша хозяйка казалась мне очень давно какою-то знакомой личностью; теперь я узнала и называю ее M-me Thénardier, этой бесчеловечной женщиной в романе Гюго[29]. Действительно, она очень похожа на это подлое существо, с своим громким, вовсе не женским хохотом, с своими мужскими ухватками и любовью, почти животною, к своим детям. Ну, Thénardier да и только. Хотели мы белье отдать в стирку, но теперь надо погодить, потому что денег нет заплатить; я очень рада, что я еще не успела отдать, а то какова же была бы моя досада, если б нечем было отдать прачке. Эти два талера пошли туда же, куда и все, так что у нас остался теперь только один талер, назначенный для сапожника. Бедный Федя пришел ужасно опечаленный, говорил, что он непременно сойдет с ума или застрелится, потому что чем же он заплатит свои долги, что долгов много, а платить нечем. Я, расстроенная, стала его уговаривать, что все это пустяки и что вовсе не следует так сильно отчаиваться. Потом мы легли вместе с ним на постель и долго разговаривали о нашем положении. Право, какие мы цыгане,— у нас то густо, то пусто, то были сегодня независимыми людьми, а теперь опять идем закладывать пальто. Господи, как мне все это наскучило,— когда кончится все это наше мученье, это вечная боязнь, что вот-вот проиграет, и опять у нас ничего нет[30*]. Теперь продолжаю начатое о сегодня. Нам было ужасно грустно, что проиграли талеры, и что у нас теперь ничего нет. Мы пообедали, и я отправилась сначала на почту, где, разумеется, ничего не получила, а оттуда за сапогами. Сапоги оказались починенными на славу, просто прелесть. Он говорит, что берется сделать новые за 7 флоринов,— ведь это довольно дешево, как мне кажется. После обеда Федя спрашивал моего совета, сегодня ли идти к Josel'ю заложить опять пальто, или ждать до завтра. Я ему советовала лучше ждать завтра, но потом, боясь, что завтра он дома его не застанет, предложила ему идти сегодня. Федя сначала сходил так один посмотреть, дома ли тот, и пред уходом мне говорил, что ему ужасно стыдно идти к нему, и что, может быть, он до него и не дойдет. Был, однако, у него, и теперь пошел, взяв с собою пальто. Мы положили с ним, что я приду в читальню и там встречу его, а чтоб домой он лучше бы уж и не приходил. Я отправилась в читальню, пришла и увидела, что Федя уже там. Он как бы и обрадовался, и испугался меня. Около него было пустое место, и я села; он начал тотчас же, что взял у Josel'я 6 флоринов и на свой флорин (что составит 4 талера) играл и все их проиграл, так что теперь у нас нет ни копейки. Тут он мне сказал, что ужасно как мучился; что он даже и сегодня утром проснулся раньше от угрызений совести, потому что я так кротка и ничего ему не говорю, а он так дурно поступает со мной. При этом Федя мне сказал, что завтра Josel придет к нам и возьмет пальто и фрак, но что деньги, которые Федя получит, он не понесет на рулетку, что он дает мне честное

[30*] Желая себя чем-нибудь развлечь от грустных мыслей, я записала тут мои воспоминания первой юности, именно от 1860, и поездку мою на дачу к Сниткиным в 1866 году. Эти воспоминания заняли страницы 88—94[30]. Если будет время, перепишу отдельно (*Примеч. А. Г. Достоевской*). Страницы указаны очевидно по нумерации оригинала 2 книжки, по единой же нумерации двух книжек, это должно быть с. 311—312.

слово, что он меня не станет больше мучить. Я слушала его с состраданием, и, право, мне было даже странно его такое отчаяние. Все это он говорил мне шепотом, а я его утешала, что это решительно ничего, что я и сама так бы поступила, как он поступил, что это не важность и чтоб он успокоился. Он был в таком отчаянии; говорил, что ему предо мною стыдно, стыдно глядеть на меня; что я ничего ему не говорю, а что он так поступает и все отнимает у меня. Говоря это, он мне сунул читать какую-то французскую газету, а я его просила дать мне русскую, мне хотелось бы прочесть русскую. Наконец, Федя немного успокоился, и мы сели и читали газеты. Сегодня музыка превосходная, окна открыты, и она слышна, я думаю, лучше, чем на воздухе. Играет военная. Играли увертюру «Egmont» Bethoven'a, потом Zampa, потом из «Don-Juan'a» Mozart'a. Последнее мы слышали, когда уже вышли на воздух и гуляли около вокзала. Тут бродили какие-то 2 француженки, которых Федя просто видеть не мог, так они ему надоели. Потом мы пошли домой и когда проходили мимо Hotel Victoria, то слышали дамские визги и крики. Мы не знали, что и подумать, как услышали дамский же голос, хохочущий и говорящий по-русски. Ну, разумеется, кто за границей себя дурно ведет, так это русские: они без визгов и криков и обойтись не могут, им нужно как можно больше произвести шуму, как можно больше обратить на себя внимание. Пришли домой, в горе напились чаю, но, право, мы вовсе не унылы. Или так много значит привычка: я уж так привыкла к этим беспорядкам, что меня не так сильно, как прежде, беспокоит наше положение. Когда Федя пришел прощаться, то он был в каком-то возбужденном состоянии. Он говорил, что любит меня без памяти, что очень, очень сильно любит, что он меня не достоин, что я его ангел-хранитель, посланный ему от бога, не знает за что, что он должен еще исправиться; что хоть ему и 45 лет, но он еще не готов к семейной жизни, ему нужно еще готовиться к ней, что ему иногда еще мечтается. Не знаю, что этим он хотел сказать,— уж не то ли, что он решился бы изменить мне. Ну, этому-то я, пожалуй, и не верю, а если это так, то мне ужасно грустно. Потом говорил: «Вот ты во сне видала, что я отдал тебя в воспитательный дом. Ну, как я могу отдать тебя куда-нибудь, когда я жить без тебя не могу». Говорил, что если б я велела ему броситься с башни, он непременно бы бросился для меня. Вообще видимо было, что он меня очень любит. Он говорил, что его иногда так и тянет прийти ко мне, сказать мне, поговорить со мной; так и хочется прийти. Он мне как-то говорил, что раз загадал на книге немецкой, как Аня посмотрит на его игру,— ему вышел ответ: «Это положение только счастливее скрепит ваше дружественное положение». И действительно, это правда: никогда мы не были так дружны с ним, как теперь; вместе тоскуем, вместе горюем, придумываем, как быть, что делать? О, господи, помоги нам, дай нам выбраться из этого проклятого города, где у нас было так много горя. Ночью я его спросила, думает ли он о Соне; он отвечал, что много и часто о ней думает, и прибавил, что, может быть, это будет мальчик. Я отвечала, что кто бы ни родился, но я буду все-таки счастлива. Тут Федя прибавил: «Вот поэтому-то мне и не следует оставлять Пашу», то есть это показывает, что Федя при рождении еще больше будет заботиться о Паше, чтобы показать, что чрез это нисколько к нему не изменился. А меня уже и теперь заботит будущность нашего будущего дитяти. Поэтому-то мне нужно и самой работать, работать, чтоб ребенок имел мою помощь.

Среда, 7 августа/26 июля

Мы нарочно встали пораньше, чтобы, если Josel придет, то мы были бы готовы принять его. Потом я села писать дневник, а Федя пил кофе (меня сегодня ужасно сильно рвало,— все, что я выпила, все вышло вон). В 12 часов пришел Josel. Федя отдал ему свой фрак, жилет и брюки и пальто, и за все это тот обещает дать ему 9 флоринов, с позволением выкупить через 15 дней. Он поставил на записке 19-е число, следовательно, не 15, а только 12 дней, но Федя уговорил его переписать. Таким образом, если у нас не будет денег, то все эти вещи пропадут за какие-нибудь пустые 9 флоринов. Федя отправился к Josel'ю и оттуда на рулетку, где и проиграл 2 талера, так что у нас осталось 5 флоринов, из которых мы должны отдать за обеды 3 флорина, следовательно, остается всего-навсего 2. Федя сегодня был в удивительно смешливом состоянии, все время хохотал ужасно. Мы всегда так: когда у нас горе, то мы с ним хохочем, как сумасшедшие, точно у нас и в самом деле есть деньги, и мы решительно не нуждаемся. Вечером сходили на почту; опять ничего нет,— даже от Маши нет никакого ответа. Как это глупо; ну, не может дать денег, так, по крайней мере, неужели нельзя дать какой-нибудь ответ. Это даже уж и невежливо. Вероятно, после объявит, что не получала от меня письма, а то бы непременно дала. Вот она, помощь-то сестринская, а ведь, может быть, впоследствии я в 20 раз больше могу ей помочь. Писала немного стенографию; хочу ею хорошенько заняться, потому что мне кажется, если я хорошо записываю и при испытании окажусь лучше другого стенографа, то отчего же, при недостатке мужчин, не поместить и женщину, так что, может быть, и мне достанется местечко[31*]. Дай-то бог, вот бы хорошо: это было бы приданое моей Сонечке или для моего Миши.

Вышли мы из дому, чтобы идти читать, как вдруг пошел дождь, Федя непременно хотел воротиться, говоря, что будет дурно, если мы в дождь придем читать. Я же его уверяла, что никто не обратит внимания на то, что мы придем, а что все-таки лучше что-нибудь читать, чем сидеть дома, не зная, что делать. Мы пришли; в читальне было мало, но потом, к вечеру, набралось довольно много народу. Господи! что это за народ ходит в читальню! Порядочных почти никогда не бывает, потому что они или играют на рулетке, или достают газеты в тех гостиницах, где останавливаются, и им не для чего и ходить сюда. Сюда обыкновенно приходят баденцы, люди невоспитанные, так, напр., один сидел против нас, какой-то пожилой господин, то он все громко кашлял, то после солидного обеда начал икать, так что даже тошно становилось. Был тут еще один немец, в длиннополом сюртуке, человек, которого я ужасно как не люблю. Это какой-нибудь купчишка, который целый день мошенничает, а вот под вечер непременно ему нужно прийти сюда и читать газеты и узнать все новости. Обыкновенно он перечитывает очень много газет, потом отправится к шкафу и берет «La Revue de deux Mondes» и понемногу читает, так что, вероятно, прочтет только несколько страниц в день. Я непременно хочу ему насолить, именно взять эту книгу и читать ее целый вечер, так, чтоб ему и не досталось. Вообще от этих господ разносится какой-то особенный запах кислой капусты, чем-то ужасно скверным пахнет, так что иногда просто нет сил и сидеть тут. Читали мы довольно долго, все русские газеты, а потом я взяла французскую газету,— отчеты о преступлениях; это довольно интересно рассказано.

[31*] При новом суде (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

Наконец, Федя не мог высидеть и начал меня торопить идти домой. Мы пошли и еще несколько времени ходили у музыки, которая сегодня была довольно плоха. Пришли домой; я, по обыкновению, легла сейчас же спать, а Федя остался читать. Потом он пришел прощаться и говорил мне много хороших слов. Говорил, что меня любит теперь как-то странно, то есть ужасно беспокойно, так что это даже и самого его тревожит, что я Неточка, его счастье; что он говорит мне это не одни слова, но он говорит, что чувствует. Что если бы я как-нибудь ушла от него, мы бы не жили вместе или я умерла бы, то ему кажется, что он не знал бы, что ему и делать, что он просто бы сошел с ума от горя. Говорил, что только тогда и оживляется, только тогда ему и хорошо, когда он смотрит на меня, на мое «детское милое личико», как он говорит. Но боится, что все это переменится, и, может быть, через несколько времени я сделаюсь серьезной, скучной, холодной и спокойной особой, и что тогда он разлюбит меня. Вообще весь этот вечер Федя был ко мне очень любезен и видно, что он любит меня, а я его также очень люблю. Он просил меня беречь нашу Сонечку или Мишу.

Четверг, 8-го августа/27 июля

Сегодня день опять пасмурный, то и дело, что идет дождь, то перестанет, то опять пойдет, так что, право, и так скучно, а тут еще привязалась дурная погода. Читала я весь день сегодня «Desbarolles»[31], а потом писала стенографию. Днем Федя вдруг мне сказал, что ему хотелось бы ко времени моих родов переехать в Россию, но мне это показалось до того страшным, что я начала просить его не ездить, хоть я и знаю сама очень твердо, что ехать нельзя, потому что денег нет, чтобы заплатить долги. Мне кажется, что как только мы приедем в Петербург, все наше счастье непременно рушится. Теперь он один со мной, а там нас будет окружать так много людей, мне враждебных. Теперь Федя не сердится, мало раздражается, а тогда его каждый день будет бесить Паша. Опять будут мои беспрерывные ссоры с ним; так мне все эти дрязги надоели, что ужас, так что, как мне ни мечтается видеть маму, но у меня просто мороз по коже проходит, когда я подумаю, что мы поедем в Петербург, и тогда все переменится. Опять будет раздражение, опять он будет точно насмешливо и сердито обращаться со мной и показывать мне холодность при родных. Мне так больно подумать, что наше счастье рушится, что решительно не хочется возвратиться домой. Сегодня я писала маме письмо и очень плакала,— так мне было жалко бедную мамочку, так я ее много утруждаю моими делами. У ней и без того так много забот, и без моих дел, а я заставляю ее платить за меня проценты за шубу, за воротник и за множество вещей, заложенных в Петербурге. Господи, что бы, кажется, я ни дала, чтобы иметь возможность помогать маме. Как бы я была счастлива, если б мне удалось порадовать ее каким-нибудь подарком отсюда, но ведь это решительно невозможно, у меня нет денег. Федя несколько раз приходил ко мне и спрашивал, о чем я плачу; говорил, что ему очень и очень дело до слез его жены, что он не хочет, чтобы я плакала.

Мы нынче только и живем, что от обеда до чаю, от кофе до обеда. После обеда я отправилась на почту, узнала, что нет никаких писем, но там, на почте, я вспомнила, что написанное к маме письмо оставила дома. Вот хорошая память-то, право: именно затем пошла, чтобы отнести письмо и не отнесла. Я воротилась домой и взяла письмо. Дождик пошел, так что я принуждена была дожидаться окончания дождя то

в ⟨.....⟩, то где-то в подъезде. Писем опять нет; в досаде воротилась домой. По дороге встретила похороны; опять колесница с балдахином. Теперь я видела, что вместо дрог устраивается закрытый ящик, в который и вставляется гроб. Позади гроба ставятся две свечи и производится молебствие, по окончании которого эти две свечи тушат и дверца дрог закрывается, так что гроба совершенно не видать.

Вечером мы отправились с Федей немного прогуляться, но, не знаю отчего, я так ослабла, так что каждую минуту устаю ужасно. Мы прошли очень немного, только на гору пред вокзалом. Играла военная музыка, но какую-то дребедень,— не то похоронные марши, не то трепак, так что мы решили, что музыканты и сами не знают, что такое играют. Потом пошли в читальню; я взяла «La Revue de deux Monde». Здесь есть статья ⟨......⟩. Эту статью я и начала читать[32]. Только пришел и мой вчерашний лысенький старичок, которого я называю крысой, и тотчас же подошел к шкапу, чтобы взять «Revue». Не тут-то было: августовская книжка была налицо, а от 15 июля не было,— именно та, которую он читал. Он пересмотрел все газеты, которые тут лежали, и выбрал какую-то, но ему, должно быть, хотелось читать книгу, потому что он несколько раз подходил к шкапу и искал там книгу; потом подозвал заведующего книгами и просил его разыскать. Тот даже встал на стул и долго рылся наверху, потом принес книги за весь год, но, разумеется, книжки от 15 июля нельзя было отыскать, потому что я ее читала. Я только не понимаю, каким образом лысенький старичок не заметил, что книга эта мною читается. Федя не захотел долго сидеть, он, наконец, вышел из терпения и, кажется, хотел уйти. Тогда я тоже встала и положила книгу на место. Таким образом, вероятно, он найдет книгу и ужасно удивится, каким образом она тут очутилась, между тем как ее искали два часа и не могли найти. Я очень смеялась про себя, что оставила этого дурака без книги.

Сегодня Федя очень меня любит; мы то и делаем, что охаем и говорим: «Ах, Федя», а он: «Ах, Аня», все тут наше и утешение. Сегодня он несколько раз повторял, что никак не ожидал встретить такой жены, что он никогда не надеялся, что я буду такой хорошей, что ни в чем не упрекаю его, а, напротив, стараюсь только утешать. Потом Федя говорил, что если я такая всегда буду, то он решительно переродится, потому что я дала ему много новых чувств и новых мыслей, дала много хороших чувств, так что он и сам становится лучше. Я очень этому рада. Но под конец вечера мы с ним поссорились из-за того, что я легла на свою постель не раздетая: я утомилась, легла и потом так заспалась, что мне было тяжело встать и раздеться. Он за это рассердился, но потом, когда ночью пришел прощаться, то мы помирились, и он сам приготовил мне все ко сну, то есть спички и чай, как это он всегда делает.

Пятница, 9 августа/28 июля

Сегодня день отличный, недаром вчера улитки так и ползали по аллеям. Скука и тоска у нас ужасная. Я пишу стенографию и перевожу[32*], а Федя что-то пишет, но это нисколько не утешает меня. Мне все приходит на мысль, что вот у нас ничего нет, что вещи наши пропадут, и таких вещей мне больше никогда не приобресть. Хоть он меня и любит, но у него есть обязанности к своим родным, а они меня обижают.

[32*] Я упражнялась в переводах с французского в расчете впоследствии заниматься переводами (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

Я как-то сказала ему шутя, что любит-то он любит, а если б кто-нибудь меня обидел, то, вероятно, не защитил бы. На это он ужасно обиделся, говорил, что я не понимаю его любви ко мне. Но я привела ему пример — наши ссоры с Пашей, где он никогда не брал мою сторону. Федя отвечал, что все были пустяки, на которые не стоит обращать внимания, что Паша — прекрасный человек, следовательно, он вовсе не думал меня обижать. Ну, а если обижает? Что же мне за дело, что у него, в его словах, не было намерения обидеть, а между тем обижает; разве нельзя положить какой-нибудь предел такому обращению со мной?

После обеда пошла я на почту,— опять ничего нет; всем почтальонам надоела ужасно, а получить ничего не получаю. Я сегодня решительно расстроена, не знаю почему, или это от сильного жара, или оттого, что я много дома сижу, но я, только пройдя до почты, уж так сильно устала, что едва согласилась идти гулять с Федей. Притом же я была раздосадована тем, что не получила письма от Маши. Мне все кажется, что она вышлет мне деньги, а я из присланных денег возьму 15 франков и попытаю счастья: ну, выиграю, так выиграю, а если нет, так что же делать, вообще будет не велика важность. Поэтому-то понятна моя досада, когда я опять узнала, что для меня ничего нет. Потому-то я сделалась ужасно капризною, не хотелось идти, но Федя насильно потащил меня. Я на каждой скамейке останавливалась отдыхать, так как сильно уставала. Мы пошли по дороге в G⟨ernbach?⟩. Здесь на дороге у нас попросила милостыню женщина, и мы дали ей 10 Kreuzer., больше не могли, так как у нас мало денег. Шли довольно долго по дороге в G⟨ernbach?⟩, потом воротились и пошли к вокзалу. Зашли в читальню, но теперь я была наказана: именно, книгу, которую я вчера читала, теперь спрятали от меня, ее не было. Ну, что ж за важность,— нет, так и нет, не заплачу. Просидели до 9 часов; нам постоянно слышалось пение, вероятно, это кто-нибудь давал концерт в вокзале. Пришли домой; я стала читать, потом легла спать, потому что была довольно нездорова. Видела во сне Стоюнину с сыном на руках и Стоюнина.

Суббота, 10 августа/29-го июля

Наконец, пришла страшная суббота, в которую надо платить хозяйке за квартиру; заплатить нечем, так что придется извиняться перед нею. Денег тоже нет совсем, осталось только 12 Kreuzer'ов на Dienstmann'a, да и сахар весь вышел, потому я сегодня не пила утром чаю, не с чем было. Потом Федя сходил к Weismann'y. Тот велел зайти в 2 часа принести вещи; неизвестно еще, сколько он даст, может быть, всего-навсего 20 франков, а дожидаться нам по Фединому расчету придется, может быть, еще, по крайней мере, дней 11. Федя заходил на почту, но ничего не получил. Лежали мы на постели и толковали о нашем дурном положении. Говорили, что вот будем вспоминать: жара страшная, дети ревут, в кузнице молотками стучат невыносимо, денег нет ни копейки, вещи заложены и могут пропасть, тесные комнаты, звук надоевшего колокольчика, книг нет, а в виду еще возможность лишиться обеда. Да, вообще очень, очень дурное положение. Не дай бог, чтобы оно сделалось еще хуже,— уж тогда не знаю, что и будет. Потом Федя ходил к Weismann'y, но когда приводил с собой Dienstmann'a, то наша хозяйка стояла у подъезда и видала его. Она в то время разговаривала с другой какой-то женщиной и показала глазами на наш этаж, а пальцем на Dienstmann'a. Потом, когда Федя вышел, она пошла к мужу и, вероятно,

рассказала ему, что вот, дескать, понесли закладывать вещи, а, следовательно, нам ничего не отдадут. Федя от Weismann'а получил 14 гульденов, то есть 30 франков, но тотчас отправился на рулетку и проиграл 8 гульденов. Он говорил, что 2 раза у него сходилось выигранных денег 22 гульдена, но он этим был недоволен и проиграл последнее. Он вошел очень бледный и расстроенный. Меня это поразило, просто ужас, так что на этот раз я не могла удержаться, чтобы не сказать ему: «Ну, это глупо». Меня не столько раздосадовал его проигрыш, как то обстоятельство, что из его ума не может никоим образом исчезнуть (вырваться) идея, что он непременно разбогатеет через рулетку. Вот на эту-то идею я и сержусь ужасно, потому что она так много нам вредит. Но еще более меня разобидело то, что Федя вдруг начал меня обвинять в том, что проиграл: зачем, дескать, ты сказала, что вот можно было бы из этих денег заплатить хозяйке за квартиру,— я это вспомнил и решился играть, и проиграл. Разумеется, это меня разобидело, потому что это «с больной головы на здоровую». Теперь у нас осталось 6 гульденов, из которых 3 я отдала за обеды. Сначала мы погоревали, я особенно, но потом как-то успокоилась, и мне было решительно все равно,— ну пропадать, так пропадать.

Вечером я Феде предложила идти гулять. Мы отправились по Lichtenthaler Allee. Это прекрасная аллея, идущая, я думаю, версты полторы до Lichtenthaler монастыря[33]. Здесь большею частью прогуливаются и катаются в экипажах. Вид отсюда на горы, на замок и на город очень хорош, так что мы невольно залюбовались. Шли мы довольно весело с Федей, то есть он ужасно как скучал, зато я без умолку говорила, говорила, кажется, часа 2 сряду, не прерывая, но этим никак не могла развлечь Федю. Наконец, мы пришли к монастырю и зашли на двор его. Тут, на стене дома, я в первый раз в жизни увидала виноград кистями и гроздями. Это довольно красиво. Здесь мне в первый раз пришлось видеть на деревьях сливы и груши; в таком множестве я никогда не видала. В это время в монастыре в церкви происходило молебствие. Мы вошли в церковь. Пели мальчики и девочки здешнего приюта, но как-то нестройно, так что, мне кажется, это скорее нарушает, чем возбуждает благочестие. Но потом они пели под звуки органа, и это было, действительно, хорошо. У входа в церковь стоит изображение распятого Христа. Внизу сделана надпись: «Следует отпущение грехов тому, кто будет здесь в продолжение 5 лет читать „Отче наш" и две другие молитвы и совершать коленопреклонение». Среди двора находится большой бассейн с темной водой. По всему двору сделана аллея из прекрасных буковых дерев. Тут выстроена и другая церковь вроде какой-то молельни или погребальной часовни. Мы несколько времени слушали на дворе музыку органа, что мне очень понравилось. Потом пошли назад по аллее. Здесь на мосту написаны правила, за несоблюдение которых назначается штраф в 1 гульден 30 Kreuzer'ов. Я с большой осторожностью шла по этому мосту во избежание штрафа. Прогулка наша была очень хороша, особенно когда вышел месяц: на прекрасном, серого цвета, небе ясный месяц,— это очень хорошо. Наконец мы дошли до читальни и сели читать; но сегодня читали не больше часу, потому что мне все время страшно хотелось рвать, так что я под конец уговорила Федю идти домой. Он сейчас же встал, и мы пошли. Дорогою он меня упрекал, зачем я ему не тотчас же сказала, что мне нездоровится, он тотчас же бы пошел из читальни. Сегодня днем я стирала несколько платков, воротничков и рукавчиков. У нас теперь так мало чистого белья, что мне придется в понедельник выстирать Феде рубашку

и выгладить ее, а то решительно нечего надеть, а это будет уж слишком нехорошо, если ему придется носить грязное белье. Ночью, придя прощаться, он был до чрезвычайности мил и говорил мне ласковые слова. Как я его люблю и как я счастлива.

Воскресенье, 11 августа/30 июля

Сегодня день очень хороший, очень жаркий. Я ходила на почту, но ничего не получила. День проводила очень скучно, лежала на постели и читала какую-то давным-давно перечитанную книгу. Вечером мы пошли с Федей гулять и опять зашли на почту; писем опять нет. Мне всегда делается невыносимо грустно, когда я узнаю, что нет писем на наше имя. Так и теперь. Я так боюсь того, что вещи пропадут, что просто считаю их пропавшими. А это мне больно, потому что где мне достать таких прекрасных вещей, как кружевная моя мантилья или мои серьги и брошь, подарок Феди. Положим, что платья мои не пропадут, потому что им остается довольно большой срок, целый месяц; что же касается серег, мантильи, колец и Фединого платья, то это уже надо считать решительно пропавшими. Мы опять, как вчера, пошли по Lichenthaler Allee, и Федя мне предложил посмотреть: «Какой хороший вид». Я отвечала, что, по-моему, так этот вид решительно никуда не годится, потому что, когда я духом неспокойна, мне ничего не нравится и самый прекрасный вид не восхищает меня. Ну, кажется, этим никак нельзя было обидеться, да и намерения у меня такого не было, а он обиделся и объявил, что мне тогда незачем с ним и ходить. Так мы шли довольно долго, почти не говоря друг с другом. Дошли до монастыря, потом прошли все селение Lichtenthal, видели новую недостроенную церковь и потом поворотили назад. Мимо нас ходило очень много разряженных баденских жителей. Вероятно, они идут в Ebertsteinschloss, который, как говорят, здесь недалеко. Пришли мы к вокзалу довольно поздно. Дорогою Федя говорил бог знает что; говорил, что ему все равно до мнения Павла Григорьевича, до мнения Маши, мамы и Вани. Я отвечала, что Павлу Григорьевичу[33*] решительно все равно, будет он знать его или не знать; что тот уважает его, как литератора, а как человека, так ему, пожалуй, и все равно. Я решительно не понимаю, к чему эти все речи ведет Федя. Он говорит, что поступил дурно, играя на рулетке, но он будет судить себя сам, а не нуждается в суде других. Ведь я же ему 100 раз говорила, что не вижу в его поступке решительно ничего дурного, а поэтому осуждать его невозможно, а теперь этим же самым он и меня упрекает, как будто бы я говорила ему что-нибудь напротив. Пришли в читальню, посидели недолго, потому что было 9 часов. Мы ушли из дому и не приказали, чтобы нам приготовили чай. Мы пришли, и кипяток не был готов. Мари нам заметила, что дрова жечь даром не годится, что дрова покупают, и что за них бранится хозяйка. Так что мы должны были дожидать еще с добрых полчаса, когда готов был кипяток. Я выпила одну чашку чаю, и так как у меня сильно болел бок, то я сейчас же легла в постель и заснула. Проспала я, кажется, до часу ночи, наконец, проснулась и решительно не предчувствовала бури. Оказывается, что Федя обиделся тем, что я легла спать, ходил по комнате все это время и что-то бормотал про себя. Одним словом, он был в сильнейшем волнении. Я его спросила, что с ним; он отвечал, какое мне до него дело. Потом объявил, что страдает уже 7 часов, что я нарочно с ним не

[33*] Сватковскому, мужу моей сестры (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

говорила, что я будто бы нарочно отходила от него в сторону, когда я этого положительно не делала. Я его просила успокоиться и не шуметь сапогами, потому что хозяйка спит очень близко и будет обижена, если он разбудит ее детей. Я говорила не крича, но громко, вдруг Федя объявил мне, что если я буду так продолжать кричать, то он выскочит из окна. Вообще он был в страшном отчаянии, кричал, что обвиняет себя, что понимает наше тяжелое положение, и вдруг, ни с того, ни с сего, сказал, что ненавидит меня. Я ужасно обиделась этим и чуть-чуть не расплакалась. Я ушла в другую комнату и сказала ему, что это неблагородно — то он говорит: «Ты мне доставила счастье», то вдруг начинает меня ненавидеть. Когда я легла, Федя подошел ко мне и сказал, что он вовсе не желал меня обидеть, что он вообще был неспокоен, что его мучила мысль, что он меня своим безденежьем мучает, что в прежнее время я была спокойна. Положим, что это и правда, положим, что мое положение всегда было в 20 раз покойнее и счастливее теперешнего, так как не было этих дрязг. Вообще я была очень обижена. Мы простились, и так как я не могла долго заснуть, то Федя меня несколько раз спрашивал, не болит ли у меня что, и очень просил меня, чтобы я его непременно разбудила, если мне сделается хуже. Я ему обещала, но почти уверена, что не разбудила бы его, потому что помочь бы он мне не мог, а только наделал бы тревоги. Бедные мы с ним, бедные, а все из-за этой проклятой рулетки. Не было бы этого вечного безденежья, были бы мы оба спокойнее и счастливее. Ну, да бог даст, это кончится же когда-нибудь.

Понедельник 12 августа/31 июля

Встали мы довольно рано, и я принялась писать письмо к маме, просила, не может ли она прислать мне 20 рублей, чтобы выкупить мантилью[34*]. Написала и отправилась на почту, но здесь я получила от мамы письмо, которое и прочитала на почте. Господи, как я была раздосадована! Мама пишет, что Паша был у нее, и он сказал, что я беременна. Мама, разумеется, была очень обижена, что она узнала эту новость от какого-то мальчишки, как она сама пишет, между тем как я обязана была бы написать ей первой об этом[35*]. *Продолжаю:* о Каткове

[34*] Мантилья была настоящего кружева Chantilly, подарок мамы, и я знала, что она будет огорчена, если она пропадет (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

[35*] Павел Ал⟨ександрович⟩ Исаев, очень беспокоившийся насчет того, что у Ф. М. будут дети, и тогда он меньше будет давать ему денег, решился употребить хитрость и в разговоре с моею матерью утвердительно сказал о моей беременности, ожидая, не подтвердит ли она это обстоятельство. Что же касается того, что мы *сами* не извещали мою мать о будущей нашей семейной радости, то, во-первых, мы и сами на первых порах не были в этом уверены. Во-вторых, когда начались наши денежные неудачи, и мне пришлось просить маму о деньгах и тем обнаружить наше неважное материальное положение, я не решила ей писать, потому что знала, что, при ее любви ко мне, она будет беспокоиться, как бы мои заботы и неприятности не повлияли бы на мое здоровье. Была и еще причина, именно: я боялась, что мама будет настаивать, чтобы мы осенью вернулись в Петербург, и возможно, что для этой цели займет денег на самых невыгодных и обременительных для себя условиях. И вот, соединенными просьбами и настояниями, Федя и мама заставят меня вернуться в Петербург, а этого я страшилась более всего на свете: я твердо была уверена, что начнется испытанная уже мною ужасная жизнь, и что наша любовь еще недостаточно окрепла, чтобы вынести это испытание. Даже прошедшие с той поры 45 лет не изменили моего тогдашнего убеждения. Пав⟨ел⟩ Алекс⟨андрович⟩ и вся семья, конечно, успели бы разъединить нас, и я, не вытерпев всех оскорблений, а также не видя твердой защиты со стороны Федора Михайловича, несомненно, не выдержала бы и ушла от него к моей матери вместе с ребенком. Говорю это твердо, зная свой тогдашний характер (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

же не было написано ни полслова, так что на этот счет мы решительно оставались в сомнении. Я сейчас же воротилась домой и упрекнула Федю за то, что он написал Паше о моей беременности, и сказала, что мама сердится на меня за это [36*]. Но Федя меня уверяет, что не писал этого, что он давно не писал Эмилии Федоровне, и что Паша, вероятно, это сам выдумал. Действительно, это очень странно, каким образом они ничего не написали о Каткове, о главном-то деле. К тому же Ваня не передал Маше письмо, следовательно, от Маши мне и нечего ждать помощи. Федя начал бранить наших, зачем они ничего не написали; я ему сказала, что, вероятно, они не получили письмо, и так как он находит, что они неаккуратны, то гораздо было бы лучше, если б он доверил свои дела кому-нибудь другому. Но кому доверить? Доверил Паше отнести 40 рублей Прасковье Петровне, а тот отдал только 30, а 10 рублей не донес. Так что же после этого будет с нашими делами? Я написала маме большое письмо, в котором просила извинения и объяснила, почему не написала (о беременности), а также объяснила все мое положение и просила денег. Письмо это вышло очень большое, и я его уже запечатала, как Федя вдруг сказал, что хотел бы сам приписать, но что я без него отправлю письмо. Я ему предложила распечатать мое письмо и вложить его, но он ни за что не захотел. Начал писать свое и сказал: «Поймут ли они?» Я отвечала, что если, по его мнению, не поймут, то нечего и писать. Тут Федя вышел из себя, покраснел, начал махать и кричать и бранить Павла Григорьевича, Машу. Я очень обиделась и пошла и сказала ему, что если он хочет браниться, то я ухожу на целый день, чтобы не мешать ему.

Сегодня я встретила нашу хозяйку и просила ее подождать, сказав, что иду на почту отдать письмо в Россию; потом, возвращаясь с почты, я опять ее встретила, показала полученное письмо и сказала, что деньги вышлют на днях. Теперь я ушла, отправилась сначала на почту, где и положила письмо, а оттуда пошла по вчерашней аллее. Здесь гулять днем восхитительно, народу встречается очень немного, а воздух и тень превосходны. Я сидела на нескольких скамьях; потом вышла на большую дорогу к Villa Menchikoff, где у ворот есть небольшая скамейка, и села тут. Было 2 часа, и я решительно не знала, что мне делать до 4-х часов, когда мне будет возможно воротиться домой к обеду. Раньше идти домой я не хотела, потому что, что за приятность быть с человеком, который на все сердится. Я просидела, может быть, тут с $^1/_4$ часа, как вдруг увидела по дороге Федю. Он шел и осматривался,— он, видимо, искал меня. Я сидела под купою дерев, но он все-таки меня заметил и пошел ко мне; я сделала знак, что вижу его. Он подошел ко мне весь бледный и сказал: «Неужели это ты?» Я отвечала: «Да».— «Ну, сам бог повел меня на эту дорогу. Мне сделалось так грустно, когда ты ушла из дому, я и пошел тебя отыскивать». Действительно, Федя был ужасно взволнован; когда говорил это, то чуть не плакал, в голосе слышались слезы, и он крепко жал мне руку. Я утешала его, говорила, что мне тоже тяжело. Я не хотела, чтобы проходящие заметили наше волнение. Когда мы потом сидели, мне сделалось так грустно, что я заплакала. Я просила Федю не сердиться, и он отвечал, что никогда не сердится. Мы несколько времени молча сидели на скамейке. Я в это время думала: значит, он меня любит, если ему сделалось больно, что меня нет, что я ушла из

[36*] Т. е. за то, что получила это радостное для нее известие не от меня, а чрез др⟨угое⟩ лицо (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

дому печальная, значит он меня любит. Потом мы пошли гулять и долго гуляли. Шли куда-то в сторону, по направлению к Gunpenbach'у, дошли до Villa Gagarine. Здесь, кажется, все русские имеют свои виллы, в которых проживают летом. Но, право, здесь вовсе не стоит жить: мне кажется, можно найти местности получше здешней. Зашли довольно далеко в глубину, но хорошего, право, не было: солнце пекло невыносимо, просто решительно нельзя было идти. Повернули назад и к 4 часам пришли домой. По дороге назад купили груш 10 штук, по одному Kreuz. за 5 штук. Мне кажется, что это свалившиеся с дерева. Но нам разбирать теперь не приходится: если у нас денег нет, так, право, для нас хорошо теперь есть и такие груши. Придя домой, я эти груши спрятала, потому что как-то неловко было показать, что вот прежде ели прекрасные фрукты, а теперь купили каких-то дурных груш. Вечером мы опять пошли гулять по тому же направлению и гуляли довольно долго. Федя сегодня работал очень немного, так что у него день решительно задаром пропал. Вот что значат семейные ссоры. Из-за пустяков вдруг люди начинают волноваться и доходить чуть ли не до бешенства. А я-то, разве я желала бы с ним ссориться? Ведь я сама этим страшно несчастлива, а между тем сержусь, бранюсь и сержу его. Как это все глупо, право, бывает! После прогулки пришли в читальню и стали читать газеты. Недавно Феде пришло в голову сказать, что вдруг Катков умер.— «Ну, что ж, как вдруг мы прочтем в газетах, что вот такого-то числа умер Михаил Никифорович Катков. Ну, что мы тогда будем делать?» Меня эта мысль до того поразила, что мне решительно это представляется, и я почти с ужасом берусь за «Московские ведомости». Сегодня около меня сел какой-то пресмешной человек; не знаю наверно, но мне показалось, что он несколько пьян. Он сидел, все время имея перед собою какую-то немецкую газету, но он ее решительно не читал, а все время смотрел на мою газету, потом смотрел, как я ее складывала. Вообще ужасно мне мешал читать, так что я с охотой бы ударила его по голове. Он все время как-то глупо-преглупо улыбался, а когда я газету оставила, то взял ее и стал просматривать. Мне кажется, он в первый раз видел русский шрифт и так же интересовался, как если бы он был не русский, а какой-нибудь японский. Пришли домой раньше, потому что меня опять стало тошнить в читальне. Мне это, право, делается досадно; как только я приду в читальню, непременно начинает тошнить, так что всегда приходится раньше уходить домой. Мы с Федей, разумеется, окончательно примирились и вовсе не желаем раздражаться, но крайне беспокоимся насчет вещей, потому что, если деньги не придут раньше воскресенья, то большая часть наших вещей окончательно пропала, а это было бы ужасно как жаль. Мы очень долго с Федей прощались, и он мне говорил, что ценит и знает мой характер, уважает мой характер, но что иногда бывают у меня вспышки гнева. Я у него просила прощения. Действительно, мне было жаль и досадно на себя, как это я так глупо затеиваю ссоры и не умею совладать с собою. Но мне кажется, что в этом виновата также и моя беременность, которая портит мне расположение духа и принуждает меня иногда к какому-нибудь упрямому капризу. Я забыла сказать, что Федя вечером заходил к Messmer, где мы берем чай, и хотел взять чаю, сахару и свечей, потому что все это у нас вышло, а на деньги купить не можем. Когда он воротился, то сказал, что самого хозяина дома не было, а был приказчик, были еще какие-то посторонние люди, так что ему было довольно неловко спросить в долг. Бедный, бедный Федя, какое ему мученье!

Вторник, 13 августа/1-го августа

Сегодня мы встали с заботой о том, как нам достать денег. Сегодня 4-й день нашей еды и непременно следует послать деньги, иначе нам, пожалуй, и обеда не пришлют. Надо непременно заложить мое сиреневое платье, единственный предмет, который остался теперь у нас для заклада,— больше ничего нет, все ресурсы истощены. Мне не хотелось, чтобы Федя сам ходил к Weismann'у, я лучше желала идти к нему сама [37*], но, разумеется, не говорить своего имени, чтобы он не знал, что я жена Феди. Мы долго об этом спорили с Федей, но он решил, как ему ни больно и ни досадно, но что сам пойдет заложить. Надо было как-нибудь сделать, чтобы наша хозяйка не заметила, что мы выносим узелок. Для этого я сложила в ужасно небольшой узелок, и Федя вынес его под своим пальто, которое держал на руке, хотя ему было ужасно неловко. Пошел он в 12 часов, а я во время его отсутствия стала стирать ему рубашку и 2 платка, потом сходила за крахмалом. В лавочке меня, должно быть не поняли и хотели отослать в какой-то магазин, вероятно башмачный, но я насилу потом могла растолковать, что это мне нужно для глаженья, а не для чего иного. Я купила $^1/_4$ фунта за 4 Kreuzer. Пришла домой и занялась глаженьем. Было уже 2 часа, а Федя не приходил. Меня начала пугать мысль, что вот бедный Федя теперь ходит где-нибудь в окрестностях дома Weismann'а и ждет назначенного часа, или тоже пугала мысль, что вот Федя получил деньги, пошел на рулетку, да и проиграл. Это было бы уже хуже всего, потому что у нас решительно нет больше средств, чем жить, а деньги-то еще когда пришлют. Наконец, в 2 часа пришел Федя и рассказал, что Weismann'а он дома не застал, и сестра его предложила ему посидеть и подождать, пока она ела, она и какая-то еще старуха с кадыком, которая тут же за столом и заснула, Федя просидел больше часу (бедный, бедный Федя! Он такой милый, талантливый, такой благородный, и ему приходится сидеть у каких-нибудь жидов, потому что Weismann, вероятно, жид). Федя хотел уже уйти, но сестра сказала, что она послала отыскивать Weismann'а по городу. «Вот это еще хорошо,— его оторвут от дела»,— думал Федя,— и для чего, для того, чтобы он дал под залог платья: разумеется, он мог рассердиться и ничего не дать. Наконец, Федя не выдержал и ушел, сказав, что придет. По дороге он зашел к Josel'ю. К большому удивлению Феди, у Josel'я, которому, как его жена сказала, уже 70 лет, есть жена лет 30-ти, но на вид не больше 25. Представьте себе, что всего поразительнее, так это то, что у Josel'я есть 4-х-летний сын, как две капли воды на него похожий, и есть еще полуторагодовалый грудной ребенок, тоже от него, между тем как ему 70 лет. Вот это страсть,— такая живучесть! Он, кажется, находится у своей жены под башмаком и поступает не иначе, как с ее совета. Он был, видимо, поражен красотою и богатством платья и потому решил дать за него 20 франков, чего бы Weismann ни за какие блага в мире не дал бы, а дал бы разве много-много 10 или 15 франков. Федя попросил жену Josel'я беречь платье, и та, кроме платка, в котором было завязано платье, положила его еще в какую-то простыню и спрятала в шкаф, так что, вероятно, оно у него будет находиться в чистоте. Условие заключено на 3 недели, по 3 S[eptember], и процентов за это время он берет 4 флорина. Положим, что это просто ужасные проценты — на 9 флоринов за 3 недели 4 флорина. Weismann гораздо добросовестнее: он взял за 30 франков 2 франка,

[37*] Хотелось избавить от неприятной необходимости и, возможно, получить больше денег. (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

что совершенно маленькие проценты. Но девочка, дочка Josel'я, Феде ужасно понравилась, так что он мне с особою любовью рассказывал о ее миленьких глазках. Федя принес и положил мне на гладильную доску квитанцию, потом сходил и разменял, купив папиросы. Я выгладила рубашку, но, разумеется, не так, как цеховая прачка. Но что же делать, когда денег нет; надо стараться как-нибудь лучше самой сделать, чем ходить в нечистой. Даже, к удовольствию Феди, грудь была туго накрахмалена. Вообще в глаженье этой рубашки я превзошла себя,— так мне удалось хорошо ее приготовить. Отдали за обеды 3 флорина, осталось около 5. Пообедали, и Федя немного спал, а после сна мы пошли на почту. Федя меня уверял, что сегодня нечего и ждать, но мы все-таки зашли. Почтарь меня увидал и сказал, что для меня есть, и поспешно отыскал мой пакет. Он был адресован на имя Феди, но так как надпись была сделана Ванею, то я поскорее распечатала, пока Федя расписывался. У нас даже не потребовали нашего паспорта, как в первый раз, потому что, как он сказал, что если мы спрашиваем, то это к нам и есть. Я распечатала и узнала, что нам прислано 100 рублей, а на флорины 156 флоринов. Мы вышли из почтамта и зашли в ту контору, где я уже раз меняла билет, но там нам сказали, чтобы мы пошли к Meyer. Мы сначала и не разглядели, что билет был не на Париж, как в тот раз, а на Баден-Баден, к банкиру Мейеру. Мне помнится, что когда я раз гуляла по набережной этой речки, то мне как-то запомнилось имя какого-то банкира. Мы отправились, и хоть Федя уверял меня, что я его не туда веду, но мы скоро отыскали его, и Федя получил от него 156 гульденов, в бумажках, по 5 гульденов каждая. Но, боясь потерять, он разделил деньги таким образом, что у него останется 100 гульденов, а я возьму 50. Я взяла и всю дорогу боялась, как бы мне их не потерять. Потом мы пошли прогуляться и всю дорогу рассчитывали, что нам теперь выкупить, как сделать, но когда рассчитали, то увидели, что если мы теперь все выкупим, то у нас решительно ничего не останется. Федя тут предложил зайти к Moppert, или, как Федя его называет, Bender, и выкупить у него серьги и кольца. Я боялась, чтобы деньги у нас как-нибудь не вышли, и что гораздо прочнее будет, если мы выкупим вещи, и тотчас же согласилась на это, но без билета он бы не выдал, и потому решились идти домой за билетом. По дороге мы зашли за фруктами и купили у 3-х торговок. Фрукты здесь очень дороги, именно за $^1/_2$ фунта винограду мы заплатили 30 Kreuzer'ов, за сливы по 18 Kreuzer'ов за дюжину,— это довольно большая цена для здешних мест. Яблок здесь совершенно нет; сами торговки говорят, что яблоки незрелы и кислы, но мне так давно хотелось их, что я купила себе одно. Пошли мы домой, и Федя предложил мне идти вместе с ним, но я страшно устала и мне нездоровилось, потому что нужно было все-таки принести домой вещи. Я стала его упрашивать сходить за вещами, но не заходить на рулетку и сказала, что если он мне не даст честного слова, то мне придется идти с ним. Феде это показалось обидным, и он спросил: что это значит «идти с ним», и как бы я могла ему помешать идти на рулетку? Я отвечала, что я бы стала его упрашивать не ходить, стала бы умолять его. Когда я ему потом заметила, что, кажется, он обиделся, то он сказал, что этого не было, что как же он будет на меня обижаться, что я совершенно в праве была даже совсем не давать ему денег. Он ушел, а я хотела позвать хозяйку, но так как ее не было у себя, то я отложила отдачу до завтра. Я все посматривала на часы и думала, что если еще через $^1/_4$ часа Федя не придет, то я непременно пойду за ним на рулетку. Но он пришел

и принес серьги и кольца. С него взяли 78 гульденов и 10 Kreuzer'ов, так что за кольца пришлось процентов всего только 2 франка. Это очень мало.

Я отдохнула и была уже готова, и мы отправились с ним гулять. Сначала взошли на высокую гору, наверху вокзала, и слушали там музыку. Сегодня была музыка военная, баденские fusilleurs [38*], превосходная музыка. Играли отрывки из «Волшебной флейты» Моцарта, «Lucia Lamermoor», из «Жидовки» [34] и еще несколько превосходных пьес. Мы немного гуляли, а потом Федя свел меня в читальню, а сам отправился на рулетку, сказав, что скоро придет. С ним было 11 гульденов и серебряные монеты и 20 гульденов бумажками, всего-навсего 31 гульден. Хоть я и просила его не трогать бумажек, но была убеждена, что он и их проиграет непременно. Я сидела в читальне уже больше часу, сидеть мне наскучило, да к тому же еще беспокоила мысль, что это Федя так долго не приходит и не проигрался ли он? Наконец, я решилась на такую вещь: вышла из читальни и отправилась в вокзал [39*]. Здесь сию же минуту отыскала Федю. Он стоял у самого стола, играл, и я видела, что у него в руках была целая пачечка серебра; следовательно, думаю я, он не проигрался, а, может быть, даже и выиграл, так что, право, не худо будет, если я его оторву от стола, иначе он непременно проиграет. Я думала, что если он проиграл, так ему и не показываться, а опять уйти в читальню. Но надо было оторвать его под каким-нибудь предлогом, иначе он непременно бы захотел играть еще, даже, вероятно, был бы очень сердит на меня за мою излишнюю заботливость о нем. За ним стояли двое мужчин, но они уступили мне место, и я дернула Федю за рукав. Но у него была ставка, и он смотрел, выиграл ли он, так что ему обернуться никак нельзя было. Потом он увидел меня, но так как он выиграл, то дожидался отдачи денег, чтобы уйти. Он вышел, но взглянуть на него было просто страшно: весь красный, с красными глазами, точно пьяный. Он спросил меня, что мне нужно и для чего я его отозвала. Тогда я сказала, что ко мне в читальне обратился с вопросом два раза какой-то господин, что я его не поняла, не отвечала ему, а потом, немного погодя, и вышла. Он также вышел за мной, но увидав, что я вошла в вокзал, оставил меня; что мне сидеть в читальне вовсе не хотелось, потому что я боялась, что он начнет еще говорить, а не отвечать было бы невозможно; поэтому-то я и решилась обратиться к его помощи. Федя, очевидно, очень рассердился на мнимого нарушителя моего спокойствия, просил меня показать его, рассказать, как он одет и какое у него лицо, и ужасно хотел, чтобы этот негодяй с ним встретился. Федя очень извинялся, что не сию же минуту отошел от стола, и объяснял это невозможностью; да я решительно и не сердилась на это. Потом мы довольно долго ходили, заглядывали опять в читальню, как бы ища этого господина, но его там, разумеется, не было. Потом я объяснила Феде, что может быть, этот господин спрашивал меня о газете, но так как думал, что я его не расслышала, то повторил свой вопрос еще раз, но вовсе не в смысле обиды, а мне было неловко оставаться там, поэтому-то я и ушла. Я даже просила Федю простить меня за это; он отвечал, что и так было довольно поздно, следовательно,

---

[38*] Стрелки (*фр.*).

[39*] Ф. М. меня с собою на рулетку не брал, находил неприличным, чтобы там появлялась его жена, и мне строго настрого было запрещено приходить в вокзал (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

пора идти. Он прибавил еще, что сначала подумал, что я пришла, чтобы отвлечь его от игры, но я уверила его, что это было бы невозможно, а что тут была основательная причина. Мы сосчитали деньги и оказалось у Феди 29 гульденов, да еще что-то, так что он был в проигрыше всего-на-всего в 1 гульден и 20 или 10 Kreuzer'ов. Ну, проигрыш невелик, я была рада что он этим отделался, а не проиграл всех, да и он, кажется, был этому рад. Потом мы зашли к Messmer и отдали вчерашнего долга 3 гульдена 20 Kreuzer'ов и купили сыру. Им показалось, вероятно, что Федя вчера забыл деньги дома, ну, а сегодня вот мы и пришли, чтобы заплатить вчерашний долг. Пришли домой; Мари сегодня гораздо услужливее, чем обыкновенно: видит, что деньги получили, так и ну прислуживать. Сыр оказался очень хорошим, так что мы с удовольствием поели. Потом, так как у меня немного болела голова, я легла спать, а в 3 часа ночи меня разбудил Федя, придя прощаться. Он был очень мил и добр, говорил, что меня очень любит, говорил, что хоть мы иногда и вздорим, но это ничего, что он никогда не был так счастлив. Что бывают же у нас такие счастливые минуты, как теперь. Наконец, он лег, а мне, я не знаю отчего, может быть, от крепкого чаю, не спалось, да и живот болел немного. В $^{1}/_{4}$ четвертого Федя меня еще что-то спросил и потом начал засыпать, как вдруг, минут через 10, начался припадок. Бог сохраняет мою Сонечку или Мишу. Он не хочет, чтобы я испугалась и, таким образом, выкинула ее, и потому припадки бывают или днем, или вот, когда случился ночью, то я не спала. Вообще странно, потому что я всегда очень скоро засыпаю после того, как Федя придет со мной проститься. Я сейчас же вскочила с постели, но свечки у меня не было; я побежала в другую комнату и зажгла там. Федя лежал очень близко головой к краю, так что одна секунда, и он мог бы свалиться. Как потом он мне рассказал, он помнит, как с ним начался припадок: он еще тогда не заснул, он приподнялся и вот почему, я думаю, он и очутился так близко к краю. Я стала вытирать пот и пену. Припадок продолжался не слишком долго и, мне показалось, не был слишком сильный; глаза не косились, но судороги были сильны. Потом он начал приходить в себя, целовал мне руки, обнимал меня. Потом он окончательно пришел в себя и никак не мог понять, отчего я сижу около него, зачем я ночью пришла к нему. Потом он спросил: «У меня был вчера припадок?»; я отвечала, что был сейчас. Он меня очень целовал и говорил, что любит меня без памяти, что обожает меня. После припадка у него является страх смерти[40*]. Он начал мне говорить, что боится сейчас умереть, просил смотреть на него. Чтобы его успокоить, я сказала, что приду спать на другую кушетку, которая стоит у его постели, так что буду очень близко, и если что с ним случится, сейчас же услышу и встану. Он был этому очень рад; я сейчас же перешла на другую постель. Он продолжал бояться, молился и говорил, что как бы ему было теперь тяжело умирать, расстаться со мной, не видеть Сонечки или Миши, как бы ему было это больно, и просил меня беречь Сонечку, а утром, когда проснусь, непременно посмотреть на него, жив ли он. Но я его убедила, чтобы он лег спать и ночью не боялся, обещая, пока он не заснет, сама не спать. Было уже 5 часов. Наши кузнецы поднимались, сначала стучали над нашею головой, одевались (потому что они спят на чердаке), а потом сошли вниз

[40*] Страх смерти был всегдашним явлением после припадка, и Ф. М. умолял меня не отходить от него, не оставлять его одного, как бы надеясь, что мое присутствие предохранит его от смерти. (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

и начали стучать молотками. Я долго не могла заснуть, наконец, уснула. В 8 часов Федя вставал с постели и курил папиросу. Он посмотрелся в зеркало и увидал, что на лице его выдавились два больших красных пятна; он сказал мне, что голова у него ужасно болит. Я постаралась не просыпаться и опять заснула, и так мы проспали до 11 часов.

Среда, 14 авг./2 августа

Я, наконец, встала с ужасной болью,— едва могла поднять голову. Я приказала кофею, и мне принесли, но пока Федя одевался, кофе простыл, и хоть я его и отдала Мари, чтобы его согрели, но она, вероятно, не поставила его на печь, потому что он был все-таки ужасно холоден. Федя, который на все сердится в день припадка, так на это рассердился, что не захотел пить этого кофею, а велел заварить другой, а сам пил чай. Кофе ему делали ужасно как долго, насилу потом принесли. Я принялась за работу моей черной юбки, а Федя сначала ходил по комнате очень мрачный, а потом оделся и пошел на рулетку. Бедный Федя, как он постоянно страдает после припадка,— такой мрачный, сердитый, на все сердится, раздражается всякими пустяками, так что мне приходится очень много переносить в эти дни его болезни; но это ничего, потому что зато другие дни очень хороши, в другие он очень добр и хорош со мною. К тому же я вижу, что он и кричит, и бранится вовсе не от злости, а от болезни. Я села писать письмо к маме, чтобы известить о получении денег, но когда Федя ушел, то он мне оставил 2 гульдена для выкупа платков и сапог. Я, боясь, чтобы он не проиграл тех денег (тогда мне нельзя будет употребить этих гульденов на выкуп), я перестала писать письмо и пошла за платками. Но какая досада! Платки еще не готовы; я ей сказала тогда, что их надо сделать через неделю; теперь прошло гораздо больше двух недель, а она, между тем, вовсе и не подумала, чтобы приготовить платки; как это досадно, право! Делать нечего, приходится подождать. По дороге я зашла в магазин сигар и там купила себе карты знаменитой гадальщицы Lenormand. Стоят они 24 Kreuzer'а с объяснением. Я купила ради любопытства; не знаю, пропустят ли их чрез границу. Придя домой, я, как маленький ребенок, тотчас же уселась гадать в карты; сначала не могла сообразить, как надо гадать, но потом поняла и загадала. Мне все выходил *гроб*, т. е. близкая смерть или потеря всего состояния. Потом выходили: близкая дорога, перемена жизни, и еще выходили вести из чужой страны. Я гадала несколько раз и все мне выходил гроб,— уж не умру ли я? Какая это дерзкая Мари! Вдруг она мне сказала: «Что же, дайте нам за услуги, вот уже 3 недели, как мы ничего не получали, дайте нам». Я ей отвечала, что мы скоро уедем и тогда дадим. Как это дурно; мы даем ей из любезности, потому что наняли квартиру с прислугой, и вдруг эта глупенькая девушка так нагло и дерзко требует, чтобы мы ей дали денег. Хозяйке я отдала деньги еще утром, так что у меня осталось 40 флоринов бумажками, да Федя взял с собою 24 флорина. Вот все наше состояние. Пробило уже 4 часа, и Мари сходила за кушаньями и была очень удивлена, что Herr[41*] еще не пришел. Потом приходила еще несколько раз за пустяками и каждый раз удивлялась, что «Herr еще не пришел», так что меня даже это очень раздосадовало. Наконец, кажется, в половине пятого пришел и Федя, но ничего мне не сказал о том, выиграл ли, или проиграл. Я же сама не хотела его спрашивать, потому что видела, что

[41*] Господин (*нем.*).

он был расстроен. Мы пообедали; я села опять шить, а Федя полежал несколько времени и пошел опять на рулетку, сказав, что скоро придет. Я его спросила: «Что ты, проиграл?», он отвечал, что да, но так как не просил у меня денег на продолжение игры, то из этого я заключила, что если он и проиграл, то все-таки не все. Я сходила на почту отдать письмо и спросить, нет ли для нас, но письма сегодня нет. Потом зашла в магазин M-me Etienne и спросила гипюру. Она показала мне много кружев, из которых я выбрала одно, которое, хотя мне и не слишком понравилось, но так как она много показала товару, то необходимо было купить у нее. Я спросила: если мне нужно 5 баденских аршин, то сколько это будет метров? Она сказала, что это будет 3 метра. За метр она берет 36 Kreuzer'ов. M-me Zeitz мне сказала, что такое кружево продается будто бы по 12 Kreuzer'ов, а эта берет по 36, но надо было купить, и хотя мне вовсе не хотелось менять 5 гульденов, которые я взяла на случай, если пойду играть, но делать было нечего, и я просила отмерить 3 метра гипюру. Я пришла домой; Федя еще лежал, потом он встал и пошел на рулетку. Я сидела дома и опять гадала в карты; опять мне выходили разные ужасы. Федя однако не слишком надолго уходил, скоро воротился, принес винограду, груш, слив и рейнклодов. При этом он мне показал несколько мелочи и сказал, что это все, что у него осталось. Потом вдруг стал мне рассказывать, а затем прервал, сказав, что это, видимо, меня вовсе не интересует, даже закричал на меня. Но что же было делать,— это все его болезнь! Я не понимаю, может быть, он был обижен, что я не спросила, сколько он выиграл, или что другое. Я, немного погодя, когда он стал пересчитывать деньги, спросила его: «Ну, сколько же ты выиграл?», он мне отвечал: «Сколько бы ни было». Ну, разумеется, этот ответ меня рассердил, тем более, что я и сама была весь день нездорова: меня несколько раз рвало желчью, тошнило ужасно и голова горела, как в огне. Федя сосчитал деньги, отложил их, и мы пошли гулять. Сначала все время шли, не говоря друг с другом, потому что я боялась начинать, чтобы его не рассердить. Федя заглядывал в различные лавки и раз даже зашел в москательный магазин, но, видя, что не туда попал, снова вышел. Наконец, мы вышли к той местности, где живет Messmer и здесь вошли в магазин перчаток, шляп, галстуков и пр. Здесь Федя спросил для меня перчатки. Мы выбрали светлые, и я спросила № $6^1/_4$; у него светлых не было, были $6^1/_2$ и $^3/_4$. Я, впрочем, боялась, что не ошиблась ли я номером, и потому взяла $6^1/_2$, светлые. Да потом, когда надела, то и раскаялась, потому что они были мне и длинны, и широки, точно не для меня куплены. Но все-таки чистые, хоть и длинные, лучше грязных, разорванных, которых даже стыдно и в руках-то держать. За перчатки заплатили 2 флорина 6 Kreuzer'ов. Это та же цена, что и у нас. Потом пошли прогуляться и далеко ходили по Lichtenhaler Allee. Уже стемнело, так что было уже $^1/_2$ 9-го, когда мы подошли к читальне. Я была так рада, что Федя не хотел идти еще раз сегодня на рулетку. Во-первых, он непременно бы проиграл, а, во-2-х, эти потрясения имеют на него большое влияние. Здесь мы спросили русскую книгу о духовных училищах в России [35], напечатанную за границей, но просто удивились, когда нам сказали, что за обе части берут 12 флоринов. Разумеется, тут прошла всякая охота покупать эту книгу. В читальне сидели мы очень недолго, во-первых, пора было идти домой, а, во-вторых, меня очень начало тошнить. Федя меня дорогою спросил, к которому часу я заказала чай. Тут и вспомнила, что я решительно не приказала, а то же самое случилось и несколько дней тому назад, и тогда нам не приготовили чаю.

Теперь я ужасно боялась, чтобы не случилась такая же история. Но меня спасла Тереза, которая при нашем входе сказала, что вода готова. Мари пришла взять чаю, но он был так долго не готов, что Федя вышел из терпения и заметил Мари об этом. На это она довольно дерзко отвечала и хохотала, когда он ее спросил, где находится хозяйка, чтобы самому поговорить об этом. Федя вышел и отыскал хозяйку и сказал ей, что это ни на что не похоже, что так долго делают чай, что следует гораздо скорее, что Мари вместо того, чтобы делать, только смеется; сегодня она просила денег, но мы денег не обязаны давать, а если даем, то это решительно из любезности, а не по обязанности, а так как мы теперь ей не дали, то она ничего не хочет делать.— «Ну, не хочет, так и не хочет, так присылайте нам Терезу». Выбранив хорошенько, Федя пришел домой несколько успокоенный. Потом мы поели груш и после чаю сосчитали деньги: 40 гульденов бумажками у меня. Дал мне Федя еще 2 фридрихсдора по 20 гульденов=40, значит 80 и еще 30 франков. А себе оставил 20 монет по 2 гульдена, то есть 40 гульденов. Дал он мне еще 3 гульдена, которые я должна была отложить на прачку, чему я была очень рада, так как у нас совсем чистого белья нет.

Четверг, 15 августа/3 августа

День был сегодня невыносимо жаркий и душный, так что решительно никуда выйти нельзя. Я все время сидела и шила свою черную юбку, обшивала ее кружевами, а Федя отправился на рулетку, взяв с собою свои 19 двухгульдешников; мне же он оставил один двухгульдешник (монета в 2 гульдена), чтоб я купила мыла, потому что у нас все оно вышло. Когда Федя ушел, то я поскорее пошла за мылом, потому что я очень боялась, как бы он не проигрался, а тогда он, пожалуй бы, взял назад свои 2 гульдена, а следовательно, мыла и не купили бы. День был, как я сказала, жаркий до невыносимости, и я почти с трудом дошла до куафера. Он причесывал какого-то господина, но оставил его и стал показывать мыла. Я выбрала savon de l'impératrice Eugénie[42*] за 48 Kreuzer'ов и сказала, что возьму это. Но он продолжал показывать мне другие мыла, хотя я и сказала ему, что больше ничего не возьму. Так мучил он меня, я думаю, с 10 минут при этакой жаре, так что окончательно вывел из терпения. Ну, что за дурная манера, ведь говорила же я ему, что больше ничего не хочу купить, ну, к чему же было показывать еще другие мыла? Наконец, я так рассердилась, что решительно сказала, что мне некогда. Он дал мне сдачи негодную монету и тут обманул на 5 Kreuzer'ов,— уж этакий скверный народ! Наконец, я ушла, даже не дав ему обернуть мыло в бумажку, потому что это бы заняло еще больше времени. Пришел Федя; он много выиграл, не знаю сколько наверное, но так как обеда не было еще принесено, и до него оставалось еще $^3/_4$ часа, то Федя объявил, что пойдет опять на рулетку. Пошел и, разумеется, проиграл несколько денег. После обеда Федя отправился опять и назад воротил все проигранное, так что, когда мы стали считать, то у меня оказалось своих 40 гульденов бумажками, 8 золотых по 20 гульденов, т. е. 160 гульденов, и 30 франков. У него было еще 22, кажется, не знаю хорошенько, так что у нас оказалось около 236 гульденов наличными деньгами. Вот тут бы и перестать! Я принесла винограду красного и зеленого, разных груш, слив, ренклодов и расставила на тарелках так красиво, как обыкновенно рисуют на картинах. (Я забыла сказать, что

[42*] Мыло императрицы Евгении (*фр.*).

сегодня я вздумала осмотреть свой чемодан и не досчиталась там одной своей рубашки и двух пар панталон. Значит, они украдены, потому что, как мне кажется, я из Дрездена взяла все. Теперь на кого же подумать? Очень может быть, что взяла Мари или Тереза, потому что пропали не вещи мужские, а именно женские; пропали именно в тот день, когда чемодан был отворен по милости нашей ссоры, когда Федя побежал за мною, оставив ключ у Мари. Или же пропали в гостинице «Chevalier d'or», потому что там существует надпись, что хозяин ответствует за пропажу той только вещи, которая вверена его личному надзору, а иначе не ответствует, а просит приезжающих самим наблюдать за своими вещами. А у нас, как на грех, тогда сломался замок в моем чемодане, так что чемодан оставался отворенным. Вот, может быть, тогда-то и были похищены вещи. Во всяком случае, это мне ужасно как неприятно: право, у меня так мало белья и тут еще воруют.)

Потом мы с Федей отправились гулять и ходили довольно долго и довольно далеко, сидели на нескольких скамьях, и тогда Федя заметил, что я очень, очень серьезно сижу и рассматриваю всех проходящих, точно мне какое до них дело. Но небо покрылось тучами, и мы отправились до дождя к вокзалу и пришли в читальню. Здесь читали немного времени, потому что новых газет не было, а вышли в магазин, и здесь Федя мне предложил купить несколько французских книг, чтоб было что читать. Я обрадовалась этому случаю, потому что, пока деньги есть, непременно нужно что-нибудь купить, иначе деньги непременно выйдут, а для себя ничего не сделаем. Я же была очень рада увеличить мою французскую библиотеку еще тремя книгами. Федя выбрал Charles Bernard[36], которого я не только не читала, но о котором даже и не слыхала ни слова, такая я непросвещенная госпожа. Мы выбрали: «La peau du lion», «Les ailes d'Icare» и «Campagnard Gentilhomme», но последнего романа взяли только вторую часть, что увидали только тогда, когда пришли домой, так что надо будет купить еще первую часть, иначе нельзя читать. Каждый том стоит 1 франк, но эта хитрая жидовка взяла с нас еще что-то, так что за 3 книги взяла 2 флорина. У ней будто бы не нашлось сдачи. Какая скверная жидовка, право! Отсюда мы отправились домой; шел довольно большой дождь. Мне давно уже хотелось ветчины, и мы решились зайти купить. Та лучшая лавка находится под булочной. Федя мне поручил зайти в булочную купить там пирожков 4 штуки, а сам зашел в колбасную. Но я скорее его сделала свое поручение, потому что немка, у которой он покупал, решительно не могла понять его. Купили ветчины $^1/_2$ фунта и $^1/_2$ ф. колбасы. За все заплатили 28 Kreuzer'ов. Пошли домой по дождю, но зашли еще за сыром и взяли $^3/_4$ фунта, так что когда мы пришли домой, то у нас оказался целый пир — такое множество было разных яств. Но Федя не мог дождаться чаю и был недоволен, так что мы очень смеялись этому: пред человеком все блага земные: вино, плоды, ветчина, сыр, колбаса и пирожки, а он сидит, зевает и сердится. Я принуждена была сходить 2 раза вниз, и тогда только принесли нам чаю. Мы наелись и напились напропалую, особенно я. Потом я стала читать «Les ailes d'Icare». Федя спросил меня, что я такое читаю, я отвечала, что «Крылья», но Федя переспросил; мне захотелось пошутить, и я сказала, что не скажу. Тогда он на меня рассердился. Вообще в этот вечер он был ужасно как раздражен. Я, чтобы избежать ссоры с ним, решилась уйти спать. Он принял это за то, что я рассердилась, и довольно желчно спросил меня, что я в спальне делаю. Я тотчас же ответила, что у меня сильно спина болит, а потому я и легла. Это объяснение обеспокоило

Федю, и он несколько раз приходил спрашивать, как я себя чувствую. Странное дело: сегодня весь день я чувствую ужасную боль в спине, около спинного хребта,— боль до такой степени, что я решительно не могу сидеть: мне необходимо или ходить, или лежать; даже ходить лучше, потому что тогда я не чувствую ни малейшей боли. Больше же получаса сидеть с наклоненной спиной я решительно не могу. Потом, когда Федя пришел прощаться, то я говорила все время стихи, очень смешные, нескладные, но все-таки стихи, так что мы с Федей ужасно много смеялись. Он меня очень любит, очень, очень, как он говорит, а я этим счастлива, я этим только и живу.

Пятница, 16 августа/4 августа

Сегодня день был несчастный для нас. Это я еще заметила утром, когда взглянула на колокольню[43*]. Именно, я заметила, что апостол Петр повернулся к нам несколько спиной, а я замечала, что когда он стоит к нам не спиной, а прямо, держа ключи в правой руке, то это добрый знак, значит, наши дела пойдут хорошо. Я заметила, что во дни нашего самого дурного положения, когда мы жили изо дня в день и должны были все закладывать, фигура Петра стояла к нам так, что его даже и не было видно. Так было и сегодня. Федя отправился, имея 20 двухгульдешников и просил меня не уходить из дому, хотя я хотела идти гулять. Мы решили с ним 4 из его фридрихсдоров употребить на выкуп вещей, тогда бы мы были сколько-нибудь спокойны; но Федя решил оставить выкуп до 2-х часов, потому что боялся никого не застать из закладчиков дома. Федя сходил на рулетку и проиграл. Потом пришел взять от меня 4 золотых (у меня осталось 4), сходил и проиграл. Потом взял еще 3 и эти проиграл. Потом, наконец, пришел за последним имевшимся у меня фридрихсдором и 30 франками. Он пошел и долго не приходил, так что в это время я сходила погулять в Новый замок с книгою в руках. Я пришла назад в 4 часа, но Феди еще не было. Наконец, он пришел; он говорил, что не тронул фридрихсдора, но употребил в дело 30 франков, на которые он выиграл 4 наполеондора, еще 30 франков и еще, кажется, 10 или 20 двухгульдешников. Я просила его не ходить после обеда, а лучше подождать до завтра, просила его идти со мной гулять. Но Федя не согласился, а после обеда опять отправился на рулетку. Но тут уже фортуна окончательно от нас отвернулась, так что решительно нужно было ожидать проигрыша. Действительно, все серебряные монеты он проиграл. Потом я пошла на почту, то, когда возвращалась оттуда, встретила на углу Федю, который шел из дому, потому что проиграл все. Он просил меня дать 4 наполеондора,— я дала, он сходил и проиграл. Воротился через несколько времени и сказал, что решительно не может перестать, что непременно хочет продолжать игру, ну, а если продолжать, так это значит проиграть, ни больше, ни меньше. Делать, однако, было нечего: я видела, что его ни за что не уговорить остаться, и отдала ему последний фридрихсдор, так что у меня осталось только всего на всего 40 наших бумажных гульденов. Чрез несколько времени Федя пришел опять и, разумеется, все проиграв, и просил, чтобы я пошла с ним погулять. Мы отправились, но мне было решительно не до гулянья,— так было грустно, так тяжело. Но больше всего меня бесила та мысль, что Федя не хотел послушаться меня, не

[43*] На ближайшей колокольне стояла в виде флюгера статуя апостола Петра (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

захотел выкупить вещи. Теперь они были бы выкуплены, следовательно, хоть часть забот отошла бы от нас. Как мне это было тяжело,— деньги были в руках, а мы, как дураки, не сумели ими воспользоваться. Вот они и взяты от нас. Ходили мы недолго, потому что мне решительно не было охоты гулять: так это все надоело, так все опротивело, что, кажется бы, с радостью уехала отсюда, решительно не желая ничего выиграть. Господи, когда это мы выедем из этого проклятого Бадена, так уж он мне надоел, этот скверный городишко, где мы были так несчастливы. Вечером зашли в читальню, но на сегодня мне опять попалась та же самая «Северная Пчела», которую я уже 3 раза читала, именно о государе и его пребывании в Москве, так что мне решительно читать было нечего. Я едва высидела полчаса, и мы отправились домой очень скучные. Я немного читала, а потом легла спать. Когда Федя пришел прощаться, то говорил мне много хорошего; говорил, что никогда не думал, что будет так меня любить, что я для него лучше всех, что он ни за что бы не отдал меня, что он очень, очень любит меня, любит как никого. Потом я опять говорила ему стихи в роде следующих: «Жаркий день, сверчки кричат», и проч. Или (не могла разобрать)[44*]. Вообще у меня больше выходили на славянские мелодии, так что я объявила Феде, что буду каждый день вечером писать по стихотворению, которые и издам в свет под названием: «Славянские ночные стихотворения путешествующей русской дамы» с посвящением баденцам: «О, Баденцы, проклятое отродье»[45*]. Видимо, Федя меня очень любит: он называет меня милой, доброй, славной, говорит, что любит меня больше всех, и что если мы несчастливы в деньгах, зато у нас есть согласие и любовь. Говорил, что ему совестно предо мной, что я так деликатна к нему, а он так поступает нелепо.

Суббота, 17 августа/5 августа

Сегодня рано утром прачка принесла белье. Сверх моего ожидания, пришлось заплатить, кроме 3-х флоринов, еще 31 Kreuzer. Они берут неслыханную цену: напр., за рубашку ночную она берет 7 Kreuzer, за панталоны 6 Kreuzer, за юбку 30, и так далее. Просто ужасно какие неслыханные цены. Вот эта немецкая честность! Они говорят, что ведь в Баден-Бадене бывают только летом, а зимой работы не бывает, так, следовательно, надо с вас и взять как можно больше денег, чтобы вознаградить себя за бездействие зимой. (Я забыла сказать, что третьего дня весь день звонили в колокола, потому что был праздник Успения богоматери. Но мне ужасно надоел этот звон. Не то что у нас, в Петербурге: когда звонят, так просто сердце радуется. Нет, это какой-то нехороший звон, вовсе не колокол, а какой-то большой колокольчик, точно сделанный не из меди, а из жести. Даже неприятно слышать, именно немецкий звон.) В 12 часов Федя отправился на рулетку, взяв с собою 20 гульденов из тех сорока, которые у меня хранятся. Но, разумеется, так как теперь его преследует несчастье, то он и проиграл. Воротился еще раз домой и взял с собой еще 10 гульденов. Но на этот раз и рассчитывать было нельзя: разве возможно, чтобы на 5 монет можно было разыграться. Однако его довольно долго не было. Я все писала перевод или читала книгу. Я начала теперь переводить «Le peau du lion»: разумеется, как первый опыт, этот перевод будет неудачен,

---

[44*] *Вставка в скобках А. Г. Достоевской.*
[45*] *Исправлено из* проклятый народ.

а ведь, я думаю, что и все-то начинали с пробы, а потом, может быть, и мне когда-нибудь удастся хорошо переводить; ведь не боги же горшки отливают, так отчего же и мне не надеяться на навык и на привычку переводить, тем более, что мне переводить не к спеху, и я могу хорошенько этим заняться. Наконец, пришел Федя и сказал, что все проиграл. Он же принес мне и письмо от мамы с почты, которое он распечатал, сказав, что решительно не знал, может быть, это было и к нему, и прочитал, но сначала не разобрал маминого письма. Мне показалось, что мама сообщала, что мебель продадут в Громоздких[37]. Так как она писала, что отдала проценты только за 3 месяца, то это меня испугало, я стала бояться, чтобы наша мебель не пропала. Тут было написано, что берут 20 р. процентов, но я разобрала, что это берут в другом месте, а не в Громоздких (где мебель наша заложена). Мне сделалось так грустно и так тяжело, мне было до того досадно, что еще вчера у нас были деньги, чтобы выкупить наши вещи, а мы и тут не образумились. Потом, когда Федя сказал: «проклятая мебель», мне сделалось так больно, что, может быть, и наша мебель пропадет, что я расплакалась и никак не могла уняться. Федя меня успокаивал и просил не плакать. Но что же мне было делать: горя так много накопилось, а тут еще неизвестно, сколько пришлют, а тут еще все деньги проиграны и вещи не выкуплены. Мы стали с Федей считать, сколько нам придется заплатить за выкуп, и оказалось, что следует около 100 гульденов. К этому долгу присоединилось еще заложенное Федею кольцо, которое он заложил сегодня утром за 20 франков. Все это было ужасно как тяжело, я плакала, а когда Федя вдруг рассердился на это (т. е. что я плачу), то и я вышла из себя и стала говорить, что он меня никогда не слушает. Действительно, он поступает решительно не по-дружески: несчастья переносить,— так вместе, а когда деньги есть, то он решительно не хочет слушать моих советов. Например, вчера я предлагала ему выкупить вещи наши,— по крайней мере, теперь у нас были бы выкуплены вещи, следовательно, мы были бы на их счет спокойны. Но этого не могло быть, он не захотел, ну и проиграл. Потом мы разговорились, и я сказала, что он никогда не хочет слушать моих советов, что как будто стыдится, если их примет, что даже напротив поступит совершенно иначе, чтобы только показать, что вот, дескать, она никакого на меня влияния не имеет. Федя отвечал, что в игре теперь есть страсть, потому он и не слушает (советов), а в остальных вещах он всегда пляшет по моей дудке. Мне было так тяжело и больно, что я вышла из себя и сказала, что мне смешна эта мысль выиграть миллионы на рулетке, и в раздражении назвала его «благодетелем человечества». Этим Федя обиделся и спросил, что я хочу этим сказать. Вообще он был обижен. Положим, я и сама раскаивалась, что сказала это слово, но, право, мне так всегда обидно, когда при выигрыше он говорил, что вот непременно надо помочь тому-то, тому-то подарить то или другое. Я уверена, что выиграй мы, непременно бы нашим выигрышем воспользовались бы только эти скверные люди, а нам, собственно, решительно ничего бы не пришлось.

Потом Федя подумал до обеда сходить выкупаться в баню. Я была очень этому рада, потому что он давно уже собирался, а как-то все не случалось пойти. Пред его уходом мы окончательно примирились, и он даже простил, что я его в насмешку назвала «великодушным человеком». Федя пошел и к обеду воротился, но потом пошел за фруктами. Хоть теперь денег у нас всего навсего 10 флоринов, но мы все-таки продолжаем кутить. Он купил почти что на талер груш, но до того великолепных,

что, право, никогда не случалось подобных едать; особенно хороши были совершенно зеленые, но окончательно спелые. Потом хороши маленькие белые и, наконец, были прекрасны и сладки вишни. Вообще мы кутим. Федя мне так расхвалил баню, что я решилась и сама сегодня сходить. Федя мне рассказал, что когда он вышел на улицу и спросил у какого-то прохожего, где тут можно baden[46*], то купец повторил: «baden».— «Ja, baden».— «Baden?». Федя отвернулся и отошел. Также спросил он у какой-то другой женщины, и та также ужасно как удивилась, что Федя предложил ей такой вопрос, так что, наконец, Федя вышел из терпения и, не допросив ее, ушел и сам уже отыскал баню. С него взяли 30 Kreuzer'ов. Пришел он очень белый, помолодевший лет на 5, по крайней мере. Отобедали мы в 5 часов. Я тотчас же хотела идти в баню, но Федя упросил меня не ходить, потому что сейчас же после обеда очень вредно. Мы переговорили и решили, что Федя возьмет и заложит сегодня мои серьги и брошь опять за ту же цену, но из этих денег оставит на выкуп моей мантильи, потому что ей срок в среду; на остальные же деньги он попробует на рулетке. Федя ушел, а я пошла в баню в 7 часов, попросив Терезу проводить меня. Пришла туда, и меня спросили, в какую мне угодно цену. Я выбрала в 24 Kreuzer'а, кажется, лучше нет. Мне сейчас же приготовили в 27°. Я разделась и стала мыться, но мне показалась вода холодна, и я прибавила еще горячей. Такая досада, у меня не было мочалки, а хотелось хорошенько помыться, поэтому я должна была употребить в дело мою манишку и вытерлась ею. В ванне я почувствовала боль в животе, не знаю отчего, может быть оттого, что это было скоро после обеда. Вообще я была очень недолго в ванне, скоро вымылась и вышла прочь, так что пришла домой уже в $^3/_4$ 8-го, всего-навсего с ходьбою употребила $^3/_4$ часа, это очень немного. Меня в коридоре встретила хозяйка; она мне сказала, что я напрасно ходила в ванну, что мне это вредно и что я могу выкинуть. Что вообще до 6-ти месяцев не следует брать ванны, ну, а после так это даже и необходимо, что это будет полезно, а теперь это вредно, и я могу лишиться ребенка. Я этого решительно не знала и потому была благодарна за совет. Феди еще не было, и он, кажется, не приходил до 9 часов. В это время я лежала на постели и читала книгу. Я была почти уверена, что Федя проигрался и потому не идет только, что думает не застать меня дома, а, вероятно, где-нибудь сидит в читальне или гуляет один. В 9 часов он пришел, я ему передала о том, что сказала хозяйка; он, по-видимому, испугался, но потом стал успокаивать меня, говорил, что это, верно, пустяки, и вообще не следует слишком-то доверять разным этим толкам. Потом Федя мне сказал, что день не слишком плох, что он не проиграл денег, и выложил мне напоказ 120 франков, которые он получил под залог серег. Потом показал мне еще 4 десятигульдешника, то есть то самое, что было у нас сегодня утром, и еще, кроме того, выигранных денег 10 двухгульдешников, то есть 20 гульденов. Разумеется, я была этому очень рада, потому что хотя это и немного 20 гульденов, но все-таки лучше, чем положительный проигрыш. Потом Федя вызвался сходить за сыром и свечами, а также зайти в читальню и купить там еще книгу, именно первую часть «Campagnard-Gentilhomme». Он сейчас же отправился, и я была этому рада, потому что, если б не пошел теперь, то, вероятно,

[46*] Ф. М. иногда плохо говорил по-немецки. Он спрашивал, где купаться — «baden», а немцы думали, что он спрашивает, где находится город Baden а потому удивлялись (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

не иметь бы нам у себя этой книги. Федя скоро воротился, купив 2 фунта сыру, фунт свечей и полфунта кофе, так что мы теперь снова обеспечены провизией на несколько времени. Купил он и книгу, но вечером, когда стал читать, то увидал, что читал ее очень недавно, еще в Дрездене, но, покупая, не заметил, что это была та же самая книга. Я недолго сидела, потом легла спать и видела во сне, что я нахожусь в Иерусалиме; видела чьи-то похороны и под конец ходила по иерусалимскому базару, где купила какие-то ситцевые сапоги и чулки, и что они стоят, как оказалось, одну *подошву*. Это будто бы такая новая турецкая монета, которая стоит 40 копеек. Когда я проснулась, то очень смеялась над нелепою новою монетой. Федя со мной очень нежно прощался, и я была очень, очень рада, потому что он говорил, что меня сильно любит.

Воскресенье, 18 августа/6 августа

День сегодня превосходный, светлый, но, должно быть, будет очень жаркий. Я встала довольно рано. Меня начало рвать желчью, да так много, что прежде этого и не бывало. Но когда вырвало, мне сделалось очень легко и прошла вся боль. Утром, вскоре после чаю, когда Федя переодевался, разговор у нас как-то коснулся до деликатности, и вдруг Федя вздумал сказать мне, что я вчера была неделикатна. Мне, разумеется, это было очень больно слышать, именно потому, что я только и думала, что вот есть человек, который понимает мою деликатность. Господи! Да сколько бы раз могла бы я сделать ему много и много неприятностей, если б я того захотела. Неужели в нем не нашлось бы таких сторон, за которые очень и очень бы можно ухватиться и даже посмеяться вдоволь. Я всего старалась этого избегать, говоря,— всегда боялась его оскорбить. Я помню, когда я ходила к нему работать, я ему не предложила ни одного вопроса. Мне казалось неделикатным спросить его о чем-нибудь. Ну пусть он сам скажет; если захочет, то и сам скажет,— думала я,— настолько я была деликатна. Мне нужно что-нибудь купить, я хожу в рваном платье, в черном, гадко одетая, но я ему ничего не говорю, что мне, может быть, очень хотелось бы одеваться порядочно. Я думаю, авось он сам догадается, авось сам скажет, что вот надо и тебе купить платьев летних, они же здесь ведь так недорого стоят. Ведь о себе он позаботился и купил в Берлине, и в Дрездене заказал платье, а у него тогда не хватило заботы о том, что и мне следовало бы себе сделать, что я так скверно одета. Если я ничего ему не говорю, так это потому, что я совещусь говорить об этом. Я думаю: авось он сам догадается, зачем ему говорить. Ну, а то, что он меня обижает, давая деньги Паше и родным, между тем как мои платья, мой салоп и мебель заложены, так мало на все это обращается внимания. Когда он бог знает как проигрывал, не я ли первая его утешала, не я ли первая предлагала заложить мои вещи, нисколько не колеблясь, между тем знала, что они пропадут. Разве я когда-нибудь упрекала его в том, что он проиграл так много денег,— совсем нет, я сама утешала его и говорила, что это все пустяки, и что не нужно обращать внимания на подобный вздор. Нет, этого он ничего не ценит и вот теперь он мне говорит, что я неделикатна. Право, после этого решительно не стоит быть деликатной. Вот если б я стала кричать и браниться постоянно с ним, так тогда бы, может быть, он и припомнил бы, что я была очень деликатна с ним и что не надо было меня обижать несправедливыми упреками. Федя пошел к Josel'ю выкупить пальто за 8 гульденов, а я осталась дома и мне сделалось до того грустно от такой страшной несправедливости, что я,

право, не знала, что мне и делать. Вот она благодарность за то, что я не ругаюсь! Право, не стоит сдерживаться. Ведь вот Мария Дмитриевна ругала его каторжником, подлецом, колодником, и ей все сходило с рук[38]. Когда Федя воротился от Josel'я, он подошел ко мне и спросил, отчего я такая пасмурная и продекламировал стихи.....[47*] и сказал, что он не думал меня обидеть, когда сказал, что я неделикатна.— Что я нравственно деликатна, так это он должен сказать, что в таком смысле мне подобной не найдется, а что я неделикатна физически. Оказывается, что это происходит все оттого, что я его называю иногда дурачком, глупцом. Как это глупо из-за подобной глупости вдруг меня в чем обвинить. Мне вовсе не хотелось ссориться, потому я постаралась показать вид, что не сержусь. Потом Федя пошел на рулетку и просил меня молиться, чтоб он не проиграл. В 2 часа он пришел назад и сказал, что выиграл 30 гульденов. Я была этому очень рада, потому что это хоть немного увеличило наш капитал. Для того, чтобы ему не вздумалось идти опять на рулетку, я ему предложила идти гулять. Сначала он не соглашался, но потом мы пошли. Он вздумал мне показать у самого вокзала лимонное (или апельсинное) дерево, на котором находились лимоны, ярко блестевшие на солнце. Мне в первый раз приходится видеть лимоны на дереве. Отсюда мы отправились по Lichtenthaler Allee, много раз сидели на скамейках; мы проходили также мимо памятника Шиллеру. Какие это хитрые немцы! Ну, как им отстать от всех городов просвещенных, как не показать, что и они интересуются и уважают гения, вот они и придумали тоже поставить Шиллеру памятник. Но чтобы избежать излишних издержек, они решили сделать это экономически, то есть: лежал у них среди сада большой неотесанный камень, ни к чему не пригодный; перенести его на другое место было очень неудобно, уж очень тяжел, ну, а если лежит среди сада, так это только вид сада портит. Хитрые немцы сейчас же и догадались, какое им сделать употребление из этого камня. Не употребляя ни гроша на переработку камня, не отесав его нисколько, они вырезали несколько золоченых букв, но таких, которые обыкновенно ставятся на надгробных гробовых памятниках и сделали надпись: «Den unsterblichen Schiller Stadt Baden»[48*]. Чтобы скрыть безобразие этого камня, они посадили вокруг него сирень, которая закрыла его с 3-х сторон, так что осталась на виду одна лишь часть, где была надпись. Это очень хитрая выдумка, которая только и может быть выдумана немцами. И похвально, и экономически, и камень не мешает глазу, одним словом, одним камнем убили 3-х зайцев. Как это мелко, право, меня это просто возмущает, вместо того, чтобы восхищать.

Шли мы довольно долго и, наконец пришли к кабачку, который находится прямо у монастыря. Сели под каштанами, которые здесь ужасно как густо растут. К нам сейчас подошла девушка и принесла два полуштофа пива, за который взяла по 3 Kreuzer'а за каждый. Это ужасно как дешево. Мы решили выпить пива в воспоминание Дрездена, где мы каждый день пили его. Пиво оказалось хуже Дрезденского, какое-то горькое, но, должно быть, крепкое, потому что у меня после закружилась голова и затуманилось в глазах,— вот какая я нынче слабая. Наконец, в половине пятого пришли домой, сделав очень большую прогулку. Я решительно не знаю, годится ли мне так много ходить. Ну, все равно, может быть, это и полезно. Пообедали. Нам прислуживала Тереза,

[47*] *В подлиннике пропуск в две строки.*
[48*] Бессмертному Шиллеру город Баден (*нем.*).

которая ни за какие блага в мире никак не могла понять с первого разу, что мы ей говорили, и нужно было очень много растолковывать, так что Федя почти вышел из себя. После обеда, в 7 часов, он пошел на рулетку, а я на почту, но здесь ничего не получила, а оттуда мне вздумалось идти в вокзал играть. Я думала, что сегодня были 2 рулетки, следовательно, будет совершенно незаметно, если я стану играть. Я даже нарочно на этот случай взяла с собой 3 талера. Придя туда, крадучись, вошла и сейчас же заметила Федю. Он стоял и, кажется, выигрывал. Я вошла в другую залу, но в 2-х залах играли в 30—40, trente et quarante, а не в рулетку, так что мне не удалось. Я хотела было попробовать рискнуть поставить на одном же столе с Федей, но боялась, что он заметит,— потом, если у него будет неудача, то припишет, что это я причина неудачи, то есть мой несчастный приход. Я недолго оставалась в зале и поскорее пошла домой. Здесь читала книгу. Наконец, часов в 8 пришел Федя. Он сегодня опять выиграл, так что когда мы стали считать, то у нас оказалось 180 гульденов золотою монетою, 8 талеров, у меня 7 гульденов и у него еще на игру 19 двухгульдешников, то есть почти 240 гульденов. Это слишком хорошо, больше чем на 80 гульденов того, что нам прислали, хотя мы это время жили, отдали хозяйке и выкупили кольцо и одно пальто. Господи, как бы я была счастлива, если б все наши вещи были дома,—вот бы была для меня радость неописуемая, Федя хотел сейчас же опять идти на рулетку, но я его остановила и просила идти со мною гулять. Я знала, что он почти постоянно проигрывает, когда пойдет играть вечером, поэтому нужно было отвести его от игры. Мы гуляли по садику, а потом пошли в читальню. У читальни Федя хотел поворотить к вокзалу и очень обиделся, когда я ничего ему не говоря, повернула его руку к читальне. Это его как будто оскорбило, хотя решительно в этом ничего не было дурного, мне только хотелось, чтобы Федя не пошел в вокзал. В читальне было ужасно много народу, но библиотекарь был так любезен, что мне подвинул стул к столу. Тут читала какая-то русская девица, я уже вижу ее второй раз. Какие это русские! То они уж очень хорошо одеваются, так что их и не отличишь от иностранок, то одеваются из рук вон безобразно и безвкусно, как эта девица. Так все на ней было неуклюже, но, может быть, она бедная, так это понятно. Притом лицом очень гадкая и щурит непременно глаза. Я уверена, что у ней прекрасное зрение, но делает это она только из кокетства. Музыка была скверная; мы отправились домой, и здесь Тереза опять нас мучила тем, что не понимала ни слова. Федя начал выходить из терпенья, все время ворчал, ничем не был доволен. Я знала, что если он будет так продолжать, то я тоже стану горячиться и у нас выйдет ссора, поэтому я ушла спать, сказав, что у меня болит живот, но он сказал, что все это пустяки, а чтобы я лучше вышла и стала бы читать. Я вышла, но потом он так меня рассердил своею придирчивостью, что я назвала его капризником. Да и действительно стоило,—я решительно не знаю, чем он недоволен, чего ему хочется, что он так сердится и не знает, что ему и делать. Потом я заснула на его постели и в 11 часов перешла на свою постель. Все у нас было мирно, как вдруг Федя, придя в 2 часа прощаться, начал мне выговаривать, чтобы я не бранила его капризником, что он этого не позволит, что он этого не может допустить и пр., и пр. Я ему отвечала, что глупо сердиться на подобную глупость, что каждый бы засмеялся, если б услышал, что мы ссоримся из-за таких пустяков, и что если ему угодно, так пусть говорит сколько хочет разных замечаний, до которых мне решительно все равно. Федя принял это за

обиду, так что мы расстались очень холодно. Это меня так расстроило, что я потом часа полтора не могла заснуть, сердце билось ужасно, да и живот болел. Федя слышал, что я ворочаюсь, что я не сплю, но у него не достало столько любви, чтобы спросить меня, что со мной, так что, действительно, если б со мной стало худо от того волнения, которое я испытывала, то я и тогда бы не решилась его беспокоить, коли ему решительно все равно до того, что со мной происходит. Это меня очень огорчило. Да и стоило приходить нарушать мир для того, чтобы сказать мне наставления, которых, как он уверен, я решительно не стану слушать. Что это за пустая мысль, что я нахожусь в его подчинении[49*], и что непременно стану так и поступать, как ему угодно. Пора бы оставить эту нелепую мысль!

Понедельник, 19-го августа/7 августа

Проснулась ужасно рано, не было еще 7 часов. Я слышала, что у хозяйки пьют, и, взяв кофе, хотела ей дать и попросить чашку ее кофею. Но она отказала, а приказала сварить мой, сказав, что ее кофе нехорош. Я напилась кофею, но меня тотчас же и вырвало, так что решительно напрасно пила. Потом я читала «Les ailes d'Icare»; роман очень хорош; а затем стала писать свой дневник. Я забываю все записать, что меня все принимают не за M-me, а за M-lle, так, напр., где мне поправляли мое платье, потом где покупали перчатки, меня тоже называли M-lle. Мне это обидно, точно я не имею такого представительного вида, какой обыкновенно имеют дамы, точно я действительно девочка. Сегодня утром мы все читали и не говорили с Федей. Он продолжает сердиться на меня, так что меня просто это досадует. Ну, разве возможно было рассердиться на разговоры какой-нибудь глупой, беременной женщины, которая и сама не знает, что такое говорит. Так что мы утром читали и не говорили друг с другом. Федя взял у меня 50 гульденов и отправился выкупать платье и мантилью к Weismann'y. Пошел в 12 часов, а воротился в два, потому что не застал Weismann'a дома. За выкуп пришлось дать 97 франков, но зато теперь у нас дома и платье, и мантилья, так что можно быть несколько спокойной. Я этому очень рада. Федя сказал, что он заходил на рулетку и что-то выиграл — довольно много. Потом перед обедом он еще раз отправился на рулетку и снова выиграл, так что у меня накопилось 240 золотыми монетами, исключая серебряные, то есть 12 двадцатигульдешников золотою монетою, да у него еще 3 монеты, всего золотом 270 гульд. и еще серебряными монетами. Мы пообедали и помирились. Право, на нас смешно смотреть, как мы мучаемся с нашими ссорами: то ссоримся, то миримся,— просто смех берет. Но Федя принял это за очень серьезное и потому говорил, что «кончились красные денечки, что больше уже согласия у нас не будет». После обеда я упрашивала его не ходить, потому что боялась, что он проиграет, но он не решился поступить, как я его просила. Он непременно хотел идти, сказав, что очень скоро придет и долго там не останется, а что он желает только немного выиграть, и с него довольно. У меня осталось 240 гульденов, и я отправилась сначала на почту, а потом за платками, которые и выкупила за один флорин. Когда я шла по бульвару, то видела, что Федя идет домой очень грустный. Мне не хотелось показать, что я его вижу, чтобы подольше не идти домой и таким образом как-нибудь

[49*] Я по молодости лет очень стояла за свою независимость, не замечая, что Ф. М. вовсе не намерен ее нарушать (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

оттянуть время. Но делать было нечего, пришлось идти домой. Федя стоял на улице и дожидался меня. Он сказал, что решительно ничего не мог выиграть, а только проиграл свои, и просил меня дать ему 40 гульденов еще, сказав, что больше у меня не попросит, а непременно придет очень скоро. Я дала, хотя была уверена, что он и эти проиграет. Так и случилось: через немного времени он воротился, сказав, что проиграл, и просил меня идти с ним гулять. Мы отправились. Ему вздумалось взять с собою еще 40 гульденов, так, что у меня осталось 160. Сначала мы гуляли в садике, но далеко не пошли, потому что Федя все спешил к вокзалу. Он мне дал одну золотую монету, сказав что с 30 остальными гульденами пойдет попробует отыграть хоть немного. Я его упрашивала не делать этого, но разве он меня слушает в подобных случаях. Хоть мы и очень мало гуляли, но делать было нечего. Мы пошли к вокзалу; Федя меня оставил в читальне, а сам отправился играть. И, вправду, он очень скоро вернулся, кажется, через 40 минут, сказав, что проиграл, что у него было уже наигранных 40 гульденов, но он не мог остановиться и вот все проиграл. Он пришел за моей золотой монетой, я дала, он и ту проиграл. Весь сегодняшний день Федя был в ужаснейшей досаде, на все раздражался, просто с ним едва можно было говорить. Неужели наша ссора могла иметь на него такое сильное влияние? Мне, право, больно, если это так. Таким образом, у нас осталось 160 гульденов и серебряные монеты. Я забыла сказать, что сегодня весь день я переводила «La peau du lion» и довольно успешно. Сначала у меня выходили довольно дикие фразы, но потом пошло все как по маслу, и я перевела, не слишком особенно затрудняясь и занимаясь другим делом, 34 (?)[50*] страницы. Ведь это очень хорошо. Я хочу непременно хорошенько заняться переводами, может быть, они мне и пригодятся; теперь у меня есть время, чтобы заниматься этим и приготовить себя к будущим занятиям, когда мне придется самой хлеб добывать. Да и день как-то быстро и хорошо прошел, так что я была очень довольна своим днем. Пришли домой. Меня взволновал не столько этот проигрыш, а то, что Федя никак не мог остановиться и послушаться меня, чтобы не играть. Это мне ужасно как больно, потому что все-таки хоть немного да можно было бы слушаться меня. Купили сыру и отлично поели. Мы нынче только и делаем, что пьем да едим. Ах, вот я еще что забыла: сегодня Федя был не в духе, и вдруг он объявил мне по дороге, что «вот у нас денег очень мало, а я хочу разъезжать, хочу еще ехать на Рейн непременно, между тем как нам только бы и думать, что как-нибудь дожить сколько возможности больше времени». Ведь какая несправедливость! Я толковала о нашей поездке по Рейну только в таком случае, если бы у нас накопилось много денег, ну, тогда бы мы могли это сделать. Это была мечта вроде поездки на луну, ну так стоило ли об этом напоминать и бранить за это. Право, Федя ужасно как сегодня несправедлив ко мне. Вечером, чтобы не ссориться с ним, я нарочно ушла раньше спать, потому что ему все не нравится, все его беспокоит, так что ничем на него и не угодишь. Сегодня Мари, узнав, что мы отдали хозяйке деньги (11 гульденов), видимо, рассердилась на нас, и когда мы ей приказали принести горячей воды, она не обратила на наши слова никакого внимания; мы еще несколько раз повторили, но с таким же успехом, так что под конец я на нее закричала. Тогда она пришла, но взглянула на меня таким злым взглядом, так что Федя подивился,— так

[50*] Не 4-ли страницы? (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

она на меня грозно и злобно посмотрела. Когда Федя пришел прощаться со мной, то мы опять так же ласково простились, как всегда, и он мне очень радостно сказал, что «вот опять у нас началось прежнее согласие», и говорил, что он будет очень счастлив, если мы будем согласно жить.

Вторник, 20 августа/8 августа

Сегодня я встала с мыслью непременно пойти на рулетку. Эта мысль во мне была уже очень давно, но все мне как-то не случалось ее выполнить,— все Федя мешал, но сегодня я твердо решилась идти. Сам же Федя собирался сначала сходить к Josel'ю, чтобы выкупить у него платье и все свои вещи, а я в это время сказала, что пойду на почту и очень скоро приду. Я пошла на почту и здесь получила от мамы франкированное письмо, в котором нашла полис на 150 рублей, между тем как мы ожидали рублей 200 по крайней мере. Меня просто убило это известие, тем более, что они отдали Стоюниной, чего я решительно не ожидала. Тогда я сказала себе, что мне необходимо идти на рулетку и выиграть там сколько-нибудь. У меня денег было взято с собою 2 талера, потом 4 гульдена и 5 гульденов бумажками. Своих же собственных было 2 гульдена, которыми я могла располагать. День был удивительно жаркий, в зале было очень мало народу, так что я очень скоро нашла себе место около одной дамы, но с которой я постоянно сцеплялась: мой цветок задевал вуаль на ее шляпке, так что это мне очень часто мешало ставить, потому что я сцеплюсь и, пока расцепляюсь, в это время уже опоздаю ставить. Меня это несколько досадовало. Я поставила мой талер на 12 первых,— дали 2, поставила на 12 последних,— дали 2, таким образом, у меня с первых двух разов оказалось выигрыша 4 талера. Три удара я проиграла и потом продолжала играть. У меня всегда спускалось на 2 и опять поднималось на 4, потом опять на 2, потом 5. Затем они дошли до 7 или до 8-и. Я в то время подумала, что вот бы теперь и уйти, и совершенно напрасно не сделала этого. Потом стала все проигрывать, да проигрывать. Сначала я все как-то умела примечать, куда поставить, но потом эта способность мне решительно изменила. Меня особенно подвели средние, которые никогда не выходили. Я и эта дама постоянно ставили на средние. Она даже, кажется, очень обижалась, что я постоянно ставлю туда, куда и она, и, кажется, мне об этом заметила. Она, видимо, стала проигрывать теперь, как я отошла. У меня все спускалось и опять поднималось, так что я желала, что если Федя придет, то теперь бы пришел, тогда бы я могла ему показать. У меня набралось уже 19 талеров. Я вынула еще талер, чтоб поставить, в ту минуту в дверях залы показался Федя. Если б я захотела, то могла бы пройти мимо его и вообще как-нибудь скрыться, но я испугалась его бледного лица, и, не знаю почему, пошла прямо к нему навстречу, бросив свою ставку, которая и пропала. Может быть, я надеялась, что даже и при встрече со мною он пройдет мимо; но этого не случилось: он начал меня бранить, как я, молодая женщина, пошла одна на рулетку. Стал говорить, что я совершенно запропала, что он меня ждал, потом пришел от Josel'я с узелком и вдруг не застал меня дома, так что наша мадам видела, что он принес узелок. Ведь этакий Федя, не мог прийти раньше, когда у меня еще были деньги, а пришел тогда, когда они были проиграны из-за него. Когда мы вышли, Федя начал меня упрекать, как я пошла на рулетку, и сказал, что если я и выиграю, то тотчас же проиграю. Тогда я заметила, что ведь и он проигрывает, так если б я даже и проиграла каких-нибудь 5 гульденов, так мне бы прислали из

Петербурга. Так что об этом нечего и говорить. Таким образом, я проиграла только один талер. Я об этом нисколько не жалела, но мне было больно, зачем я не ушла, когда у меня было 18 талеров, я бы могла послать что-нибудь моей бедной мамочке. Я пришла домой и была просто в отчаянии,— так меня поразило и то, что мне так мало прислали, и то, что я ничего не выиграла. Кажется, через час пришел Федя и вошел с улыбкой на лице. Я просила его не пугать меня, не говорить, что проиграл, а он, действительно, и проиграл. Федя, смеясь, называл меня «женой-игроком», и мы стали смеяться над тем, как это он меня нашел и вывел меня за руку из вокзала, пришел с розочкой отыскивать пропавшую жену. Тут я ему рассказала, сколько прислано, но он меня утешил, сказав, что если мама обещает нам выслать, то нам нечего и беспокоиться, потому что мама, вероятно, позаботится о нас, как постоянно о нас заботится, что тосковать нечего, а посоветовал мне написать письмо, чтобы она приискивала деньги, и что когда мы дадим наш адрес, то сейчас бы и присылала. Так что это меня совершенно успокоило. Я нарочно показала Феде все деньги, которые он мне вверил, чтобы доказать, что ничего не проиграла, но он даже не хотел и смотреть, а сказал, что я его обижаю, если думаю, что он боялся моего проигрыша. Потому что ведь он проигрывал, а я ему безо всякого ропота давала мои деньги, так как же вдруг стал бы упрекать меня, если б я и действительно что проиграла. Но он боялся, чтобы со мной не случилось какой-нибудь истории, тем более, что я беременна и могла бы испугаться, а что на его глазах истории случаются каждый день. При этом мне рассказал, что сегодня он все ставил на 0 (zéro), очень много раз, а zéro, как назло не выходило. Вдруг оно вышло, а он получал в то время другую ставку, а когда он обернулся, чтобы получить за zéro, крупер (тот новый крупер видел, что он постоянно ставил) был в видимом смущении и сказал, указывая на какую-то молодую даму, француженку, кажется, что Madame уже взяла. Федя сказал, что эта была его ставка, но она тотчас же обратилась к круперу и начала ему болтать что-то, так что Федя не захотел больше связываться и не стал спорить, хотя все видели, что, действительно, ставка была его. После этого у него пошло все несчастье да несчастье, и он проиграл 40 гульденов. Давеча, когда Федя пошел к Josel'ю, он взял у меня 80 гульденов, так что у меня осталось тоже 80. Он просил меня дать ему теперь 40, а что 40 останутся у меня, и пошел. Я же в это время написала письмо. Потом стала разбирать мой чемодан. К обеду Федя воротился и сказал, что выиграл. У меня было 40 гульденов, он мне прибавил 180 гульденов, кроме тех, которые он оставил себе для игры. Меня ужасно как это обрадовало,— теперь мы все-таки немного поправились, подумала я, и только желала, чтобы Федя как-нибудь сегодня очень не проиграл. Но день был сегодня решительно счастливый: после обеда он пошел на рулетку, а я пошла на почту отнести письмо и купить фруктов. Виноград здесь дорог, но мне уступили по 54 Kreuzer'а за фунт, а груши вместо 6 Kreuzher'ов по 4, а другие по пяти. Вообще они с Феди берут гораздо больше, чем с других, потому что он не торгуется. Я увидала у них несколько порченых персиков, на которых сидело очень много пчел. Я спросила, зачем это? Торговка мне отвечала, что пчелу убивать страшный грех, потому что она приносит мед; другое дело шмели,— тех убивать можно. Потом она сказала, что так как она дает им есть персики, то пчелы до других плодов и не дотрагиваются. Действительно, пчелы только и работали, что над персиками, на других сладостях их не было. Это очень хорошая выдумка таким образом

сберегать плоды. Я начала торопиться домой, потому что думала, что Федя уже пришел, но, слава богу, его еще не было. Я читала книгу, потом шила. Наконец в $^1/_2$ 8-го Федя пришел. Вошел по обыкновению с грустным видом и сказал, что дело плохо, что свои он не проиграл, а только выиграл 115 гульденов, 115 гульденов,— да ведь это такая большая сумма, что просто и подумать страшно. Я помню то время, когда мы говорили с Федей: «А у тебя еще есть 20 Kreuzer'ов,— как это хорошо, значит мы еще богаты», а теперь за один раз выигрыш 115 гульденов,— это просто чудо. Федя отдал мне 100 гульденов, что с моими 220 составило 320, кроме серебряных монет, а себе оставил 67 гульденов. Он меня торопил идти гулять; мы отправились, сначала гуляли по садику, потом сидели на скамейке. После мамина письма мне было так грустно, просто ужас, потому что мама и Ваня писали, что мама постоянно теперь нездорова. Господи, неужели у меня будет такое несчастье, что мама умрет, что я больше ее не увижу? Ведь это будет такой сильный удар, тяжеле которого вряд ли что может быть. Я так люблю мою милую мамочку, мою голубушку, так мне больно и жалко ее, так бы мне хотелось ей помочь. Господи, дай мне силы помочь маме, дай мне возможность помогать этому доброму, милому, хорошему существу; такая она у меня милая, любящая душа, так она постоянно хлопочет обо мне, добрая, добрая мамочка. Когда мы сидели, мне сделалось так грустно, что я заплакала. Федя взял мои руки, целовал их и утешал меня; говорил, что все, может быть, благополучно, называл меня милочкой, утешал меня, просил успокоиться. Потом он сказал, что «вот если б у нас было 3000 флоринов, мы бы тотчас выписали маму к себе непременно». Ведь она нам бы ни в чем не помешала. Федя сам сознается, что мама удивительно хорошо умеет держать себя, чтобы как-нибудь кому не помешать. Что содержание ее решительно нам ничего бы не стоило, вот бы мы и жили с нею, и мне было бы веселее. Я вполне уверена, что, действительно, если бы у нас деньги были, то Федя сделал бы для моего удовольствия и выслал бы ей деньги, чтобы мама могла приехать к нам. Да, действительно, жаль, что денег нет; вот бы мамочка могла бы пожить за границей; она бы поправилась, потому что тоже плохого здоровья. Господи! Не дай, боже, чтобы она без меня умерла, мне это так тяжело подумать, просто ужас. Мы недолго сегодня гуляли. Федя опять хотел идти в вокзал, хотя я ему отсоветовала, потому что у нас было замечено, что вечером ему никогда не удается, что постоянно он вечером проигрывает, когда бы он ни пошел. Так и сегодня я очень боялась, чтобы Феде не пришлось испортить свой вечер, потому что если б он проиграл, то это, конечно, испортило бы все впечатление нашего дня. Так что из боязни этого я и упрашивала его не идти. Но он говорил, что пойдет только на 10 минут посмотреть,— пойдет ли у него, или нет, потому что он считает встречу свою с Ж. (Жемчужниковым?) очень хорошим знаком[39] и потому думает, что сегодня пойдет очень, очень хорошо. Он свел меня в читальню, где я тотчас же принялась за «Московские ведомости» и «Северную пчелу», а сам ушел в вокзал, Федя воротился не больше как через полчаса, очень бледный, так что я подумала, что, вероятно, он проиграл. Он мне ни слова не сказал об этом, а я сама не решилась выспрашивать.

Мы посидели очень недолго и вышли погулять. Сегодня музыка оперная и военная; играли из «Трубадура», прелесть что такое, так что мы с большим удовольствием прошлись несколько раз перед вокзалом. Народу было бездна, человек 2000, я думаю, если не более, так что почти

не было места ходить. Потом, когда музыка кончилась, мы пошли домой. Дорогою Федя мне сказал, что выиграл 65 гульденов, кроме тех, которые у него были. Очевидно, день был сегодня удивительно счастливый, так что я просто от этого в восторге; действительно это в первый раз, что ему удалось выиграть вечером. По дороге мы зашли в колбасную; ветчины не было, так что купили колбасы, очень хорошей, но довольно дорогой. Потом зашли за пирожками, но сегодня они не свежи; зато, по крайней мере, и цена сбавлена,— вместо 6 Kreuzer'ов за штуку берут 4. Вот в этом честность: не выдают несвежего за свежее. Пришли домой и много поели, особенно я, хотя у меня сегодня болел живот и спина. А у Феди так сегодня, когда он проснулся, была сильно распухши щека правая, что ему придавало очень смешной вид, но потом опухоль прошла. Сегодня мы разговаривали о покупке пальто, которое продается у Weismann'а за 100 франков, но, может быть он уступит за 60, как он прежде говорил. Пальто совершенно новое, неодеванное, сделано в Париже каким-то M-r Бабушкиным, который приехал из Парижа в Баден, вероятно, в надежде выиграть громадные суммы, но, разумеется, проигрался, и вот он дал Weismann'у пальто и свой чемодан с принадлежностями, сказав, что выкупит, но уехал, а денег давно не присылает. Теперь Weismann не знает, как ему развязаться с пальто, и вот он предлагает его Феде. Положим его следует немного перешить, но это будет стоить сущую безделицу, между тем, где Федя может достать себе отличное пальто за 25 или за 30 рублей? Ведь это ему очень и очень пригодится, так что я сегодня решительно настаиваю, чтобы он пошел к Weismann'у и купил пальто. Пока деньги есть, надо пользоваться, потому что деньги выйдут, а вещи не будет; так все-таки лучше хоть вещь, чем ничего. Он непременно должен будет идти, я так этого хочу.

Среда, 21 августа /9 августа

Когда мы проснулись сегодня утром, то у нас было в чемодане одними золотыми фридрихсдорами 20 штук, то есть 400 флоринов, исключая того, что было у меня серебряной монеты, да флоринов до 25. Я утром упрашивала Федю сходить к Weismann'у взять у него пальто, которое тот продавал, но Федя, несмотря на мои просьбы решил не ходить, а сказал, что пойдет, если ему случится выиграть еще. Это было очень дурно с его стороны, такое непослушание, тем более, что он меня решительно ни в чем не слушается, как будто я ему зла желаю и даю дурные советы. Но что же тут делать, не хочет слушать,— это его дело. Да я забыла еще сказать, что у нас было 400 гульденов, кроме присланных мамою денег — 234 флоринов, так что мы обладали слишком 1300 франков. Вот бы тут нам и уехать. Но мы ведь фантазеры, это положительно известно; мы никогда не можем остановиться, нам непременно нужно идти до самого конца, мы не могли воспользоваться той верной возможностью, которая представлялась нам, чтобы выйти из нашего дурного положения. Бог дал нам 400 флоринов,— нам бы и следовало сейчас же уехать; таким образом, мы были бы обеспечены, по крайней мере на 3 месяца, ну, а там можно было бы как-нибудь придумать и достать деньги. Но ведь мы фантазеры,— где же нам было понять, когда следует остановиться, разве мы способны на это? Ну, разумеется, на это мы сейчас же замечали, что следует нам выиграть и что мы непременно выиграем 10 тысяч франков. Ну, как после этого не продолжать играть,— следует продолжать и непременно все проиграть. Федя пошел на рулетку, взяв с собою те 65 гульденов, которые у него

были, но скоро воротился, сказав, что проиграл. Потом взял от меня 4 золотых, то есть 80 гульденов. У меня осталось 320. Опять пришел, кажется, через полчаса, проиграв уже их, и просил 6 золотых монет, то есть 120 гульденов. По моему мнению, это была с его стороны большая ошибка, именно брать так много с собою денег. Если бы он брал по-прежнему по 20 или по 40 гульденов, то можно было бы надеяться, что он не проиграет. Но Федя мне твердил, что для него необходимо нужно увеличивать куши, а если не увеличить, то ничего не выиграешь; но, по моему мнению, лучше немного выиграть, чем все проиграть. Как я его ни отговаривала, ничего не помогло, и он взял от меня эти шесть золотых. У меня осталось 200 гульденов. Я в это время занималась глаженьем своего платья и платка и хотела идти гулять. Но Федя меня убеждал не ходить, а подождать его. Делать было нечего; я принялась опять за глаженье, хотя была вполне уверена, что мне лучше было бы уйти куда-нибудь и убежать от Феди, чтобы не давать ему проигрываться. День был решительно несчастливый, следовало бы непременно перестать играть, если уже так повально не идет. Но это только все больше и больше раздосадовало Федю, и он каждый раз мне говорил: «Ну, теперь не удалось, так сейчас удастся; невозможно, чтобы так дурно все шло». Воротившись, Федя спросил у меня еще 5, значит ⟨100?⟩ гульденов. Немного погодя пришел еще за двумя. Тогда, отдав ему эти деньги, я решила непременно куда-нибудь уйти, чтобы как-нибудь Федя меня не нашел. Я ему сказала, что пойду в Новый замок. Действительно пошла туда, но, такая досада, никак не могла найти себе места, чтобы там сидеть и читать книгу: все скамейки были заняты, а на одной так какой-то дурак лежал, растянувшись, так что один занимал всю скамейку. У него от жары и от лежанья голова была красна, как сукно, и жилы на лбу налились так, что я думала, что с ним будет непременно удар. Так мне было это досадно. Мне пришлось несколько времени ходить, а потом уже я сошла на нашу высокую лестницу и там села и читала. Я каждую минуту боялась, чтобы Федя не пришел,— боялась просто до обморока. Раз мне показалось, что идет он; я так испугалась, что побледнела и чуть не свалилась с скамейки. Но это был не он. Наконец, часа через два, идет и он, очень бледный, измученный, и говорит мне, что проиграл. Он мне говорил, что все шло отлично и что он выиграл, но 3-мя — 4-мя дурными ходами решительно все погубил и все проиграл. Пришел он затем, чтобы звать меня домой и просить меня дать ему еще 40 гульденов. У меня всего оставалось в это время 80, следовательно, половину, при том дать сейчас же. Я просила его подождать сколько-нибудь времени, когда он немного успокоится, тем более, что обед был близко, и он может идти после обеда, но он ни за что не хотел этого исполнить и требовал, чтобы я шла сейчас же домой. Я до того была в этот день измучена этими беспрестанными приходами его с извещением, что он проиграл, была так полна боязнию, что мы опять проиграем все деньги, к тому же у меня болела голова и очень тошнило, что я не могла удержаться и, вскочив со скамейки, быстро побежала по лестнице, так что, под конец, мне даже сделалось очень трудно. Бежа во всю мочь и сердясь, я толковала, что пусть он возьмет эти деньги, что мне, наконец, все равно, что я прошу его подождать, что он меня не слушает, никогда не слушает, что мне, наконец, довольно так мучиться, что он меня слишком уж мучает своею безудержностью, что я сейчас же отдам ему все деньги, а сама куда-нибудь уеду (уйду?) потому что я не могу больше сносить такого положения. Федя шел за мной и просил, чтобы

я не бежала, чтобы остановилась немного. Но я была вне себя,— так мне было больно и досадно, так было много горя во всем этом, что я не могла удержаться. Мы очень быстро пришли домой. Я подбежала к чемодану и отдала ему деньги. Между нами стояла гладильная доска. Он стоял по ту сторону, взял меня за руку и просил не сердиться на него. Я отвечала, что я не сержусь, что это я так только горячо приняла к сердцу, а что пусть, если он не хочет меня слушать, так идет теперь до обеда, а так как я решительно не могу больше выносить такой страшной тоски, то я тоже пойду куда-нибудь. Федя спросил, скоро ли я приду, я отвечала, что, вероятно, вечером, потому что мне уже слишком тяжело дома. Федя стал меня уверять, что теперь только всего 1/2 3-го, но я заставила его взглянуть на часы; оказалось, что вовсе не 1/2 3-го, а 1/2 4-го, следовательно, через полчаса обед. Тут Федя подошел опять ко мне и почти со слезами просил не сердиться, сказал, что останется со мной и. пойдет после обеда. Он «ради бога» просил меня не сердиться, говорил, что все это и его ужасно как мучает, и что одно только его и спасает,— это то, что мы не ссоримся. Мы тотчас же помирились и послали за обедом. После обеда Федя пошел опять на рулетку, взяв с собою 40 гульденов, а 40 у меня остались. Он сказал, что очень скоро воротится и просил меня быть готовой к его приходу. После его ухода я стала одеваться, совсем оделась и начала приготовлять различные вещи, чтобы быть готовой к отъезду, стала штопать белье, чулки и прибирать мелкие вещи. Но Федя не исполнил своего обещания и не пришел так скоро, как хотел. Пришел он, наконец, в 9 1/4 часов, когда я лежала на постели; у меня сильно болела голова и живот, так что я едва могла передвигаться на постели. Федя пришел, принес фруктов и сказал, что сегодня он был довольно счастлив, так что воротил деньги и теперь принес вместо давишних 400 гульденов 200 гульденов[51*]. Но ведь и это тоже хорошо, я этому была бог знает как рада. Мы довольно весело провели этот вечер. Я так была счастлива, что хоть немного вернули проигранного, что ужас.

Четверг, 22 августа/10 августа

Встали мы сегодня довольно рано и первое, что меня взволновало (а меня нынче очень часто что волнует), было то, что прачка, принесшая белье, вдруг взяла за юбку не 24 Kreuzer'a, как в первый раз, а 36 Kreuzer'ов, так что может дойти, что если б я в третий раз вздумала отдать ей эту же самую юбку, то она взяла бы уже не 36, а 60 Kreuzer'ов. Это просто такая наглость, которой я нигде не видала. Ну, разве из того обстоятельства, что у них нет работы зимой, мы обязаны расплачиваться своими карманами. Я ей сказала, чтобы она спросила хозяйку, не уступит ли она по-прежнему за 24 Kreuzer'a, но она воротилась и сказала, что хозяйка не уступает. Нечего делать, пришлось ей дать за все по страшно высокой цене. Но при этом я хоть тем себя потешила, что сказала, что это просто «воровство», что ей нельзя отдавать белье, иначе она, в первый раз взяв за рубашку 10 Kreuzer'ов, в другой раз возьмет 2 гульдена. Я была этим ужасно как раздражена, просто не знаю, почему я так сердилась. Потом мне сделалось ужасно грустно, так что я даже несколько плакала. Федя меня утешал, говорил, что, может быть моя грусть именно перед счастьем, но мне казалось это каким-то роковым предчувствием

[51*] *Вероятно, описка: следует 40 и 20 гульденов.*

чего-то очень дурного, и, действительно, мое предчувствие оправдалось. Федя пошел на рулетку, взяв из моих 200 гульденов 4 монеты, то есть 80 гульденов, и, разумеется, тотчас же их проиграл. Воротился за другими 4 монетами, я дала, но он и эти проиграл. Вернувшись, он мне объявил, что если он сегодня проиграл, то решительно из своей глупости, а, следовательно, если он будет играть благоразумнее, то этого ни за что не случится. Федя просил меня дать ему последние 40 гульденов, сказав, что он непременно отыграется и принесет мне назад мои серьги и кольца, заложенные за 170 франков. Это решение он произнес вполне уверенным тоном, как будто от него самого зависело, когда выиграть и когда нет. Но, разумеется, эта решимость никакой пользы не принесла, сделала только то, что он и эти деньги все проиграл. Время до обеда оставалось очень немного, то есть не с большим час, но Феде показалось очень скучно сидеть дома, и он меня просил, чтоб я дала ему квитанцию, присланную мамой, для получения от банкира денег. Я просила его очень подождать и после обеда идти со мной вместе получать, но он не захотел слышать и, взяв квитанцию, отправился получать деньги. Боже мой, никогда, кажется, я не была в таком отчаянии, как в это время. Мне представилось, что он непременно пойдет с этими деньгами на рулетку, чтобы отыграться, начнет ставить бог знает какими кушами и, разумеется, непременно проиграет все. Ну, что мы тогда станем делать? Неужели нам придется месяца два сидеть в этом проклятом городе, у этой недоброй мадам? Я просто с ума сходила, плакала, страшно рыдала, ломала себе руки. Мне приходило в голову сейчас же идти на рулетку и, если Федя там, то остановить его, не дать ему проиграть последнее. Но, к моему несчастью, я сегодня вздумала переделывать мое черное платье, которое было все в дырах. Я его распорола и теперь шила, так что мне не в чем было идти, а надевать лиловое платье было бы слишком долго, да я одна и не могла, так что я решилась предоставить это на волю божию. Молила бога только о том, чтобы Федя не проиграл этих денег. Я очень хорошо сделала, что не пошла на рулетку, потому что Федя, придя к банкиру, получил от него деньги, но банкир был несколько в сомнении на счет того, что получила не я, на которую написан вексель, а он; потому он отправил своего конторщика с Федей, чтобы я могла подписать свое имя на векселе. Таким образом, это было очень хорошо, что мальчик этот застал меня дома,— я могла подписать и выйти самой показаться, чтобы он мог поверить действительности слов Феди. Таким образом, моя просьба была исполнена: Федя не ходил на рулетку, а принес все 234 гульдена. Федя выменял на французские деньги, и банкир ему объявил, что так как французские деньги очень дороги, то он взял на них лажу, и, таким образом, мы получили не 502 франка, как рассчитывали, а только 493 франка. Мы пообедали, и после обеда Федя просил меня дать ему 170 франков, чтобы он мог выкупить мои серьги и брошь и свое кольцо, заложенные за эту цену. Я дала ему деньги; таким образом, у меня осталось 323 франка, да еще франков 40 мелочи. Кроме этих денег, Федя от меня взял еще 10 франков, которые у меня хранились. Я просила его дать мне слово не играть на эти деньги. Он слова мне не дал, а сказал, что он только очень небольшую часть возьмет из этих денег, что никоим образом не проиграет всех денег. Федя ушел, но у меня было какое-то предчувствие, что он непременно проиграет все эти деньги. Как мне это было тяжело, так себе представить не могу, чтобы что-нибудь было так тяжело в другой раз. Федя очень долго не приходил домой, так что я сглупа подумала, что он, действительно, и выиграл. Так

как я давно уже не выходила из дому и вообще эти дни очень мало гуляла, то и решила несколько пройтись. Я стала искать мой шиньон, чтобы его причесать. Но шиньон нигде не находился, хотя я обыскала всю спальню. Тогда я спросила Мари, но она прямо мне ответила, что не видела, а что я, может быть, потеряла его. Я еще много раз осматривала везде, но нигде не могла найти. Платье свое черное я окончила и просила Мари принести мне утюг, чтобы выгладить его, но Мари сначала мне ответила, что она сама гладит и что потом мне даст утюг. И это было сделано удивительно как неделикатно, потому что ведь они обязаны давать нам утюги. Так разве она не могла отложить свое глаженье на другое время. Но потом, когда она стала пить кофе, то принесла мне утюг на несколько минут, чтобы я могла кое-как выгладить свое платье. Когда Федя пришел домой этак часов в 8, я, еще не видя его лица, спросила его о чем-то. Но вопрос был решительно некстати: Федя в страшном волнении бросился ко мне и, плача, сказал, что все проиграл, проиграл те деньги, которые я дала ему на выкуп серег. Бранить его было невозможно. Мне было очень тяжело видеть, как бедный Федя плакал и в какое он приходил отчаяние. Я его обнимала и просила, ради бога, ради меня, не тосковать и не плакать; «Ну, что же делать, проиграл, так проиграл, не такое это важное дело, чтобы можно было убиваться таким образом», Федя называл себя подлецом, говорил, что недостоин меня, что я не должна его прощать, и очень, очень плакал. Кое-как я могла его успокоить, и тут мы решили, что мы завтра непременно выедем. Мало-помалу Федя успокоился и просил меня дать ему 170 франков, но так как я теперь имею право не доверять ему, то просил идти вместе с ним к M-r Weismann выкупить у него наши вещи. Тут я начала вместе с Федей искать шиньон, но и на этот раз поиски наши были напрасны, так что я кое-как причесала свою голову под сетку, и мы отправились. Я поджидала у лавки Weismann и все время рассматривала разные кружевные вещи, которые, мне кажется, очень не дороги. Наконец, Федя вышел. Когда мы сосчитали наши деньги, то у меня оказалось золотом 160 франков, да еще франков 30 разными монетами. Федя предложил мне идти на железную дорогу, чтобы узнать, в котором часу идет поезд в Женеву и сколько именно придется заплатить за дорогу. Хоть это довольно далеко от нас, но мы отправились, и всю дорогу Федя мне целовал руки и просил простить его, хотя я решительно не видела в этом особой беды. Мы довольно поздно пришли на станцию. Здесь у одного очень любезного кондуктора узнали, что поезд первый отправляется рано утром, а еще другой — в 5 минут третьего. На этот-то поезд мы и решили отправиться завтра, потому что на ранний поезд ни за что бы не попали. Но оказалось, что нам непременно придется остановиться на ночь в Базеле, потому что было бы непростительной глупостью проехать всю Швейцарию и ничего, так-таки ничего не увидеть из этих хороших местностей. К тому же, хоть я сегодня и очень здорова и меня не рвет, но я не надеюсь так же хорошо выдержать наше путешествие, потому что от Бадена до Базеля 6 часов езды, а от Базеля до Женевы еще 12 часов, следовательно, я бы могла очень устать, да и Федя тоже. Да к тому же я была очень рада посмотреть хоть один лишний город в своем путешествии, которому, я думаю, иные завидуют, не зная, что я путешествую, сидя на месте, и что видела до сих пор только Берлин, Дрезден, Франкфурт и Баден, а больше ничего. Так ли я думала путешествовать, когда мечтала о том, как я поеду за границу? Мне всегда казалось, что я не буду сидеть на одном месте, буду переезжать, прожив в каком-нибудь

городе не более двух дней, если этот город чем-нибудь особенно замечателен, и не оставаясь больше 2-х часов, если в нем нечего осматривать. А вот мне как назло, как заклятье какое-то, приходится все сидеть на одном месте. Вот и теперь, как приедем в Женеву, то просидим, я думаю, там месяц, если не больше, а Женева, говорят, город страшно скучный, еще скучнее Дрездена. Воротились мы домой часов в 9. Феде, видимо, хотелось еще раз сходить на рулетку с тем золотым, который у него был, но так как было уже 9 часов, да притом он был со мною, то он отложил это намерение. Пришли домой и хотели тотчас же собираться, но вместо этого стали разговаривать. Федя завел разговор о том, что если бы из 160 франков, которые у меня есть, я дала ему 100 франков, то как это было бы хорошо,— он мог бы выиграть, может быть, тогда и судьба наша переменилась бы. А теперь-то мы в каком положении,— просто страх подумать, так положение наше безвыходно. Кто теперь нам поможет? Где найдется этот благодетель, который поможет нам как-нибудь выпутаться из нашего тяжелого положения? Федя сегодня сказал, что напишет Майкову, объяснит ему свое положение и попросит достать 100 рублей; что хоть у Майкова денег нет, но, что он, вероятно, достанет. Мне это предположение показалось очень дурным, потому что как возможно тревожить Майкова еще нашей просьбой,— заставлять человека искать деньги и, может быть, действительно, он не будет в состоянии достать нам их. Потом Федя спустил свое желание на 50 франков и, наконец, на 40. Я видела, что ему ужасно хочется еще попытать счастья. Я боялась, чтобы потом он не упрекал меня, что я не дала ему возможность выиграть. Он обнял меня и просил, чтоб я дала ему эти 40 франков для розыгрыша; говорил, что теперь он непременно выиграет. Делать было нечего; во всяком случае, нам приходится пропадать, так надо было исполнить его желание и дать ему эти 40 франков, потому что при моем согласии он как будто успокоился и не так стал горевать. Мы решили оставить уборку наших чемоданов до завтра, зато встать рано утром и все это сделать как можно скорее. Я легла в ужаснейшем горе от одного только воспоминания, как у нас мало денег и каким образом бог нам поможет выпутаться из нашего ужасного положения. Во сне я видела всю ночь золото, а Федя — серебро, что означает непременный проигрыш.

Пятница, 23 августа/11 августа

Встала сегодня я чуть ли не в 6 часов; мне нужно было, во-первых, выкупить мое платье, а во-вторых, сходить еще за сапогами, которые давно были отданы в починку и которые было бы жалко бросить. Я потихоньку оделась, отдала Терезе кофей и пошла из дому. На пути мне захотелось зайти в здешнюю церковь. Вот мы здесь прожили почти два месяца, а мне еще все не удалось сходить туда. Все откладывала день за днем, так что мне было очень досадно уехать, не видав этой церкви. Я взошла наверх и вошла в церковь. Она очень старинная, но в ней нет ничего особенно замечательного. Есть тут разные статуи всех баденских герцогов, но вообще замечательного ничего нет. Выше церкви рынок, и здесь было очень весело: бабы толкутся, одни продают, другие покупают, кричат; вообще эта толкотня даже мне понравилась. Я вздумала спросить, что стоит здесь красный виноград, и показала на большую ветку; мне сказали 2, а еще большую — 3 Kreuzer'a; так что, мне кажется, я купила около фунта прекрасного спелого винограда за 6 Kreuzer'ов, да еще 2 большие груши по одному Kreuzer'y. Право, мы совершенно не знали, что здесь фрукты так дешевы на рынке, которые мы покупали

у торговок, а те берут за фрукты один флорин, а иногда и больше. Положим, что их виноград будет капельку получше рыночного, но, право, не в 12 же раз, как они берут. На базаре я встретила нашего неприятеля — «крысу», того самого человека, которого я постоянно встречала в читальне и которого так терпеть не могу. Он тоже что-то покупал, и за ним несла его служанка целую корзину овощей. Я зашла за башмаками и потом воротилась домой. Федя при моем приходе проснулся и спросил, куда я ходила. Я ему показала виноград, и он был очень удивлен, узнав, что он так мало стоит. Напилась кофею и принялась за свой чемодан. Надо отдать мне сегодня справедливость: как в тот раз, при выезде из Дрездена, Федя укладывал свой чемодан и мой, так этот раз Федя рукой не прикоснулся, чтобы чем-нибудь помочь мне, и я одна, сама уложила в очень короткое время оба наши чемодана. Мой чемодан особенно требовал тщательной укладки, потому что там было 3 тарелки, чашка и блюдце; следовало так уложить, чтоб ничего не могло испортиться или сломаться. Мой чемодан я уложила не больше как в $^3/_4$ часа, между тем как Федя уверял, что всего будет работы часов на 5. Он ходил по комнате, говорил, что вот ему нужно будет сейчас же помочь мне, что он сейчас примется укладывать свой чемодан. Укладывая чемодан, я все сидела на полу и от этого очень устала, так что решила несколько времени отдохнуть. В это время у нас произошла история следующего сорта: я как ни искала своего шиньона, но не отыскала его, и Федя, мне помогавший, тоже не мог найти. Наконец, я решилась позвать Мари и сказать ей, чтобы она непременно отыскала мой шиньон, потому что она всегда у нас убирает, она одна бывает у нас в комнатах, следовательно, никто, кроме нее, не мог взять шиньон. Она мне тотчас же ответила, что не взяла его, что он ей не нужен, и что я, вероятно, его потеряла и, боком посмотрев на постель, объявила, что шиньона тут нет. Я заключила, что, вероятно, она спрятала шиньон, потому что она была очень сердита на нас, зачем мы дали недавно груши не ей, а Терезе, и то было сделано, кажется, раза 2. Ну вот, может быть, она со злости и спрятала шиньон, чтобы как-нибудь нам отомстить. Но вообще я не имела ни малейшего желания утратить свой шиньон с локонами, потому что тогда бы решительно не знала, как мне нужно было бы причесываться. Поэтому-то я сказала ей, чтобы она непременно отыскала шиньон, иначе я так этого не оставлю, а потребую от хозяйки. Я велела ей искать в Фединой постели, на которой я часто отдыхала, но она только что к ней подошла, как сказала, что тут нет, но потом еще поискала и нашла шиньон за кроватью. Решительно я не знаю, как объяснить это обстоятельство. Федя меня уверяет, что он еще вчера смотрел там; что сегодня утром первая мысль его была, что не упал ли шиньон за кровать, когда я лежала на его постели, поэтому-то он сегодня и смотрел за кровать, но там ничего не было; я тоже несколько раз смотрела, но шиньона не было. Мне приходит только на мысль то обстоятельство, что не забился ли шиньон между стеной и кроватью, так что мы не могли его заметить. Вообще я не хочу подозревать Мари в умысле, но Федя тут ей сказал, что он сам смотрел, и шиньона не было, а теперь он явился, следовательно, она его подложила. Мари вышла от нас и сейчас же пошла к хозяйке. Та вдруг ворвалась к нам в комнату и начала кричать, что она воровок не держит, что у нее честные люди, и что Мари не брала ничего. Я ей сказала, что не называла Мари воровкой, а что просила ее только отыскать шиньон, и сказала ей, чтоб она не кричала. Она продолжала кричать, при чем ударяла себя в грудь, и потом объявила, чтобы мы

завтра искали себе квартиру. Она вышла. Федя и я были очень этим раздосадованы, особенно Федя, который очень боялся, чтобы она в его отсутствие не пришла в комнаты и не сделала мне неприятности. В 11 часов Федя ушел, а я осталась пришивать свой карман и писать маме письмо. Потом уложила в его чемодан все его вещи, также и мой чемодан и маленький сак. Чтобы нам не платить так много за наши книги, я решилась сделать таким образом, чтобы несколько книг, книг 10, например, связать вместе, завернуть в мое черное платье и вместе с Фединым пальто, внести в вагон, как маленький багаж. Федя сначала не соглашался, но так как на швейцарской железной дороге позволяется возить даром только по 10 фунтов, а не по 50, как на других, то, поневоле, за неимением денег, решился на это согласиться. Я так и сделала. Вообще я выказала в этот день ужасную быстроту, так что успела уложить и Федин чемодан в каких-нибудь полчаса. Письмо к маме у меня было уже написано, и я готова была идти на почту, как воротился Федя. Он мне объявил, что мало того, что проиграл те 40 франков, но что взял кольцо и заложил его у Moppert'a и деньги также проиграл, то есть он начал отыгрывать, выиграл деньги за кольцо и еще сколько-то, но потом все спустил. Меня это уже окончательно взбесило. Ну, как можно быть до такой степени беззаботным,— знать очень хорошо, что у меня осталось всего 140 франков, а мы на одну дорогу полагали 100 франков, и теперь еще заложить за 20 франков кольцо, таким образом лишиться 20 франков. Я хотела его бранить, но он стал предо мною на колени и просил его простить; говорил, что он подлец, что он не знает себе наказания, но чтобы я его простила. Как мне ни было больно такая потеря денег, но делать было нечего,— пришлось еще дать 20 франков[52*]. Но теперь, как мы стали рассчитывать, доехать с этими деньгами до Женевы было решительно невозможно, так что, пожалуй, приходилось заложить серьги не только в Женеве, как мы сначала предполагали, а даже в Базеле. Тогда Федя мне сказал, что хорошо было бы заложить у Moppert'a и просить его выслать нам эти вещи через 2 месяца, взяв, разумеется, деньги и за пересылку. Хотя оставляя таким образом Moppert'y наши вещи и уезжая отсюда, я решительно потеряла надежду когда-нибудь иметь эти вещи[53*] у себя обратно, но все-таки было лучше вверить Moppert'y эти вещи, особенно, если он согласится нам их выслать, чем, приехав в Женеву, тотчас же бежать искать какого-нибудь закладчика. Пока еще его найдем, а есть и остановиться где-нибудь будет надо, на это надо деньги. Потом какого же найдем закладчика; может быть, он не согласится взять под залог, а нужно будет продать, следовательно, что же делать было, следовало согласиться на это. Вообще мне хотелось еще потешить несколько Федю: я видела, как он был убит тем, что так много проиграл. Я сказала Феде, что если Moppert возьмется нам заложить на 2 месяца и потом выслать наши вещи, то я согласна дать Феде еще 20 франков, чтобы он пошел и, если возможно, выиграл хоть 3 талера и тотчас же воротился бы домой. Эти 20 франков, которые я ему дала, казалось, его ужасно как утешили. Федя говорил, что никогда не забудет того, что я, вовсе не имея денег, всего имея только необходимое, давала ему 20 франков и сказала, что он может идти и проиграть их. Что он этой доброты моей никогда не забудет. Я хотела поскорее отнести на

[52*] Вероятно, на выкуп кольца (*Примеч. А. Г. Достоевской*).
[53*] Так и случилось: вещи не были выкуплены и квитанция Moppert'a и доселе у меня хранится (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

почту мое письмо и там сказать, чтобы они пересылали письма на наше имя в Женеву, но по дороге вспомнила, что в суматохе забыла письмо дома. Я воротилась домой, а Федя пошел к Moppert'у, а оттуда пришел на почту. Там было довольно много народу, так что я еще не успела спросить, нет ли на наше имя письма, да и не ожидала их, но на этот раз письмо было от мамы. Пока я читала, Федя просил почтаря пересылать нам письма в Женеву. Мама писала, что просит у меня прощения, зачем обвиняла тогда в скрытности (о моей беременности); потом пишет разные советы, как вести себя (по поводу беременности), и говорит, что скоро пришлет мне книгу, а также просит адрес, чтобы выслать те деньги. О, господи! Дай бог, чтобы эти деньги уже были готовы, так они теперь нам нужны. Федя взял у Moppert'а 100 франков да 20 франков за кольцо, следовательно, 120 франков, кольцо получил назад и взял расписку, по которой серьги заложены на 2 месяца, и что Moppert обещал выслать их за 128 франков. Эта записка меня несколько успокоила, может быть, бог нам поможет выкупить эти серьги оттуда. Ведь этот Moppert, кажется, такой честный, что, может быть, он и вышлет эти вещи, когда мы пришлем деньги. С почты Федя отправился на рулетку; я просила его, ради бога, не быть там долго, потому что оставалось не более полутора часа до прихода машины, а сама я поспешила домой, чтобы окончательно уложить все вещи и осмотреть, не осталось ли чего, потому что мне этим негодяям решительно ничего не хотелось оставлять. Не больше как через 20 минут воротился и Федя и сказал, что разменял эти деньги на талеры, но что ему не дали даже ни одного раза, так что он решительно все проиграл. Я просила его не унывать, а помочь мне запереть чемоданы и расплатиться с хозяйкой. Мы позвали хозяйку; она пришла к нам с очень величественным видом, и, когда я спросила, сколько ей следует, она отвечала, что 11 гульденов. Я ей заметила, что за день нужно вычесть, потому что мы раньше уезжаем, но она отвечала, что ей до этого дела нет; потом стала высчитывать, сколько мы ей стоим. Я отвечала, что она с нас брала очень много и что она увидит, что теперь ее неудобную квартиру никто не наймет. Вообще она очень разгорячилась и даже стала ударять себя в грудь. Федя дал ей 20 франков; я спросила, сколько это гульденов; Федя заметил, что она, вероятно, не знает. Хозяйка очень дерзко и грубо отвечала, что знает получше его; что, может быть, у ней этих монет было больше, чем у нас. Господи, что это за скверная женщина; как я вспоминаю ее, так мне делается очень нехорошо. Это уж именно M-me Thénardier, грубая, жесткая, дерзкая! Потом она потребовала за прислугу [54*], и когда мы дали ей 2 гульдена, то она сказала, что если мы больше не дадим, то пусть дадим ей 3 гульдена за дрова, которые она издержала для нас; говорила, что мы ей очень много стоим, потому что много пьем и гладим. Мы ей прибавили гульден. Тогда она раскричалась снова, что у нее нет нечестных людей, хотя мы доказывали, что Мари не называли воровкой, но что она делает нам неприятности со зла, но она решительно ничего не хотела слышать. Наконец, Федя спросил, как нам ехать и где взять извозчика; она сказала, что можно послать прислугу, но надо будет за это ей заплатить. Потом, получив 3 гульдена за прислугу, хозяйка ушла, а Федя, завязав чемоданы, пошел за коляской. Пока он ходил, хозяйка опять пришла и сказала, что она забыла взять 18 Kreuzer'ов за разбитый

[54*] Нанята квартира была с услугой, так что мы не были обязаны платить за прислугу (*Примеч. А. Г. Достоевской*).

горшок. Ведь этакая скверная баба: брала с нас за беспокойную квартиру по 11 гульденов в неделю и все-таки не могла утерпеть, чтобы не взыскать с нас этих 18 Kreuzer'ов. Я дала сначала 6 Kreuzer'ов, потом 3, но она все повторяла: «это еще мало», хотя я вовсе не думала дать ей меньше 18-ти, но давала понемногу, потому что не могла сама разобрать, какие это монеты. У меня не хватило 5 Kreuzer'ов, и тогда я дала ей талер. Она сначала оставила его на столе, но потом, как бы спохватившись, пришла за ним и принесла мне потом сдачи. Пришел Федя с коляской. До прихода поезда оставалось 40 минут. Он принес с собою также одну булку и полфунта ветчины, и мы тут очень наскоро поели. Мне никогда не случалось так быстро есть, и Федя еще меня все торопил, говорил: «Поскорее ешь, поскорей». Как я, так и Федя были ужасно измучены: пот с нас градом лился, так что я очень боялась, чтобы Федя не простудился. Кучер снес наши вещи, и мы сошли с лестницы. Нас никто не провожал. Хозяйка была так груба, что не вышла пожелать нам счастливого пути. При этом мне припомнилось наше прощание с M-me Zimmermann, которая даже прослезилась, когда мы уезжали, а ее сестра так вышла провожать нас до самого подъезда. На лестнице встретилась нам Мари; она стояла у окна и как будто поднимала его, но я уверена, что это она сделала для виду, а в сущности она думала, что мы ей что-нибудь подарим. Так что она нам ни слова не сказала, не пожелала ничего. Как это дурно; она так молода еще, всего ей 14 лет, а какая черная неблагодарность! Мы всегда с нею обращались очень хорошо; когда у нас были фрукты, мы постоянно ей давали, всегда очень хорошие и очень много, потом надавали ей денег, а она так была неблагодарна, что не могла слова сказать на прощанье, и сделала вид, что нас не видит. Нам только встретились эти скверные мальчишки кузнечихи, которые мне никогда спать не давали.

Мы сели в коляску и поехали очень скоро. Нас никто не провожал, только из окон смотрели разные люди на наш отъезд. Я всегда забывала записать, что против нас жила какая-то старушка, которая была удивительно как похожа на мою маму в те минуты, когда ей от чего-либо горько или она плачет; ну, до того похожа, что просто невероятно, так что мне иногда казалось, что это вовсе не незнакомая старушка, а мама. У этой старушки болела рука, и мы с нею всегда переглядывались друг с другом. Она указывала мне на свою больную руку с самым сокрушенным видом. Но мало-помалу она стала поправляться; мы каждый день с нею раскланивались. Кучер вез нас очень скоро, так что, несмотря на то, что нам оставалось не больше 30 минут, подъехали в пору и даже нам пришлось довольно долго ждать. Федя отправился за билетами, которые купил за 67 франков за оба билета. Потом пошел сдавать багаж. По нашему билету мы имеем право ехать 10 дней, останавливаясь на промежуточных станциях, как-то в Фрибурге, в Базеле, Берне, Лозанне, Ольтене и в прочих местах. Пока Федя ходил за билетами, ко мне подбежала Тереза. Она, видимо, была запыхавшись; она спросила меня, не взяла ли я их ключ. Действительно, я имею эту скверную привычку брать чужие ключи. Право, я не помню, чтобы где-нибудь я побывала и не взяла ключа. Так случилось и на этот раз. Она мне сказала, что мадам очень сердится, что ключ исчез. Я тотчас же отдала, и Тереза простилась со мной, поблагодарив за деньги. Мне было очень досадно, что у меня не было денег, чтобы дать ей еще. Право, это был самый лучший человек из всего Бадена: очень смирная, вечно забитая и очень благодарная, так что ей было, видимо, неприятно, зачем так дурно с нами обошлись.

Потом мы еще несколько времени посидели. Я выпила лимонаду, потому что у Феди нашлись баденские деньги, ну, а их следует сбывать, иначе потом их нигде не примут. Позвонили, и мы, наконец, сели в вагон. Но ехали только до станции Oos, где мы должны были пересесть в другие вагоны. Я была так счастлива, что мы, наконец, уезжаем из этого проклятого города, в который, я думаю, я никогда больше не поеду. Да и детям своим закажу ехать, так он много принес мне горя. Когда мы ехали с Федей по городу, еще в Бадене, то деньги разделили так: я оставила у себя 5 золотых монет (100), а он взял 7, то есть 140 франков. За багаж Федя отдал 10 флоринов, то есть истратил уже тут, при отъезде, 100 франков. Ну, каково же было бы наше положение, если б мы выехали, не заложив вещей, а имея всего-навсего 140 франков. С этими деньгами мы не доехали бы даже до Базеля. Право, это было очень умно, что мы здесь заложили, хотя, может быть, от этого вещи и пропадут. Но ведь что же делать, они ведь так и предназначены, чтобы пропасть, не здесь, так в Женеве, не в Женеве, так где-нибудь в другом месте, а что они пропадут и не доедут до России, то я готова отдать руку на отсечение. В вагоне было очень жарко, и мы с Федей принялись есть красный виноград, который я не забыла взять с собою. Виноград оказался очень вкусным, так что мы жалели, что у нас не было еще.

Чрез несколько времени приехали на станцию Oos. Один из наших спутников сел в вагон на Страсбург, а мы должны были подождать здесь поезда на Базель. Феде захотелось купить красного винограду, который здесь продавала какая-то девочка. Он подошел к ней и спросил: «Сколько стоит?» Она отвечала: «4 Kreuzer», в нос и протяжным тоном (как Федя умеет очень хорошо говорить и передразнивать). Он взял ветку винограда и подает ей 4 Kreuzer'а, она отвечает — «6 Kreuzer». В это время к ней подошел какой-то мужчина, взял 2 ветки и спросил, сколько стоит. Она отвечает: «14 Kreuzer'ов,— следовательно, она уже успела набавить и тут по одному Kr. Федя вышел из терпения и ничего не купил. Тут встретилась женщина с кружками пива, и мы, которые, кажется, с самого Дрездена всего раза два пили пиво, с радостью ухватились, и Федя выпил два стакана, а я один. В это время подъехали вагоны, но кондуктора не оказалось, так что мы бросались из одного вагона в другой; везде было полно, везде нас отсылали, так что мы решительно не знали, что нам делать, а между тем кричат, что поезд сейчас пойдет. Наконец, Федя нашел какой-то вагон, и мы сели. Нашими пассажирами были две старушки, дама, ехавшая в Базель и обладавшая железною палкою (для горных прогулок), потом старая дама в трауре с очень злым и суровым лицом, но, которая, я думаю, очень бы желала выйти замуж, и, наконец, один молодой немец, которому я при самом входе наступила на ногу и тотчас же извинилась, а он был так любезен, что простил мне эту неловкость и помог мне устроиться. Мы кое-как уложили [вещи], и поезд отправился. Федя сел наискось от меня; мы с ним начали разговаривать по-русски, потому что, вероятно, нас никто не понимал. Этот молодой человек обнаружил с первого раза большое желание с нами вступить в беседу и спросил сейчас же Федю, на каком языке мы говорим, и вообще начал разговор. Спросил, куда мы едем, и как-то разговор коснулся паспортов. Федя вынул свой и показал. Вдруг эта дама в трауре спросила: «Неужели в России еще нужны паспорта,— вот в Англии, то ли дело, никогда не спрашивают паспорт; во Франции даже, где строгость на паспорта большая, в таможне, если заговорить на английском языке,

сейчас же сочтут за англичанина и, следовательно, паспорта требовать не будут». Она с насмешкой отзывалась о России. Потом заметила о трудности русского языка и, обратившись ко мне, спросила, сколько в русском языке склонений. Я, право, уже позабыла об этом и наудачу сказала, что 3. По счастью эта дама, которая оказалась немкой, объявила, что в русском языке столько грамматик, сколько и склонений: по одной — 3, по другой — 2, по третьей — 4. Потом она вступила в разговор с молодым человеком. Тут обнаружилось, что она в молодости занималась английским языком и вообще, что она очень образованная особа, знает по-французски, немецки и по-латыни. Молодой же человек продолжал увиваться за Федей и показал ему свою книгу «Путешествие по Швейцарии», с картинками, какого-то Мейера. Очень хорошее издание. Потом я все время читала эту книгу и рассматривала картинки. Он несколько раз заговаривал со мной о России, и я ему довольно бойко отвечала. Действительно, я замечаю, что становлюсь способной говорить не с одной только Мари или Терезой: «Приготовьте, Мари, кофе», а также могу вести и обыкновенные разговоры. Это меня очень радует, потому что этак, пожалуй, я ворочусь в Россию хорошо говорящей по-немецки и по-французски, так как в Женеве все время буду говорить по-французски. Немка в трауре сказала мне, что я больше похожа на немку (ишь, ведь вздумала мне сделать комплимент,— ведь это можно принять за грубость), и оба с молодым человеком подтвердили, что я отлично говорю по-немецки. На какой-то станции, где мы остановились на 10 минут, Федя позвал меня пить кофе; он, действительно, был хорош, но я боялась, чтобы нам не опоздать, и потому едва допила мою чашку. Дама в трауре все сторожила, чтобы не заняли наш вагон, так как в вагонах все места были заняты. На которой-то станции, не знаю, дама в трауре вышла. По дороге к нам сели еще двое молодых людей — девушка лет 18-ти, не более, и господин лет 20. Потом я узнала, что это были молодые супруги, но сначала не могла понять и думала, что это жених и невеста. Он мне не понравился, но она, должно быть, его очень любит. У нее довольно неправильное, но милое лицо, такое простодушное и открытое, так что приятно было на нее смотреть. Как она смотрела на него, точно любовалась, как они вместе смеялись! В Фрибурге они вышли, и у нас опять стало свободно в вагоне. На какой-то станции, не помню, на которой именно, где мы оставались 10 минут, мы вышли купить бутербродов: у Феди не было мелочи и он отдал разменять 10 франков. Но как-то так случилось, что продававший, разумеется, с своего ведома, не сдал Феде одного франка, так что взял за бутерброды не 14, а 42 Kreuzer. Тут зазвонили, и я побежала к вагону; он уже был заперт, и наш молодой человек пригодился для того, чтобы закричать кондуктору и помочь мне отворить двери. Я взошла, и дверь за мной опять заперли, а Федя все еще не шел. Я просила кондуктора подождать и ужасно боялась, чтобы поезд не ушел без Феди. К тому же у меня не было билета, так что мне пришлось бы, вероятно, остановиться на первой ближайшей станции и ждать Федю. Наконец, он показался, и мы отворили ему дверь. Кондуктор, который заметил, что я просила искать моего мужа, подошел к нашему вагону и спросил, все ли тут? Федя пришел в ужаснейшем гневе; он рассказал, что торговец, сдав деньги, показал вид, что не слышит разговора Феди, и начал говорить с другими. Федя кричит изо всей мочи, чтоб тот отдал его франк, а в то же время кондуктор кричит, что поезд сейчас отправляется. Федя в ужаснейшем гневе рассказал это молодому человеку и при-

том прибавил очень громко, что нигде нет столько мошенников, как в Германии. На это наши дамы, две старушки, сказали громко друг другу, что «это неправда»; молодой человек был, однако, настолько, любезен, что согласился с Федей и сказал, что с ним тоже случалось, что его обманывали. Вообще это, мне кажется, один из немцев, который не глупый патриот и не станет утверждать, что немцы решительно все честные люди. Разумеется, между ними найдутся люди, которые будут не хуже русских, но в большинстве это ужасные мошенники. Дамы эти решительно на нас рассердились, особенно, я думаю, на Федю, но потом, когда мы стали подъезжать к Базелю, они переменили гнев на милость, и одна из них очень ласково разговорилась со мной. Я, чтобы смягчить неловкость, сказала, что я прожила в Германии 4 месяца и что мне она очень понравилась, и что я люблю немцев. Этим я, разумеется, помирила их с собою, так что, когда мы стали проезжать близ Рейна, то она меня насильно уговорила непременно сесть у ее окна и смотреть, хотя мне было это неприятно, потому что ветер бил сильно в лицо. На пути от Бадена до Базеля нам приходилось очень часто ехать в тоннелях, иногда небольших, а иногда очень больших. Особенно раз случилось ехать в тоннеле, который тянулся, я думаю, версты 3, если не больше. Это был самый большой тоннель, и на этот раз даже зажгли фонари, вероятно, во избежание какого-нибудь несчастия или воровства. Довольно любопытно видеть, как вдруг въезжаешь в полную тьму, едешь с каким-то странным шумом и вдруг вылетаешь на свежий воздух. Федя мне говорил, что хотели прорыть тоннель под Mont-Senis, но там пришлось бы ехать таким образом 13 верст; ну и начались такие страшные скопления газов, что решительно невозможно было дышать, и поэтому решили оставить этот план без действия (исполнения). Сегодня мне в первый раз пришлось увидеть горы, покрытые облаками, то есть такие, над которыми облака висят. Это довольно странное явление: иногда верхушки гор бывают открыты, а на средине висят облака. Сегодня в первый раз видела швейцарские горы и настоящие швейцарские дома, очень неказистые, низкие, с высокими деревянными или соломенными крышами. Мы несколько верст ехали вдоль Рейна, но здесь он удивительно имеет какой странный вид. Очень широкий, но средина покрыта камнями, поверх которых нет воды, а вода проходит в нескольких местах небольшими ручейками. Это очень обезображивает реку, придает ей крайне некрасивый вид, какой-то обнаженный, что очень некрасиво. В других местах река довольно широка, вся покрыта водой зеленоватого оттенка, что я вижу тоже в первый раз. Наконец, часов в 8, мы приехали в Базель. Молодой человек был так любезен, что вынес наши вещи, отдал нам их и пожелал счастливого пути. Мы вошли в вокзал, где долго стояли и ждали своих чемоданов. У нас на билете было написано, что путешественники, во избежание замедления в выдаче багажа, должны быть сами при осмотре их чемоданов на станции Баденской железной дороги; мы думали, следовательно, что и наши чемоданы будут осматриваться. Молодой человек опять нас нашел и уверил, что не следовало нам вовсе ожидать чемоданов, а что они просто прямо отправятся в Женеву. Федя спрашивал об этом то у одного, то у другого, но никто не давал положительного ответа. Наконец, взяв наш небольшой багаж, мы вышли и сели в омнибус, на котором было написано «Hôtel Goldenes Kopf»; про него немка в трауре сказала, что это довольно дешевый отель. Мы уселись, причем Федя наступил на ноги каким-то англичанам. Потом он

вздумал вылезать и опять пошел узнавать, что такое будет с нашими чемоданами. Федя обратился к одному немцу и, видя, что тот его не понимает, спросил: «Вы знаете по-французски»? Тот тотчас же указал на другого чиновника. Тогда Федя, обратившись к нему, начал объяснять ему дело по-немецки, и так успешно, что другой немец сказал: «Да ведь вы хорошо говорите по-немецки». Тут Федя узнал, что, если у него есть что-либо запрещенное, тогда ему нужно дать осмотреть, а что его вещи прямо отправятся в Женеву. Федя воротился опять в карету и опять чуть не наступил, а может быть, и наступил на ноги англичанкам, с которыми был какой-то седоволосый господин.

Мы проехали большой город и переехали через Рейн, среди которого стоит часовня с крышей, покрытой разноцветными щиточками. Среди моста, я заметила, стояли два-три старика. Все они были ужасно пьяны и о чем-то спорили. «Вот какова свобода швейцарская,— подумала я,— вот тебе и раз, хороша свобода!» В Германии, по крайней мере, пьяных не было видно, а тут на каждом шагу. Наконец, нас привезли к гостинице, которая стоит прямо на берегу Рейна, и вид на Рейн очень хорош. Вечером я реку хорошенько не могла рассмотреть, но заметила, что очень шумит, очень быстрая река, так что шум долетает и до нас, до 3-го этажа. В гостинице и главный кельнер, и носильщик,— все были пьяны. Они нас почему-то приняли за одно семейство с этими англичанками и ввели в одну и ту же комнату. Показали нам комнату в 5 франков и сказали, что есть другая комната, этажом выше, которая ходит 4 франка. Мы, разумеется, захотели в ту, и нас свели в третий этаж. Комната, действительно, довольно хороша, с двумя постелями. Мы взяли наши вещи и просили, чтобы нам принесли чаю и котлет. Служанка у нас оказалась довольно хорошей женщиной, лет 28, и очень расторопной и понятливой. Она сейчас же принесла нам чаю и котлет. К чаю был принесен мед. Вижу в первый раз, что здесь к кофею и к чаю приносят мед. Но мы отослали его назад. Принесла также маленьких булочек и масла очень свежего, так что я с большим удовольствием съела несколько кусочков, Федя вдруг объявил мне новость, то есть, что он на меня сердится, потому что когда мы ехали в карете, и он начал мне рассказывать, то я, будто бы, не обратила на него внимания, а смотрела по сторонам, так что он на это обиделся. Я уверила его, что я это сделала, вовсе не желая его обидеть, а сама очень удивилась, что ему вдруг вздумалось прекратить разговор. Мы напились чаю, съели котлеты, и я легла на свою постель. Потом Федя разузнал, где самое необходимое место, и указал мне, но неудачно. Когда я лежала в постели, мы с Федей разговаривали о нашей будущей дочке Сонечке. «А вдруг,— сказал Федя, будет у нас не Сонечка, а *Миша, умный мальчик*». Я отвечала, что я буду так же рада, если будет *Миша, умный мальчик*. Что я буду так же счастлива, кто бы ни родился, что теперь, если б это чем-нибудь дурным кончилось, то я была бы глубоко несчастлива. Потом мы принялись рассчитывать и вывели, что у нас родится дитя в конце января или в феврале месяце, и что для этого времени необходимо деньги иметь во что бы то ни стало. Федя приходил прощаться, целовал меня и похвалил, что я была так благоразумна дорогой, что меня не рвало и даже очень немного болела голова. Потом мы заснули, и я видела во сне деньги. Право, я сделалась нынче такая корыстолюбивая, что только и думаю, что о деньгах и о золоте.

Четверг, 24 августа/12 августа. Базель

Проснулись мы часов в 8 и тотчас же начали вставать, потому что нам хотелось еще до отъезда пойти осмотреть город. Когда мы позвонили служанку, оказалось, что всего только около 9 часов. Но такая досада, сделался дождь и такой сильный, что, право, нельзя было и подумать идти куда-нибудь. Но я уверена была, что пока мы станем одеваться, дождь пройдет; так и случилось. Мы спросили кофею. Нам подали, и опять с медом. Что тут делать? Вчера мне удалось отдать ей назад мед и молоко, но теперь это невозможно. Одно хорошо — это булки; до такой степени прекрасны, что чудо, да и масло подали отличное, совершенно свежее, вероятно, сегодня только что сбитое. Наш № в третьем этаже с прекрасным видом на Рейн. Это довольно широкая река, очень быстрая, так что постоянно шумит. Чрез Рейн — мост, половина его каменная, а другая половина деревянная, для развода. Среди моста часовня с черепичной цветной крышей. Напротив, на другом берегу Рейна, какое-то большое здание, вроде казарм. В двух шагах от нашего дома находится так называемое Gewerbehalle, в роде нашего Пассажа, где находится, как я прочитала в Указателе, до 300 магазинов. Вход свободный. Мне было немного досадно, что у меня не было времени сходить туда посмотреть, что это такое. Вчера, когда мы ехали по мосту, это здание было освещено снизу доверху, что представляло хороший вид. Мы напились кофею довольно скоро и отправились осматривать город. Вышли на улицу, идущую от моста к железной дороге, Eisenbahnstrasse, и хотели было по ней идти к Münster'у[40], но нам попался комиссионер, который показал нам ход к собору по переулку, в гору. Мы пошли. Господи, какой грустный вид представляет этот город; дома большие каменные, 3-х-этажные, но у всех домов закрыты окна ставнями, хотя день был вовсе не жаркий. Это придает такой унылый вид городу, просто даже ужас берет. На улице движения очень мало, только кое-где пройдет какая-нибудь старуха или господин, а то улицы представляют вид города, в котором только что была холера. Право, мне кажется, ужасная скука жить в этом городе. По дороге к собору мы увидели большое здание, которое, как я догадалась и как после действительно оказалось, было здешний Museum. Мне показалось, что я читала в Указателе, что музей открыт от часу до трех. Дама в трауре говорила, что там нет ничего хорошего, и что он интересен разве для того, кто изучает искусство, то есть исторически. Мы прошли опять к собору, который мне очень и очень понравился, а Федя так объявил, что он ничего хорошего в нем не находит. Выстроен он из красного песчаного камня, длинный корпус с двумя башнями на лицо. Башни готического стиля, очень древние. Не знаю, к какому столетию относится этот собор, но говорят, что он был разрушен землетрясением и потом уже восстановлен. Построен же был он Генрихом II и женою его Кунигундою. Только некоторая часть осталась прежней постройки, а прочее уже сделано после землетрясения. Сначала мы смотрели на собор издали, а потом подошли к дверям, думая войти в храм. Но на стене оказалась надпись, что кто желает осмотреть собор, тот должен обратиться напротив собора в № 13-й. Мы обошли его с другой стороны и прошли чрез кладбище, мрачное, строгое, угрюмое. Федя сначала сказал, что не желал бы быть здесь похороненным, но потом ему здесь понравилось, потому что уже было так покойно. Кладбище это, должно быть, очень древнее, потому что плиты на полу очень старинного устройства, буквы уже совершенно стерлись, а на которых остались, то все больше латинские надписи. Мы

заметили, что здесь как-то больше похоронено женщин, чем мужчин. Мы прошли по кладбищу, которое крытое и под сводами, и вышли к другой стороне собора, выходящей на Рейн. Сзади собора над Рейном устроена площадка и две каштановые аллеи, очень густые и темные. Это место называется Pfalz. Отсюда очень хороший вид на Рейн и окрестности. Тут только увидела я в первый раз вблизи и не в темноте Рейн. Он здесь совершенно зеленоватого цвета, в некоторых местах грязно-зеленого, а в других — совершенно прекрасного зеленого цвета. Потом обошли Münster со всех сторон и опять вышли к главному входу. В эту минуту мы увидели, что дверь в собор была не заперта — это, должно быть, тоже путешественники вошли в него; мы хотели то же сделать, как вдруг, как бы нам назло, дверь затворилась. Но через минуту оттуда вышла какая-то женщина, у которой мы спросили, можно ли войти в собор. Мы было и сами собирались сходить в № 13 и попросить показать собор, но боялись цены. Нам представлялось, что, пожалуй, смотритель вздумает сделать нам сюрприз и спросить 10 франков, а эта сумма при наших деньгах очень и очень значительна, так что рисковать этим для осмотра собора (который мог оказаться неважным), право, было невозможно. Эта женщина сказала нам, что осмотреть собор можно, и что следует заплатить по 50 сант⟨имов⟩ с человека. Ну, на эту сумму мы еще довольно богаты. Мы спросили, кому дать деньги; она отвечала, что тому, кто будет нам показывать. Мы вошли в собор; он мне очень понравился. Федя же меня поддразнивал и говорил, что этот собор не представляет особого интереса, а вот я бы посмотрела Миланский собор. Ну, ведь это напрасно говорить,— ведь Миланского собора, я, может быть, никогда не увижу, так как же могу я сравнивать с теми зданиями, которых никогда не видала. Храм этот именно такой, какой следует иметь протестантам. Внутри собор представляет длинную залу из серого мрамора, которая поддерживается высокими простыми колоннами того же цвета; окна высокие и заставлены стеклами разноцветными, такими, как у нас в Исаакиевском соборе, в алтаре. Но стекла эти удивительной работы, так хороши, что, мне кажется, это самое лучшее из всего храма. Особенно хороши 5 огромных окон, нарисованных таким образом. Храм уставлен весь стульями и дубовыми скамейками. Алтаря нет, то есть имеется мраморный стол, ничем не покрытый и безо всяких украшений. Мне эта простота нравится: этот серый мрамор в соединении с огромными прекрасными стеклами представляет очень хорошую картину. Простота удивительная, но вместе с тем и изящная. На правой стене находится резная дубовая кафедра, относящаяся к 14-му столетию. Женщина нам ее показала, и Федя ей заметил, что это единственная хорошая вещь во всем соборе, на что она его спросила, не католик ли он? Потом мы взошли по ступеням, и она нас ввела в Salle de Conseils[55*], в котором собирались тайные собрания от 1431—1434 гг. и где был низложен папа Евгений IV[41] и замещен папою Феликсом каким-то. Это не слишком большая комната позади церкви, к которой ведет небольшая лестница. Когда мы вошли туда, там уже находилось очень много посетителей, но женщина занималась исключительно нами и рассказывала обо всем. Она нам показала большой резной сундук старинной работы, где сохранялись священные сосуды. Потом показала нам ларчик Эразма Роттердамского из слоновой кости,

[55*] Зал Соборов (*фр.*).

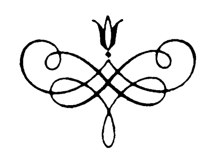
дивной работы, потом вещи, принадлежавшие «à la reine Anna»[56*]. На окнах висели стеклянные картины, изображавшие различные города Швейцарии в их древнем виде. Тут же был большой шкаф, где хранились различные священные сосуды, служившие при католических священнодействиях: серебряные евангелия, кресты и другие вещи очень древней работы. На стене она показала нам снимок с картины Holbein'а, изображающей «Танец смерти», где представляется смерть, окруженная различными людьми. Посмотрев картину, Федя сказал: «Славны бубны за горами», то есть что про эту картину так много говорили и кричали; но, может быть, снимок оказался не бог знает что. Тут же находилось еще несколько старинных картин Holbein'а. Мы, наконец, вышли из этой залы, и она нас повела показать гробницы разных королей, очень старинные, как видно по скульптуре. Тут же показала она довольно обыкновенную плиту в стене, которая служит памятником Эразму Роттердамскому, а в двух шагах, на полу, его могилу[42]. Памятник довольно плохой (ему должно было бы сделать лучший), из желто-красного мрамора с золотыми буквами, какие нередко встречаются у нас на Охте. Потом указала на огромные окна со стеклами, изображающие короля Генриха II и его жену, основателей храма. Тут же в церкви находился прекрасный орган. Наконец, мы вышли, заплатив ей 1 франк. Она этим осталась очень довольна.

День был довольно мрачный. Мы немного посидели и отдохнули под деревьями на скамейке около Münster'а. Мы пошли к музею. Главная дверь была заперта, и, как сказала нам одна старушка, нам следовало позвонить, но мы не решились. Сначала зашли с одной стороны, потом с другой, но ничего не помогло. В городе ужасная тишина и скука; только и есть живое, так это разные школы, которых здесь очень много; со всех сторон слышатся крики и громкое пение, да где-то за рекой пели девушки, да так звонко, что до нас очень ясно доносились их выкрикивания. Это пение и крики только и нарушают страшную, гробовую тишину всего города. На другой стороне реки в продолжение получаса не видно было ни одного человека, точно город весь вымер. В 11 часов, именно в то время, когда мы подходили к музею, школы распускаются. Мальчики-школьники с самым веселым видом бежали из школы, со смехом и хохотом; некоторые тут же на улице твердили свои уроки, другие просто бежали, но так весело было на них смотреть, на их веселые, милые лица. Сзади них шел их учитель, молодой человек лет 20, не более, но чрезвычайно серьезный и старающийся это показать. Мы обратились к нему, прося нам сказать, можно ли осмотреть музей. Молодой человек, который, вероятно, не привык к разговорам с посторонними, очень покраснел и сказал на ломаном французском языке, что осматривать всегда можно, и, желая нам услужить, сильно позвонил в колокольчик, а сам раскланялся и ушел. «Вот тебе и раз,— сказала я,— позвонил сильно, да нас и оставил расплачиваться; что-то теперь будет? Пожалуй, сделают выговор за такой шум». Дверь музея отворилась, и вдали у небольшой решетки показался какой-то толстый господин, которого мы спросили, можно ли осмотреть музей; он отвечал, что можно, и принял от меня зонтик. Мы пошли наверх и смотрели по дороге разные рисованные карандашом картины, подаренные какою-то M-lle Zinger или не знаю, как ее там. Наконец, поднялись до самого верху и здесь нашли закрытую дверь, но через стекла мы видели, что и там тоже разные люди

[56*] Королеве Анне (*фр.*).

ходят, а среди них ходит какая-то госпожа с вязаньем в руках. Надпись говорила, что следует позвонить, но она нас раньше увидела и, отворив для нас дверь, снова заперла ее на ключ. Я решительно не понимаю, к чему такие предосторожности. Право, неужели это из боязни, что унесут что-нибудь; но потом я догадалась. В первой зале нет ничего хорошего, какие-то снимки с картин, не стоящие внимания. Дама приглашала нас войти и указала нам на картину Гольбейна-младшего. Здесь во всем музее только и есть две хорошие картины: это «Смерть Иисуса Христа», удивительное произведение, но которое на меня просто произвело ужас, а Федю так до того поразило, что он провозгласил Гольбейна замечательным художником и поэтом. Обыкновенно Иисуса Христа рисуют после его смерти с лицом, искривленным страданиями, но с телом, вовсе не измученным и истерзанным, как в действительности было. Здесь же представлен он с телом похудевшим, кости и ребра видны, руки и ноги с пронзенными ранами, распухшие и сильно посинелые, как у мертвеца, который уже начал предаваться гниению. Лицо тоже страшно измученное, с глазами полуоткрытыми, но уже ничего не видящими и ничего не выражающими. Нос, рот и подбородок посинели; вообще это до такой степени похоже на настоящего мертвеца, что, право, мне казалось, что я не решилась бы остаться с ним в одной комнате. Положим, что это поразительно верно, но, право, это вовсе не эстетично, и во мне возбудило одно только отвращение и какой-то ужас, Федя же восхищался этой картиной[43]. Желая рассмотреть ее ближе, он стал на стул, и я очень боялась, чтобы с него не потребовали штраф, потому что здесь за все полагается штраф. Другая картина, на которую стоит посмотреть и которая прежде была в частной галерее, это — *«Морской вид» Калама*[44]. Это превосходная картина, такой я еще и не видывала. Дама эта была так любезна, что предложила мне посмотреть на картину в трубку, то есть не со стеклом, а просто вроде стереоскопа, но без стекла, так что это заменяет кулак, в который обыкновенно смотрят на картину. Трубка очень помогает смотреть, потому что резко отдаляет, делает предметы более рельефными. Другие картины не стоят внимания. Из других вещей здесь замечательны были две фантастические фигуры: одна, представляющая маленького человечка с высунутым языком и шестью руками, а другая — что-то вроде монаха. Мы кончили осматривать и вышли в ту комнату, откуда вошли, и здесь смотрели на разные книги, писанные еще до книгопечатания и потом впервые напечатанные в виде карт с надписями и с картинками, которые удивительно хороши, особенно с золотом. Дверь по обыкновению была заперта, и Феде пришлось идти за дамой в другую залу и попросить отворить нам дверь. Она сказала, что сейчас поведет нас сама в другую залу редкостей. Делать нечего; хоть мы вовсе и не были расположены смотреть на здешние редкости, но от ее приглашения невозможно было отказаться, и мы отправились вниз. Я забыла сказать, что тут в коридоре, есть еще разные римские древности — копья, мечи, шпоры, горшки и прочие вещи, найденные в земле. Долго мы с Федей рассуждали, следует ли ей дать что-нибудь, или что это у них такое обыкновение показать все свои сокровища посетителям, а если дать, то что именно, сколько именно; ведь не знаешь, она может и обидеться, если дать или если дать очень мало. Ввела она нас в комнату, где находились разные камни и минералы, в которых мы решительно толку не понимаем. Отсюда в другую залу, где находятся чучела разных животных, больших и маленьких, и огромный выбор птиц и бабочек. Мы это очень мало смотрели, потому

что спешили домой. Хотели еще зайти где-нибудь пообедать, да идти домой, чтобы не опоздать к поезду в 2 часа. Так что мы только мельком прошлись по комнате и стали выходить, но дверь, по обыкновению, она за нами заперла и поэтому вышла отворить. Мы решили ей ничего не давать, чтобы не осрамиться, но когда мы вышли, то она сказала, чтобы мы были так добры и заплатили ей за вход сюда. Федя не понял ее сначала и переспросил, но я спросила, сколько ей следует. Она отвечала, что это от нас зависит. Федя дал ей франк, и она, кажется, осталась очень довольна. Мы поспешили уйти, пока нам не показали еще каких-нибудь бразильских сокровищ. Я почти бегом выбежала из галереи, потому что боялась, что опять что-нибудь возьмут с нас. Какие это, право, немцы: непременно если что устроят, так в больших размерах, напр., если есть галерея, то следует устроить и библиотеку, и физический кабинет, и минералогический и зоологический, и даже механический, хотя в одном из них, может быть, всего навсего находятся две-три машины; но непременно, если у других есть, то как же и нам отстать, и нам непременно следует то же самое завести и у себя, хотя очень мизерное и малое, но непременно завести. Вышли мы из музея и не знали, куда нам идти. Если б я была одна, я бы тотчас же отправилась на Fischmarktbrunnen, где, говорят, отличный фонтан; но ведь с Федей не сладишь: он только станет браниться, что мы так много ходим, а толку нет. Потом я, может быть, пошла бы посмотреть, что это такое за Spalenthor[45], но это, кажется, за рекой, а времени у нас было мало. Федя и то бранился, зачем мы ходим, и раз окончательно отказался идти, сказав, что дальше не пойдет. Мы никак не могли выбрать себе гостиницы, чтобы пообедать. Везде написано «Кафе», а взглянешь, то окажется непременно лавка, где сидят мастеровые и пьют пиво, так что зайти и невозможно. Мы проходили через площадь, на которой находится ратуша — Rathaus, старинное здание, очень красивое. На стенах его нарисованы различные фигуры — рыцари, дамы с рыцарями и т. д. На стене висят часы, а над ними находится вроде маленькой часовни, под которой стоит какой-то офицер с мечом в руке. Вообще это здание мне очень понравилось,— оно очень старинное, это видно по постройке.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ

Четверг 5 ⟨сентября⟩/24 ⟨августа⟩ 1867

Сегодня я проснулась довольно рано и принялась читать роман Бальзака «История бедных родственников»[1], который мы вчера взяли в нашей библиотеке. К стыду моему, я должна признаться, что я не читала ни одного романа Бальзака, да и вообще очень мало знакома с французской литературой. Вот теперь-то я и думаю на свободе, когда у меня нет никаких дел, приняться за чтение лучших французских писателей, особенно под руководством Феди, который, конечно, сумеет выбрать мне сам⟨ое⟩ лучшее, и именно то, что стоит читать, чтобы не терять времени на чтение совершенно пустых вещей.

Часу в 9-м я отправилась к нашим хозяйкам, чтобы поторопить их насчет кофе. Они мне начали говорить о близком приезде Гарибальди[2] и о том, что все государства решительно завидуют их свободной стране и непременно желают одолеть Швейцарию, потому что здесь уж так хорошо, что всех их берет зависть. Вообще наши старушки уверены, что лучше их Швейцарии ничего быть не может, и что забота всех только в том и состоит, чтобы взять себе прекрасную гористую страну.

Потом я села писать к маме письмо, в котором уговаривала ее приехать к нам; не знаю, возможно ли это будет, потому что у нас слишком мало средств. Такие расходы, хотя, впрочем, содержание квартиры будет, я думаю, гораздо дороже, чем если бы мама приехала к нам.

Федя куда-то отправился, чтобы выкупить кольца и платье. Когда он уходил, я ему сказала, шутя: «Иди и не приходи больше домой». На это мне Федя ответил, что, может быть, мои слова оправдаются, что он упадет на улице и умрет. Я, разумеется, была уверена, что это не случится, но мне все-таки было досадно, зачем я это сказала. По правде я сделалась ужасно какая суеверная, начинаю верить предчувствиям, которые, разумеется, всегда меня обманывают.

Окончив письмо, я отправилась на почту и заодно хотела купить себе эту книжку для записывания. Вышла на улицу, и увидела, что сегодня все магазины заперты, хотя сегодня четверг. Тут я вспомнила, что хозяйка наша говорила, что сегодня кантональный пост только в Женевском кантоне, а потому никто не должен работать, и магазины должны быть заперты, а что 15 с⟨ентября⟩ так будет пост федеральный, тогда по всей Швейцарии не будут работать и будет все заперто, тогда как швейцарцы вовсе не постятся в этот день, а только сегодня, то и будет ужасно много.

(Здесь берут за письмо в Россию 75 с⟨антимов⟩[1*], в Бадене брали 14 Fl., а в Дрездене 3 G.[2*], т. е. 12 копеек серебром. Я зашла в один отпертый магазин, купила себе эту книжку за один франк 25 с., что вовсе не дорого. Пришла домой, а Феди все еще нет. Мне припомнились его

[1*] *В тексте сантимы обозначены везде буквой «S»; далее везде «с».*

[2*] *Fl.— флорины, G.— зильбергроши.*

слова, я даже начала бояться, чтобы они как-нибудь не сбылись. Я села у окна и стала читать роман, но решительно ничего не понимала, потому что строчку прочитаю, а там погляжу в окно, не идет ли Федя, так что все выскользнуло у меня из памяти. Наконец он пришел, и, как я и думала, оказалось, что он был в кофейной, читал русские газеты[3]. Потом он сел писать о Белинском, а я читала, но у меня сегодня невыносимо болела голова, т. е. только одна часть головы, лоб, висок и глаз, а также уже несколько дней болело горло. Федя мне, кажется, не верил, говорил, что у меня горло болит чрезвычайно давно, но потом ему вздумалось посмотреть и оказалось, что у меня в горле рана. Тут он начал бояться и даже предложил мне послать за доктором. Ну, это уж положительно глупо, потому что доктор бы ничего не сделал, ничем не помог, а только бы взял деньги.

Пошли мы обедать и сегодня нас угощали какими-то изысканными кушаниями, так что я даже боялась, чтобы нам не уйти голодными, но, впрочем, этого не случилось. Потом пошли домой, потому что ходить по пустому городу решительно скучно, все одно и то же, так что дома гораздо веселее. Федя лег спать, да и я раздумывала сделать то же самое, как пришла наша хозяйка и сказала, что у нее сидит m-lle Мари, дочь той ка[с т е л]янши, которая меня хочет видеть. В прошлый раз я уже отказалась, теперь мне не хотелось сделать ту же невежливость, тем более, что стоило выйти поговорить с нею немного. Я пришла в кухню и разговорилась с нею. Она оказалась очень милой девушкой, лет 16, чрезвычайно здоровой, толстой и страшно веселой, кажется, хохотушкой. Она мне сказала, что ей ужасно как скучно в ее пансионе, потому что там нет русских; кроме одной из Москвы, [а для учителей?] русский язык как дикий, говорят, что русские совсем без образования и даже уко[р я ю]т Россию тем, что ⟨не расшифровано⟩. «Я, разумеется, с ними спорю, так что не проходит дня, в который мы бы не поругались»,— говорила она; [учительница?] говорила, что, действительно, в русских нет никаких достоинств, что если она приехала в Женеву, то должна уж забыть все русские привычки. В русскую церковь ее не пускают, не только одну, в пансионе, но даже и дома, т. е. ее мать, от пансиона ее водят во французскую церковь слушать проповеди. Ни в пансионе, ни дома ей не позволяют говорить по-русски, а велят постоянно говорить по-французски, так что она говорит, что она ждет не дождется, когда через 10 месяцев она поедет в Россию, т. е. после окончания курса. Она [т о л к у е т], что мало того, что в пансионе оскорбляют ее родину и ее церковь, но даже бранят ее мать, называют лгуньей и воровкой, и что она после таких оскорблений ни за что не хочет оставаться здесь, а будет просить взять ее домой. Как оказывается, женевский пансион — образование вовсе не отличное, ходят здесь 2 учителя да классная дама, а платят за нее, как она говорит, 1200 франков, т. е. на это можно было бы достать хорошую гувернантку. Русский язык, разумеется, совершенно сделан беззаконным, так что она боится забыть читать и писать. Мы долго толковали с нею, и она уверена, что нет на свете лучше страны, как Россия, и лучшего языка, как русский, так ей надоела Швейцария. Потом, когда она собиралась уходить, я пошла разбудить Федю, рассказала ему наш разговор с этой девочкой. Мы пошли с Федей гулять, но когда проходили мимо кухни, то оказалось, что она еще не ушла, а потому Федя и просил меня ей представить. Я, разумеется, это сделала, и Федя начал с нею разговаривать. Тут она еще более воодушевилась и начала рассказывать, как ее возмущают дурные толки о России, как ей это больно, а что сделать

она прямо-таки ничего не может. Меня несколько удивило то, что Федя начал ей советовать бросить пансион, как будто она это может сделать, ведь ей только всего 16 лет, а [судя?] по ее матери, мать выглядит старой кокеткой, и, вероятно, не желает [иметь взрослую дочь?], чтобы самой не казаться старухой, так она даже советует дочери говорить всем, что ей всего 15 лет, ну, разумеется, для того, чтобы самой казаться моложе. Дочь уверена, что мать ей ни слова не верит о таких нападках на Россию, о таких ссорах; понятно, что этой старой кокетке вовсе не хочется держать дочку дома; к тому же отец их давно уже зовет в Россию, а мать ни за что не хочет ехать, следовательно, ей гораздо здесь веселее и вольнее. Девочка эта очень мила, мне она очень понравилась, такая горячая [п о л ь к а] вроде Алины [М и л ю к о в о й][4], но не такая восторженная, Федя так даже думает, что она очень глупа и что из нее хорошего не будет, потому что ее только раздражают этими противоречиями и постоянными ссорами, а влияния хорошего на нее никто не имеет. Она уверена, что она никогда не забудет этих тупоголовых швейцарцев, и что постоянно их будет ненавидеть. Федя сказал, что он рад, что это воспитание сделает хотя одну из русских девушек хорошей русской[3*], т. е. которые будут понимать и дорожить Россией. Когда мы разговаривали и бранили швейцарцев, наши хозяйки помирали со смеху и, вероятно, не подозревали, что мы их ругаем напропалую. Потом мы вышли вместе и проводили ее за мост. Она, прощаясь, объявила нам, что она непременно поругается сегодня, что она не уснет, если не поссорится, не выругает этих швейцарцев. Прощаясь, она обещала прийти к нам, сказала, что очень рада, что может хотя с кем-нибудь поговорить по-русски, а что ей так хочется говорить на своем родном языке, а не с кем. Вообще она мне показалась очень милой девушкой, я очень рада за нее, что она так не любит немцев и швейцарцев и так любит Россию.

Потом мы отправились гулять, прошли мимо почты и затем я нашла носовой платок, но после рассмотрели, то оказалось, что он принадлежит какой-то Эльзе Flower. Федя меня нарочно упрекал, зачем, дескать, не отдала платок [н а з а д]. Потом мы перешли через мост большой и пошли назад через какую-то улицу, где много кофейных и где встретили ужасно много пьяных. Однако ведь этот город Женева славится свободой, а оказывается, что свобода-то ее в этом только и состоит, что люди все пьяные и горланят песни[5] ⟨не расшифровано⟩.

6 ⟨сентября⟩/25 ⟨августа⟩

Утром Федя сходил и наконец выкупил свое пальто и наши кольца, вчера он не мог этого сделать, потому что все было заперто. Он сегодня удивительно какой-то скучный, тосковал, говорил, что у него голова не на месте и очень боится, чтобы не случилось другого припадка. Сегодня толковал, что не миновать сумасшедшего дома[6] и просил, если бы с ним случилось это несчастье, то не оставить его за границей, а перевезти в Россию. Я, как могла, утешала его, но я убеждена, что это несчастье было бы слишком тяжело и что бог сохранит нас от него. Потом Федя сел писать, а я, чтобы не мешать ему, пошла куда-нибудь бродить, сначала зашла за книгой, а потом отправилась к старому мосту и вышла куда-то за город в рю Delices, за дорогу в Chatelaine[7]. Шла я довольно долго, все между заборами и садами, все дома закрыты ставнями, скука страшная, так что я, не зная, далеко ли это Шателен, не решилась идти

[3*] *Расшифровано как:* хороших русских.

дальше, а воротилась домой и где-то под деревом на скамье сидела и читала книгу. Пришла домой еще очень рано. Постаралась не делать шума и не мешать Феде писать. Потом мы отправились с ним обедать туда, куда обыкновенно ходим, отлично пообедали; теперь у нас в Женеве есть только одно единственное утешение, это обед, который вознаграждает нас за наше бездействие, да вообще мы здесь сделались ужасно какими прожорами, утром я жду не дождусь кофею, потом ждем обеда, а после обеда только и дела посматриваем на часы, нет ли 9 часов, чтобы напиться чаю. Вот такая жизнь изо дня в день.

После обеда я пошла домой, а Федя пошел читать русские газеты в отель de la Couronne[8]. Я же воспользовалась случаем и пошла на здешний аукцион, посмотреть, если что попадется хорошее и дешевое, то купить, это напротив нас целый магазин различных вещей распродается вот уже несколько дней, я давно собиралась, думая, может быть, по случаю можно здесь купить что-нибудь из швейцарских вещей. Народу было довольно много, особенно женщин, около нас жидовское семейство, конечно, это жиды, все-таки от них пахнет какими-то особыми скверными запахами, даже от чистоплотных, ну, а от грязных так и говорить нечего. Так и это семейство, сегодня пятница и они приготовляют рыбу для своего праздника, так вся лестница пахнет ужасно рыбой, чем-то жареным, просто отвратительно. На аукционе продавались все больше негодные вещи, вероятно для хороших, которых здесь довольно много, дойдет очередь впоследствии, когда эта вся рухлядь распродастся. Продавались довольно дешево, и то было мало покупателей, так что, кажется, должны были сбавить цены с вещей.

Потом я пришла домой, Федя долго еще не приходил; потом мы немного писали и отправились погулять, сначала переменить книги, а потом по берегу, и дошли очень далеко, я думаю, даже больше полторы версты. На дороге нам пришлось поссориться, да ведь из-за каких-то глупостей. Я сказала Феде, что одна немка, думая мне польстить, сказала, что я похожа на немку; я, разумеется, отвечала, что я русская, но ничего не прибавила. Тогда Федя начал говорить, зачем я не сказала, что я на немку походить не желаю; мне вовсе ее не хотелось оскорбить, пусть себе она ценит немецкое, так зачем же навязывать свои [мнения?] и уверять, что немецкое все дрянь, да мне, по правде, решительно все равно. Вот на это-то Федя и напустился вдруг, назвал меня деревом, что для меня разницы не существует, а что я дерево. Я, разумеется, не желала с ним ссориться, ничего ему не отвечала, и так мы гуляли, не говоря ни слова. Но потом уж дома помирились. Право, какой-то он нынче стал, все бранится; я думаю, это от того, что ему здесь скучно, ну вот он и развлекается тем, что бранит меня.

Сегодня и вчера по всем углам висели прокламации, извещавшие о приезде Гарибальди[9], приглашавшие сделать ему отличный прием. Потом извещалось о собрании конгресса мира в будущий понедельник и о ходе этого конгресса[10]. Народа у этих афиш очень много, все читают и, я думаю, восхищаются своей свободной страной.

Суббота 7 ⟨сентября⟩/26 ⟨августа⟩

Сегодня я встала довольно рано. Дочитала одну часть романа, который был взят вчера в библиотеке. День сегодня прекрасный, так что, право, будет жаль, если я просижу весь день дома. Я начала рассматривать путеводитель по Женеве и ее окрестностям и решилась сходить посмотреть столь хваленое место. Так как мне делать дома нечего, да

к тому же я боюсь, что мое присутствие может помешать Феде писать [11], я и решилась отправиться в Pregny на берегу Женевского озера. Я спросила у нашей хозяйки, она указала мне как идти. Федя согласился на мою прогулку, но убеждал, чтобы я поскорей пришла домой, иначе он будет беспокоиться. Я отправилась в половине 11-го. Очень скоро вышла за город. Одно было досадно, что приходилось идти по жарким без тени улицам, потому что теперь всего полдень, следовательно, страшно жарко; по настоящему следовало идти эдак часов в 7 утра, вот тогда бы можно было надеяться не утомиться жарой. Я скоро дошла до деревушки Morillon и посидела несколько времени у какой-то дачи, потому что идти было просто не по силам. Это не около самого озера, а наверху, на горе, но озеро все видится. Потом я пришла в деревушку Pregny, где жила Жозефина после своего развода с Наполеоном [12]. Деревушка эта вся застроена дачами. Между ними ⟨не расшифровано⟩ улицы находится прекрасный замок барона Ротшильда [13]. Оказывается, что этот прекрасный замок не что иное как какой-то манеж. Право, я так подумала, ведь вот сумеют же так выстроить без вкуса, а вся постройка, я думаю, денег много стоила. Отсюда я хотела сойти опять к озеру, но мне сказали, что есть еще сход к озеру в деревушке Chambésy, куда я и отправилась. Это, кажется, после станции Женевской железной дороги. Я спустилась вниз и вышла опять к озеру. Господи, что тут я увидела, это такое чудо, что просто и описать трудно. Озеро прекрасное, тихое, без волн, одно синее, прекрасного чудного синего цвета, кругом горы, на горах деревушки, дачи, озеро большое и среди него 2 какие-то судна с парусами, которые придают вид двукрылых. Все это было удивительно как хорошо, как-то ярко, ясно и красиво, так что просто глаза не могли оторваться. Я подошла к самому берегу и села на камень, а вода приливала опять мне к ногам, так что иногда заливала башмаки. Потом я стала бросать камни и смотрела, как они производили брызги. Потом увидела на земле 2 камня, которые были поразительно хороши. Я их взяла с собой, но потом, когда они обсохли, то оказались довольно обыкновенными камнями. Федя даже расхохотался, когда я ему сказала, что принесла подарок, и сказал, что, вероятно, принесла ему камни. Вода прозрачная, чистая, прекрасная, и среди того прекрасного синего цвета были волны почти совершенно розовые. Потом я пошла еще дальше и спросила какую-то барышню, какая будет дальше деревушка. Она мне отвечала, что дальше будет Jeantoot, и что до города остался час ходу, а я знала, что уже есть половина 2-го. Я прошла еще несколько и села на камни перед водой и долго смотрела на озеро. Право, мне никогда не случалось видеть таких прекрасных видов, мне было ужасно как весело, так что я даже пела. Здесь очень пустынно, редко только когда проедет какая-нибудь коляска с путником, а то теперь так жарко, что никто и не гуляет. Перед городом меня начало морить, и я решилась идти домой; воздух ужасно жаркий, тени решительно нет, так что я могла показаться положительно мученицей, идя по такому зною, но здесь и идя одна, я как-то очень терпеливо сносила все это, если бы был кто-нибудь со мной, то я вероятно бы хныкала и роптала на жару, но так как я была одна, то и пожаловаться было некому, а, следовательно, оставалось одно: терпеть и молчать. В одном месте я так устала, что даже присела на землю. Потом мне ужасно как хотелось пить. Здесь дороги не было, попадались все больше виллы разные, вроде «Ma retraite» в Риваже, Бельвю и пр. На углу небольшого домика, [вижу?], гуляет женщина и ребенок. Я у нее попросила пить. Она мне очень любезно дала стакан воды. Дочке ее

полтора года, прелестная девочка, она тут играла, и когда услышала звонок в соседнем доме, то сейчас мне на это указала, и сказала, что звонят. Выпив и освежившись, я отправилась дальше, но недалеко отойдя в сторону, я заметила ключ воды в мраморе, при котором находятся две кружки и имеется надпись: «Любите друг друга». Мне досадно, что я не знала этого ключа, тогда я не стала бы беспокоить эту женщину своею просьбою. Так я шла довольно долго, пока, наконец, показался город. Но тут меня силы и оставили, мне показалось, что это так невыносимо долго, пока я дойду до конца улицы, что я просто не знала, что мне и делать. Но самая большая усталость овладела мной, когда я пришла на нашу улицу. Мне показалось, что вот еще [церковка] стоит, завернуть, и еще придется идти целую версту по городу, пока, наконец, дойду до дома.

Я пришла, так и повалилась, так я сильно устала. Федя сидел, писал и потому ничего не сказал при моем приходе, и я могла отдохнуть, сколько было угодно. Так как он занимался, то ему показалось, что я проходила не больше часа, и он сказал, что мы непременно с ним отправимся для того, чтобы посмотреть на озеро, туда, куда я ходила. Когда я немного отдохнула, мы отправились обедать, переменили книги, отобедали и пришли домой. Федя принялся читать, и он так скоро прочел, что решил, что ему на воскресенье решительно нечего будет читать и потому мы решили сходить еще вечером и попросить у нее еще 2 книги на воскресенье. Весь мост Montblanc (я ужасно ошибалась, я считала мост, соединяющийся с островком Жан Жака Руссо, мостом Машины, а оказалось, что это мост Берг (Bergues), а длинный другой мост, через который я не люблю проходить, оказывается Машины)[14]. (Это мне сказала старуха наша), весь этот мост украшен плакатами, потому что сначала сегодня ожидали Гарибальди, но по каким-то обстоятельствам он приедет не сегодня, а завтра в 5 часов. По сторонам то и дело появляются новые афиши, извещающие о приезде Гарибальди, говорящие о его заслугах и возвещающие также, что назначено открытие конгресса мира на 9 сентября, т. е. на понедельник. Он будет продолжаться 4 дня, а в четверг будет прогулка по озеру и затем обед на 〈не расшифровано〉 частный счет *Виктора Гюго*[15], мне бы очень хотелось его видеть.

Потом мы отправились за покупками, сначала зашли и взяли эти две книжки, потом купили фруктов (по 15 с. [за фунт?], кофе и решили купить и чаю. Нагрузившись, сколько было возможно, мы отправились за чаем в новооткрытый магазин, где продают также и шоколад. Мы спросили черного чаю; дама, которая здесь торгует, сейчас позвала к нам самого хозяина и тот принялся раскрывать новый ящик. Вероятно, чай здесь решительно не идет, потому что у него все цыбики были закупорены и, вероятно, мы у него одни покупатели. Он так много трудился над открыванием ящика и так управлялся с ножиком, что я просто боялась, как бы он не изрезал себе пальцев. Право, нам сделалось стыдно, что мы беспокоим человека из-за полфунта чаю, хотя они и этому были очень рады; но тут уж радость их была очевидна, когда мы поспешили взять полфунта чаю; право, в Петербурге очень стыдно купить половину фунта в чайном магазине, а здесь чай пьется как лекарство, а потому они были просто удивлены и даже обрадованы, когда мы вдруг взяли у них половину чаю. Спрашивается, когда у них распродастся весь чай, который по виду казался довольно хорошим. Чай здесь стоит 8 франков фунт. Мне хотелось шоколаду, и Федя купил мне четверть фунта по 1 франку

50 с. за фунт, здесь шоколад довольно дешев, т. е. сравнительно с петербургским. Наконец пришли домой, и Федя отправился гулять один, но гулял очень недолго, видно одному гулять-то очень скучно.

Вечером к нам забежала кошка нашей старушки, превосходная белая кошка, ангорская, с белым пушистым хвостом, когда мадам ее выгоняла, то она мяукала à vilaine[4*], это ее любимица, а разве может какая старушка обойтись без кошки? У них есть и птичка канарейка, которая поет, как говорят; хозяйка называет ее Луиза. Соседи наши жиды. У них есть огромная желтая собака, которая иногда лежит на коридоре. Эта собака меня решительно ненавидит, так что я даже боялась, чтобы она меня когда-нибудь не укусила. Какая злая морда, просто меня всегда страх берет, когда я прохожу мимо.

Спала я хорошо и видела вдруг во сне, что будто бы Ивану Александровичу понравилась младшая Андреева[16], что будто бы хочет на ней жениться, мне даже во сне стало досадно. А, право, это, должно быть, была бы для нее очень хорошая партия, и для него тоже. Потом видела, что будто бы я совершила какое-то преступление, точно убила своего мужа, что-то вроде того, и мне сделалось до того тяжело, так жалко, так показалась ничтожной жизнь, что я решительно не знала, что мне и делать. Проснулась с тяжестью в груди.

Воскресенье, 8 ⟨сентября⟩/27⟨августа⟩

День сегодня прекрасный, не слишком жаркий, я проснулась очень рано и читала книгу в постели. Сегодня день приезда Гарибальди и, следовательно, президента[17]; он начался тем, что палили из пушек, потом начался барабанный бой и по городу прошлась пожарная команда, вероятно из граждан. Все они шли очень важно, с полным достоинством, и несколько человек, тоже очень важн[ых], тащили за собой 2 машины или лестницы; они ходят по городу в полном параде. Решительно не понимаю эти их ленточки с золотыми эполетами, разве только для параду, а мне кажется, что для дела они решительно не годятся и, вероятно, они тоже такими важными шагами идут и на пожар, а пока идут на место, там успеет выгореть вся улица. Эти процессии пожарных я видела уже раза два и решительно не понимаю, что у них за польза пройтись важно по всему городу при звуке барабана и перебудить всех добрых обитателей свободной Женевы.

Обедать пошли несколько раньше и думали найти библиотеку открытой, чтобы переменить книги, потому что Федя успел уже все прочитать, но библиотека заперта. Пошли искать другую, но решили сначала пообедать, а потом вместо прогулки поискать, нет ли где-нибудь другой библиотеки. Все улицы и дома украшены разными флагами, из которых большею частью попадаются флаги из других цветов, красного и желтого и красного и белого. Но есть флаги и иных цветов. Отправились на поиски и вспомнили, что когда искали квартиру, то по дороге, тоже в воскресенье, попалась библиотека, где мы хотели записаться, и пошли ее искать; прошли мы, кажется, до самого Каружа[18], но так как все магазины были заперты, то мы нашей библиотеки не нашли, вероятно, и она заперта, а так как вывески нет, то найти невозможно.

Народ попадался толпами, все спешили смотреть на разные депутации, которые отправляются встречать Гарибальди на железную дорогу. Собраться назначено было ровно в 5 часов. Когда мы проходили по

[4*] Как дикая (*фр.*).

Коратери[19], то нам навстречу попалось несколько депутаций со знаменами в руках, очень довольных тупых лиц. Ведь охота же людям тешить себя всеми этими процессиями. Я думаю, куда как приятно покрасоваться где-нибудь в процессии, неся какой-нибудь значок.

Я пошла домой, а Федя читать газеты. Сговорились, что он скоро придет. На лестнице встретились мне старушки, которые, одевшись очень парадно, в шляпах, шли тоже смотреть, но шли по обыкновению старущ[е ч ь е]му очень рано, т. е. за полтора часа до начала церемонии. Они мне дали ключ от двери, потому что дома оставалась только их одна знакомая, ну а мне было совестно беспокоить ее, уходя и входя. Я сидела дома все время, пока на мосту Монблан не показалась депутация. Тогда я тоже пошла и вышла на улицу Монблан, но так как мне не хотелось толкаться, то я тоже прошла довольно далеко, вдруг, оказалось, они повернули куда-то в боковую улицу, так что мне не пришлось их увидеть, ну да ведь очень мало ви[д е]ть. Я стала прогуливаться по улице и ждать. Ждать пришлось довольно долго. Жара страшная, пить хотелось тоже ужасно. Я зашла в какой-то магазин и мне предложили выпить сиропу с водой, заплатила за него 3 су.

Улица Монблан очень широкая, но она была решительно наполнена народом до невозможности, особенно много было ребятишек и, как я заметила, они-то больше всех и суетились, когда началась процессия. Окна здешних 5- и 6-этажных домов была заняты дамами в нарядах и мужчинами. Мне было ужасно скучно ходить по улице одной и я, право, жалела, что не было со мной Феди. Наконец раздалась пушка, и я увидела, как подъехал поезд. Публику особенно занимало то, когда локомотив начинал свистеть. Тут начался ужасный смех и разные глупые шутки. Однако Гарибальди довольно долго после приезда поезда не показывался, вероятно, депутации говорили ему речи, ну, а он отвечал, следовательно, время-то и шло, а мы тут стой и жди его. Наконец, проехала карета с багажом Гарибальди. Тут решительно нет полиции, а потом несколько минут до приезда Гарибальди, по этой улице, занятой народом, проехали, кажется, возов 5 огромных, может быть, у них не было другой дороги или они не могли подождать. Наконец показались знамена, но они долго не двигались. Наконец едва могли тронуться, так много занимал народ, который стоял перед ними, не пропуская. Наконец шествие кое-как пошло, и за депутациями ехал в открытой коляске в 4 лошади и с жокеем впереди Гарибальди. Издали, когда я увидела его лоб, мне показалось, что это Федя, так у него лоб похож на лоб Гарибальди. Наконец, показался и он, одетый в красный камзол и в полосатом плаще, с серой шляпой, которою он махал во все стороны. Какое у него доброе, прекрасное лицо, лет ему 55, мне кажется, он с лысиной. Но что за доброе, милое, простое лицо, должно быть, он удивительно добрый и умный человек. При его проезде все начали махать платками. Право, даже было трогательно видеть, как все эти 5—6 этажей, полные дам, колыхались, он был, видимо, тронут этим и очень раскланивался шляпой во все стороны. С ним сидел какой-то господин, который тоже раскланивался, должно быть, это его сын. Впрочем, не знаю. Все махали платками, а он раскланивался шляпой. Когда народ несколько отхлынул, я отправилась домой и пришла гораздо раньше Феди и всех наших хозяек, которые, как потом говорили, отправились слушать речь, которую говорил Гарибальди[20] с балкона дома президента. Когда воротился Федя, я начала бранить, зачем он за мной не зашел, но он меня уверял, что если бы я даже и пошла, то ничего не видела, то и лучше, что сидела дома, вот я и видела; действительно, я его ви-

дела очень близко, так что отлично могла рассмотреть его благородное лицо.

Потом, вечером, мы ходили искать, нет ли где открытой библиотеки, потому что у Феди не было книг, но эта библиотека, которую мы видели в улице Монблан, была уже заперта, так без книг и воротились домой. Весь этот вечер по городу ходила музыка и эти отдельные части этих депутаций расходились по улицам и кричали ура. Я думаю, Гарибальди не дали уснуть: все, вероятно, стояли под его окнами и пели какие-нибудь гимны или играли. Весь город изукрашен флагами, что довольно красиво.

Понедельник, 9 ⟨сентября⟩/28 ⟨августа⟩

Сегодня я вздумала написать письмо к Ольхину, теперь на свободе я могу заняться письмами и думаю написать всем, которым еще не писала, а то решительно даже совестно, что так ленюсь, никому не пишу, ну, а Ольхину-то и подавно нужно было уж давно написать, потому что это самый благородный человек, он так много мне помогал, когда я училась стенографии, и жена, и все его семейство было ко мне так любезно, что, право, забывать их вовсе не следует, да и бог знает, я даже вполне уверена, что мне придется непременно заняться стенографией, потому что [это?] только и есть мой хлеб, а Ольхин мне может достать работу, словом, следует его держаться. Вот я сегодня и написала ему письмо и просила у его жены ответ, если возможно скорей, и просила ее сообщить мне обо всем, что там есть нового.

Федя сегодня хотя писал, но у него голова что-то болит, и потому мы решились сегодня пораньше идти, чтобы до обеда прогуляться по городу. Зашли мы в библиотеку и хотели взять 9 том «Истории бедных родственников», именно «Cousin Pons», но не было времени поискать этой девушке, которая лицом страшно похожа на Ивана Александровича. Она 9 том не нашла, и нам пришлось записаться именно для этого тома в другой библиотеке. Мы, пообедав, пошли искать библиотеку и по дороге встретили Гарибальди, который ехал вместе с президентом в коляске из конгресса. За ним и перед ним бежала толпа мальчишек, а он предобродушно раскланивался. Мы были в нескольких библиотеках, но одна была заперта, а в других не было именно этих книг, которые мы спрашивали. Я хотела идти на почту, чтобы принести письма, и так как у меня денег не было, то я и спросила у Феди, тогда он сказал, что ведь у меня есть и что теперь, если я возьму, то опять скажу, что отдала хозяйкам за 6 дней. Разумеется, это он шутил, но мне были досадны даже и такие шутки, потому что должен же поверить, что я не беру его денег на ненужное, а трачу именно только на то, что нам необходимо. Я, не отвечая ему, отправилась на почту, но там было так много народу, что решительно добраться было нельзя. Я стояла уже несколько минут, как вдруг ко мне подошел Федя, я даже и не узнала его, он отвечал, что и ему необходимо за письмами, хотя здесь он еще ни от кого не получал. Федя стоял в стороне, а я подавала записку. Я увидела, что он отложил какое-то письмо в сторону и думаю, что это ко мне, но, не желая получить при Феде, я, не дождавшись, пока он выдал, сказала Феде, что письма нет, и мы отправились домой. По дороге взяли 9 том в другой библиотеке, но как назло оказалось, именно отсюда-то роман делается таким скучным, что читать его нет никакой возможности. Потом Федя пошел читать газеты, а я отправилась домой, поскорее написала записку с моим именем и пошла опять на почту. Здесь мне встретился тот самый

почтмейстер, который отыскал мое письмо, он спросил, отчего я ушла, и дал мне письмо. Оно было от мамы, в нем мама поздравила меня с полугодием[21] и говорила, что в этот день была в церкви, говорила, что желала бы так и полететь к вам, посылала портрет и извещала еще о том, что Паше представляется какое-то место, а он не хочет его брать, а говорит, что Федей обещано его содержать до 21 года, а там уже другое дело, что будто бы Федя будет сердиться, когда узнает, что он принял место. Когда я прочитала письмо Феде, то он рассердился на Пашу и начал говорить, что вовсе не обещано его содержать; я желала этим воспользоваться и начала уверять, что, напротив, Паша совершенно прав, что он должен его содержать, что это его обязанность. Федя ужасно как рассердился, говорил, что у него у самого нечем жить, что если он содержит, то только как благодетель, а вовсе не из обязанности, начал бранить Пашу, я же все его защищала, и когда Федя назвал его подлецом, и негодяем и дураком, говорила, что Федя решительно несправедлив, что Паша умный мальчик, а что, вероятно, он на что-нибудь да надеется, если не хочет служить, а что это мама такой смешной человек, который хлопочет, чтобы он непременно служил, что это нелепо, а что я напишу, чтобы она вовсе оставила эти хлопоты о Паше.

Потом мы ходили несколько гулять, и Федя сделался ужасно грустный, он говорил, что его ужас как беспокоит участь Паши, что дела наши так плохи, что все это его мучает, убивает. Бедный Федя, как мне его жаль, ведь навязалась же эта проклятая обуза ему на шею, мало ему своей, так нужно еще кормить разных чужих щенят[22].

Вторник, 10 ⟨сентября⟩/29⟨августа⟩

Сегодня в 10 ⟨минут⟩ 6-го с Федей сделался припадок, который был по моему очень сильный, сильнее прежних, т. е. гораздо сильнее были судороги в лице, так что голова качалась, потом он довольно долго не приходил в себя, а потом, если спал, то просыпался через каждые 5 минут. Этот припадок ровно через неделю, это уж слишком часто; мне кажется, не виновата ли тут погода, которая теперь переменилась, т. е. сегодня поутру был дождь; бедный Федя, как он всегда бледен, расстроен после припадка, но я вот что заметила: он вовсе не такой мрачный после припадка, не такой раздражительный, как был прежде дома, когда я не была еще его женой, и как был в первое время нашего брака. Сегодня он хотел работать, но писал очень немного, вот опять 4 дня пропало для работы, потому что теперь у него сильное бывает умопомрачение после припадка, дня 4 или 5 он решительно не может прийти в себя; бедный Федя, как мне его бывает жалко, просто ужас, что бы я только дала, чтобы с ним не было припадка, господи, кажется все бы отдала, лишь бы этого не было.

Сегодня пошли раньше обедать, но сегодня нам прислуживал не наш обыкновенный слуга, который куда-то ушел, а мальчик, лет, казалось, шести, такого он был небольшого роста, белокурый, с ужасно озабоченной физиономией, я его это спросила, он мне отвечал: «Oui, monsieur», вероятно, принимая меня за мужчину. Решительно меня никто дамой считать не хочет, все решительно называют мадемуазель, а этот так вздумал даже назвать мсье. Так и в продолжение всего обеда, когда он подавал какое-нибудь кушание, то он непременно, обращаясь ко мне, говорил мне: «Voici, мсье»[5*]. Меня это ужас как смешило.

[5*] Вот, господин (*фр.*).

Потом Федя отправился читать газеты, а я пошла домой и здесь читала роман Бальзака «Eugénie Grandet», превосходнейший роман, который мне очень понравился. Вечером мы отправились немного погулять, но очень немного, заходили на почту, писем не получили. Нам встретился в городе опять бой барабанов, я решила, что это опять, вероятно, пройдет пожарная команда. Действительно, это так и было, при мерном бое барабанов идут самым важным преважным шагом сначала солдаты ⟨не расшифровано⟩, за ними 3 или 4 офицера с золотыми эполетами, потом за ними тащат 3 машины и 1 лестницу. Все это выступает самым мерным шагом. Они попадаются решительно во всем городе, так что я вполне уверена, что случись где-нибудь пожар, то они так будут долго идти, что непременно прежде сгорит вся улица, чем придут на место эти достойные граждане. И зачем это они прогуливаются по городу, я решительно не могу себе этого представить; если для порядка, то ведь тогда следовало бы им бежать, чтобы привыкать, а идти обыкновенным шагом, ведь это они, я думаю, и без этого делают. Смешные люди, это им доставляет такое удовольствие и они так важно выступают со своими ⟨не расшифровано⟩, что, право, просто смешно смотреть.

Сегодня Федя встретил Огарева, и тот спросил, был ли Федя на конгрессе, Федя отвечал, что он ведь не член, тот отвечал, туда пускают за 25 с. Ну, Федя сказал: «Тогда я, конечно, пойду»[23]. Оба эти вечера, вчера и сегодня, я чувствовала себя не совсем хорошо, мне что-то жгло в груди, и я очень стонала, Федя ко мне часто подходил и говорил, что меня очень жалеет. Вечером меня будили дикие крики и вопли здешних певиц, которые как назло поселились в нашей улице и не дают нам покоя несколько раз в неделю, когда они собираются петь, а главное дело то, что они постоянно поют одно и то же, вот мы уже две недели живем здесь, а они поют это, неужели они не могли этого изучить. Наконец, после их концерта, когда они начинают расходиться домой, то некоторые из них останавливаются перед нашими окнами и начинают вопить, да так ужасно, что просто хоть святых вон выноси.

Среда, 30 ⟨августа⟩/11 ⟨сентября⟩

Сегодня 30 число, день моего рождения. Вот думала ли я в прошлом году в этот же день, что через год буду замужем уже 6 с половиной месяцев, что буду беременна, и что буду в это время жить в Женеве, ведь это мне и в голову не могло прийти, и, я помню, в этот день в октябре 66-го я рано утром отправилась к Сниткиным[24], чтобы отправить к ним шляпу, которую я взялась было доставить им на дачу, да так и не доставила, на дороге мне встретился Дьяконов[25], я с ним разговорилась и он тоже пришел к Сниткиным через полчаса после меня. Они только что переехали на новую квартиру и я принесла им хлеб-соль. Они меня оставляли непременно обедать и я ушла от них часу в 3-м ⟨не расшифровано⟩, на дороге купила у Иванова сладких пирожков и пришла домой грустная. У окна увидела милую мамочку, которая сидела и все ждала меня, оказалось, что она даже и не обедала, а все поджидала свою ⟨не расшифровано⟩ *именинницу,* так мама всегда называла меня. Мне было перед нею очень неловко и досадно, что я ⟨не расшифровано⟩ пропала и что я уже сыта, ведь милая мамочка, она даже не садилась за стол, поджидая меня, я принесла ей обед и тоже пообедала с нею, а также просила сделать кофею, что мамочка исполнила с большой охотой. Бедная голубушка мамочка, думала ли я, что это будет в последний раз,

когда мы с нею будем жить, что в другой раз того не будет, а что я через несколько времени выйду замуж. Как бы желала я ее теперь видеть, право, вот тогда только то и ценишь, чего теперь нет, так и я ценю милую мамочку, потому что она от меня очень далеко. Господи, как бы я желала, чтобы исполнилось наше желание и мамочка могла приехать к нам к тому времени, когда мне кончится срок, право, это была бы для меня такая огромная радость, что я больше бы, кажется, ничего и не хотела.

3-го года, т. е. в 65 году, я помню, в этот день мне случилось быть утром у Андреевых[26], т. е. я пошла к ним 29 числа, но вечером случилась гроза, так что идти было домой нельзя, и я осталась у них ночевать, а утром они предлагали мне вместе идти к [Прокофию Андреевичу] смотреть из окна церемонию[27]. Но я не пошла, а поспешила домой, мне было так больно, что я была не дома в этот день. День был пасмурный, как обыкновенно бывает в [Александров день]; когда я пришла, мне сделали сейчас кофею и я напилась, и папа (ведь папочка был еще тогда жив) тоже поздравил меня и кажется ⟨не расшифровано⟩ подарил несколько денег и сам отправился на праздник, т. е. смотреть церемонию. Потом пришла Ольга Васильевна, наша жиличка-старушка, которая жила постоянно около нас, и она принесла мне яблоко красное, румяное (я сидела тогда за фортепиано), и сказала мне, что желает мне быть такой же как вот это яблоко, т. е. я должна была ⟨не расшифровано⟩, т. е. чтобы я была такой же здоровой и красивой, как яблоко. Но оказалось-то оно очень смешно, потому, что когда я раскусила яблоко, оно оказалось до такой степени крепким и кислым, что в рот нельзя было взять. Ну, а это вовсе не была похвала мне. Потом я пригласила ее на кофе. Она пришла и выпила со мной. Вечером нам вздумалось пригласить Павла Григорьевича и Машу к нам на шоколад (я сама ходила к [Блохину] и купила шоколаду и разных разностей). Маша пришла (они еще тогда жили в Машином доме, это было за два дня до времени, когда Павел Григорьевич был сделан ценсором) и подарила мне веер, который купила за 3 рубля. Этим подарком я была чрезвычайно как довольна, потому что это был первый веер, который я имела, а я когда выезжала, то как мне было бы приятно иметь его, как я желала купить, а все не могла. Мне этот подарок был до того приятен, что я несколько раз приходила в другую комнату и любовалась Машиным подарком, хотя он был довольно прост. Вечер прошел довольно [благополучно]. Павел Григорьевич нашел, что шоколад очень хорош, что он редко пивал когда-нибудь такой, мы с ним много разговаривали, а я ведь очень редко когда находила что с ним поговорить. Говорили все о новом переводе в ценсоры и о многом многом. Пришел и милый папочка, который был, кажется, у Николая Петровича в гостях, где была Александра Павловна[28].

Помню еще 61 год, когда Павел Григорьевич был еще женихом Маши. Я помню, в этот день я пошла себе покупать пряжку для пояса на те деньги, которые мне были подарены, в одном переулке мне встретился Павел Григорьевич, который ехал на извозчике и держал что-то такое в руке, завернутое, я думала, что это конфеты. Он соскочил с дрожек и подал мне этот подарок (надо сказать, что в это время я была ужасно какая гордячка и девушка с мыслями и рассуждениями. Мне казалось неприличным для моего достоинства, если я что-нибудь от кого-нибудь возьму, если мне кто-нибудь подарит, то я должна сама его чем-нибудь отдарить, иначе быть не может. Ну как я, такая гордая, да приму

подарок, ведь это будет стыдно). Вот по этому-то ложному стыду и я отказалась принять от него подарок и, вероятно, этим смертельно обидела его, потому что за обедом он говорил, что думал, что я считаю его братом, что я считаю его близким человеком, а, оказывается, я решительно не уважаю его, что если не хочу взять его подарка (оказалось, что это вовсе были не конфеты, а немецкая книга с картинками, которую Павел Григорьевич хотел мне подарить, потому что знал, что я учусь немецкому языку). Он потом сказал, что если бы даже я теперь стала просить, чтобы он подарил мне эту вещь, то он не подарил ее, так как он был этим обижен. Вот ведь какие бывают глупые девочки в 15 лет, когда им вздумалось, что они совершенно девицы и что им непременно следует иметь убеждения, какая ведь глупость, убеждения, какой вздор, как будто могут быть у девочки в 15 лет какие-нибудь убеждения. Они ведь наживаются вместе с жизнью, а так даром не даются, а если кто даром их и имеет, то у того они только на [Пасху], а придет какой-нибудь случай, тогда и окажется, насколько они ⟨не расшифровано⟩.

Сегодня я встала с больной головой, потому что переписывала уж слишком много, потом я решилась прогуляться и хотела сначала ехать в Каруж, но потом отдумала, потому что Федя предложил идти нам послушать на Конгресс мира. Но сначала мне захотелось погулять, чтобы несколько освежиться. Наши хозяйки, у которых я спросила о часе, в который начинается заседание, дали мне билет и потом сказали, что Гарибальди уже уехал сегодня утром; мне пришло на мысль, что, вероятно, они здесь что-нибудь не поладили, что он уехал, не дождавшись окончания конгресса. Я пошла и увидела на всех стенах прокламации, в которых объявлялся протест против слов, произнесенных Гарибальди, говорилось, что его слова — это оскорбление, сильнейшее оскорбление, которое нанесено было и католической церкви и папству, и что этим он оскорбил половину жителей кантона, а поэтому-то они и протестуют против него. Вот тебе и раз; то встретили бог знает с какими радостями, то вдруг протест, что, дескать, убирайся-ка, братец, туда, откуда приехал; как это все смешно, право; с этим глупым Конгрессом мира, ничего, разумеется, путного не выйдет[29], а они-то все толкуют. Я пошлялась по городу, потом воротилась за Федей, мы отправились в Palais Electoral[6*], большое здание на Place Neuve. Здесь мы купили билеты, но заплатили не по 25 с., а по 50. Наконец, вошли в это место[7*], это огромное серое, вроде конюшни, высокое светлое здание, испещренное гербами кантона. Наверху хоры, посредине стоит большой цветок с букетом цветов, который решительно загораживал всем вид на ораторов. Тут были отдельные места для дам, где я и села, а Федя сел 3 скамьями сзади меня. Шум был страшный, и потом, когда оратор какой-то взошел на кафедру, народ долго не мог успокоиться. Ораторы говорили очень тихо, так что наполовину нельзя было расслушать, говорили несколько ораторов, но все больше громкие фразы, вроде следующих: «нужна свобода», «для злодейства свобода», «стыдно воевать», вообще все громкие фразы, которые решительно невыполнимы, и на все это было ответом страшные рукоплескания, так что просто зал дрожал от шума. Какой-то оратор прочел 10 пунктов по поводу войны, написанных какой-то немкой, ничего особенного не представляющих, вообще рассуждение о неприемлемости войны. Но все эти 10 пунктов были встречены страшными рукоплесканиями, как

6* Избирательный дворец (*фр.*).
7* *Исправлено* из «святилище».

будто они говорили о чем-нибудь действительно новом. Потом говорил какой-то видно итальянец и говорил: «прочь папство», на что одни хлопали, а другие не одобряли. Президент видно был недоволен этим итальянцем и несколько раз замечал ему, чтобы тот перестал говорить. Наконец, кое-как ему удалось угомонить этого глупого оратора, который так сильно жестикулировал, что он свалил стакан с водой на голову какому-то господину. Вообще речи нельзя было расслушать, потому что шумели страшно, и с половины заседания стали уходить вон, да к тому же, когда только оратор начинал оканчивать фразу, его прерывали рукоплесканиями и решительно не давали дослушать, что такое он сказал. Около меня сидела одна дама, очень толстая и жирная, и я решительно не знала, почему попала на конгресс. Когда стали очень шуметь, одни рукоплескать, другие унимать оратора, то она обратилась ко мне и спросила, нет ли опасности, я уверила, что все спокойно. Она, вероятно, думала, что нет-нет, да и доберутся и до ее кошелька и, вероятно, уж хотела убежать подобру-поздорову. Мы не подождали до конца заседания, да и не для чего было, потому что все было до такой степени глупо, что и сказать досадно. И к чему этот глупый конгресс, делать людям нечего, так они и собираются на разные конгрессы, на которых только и говорится, что громкие фразы, а дела никакого не выйдет. Право, я пожалела о том, что мы потратили силы там[30].

С конгресса пошли обедать, читали газеты. Что я заметила нынче, нас в нашей гостинице ужасно эксплуатируют, именно теперь вместо 7 кушаний стали подавать сначала 6, а сегодня уж всего 5, этак когда-нибудь дойдет до того, что нам подадут один только суп и фрукты. Я хотела заметить нашему слуге, но Федя объявил, что он положительно сыт, а потому не хочет говорить и просить, говорит, что тоже нечего об этом, [надо?] не замечать. Делать было нечего, я не сказала, но вышла от обеда совершенно голодная, так что потом ночью не могла от голода спать и должна была встать, чтобы что-нибудь съесть.

Я думала, что мой день окончится мирно, как вдруг под вечер случилась у нас ссора, и вот каким образом: мы пошли немного погулять, хотели зайти на почту. Когда мы проходили мимо дома почты, я вспомнила, что я не взяла своей записи с нашими именами, а без записей спрашивать письма было неловко, потому что он не может запомнить имена и тогда требует визитную карточку. Я сказала Феде, что у меня записей своих нет, тогда он посмотрел в своем кармане, вынул какую-то маленькую бумажку, на которой было что-то написано карандашом. Мне захотелось знать, что это было именно, и я схватила записку; вдруг Федя зарычал, стиснул зубы и ужасно больно схватил меня за руки; мне не хотелось выпустить записки, и мы так ее дергали, что разорвали на половины, и я свою половину бросила на землю, Федя со своей сделал то же; это нас и поссорило, он начал бранить, зачем я вырвала записку, меня это еще больше рассердило, и я назвала его дураком, потом повернулась и пошла домой. Это я сделала для того, чтобы поднять остатки бумажки и знать, что такое она содержала. Я ужасно дрянной человек! У меня раздражение, подозрительность и ревность; мне сейчас представилось, что это очень новая записка, а главное, что эта записка одной особы[31], с которой я ни за что на свете не желала бы, чтобы сошелся снова Федя.

Когда Феди не стало видно, я подбежала к тому месту, где была брошена бумажка, подняла 3 или 4 клочка, с которыми и побежала домой, чтобы прочитать. В каком я шла домой волнении, так это

и описать трудно. Мне представилось, что эта особа приехала сюда в Женеву, что Федя видел ее, что она не желает со мной видеться, а видятся они тайно, ничего мне не говоря, а разве я могу быть уверена, что Федя мне не изменяет? Чем я в этом могу увериться? Ведь изменил же он этой женщине, так отчего же ему не изменить и мне? Но вот этого-то я решительно не могла к себе допустить. Мне нужно было знать это непременно, я не хотела, чтобы меня обманывали. Она думала, что я ничего не знаю, смеялась бы надо мной, нет, этого никогда не будет, я слишком горда, чтобы позволить над собой смеяться, да смеяться, должно быть, особе[8*], которая меня и не стоит, потому-то я дала себе слово всегда наблюдать за ним и никогда не доверяться слишком его словам. Положим, что это должно быть и очень дурно, но что же делать, если у меня такой характер, что я не могу быть спокойной, если я так люблю Федю, что ревную его. Да простит меня бог за такой, должно быть, низкий поступок, что я хочу шпионить моего мужа, к которому я по-настоящему не должна была бы иметь недоверия. Но дело в том, что Федя сам не хочет мне много доверить, ведь, например, он не сказал мне ни слова о известном дрезденском письме и вообще сохраняет на этот счет полнейшее молчание. Так разве я могу быть спокойна? Нет, пусть даже это будет нечестно, но я постоянно буду наблюдать, чтобы не быть обманутой.

Я просто бежала и плакала дорогой, так я боялась, чтобы мне не узнать чего-нибудь дурного из этой записки. Я прибежала домой раньше Феди, я желала поскорее прочитать разорванную записку, а тут как назло наша хозяйка начала мне [надоедать?] с вопросами и я ее выпроводила из комнаты. Начала старательно складывать записку, кое-как сложила, прочитала: rue Rive, Mr Blanchard dessous[9*], записочка мне показалась написанной рукой этой особы, совершенно ее почерком; положим, что это может быть и неправда, потому что таких почерков может быть бездна, да вот, например, у Андреевой решительно такой почерк, но это меня еще больше взволновало. Мне представилось, что он вместо того, чтобы ходить в кофейню читать газеты, ходит к ней, что вот она дала ему свой адрес, а он, по своему обыкновению, по неосторожности, вынул и таким образом чуть-чуть не выдал свою тайну мне. Особенно меня поразило то обстоятельство: зачем ему было так вырывать от меня записку, если он не боялся мне показать эту записку. Значит, ему не хотелось показать записки, значит, ее не следовало мне показать. Меня это до такой степени поразило, что я начала плакать, да так сильно плакала очень редко, я кусала себе руки, сжимала шею, плакала и просто не знала, боялась, что сойду с ума. Мне было до такой степени больно подумать, что вот человек, которого я так сильно люблю, и этот человек вдруг изменяет мне. Я решилась непременно завтра идти, идти по адресу и узнать, кто живет именно там, и если бы я узнала, что там живет известная особа, то я непременно бы сказала об этом Феде, тогда, может быть, мне бы пришлось уехать от него. Но до завтра еще оставалось довольно много времени, я ужасно как мучилась. Я плакала бог знает как и страдала невыносимо. Одна мысль об этой подлой особе, которая меня, вероятно, не любит, что она способна нарочно ему отдаться для того, чтобы только насолить мне, зная, что это будет для меня горько, и вот теперь, должно быть, это действительно и случилось, и вот они оба

8* *Исправлено* из человек.
9* Внизу (*фр.*).

считают, что могут обманывать меня, как прежде обманывал Марию Дмитриевну.

Пришел Федя и ужасно удивился, увидя, что я плачу, сначала он спросил причину, но я была так огорчена, что очень грубо ему отвечала, просила оставить его [10*] в покое и продолжала плакать. Успокоиться я не могла, так мне было горько. Федя начал браниться и как-то сказал, что он был просто испуган, когда я бросилась к нему, чтобы вырвать от него записку, что это была записка, данная ему закладчиком, т. е. адрес другого закладчика и проч. Вообще он ужасно как на меня рассердился. Это меня еще более взорвало, потому что нет ничего хуже, когда человек раздражен или расстроен, и вдруг ему начинают говорить колкости и смеются над ним. Я стала писать письмо к Ване, хочу его поскорее отправить и просить его узнать, там ли известная госпожа, узнать наверное, может быть, она уж оттуда уехала. Потом, когда я заснула, Федя не пришел ко мне прощаться. Вот это так было очень дурно с его стороны, неужели он не может быть снисходителен ко мне, когда он знает, что я в таком положении, право, должен бы был быть ко мне гораздо милостивее. Потом, когда мы на другой день помирились, то Федя мне объяснил, что мы поссорились оттого, что ходили на конгресс мира. Да и вообще на этом мирном конгрессе гораздо больше было ссор, и провозглашали все ораторы не мир, а войну. Ночь я спала дурно, ночью проснулась и думала: что-то решит завтрашний день, неужели завтра будет для меня несчастье, неужели она здесь, неужели все мое счастье рушилось. Господи, я, кажется, умру, если это так будет.

Четверг, 12 ⟨сентября⟩ ⟨31 августа⟩

Сегодня утром я отправилась сначала к почте, и думала как-нибудь поднять ценные лоскуточки, чтобы узнать номер дома, в котором живет B⟨lanchard⟩, а оттуда думала идти искать и разыскать непременно, кто именно там живет. Зашла я на почту, получила здесь письмо от Маши. Наконец-то она собралась ко мне писать, но ее обыкновение откладывать все до завтра видно было и в этом письме. Написано оно было 23 августа, а послано 27, так что 4 дня провалялось где-нибудь на столе. Она пишет мне много советов, за которые я ей очень благодарна, они мне очень и очень пригодятся, жалуется на свое стесненное положение; я ей верю и от души жалею ее; право, если бы у меня была хоть какая-нибудь возможность помочь ей, я ей непременно бы помогла, так мне ее жаль. Одно мне показалось в ее письме несправедливым. Она пишет про маму, что мама стала к ней как-то *добрей, человечней.* Это сказать про маму, которая [добрейшим?] была всегда человеком. Это не человек, а какой-то ангел, который всегда нас от всего охранял и готова была, кажется, всем пожертвовать, чтобы нам было хорошо. И Маша это говорит, Маша, для которой мама сделала в 10 раз больше, чем для нас обоих. (Я говорю это, нисколько не жалуясь, потому что с Машей нельзя было иначе и сделать. Маша и тогда пользовалась такими действиями у нас, делала, что ей было угодно, делала долги, презирала нас, и вдруг она же вздумала говорить, что мама была для нее когда-нибудь недобрым к ней человеком.) Это до такой степени безбожное дело, и слушать такую клевету про такого человека, такого прекрасного, честного человека, как наша мама. Этот человек всю жизнь свою лишал себя всего необходимого для того, чтобы детям было хорошо, чтобы дети были

10* *Так в тексте.*

счастливы. Какая мать так много пожертвует и так много будет стараться для своих детей, как она, какая ее вина, что она не могла нам дать состояние, она намеревалась [11*], это была ее мечта, чтобы хотя ⟨бы⟩ мы были богаты, разве ее вина, что она так ошиблась, скорее тут вина Маши и [Мерца?], по советам которых она поступила, когда начала строить 2 дома зараз [32], когда нужно было только строить один. Наконец, мама дала нам образование; разве в нашем классе много вышло таких образованных, как я, ведь будь у меня другая мать, может быть, я бы только знала читать и писать и сгинула бы где-нибудь в преступном доме. Нет, мама — чудный человек, и бог даст, вероятно, мне, что я могу ее чем-нибудь вознаградить за все ее великие о нас хлопоты и беспокойство. Как бы я желала, чтобы она на старости своих дней жила со мной, кажется, лучше мне бы ничего не нужно было. Она была бы спокойна и я бы была счастлива. Я непременно постараюсь это устроить, чтобы мама жила с нами, даже если бы ей пришлось платить нам за квартиру.

Но вот замечание Маши, с которым я вполне согласилась, именно, что Ваня сделался такой честный, такой негрубый, и что она надеется, что из него что-нибудь да выйдет. Коль Маша признается, что он честный и негрубый, так это много значит, потому что она постоянно, всегда находила нашу семью какими-то дураками (не знаю, как она могла вывести такое заключение), а Ваню так особенно она считала никуда не годным мальчиком. Нет, в Ваню я надеялась, я уверена, что из него выйдет хороший человек, не подлец, вероятно, будет человек, который будет работать. Ведь из нашей семьи еще никто не пропал, так и Ваня не пропадет. Господи, если бы у меня была возможность помочь Ване, как бы я была рада. Вот что-нибудь бы ему подарить, а то бедный мальчик ничего не имеет, никто не позаботится подарить ему что-нибудь.

Прочитав на почте письмо, я отправилась искать дом на rue de Rive, это у того самого места, где мы постоянно обедаем. Я спросила у какой-то магазинщицы, и она мне сказала, что на углу улицы есть дом, в котором живет Bl⟨anchard⟩, портниха. Я отправилась и действительно нашла и портниху и ее мужа ⟨не расшифровано⟩. Я вошла в подъезд, потому что зайти на квартиру я не могла, так как дама имеет довольно представительную наружность, а, следовательно, очень могло случиться, что они там оставались, и потом я была бы в очень сложном положении, попавшись Феде. Я нашла, где живет консьержка, но квартира ее была не заперта, а самой ее не было. Мне сказали, что она бывает дома около 12 часов. Я отправилась гулять по улице и пришла снова в 12 часов. Но и на этот раз не нашла ее, я спросила в магазине, и мне сказали, что ее если можно застать, так это вечером. Такая досада, просто ужас, пришлось идти домой, но я все-таки, пока не узнала человека, решилась примириться с Федей, потому что уж очень грустно сегодня. Когда он стал одеваться к обеду, я к нему подошла, расхохоталась, и как он ни хотел удержаться и представиться серьезным и холодным, улыбка потом невольно явилась на его лице и он расхохотался. Я села к нему на колени, начала ему говорить, чтобы он на меня не сердился. Так мы совершенно помирились и пошли обедать. После обеда он читать не пошел, а пришли домой и лег спать. Я воспользовалась тем временем, когда он спал, чтобы снова сходить туда, но и на этот раз тоже неуспешно, потому что опять ее дома не застала. Такая была мне досада, понапрасну хожу, а я было хотела дать ей полфранка, разузнать хорошенько.

11* Намеревалась *написано поверх* хотела.

Потом вечером мы отправились гулять и вышли к католическому кладбищу, в котором в это время звонили к выходу, потому что было уже 7 часов и совершенная темь, как ночью. Потом мы обошли вокруг Plainpalais[33] и вышли на улицу Coraterie. Здесь на улице встретили Огарева. Он был что-то очень веселый и от него несколько пахло вином. Федя мне после сказал, что это у них, литераторов, такая замашка и, вероятно, этому его научил Герцен. Федя уверен, что как только он ни сходился с Герценом, вечно они расходились пьяные, так было в последний раз, когда Федя с ним встретился на пароходе[34] и Огарев оставался с ним на несколько минут. Тут Федя спросил его, не знает ли он где-нибудь хорошего доктора. Тот указал нам на доктора *Mayor*, живет на площади Molard № 4, и просил, если мы адресуемся к нему, то сказать от имени Огарева, говорил, что тот принимает к себе на дом, и тогда следует ему заплатить 2 франка, а если звать на дом, то надо дать больше, т. е. франка 3 или 4. Удивительно, как они мало получают, ну разве возможно дать хотя бы самому плохому доктору в Петербурге 1 рубль [серебром], ведь это положительно невозможно, а тут 4 франка, так и за глаза довольно. Воротились домой и говорили довольно дружелюбно между собой, хотя сердце у меня так и прыгало. Мне все казалось, что он меня обманывает, что я не могу узнать, а между тем хотелось как можно дальше отложить время, когда я узнаю эту ужасную для меня новость. Ночью в пятницу сделался где-то пожар, начали звонить в церквах, очень грустно, жалобно, и под нашими окнами раздавался несколько раз свист. Старуха мне после объяснила, что в нашем доме живут пожарные, поэтому-то их и созывали свистом.

Пятница, 13/1 ⟨сентября⟩

День сегодня отличный. Встала я довольно рано и опять отправилась, чтобы застать эту подлую консьержку, наконец, сегодная застала. Она мне сказала, что она не знает, чтобы кто-либо приехал туда, и очень удивлена, если это действительно случилось, потому что у него очень маленькая квартира, что несколько месяцев тому назад к ней приехала ее тетка, старуха, так и то едва досталось место, а уж отдать кому-нибудь, так и положительно нет никакой возможности. Так что этим она меня несколько успокоила, а то я была в таком волнении. Сегодня я была целый день почти больна, но вовсе не физически, а морально, так было тяжело, все казалось грустно и мертво, так что, должно быть, я окончила бы физической болезнью, если бы вдруг не решилась успокоиться. Я положила, что это все сочинила сама, что вовсе не следует печалиться, ничего не узнав, а все-таки я решилась следить за Федей, чтобы знать, что неужели он мне изменяет. Когда он после обеда пошел в читальню, я высмотрела, как он действительно туда вошел. Потом я отнесла домой книги и поспешила через другой мост в маленький парк, из которого было очень хорошо видно, если бы он вышел, но дожидаться там, пока он прочитает все газеты, было бы, право, глупо, потому что иногда он читает часа два, а стоять на одном месте 2 часа очень тяжело, потому я решилась тихонько пройтись мимо кофейни, вполне уверенная, что он меня и не заметит. Так и случилось, я прошлась и увидела, что он смирнешенько сидит себе у стола и читает газету, так что тут мои подозрения решительно рушились. Я решилась больше его не наблюдать и отправилась глазеть по магазинам. В одном у них продаются платки дамские, грубые, с углами вышитыми и с буквой, я зашла и узнала, что такие платки стоят 2 франка 25 с., и купила с буквой D. Разумеется, вблизи он оказался гораздо хуже, чем за

стеклом, но что же можно ожидать за 2 франка, это ведь такой труд, а тут еще вышивка. Тут продаются рубашки по 3 и по 4 франка. Я спросила про одну рубашку, сделанную из полотна, мне отвечали, что она стоит 22 франка, но что есть тоже очень хорошие полотняные, начиная с 11 франков. Вечером мы немного гуляли и потом сели писать. Я очень рада, что Федя начал мне диктовать, по крайней мере, работа теперь пойдет скорей и, может быть, мы скоро сможем отправить к Бабикову эту статью[35]. Я с большим удовольствием писала, мне все вспоминалось прежнее время, когда я была еще его невестой.

Суббота, 14/2 ⟨сентября⟩

Вчера вечером Федя очень боялся, чтобы с ним не было припадка, он очень трусил, но оказалось, что только он лег, как сейчас очень спокойно заснул, зато я с 2-х часов не спала до 4-х и все время думала о разных разностях. Утром я села писать, но в 1 час Федя меня прогнал от его стола, потому что самому понадобилось писать, а у нас как назло, всего только одно перо и одни чернила, нужно непременно сегодня купить еще, иначе нечем писать. Так что пришлось мне не писать, а читать в это время. Читала я «Père Goriot» Бальзака, очень хорошая вещь. Потом пообедали, Федя опять не пошел читать, он весь день боится, чтобы с ним не было припадка или удара. Он говорит, что у него сонливость, голова тяжелая, не ходит кое-куда и руки зудят, особенно в ногтях, а это, говорит, признак удара. Я ужасно этого боюсь, просто ужас, ведь это будет уж такое несчастье, если это с ним случится.

Потом пошли вечером на почту и здесь получили письмо от *Майкова.* Федя все меня пугал, распечатывая письмо, говорил, что, ну, вероятно, отказ, вероятно, не пришлет. Тогда ведь мне бы пришлось опять писать к бедной мамочке, опять ее беспокоить. Федя только и говорит, мама должна нам теперь помочь. Положим, что у нее нет, но ведь не умирать же нам с голоду. Вот ведь всегда так, когда у нас денег нет, таким образом и говорит, что мама должна нам помочь, отчего же он не требует от тех лиц, которым сам помогает, пусть бы и требовал, чтобы доставала ему Эмилия Федоровна, которой он помогает. Вечером мы пошли на почту и получили письмо от Аполлона Николаевича. Что за прекрасный, чудный человек, он пишет, что получил наше письмо[36], говорит, что хотя у него самого нет денег, но он непременно постарается нам достать. Господи, как я ему благодарна, тем более еще, что меня спасет это, не придется писать к маме и просить ее опять достать нам денег, бедная мамочка, вечно-то мы ее мучаем, а вот не придет же ему в голову мысль послать ей что-нибудь в подарок. Это ужасно несправедливый человек, как я теперь вижу, на этот счет, он думает, что мама непременно обязана для него хлопотать и решительно не ценит ее хлопот. С почты мы пошли гулять и гуляли по Plainpalais, а потом довольно уж поздно воротились домой. Вечером опять писали, и я была этому очень рада, потому что, по крайней мере, время поскорее идет, а то когда не пишет, так время так долго тянется. Вечером Федя опять ужасно как боялся припадка, но, слава богу, ничего не случилось. Господи, если бы нам удалось отодвинуть припадок подальше, как бы я была этому рада.

Воскресенье, 15/3 ⟨сентября⟩

Сегодня 15 число. Федеральный пост, т. е. пост по всей Швейцарии. Оказывается, что сегодня ни одного магазина не отперто, все решительно заперто, и мы отправились гулять за город. Сегодня сделался сильней-

ший дождь, но что странно, несмотря на такой сильный дождь, в воздухе довольно тепло, хотя это-то хорошо, а то просто такая досада, если бы к дождю да присоединился бы еще холод. Мы отправились обедать, сегодня нам вздумали подать еще меньше кушаний, всего, кажется, 3, это у него идет диминуендо, т. е. каждый день уменьшают число кушаний, наконец, Федя заметил ему об этом, и тогда нам принесли еще курицу. От обеда мы отправились домой, но по дороге я вздумала идти на почту, и хотя Федя мне и отсоветовал, но я не послушалась и отправилась; за непослушание я была очень наказана, ибо дождь меня вымочил ужасно, до костей, и когда я пришла на почту, то, оказалось, и почта сегодня заперта. Ну, это ведь просто курам на смех. Даже почта, самое необходимое место, и то заперта, и все из-за каких-то дурацких праздников. Мало того, что все магазины заперты, но заперты даже и кофейни, мы [даже?] очень боялись, чтобы не остаться без обеда, потому что думали, что эти дураки-швейцарцы, пожалуй, запрут и гостиницы. Потом я долго сидела у окна, читала книгу и смотрела, как шел дождь. Я иногда люблю, когда идет дождь, мне тогда вспоминается жизнь моя у мамы, в моем [12*] *гнезде*, какая, право, это была хорошая жизнь, несмотря на все невзгоды и разные денежные неприятности: а теперь разве не то же самое, то же самое безденежье, а к тому же еще и другие неприятности. Вечером Федя опять мне диктовал, а продиктованное вчера я переписала еще утром; потом, так как мне нечего было делать, то я вздумала переписать вечером сегодня, что он мне только что продиктовал.

Понедельник, 16/4 ⟨сентября⟩

Записываю я нынче очень мало, а это потому, что решительно нечего записывать. Сегодня встала с больной головой, я не знаю, может быть, оттого, что я много сплю, у меня сильно наливается кровь в голову, так что я решительно не знаю, что мне утром и делать. Утром переписала продиктованное Федей и этим несколько убила время, потом мы ходили обедать и ели отлично. Вообще день у нас проходит таким образом, что просто и описывать нечего, все, как всегда, по обыкновению скучно. Ходили на почту, получили от мамы письмо, но не франкованное. Пришлось заплатить 90 с. Федя не мог не заметить мне это, что письмо было не франкованное, я очень удивилась этому и сказала, что обыкновенно письма она франкует; он несколько раз повторил, что ему пришлось заплатить 1 франк, как будто бы это так много значит, что следует мне говорить об этом. Мне это было, право, больно, так я молчала. Письмо пришло в субботу, но вчера взять нельзя было, так что оно пролежало все воскресенье там.

Вторник, 17/5 ⟨сентября⟩

Решительно эти 3 дня только и делает, что идет дождь, да такой сильный, что выйти нельзя. Голова у меня болит невыносимо: а пройтись нет никакой возможности, потому что дождь идет как из ручья, решительно не знаем, как мы пойдем обедать. Хотели было сходить обедать в кофейную Роланда, что напротив нас, где мы раз пообедали, но решили, что это уж слишком гадко, так лучше хотя и по дождю, но идти в отель д'Ор.

Утром Федя немного писал, а я все валялась на постели, так у меня сильно болела голова. В 2 часа пошли обедать, взяв от хозяек зонтик,

---

[12*] *Возможно:* маминым.

который сделался причиной ссоры между нами, именно, так как под одним зонтиком под руку идти было гораздо удобней, то Федя и взял меня под руку и, очень весело распевая, мы пошли через мост. Но тут мне случилось поскользнуться, но так сильно, что я было чуть не упала; вдруг Федя раскричался на меня, зачем я поскользнулась, как будто я это сделала нарочно, я ему отвечала, что зонтик не панцырь, и что он дурак. Так мы дошли до библиотеки, где Федя отдал книги, но потом мне сделалось так досадно, да и было неприятно идти под руку с человеком, который на меня сердит. Я и пошла без зонтика, а он под зонтиком. Потом ему показалось, что какие-то торговки смеялись, видя, что он идет покрытый, а я нет, и он перешел на другую сторону улицы, я решительно не знала, к чему это и отнести; и когда он вздумал пройти нашу гостиницу, то напомнила ему, что у меня денег нет и обедать я одна не могу. Он перешел на мою сторону и, идя по улице, ругался: черт, подлая, злючка, мерзавка и разными другими именами. Мне ругаться не хотелось, я молчала, потом только мы, не разговаривая, отобедали, Федя пошел за книгами, а я домой. Вечером мне не хотелось с ним ссориться, я расхохоталась, заставила его тоже расхохотаться и не сердиться на меня. Потом он лег спать и спал часа два. Когда он проснулся, то попросил папироску и я ему поспешила подать ее, но так как я в папиросах толку не знаю, то и подала такую, какая не курится, он просил положить ее на стол и подать другую. Я так и сделала, но пока я вынимала из портсигара другую папиросу, он мне закричал, чтобы я несла поскорее, тогда я почти бросила к нему на постель и портсигар и спички. Вдруг Федя начал кричать, как, бывало, он кричал у себя дома, ужасно, дико, и начал ругаться: каналья, подлая, стерва и проч. и проч. Я молчала, но потом сказала ему, что не хочу терпеть, чтобы он меня так ругал, что я к этому не привыкла, что если он не мог [до сих пор?] отвыкнуть от брани, то я все-таки не намерена его слушать. Так мы довольно сильно побранились, но потом мне не хотелось браниться, я постаралась примириться с ним, что мне совершенно удалось. Но Федя очень злопамятный нынче стал, он меня долго упрекал и потом очень обидел, сказав, что считал меня 10 из 1000, а я оказалась 100 из 100. Но полно об этом говорить, ведь известно, что никакой муж не считает своей жены и умной, и доброй, и развитой, ведь это так уж известно, что, право, и говорить-то не следует. Вечером он диктовал, а я писала и плакала, так мне было грустно, просто ужас, от одной только мысли, что он, тот человек, которого больше всего на свете люблю, тот-то и не понимает меня, тот-то и находит во мне такие недостатки, которых во мне решительно нет. Потом Федя просил объяснить меня, почему я плачу, но так как говорить было долго, да и что говорить, ведь его не убедишь, то я кое-как отделалась от разговоров. Сегодня я раньше легла на постель, потому что у меня сильно болел живот (я и забыла сказать, что сегодня меня очень рвало, я не знаю почему, это, вероятно, так и следует).

Среда, 18/6 ⟨сентября⟩

Сегодня утром встала опять с больной головой, право, не знаю, когда это у меня кончится. Потом писала несколько времени и в 9 часов разбудила Федю к кофею. Он каждый вечер боится припадка, но вот, слава богу, все проходит благополучно. Потом в 12 часов он отправился заложить наши обручальные кольца, потому что у нас сегодня нечем обедать. Но потом он через час воротился, сказал, что не застал закладчика, да и очень рад этому, потому что получил деньги от Майкова. Майков при-

слал деньги, 125 рублей русскими деньгами, это было пожалуй что и неудобно, потому что ходили[13*] разменять у одного банкира за 100 рублей 330 франков, но Федя пошел по другим банкирам и ему разменяли за 335, так что он получил 418 франков. Вместе он получил письмо от мамы и принес мне, но тут он никак не мог удержаться, чтобы мне опять не заметить, что письмо было не франкованное, что он опять заплатил франк. Как это скверно, право; он, разумеется, нисколько не понимает, что мама для нас делает, сколько она для нас хлопочет, это он решительно не знает, а тут ценит какой-нибудь мелкий франк, считает, что вот, дескать, пришлось мне заплатить за письмо франк. Это низко, право, такая подлая скупость; разумеется, если бы у нас франк был последний, ведь нет же, ведь у нас теперь 420 франков, следовательно, один жалеть нечего. Да, наконец, если бы даже действительно было жалко, то ведь это меня оскорбляет, его замечание, неужели он не мог удержаться, чтобы мне так не заметить. Он ответил, что, может быть, у мамы денег нет, чтобы послать, а послать хочется; мне так досадно. Неужели мне, чтобы избавиться от упреков, придется написать бедной мамочке, чтобы не присылала мне нефранкованных писем, мне написать это будет так тяжело, как один бог только знает.

Федя сел писать, а меня послал за сахаром и чаем, который у нас весь вышел. Я купила полфунта, но не тот, который по 8, а который по 6, и, как теперь оказалось, это решительно одно и то же. Купила себе я и шоколаду, здесь он стоит 30 с. 1/4 фунта, значит 1 франк и 20 с. фунт, но превосходный шоколад, просто объядение, и хотя у меня и довольно сильно высыпает на лице, а перестать есть шоколад, право, мне кажется, невозможно. Купила я сахару и пришла домой. Потом ходили обедать.

Вечером, когда Федя лег немного отдохнуть, я села писать дневник. Он спал часа два с половиной. Наконец, по времени чаю я его разбудила и дав ему папироску, села молоть кофе. Как будто он совершенно проснулся, но когда начал курить, то опять заснул, папироса выпала у него из рук, и если бы я не заметила скоро, то, вероятно бы, произошел пожар. Мне почему-то вздумалось спросить его, я подбежала и отняла папироску. Но было уже поздно, он успел прожечь простыню и небольшую дырочку на их синем тюфяке. Мне было до такой степени смешно это происшествие, но я удержалась смеяться, чтобы его не рассердить. Мы решили, что как-нибудь надо завтра поправить дело, сделать или заплату или как-нибудь, а так чтобы наши старухи не заметили и не рассердились на нас. Потом мы стали писать, и когда пришла старуха поправить постель, я ужасно боялась, как бы она чего не заметила. Федя опять боялся очень, чтобы не случилось припадка, но его, слава богу, не было. Сегодня, когда рассчитали наши деньги, то Федя сказал, откладывая 100 франков в стол: «А вот на эти я отправлюсь в Саксон ле Бен»[37]. У него есть решительно намерение отправиться туда, ведь вот странный человек; кажется, судьба так сильно наказывает, так много раз показала ему, что ему не разбогатеть на рулетке, нет, этот человек неисправим, он все-таки убежден, и я уверена, что всегда убежден, что непременно разбогатеет, непременно выиграет, и тогда может помочь своим подлецам.

Четверг, 19/7 ⟨сентября⟩

Сегодня день превосходный, я постаралась пораньше окончить мое писание, и так как у меня довольно сильно болела голова, то я и решилась куда-нибудь пойти погулять. Федя остался писать, а я отправилась.

[13*] *Может быть:* хотели.

Дал он мне денег 20 франков, чтобы я могла купить себе вуаль, потому что он все меня бранит за неровности кожи. Пошла я сначала на почту, где ничего не получила, оттуда хотела идти в здешний музей, но раздумала и решила прогуляться в Каруж, куда мне давно хотелось съездить. Туда отправляются дилижансы, такие же, как у нас ходят по Невскому, но есть и открытые, я села в один открытый. С одной стороны поместились какие-то продавщицы губок, от которых ужасно несло какими-то, им одним свойственными запахами, а со второй какая-то старуха с зобом (впрочем, надо отдать швейцарцам справедливость, у них, кажется нет ни одной женщины, которая не имела бы зоба, у всех, и не только маленькие, но преогромные, так что, вероятно, мешают им говорить), и на меня ужасно пристально смотрели и рассматривали меня, а я вообще очень не люблю, когда меня рассматривают, как какую-нибудь вещь. Наконец, поехали, но тут лошади ни за что не хотели идти по рельсам, так что дилижанс несколько раз сходил с рельс, я очень боялась, чтобы нас не вывалили. Наконец, мы поехали. Тут берут 10 с. Ехать нужно было по той самой улице, по которой мы в первый раз искали себе квартиру. Начались дачи, а потом через довольно хороший каменный мост въехали в Каруж. Мост этот через реку Arve, серую, мутную речку, которая впадает в Рону. Каруж это маленький провинциальный городок, как-то, как я читала, был построен с целью соперничать с Женевой, но ему это не удалось и он остался небольшим городом, теперь вполне соединенным с Женевой. Здесь довольно много магазинов, но все они пустые, хозяева их преспокойно стоят себе у дверей, ожидая покупателей, которых, я думаю, у них бывает в магазине по одному в неделю. Здесь удивительно как тихо, совершенно как в деревне. Мы проехали несколько улиц, дилижанс остановился, и все перешли в другой, который пошел далее, т. е. к станции этой дороги, а привезший нас дилижанс отправился в Женеву. Я сначала не знала, садиться ли туда или нет. Но мне растолковали и привезли уж в конец города опять к станции. Здесь я вышла и, прочитав на столбе надпись, что тут идет дорога в Bossey, деревушку, где жил Жан Жак, мне вздумалось туда идти. Но по дороге я у нескольких людей спросила, сколько туда времени ходьбы, мне все отвечали, что, по крайней мере, с час, ну, а если говорят час, то это значит два, а так как времени было уже довольно, то я и боялась опоздать к обеду и решилась уже не ходить сегодня туда, а отправиться туда когда-нибудь в другой раз. Я прошла, я думаю, с полверсты по этой дороге, между дач, где было так свежо и прохладно. Право, позавидовала тем людям, которые живут вместо города здесь, в окрестностях, право, здесь так хорошо. Потом я воротилась. На дороге я нашла несколько каштанов на земле, совершенно спелых, мне вздумалось их собрать и отнести в подарок Феде. У меня только и есть подарки, что камни или еловые шишки. Я набрала штуки 4, хотела, придя домой, попросить спечь их и попробовать, потому что мне никогда не случалось их есть. Я пришла опять на станцию и здесь было так хорошо, так пахло деревней, свежестью, вдали была гористая часть, право, здесь очень хорошо. Наконец, пришел дилижанс. В дилижансе больше все ехали здешние аристократы, молодые девушки, все больше дурные собой. Они так мне напомнили [А г а т у], просто ужасно схоже, до поразительности. От станции дилижанса отправилась я по магазинам попытаться купить вуаль, но оказалось, что он стоит 4 1/2 франка, синий, вовсе не такой вуаль, как бы я желала. Так я и отложила намерение купить, потому что не знаю, могу ли я так много истратить. Спросила о цене ⟨не расшифровано⟩, стоит полтора франка, очень хорошая.

Пришла домой. Федя еще продолжал писать. Он говорит, что эта статья ему не даром досталась[38], что она ему так трудна, что писать ему не хочется ее, так что он ужас как теперь мучается.

Пошли обедать, а после обеда я убедила Федю купить себе шляпу. Правда, у него шляпа не слишком чтобы уж такая дурная, но он все толковал, что ему нужна шляпа, а поэтому и я решилась настоять на том, чтобы он приобрел себе новую. Зашли мы в один магазин, и здесь Федя начал примерять разные шляпы, но все они оказались ему узкие. В это время в магазин пришла какая-то дама с коляской, в которой был ребенок 5 месяцев, но такой большой, что можно было подумать, что ему месяцев 9. Ребенок действительно очень хороший, и я им любовалась. Так как мы с Федей поглядывали на эту девочку, то хозяин и принял, что этот ребенок наш, он мне сказал что-то вроде комплимента насчет красоты ребенка, я сначала не поняла, к чему бы было это, но потом после это объяснилось, потому что приняли, что этот ребенок мой. Федя выбрал шляпу черную, не особенно чтобы уж хорошую, но ничего. Она даже к нему не идет, и в ней он очень похож на те пирожки, которые продают, такие славные пирожки, в Гостином дворе. Заплатили за нее 10 франков, но я стала уверять Федю, что шляпа удивительно так хороша и как идет к нему, а он несколько даже кокетливо потом целые 3—4 дня после покупки поглядывал на себя в зеркало. Федя на радостях сказал мне, чтобы мы пошли купить вуаль, мы отправились и зашли в один очень хороший магазин, здесь продают большею частью женщины, но, правду надо им отдать, они только придают ужасную суматоху, вместо того, чтобы быть поспешными. Чтобы купить вуаль, меня провели через весь магазин, коридор, в другой магазин, где мне и примерили газ для вуали на 2 франка 50 с. Я была рада, что не 4 1/2 франка, потому что вуаль так скоро испортится, а деньги пропали. Потом привели опять в магазин, и девица, продавшая мне газ, отдала деньги хозяину магазина, который сидел за конторкой и сейчас записал полученные деньги и отпущенный товар, через это пришлось довольно долго ждать. Потом мне надели было какую-то ленточку для вуали, мне пришлось идти в другой угол, так что даже просто надоело ходить из одного угла в другой, а главное, все-то суетятся, и никто дела не делает. Мне так надоело ходить по магазину, что я не решилась купить здесь шелк, а думала его купить где-нибудь в другом месте. Как после оказалось, эта суматоха имеет и то неудобство для хозяина, что он не заметил, как мне ⟨не расшифровано⟩ лишний франк, да я и сама этого не заметила, а уже узнала это после. Вышли мы из магазина, но тут Федя предложил мне купить галстучек, мы опять воротились, но по вкусу не нашли, все было довольно гадко, без вкуса, и единственный сколько-нибудь годящийся оказался в 6 франков, а это нам не по карману. Они ужасно захлопотали со своими галстуками, и она мне сказала, что она спросит через говорильную трубку в верхнем этаже, нет ли там галстука. Она что-то сказала через трубку, другая девушка тоже говорила свое поручение и туда спускался ящик, в котором находилась вещь, которую требовала девушка. Это довольно удобно. Так мы галстук не купили и отправились домой. Я же сказала Феде, что пойду и куплю себе галстук за 1 1/2 франка совершенно по моему вкусу.

Он пошел читать, а я зашла за бумагой (по 15 с. за 6 листов) и здесь спросила, что стоят разные коробочки с живописью, самая маленькая стоит 2 франка, игольник тоже, набор ложек для салата стоит 10 франков и т. д. Тоже я заходила спросить, что стоит 1 веер из коричневого

дерева, резной, с изображением различных [костюмов] Швейцарии на каждом листочке веера. Коричневый стоит 30 франков, и, судя по работе, это право недорого, а белый — 22. Жаль, что у меня денег нет, а то бы я непременно купила себе такой веер. Потом зашла я за галстуком и купила себе синий, очень хорошего цвета, за полтора франка. Так что даже и Федя остался им доволен, да это гораздо и лучше, потому что галстучки так скоро мараются, а все-таки полтора франка вовсе не так жаль, как если бы пришлось заплатить 6 франков.

Вечером мы опять ходили гулять несколько времени очень дружно. Я забыла сказать, что по дороге я набрала несколько каштанов, которые отнесла домой и вечером предложила нашим старухам их испечь, чтобы попробовать, что это такое. Старухи ужасно как расхохотались и объявили мне, что это дикие каштаны, что настоящие каштаны будут готовы только через месяц, а этими только кормят свиней и убедительно просили меня не есть их. Я тоже расхохоталась над своим незнанием и, смеясь, рассказала это Феде. Я и забыла сказать, что мы отлично сплутовали насчет простыни. Если бы мы сказали нашим старухам, то они, вероятно бы, рассердились, а я сделала так: так как на простыне было несколько дырочек, то я эту прожженную дырочку вырезала побольше, сделала вроде обыкновенно как бывает от вырванного и таким образом беда была поправлена. Вечером мы диктовали, и я вечером немного переписывала.

Пятница, 20/8 ⟨сентября⟩

Сегодня утром несколько времени переписывала, а потом, чтобы несколько успокоить голову, отправилась погулять; сначала пошла на железную дорогу, но ничего там не узнала, да и ждать тоже особенно не хотелось. Отсюда почти в двух шагах находится церковь Notre Dame de Genève. Когда я проходила мимо, заметила, что дверь была отворена, я вошла; в церкви были только 2 женщины: одна какая-то в черном платье стояла на коленях перед старой картиной и усердно молилась, вероятно, обедня была закончена, потому что все время играл орган. Я стояла там минут 15, все слушала музыку органа. Церковь довольно большая, светлая, серого мрамора колоннами и с цветными стеклами, алтарь мраморный, белый, резной, внизу сделано вроде гробницы, где лежит распятый Христос, на престоле 6 серебряных канделябров. Мне чрезвычайно как понравилась музыка органа, право, я бы готова была сидеть целый день и слушать эту музыку. В церкви везде стоят стулья и почти на каждом стуле находится надпись владельца; стулья эти имеют откладные сиденья, так что можно и сидеть и стоять на коленях. Наконец, я вышла и отправилась на почту. Сегодня ничего нет опять, и мне вздумалось идти на кладбище, оно находится на Pl⟨ain⟩p⟨alais⟩. В середине его находится отличный костел, церковь Сен-Жорж. Мне здешнее кладбище понравилось и, право, если бы уж умереть за границей, то я бы желала быть похороненной здесь, на этом кладбище, чем где-нибудь в другом. Здесь мне казалось до крайней степени спокойно, просто чудно, посидела я несколько времени на скамейке, потом ходила, рассматривала памятники. Хороших здесь нет, все простые, но большей частью убрано плющом и цветами. Проходила я там с полчаса, потом воротилась домой; Федя еще продолжал писать, но потом мы отправились обедать, зашли в библиотеку, взяли книги. Теперь я читаю роман Диккенса «La petite Dorrit», самый превосходный роман, который я только знаю. Федя тоже читает это самое. Вечером ходили опять на железную дорогу

узнавать, что стоит туда в Саксон, узнали, что езда туда 6 часов, а стоит во 2-м классе 10 франков. Следовательно, нужно взять непременно с собой, по крайней мере, 140 франков. Нам это рассказал один очень услужливый кондуктор, который даже для этого влез на стену, чтобы рассмотреть хорошенько, когда именно идет поезд. Отсюда мы пошли за фруктами к нашей неизменной старушке, с которой Федя постоянно ссорится. У нее купили фрукты и яблоки. Здесь фунт яблок стоит 20 с., а на фунт идет 4 яблока, и я так много наелась, что после почти была больна. Дорогой мы разговаривали с Федей о возможности или невозможности ехать ему туда, и когда я, не желая его обидеть, сказала, что это возможно, то он ужасно как обрадовался и начал шутить, но как-то уж слишком развязно, например уверял, что вот это такой же вид, какой обыкновенно рисуют на подносах, т. е. это он повторил то именно, что мы как-то решили 〈не расшифровано〉 на днях. Потом толковал про какой-то герб, вообще был очень развязен.

Потом мы воротились домой. Федя несколько диктовал, я писала. Я нынче взяла привычку каждый вечер ложиться очень рано спать, часов в 9, спать до 2, когда Федя меня разбудит, чтобы проститься, от 2-х никак не могу уж заснуть, и потом не сплю часов до 4, если не более. Это очень дурная привычка, но я так привыкла, что просто не знаю, что мне и делать, никак не могу отстать. Сегодня, когда Федя пришел проститься, я продолжала еще бредить, и сказала ему: «Une gant qui valait» [14*], потом он несколько раз повторил эту фразу, очевидно ужасно удивившись, что я ему на какой-то вопрос отвечала этим выражением. Оказывается, что я только что видела его во сне и видела, что он мне изменил; тут gant qui valait было решительно в связи; но вот когда я проснулась, то, начав с ним разговаривать, я решилась его в чем-то упрекнуть и потому и сказала эту фразу. Потом мы с ним много смеялись, и я окончательно проснулась.

Суббота, 21/9 〈сентября〉

Сегодня утром мне Федя сказал, что он сегодня проснулся от того, что у него сохло [горло?], вероятно, это перемена погоды произвела эту сушь, Федя говорит, что такого давно не случалось. Утром я переписала то, что он мне диктовал, потом ходили на почту, но ничего не получили, вероятно, получим завтра. За обедом прочитали, что в Петербурге собирается комиссия, которая будет [рассуждать] о том, чтобы не сажать должников за долги в отделение [39]. Право, как бы это было хорошо, если бы это вошло в употребление. Я была бы так рада за маму, по крайней мере, она могла бы не трепетать, что вот-вот ее посадит какой-нибудь подлец в долговое отделение. Надо ей будет написать об этом, порадовать ее. После обеда Федя пошел читать, а я воротилась домой, здесь меня ожидала прачка, и мне было так досадно, что у меня не было денег ей отдать. Как мне не [конфузиться] этой женщины, она слишком учтива с нами, даже отвернулась, уходя, так что даже досадно, право, все кажется, что в душе-то она нас вполне презирает. Так что мне было довольно неприятно, что пришлось не заплатить ей.

Вечером мы пошли гулять и ходили по Ботаническому саду, который находится у Palais El〈ectoral〉. Прошлись взад и вперед по саду, и по дороге Федя мне рассказал о том, что прочитал сегодня в газетах, именно про жизнь одного крестьянина Архангельской

[14*] Перчатка, которая дорого обошлась (*фр.*).

губернии[40], который много странствовал, много видел и, попав в Россию, был наказан плетьми за то, что он будто бы бежал из России, между тем как он сам пожелал воротиться домой, несмотря на очень выгодные условия, которые ему предлагали, чтобы остаться на мысе Доброй Надежды. Вот это и всегда так. Гуляли мы очень дружно и мне было приятно: днем сад этот не хорош, но вечером довольно темный и прохладный. Дорогой Федя мне говорил, что я стыжусь, вероятно, его, а потому никогда с ним не хожу под руку. Я уверила его, что это решительно несправедливо, потому что если я так и не делала, то только потому, что боялась, что надоем ему, что, по моему мнению, мне кажется, что для мужа ничего нет скучнее, как гулять с своей женой под руку. Он было с этим не согласился и я, чтобы не рассердить его, предложила ему вести меня. Вот уже 2 или 3 дня, как Федя постоянно мне толкует, что я очень дурно одета, что я одета как кухарка, что на кого на улице ни поглядишь, все одеты, туалеты, только одна я одета, как бог знает кто. Право, мне это было так больно слушать, тем более, что я и сама вполне хорошо понимаю, что я одеваюсь уж из рук вон плохо. Но что мне делать, разве я могу что-нибудь сделать: ведь если бы он мне давал хотя бы 20 франков в месяц для одежды, то и тогда бы я была хорошо одета, но ведь с самого нашего приезда за границу он мне не сделал еще ни одного платья, так как же тут еще можно упрекать меня за то, что я дурно одеваюсь. Мне кажется, надо бы было это ценить, что я еще не требую себе наряды, а вовсе не браниться, потому что тут уж я положительно не виновата.

Воскресенье, 22/10 ⟨сентября⟩

Утро сегодня прекрасное, мне сидеть дома не хотелось, я часу во 2-м отправилась куда-нибудь побродить. Сегодня на улице решительно нет народу, все ушли или в горы или по окрестностям, так что редко-редко когда кто-нибудь попадается. На почте мне подали мамино письмо, и я так была рада, что со мной не было Феди. Он бы был опять недоволен, что письмо не было франковано. Мама между прочим говорила, что она встретила В⟨еревкина⟩[41], что он спросил, когда я приеду и нет ли чего нового. Когда я узнала об этом, то много думала об этом человеке. Право, может быть, он меня и до сих пор любит, может быть, он надеялся, что когда-нибудь будет и на его улице праздник. Я вспомнила о различных встречах с ним, о разных разговорах со мной и нашла, что он сделался гораздо разговорчивей с тех пор, как узнал, что я выхожу за другого замуж. Странное дело: точно он от чего-нибудь освободился, сделался гораздо свободней; он стал со мной гораздо ⟨не расшифровано⟩ и любезней, даже умней; дай бог этому человеку хорошую жену, я ему от души того желаю.

С почты я отправилась погулять по городу и зашла на *плас Нова* наверху. Здесь я вышла на террасу, которая выходит над дорогой и много ходила по разным улицам. Между прочим я вышла к собору *Святого Петра,* здесь Cathedrale, очень старинный собор, окруженный высокими домами. Здесь я нашла очень много разных улиц и переулков, которых прежде не знала, должна была сходить по лестницам и по очень крутым улицам. Мне здесь никогда еще не приходилось бывать. Я довольно долго здесь бродила, но когда вышла к часам, то увидела, что не было еще и 2-х часов. Воротиться домой, вероятно, потому не хотелось, что

Федя занимается и я боялась ему помешать, хотя он мне всегда говорит, что я ему никогда не мешаю. Я пошла по берегу по Английскому саду и, наконец, дошла до каменного моста, который служил украшением. Я часто проходила мимо, но на самом мосту мне никогда не случалось быть. Я и вздумала пройти. Он довольно широкий, так что двое могут идти рядом, но без перил, и я одну минуту боялась, чтобы как-нибудь не упасть в воду. Я дошла до конца моста, где находится маяк, и подождала, пока мимо прошли 2 парохода, на парусах, по обыкновению вода сильно колебалась, так что лодки, которые тут ехали, почти совершенно уходили в воду. Я несколько времени стояла на мосту и глядела на озеро, которое было очень хорошее, потом отправилась домой. В конце моста стоял мальчик лет 4-х, не больше, и держал белую нитку, может быть удил рыбу. Этот мальчик был такой крохотка, и он так серьезно занимался ужением, что я и посмеялась, и побоялась за него. Тут никого не было и он очень легко мог от одного неосторожного шага попасть в воду, и хотя тут было вовсе не глубоко, но без помощи он, конечно, мог бы утонуть.

Пришла я домой часа в 3, показала Феде присланную маме корреспонденцию с Майковым, какие они, право, подлые, эти люди, нужно оскорбить такого прекрасного, превосходного человека[42]. Потом мы отправились обедать, и когда шли, то дорогой Федя считал, сколько нам нужно денег, чтобы несколько получше жить. Оказалось, что если бы мы вздумали теперь проехать во Флоренцию и прожить там месяц, а оттуда проехать в Париж и там прожить 2, еще нужно на 1 [сотню] франков сделать одежду, тысячу франков послать домой родным и 400 франков разделить между должниками, т. е. ни больше ни меньше нам нужно иметь, по крайней мере, 10 тысяч франков, да и то это решительно пустяки, и мы бы все-таки не стали хорошо жить. Федя рассудил, что тогда бы (имея тоже 10 тысяч франков и послав сотню родным) могли бы мы сделать мне 2 платья: одно расхожее, а другое получше. Меня и насмешило, и оскорбило, право, такое предположение. Положим, что этих 10 тысяч у нас нет, что их у нас и не будет, что даже при простом предположении богатства, уж так ⟨не расшифровано⟩ так себя обольщать, право, даже слушать досадно. Как будто бы я для него решительно не так дорога, как эти подлые твари.

Пообедали, Федя сходил почитать, а я сидела дома. Потом вечером, эдак часу в 7-м, мы отправились погулять. Но куда? Все-таки так скучно, ходить решительно некуда, мы и пошли наудачу по дороге в Chêne[43]. Там сегодня какой-то праздник, раздача наград, бал и пр. и пр. Мы прошли, я думаю, с полверсты и вышли уж решительно за город, где начинались дачи, шли довольно долго, но, наконец, стало вечереть и мы воротились домой. По улицам, право, идти было довольно скучно. На пути мы зашли в один парк по виду, но он оказался небольшим садом, а в нем кто-то живет, так что мы, чтобы не разговаривать, ушли из сада. Пришли домой усталые и недовольные. Федя всю дорогу мне рассказывал о Венеции и Флоренции, и мне ужасно было больно и досадно, что я, должно быть, так ничего не увижу. Господи. Как бы я желала что-нибудь увидеть побольше, чем я до сих пор видела. Вечером, когда мы стали ложиться спать, я стала молиться, молилась, не думаю, чтобы уж слишком долго. Но Феде это не понравилось,— впрочем, его нынче все раздражает,— и он мне это заметил. Я тотчас встала и, не желая с ним ссориться, простилась поскорее и легла спать. Но я не могла удержаться, чтобы не возмутиться. Федя сейчас заметил, что он меня обидел: он

встал и пришел проститься со мной. Потом еще раза два подходил ко мне и просил, чтобы я его простила, что он очень грубый, что ему вовсе не следовало бы мне так замечать и пр., и пр., так что мы решительно помирились. Сегодня мы не диктовали, потому что у Феди не было ничего готово.

Понедельник, 23/11 ⟨сентября⟩

Сегодня утром мне было ужасно грустно: со мной это нынче очень часто бывает, мне кажется, что причина этому мне понятна, он заставляет меня сильно все принимать к сердцу. Мне сегодня припомнились его постоянные замечания о том, что у меня дурное платье; подумал он, кто из нас тут виноват, ведь, уж, конечно, не я. Я с самого утра принялась чистить свое платье, потом попросила у наших хозяек дать мне утюги, чтобы отгладить его. Они были так любезны, что мне тотчас дали, и я выгладила свое платье, но все-таки оно вовсе не имело нового вида, это правда, да и какой может быть вид, ведь я его уж так давно ношу, что, право, и пора ему состариться. Как я уж сказала, мне было очень грустно. Федя меня несколько раз спрашивал, что это со мной. Я отвечала, что у меня голова болит и просила его не приставать и не замечать, что я грустна. Так день прошел у нас грустно. Грустно сходили мы обедать, но я старалась понемногу развеселиться, и это к вечеру мне удалось. Но потом Федя рассердился на меня. Ему представилось, что я разыгрываю роль, что мне вовсе не грустно, а что я только желаю к нему показать презрение. Поэтому он, как мне потом сказал, целый день мучился, раздражался и страдал. Странный, право человек! Ведь я же уверяла его, что я нисколько и не думаю сердиться, что это он решительно напротив говорит.

Вечером мы пошли на почту, потом купили фрукты и пошли немного прогуляться. Я шла с ним под руку, чтобы он не мог опять мне сказать, что я его стыжусь. Пошли мы по дороге в Каруж, но потом повернули мимо укреплений[44], которые теперь аннулированы и воротились назад к Ботаническому саду. Мы подошли к театру и тут Федя сказал, что нам нужно будет когда-нибудь туда сходить, потому что, вероятно, билеты здесь очень дешевы, а мы здесь решительно без всякого удовольствия. Смотрели на афиши, что такое дают завтра, но билетов, разумеется, не взяли. Я вполне убеждена, что во все пребывание наше в Женеве нам ни одного разу не придется здесь быть. Ведь мы все так, на все собираемся, все хотим видеть, и все это оканчивается пустяками. Вечером мы опять немного поссорились, потому что как я ни старалась с Федей разговаривать, он все-таки утверждал, что я злая, что я нарочно его мучила и пр. и пр. Так мы и расстались довольно холодно.

Вторник, 24/12 ⟨сентября⟩

Так как я легла вчера довольно рано, то несколько раз в ночь [п р о с ы п а л а с ь] и нисколько и не спала. Так без 25 минут 5 часов я проснулась и еще не совсем могла прийти хорошенько в себя, как вдруг услышала, что с Федей припадок. (Право, бог, вероятно, услышал мои молитвы о том, чтобы Сонечка или Миша могли родиться здоровыми; потому что я несколько раз уже замечала, что я или не спала, или только что проснулась, или не испугаюсь, когда с ним бывает припадок, так что и ребенку моему через это ничего не будет дурного.) Я тотчас вскочила, зажгла свечу и села к нему на постель. Припадок, по моему мнению, был не слишком сильный, потому что Федя даже не очень кричал, и довольно

скоро пришел в себя, но потом у него лицо было до такой степени в эти мгновенья страшное, что я просто его испугалась (или я, может быть, сделалась такая, что на меня нападает страх). Право, мне до сих пор ни разу не случалось пугаться его, когда с ним это сделается, но сегодня до крайней степени страшное, такое страдающее лицо, что я побоялась за него. К тому же вдруг у него похолодело совершенно лицо и, главное, нос. Мне вдруг представилось, что он умрет. Как мне это было больно и как я молилась, чтобы припадок поскорее кончился! Федя довольно скоро очнулся и узнал меня. Он назвал мое имя, но я не расслышала, и чтобы знать, может ли он назвать имя мое, спросила, как меня зовут, и он, еще хорошенько не придя в себя, сказал мне, что меня зовут Анна. Потом он как будто бы пришел в себя ⟨...⟩. Он все говорил, что боится так страшно умереть и просил, чтобы я посматривала за ним, я уверена, что с ним ничего не будет, да к тому же я не буду и спать, буду все слушать, если с ним что-нибудь случится. Он называл меня множеством хороших имен, называл ангелом своим, что он меня очень любит и благодарит, что я за ним хожу и сказал: «Да благословит тебя бог за это». Я была очень тронута его словами. Мне казалось, что он меня действительно любит. Потом он лег спать. Я дала ему заснуть до половины 10-го, потому что он очень мало спал ночью.

Мне ужасно как хотелось есть, но я так и прождала от 6 до 10 часов, когда нам хозяйка принесла кофею. Наша соседка (довольная немка с очень веселеньким звонким голоском) слышала, что с Федей был припадок и рассказала старухе. Наша младшая старуха Луиза, придя в комнату за чашками, даже старалась не глядеть на Федю, вероятно, его боялась. Но вот что я нынче замечаю: что Федя утром после припадка всегда бывает в хорошем расположении духа, т. е., смеется, хотя зато потом ему бывает грустно. У него этот раз болит очень плечо, вероятно не очень ловко лежал. Да, вот еще, у него больше чем неделю болит левое плечо, но он говорит, что болит так сильно, что ужас, и он не перестает жаловаться. Сегодня как назло страшно скверная погода, идет дождь, довольно холодно. Мы просто не знали, как нам выйти обедать, такой сильный был дождь. Я утром написала все, что было продиктовано вечером, а Федя сел поправить, хотя голова у него положительно несвежая сегодня, и заниматься вовсе не следует.

На завтра наш срок, но мы хотим отдать сегодня деньги. Я спросила старшую старуху, сколько ей следует. Она отвечала, что ей нужно за услуги 5 франков. По моему мнению, это довольно дорого, но что же делать. Потом она намекнула, что следует также дать ее сестре за услуги. Когда она принесла потом нам в комнату сдачи с 40 франков, то Федя, начав с нею говорить, сказал, что мы тогда додадим ее сестре, когда станем уезжать, потому что денег теперь у нас довольно мало, и старуха отвечала, что это пусть так и будет. Потом она много рассказывала нам о своей службе у графини Montrose ⟨не расшифровано⟩. Она много толковала с нами. Уверяла, что это время очень хорошее, т. е. полезное, потому что освежает воздух. Когда мы, наконец, решились идти обедать, то нам они дали зонтик и мы, хотя и вымочились, но все-таки кое-как дошли до гостиницы (Федя меня вздумал уверять, что он думает, что главным образом его болезнь произошла от того, что вчера он целый день мучился и страдал, думая, что я на него сержусь). Потом Федя ходил читать, а я одна воротилась домой и читала что-то.

Сегодня я начала письмо к Маше; право, мне совестно перед нею, она была так добра, что написала несколько советов, и просила отвечать,

а я вот целых две недели не отвечаю, и вот сегодня я и принялась писать, но, однако, не кончила, кончу завтра и непременно завтра пошлю. После обеда Федя лег спать, я очень было хотела этим заняться, но потом мне вздумалось, несмотря на дождь, идти на почту, хотя я и не рассчитывала от кого-нибудь получить письмо. Я отправилась и действительно получила от Вани. Правда, особенно интересного он мне ничего не писал, так что, право, могла бы я обойтись и без его письма, но все-таки была рада этому. Потом купила себе яблок, да так ими наелась, что потом чувствовала себя не слишком хорошо. Дождик немного перестал, но все-таки была ужасно гадкая погода, совершенно петербургская осенняя погода, но, право, все-таки в Петербурге было как-то лучше. Вечером сегодня опять раздался звон колокола в церквах, а потом повторился звон и пожарных. Потом и в нашей улице раздались рожки. Оказалось, что где-то случился опять пожар. Право, здесь в очень короткое время случилось два пожара, а, может быть, и больше. Сейчас из нашего дома побежало несколько пожарных в своих медных касках. Они сами не знали, куда бежать, один хотел туда, другой — в другое место, а, между тем, ветер все становился сильнее и сильнее. Право, ужасно грустная погода, как-то даже тяжело действует на душу. Я уж как-то сказала, что я здесь очень рано ложусь спать, так что это даже сердит Федю. Вправду, это очень досадно, я думаю, видеть, как человек заваливается спать с 9 часов вечера. Зато я обыкновенно часто просыпаюсь ночью и несколько времени, иногда даже очень долго, не сплю.

Среда, 25/13 ⟨сентября⟩

Сегодня я проснулась часов в 9, оглянулась на Федю, и вдруг мне показалось, что он слишком уж бледен и слишком неподвижен. Я тотчас сошла с постели, подошла к нему и, чтобы удостовериться, взяла его за нос, который оказался холодным. Это меня несколько испугало, но он тотчас открыл глаза и этим меня убедил, что жив. Он был очень удивлен, когда увидел, что я его взяла за нос, и спросил, что мне такое нужно. Потом немного поспал и встал, чтобы пить кофе. Но сегодня только два дня после припадка, следовательно, он в дурном расположении духа. Когда он сидел за кофеем, то сказал: «Как я прежде пил». Мне показалось, что это он сказал с тоном сожаления; я спросила его: «Что же, разве кофе не хорош?», и спросила это совершенно обыкновенным тоном. Ему показалось, что я на него закричала, вот он и сам раскричался на меня, сказал, что я постоянно ссорюсь с ним (а, между тем, кто постоянно-то начинает ссоры, как не он). Я просила его не кричать, он назло мне закричал так громко, как обыкновенно дома кричал на Федосью. Меня это ужасно как обидело, я пила кофе и плакала. Феде, видно, было жалко меня, и он начал оправдываться, говорил, что не он закричал, что у него и в голове не было ссориться, а что я все тут одна виновата. Я просила его со мной теперь не говорить, пока я не успокоюсь. Я читала книгу, вдруг Федя спросил меня: «Что же ты не ешь масло?» Вопрос этот был сделан для того, чтобы как-нибудь примириться, чтобы с чего-нибудь начать примирение. Я, разумеется, вовсе не стала представляться, что сержусь, и когда он меня привлек к себе и сказал, что ему так бывает тяжело после сильной ссоры со мной, то я подошла к нему, и мы помирились. Я очень рада, что у него такое доброе сердце, он хотя и посердится, но сейчас сознается и постарается примириться. Я заметила, что в последнее время он как будто стал на этот счет лучше, т. е. он прежде непременно дожидался, когда я подойду попросить прощения,

а теперь он это и сам сделает. Право, какая бы тут была жизнь, если бы мы постоянно только и делали, что сердились и дожидались, кто из нас первый подойдет примириться и толковали бы, что я ни за что не подойду первый, пусть она это сделает, а я уж только снизойду примириться. Право, это так уж по детски, даже, мне кажется, только портит жизнь, ничего больше.

Сегодня я дописала письмо, которое хочу послать Маше, и снесла его на почту, но там никакого письма не получила, а я так надеялась, потому что мама обыкновенно присылает письма в субботу и в среду. На почту я едва дошла, до такой степени был сильный ветер. Они называют это la bise, т. е. северный ветер. Никогда в жизни не видела я такого сильного, холодного и порывистого ветра; право, если уж надо сравнивать, то можно только сравнить разве с той страшной бурей, которая была 2 года тому назад в Петербурге, когда у нас снесло крышу, вот именно такой-то ветер был и сегодня. Старуха, утешая нас, говорит, что это очень здоровый ветер, что это очень полезно, сказала, что, вероятно, этот ветер утихнет дня через 3. Благодарю покорно, жди 3 дня, а тут нельзя выйти на улицу, до такой степени холодно. Река Сава из прекрасного синего цвета обратилась в какую-то серую мутного цвета, с огромными волнами, деревья на островке Жан-Жака так и качаются, грустно, страшно, да к тому же у нас в комнате страх как холодно, так что я сидела в пальто. Я решительно не знаю, что мы тут будем делать зимой, если уж и теперь так страшно холодно, просто хоть умри.

Пошли обедать, на дороге все время хохотали, Федя вел меня под руку, потому что одной идти было решительно невозможно. Там так сильно сдувало ветром, что я решила, что в эту минуту к нам более, чем когда-нибудь, подходят стихи:

Вихрем бедствия гонимы
Без кормила и весла[45].

Право, эти стихи сочинены точно для нас. Уж именно без кормила, подразумевая под словом *кормило* деньги. Денег немного, надежды нет откуда-нибудь получить. Сходили обедать, а потом пошли в библиотеку выбирать книги. Здесь Федя выбирал ужасно как долго, точно какая разборчивая невеста: то нос широк, то ноги тонки, т. е. или небольшого формата книга, или слишком велика, или мелкая печать, просто перебрал несколько книг, так что меня просто вывел из терпения. Терпеть я не могу хозяйку нашей библиотеки, m-lle Odier. Это девица лет 36, если не больше, очень плотная, толстая, но, как мне кажется, очень злая. Она всегда ужасно притворно улыбается и насмешливо на меня и на Федю поглядывает. Федя даже уверен, что она терпеть его не может, да это очень может быть, потому что он так разборчив и постоянно с нею бранится, т. е. всегда упрекает ее, что у нее ни спросит, ничего нет. Потому я терпеть не могу сидеть в библиотеке в это время, когда Федя выбирает книги, потому что она тогда с таким вниманием рассматривает мой костюм, а он, как известно, у меня уж в таком скверном виде, что, право, совестно и глядеть.

Потом Федя пошел читать, а я отправилась покупать кофе. Но ветер был до такой степени сильный, а уж у меня силы стало мало, но только меня постоянно сносило, волосы растрепало, шляпу хотело сорвать, так что я едва-едва дошла до лавки, где мы обыкновенно берем кофе, а потом оттуда едва могла дойти домой, всю дорогу страшно ругалась. Затем пришел и Федя, и так как я купила кофе, то он начал молоть его.

Это сделалось нынче его обязанностью: он постоянно мелет, ему это даже очень приятно. Мне бывает всегда смешно на него смотреть, когда он с самым серьезным видом мелет кофе, точно какое важное дело делает. Весь день он был удивительно как весел, все хохотал, и меня смешил, особенно хохотали мы, когда он пришел со мной прощаться вечером. Он объявил мне, что он ни за что не допустит, чтобы я его *водила за нос,* как это было утром, а непременно хочет остаться *с носом* и т. п. глупости, но хохотали мы как безумные. Я была так этому рада, потому что думала, что после припадка у него будет страшно скверное, по обыкновению, расположение духа. Но на этот раз, слава богу, все обошлось благополучно.

Четверг, 26/14 ⟨сентября⟩

Сегодня ветер продолжается, хотя с несколько меньшей силой, но все-таки до такой степени несносный, что едва можно ходить. Старуха уверяет, что он окончится завтра, это просто ужас, просто нельзя жить в этой стране, так холодно и такой страшный ветер, что двинуться из комнаты нельзя. Пошли обедать, а после обеда ходили за разными покупками, так, между прочим, Федя мне купил шоколаду 2 плитки, т. е. полфунта, 1/4 фунта, одну, которая стоит 2 франка, и 1/4 фунта в 35 с. Взял он сегодня читать «Corricolo» Александра Дюма и уже когда читал, то ужасно как хохотал, т. е., я, кажется, еще ни разу не видела, чтобы он мог так сильно хохотать. После каждого хохота он обыкновенно рассказывал мне, что именно тут было смешного, и даже несколько раз читал мне. Вообще я начала замечать, что Федя нынче очень часто рассказывает мне, что такое он прочитал в книге, или в газетах, особенно в газетах, потому что я не читала сама, ну так он мне почти всегда и рассказывает, что такое он там вычитал. Меня это ужасно как радует. После обеда я ходила опять на почту, но ничего не нашла; право, была такая досада, что ужас. [Теперь?] меня очень мучает одна вещь: мама просит дать ей доверенность на перезалог двух займовых билетов, но не написала № квитанции, а срок билетам будет 20 сентября. Так что, так как я не послала доверенность, то очень может быть, что билеты эти пропадут. Право, это меня до такой степени мучает, что я решительно не знаю, что мне и делать. Постоянно[15*] мысль об этом, только и дело, приходит ко мне, а помочь решительно никак не могу, потому что, как я сегодня узнала на почте, консула здесь русского нет, и следует послать доверенность для засвидетельствования в Берлин.

Сегодня Федя занимался пересмотром своей статьи и очень много что вычеркнул или переменил, так что после обеда он предложил мне переписать по крайней мере 20 страниц. Просил, чтобы это было готово к завтра, потому что он думает завтра послать статью в Москву. Уж, право, давно пора это сделать. Ведь деньги были взяты в январе, а теперь уж сентябрь месяц, может быть, этот человек не может без этой статьи издать свой сборник, может быть, он терпит убытки, так что мне, право, ужасно как перед ним совестно. Я переписала несколько страниц, но остальное оставила до завтра, а сама весь вечер читала «Corricolo». Вообще Федя нынче со мною очень нежен и добр, у нас всегда так мирно; иногда мы ругаемся, особенно я называю его дураком, но сейчас расхохочусь, так что и он, понимая, что я его не желаю обидеть, тоже

[15*] *Исправлено из* просто.

рассмеется, и в ответ тоже как-нибудь обругает. У Феди страшно болит левая рука, так что он решительно не знает, что с нею и делать. Сегодня 5 месяцев, как мы уехали из России.

Пятница, 27/15 ⟨сентября⟩

Погода несколько переменилась и хотя совершенно не тепло, но все-таки не такая дурная, как вчера. Сегодня утром я опять пошла на почту, но, по обыкновению, ничего не получила. Отсюда я решилась идти и добиться от кого-нибудь насчет доверенности, которая меня мучает ужасно. Пошла я мимо Palais Epis⟨copal⟩[16*] и нашла какой-то Hôtel de Ville[17*]. Здесь я спросила у одного жандарма в наполеоновской шляпе, нет ли консула русского здесь, он сходил куда-то узнать, но потом предложил мне пойти в Chancellerie[18*] и узнать, говоря, что, вероятно, там мне могут рассказать. Я пошла в Hôtel, это очень старинное здание, с различными крутыми лестницами. Сначала я блуждала, но потом кое-как нашла Ch⟨ancellerie⟩. Зашла туда и нашла какого-то пьяного человека, который меня проводил к другому. Другой, по счастью, не был пьян. Он мне сказал, что доверенность должна быть, во-первых, засвидетельствована им, непременно им, а потом она пойдет на засвидетельствование в консульство в Берлин, что одна их подпись для русского консульства не будет действительна, потому что оно их не знает и, следовательно, подпись консула необходима. Он мне предложил, если я сама не желаю послать в Берлин, то принести бумагу к нему, и он это сделает не больше как в 3 дня. Вообще он был очень любезен; если мне уж непременно придется послать доверенность, то я непременно обращусь к нему. Поговорив с ним, я вышла из Hôt⟨el⟩ и пошла по какой-то улице, по которой еще никогда не ходила, улица прекрасная, с хорошими магазинами, но не слишком широкая. Заходила я сегодня в один магазин кружев, здесь в окне я видела кружева черные, очень широкие, мне кажется, что шириной по крайней мере в поларшина. Я зашла и спросила, что они стоят. Хозяйка сказала, что они стоят по 28 франков за метр. Потом она мне сказала, что готова уступить их за 25 франков. Я спросила, сколько их всех. Она ответила, их $5^1/_2$ метров, т. е. 8 наших аршин, что она согласна мне уступить за каждый метр по 20 франков, если я возьму их все. Мне так жаль, что у меня нет денег, может быть, она бы отдала мне их и еще дешевле, а, между тем, кружева, видно, довольно дорого стоят, так что они бы пришлись, я думаю, по $3^1/_2$ аршин, а такие кружева вряд ли купишь по 1 рублю в Петербурге. Я сказала, что приду за кружевами. Потом заходила еще в один магазин, где висело серое, довольно светлое платье, как нынче носят. Я хотела спросить только цену, но она заставила меня примерить, и хотя на мне было в это время мое синее простое платье, но оно наделось сверху, и так удобно, что совершенно закрыло синее. Стоит оно 38 франков, но если бы поторговаться, то, вероятно, отдали бы дешевле, это наверное. Но у меня ведь денег этих нет, чтобы купить, так что я очень досадовала, что не имею такой возможности, чтобы приобрести себе платье, мое синее совершенно вышло из моды. Носят такие только одни кухарки, а вот и я принуждена за неимением денег носить такую же дрянь.

Когда я воротилась домой, то стала переписывать то, что меня Федя просил переписать вчера, но оказалось, что надо было даже переписать

[16*] Епископский дворец (*фр.*).
[17*] Ратуша (*фр.*).
[18*] Канцелярия (*фр.*).

и больше. Федя ужасно спешил, уверяя, что вот из-за меня не придется послать, что мы так давно не посылаем и решительно свалил беду на меня, как будто бы я была виновата в том, что он больше, чем полгода, не мог написать статью, а тут один день для него стал такой важный, что непременно нужно было окончить сегодня. Я ужасно как торопилась и дописала, но зато мы пошли часом позже обедать, и нам подали кушанья почти совершенно холодные. Отсюда мы пошли за конвертами, заходили в несколько магазинов, но такой величины конвертов достать не могли; наконец, после долгих исканий, нашли в каком-то магазине желаемой величины конверты, но зато такие тонкие, что пришлось положить в 2 конверта, адресованные на имя мамы, прося ее передать Аполлону Николаевичу, а он уже перешлет в Москву [46]. Отнесли на почту и там пришлось нам заплатить 6 франков 75 с. Это ужасно как много, да, я думаю, и бедной мамочке придется еще приплатить. Потом гуляли несколько времени и купили в одной кондитерской пирожков. Хозяйка кондитерской ужасно как удивила меня, она решительно не обращала ни малейшего внимания на своих покупателей, точно это и не ее дело, так что нам пришлось самим распоряжаться, набрать пирожков и убедить ее, чтобы она нам сказала их цену. Пирожки здесь по 10 с. штука, но так как они были черствые, то уступила за 9 с. Потом Федя проводил меня домой, а сам отправился читать. Я все время поджидала его, и ужасно жалела, что отпустила читать, потому что сегодня мы говорили, что у него даже днем чуть было не случился припадок. Но он довольно скоро воротился. Он сегодня такой веселый, как и вчера, и я этому очень рада. Вечером он был очень добр ко мне и весел, так заботлив, все укрывал меня одеялами. Милый Федя, право, я его ужасно как люблю.

Суббота, 28/16 ⟨сентября⟩

Сегодня утром Федя принялся писать письмо к Эмилии Федоровне. Мне очень хотелось узнать, в чем оно заключается, и потому я предложила, что не оставит ли он мне несколько места, чтобы я могла тоже что-нибудь ей приписать. Он мне сказал, что оставит. Я же сама отправилась на почту, боясь, что может ко мне прийти письмо в это время, когда мы понесем это письмо на почту, и если письмо мамино будет опять не франкованное, то Федя опять мне заметит, что у нас только на ее письма выходят деньги. По дороге купила сахару и, спеша, воротилась домой. Он все еще продолжал писать, и когда кончил, то я тоже приписала еще целую страницу [47]. Мы сегодня с Федей поспорили. Я его уверяла, что он очень дурно делает, что не напишет ничего Паше, тем более, что он должен знать, что Паше будет очень приятно получить от него письмо, а следовательно, его упреки, может быть, совершенно и несправедливы. Но Федя отвечал, что это все пустяки, а что он тогда-то и напишет, когда получит от него письмо. Все мы на этот счет спорили. Потом отправились обедать. Сегодня после 2-х или 3-х-недельного промежутка опять спросили вина. Но, я думаю, что это будет иметь дурное влияние на Федю. Потом снесли на почту письмо и заходили в библиотеку, где Федя опять ужасно как долго выбирал книги. Меня это ужасно как рассердило, я это ему заметила, но он отвечал, что нарочно будет как можно дольше выбирать книги сегодня. Я, разумеется, не хотела ссориться с ним в библиотеке, но когда мы, наконец, вышли на улицу, то я ему сказала, что ни за что больше не пойду с ним в библиотеку, если он не хотел согласиться на мою просьбу и непременно хотел рассердить меня. Когда мы шли по улице, Федя все подсмеивался надо мной и потом

сказал, уходя в читальню: «До свидания», я в шутку отвечала: «Хоть не приходи совсем». Я видела, что эти слова на него очень дурно подействовали, он отвернулся и пошел, не оглядываясь. Мне самой было больно, что я это сказала, но делать было нечего. Через час он пришел домой, и так как я лежала на диване, потому что болел у меня сильно бок, то он подошел и с самым веселым видом предложил мне гулять. Я, разумеется, ссориться не стала и мы сейчас опять заключили мир очень весело. Тут Федя предложил мне переменить «Крошку Доррит», которую я еще не дочитала, и взять какую-нибудь другую. Я, чтобы ему угодить, согласилась, но с тем, чтобы переменил он сам, так как мне вовсе не хотелось заходить опять к этой отвратительной m-lle Odier. Он так и сделал. Потом мы долго бродили, ходили по Ботаническому саду, где было очень хорошо, свежо, чисто и никого не было. Когда мы шли назад, то опять остановились у театра и Федя решил, что нам непременно следует когда-нибудь сходить туда, потому что ведь он мне никакого удовольствия не делает. Я отвечала ему, что это все пустяки, что никаких мне удовольствий не надо, что я уверена, будь у него деньги, то бы сделал, чтобы мне было весело.

Сегодня мы все высматривали мне туфли, Федя несколько раз предлагал зайти, но я не хотела, потому что знала, что туфли непременно будут стоить франков 10, если не больше, а ужасно гадких мне брать не хотелось; потому я отговорила его. Долго он все вздыхал и говорил, что даже туфли мне не может купить, видно было, что это его огорчало (но, право, я вполне уверена, что получись у нас деньги, напротив, разговоры были бы не о одежде нам, а о том, чтобы послать деньги в Петербург тунеядцам). Потом мы зашли опять в другую кондитерскую, и Федя купил мне пирожок (оказался дурной) и какой-то пряник с орехами, но такой черствый, что просто я боялась переломать все зубы. Вечер опять провели весело, мы нынче очень дружно живем, дружно, как нельзя лучше, и, господи, как бы я была счастлива, если бы это у нас продолжалось долго. Мне кажется, что он действительно меня любит, особенно в последнее время, и что, может быть, я могу и не опасаться теперь, что он полюбит кого-нибудь другого. Вечером мы разговаривали о прежних днях, т. е. о том, как я пришла к нему, как я его полюбила, как я была счастлива, что он приехал [48], и о разных разностях. Вообще очень дружно, мирно разговаривали. Потом, когда у меня заболел бок или начало ноги, то Федя с беспокойством расспрашивал меня, что со мной, и потом укрывал меня одеялом и даже мне принес сам стакан воды, чтобы я не простудила ноги без башмаков или туфель.

Воскресенье, 29/17 ⟨сентября⟩

День сегодня хороший, хотя несколько холодный, ходили утром на почту, думали что-нибудь получить, но ошиблись, писем нет как нет. Такая досада. Сегодня по старому стилю 17 число, и я весь день припоминала день прошлого года, во всех его подробностях. День был удивительно хороший, ясный, хотя несколько холодный. На этот день был назначен выезд государ⟨евой⟩ невесты в Петербурге [49]. Александра Ивановна [50], которая жила тогда на Владимирской, на углу, имела 3 окна и предложила нам с мамой прийти посмотреть иллюминацию. Мы согласились. Я помню, я еще с вечера снаряжалась идти к ней. Отправились мы рано. Напились кофею и нарядились в наши обновы. На мне было сиреневое шелковое платье, мама тоже хорошо оделась и часов эдак в 9 мы пошли. Я все уверяла маму, что это слишком рано, но когда

мы вышли на Невский проспект, то столько оказалось народу, что мы рады были, что кое-как могли пробраться. У Александры Ивановны мы уже нашли много гостей. Она была очень любезна к нам и усадила нас у окна, с мамой, так что видно было очень хорошо. Сначала мы рассматривали, как проходили солдаты и публика. Народу было необыкновенно много, в окнах, на тумбах, решительно везде, где было только возможно уместиться, везде толпился народ. Нам пришлось ждать часа 2 до начала процессии, которую мы видели великолепно, лучше себе и нельзя было представить. Наследница была необыкновенно, по-моему, мила и чрезвычайно мило раскланивалась во все стороны. После процессии Александра Ивановна предложила выпить чаю и закусить. Тут со мной разговорился какой-то студент, очень смешной, который, кажется, целый час не отпускал меня со своими разговорами. Была тут двоюродная сестра Александры Ивановны, Сашенька, очень хорошенькая девушка, но главное, чрезвычайно грациозная, совершенный ребенок, но до крайности милая. Потом тут были и другие гости, но мы долго-то не оставались. Мы отправились домой. Мама пошла домой, а я, так как я намеревалась сегодня идти к Софье Спиридоновне в гости на именины, то пошла к Иванову в кондитерскую, где купила пирожных, затем села в карету и доехала до Адмиралтейской площади. Здесь я решилась идти пешком.

На площади перед дворцом толпа была страшная, потому что, как говорили, невеста выходила на балкон и кланялась народу [51], и я в тесноту не пошла, а пешком отправилась на Васильевский остров и здесь отыскала тот дом, где живет Софья Спиридоновна. Пришла я во время самого обеда, т. е. в 2, Софья Спиридоновна сейчас вышла ко мне и была, кажется, этим очень и очень довольна, что я была так к ней любезна и пришла на именины. Сейчас меня усадила за стол, где было довольно много гостей. Была Александра Павловна, было 2 Сниткиных, бабушка с внуком, Павел Андреевич с женой и потом еще Николай ⟨не расшифровано⟩, знакомый папы, но которого я ни разу не видела. Обед был отличный, надо отдать было справедливость, но весело не было, да разве и могло весело быть в обществе, где почти все мне не знакомы. После обеда был кофе, потом пошли в комнату Софьи Спиридоновны, куда-то наверх, довольно хорошенькая комната. Часов в 6 мы с Сниткиными отправились домой, потому что сегодня предполагалось идти на иллюминацию. Пришли домой, когда иллюминация уже началась. Дома были Саша и Маша, но никто [из] приглашенных еще не пришел, мы довольно долго ждали, наконец решили идти одни. Саша и Маша обещали быть нашими кавалерами. Маша Сниткина оделась уж очень по-простому, решительно как горничная. Саша ей это заявил, она вдруг рассердилась, объявила, что не пойдет с нами. Мы начали ее упрашивать, наконец, решили идти и без нее. В это время пришли 3 наших кавалера — Рязанцев, Сорокин [52] и еще какой-то их товарищ, которому Павел Григорьевич обещал место на ⟨не расшифровано⟩. Мы немного посидели и отправились. Маша, по обыкновению, под руку с Рязанцевым, Саша с [Машей?], Сорокин со мной, а новый товарищ пошел один, поминутно теряясь в толпе. Разговор как-то у нас не вязался, было довольно скучно. В Морской мы встретили Веревкина, он было не хотел с нами идти, но я сказала: «Ну, пойдемте, не заставляйте себя просить», и он пошел. Дорогой Сорокин все говорил об одной его товарке, очень умной девушке, которая оказалась Марией Ганецкой, все твердил, что это чрезвычайно какая умная девушка. Потом, под конец, я его разозлила, и мы

поссорились. Так прошли весь Невский, а Песками уж пошли все вместе, Сорокин, Маша, Веревкин; Маша и Веревкин отправились домой, Саша пошел к островам, а [остальные?] решили проводить меня домой. Ночь была лунная, но все разговоры как-то у нас не вязались, и было очень скучно. Вообще я нынче как-то потеряла умение разговаривать, ну, да об этом и жалеть-то нечего. Мама меня дожидалась и хотела уж ложиться спать.

Сегодня и здесь день прошел довольно скучно, ходили обедать, ходили несколько гулять, читали и под конец я залегла рано спать, так что проспала часов, я думаю, не меньше 10, если не больше. Потом вечером, после нашего с Федей прощания, я не могла заснуть, потому что у меня болел живот. Федя был удивительно как ласков со мной сегодня, да вообще и в эти дни, так что я просто не знала, как мне и бога благодарить. Он очень жалел обо мне, просил меня вертеться, сколько мне угодно, если мне от того хоть несколько легче, беспокоился, одним словом, показывал, что он меня очень и очень любит. Господи, как нынче я счастлива, право, я никогда не ожидала и не мечтала, чтобы я могла так тихо и спокойно жить бы с ним. У нас такое согласие, или Федя соглашается, или я, споров нет, а если случится кому-нибудь рассердиться (большею частью мне), то я обругаю его дураком, но сейчас расхохочусь, и он вполне уверен, что я это его назвала вовсе не по злобе, а просто так вырвалось, и что я решительно не сержусь на него. Сегодня написала и отправила к маме письмо с просьбой о деньгах. Вечные просьбы. Господи, когда-то я не буду ее беспокоить.

Понедельник, 30/18 ⟨сентября⟩

Сегодня утром я как-то особенно беспокоилась, так мне хотелось получить письмо. Вот я часов эдак в 11 пошла на почту и действительно получила от мамы записку. В ней она мне пишет, что Паша явился в нашу лавку и спрашивает, нет ли на имя Сниткиной из-за границы письма и сказать адрес. Я пожалуй что и уверена, что он, пожалуй, и не посовестится решительно взять себе письмо. Это такой уж человек. Мне это было до такой степени неприятно, что ужас; но я решительно не так поступила, как мне было бы нужно поступить. Именно, идя домой, я расплакалась и сказала об этом Феде. Он, по духу противоречия, разумеется, начал заступаться за Пашу. Мне следовало бы сначала похвалить Пашу, тогда бы, конечно, другое было бы дело. Это уж Федя тогда-то бы начал бранить его. Мне было досадно на Федю, и так как дома сидеть не хотелось, то я объявила ему, что пойду куда-нибудь гулять в окрестности, взяла с собой книжку ⟨не расшифровано⟩ и отправилась по набережной les Eaux vives по правому берегу Женевского озера. Вышла я в час, все шла по набережной, было довольно тенисто и совершенно не жарко. Тут сделаны скамейки, так что я могла отлично отдохнуть, если бы устала. Прошла я деревушку Cologny, которая на половине, и продолжала все идти по берегу, желая дойти до конца мыса, который уже виделся недалеко. Но я вздумала спросить у кого-то, который теперь час, и мне вдруг сказали, что теперь уже 3 часа. Ну, разумеется, я вспомнила, что ведь Федя один не пойдет обедать, следовательно, он теперь сидит и, может быть, очень голодает. Я поворотила назад и через час пришла домой. На наших часах (которые отстают) было $^3/_4$ 4-го. Федя, давно уже готовый, сидел и ждал меня. Но нисколько мне не заметил, только ласково рассмеялся при моем приходе и расспрашивал, где я была. Вообще у него теперь всегда для меня очень

ласковая улыбка, он меня ужасно как радует. Потом пошли обедать, а вечером, несмотря на мою усталость, опять гуляли, кажется, в Ботаническом саду.

Вторник 1 октября/19 ⟨сентября⟩

Сегодня у меня страх как была налита голова кровью, просто я решительно не знала, что мне и делать. Начала чинить Феде его сюртук, но должна была несколько раз остановиться, так у меня сильно болела голова. Потом пошли обедать, и у меня от воздуха несколько голова [прошла]. Сегодня Федя мне дал 2 полфранка, чтобы я могла себе купить очень мне нужное. Я забыла сказать, что вчера я купила себе кольдкрем на 20 сантимов, и потом спросила там: как называется по-французски этот бальзам Kinderbalsam, про который мне писала Маша и которым она советовала мне мазать себе спину. Он отвечал, что этот бальзам употребляется очень много в России, но здесь известен под названием la baume de vie de Hoffmann. Я спросила, могу ли я у него достать, он сказал, что да, и налил мне на 50 с. Но я ошиблась, мне послышалось, что он сказал 15, и отдала ему 15 с. Так что после мальчик должен был меня догонять и сказать, что я не все отдала. Мне было ужасно как совестно, тем более, что он мог подумать, что я это нарочно сделала. Сегодня я зашла опять в аптеку и купила себе на 50 с. пудры. Я заметила, что моя пудра ужасно как вредит моему лицу, потому что, когда я только напудрюсь, так у меня сейчас начинает болеть лицо.

Вечером, когда Федя воротился из кофейни, он предложил мне пойти с ним на железную дорогу. Я отвечала, что, пожалуй, пойдем. Тогда Федя заметил: «Коли ты согласна».— «На все согласна»,— я отвечала. Он вот это мое согласие должен очень ценить, что я никогда ни о чем не спорю, а всегда стараюсь как можно скорее согласиться, чтобы не было ссоры. Федя отвечал, что во мне надо ценить не одно только согласие, а что во мне очень много что следует ценить и дорожить, что я такая славная. На железной дороге мы узнали опять то самое, что и прежде, и когда шли дорогой, то все разговаривали о том, ехать ли или нет. У нас теперь денег 225 франков, ему следует взять с собой на все 150, остается 75, а счет с кольцами 100 франков; больше же ничего в виду не предвидится, решительно ничего, кроме тех денег 50 рублей, которые может прислать мама, но ведь и это совершенно ненадежно, я ее просила отыскать мне деньги к 1-му ноябрю или к 15 октябрю, т. е. их стиля, но не раньше, а это будет 27 октября нашего стиля, а теперь только 1, следовательно, чем же мы проживем эти все дни, я решительно, право, не знаю. Что же до моих золотых вещей, которые заложены в Бадене, то об этом теперь и говорить нельзя, потому что нечем послать. Я и теперь предлагала Феде, чтобы послать туда деньги, вещи оттуда пришлют, и тогда их здесь заложить, уж если не 120, то по крайней мере 100-то франков дадут. Но он не согласился; что же делать, надо покориться, хотя мне очень и очень жаль, если придется потерять эти вещи, а что придется, так это уж наверно, про это и говорить нечего; я даже предлагала, чтобы Федя прежде выкупил, а что когда я попрошу маму прислать мне деньги на выкуп и выслать ей эти вещи, чтобы она могла мне их заложить, но Федя все не хотел, а теперь они и пропали. Ведь, право, и у меня и так нет решительно никаких украшений, были только одни эти серьги и брошь, но теперь и их нет. Вот они что значит, подарки-то; а когда я дождусь новых серег, ведь этого уж решительно никогда не будет. Прежде надо будет одеть всю эту поганую орду, а потом уж надеяться себе что-нибудь завести. Надо прежде долги все отдать и этих подлецов успокоить,

а тогда только покупать себе вещи. Ах, боже мой, как все это скверно ⟨не расшифровано⟩, ну, да что же делать, разве я думала прежде, что это так будет, ведь должен был сам очень хорошо это знать, следовательно, мне и печалиться об этом теперь решительно нечего. Федя все еще думает отправиться; но так как, когда мы разговаривали, то он заявил даже, что должен выиграть несколько тысяч, то это меня решительно убеждает, что он ни гроша не выиграет, мы опять будем бедствовать. Я не старалась его особенно уговаривать ехать, у меня даже есть какое-то предчувствие, что поездка окончится худо, т. е. проиграем. Но что тут делать, ведь его не разубедишь.

Сегодня он начал программу своего нового романа[53]; записывает он его в тетради, где было записано «Преступление и наказание». После обеда, когда Феди нет дома, я всегда прочитываю, что он такое записал, но, разумеется, ни слова не говорю ему об этом, потому что иначе он бы на меня ужасно как рассердился. Зачем его сердить, право, мне не хочется, чтобы он прятал от меня свои тетради, лучше пусть он думает, что я решительно ничего не знаю, что такое он делает. Понятно, что человеку очень неприятно, если читать то, что он написал нагрязно. Когда мы пришли домой, то Федя сказал, что мы довольно хорошо живем друг с другом, что он даже не ожидал такой спокойной жизни, как здесь, что мы очень редко ссоримся, что он счастлив. Вечером, когда он прощался, то сказал, что если он умрет, то чтобы я его вспоминала хорошим и думала о нем. Я просила его не говорить так, что это меня всегда ужасно как беспокоит. Тогда он сказал: «Нет, зачем умирать, разве можно оставить такую жену, нет, для нее нужно жить непременно». Он нынче меня называет «M-me Достоевская», и я очень люблю это слушать, когда он это говорит. Потом вечером у нас обыкновенно идут разговоры; так, вчера мы говорили о евангелии, о Христе, говорили очень долго. Меня всегда радует, когда он со мной говорит не об одних обыкновенных предметах, о кофе, да о сахаре, а также, когда он находит меня способной слушать его и говорить с ним и о других, более важных и отвлеченных предметах. Сегодня мы говорили о его прежней жизни и Марии Дмитриевне, и он толковал, что ей непременно следует поставить памятник. Не знаю, за что только[54]? Федя толковал, что его похоронят в Москве, но так решительно не будет.

Среда, 2 ⟨октября⟩/20 ⟨сентября⟩

Сегодня я хватилась и увидела, что у нас нет чаю, Федя еще спал, а я отправилась покупать чаю, купила по 3 франка за полфунта. Мы брали постоянно по 4 франка, но вот я уж раз брала по 3 и он оказался такой же, какой и в 4. Потому я решила брать по 3. По дороге я зашла и спросила в магазине себе иголок. Мне показали маленькую коробочку с 4-мя бумажками иголок, 5, 6, 7 и 10 номеров, т. е. иголок должно быть 100, если не больше, и вся такая коробочка стоит 60 с. Это очень недорого. Я купила себе. Теперь у меня иголок будет, право, на целый год, если не больше. Потом купила себе пуговиц белых 2 дюжины по 20 с. за дюжину и, наконец, купила себе воротничков французских, вместо 60 с. за 50, но они оказались короче прежних. Вообще я очень рада, что могла себе завести, все-таки у меня уж давно не было иголок и пуговиц, и я все не могла собраться купить себе их.

Сегодня отличная погода, и я вздумала отправиться опять гулять, как прежде; Федя меня отпустил, убеждал беречься. Когда я вышла, то он

долго стоял у окна и смотрел, как я иду, и кланялся мне. Я отправилась тоже по набережной Eaux Vives, по прежней дороге, но сегодня забралась в деревушку Cologny, и пришла туда, когда было уже 2 часа. Здесь я спросила, как мне пройти в Chêne. Бабы, стиравшие у бассейна, начали мне толковать, но так как толковали все вместе, то я на слух могла понять, что мне следует взять после столба через поле первую дорогу налево. Сказали мне, что туда ходу $^3/_4$ часа, если я не буду заходить в Grand Canal и не пойду по большой дороге. Я пошла из Cologny (откуда великолепный вид на озеро), спустилась вниз и опять спросила у встретившейся старушки дорогу. Несмотря на то, что я 〈не расшифровано〉 все-таки старушка оказалась очень любезной и уверила меня, что я непременно заблужусь, что она сама хотя здешняя жительница, но 2 раза ходила и 2 раза целый день [блуждала], и все потому, что вместо первой дороги брала вторую налево. Я поблагодарила ее за совет: отправилась сначала по большой дороге, а потом по первой дороге налево. Здесь пришлось идти полями по очень тенистой и густо обсаженной деревьями дороге, так что было очень приятно. Мимо меня проехала небольшая тележка, запряженная осликом. Телегой управлял ребенок лет 9 и сидела дама. Право, было преуморительно смотреть, как этот маленький ослик вез очень быстро тележку. Дама, видя, что я смеюсь, тоже рассмеялась, что-то мне сказала, но я ее не поняла. У всех прохожих я расспрашивала дорогу, и, наконец, дошла, решительно нисколько не устав, до местечка Chêne. Так как было уже довольно поздно, и я знала, что Федя ждет меня обедать, то я, не осматривая Chêne, пошла к станции здешней конной железной дороги. Села в дилижанс. Взяли до города 20 с. Это очень мало, взяв во внимание длинное расстояние от города. В дилижанс, кроме меня, села еще одна дама, которая мне рассказала, как проехать на гору Grand Salève — огромную каменную гору, которую мы постоянно видим перед глазами. Выйдя из дилижанса, я поскорее пошла домой, и пришла, кажется, в половине 4-го, страшно запыленная и голодная. Федя уж меня дожидал давно и нисколько не выбранил, что я его так долго заставила ждать обеда.

Пошли обедать, потом Федя пошел в кофейню, а я воротилась домой и отдыхала. Федя принес мне книгу «Последний из могикан», великолепную вещь Купера, которого я еще совершенно ни одного романа не читала. Вечером мы ходили немного гулять, потом пришли, и так как я была несколько сегодня нездорова, то Федя был еще внимательнее ко мне, чем всегда. У меня сильно налились груди, Маша писала, что на 5-м месяце появляется молоко, должно быть, теперь оно и появилось. Но груди сделались очень велики и как-то болят, т. е. зудят, чешутся и горят. Федя был очень, очень мил ко мне, и когда я как-то подошла к нему, то поцеловал меня в живот и сказал: «Вот тут Сонечка или Миша, мои милые». Он очень меня любит, это видно, он говорит, что очень любит Сонечку и так желает, чтобы все это кончилось благополучно. Вечером, когда он пришел прощаться, то, увидев груди, ужасно начал беспокоиться, говорил, что они ужасно как налились, непременно требовал, чтобы я пошла завтра к доктору. Милый Федя, как он заботится обо мне. Право, я так ценю это, так этому рада. Он как-то мне говорил, когда мы легли спать, что он ценит, что я его друг, что он ценит, что я его люблю, что я всегда буду его, что это так приятно и хорошо знать, что вот имеешь такого человека, который тебя очень и очень любит.

Четверг, 3 ⟨октября⟩/21 ⟨сентября⟩

Сегодня утром Федя меня убеждал, чтобы я пошла с ним к доктору, но я сказала, что я лучше пойду к M-me Renard, повивальной бабке здешней, чем к доктору, что это решительно ничего и все пройдет. Но сегодня у меня груди опять ужасно как болели, и мне было очень тяжело их носить, так что я должна была надеть корсет, который меня ужасно как стеснял.

Утром я решилась выйти погулять, сначала пошла на почту, но писем не получила, а потом отсюда пошла в здешний музей Rath какого-то [русского?] генерала[55] ⟨не расшифровано⟩, женевского уроженца, который выстроил этот музей. Но здесь решительно ничего хорошего не видно. Здесь много глиняных статуй, снятых с разных замечательных произведений, но все это в таком скверном виде. Тут есть и 2 зала с копиями, в числе которых находятся 2 картины *Рубенса*: одна — избиение младенцев, а другая — какая-то голая дева. Я даже сомневаюсь, чтобы это были картины Рубенса, хотя манера решительно его. Но, если они принадлежат ему, то я решительно отказываю ему в таланте. Ну, что за красота рисовать каких-то лошадей вместо женщин, толстых, так что все тело в складках, это даже уж и безобразно, где он видел подобных женщин? Я решительно понять того не могу, таких женщин, я думаю, и за деньги достать нельзя, это какие-то уроды, рисовать которых, право, не стоит, да к тому же такому художнику, как он. Есть тут одна картина Калама, изображающая скалы и на них туман. Это действительно хорошая вещь. Потом есть еще головка Greuze, представляющая маленького ребенка с самым невинным, хорошим выражением лица, просто ангел. Есть еще две картины Salvator Rosa[56], вот и вся галерея. Право, не стоило и ходить; даже и пастели очень мало, какая-то старушка, ангелочек с трубами в руках, да какой-то худенький синеющий вид (нашли где снимать, должно быть, вкуса решительно нет). Я очень рада, что мне не пришлось ничего тут заплатить, а то бы это были решительно потерянные деньги. Прошлась я по улицам и, увидев в одной булочной какой-то крендель, купила 2 по 10 с., да потом, когда пришла домой и начала есть, то ужасно как раскаялась и решила, что не все то золото, что блестит, не все то вкусно, что [на вид?] хорошо. Так что придется бросить, а есть нельзя.

Федя лежал на постели, когда я пришла, и расспрашивал меня, что такое я видела в музее, потом мы пошли обедать и сегодня нам подали яишницу с тухлыми яйцами, так что мы и не ели и сказали об этом девушке, которая нам сегодня прислуживала. Потом пошли на рынок; здесь Федя купил фруктов и яблоков (забыла, Федя вчера был так любезен, что принес мне яблок, зная, что я их люблю, сам же он их не ест). Я до сих пор никогда не едала фиги, и так глупо, что вчера только узнала от Феди, что фиги в высушенном виде есть винные ягоды, которые так хороши. Федя мне предложил как-то одну фигу, я взяла, заплатили 5 с., но начала ее есть, то она мне до того не понравилась, что я другую половину и не доела. Читала книгу и сидела у окна, ждала Федю, когда он придет, и от нечего делать пела песни, т. е. укачивала Соню или Мишу различными колыбельными песнями. Я нынче о них только и думаю, и все представляю их в разных видах, то очень маленькими, то подрастающими, то даже большими, и так, право, счастлива, что и сказать трудно. Пришел Федя, и мы пошли опять гулять. Дорогой Федя мне все рассказывал о том, что он прочитал в газетах, как это он мне всегда делает, так что и я все знаю, что такое случается в России. Мы

много ходили, но было довольно холодно, и я просила воротиться домой. Потом, так как у меня груди продолжали болеть, то я легла спать, потом Федя меня разбудил прощаться, говорил, что он меня ужасно как любит, что он будет тогда очень счастлив, если я такая буду всегда, что тогда он будет награжден не по заслугам. Я сказала ему, что он теперь по утрам стал гораздо ласковее, чем прежде, он отвечал, что разве с тобою можно быть не ласковым, ведь ты всех побеждаешь, всех покоряешь своим обращением. Потом ночью, когда уже лежали в постели, *сказал, что он никогда еще никого так сильно не любил*, как меня и Соню. Вот такого-то я всегда и дожидалась, вот этих-то слов, потому что мне всегда хотелось, чтобы он сам сознался, что я доставляю ему счастье, что он никогда не был так счастлив, как со мною, и чтобы это убеждение, что он любит меня больше, чем всех, вошло ему в кровь и плоть, чтобы он был сам совершенно в этом уверен. Вот тогда я буду довольна и счастлива. (Я все забывала записать, что так как Феде нынче кажется холодно, то мы купили дрова, целую корзину небольших полешек за 2 франка 35 с., и теперь каждый вечер топим понемногу.) Но вот какое неудобство, у нас постоянно дым в комнате, так что приходится растворять окна, чтобы выпустить дым. Нынче главное занятие Феди состоит в том, чтобы подходить к термометру и смотреть, сколько теперь градусов, он бывает очень утешен, если градусы хоть немного повысились. Смешной, право, этот Федя, так его это занимает. Тепла все-таки я не замечаю, но угар каждый день бывает и голова моя от него очень болит. Сегодня спала очень хорошо, кажется, часов 10, если не больше, и все видела какие-то несообразные сны, просто из рук вон какие смешные.

Пятница, 4 ⟨октября⟩/22 ⟨сентября⟩

День сегодня очень хорош, но довольно холодно; у меня с утра болела голова, так что я никуда сегодня не ходила, а сидела дома и шила что-то. Федя каждый раз, когда я прилягу, непременно подходил ко мне и спрашивал с беспокойством, что со мной, видно, его очень заботит мое положение. Пошли обедать, а оттуда он отправился читать, а я сходила на почту, но, по обыкновению, ничего не получила и воротилась домой, где стала читать опять «Le dernier des Mohicans». Потом, после кофейни, Федя пришел и предложил мне идти гулять, и хотя было довольно холодно, и я почти дрожала, но мы отправились. Дорогой мы начали говорить о том, ехать ли ему или не ехать. Я особенно сильно не советовала, и когда мы гуляли по Ботаническому саду, то мое молчание даже рассердило Федю и он сказал: «Ведь вот молчит, неужели нечего сказать, или ты очень осторожна». Я ему отвечала, что если мы раз решили, чтобы ехать, то пусть он уж едет. Он был в ужасном волнении и очень колебался. Действительно, имея 200 франков денег всего-навсего и не видя ничего больше в будущем, отдать 150 франков, на которые мы бы могли все-таки прожить несколько времени, к тому же пропадут серьги и моя брошь. Но что же делать, ведь если Федя взял эту мысль в голову, то ему будет уж слишком трудно расстаться с нею. Потому отговорить его не ехать почти невозможно; пошли мы разменять 100 франков, купив один фунт кофе за 2 франка и потом воротились домой. Федя сделался необыкновенно ласковый, он уверял меня, что если он и поедет, то будет ужасно как беспокоиться, что такое со мной, что я делаю, уж не случилось ли какого со мной несчастья. Я стала собирать ему чемодан, но он был все еще в нерешительности, ехать или нет. Когда я легла немного полежать и почти уснула, он подошел, чтобы тихо

посмотреть на меня и, увидев, что разбудил, ужасно жалел об этом и толковал, что меня очень любит.

Сегодня у нас зашел разговор о том, что если бы у него было 200 тысяч, я сказала, что тогда бы, должно быть, мы очень дурно бы жили, и что я, вероятно бы, украла бы эти деньги у него. Он отвечал, что счел бы за счастье дать мне эти деньги, был бы счастлив, если бы я только их взяла. Потом он жалел, зачем ему не 30 лет и нет у него 40 тысяч. Я начала стирать шелковые полоски от юбки и гладить платки, тогда он сказал, что вот тебе бы следовало на креслах сидеть, а я отвечала: «Есть фрукты и пить пиво, вот бы была жизнь-то, а то что теперь». Он говорит, что никогда не забудет, что я теперь стираю и глажу для него, и это в первом же году нашей жизни. Потом, когда я легла спать, то спросила, любит ли он меня. Он отвечал, что любит.— «Так ли как всех?» — «Я не отвечу. Нет, я люблю тебя больше всех, почти так, как любил и люблю покойного брата, а к этому ревновать уж нельзя; нет, даже больше, чем брата; умри ты, мне кажется, я ужасно бы тосковал, все припоминал твое личишко, как ты тут сидела, говорила; нет, мне кажется, что я бы просто не мог даже жить, просто бы умер, так мне было бы тяжело». И эти слова он говорил с видимым волнением. Я видела, что это, должно быть, так и было бы, если бы я умерла. Меня это даже тронуло.— «Ты бы, пожалуй, женился бы, и у моей Сони была бы злая мачеха. Пожалуй, и не злая, но к Соне будет злая».— «Нет, ты можешь быть спокойна, *у твоей дочери не будет мачехи,* у нее будет Сонечка ⟨не расшифровано⟩ и то под моим близким присмотром. Но зачем мы говорим об этом, этого и случиться не может». Я сказала, что тогда мама присмотрит за Соней. Он отвечал: «Да, твоя мама, вот кто будет за нею смотреть». Но потом прибавил: «Зачем же мы говорим об этом, какие мы дураки».

Я заснула, и он старательно меня закутал. Это он делает с большим удовольствием, как я вижу; вообще прислуживает мне очень. Как я его люблю, право, еще больше, когда вижу, что он меня так любит. Когда он пришел прощаться, то много и нежно меня целовал, говорил, что он решил, если ехать, то непременно приехать в воскресенье, потому что долго без меня пробыть не может.

«Я жить без тебя не могу,— говорил он,— как мы срослись, Аня, и ножом не разрежешь, а еще мы разъезжаться иногда хотим, ну, где тут разъезжаться, когда друг без друга жить не можем» [57]. Потом уже в постели он говорил: «Вот для таких, как ты, и приходил Христос. Я говорю это не потому, чтобы любил тебя, а потому, что знаю тебя. Вот будет еще Соня, вот будет 2 ангела, я себе представляю, как с нею будешь, как это будет хорошо». Потом он много меня просил, чтобы я берегла его Соню, его дочку, называл меня мамашей. Я теперь знаю, что Федя чем дальше, тем больше начинает меня любить, и вполне уверена, что при ребенке его любовь будет ко мне еще больше. Господи, как я счастлива! Я так счастлива! Я так счастлива, так никогда и не надеялась быть. Право, у других всегда бывает, что после года супружества муж и жена становятся холодней и холодней друг к другу. Авось бог поможет, что у нас не будет так, авось у нас любовь будет укрепляться, и чем дальше, тем больше, как я бы была счастлива, если бы мне удалось хотя бы сколько-нибудь украсить его жизнь. У него так было мало радостного в жизни, что хотя под конец-то ему было бы хорошо. А я уверена, что если он будет меня любить, то я нисколько не изменюсь к нему, да даже если он меня и разлюбит, то вряд ли я переменюсь. Федя просил меня разбудить его в 7 часов завтра утром.

Суббота, 5 ⟨октября⟩/23 ⟨сентября⟩

По Фединой просьбе я разбудила его в 7 часов, и первое слово, которое он мне сказал, это было: «Кажется, это нелепость», т. е. говорил это он про поездку. Но, однако, встал, хозяйка сварила нам кофе. Он начал собираться. Я тоже решилась проводить его на машину. Рассказал он мне свой сон, видел какую-то отроковицу, знакомую Соловьева[58], и видел еще брата. А это очень дурной знак, потому что всегда, когда Федя видел брата, то непременно бывала какая-нибудь неудача, ну а на этот раз неудача очевидна. В половине 9-го мы уж вышли из дому и пришли туда задолго до прихода поезда. Федя взял билет 2-го класса, стоит 10 франков 40 с., а взял он с собою 148 франков, оставив у меня 55 франков. Какой здесь смешной обычай: например, в залу, где ждут, пускают только тех, у которых есть билеты, а провожающих не пускают. Зала вся разгорожена, точно конюшня, и билетами означено, где место 1-го, а где 2-го и 3-го классов. Что это за пустяки, точно провожатые [не найти?] могли залу или перепутать. Федя, разумеется, и не пошел в залу почти до самого звонка, но потом, желая занять себе хорошее место у окна, пошел в залу, а я оставалась дожидаться у двери. Уйти мне не хотелось, хотела ждать, пока не уйдет поезд. Но положение мое было преглупое. Стоять у двери и не знать, уйти или нет. К тому же, я очень боялась, чтобы Федя на меня не рассердился, зачем я дожидаюсь. Наконец, он подошел к двери и сказал, что теперь я могу уйти домой. Я простилась с ним и отправилась, но все-таки еще не домой. На дебаркадер выходить не позволяют. Здесь уж такой обычай. Я обошла двором, но и здесь попался какой-то человек, который сказал, что дальше идти нельзя, а если я хочу остаться, то пусть посижу у будки и увижу, как пойдет поезд. Я села на скамейку и ждала минут 10. Когда поезд тронулся, я встала и тут увидела Федю. Он видел меня тоже, начал мне раскланиваться, снимает шляпу и машет рукой. Он, кажется, был очень доволен, что я не ушла. Он раскланивался до тех пор, пока поезд не скрылся из виду. Шел небольшой дождик и было страшно холодно, решительно как зимой.

Я пришла домой, думая согреться чаем, но оказалось, что наша предупредительная хозяйка уже убрала чай. Делать было нечего, спрашивать стыдно, и я решила как-нибудь так согреться. Потом начала шить свою юбку и все старалась как-нибудь продолжить время. Наконец, часу эдак в первом, я вышла из дому, сказав нашим хозяйкам, что пойду обедать, потому что сегодня очень рано встала. Пошла сначала я на почту, но писем нет, оттуда, несмотря на холод, решилась пройтись несколько раз по улицам, чтобы выгадать время и не подать повод старухам думать, что я не обедала сегодня. Зашла в Palais Electoral на выставку цветов и плодов. Сегодня третий день и потому за вход платить 40 с. В первый день платили по франку, во 2-й — 60, но я нахожу, что даже и 40 с. были деньги, брошенные в окно. В этом огромном манеже были расставлены корзины цветов, почти большею частью завялых, потому что стоят уж 3 дня. Все это до такой степени обыкновенно, так просто и некрасиво, что, право, решительно не стоило и ходить. Тут выставлены были овощи и плоды, довольно хорошие, но, право, было бы для меня приятней, если бы позволили попробовать, чем только смотреть. Вообще выставкой я была очень недовольна и пошла домой, решительно ругая себя. Право, эта моя глупая любовь к разного рода зрелищам только доводит до того, что

я трачу деньги без цели. Очень на себя досадуя, я отправилась погулять по городу, опять-таки, чтобы выиграть время. Прошла по Grande rue, очень крутой, начинавшейся от H⟨ôtel⟩ de V⟨ille⟩ и [огибающей] к Coraterie. Улица эта удивительно какая крутая, так что у меня даже живот заболел идти вниз. Потом отправилась покупать себе что-нибудь съестное. Зашла в колбасную и там спросила про пирог с говядиной. Оказалось, что стоит 1 франк за фунт. Мне она свесила один и вышло 1 франк 30 с. Я взяла. Потом решила, так как этот пирог мне на два дня, то следует купить еще чего-нибудь. Купила сыру на 25 с., больше чем полфунта, довольно порядочного, 3 яблока за 10 с. Следовательно, весь мой обед за 2 дня обошелся мне 1 франк 65 с. и самое многое обойдется 2 франка. Это все-таки выгодней, чем платить по 2 франка в день. Пришла домой и начала обедать и, право, так хорошо пообедала, просто чудно, одно было жаль, нечем было запивать. Потом я сходила к хозяйке и забыла, что она спит в 4 часа, очень просила ее сделать мне кофе. Она мне и сделала, и я пила черный кофе, потому что сливки все вышли утром. Выпила с горя я 3 чашки и несколько согрелась, потому что холод был ужаснейший. Потом принялась читать, оканчивать 4 часть «Могикан». Сегодня надо непременно отнести и взять что-нибудь другое, потому что завтра воскресенье, следовательно все будет заперто. Но как я ни спешила, а едва могла дочитать до сумерек, так что последние страницы читала почти невнимательно, позже же боялась идти, потому что, очень может быть, мог кто-нибудь пристать, а так как Феди теперь дома нет, то, следовательно, и заступиться некому. Взяла я в библиотеке 2 части романа Бальзака «César Birotteau». Хозяйка говорит, что это хорошая вещь, не знаю, очень может быть. По дороге купила себе катушку черных ниток за 18 с., дали 2 с. сдачи, я еще никогда не видала этой монеты, нужно ее будет сохранить. Пришла домой и просила затопить печку, а то было уж слишком холодно. Мадам это сделала и очень мне надоела, и весь вечер приходила то за тем, то за другим, и все уверяла, что Федя приедет сегодня и что, следовательно, следует сделать постель. Чтобы поскорее прошло время, я начала опять шить, но все-таки было так скучно, право, до крайней степени грустно все, что не знала, за что мне и приняться, даже от скуки принялась гадать, но сколько раз ни гадала, все выходило, что будет неприятность. Да это и без гадания видно: я вполне спокойна именно потому, что заранее уже уверилась, что из этого ничего не выйдет, что это будет пустая попытка, что мы вовсе не так счастливы, чтобы что-нибудь выиграть, а главное, если и выиграем, то выигранное удержать здесь, а потому заранее уверившись, что проиграем, я так и спокойно смотрю на все это. Что он проиграет, то это так вероятно, что я готова просто голову отдать на отсечение, до такой степени это вероятно. Завтра утром надо будет послать ему письмо, но, пожалуй, оно его и не застанет, потому что, вероятно, он сегодня уж успеет все проиграть (да и проиграть-то ведь немного, всего-навсего 100 франков, самое большее), а следовательно, он и отправится завтра утром в 11 часов и будет уж дома в 6 часов вечера. Но на всякий случай отправлю ему письмо, чтобы самой успокоиться. Он тоже обещал написать мне сегодня. Напишу записочку, чтобы я могла послать ее завтра. Но, чтобы моя записка пошла завтра утром, следует ее очень рано принести на почту, а потому я и думаю отправиться на почту эдак часов в 8, если не раньше, чтобы, если надо, принести ее на железную дорогу.

Воскресенье, 6 ⟨октября⟩/24 ⟨сентября⟩

Вчера вечером сидела довольно долго, до 1 часу ночи, спать почему-то не хотелось. Мне все слышалось, точно кто есть в комнате, точно кто дышит. Проснулась часа в 4, потом окончательно в 7 часов и встав, написала письмо, которое и понесла на почту. Мне там сказали, что пойдет оно в 9 часов, следовательно, он получит его часа в 3. Воротившись домой, я стала разбирать чемоданы и прочитала несколько писем, которые ненужные разорвала, чтобы было меньше веса, право, разных конвертов нашлось больше 2 фунтов, лучше пусть какие-нибудь книги вместо этого лежат, чем эти пустые бумажки. Так я проводила время до часу и отправилась на почту, потому что раньше, вероятно, нельзя было и получить письма. Получила письмо от Феди. В нем он пишет, что с ним случилась история, именно, что он пропустил сойти Саксон, а вышел в Sion, так что еще сам не знает, что из этого выйдет, а написал мне в 6 часов вечера. Впрочем, он мне писал, что, вероятно, приедет сегодня, и я думаю идти его встречать на железную дорогу в 6 часов. В письме он меня просит очень беречь Соню[59], целует меня, и мне кажется, что, действительно, он ее очень любит; дай-то бог, как я буду рада, когда она у меня будет, просто и сказать трудно. Потом гуляла несколько времени и прошлась на железную дорогу узнать, в котором часу приходит поезд; по дороге купила себе винных ягод. Здесь фунт стоит 50 с., это довольно дешево, купила полфунта за 25. Пришла домой, но часы ужас как тихо идут, до кофею дожидаться долго, я решила пойти посмотреть, как будут пускать шар, отправилась, но потом как прочитала, то оказалось, что шар полетит ровно в 4 часа, а это было всего только половина 3-го, я ходила несколько времени по католическому кладбищу, но все-таки мне ужас как надоело. Какие у них все рожи, у этих швейцарцев, такие глупые, просто страх смотреть, дети у них какие-то косоглазые, грязные, со старыми лицами, просто какие-то старики, а не дети. Сегодня, когда я гуляла, мне встретилась одна нянька, которая несла на руках очень хорошенькую девочку, я спросила, сколько ей времени, она сказала, что 5 месяцев, девочка на меня смотрела и взяла мой палец, такая милочка; вот, я подумала, и у меня такая тоже будет, тоже такая же хорошенькая, как и эта. Господи, когда-то это будет. Я жду не дождусь этого счастливого времени. Так я и не дождалась, когда пустят шар, пришла домой, напилась кофе. Немного спустя я видела из окна, что на небо смотрели, следовательно, шар полетит; вдруг множество народа побежало ужаснейшим образом, и я, чтобы убить время, тоже пошла, думая, что, может быть, для моего удовольствия шар упал где-нибудь на улице, я поспешно вышла, прошла 2, 3 улицы, но шара нет, а народ все бежит да бежит, да идет все за город. Ну, уж туда я и не пошла, что мне там делать.

Написала я письмо к Сонечке Ивановой, надо будет послать. В 6-м часу пойду на железную дорогу встречать Федю, хотя он мне и не велел, но я знаю, что он будет мне рад, если я приду. Время так длинно идет, что ужас, когда это будет половина 6-го, чтобы я могла идти. Туда же рано идти не годится, придется дожидаться, будут на меня смотреть. Мадам наша мне сегодня ужасно как надоедает, все приходит и говорит со мной, мне это ужасно как надоело. Федя, вероятно, сегодня приедет и уж, разумеется, проигравшись, как только возможно, иначе и быть не может. Я буду очень рада, когда он вернется, одной тоска страшная, когда вспоминаю, что денег-то у нас решительно нет.

Ходила на железную дорогу. Пришла чуть ли не за полчаса. Поезд приехал, но Феди нет. Тогда мне пришло на ум, не вздумал ли он мне

прислать письмо, и вот я тихим шагом отправилась на почту, чтобы дать возможность письму придти раньше меня. Шла я очень тихо и осторожно, чтобы как-нибудь не ушибиться. Но на почте письма нет. Пришла домой, у нас было очень тепло. Но мне сделалось до такой степени грустно, что Феди нет, что просто ужасно. Делать мне ничего не хотелось, все было скучно, и я решительно не знала, как и быть. Я думаю, он поехал на вечернем 5-часовом поезде, но должен бы был ночевать в Лозанне, потому что оттуда последний поезд идет только в 6 часов, следовательно, должен ждать до 8 часов утра. Если это так, то, как я думаю, ему досадно остаться ночевать в Лозанне; должно быть, даже у него и денег нет, вот это хорошо будет, денег нет, а ночевать где-нибудь да надо. Бедный Федя, как мне его жаль. Чтобы как-нибудь убить время, я принялась писать письмо Александре Павловне. Мне давно уж следовало бы написать ей, но я все откладывала до завтра, и вот только теперь написала ей и надо будет отправить. Это хоть сколько-нибудь облегчит меня, а то, как я вчера считала, мне следует написать 13 писем, вот как я запустила корреспонденцию. Писание писем заняло у меня довольно много времени т. е. до 11 часов. В 11 часов я легла, но не могла заснуть до половины 12-го. Ночью проснулась в половине 6-го и уж спать больше не могла. Так пролежала в постели до 7 часов. Потом встала, попросила мне сделать кофе, потому что сидеть так, ничего не пивши, тоже нехорошо. Не знаю, приедет ли Федя сегодня утром. Я пойду его встречать и повстречаю непременно.

Понедельник, 7 ⟨октября⟩/25 ⟨сентября⟩

Утро сегодня тревожное, я решительно никак не могла дождаться, когда, наконец, придет 10 часов, чтобы я могла идти его встречать. Сегодня я решительно не понимаю, что сделалось с пожарными, они расхаживают по городу как сумасшедшие. Вот уж 3 раза проходят мимо нашей квартиры с страшным барабанным боем, вероятно, у них сегодня учение. Ровно в 10 часов вышла из дому, но пришла на машину все-таки рано. Пришлось ждать с полчаса. Наконец, поезд пришел. Я стояла у двери и смотрела, не идет ли Федя. Давно народ уж прошел, так что я почти была уверена, что Федя сегодня не приехал, как вдруг он показался у двери с страшно расстроенным лицом. Я сейчас поняла, что это значит полнейшая неудача. Он был чрезвычайно бледен, как-то измучен и расстроен, сначала он меня не видел, но потом приметил и с радостью подал мне руку. Мы вышли, и я начала его утешать. Он мне говорил: «Вот беда-то какая, вот беда. Видишь, что у меня даже пальто нет, там оставил, хорошо, что еще теперь тепло, а я бы мог простудиться». Мы вышли из вокзала и пошли, он держал меня за руку. Я стала его утешать, но он говорил: «Нет, ведь у меня было 1300 франков, в руках было третьего дня, я велел себя разбудить в 9 часов, чтобы ехать на утреннем поезде, подлец лакей не думал меня будить и я проспал до половины 12-го. Потом пошел в вокзал и в три ставки все проиграл. Потом заложил свое кольцо, чтобы расплатиться в отеле. Потом на остальные тоже проиграл. Потом узнал на железной дороге, в котором часу пойдет поезд, сказали в 5, нужно остановиться ночевать в Лозанне, а у меня всего было 12 франков, разве возможно было ехать, я отыскал какой-то пансион и там заложил свое пальто за 13 франков, тут мне предложили у них остаться, дали мне маленькую скверную комнату, где я всю ночь не мог уснуть, потому что в соседней комнате какая-то собака визжала и выла все время и ее били; потом в 4 часа меня разбудили,

и я отправился в Женеву». Он сказал, что даже во 2-й раз, когда он пошел с деньгами, полученными от заложенного пальто, и тогда он отыграл даже 70 франков, но потом опять стал ставить по 5 франков и в несколько ударов все кончилось. Он был в страшном отчаянии [60], мне было тоже горько, и хотя я его и утешала, но мне было так тяжело, что я просто не знаю готова была что сделать. Я даже почти не слушала его, не могла понять, что он такое говорит, так меня это поразило. Ведь вот, подумала, я, давалось счастье в руки, сам виноват, если не мог привезти домой выигранного. (Я про себя вполне уверена, что лакей его разбудил во время, а что ему самому не захотелось приехать. Тут явилась мысль, что вот, дескать, я непременно выиграю не только что одну какую-нибудь тысячу, а уж наверно 10 тысяч, чтобы облагодетельствовать всех, ну, разумеется, дикие мысли пошли, вдруг разбогатеть, вот и пошел и в 3 удара все проиграл. Я спросила его: «Я ведь писала тебе, чтобы ты прислал мне 200 франков, а там на остальные мог бы рисковать, сколько угодно, почему ты этого не сделал?» Федя и тут нашелся сказать, будто бы там почта заперта утром, потому он не мог отправить. Но это тоже неправда. Я этому ни капельки не придаю веры, больше ничего, пошел, чтобы было с чем большим играть.) Нет, я этого решительно не понимаю. Как? Знать, что дома всего-навсего 40 франков, что следует неизвестно откуда достать деньги, что достать решительно нельзя, и вдруг, выиграв так много денег, не послать 200, 300 франков, зная, что это меня сильно как успокоит, и вообще даже в случае проигрыша может нам очень помочь. Мне нисколько, право, не досадно на проигрыш 1000 франков, но ужасно больно за те 300 или 200 франков, которые я просила прислать. Господи! Как я много на них надеялась. Во-первых, что для меня главное, не следовало бы посылать мне письмо к маме, опять ее бедную, несчастную беспокоить и тревожить прося, чтобы она нам непременно прислала хотя сколько-нибудь денег, 125 рублей. Боже мой, что бы только я ни дала, чтобы не просить ее, не беспокоить моего бедного ангела, мою бедную старушку. Как мне это больно, как я и представить себе не могу, так мне это тяжело. Во-вторых, надо опять будет писать и клянчить у Каткова [61], человека, который нас так много обязал и просить которого теперь от меня, несмотря на то, что я его решительно не знаю, очень грустно и тяжело. Таким образом, как я уже сказала, я ушла домой с ним под руку и решительно ничего почти не слушала, что такое он говорил. Я была так сильно поражена, что только и думала, как бы нам дойти домой и мне сесть в постель, уткнуться головой в подушки, чтобы как-нибудь да забыться.

Старухи наши встретили Федю радостно. Я просила, чтобы они сделали опять чаю и кофе, и пока они это приготовили, я сидела и разговаривала с Федей, все утешала его, но самой было так тяжело, так сильно тяжело, как никогда. Право, мне еще никогда не случалось так тосковать, даже в Бадене при наших огромных проигрышах я вовсе не так сильно тосковала, как тут; раз у меня слезы были на глазах, Федя начал меня просить не плакать, и я постаралась, конечно, успокоиться. Старуха принесла чаю и кофе, который оказался нехорош. За кофеем мы с Федей все говорили, и он мне рассказывал о своей поездке и уверял, что он поедет непременно еще раз. Тут мы рассу[ди]ли с ним, что теперь делать и у кого просить денег. Решили просить опять у Каткова 500 рублей и просить его высылать эти деньги каждый месяц по 100 рублей, а кроме этого просить выслать 60 рублей в Петербург Майкову, чтобы он их выдавал Паше. Тут Федя решился еще написать письмо к Яновс-

кому и просить у него 75 рублей, а я между тем попрошу у мамы 50 или по крайней мере 25. Вот этими-то деньгами и жить. У нас же наличными было всего 49 франков, но так как Федя заложил в Саксон пальто за 13, а кольцо за 18, то это следовало выслать, и непременно сегодня, для того, чтобы вещи не могли пропасть. Мне хотелось чем-нибудь непременно развлечься, и я предложила Феде сейчас написать письма и я сейчас отнесу на почту письма, он это сделал, сам лег полежать и боялся припадка, приближение которого он чувствовал, просил меня поскорее отнести на почту. Кольцо было заложено у M-me Dubuc, а пальто в пансионе Orsat. Я отправила mandat[19*] и получив на почте письмо, которое вчера Федя адресовал мне, с горечью прочитала его. Господи, как мне жизнь была скучна сегодня, как мне все это надоело. Я не знаю: ведь я, кажется, предчувствовала, что Федя ничего не выиграет, что эти 150 франков пропадут, даже ведь они бы для нас особенно не помогли, довольно было бы только на 2 недели, а там все равно пришлось бы просить у мамы, но я почему-то надеялась, что Федя выиграет те 150 франков, это было бы 200 рублей, и, следовательно, хоть на несколько времени, а мы были бы спокойны. С горечью шла я домой, но пришла и нашла, что Федя лежал на постели, думая заснуть, потому что всю эту ночь он не спал (собака спать не давала) и ужасно как мучился мыслью, что все проиграно, и что теперь следует делать. У нас всего-навсего 17 франков, больше ничего нет, придется опять вещи закладывать, опять эта подлая необходимость.

Пошли обедать, день ужасно грустный, ничего не могу делать, все меня давит мысль, зачем он мне не прислал 300 франков. Ну уж пусть бы эта 1000 пропала, что за важность, я на них и не рассчитывала, но вот эти-то, эти-то 300, как бы я была теперь счастлива, могла бы что-нибудь себе приобрести из одежды, а то у меня ничего нет, так много нужно, а нет денег, чтобы купить. От обеда Федя пришел домой и лег спать, а я предложила ему, что я пойду и заложу свои рубашки (собственно говоря, рубашки я не закладывала, а у меня были скоплены деньги, 12 франков, вот я и решилась их выдать за деньги, полученные за рубашки, чтобы потом, когда у нас будут деньги, получить их назад. В случае нужды опять их дать Феде или дать в виде полученных от залога платьев потому что мне так больно закладывать мои платья, просто ужас). Пока он спал, я сходила на почту и отнесла маме письмо, в котором умоляла ее непременно прислать мне 25 рублей, откуда она хочет их взять, да прислать. Когда Федя проснулся, я отдала ему деньги, 12 франков, и сказала, что взяла на месяц. Вечер прошел ужасно грустно, до невозможности грустно, тоска страшная, и одна мысль терзает меня, все постоянно одна только мысль о проигрыше приходит мне на ум, от нее я решительно не могу отвязаться, вот опять думаю, надо написать и умолять Каткова, опять унижаться, опять злоупотреблять его к нам добротой; ведь он нас хорошенько не знает, он может о нас подумать, как о людях, которые неблагодарны и злоупотребляют его доверенностью к нам.

Вторник, 8 ⟨октября⟩/26 ⟨сентября⟩

Ночью в 10 минут 3-го я почему-то проснулась и вдруг услышала, что с Федей сделался припадок. Мне показалось, что он был мал, но Федя говорил мне после, что он себя очень дурно чувствовал и, следовательно,

[19*] Почтовый перевод (*фр.*).

припадок был из сильных. Через 10 минут Федя уже пришел в себя и говорил со мной, но очень долго не мог припомнить, что это такое за Саксон ле Бен и где он там был. Это его очень мучило, что припомнить он того не может, наконец, кажется, через полчаса, кое-как насилу припомнил. Потом мы заснули, он предложил, не хочу ли я заснуть у него на постели, я легла, но он спит ужасно как скорчившись и все ударял мне коленями в живот. Я очень боялась, что засну, а он во сне толкнет меня, и я могу слететь с постели. Я только что капельку заснула, как действительно он меня довольно сильно толкнул, тогда я перешла на свою постель 〈...〉 Господи! Какой опять сегодня день был грустный, я только о том и молила бога, чтобы как-нибудь день поскорее прошел, такой он был мрачный и скучный, и все одни только печальные мысли приходили на ум.

День был дождливый, тоскливый; Федя от обеда пошел в кофейню читать газеты, а я, несмотря на дождь, отправилась на почту и получила там письмо от мамы. На этот раз оно было франкованное, мама извинялась, что писала, не франкуя, сказав, что Маша сказала, будто бы эдак скорее доходит. Милая мамочка писала, что она стала очень старая и очень поседела, бедная моя старушка, как мне ее стало жалко. Я была очень рада письму, и, придя домой, опять прочитала его. Тут только я заметила ее выражение насчет доверенности, меня это так сильно поразило, что я ужасно как расплакалась и очень долго плакала. Вообще как вчера, так и сегодня я ужасно как раздражена и расстроена, все меня волнует, все меня мучит, так что я весь день вчера и сегодня плакала; особенно на меня письмо это подействовало, так что я плакала, кажется, с час. Пришел Федя, я ему сказала про письмо и сказала, что оно для меня живой упрек; потому что я должна бы была пожертвовать собой, что я обязана была жить с нею, а я ее бросила, и за то мне и счастья не будет. Федю это несколько обидело, хотя я вовсе не хотела его ничем обижать. Потом я прочитала ему письмо, в котором мама говорит, что она так была рада получить его драгоценное письмо[62]. Это его польстило. Вечером он меня бранил, зачем я не иду к бабке, говорил, что этого он понять не может, что ребенок через это может умереть, что это вовсе я его не люблю, и ужасно настаивал на том, чтобы я пошла к доктору. Я ему отвечала, что потому только не иду, что у нас денег нет, а что я бы и сама желала успокоиться и увериться, что все идет благополучно. Вечером я несколько спала, потом после чаю, когда я лежала в постели, Федя мне рассказывал про свою прежнюю жизнь, про Марью Дмитриевну, про ее смерть. Она умерла в 6 часов вечера; он все сидел у нее, потом вдруг ему сделалось скучно и он пошел на минуту к Ивановым, пробыл у них не более 5 минут и когда пошел домой, то к нему прибежали и сказали, что она кончается[63]. Когда он подошел к дому, дворник сказал, что она уже умерла. Перед смертью она причастилась, спросила, подали ли Федору Михайловичу кушать и доволен ли он был, потом упала на постель и умерла. Потом он рассказывал про ее последнее время, что ей уж года 3 до смерти представлялись разные вещи, виделось то, чего вовсе и не было. Например, представлялся какой-нибудь человек и она уверяла, что такой человек был, между тем, решительно никого не было. Перед его отъездом[20*] в Петербург[64] она выгоняла чертей из комнаты, для этого велела отворить окна и двери и стала выгонять чертей. Послали за Александром Павловичем[65], который уговаривал ее

[20*] *Может быть:* приездом.

улечься в постель. Она послушалась, потому что обыкновенно его чрезвычайно как слушалась во всем. Говорил мне, что она ужасно не любила свою сестру Варвару[66], говорила, что она была в связи с ее первым мужем, чего вовсе никогда не было. Говорил, что она ужасно дурно жила с своим первым мужем, что тот ее выносить не мог. Рассказывал о Варваре Дмитриевне, как она умерла, она была любовницей какого-то начальника парада Комарова[67], которого ужасно любила, но который стыдился ее; ей нужно было ехать в Самару, чтобы лечиться. Она по совету Феди отправилась, но он ее дурно принял, а она была горда и тотчас приехала назад в Петербург, а здесь через 3 недели и умерла. Третья сестра, Софья, живет с каким-то генералом Яковлевым[68], тоже не замужем. Четвертая, Лидия, где-то в Астрахани. Вообще он мне очень много рассказывал про них. Сегодня весь вечер Федя просидел за письмом Каткову[69] и просил меня выслушать письмо и сказать, как я его нахожу. Федя обыкновенно мне показывает письма к Каткову, т. е. деловые письма. Я сказала, что, по моему, письмо хорошее, что ничего не следует ни переписывать, ни уменьшать.

Среда, 9 ⟨октября⟩ 27 ⟨сентября⟩

Утром Федя, несмотря на то, что был несколько нездоров, отправился часов в 12 закладывать мое кольцо, но не застал того дома и скоро воротился. Так мы дождались до 3 часов, и когда пошли обедать, то я [п о д о ж д а л а] его на площади, а он отправился к закладчику. Я все время ходила по площади, и это продолжалось довольно долго, так что мне под конец даже надоело. Пришел Федя, сказал, что за кольцо дали 10 франков, но в мантилье отказали, сказали, что они не принимают таких вещей, а рекомендовали, если хотим, то принести к какому-то Clere. В гостинице, где мы обыкновенно обедаем, спросили сегодня, что такое значит пансион в 50 франков, как у них означено на стене. Он отвечал, что это 2 раза в день [еда?] по 4 кушания, но сказал, что если мы здесь останемся, то можем поговорить с его хозяйкой и она, вероятно, уступит. После обеда мы отправились на почту, чтобы отнести письмо к Каткову. Федя сегодня его несколько переменил, и когда окончательно написал, то предложил мне прочесть его, что я, разумеется, и сделала с радостью. Сегодня же он начал писать и к Яновскому. Отдав письмо, я предложила идти узнать у какого-нибудь сержанта, не знает ли он о жительстве какого-нибудь закладчика. Федя согласился, отправился домой, а я пошла в Gr⟨ande⟩ rue, потому что там видела сержантов. Вышел ко мне какой-то краснощекий очень глупого вида сержант с улыбающейся рожей, и объявил, что не знает, а сказал, что если я хочу узнать, то могу узнать во 2-м этаже в H⟨otel⟩ de ville. Растолковать, куда именно, он не сумел. Но тут нашелся привратник, который указал мне, что следует идти в отделение полиции. Пришла быстро туда, нашла несколько растрепанных чиновников, которым рассказала, что мне нужно, но один отсылал к другому. Наконец, привели к начальнику полиции, порядочной физиономии человеку; он очень вежливо предложил мне стул и начал рыться в книгах, но никак не мог найти; потом объявил, что если мне угодно, то ко мне пришлют закладчика, только бы я сказала свой адрес. Я имела глупость сказать, потому что рассудила, что лучше пусть придет на дом и посмотрит, чем ходить по городу с узлом и носить самой мои платья. Обещал прислать сегодня или завтра. Я поспешила домой, чтобы сказать об этом Феде, так [к а к] он спрашивал, что у меня, да, может, забыл. Но когда сказала Феде, что придет он к нам, Федя

вдруг вздумал объявить, что это ужасно, это значит себя афишировать, это значит объявить всему городу, рассказать всем, что теперь это известно полиции и пр., и пр., вообще говорил разные пустяки. Я ему сказала, что если это ему так неприятно, то я схожу опять туда и скажу, чтобы не присылали. Федя еще сильнее рассердился и сказал, что это я говорю со злости. Я говорила очень тихо, но он уверял, что я на него кричу, тогда я действительно раскричалась. Положим, я тут была сильно виновата, что кричала, но что же мне было тут делать: я так сильно раздражена в этот день, мне так тяжело от всего этого, что мне, право, можно было простить мой гнев. Тут я его обругала дураком и болваном. Он сначала лег в постель, но потом у него стали сильные боли в сердце, и он встал, потому что боялся лежать. Я сейчас же опомнилась и пришла, начала просить у него прощения. Но он ни за что не хотел простить. Право, это было очень жестоко ко мне, ведь нужно же взять и то во внимание, что я теперь очень нездорова и что, наконец, такие вещи и меня могут теперь расстраивать, как будто мне не тяжело [решиться?] закладывать свои вещи, которые так дорого стоили маме и которые так легко могут пропасть. Федя ужасно как обиделся, что я его назвала дураком, до того обиделся, что даже заплакал и плакал несколько времени. Это уж было для меня слишком больно, видеть его слезы. Но я постаралась с ним примириться.

Когда он лег спать, я села писать письмо к маме, опять прося у нее денег; хотела я отнести письмо сегодня на почту, но не могла этого сделать, потому что боялась, что придет наш закладчик и не застанет меня дома, а Федя будет спать. Так он проспал от 6 до 9 часов, когда, наконец, я его разбудила. После чаю я тоже легла заснуть и спала часа 2. Федя все время ходил по комнате, и когда я, наконец, проснулась, то он начал меня бранить, зачем я его оставила, зачем не говорю, объявил, что я и сплю-то просто от злости. Все это было ужасно несправедливо: легла спать я вовсе не от злости, а потому, что была нездорова, а говорить с ним боялась, потому что все ему не нравилось и на все он сердился. Но под конец мы все-таки с ним примирились. Потом я легла спать и ночью видела, что будто бы я играю с папой и мамой в карты, и мама сдает, да так смешно ⟨не расшифровано⟩, не 5 карт, как следует, а 6, 7, 8 и так далее, пока мы ее не обставили. Потом у всех у нас карты лежат открытыми, и я вдруг вздумала подменять их у папы. Мне это показалось так смешно, что я ужасно как расхохоталась. Тут Федя меня разбудил, спросив у меня, что со мной, почему я [так громко?] хохочу. Потом я опять заснула и видела во сне маму, будто бы она у меня умерла. Я до такой степени плакала по ней, так мне ее было жалко[21*].

Четверг, 10 ⟨октября⟩/28 ⟨сентября⟩

Сегодня я проснулась, взглянула на часы и увидела, что мы проспали сегодня до половины 11-го, чего с нами почти никогда не случалось. Я поспешила разбудить Федю, потому что мы ждали закладчика, потом пошла сказать старухам, чтобы они сделали кофе. Когда я пришла к ним, то они мне сказали, что приходил за товаром какой-то господин уж 2 раза, и обещал придти в 3-й в 11 часов, и спрашивала, к нам ли это. Я отвечала, что когда придет, чтобы привели его к нам. Мы сейчас оделись и к 11 часам были готовы. Федя все тревожился и представлял, как это нам стыдно, что вот придет к нам закладчик, что все об этом

[21*] *Поверх стенографического текста надпись:* Соне $4\,^1/_2$ месяца сентября 28.

узнают, о, какой стыд, что мы афишированы и что теперь весь город будет знать, что мы закладываем наши вещи. Вообще говорил мне, что я думаю больше, чтобы его сердить и тревожить, мучить, зачем я пригласила его прийти. Наконец, пришел этот господин, осмотрел наши вещи, 2 мои платья и мою черную кружевную мантилью, и сказал, что, если угодно, то он даст 50 франков, но больше дать не может; что здесь все ужасно дешево дают и что нам же будет легче меньше заплатить, чтобы получить эту вещь назад. Это все они говорят, не понимая одного, что когда получим деньги, тогда все равно будет, больше дать или меньше. Но за такую малую сумму мы отдать не могли, а потому сказали, что поищем другого. Он обещал прислать другого, какого-то господина Dupuis, но так как нам не хотелось, чтобы наши хозяйки знали, то мы просили не присылать, а просто сказать адрес; он нам и сказал. Когда он ушел, Федя начал говорить, что мы осрамились, что теперь все знают, что мы закладываем, что нас уважать не станут, так что мне даже сделалось ужасно больно и обидно. Ведь он же сам довел до того, что пришлось закладывать мои же платья. Зачем было доводить до такой бедности, а тут при этом горе он начинает еще тревожить меня. Когда закладчик ушел, я сходила на почту и узнала, что из Саксон пришли 2 вещи, т. е. Федино пальто и кольцо, но отдать они мне не могли, а просили, чтобы пришел сам Федя. Я воротилась домой, и сказала Феде. Тут у нас как-то зашел разговор, и когда он меня начал опять упрекать, зачем я позвала этого закладчика, и говорил, что мне, вероятно, приятно ходить закладывать, что, вероятно, мне не стыдно, то я отвечала, что мне даже потому неприятно, что это мне случилось в первый раз, что прежде мне никогда так не случалось делать, а, следовательно, о приятности не может быть и речи. Тогда он мне сказал, что нам между собой нечего гордиться состоянием, что и я ничего не имела. Мне это было до такой степени обидно слышать, что я чуть было не расплакалась. Это уж было ужасно обидно. Ведь я говорю это не для упреков его, а он сейчас принял это за упреки и решил непременно и меня упрекать. Да даже если бы я и была так недобросовестна, что позволила бы себе его упрекать, то неужели же у него нет настолько деликатности и любви ко мне, чтобы мне так не сказать. Из дому я пошла к Dupuis, про которого говорил мой закладчик, видела его жену и его, они удивились моей мантилье, сказали, что если бы купить, то они, пожалуй, купили, но под залог денег не дают. Были очень вежливы и указали мне магазин Lion, где продают различные вещи, говоря, что там непременно примут. От него я отправилась в сказанный магазин и дождалась, пока оттуда выйдут две покупавшие там что-то госпожи. Я вошла и показала мантилью. Сначала они спросили, сколько я хочу за нее, а потом отказались взять, сказав, что этим не занимаются, но дали мне адрес Clère на rue des Allemands, который будто бы этим занимается и берет такие вещи. От него я отправилась домой и мы пошли с Федей обедать, а после обеда, несмотря на дождь, я пошла отыскивать Clère. Это какой-то старичок, который сначала объявил мне, что у него все уже заперто и чтобы я пришла завтра, потом, когда узнал, что у меня шелковое платье, а не золотые вещи, дал мне адрес какого-то купца Crimisel, который торгует платьями, и который, по его словам, берет заклады. Я к нему и отправилась. В этом доме есть 2 купца, торгующие платьем, сначала я поехала к одному, сильно позвонила, мне отворила какая-то дама, приняла очень сухо и сказала, что это не к ней, а по другой лестнице. Наконец, я кое-как нашла этого Crimisel, его не было дома;

жена посмотрела мантилью, сказала, что она не особенно понимает в кружевах и что это, должно быть, и не настоящие, но что она верит мне на слово. Я с нею разговорилась, и она предложила мне принести сегодня или завтра платья к ней, когда будет ее муж. Тут пришел и он, посмотрел на мантилью и сказал, что пусть я принесу завтра платье, тогда он примет и мантилью в тот счет. У нее есть ребенок 5 месяцев, но который кажется месяцев 9, если не больше. Она перестала его кормить грудью уже больше месяца, т.е. когда ему было всего только 4 месяца. Мне кажется, это ужасно как рано. Так мы распростились, и я обещала прийти к ним завтра. Пришла домой, сказала Феде, что вот каким образом это устраивается.

Был дождик, и Федя тоже воротился из читальни. Я просила нашу хозяйку сделать нам кофе, который сделала она превосходно. Потом вечер прошел довольно весело. Я легла спать в 11 часов, Федя еще тоже лежал на своей постели, я еще не спала, как вдруг в 25 минут 12-го вечера я в первый раз *почувствовала, что ребенок у меня забился,* т.е. я почувствовала какие-то острые толчки в живот в разных местах, не постоянно, а через несколько времени. Я не сказала Феде, думая, что это я сама обманулась и что, может быть, это у меня просто-напросто расстройство желудка. Потом, когда он меня разбудил в 2 часа, и я все еще продолжала чувствовать это биение, я сказала Феде, он пощупал, но ощупать этого не мог. Как я была рада и счастлива, этого и сказать нельзя. Вот, наконец-то, бьется, живет мой ребенок! Теперь уже не кусок мяса, а, может быть, сын, он тесно связан со мной, милый сын, которого я еще не знаю, но которого ужасно как люблю. Я нынче постоянно мечтаю о Мише или Соне. Мне все кажется, то они маленькие, то подросли немного, то, наконец, большие, и я так рада представить их, я так люблю их, что бог только один знает. Федя несколько раз меня целовал, и мы довольно долго с ним об этом проговорили. Потом, когда он лег в постель, то в темноте мы долго разговаривали. Я говорила, что желала бы, чтобы Соня или Миша походили совершенно на него, а он, напротив, говорил, что желал, чтобы Соня была такая, какая я. А чтобы от меня, говорил он, она *наследовала быстроту бега.* (Оказалось потом, что Федя решительно не умеет бегать.) Потом заговорили о ловкости. Федя сказал, что если она переймет его ловкость, то будет постоянно бить горшки. (Действительно, это правда, Федя ужасный мастер на это, разбил в Москве, в Бадене и вот теперь 2 дня целые здесь. Потом толковали, что если вдруг у нас будет 12 человек детей, все они будут иметь эту манию бить горшки, то мы вместо игрушек на праздники будем покупать для них эту посуду.) Мы очень долго хохотали, но я до того проснулась, что заснуть уж потом не могла и не могла спать всю ночь.

Пятница, 11〈октября〉/29 〈сентября〉

Мы вчера так много хохотали, что я окончательно проснулась и заснуть уж не могла ни крошки, так что, может быть, и могла бы заснуть часов в 7, но так как мне следовало идти в 9 часов заложить платье, и я боялась, что он уйдет, то я и решилась лучше не спать, чтобы опять не проспать так долго. В $^{3}/_{4}$ 9-го я разбудила Федю, чтобы он встал и пил кофе, и в $^{1}/_{4}$ 10-го уже вышла из дому, связав два мои платья, зеленое и лиловое с полосками, в один узелок, под видом посылки. Сегодня был опять la bise, т.е. северный ветер, так что меня просто сшибало с ног. Я кое-как дошла до купца. Они осмотрели мои платья и хотели дать мне за 2 платья и мантилью 60 франков, но я сказала, что это мне мало. Тогда

Страница из стенографического дневника А. Г. Достоевской,
11 октября/29 сентября 1867 г. РГБ

они сказали, что вот если бы у вас было бы еще платье, я отвечала, что готова вместо мантильи принести еще платье, которое будет такое же хорошее, как и первое. Тогда они мне решили дать по 25 франков за 2 платья, следовательно, 50, и за 3-е — 30, всего 80 на два месяца, но сделали такое условие, что если через 2 месяца не выкуплю, то платья они продают. Но пока я еще не принесла платье, они заставили меня записать эти 2, я получила 50 франков и отправилась домой, зайдя в магазин купить чаю. Как-то случается, что я всегда покупаю чай именно когда бывает la bise. Хозяйка магазина, которая меня уже знает, предложила мне сесть на стул и поставила мне под ноги грелку с углями,

я несколько времени посидела, но потом побоялась, чтобы мне потом не простудиться, побоялась держать ноги в тепле (Я забыла, этот Crim⟨isel⟩ показал мне часы, всего за 80 франков, такие, как мои, но здешней работы, следовательно лучше, и еще часы-хронометр великолепные за 400 франков, и сказал, что у них скоро будут в продаже черные шелковые платья, и что если я захочу, то могу их купить.) Пришла домой, принесла[22*] деньги, но сейчас не пошла опять с платьем, потому что было уж слишком холодно.

Пошли обедать, а после обеда я зашла домой и, взяв платье, отправилась опять к закладчику. Его не было дома, но жена была, она уже хотела мне дать деньги и заставить меня расписаться; конечно, я была так глупа, что разговорилась с нею, расспрашиваю ее о платье, и таким образом дождалась-таки, что пришел муж. Она, вероятно, бы дала мне 30 франков. Но он был [скупее?], чем она, и, посмотрев платье, объявил, что оно изношено и что он может дать только всего 20 франков, тогда как я надеялась получить 30. Он долго рассматривал и продолжал уверять, что оно старое и что им будет убыток, когда придется им продать. После долгих разговоров, наконец, дал мне 25 франков. Тут я могла себя бранить [одну?], потому что решительно была одна виновата в том, что не дал больше. В большой грусти пошла я домой, купив на дороге бумаги для заштопывания наших чулок, которые очень разорвались. Но я так долго ходила, что уж стемнело, и Федя начал беспокоиться, не видя меня так долго.

Вечером, когда Федя меня разбудил, я ему говорила что-то про сны и потом сказала по-французски: «Mais c'est très singulier»[23*]. К чему это относилось я, право, не знаю, вообще я нынче больше разговариваю по-французски, чем по-русски. Нынче ребенок продолжал биться целый день, но я все еще боялась этому поверить, думала, что это происходит от раздражения желудка. Федя был сегодня очень весел и мы все сочиняли Абракадабру:

Главные лица: Абракадабра[24*]. Дочь ее: она невинна и Ключ любви. Жених — Талисман.

Он входит: Поклон мой Вам, Абракадабра,
Желаю видеть Ключ любви.
Пришел я сватать очень храбро,
Огонь горит в моей крови.
Абр. Авось приданого не спросит,
Когда огонь кипит в крови,
А то задаром черти носят
Под видом пламенной любви.
[Он:] Советник чином я надворный,
Лишь получил, сейчас женюсь.
Она: Люблю таких, как Вы, проворных,
[Он:] Проворен точно, но боюсь.
Она: Чего боитесь Вы напрасно?
Ведь смелыми владеет бог.
[Он:] Владеет точно, это ясно,
Боюсь того, что скажет рог.

И в этом роде еще много стихов. Нынче Федя все говорит каламбуры, так например: я его просила, чтобы он посидел со мной; он мне ответил:

[22*] *Может быть:* отнесла.
[23*] Но это очень странно (*фр.*).
[24*] Абракадабра... Талисман, *а также все стихи написаны обычным письмом.*

«Вы просите с Вами посидеть, а я боюсь с Вами поседеть». Или «влез-в лес», «до рожи-дороже». Вообще он нынче очень весел. Когда мы легли уж спать, я думала, что он заснул, он думал, что я сплю, вдруг я ему сказала, что вот я присочинила еще стих, сказала ему, а он в ответ сказал мне другой. Нам сделалось ужасно смешно, как мы вместо того, чтобы спать, занимаемся сочинением глупых стихов. Федя все эти стихи поет на один голос, который сам же сочинил. Вообще нынче мы опять с ним страшно дружны и он меня, кажется, ужасно любит.

Суббота, 12 ⟨октября⟩/30 ⟨сентября⟩

Сегодня утром я решилась непременно идти к бабке M-me Renard, которая живет где-то здесь в Женеве, дом здоровья в улице Môle и улице du Nord, № 6 и 5. Я много раз читала ее объявление в гостинице о том, что она принимает к себе на попечение беременных женщин и что дает советы. Я давно уж собиралась идти и меня ужасно мучила мысль, что, может быть, из-за моей неосторожности может умереть ребенок, и я буду так несчастлива. Не шла же я потому, что Федя постоянно толковал идти к доктору, а я хотела непременно к бабке, да к тому же у нас и денег не было. Но сегодня я решилась непременно идти. У меня на этих днях все ужасно как болело горло. Сегодня Федя мне непременно велел купить себе вуаль и дал для этого 3 франка, а для бабки дал на всякий случай 5 франков, он сказал, чтобы я дала ей только 3 франка, уверяет, что это совершенно довольно. Я очень долго собиралась, Федя постоянно меня торопил. Наконец, я вышла и пошла сначала покупать себе вуаль в том магазине, где я купила себе платок. Вуаль такой, какой я носила в Петербурге, стоил здесь 1 франк 95 с., без 5 с. 2 франка, что очень дешево. Я тут же надела; потом вспомнила, что у меня очень дурные подвязки, а бабка могла видеть это; мне не хотелось беспорядка и потому я решилась на оставшийся франк купить себе подвязки; показали мне красные шелковые, спросили 1 франк 20 с., но уступили за франк. Наконец, кончив покупать, я отправилась отыскивать ее и сначала думала, что на противоположной стороне Роны, но потом оказалось, что она на нашей стороне. Я долго шла по берегу, наконец, какая-то женщина мне показала как пройти в улицу Môle, и через 5 минут я нашла этот дом. Это в каком-то переулке, довольно небезупречном; я вошла на двор, пришла в какой-то дом, где слышались крики ребят, но никого не видно было. Наконец, когда я хотела подняться наверх, то встретила девушку, которую я спросила, могу ли я видеть M-me R⟨enard⟩. Она увела меня в комнату с дверью, отворенной в сад, комнату, заставленную мягким диваном, с огромным портретом какой-то женщины высокого роста, еще молодой, окруженной [с к у л ь п т у р а м и] и 3-мя бюстами каких-то великих людей. Тут были и другие большие портреты в таком же роде. Это вероятно и есть сама M-me R⟨enard⟩. Я посидела с минуту, когда пришла девушка и сказала, что теперь M-me завтракает, и что не хочу ли я прийти к ней в это время. Я сказала, что мне все равно, и она привела меня в комнату, где сидела довольно пожилая женщина за завтраком и, кажется, очень мало обращала на меня внимание, вероятно, это их манера задавать тон. Но мне решительно все равно. Она просила меня сесть, и я начала ей рассказывать, что я беременна, но не знаю на каком месяце. Она мне сказала, что надо считать с последних месячных через несколько дней, т. е. на следующей неделе, т. е. в конце мая, и по моим рассказам заключила, что у меня ребенок должен биться,

рассказала мне, как именно. Я отвечала, что я это именно чувствую. Мы долго проговорили с нею, и она мне все время советовала нисколько этим не беспокоиться и не заботиться, не изменять свои привычки, так же много ходить, как теперь, и вообще уверяла, что в сущности это ровно ничего не значит. Потом она позвала меня в другую комнату, ощупала меня и предложила мне лечь, чтобы посмотреть, движется ли ребенок. Она мне сказала, что он очень движется и что, по ее мнению, мне скорее 5, чем $4^1/_2$ месяца; потом на мой вопрос, что у меня невелик живот, сказала, что форма его прекрасная, именно как следует, а что у меня еще с целый месяц не будет живота, потому что он растет только в последние 3 месяца, потом мне сказала, что если я буду чувствовать, что ребенок бьется несильно и приду к ней ⟨не расшифровано⟩, и тогда мне, может быть, будет надо пустить кровь, и тогда ребенок будет биться очень шибко. Уверяла, что, по ее мнению, у меня все хорошо и все кончится благополучно. Когда я сказала ей о бели, то она мне отвечала, что это постоянный спутник беременности и предложила мне дать пудры, чтобы подмываться, сказав, что после родов бели пропадут. Потом посоветовала после родин непременно дать себя осмотреть хорошему акушеру для того, чтобы он мог видеть, что все в порядке, иначе что-нибудь может быть испорчено и после поправить будет уж трудно. Трогала она мне живот холодными руками и говорила, что ребенок сильно бьется; рассказывала потом, где лежит, где головка, где спинка, где ножки. Потом пошла в другую комнату и дала мне пудры, взяла за нее 2 франка; я спросила, сколько я ей должна, она отвечала, что это от меня зависит, тем более, что со мной было мало дела, я ей дала 5 франков и она, кажется, была довольна. Я сказала, что приду к ней советоваться, если что-нибудь со мной будет.

Пошла я домой ужасно радостная, тем более, что теперь я была вполне уверена, что я не ошиблась и действительно беременна. Меня смутил мой небольшой живот, все приходила мысль, что я себя обманываю, что вовсе не беременна, а что месячные пропали по какой-нибудь другой болезни, а потому, может быть, у меня даже и чахотка. Но тут она мне вполне отвергла мои глупые предположения и, главное, решительно успокоила меня, сказав, что уверена, что все пройдет хорошо. Действительно, ведь я очень хорошо себя чувствую и мне кажется, что даже и конец будет легкий. Когда я вернулась к Феде, то он сейчас спросил, что она сказала, и был тоже очень рад, когда я ему рассказала, как меня нашла бабка; он в это время доканчивал писать письма к Александру Павловичу, Сонечке и Яновскому[70], и мы из-за этого сегодня пошли гораздо позднее обедать и ели все холодное. После обеда Федя пошел на почту, но по дороге мы купили фруктов. Был сегодня довольно холодный день, опять la bise, и так как мне было холодно стоять на площади, пока он выбирал фрукты, то баба предложила мне сесть в ее деревянную бочку. Я села, что было, должно быть, очень смешно; барыня в круглой шляпе, в синей вуали сидит в деревянной бочке и, может быть, торгует фруктами. Я просидела с четверть часа, совершенно согрелась, потому что бочка сколочена из плотных досок и довольно тепло. Я пошла домой, а Федя один снес письма на почту.

Воскресенье, 13/1 ⟨октября⟩

Утром Федя продолжал сочинять Абракадабру, а потом сел писать. Нынче он каждый день что-нибудь да пишет, составляет план романа, а когда его дома нет, то я все это прочитываю, потому что мне ужасно

как интересно знать, что такое он пишет, как это у него выходит. Сказать же об этом, что я читаю, было бы ужасно как глупо, потому что тогда бы он стал непременно прятать от меня все написанное. Вообще он не любит, чтобы смотрели то, что он написал еще начерно, да, я думаю, никакой человек не любит, а поэтому говорить не для чего. Я ужасно как рада моему ребенку; когда он у меня долго не шевелится, то я начинаю думать: «Что это моя Сонечка не бьется» и в это мгновенье она начинает сильно биться, т. е. особенно коленями, как будто желая мне сказать: «Полно, мама, ведь я здесь, ведь я не ушла, не беспокойся обо мне». Я забыла сказать, что вчера, когда Федя ходил на почту, он получил там письмо от Майкова и когда пришел домой, то предложил мне его прочесть. Федя нынче дает мне прочесть все, что он получает, и меня это ужасно как радует, такая доверенность, потому что это избавляет меня от необходимости читать стороной его письма, даже без всякого согласия. (Ведь не могу же я оставаться равнодушной к тому, что делает мой муж.) Майков прислал несколько слов о Паше и называет его [о б у з о й, у п р я м, л е н и в, к а к в с е, к т о] вкусил жизнь, не искусится наукой. Он говорит, что Паша приходил к нему спрашивать адрес и за деньгами, у Майкова хотя и было 25 рублей, но он их не дал, а спросил, на что ему деньги. Тот отвечал, что надо отдать 15 руб. за право ходить в университет, где он будет заниматься стенографией, т. е. записывать лекции по римскому праву и потом составить и продавать их по 2 рубля за лекцию. Майков пишет, что он, бывши сам юристом, знает очень хорошо, что для записывания лекций по римскому праву необходимо знать много древней жизни и древних наук, а также латинский язык. Паша отвечал, что он знает по-латыни чуть ли не отлично, Майков, разумеется, ему не поверил и денег не дал. Потом, когда он пришел через 2 дня, то дал ему только 15 рублей, а 10 рублей оставил себе, отдаст, когда будет время. Оказалось, по словам Майкова, он уже разочаровался в римском праве, не внеся еще 15 рублей, и думает теперь уже о другом.

Майков велит Феде поцеловать меня в ручку. Вот его истинные слова: «Милую Анну Григорьевну за все, что вы о ней пишете, поцелуйте в ручку от меня»[71]. Милый и добрый Аполлон Николаевич. Этот человек понимает меня и не считает интриганкой, он понимает, что я очень люблю Федю и любовь моя истинная, хорошая, вечная, а не минутная прихоть, уж если Федя пишет про себя, что считает меня гораздо выше и глубже, чем прежде думал, а Федя ведь ужасно как скуп на похвалу. Я была очень рада прочесть письмо Аполлона Николаевича, очень, очень рада; но он ужасно как дурно пишет, так что я едва сумела разобрать, что именно такое было написано.

Все утро я просидела дома, потом пошли обедать, а от обеда я пошла узнать, нет ли для меня письма. Почтмейстер, который нам раздает письма, сказал мне, что поутру был какой-то господин, который спрашивал письма на наше имя, но писем не было, а потому он не дал. «Это, может быть, ваш муж»,— но я сказала ему, что мой муж был вчера вечером, а сегодня он целый день сидел дома; тот продолжал утверждать, что не вчера вечером, а сегодня утром был какой-то господин, но письма не получил, потому что письма не было. Я его попросила не давать никому, кроме меня. Потом я пошла домой и читала книгу, роман George Sand: «L'homme de neige», первый роман, нет, второй, который я читала. Один был, между прочим, в русском переводе. Но он мне чрезвычайно не понравился, потому что и перевод был скверный, да и роман не произвел

на меня впечатления. Это отличный роман, и я читала его с удовольствием, хотя Федя, читая его, постоянно критикует и находит большие недостатки[72]. Потом пришел Федя и предложил мне идти гулять. Мы отправились, по дороге я ему сказала, что на почту кто-то приходил, и в доказательство, что я не говорю неправды, предложила зайти. Мы пришли туда, и почтмейстер и Феде сказал, что действительно кто-то приходил. Тогда Федя оставил записку со своим почерком и просил не давать никому писем, исключая его и меня. Потом воротились домой и вечером были очень дружны друг с другом; Федя мне говорил, что ему лучшей жены и придумать нельзя, даже если бы он захотел выдумать себе, такая у него хорошая жена, но, правду, ее иногда следует посечь; я с ним согласилась, что посечь действительно иногда нужно, ну да это невозможное дело.

Я вспомнила, что сегодня 1 октября, день именин Стоюниной, у которой я была постоянно 3 года каждый год на именинах. Помню прошлый год, я у нее была в лиловом платье, пришла вечером. К ней приехал целый[25*] мужчин и женщин. Была и Верочка[73], она была ужасно какая худая и бледная, и меня постоянно мучает совесть, что я с ней очень мало говорила. Это было последний раз, как я ее видела, потом она заболела еще хуже и через $2^1/_2$ месяца умерла. Как мне больно теперь припоминать, что я с ней не была так ласкова, как бывала обыкновенно. У нее были обрезанные волосы и ужасно худое лицо. Вечер прошел довольно скучно, играли в дурака и потом, уже часов в 12, я отправилась ночевать к Маше. Маша меня ждала, не ложилась спать и стала расспрашивать, кто у них был. Потом, уж утром на другой день, я отправилась домой. Помню еще 3-го года, тоже была у нее, в сером барежевом платье с зелеными ленточками, были у нее все родные ее, но весело не было, потому что разговор как-то не ладился, и она должна была все их занимать. Припоминаю еще за 6 лет 1 октября, когда Маша была еще не замужем. Это был тот день, когда мы взяли из приюта Машу Овр. на один день. Было воскресенье, но удивительно холодно, так что, мне кажется, и зимой таких холодов не бывает. Папа и мама, по обыкновению, пошли в этот день к Александре Павловне, потому что она живет у Покрова[74], следовательно у[26*]. Ваня же тогда жил у нее. Я оставалась одна дома; Маша же отправилась за Овр. в приют. Приехала она часа в 2 и стала потом дожидаться Березовского, который с Бадмаевым обещал придти[75] сегодня обедать; ждали и Павла Григорьевича, как жениха. Овр. была влюблена в Березовского и он, кажется, тоже в нее. Наконец, и студенты пришли, и тогда, я помню, какое счастливое, веселое выражение было лица Маши Овр. Они стали вместе играть в фортепиано в 4 руки; потом приехал Павел Григорьевич, пообедали и все было довольно весело. Я же все сидела в задней комнате, разливала чай и кофе. Приходил ко мне Бадмаев; он был очень грустный, потому что предчувствовал, что Маша выйдет за Павла Григорьевича. Кажется, ревновал. Вечером эдак часу в 8-м нужно было отвести Машу Овр. назад в приют. Решили так, что пойду я провожать, и со мной Бадмаев, а с нею Березовский. Она была ужасно как счастлива, что он идет ее провожать. Вот мы отправились. Бадмаеву, разумеется, было ужасно досадно ехать или идти со мной, во-первых, потому что было слишком холодно, а во-вторых, что было за удовольствие ехать с 15-летней девочкой, когда

[25*] *Пропуск слова в подлиннике.*
[26*] *Пропуск слова в подлиннике.*

он мог бы с большим удовольствием провести время, бывши у нас. Сначала мы пошли пешком, но [они?] шли так скоро, что поспевать за ними было нельзя. Мы предложили им или идти тихо, или же мы воротимся домой. На Песках Березовский нанял извозчика, посадил Машу, и они поехали. Бадмаев тоже должен был нанять, мы тоже поехали, стараясь их не потерять из виду. Это было время студенческих историй[76], по Невскому проспекту они ходили сотнями. Вдруг наша лошадь останавливается, извозчик слезает, начинает что-то поправлять в упряжи. Представляю себе положение бедного Бадмаева. Он, видимо, был [сконфужен, что?] вдруг его видят на Невском проспекте на извозчике с какой-то невзрачной девочкой. Это его так взбесило, что он чуть не отказал извозчику, что еще больше обратило бы внимание. Наконец, мы догнали Березовского, я отвела Машу в приют, потом Березовский несколько времени с нами ехал, а потом пошел домой. Мы же с горем пополам доехали домой: холод был страшный, луна светила ярко, но страшный холод на дворе. Он меня довез до дому, и хотел сейчас идти, но Павел Григорьевич взял его извозчика, так что пришлось, кажется, идти пешком. На другой день Березовский был взят в крепость[77] и просидел там, кажется, до 10 января.

Понедельник, 14/2 ⟨октября⟩

Сегодня, так как Федя мало спал, я дала ему проспать еще с полчаса, потом, когда у нас кофе уж был готов, я вспомнила, что у нас нет сахару, и решилась сейчас бежать. Вышла на улицу, и что это была за чудная погода: настоящее лето, какое бывает только в хороший июльский день. Пришла домой в 12 часов. Пошли на почту и немного прогуляться. (Хотела я сегодня идти в более длинную прогулку, но не знала, куда именно идти, так и отложила, в полной надежде, что такие прекрасные дни будут во всю эту неделю.) Пошла сначала на почту, и мы получили письмо от Феди[78] на имя Федора Михайловича. Немного погуляла, потом отнесла ему, думая, что, вероятно, ему будет приятно поскорее узнать о них и прочитать его письмо. Он прочел и потом передал письмо мне, по обыкновению, прочитать, ничего особенного нет; говорит, что Эмилия Федоровна пришлет на днях письмо,— разумеется, с жалобами, как и оправдалось по письму. Потом пошли обедать, Федя от обеда пошел читать, а я отправилась домой и по дороге видела, как отправлялся шар; я в первый раз видела шар невысоко, постоянно же видела его только одну черненькую точку, потом я отправилась за свечами в какой-то Cormoram, где наша хозяйка покупает свечи не по 1 фр. 20 или 25 с., как мы, а по 1 фр. 10 с. Я решила сходить туда, хоть 10 с. да выиграть, но мы узнали, что наши свечи, которые мы берем, стоят 25 с., а [у них?] 1 франк 10.

Вечером мы отправились с Федей гулять, он мне долго рассказывал то, что прочитал в газетах, именно, историю Ольги Умецкой[79], бедной девушки, как мне ее было жаль, что за твердый характер: сказала, что я поджигала, да так и стояла на этом, хотя никто того не подтвердил, она могла бы отказаться от своего показания. Несчастная девушка 2 раза хотела броситься в окно, один раз повеситься, уж с веревки сняли, так ей было хорошо дома жить, а эти подлые отец и мать, это не люди, это какие-то звери, когда приходится родить, отправляются в другую деревню, там родят, потом забрасывают детей до 7—8 лет, чем хотите, тем и питайтесь, а сами богатые люди, сами имеют состояние и хвастаются им. Как это этих людей ничем не наказали? Если бы мне дали бы волю,

я бы, кажется, повесила их, так мне они отвратительны. Своих родных детей, несчастных, матери мучают; заставлять работать, не давать есть, это подло. И как это их бог не накажет? И бог дает таким зверям детей! Господи! Как это тяжело даже подумать, какие бывают еще люди, да еще из благородного сословия. Меня этот разговор ужасно как возмутил. И неужели эта несчастная девушка опять попадется им в руки, они, бедную, ее опять замучают, будут мстить за ее жалобы на их обращение. Вечером Федя мне говорил, что он жалеет, что нет в живых брата, как бы он тебя любил, ценил и уважал. Я ведь у тебя, что у Христа за пазухой, так ты меня бережешь. Разговаривали мы много о Сонечке, он ее очень любит, говорит, что еще больше будет любить. Он хотел со мной пошутить и нечаянно ударил меня довольно больно по лицу. Ему сделалось так больно это, что он стал на колени и с $^1/_4$ часа стоял, прося прощения и говоря, что вовсе не думал так сильно меня прибить, так меня обидеть, говорил, что очень меня любит, ужасно, ужасно. И Сонечку тоже. Я вполне уверена, что когда он ее увидит, то еще больше полюбит, еще больше будет нами дорожить. Он всегда только горюет, что у нас денег нет, что у нас слишком мало денег, а нужно довольно много для родни и для Сонечки. Вижу я во сне постоянно Сонечку, и то, как она у меня родилась, но именно бывают всегда какие-то странные обстоятельства; право, даже смешно видеть, что это за чепуха.

Вторник, 15/3 ⟨октября⟩

Сегодня опять разбудила Федю попозже, чтобы он мог выспаться. Он все жалуется, что у него сердце останавливается и мешает ему дышать. Мне это ужасно как грустно слушать, право, если он разболеется. Утром мы растопили печку, и я начала стирать и гладить платки, потому что и у него и у меня сильный насморк, а отдавать прачке, во-первых, дорого, а во-вторых, она не ходит раньше недели. Кончив мою работу, я принялась читать, а Федя сел опять писать. Нынче он пишет и вечером, все составляет план романа. Господи, как я ему от души желаю, чтобы роман вышел очень хороший. Это мое единственное и самое искреннее желание. Я постоянно об этом молилась, хотя вовсе не считаю, чтобы мои молитвы могли бы тут сколько-нибудь действовать. После работы он написал письмо к Moppert, у которого в Бадене заложены мои серьги и брошка, и предлагает ему 150 франков, чтобы только он подождал еще месяц. Не знаю, согласится ли тот. Но мне будет до такой степени горько, если эти вещи пропадут. Во-первых, и память дорога об этих серьгах, а к тому же других ведь у меня не будет, хотя Федя и говорит, что он мне непременно купит. Но ведь у нас так много других расходов, других издержек, что покупать решительно нет никакой возможности. Я сказала об этом Феде, а он отвечал, что я говорю это только для того, чтобы его укорить, хотя у меня и в мысли этого не было. Из-за письма просидели дома до 4-х часов, и Федя так торопился одеваться, что забыл свои платки, и когда мы пришли обедать, то оказалось необходимо взять хотя бы какой-нибудь платок, иначе просто хоть домой иди. Федя затем меня выбранил, да и стоило. Подали нам все почти холодное, потому что мы уж слишком поздно пришли. От обеда я хотела идти на почту, но когда начала говорить об этом Феде, то начала как-то странно [заговариваться?], т. е. говорить не те слова, которые бы следовало. Федя рассердился и мы разошлись в разные стороны. (Я заметила, что нынче я говорю очень часто совсем не то, что хотела сказать, совершенно не те выражения, это просто меня обижает, если эта способность за мной

останется.) На почте ничего не получила, но отдала письмо и взяли за него 40 с. Пришла домой, пришел скоро и Федя и хотел было представиться сердитым, но я расхохоталась и он тоже не мог не рассмеяться. Пошли мы гулять и на дороге все разговаривали о том, как подло, если мужчина изменяет своей жене. Зашел этот разговор по поводу одной девушки, довольно красивой, которая мне очень нравится; Федя сказал, что он ее знает (не знаю, правда ли это) и сказал, что он был друг ее. Начал оправдываться, говорил, что это не в[а ж н о]сть, что это просто было желание, а что тут преступления нет, потому что было без любви; что скорее преступление будет, если он будет любить кого-нибудь или носить деньги кому-нибудь из дому, вот это так преступление. Я же отвечала, что, по моему мнению, даже просто измена ужас как оскорбляет жену, и если бы я была мужчиной, то, кажется, ни за что никогда бы не изменила своей жене; что мне было бы даже совестно взглянуть ей в глаза, если бы мне пришлось ей изменить. Мне даже ужасно больно подумать о том, что если бы Федя действительно мне изменил, право, это уж так грустно, хотя как тут узнаешь. Право, лучше быть не замужем, никого не любить, по крайней мере, тогда не станешь беспокоиться, что кто-нибудь мне изменяет и меняет на другую. Но я постаралась как-нибудь отделаться от своей этой мысли, тем более, что Федя был очень внимателен ко мне и, кажется, очень меня любит.

Вечером Федя сел писать, а я легла полежать, да немного и заснула. Так у нас было хорошо в нашей комнате, право, что, может быть, так хорошо никогда и не будет. Тепло, тихо, Федя работает, так светло и так приятно лежать. Он также такой ласковый, милый. Правда, я заметила, что он немного стал раздражительный в последнее время, и я думаю, что это решительно происходит от климата, потому что уж климат слишком дурной и страшно переменчивый. У нас сегодня не хватило воды, и Федя пошел в кухню хлопотать насчет нее. Старухи сейчас захлопотали и принесли воды. Тут Федя сказал нашим двум старушкам, что я беременна. Я отвечала, что это неправда, что он все лжет. Старуха расхохоталась и, вероятно, не поверила, хотя уверяла, что она очень любит детей и что она будет за мной ухаживать, предлагала взять здесь их вторую комнату, сказав, что она прогонит наших соседей, потому что они им не нравятся. Решительно не понимаю, за что они не заслужили их любовь. Они, кажется, такие смирные люди и никого не тревожат. Федя сказал, что теперь пока не надо, а что потом мы возьмем их 2-ю комнату. Старуха ужасно хохотала, но я уверена, что она не поверила нам, потому что сегодня утром она меня встретила и сказала, что вчера мой муж просто уморил ее со смеху, говоря обо мне. Я не думала разуверять ее. Как-то на днях, когда у меня очень болела голова, наша старушка сказала, чтобы я ничего не делала без доктора, потому что может быть я par hasard[27*] беременна. Мне так смешно показалось это слово par hasard, когда я уже, может быть, больше 5 месяцев, как готова. Федя сказал, что ребенок будет кричать как un turc[28*]. Какая похвала для моей Сонечки. Как-то мы тут говорили с Федей и он сказал, что если бы мы выиграли 10 тысяч, то он дал бы мне сколько мне угодно денег, например, дал бы мне на мои расходы 1000 франков, не спросив, на что мне надо. Я сказала, что тогда бы я бог знает чего накупила для Сонечки. Он отвечал, что если для Сонечки, то он не пожалел бы даже 4 тысячи.

[27*] Случайно (*фр.*).
[28*] Турок (*фр.*).

Теперь расскажу про 3 октября прошлого года, день, в который я была удивительно как счастлива. Это был понедельник, день, в который я обыкновенно ходила учиться стенографии, т. е. в это время приезжала диктовать, потому что я довольно уж сильно тогда писала. Было 6 часов вечера, когда я пришла в 6-ю гимназию, урок еще не начинался, и я уселась на свое место, раскладывала свои тетради, приготовившись писать. Вдруг ко мне подошел Ольхин, попросил подвинуться, потому что сказал, что имеет со мной много поговорить.

— Не хотите ли вы получить стеногр⟨афическую⟩ работу,— сказал он мне.— Мне поручена одна работа и я думаю, что, может быть, вы согласитесь принять ее.

— Я еще не знаю, довольно ли я сильна в стенографии, чтобы взять на себя какой-нибудь труд.

Он сказал, что это не потребует больше 200 букв, а вы совершенно хорошо пишете, чтобы успевать писать под диктовку и чтобы вполне надеяться, что я могу взять на себя эту работу. Я спросила в чем суть.

— Это работа у одного писателя, Достоевского, который пишет теперь роман и которому нужно писать под диктовку, всего 7 листов[80], и за работу просил я 30 рублей. Ну, так вы знаете, необходимо условие насчет платы, от труда 10%, которую я должен получить за отыскание работы.

Я отвечала, что я решительно не буду нисколько на этот счет спорить. Потом он сказал, что у него есть 2 ученицы, которые желают догнать его курс, и что думает, что я могла бы их приготовить, а получу я за них по 5 рублей, т. е. по 2 урока, вероятно, мне это немало. Я согласилась, он вынул из кармана небольшую записку, адрес Достоевского: «Столярный переулок и Малая Мещанская, дом Алонкина, кв. № 13[81]. Спросить Достоевского». Я решительно не знала, кто именно писал эту записку, Федя или Ольхин, вероятнее всего, что Федя, потому что он дал этот адрес. Я взяла его и сейчас спрятала, ужасно боясь, как бы мне его не потерять. Потом он прибавил, что мне непременно следует быть там в половине 12-го, ни раньше, ни позже, а именно тогда, когда он мне назначил. Потом он отошел, потому что класс должен был скоро начаться, и оставил меня в ужасной радости. Урок уж начался, когда пришла госпожа Иванова и обыкновенно села около меня. Я сейчас же сказала, что Ольхин нашел мне работу, что она будет стоить 30 рублей[82], дал мне адрес, и что даже обещал мне 2-х учениц. Она, видимо, была поражена моими словами и даже сразу, как мне кажется, не поверила мне. Она выслушала меня с завистью, сказала, что очень рада за меня и все старалась выспросить, когда именно, в котором часу и к кому. Я сказала — к Достоевскому, в половине 12-го, но адреса не сказала: я боялась, чтобы ей не вздумалось идти туда вместо меня, чтобы меня заменить или как-нибудь постараться помешать мне взять на себя эту работу, и адреса я ей все-таки не сказала, а сказала, что знаю, что в Столярном переулке, а адрес вынимать уж слишком долго. Урок кончился, я подошла к Ольхину, спросила его, на какой бумаге, какого формата и какие оставлять поля. Он отвечал, что это он уж предоставляет Достоевскому, потом прибавил, что он надеется, что я буду очень внимательна к работе, тем более, что это первая, постараюсь приходить вовремя и потом, что, вероятно, мне придется придти раз 10, не больше.

— Это чрезвычайно угрюмый господин, ужасно мрачный, я решительно не знаю, как вы с ним сойдетесь.

Я отвечала, что это меня нисколько не заботит. Да и действительно, что мне было за дело до характера человека, я ведь вовсе не для

замужества с ним пришла, а для работы, следовательно, исполни я только верно свою работу и я могу быть уверена, что буду жить в ладу с ним.

Вышли мы с Ивановой, и все мне показалось такое хорошее, такое светлое, уютное, какое-то особенное, новое; даже и погода скверная, и дождь показались мне сносными. Сели мы на извозчика. Она в своем меховом салопе так заняла много места, что я едва не вываливалась из дрожек. Всю дорогу она меня выспрашивала, что сказал мне Ольхин, где живет Федя, говорила, что она за меня ужасно как рада, что мы уже начинаем работать, что это показывает, что наш труд не останется бесполезным, что это подает нам надежду и заставляет больше заниматься. Говорила, что, может быть, если бы несколько больше занималась, то он поручил бы ей эту работу. Вообще видно было, что она была очень недовольна, что работа поручена не ей, может быть, даже завидовала мне, потому что по всем ее разговорам можно было судить, что она себя считала самой лучшей ученицей из всех его учениц. Я довезла ее до угла Николаевской и Колокольной, потом заплатила извозчику, кажется, 15 копеек и пересела в дилижанс, чтобы скорее доехать до дому.

Когда я ехала домой, я была так рада, что счастлива, что и представить себе этого нельзя. Вот, наконец, и я начинаю зарабатывать деньги, думала я, наконец-то мое постоянное всегдашнее желание исполнилось, как это хорошо, как я буду счастлива! Как обрадуется бедная мама, что, наконец, мои старания увенчались успехом, и я буду тоже полезна, буду зарабатывать свои трудовые деньги. Я не понимаю, как ⟨не расшифровано⟩ эта мысль имела на меня сильное влияние. У меня постоянно, всю мою жизнь было одно только страстное желание, это иметь свой кусок хлеба, иметь возможность не обременять мою семью, а быть самой ей полезной, стать самой на ноги, и в случае нужды суметь найти себе деньги. Теперь я могу помогать маме. Какая это была чистая радость! Право, навряд ли у меня будет в жизни много таких прекрасных часов, как были эти. Эта мысль, что я теперь полезна, она так меня радовала и так меня восхищала, что я бы, кажется, меньше радовалась, если бы узнала, что получила наследство в 500 рублей, чем этим трудовым, *своим*, своим трудом заработанным 30 рублям.

Когда я вышла из дилижанса, меня встретил дворник, посланный проводить меня, мы вместе пошли, и я нарочно ускорила шаги, чтобы поскорее дойти домой и рассказать об этом маме. Я быстро прошла нашу лестницу, притворила растворенные двери. Мама в это время ставила самовар и стояла над ним, нагнувшись; она очень обрадовалась, когда увидела, что я пришла, потому что уж начинала беспокоиться, встретил ли меня дворник, а идти одной вечером в наших местах было довольно страшно. Я позвала ее в другую комнату и сказала ей: «Поздравьте меня, мама, я получила работу». «Неужели?»,— сказала мне бедная мамочка, ужасно обрадовавшись. Тут я рассказала, что работы будет не слишком много, а платить будут 30 рублей. 30 рублей, мне эта сумма казалась до того великой: я так много могла на нее сделать, так много истратить, пополнить много в моем туалете. Мы очень весело с мамой разговаривали, толковали о том, как я пойду; я рассказала, что это Достоевский, очень известный писатель и что я читала его прекрасные произведения; мы очень радостно и долго говорили об этом; очень весело напились чаю, и моя добрая мамочка была так обрадована, что я даже и сказать не знаю. Я легла в постель в моей комнате (мама спала тут) и сказала мамочке, что, мне кажется, я бы сейчас пошла работать, вот сейчас, не дождавшись до завтра, такое во мне было нетерпение

поскорее приняться за труд. Я дала себе обещание исполнять мою работу как можно тщательнее и лучше, чтобы не даром получить эти деньги; я не могла дождаться, когда придет это завтра, это милое, дорогое завтра, важный день, что я начну новую деятельность. От волнения я даже и заснуть долго не могла, а между тем, тут мне бы, кажется, нужен был сон для того, чтобы завтра руки были свежие и не усталые. Наконец, как-то мне удалось заснуть, спала я крепко и проснулась четвертого октября,— день, замечательный в моей жизни, потому что в него я в первый раз увидела Федю.

Среда, 16/4 ⟨октября⟩

Встала я довольно рано, напилась весело кофе и тотчас принялась за осмотрение моего черного шелкового платья и кофты и кое-что зачинила. Мне хотелось явиться как можно приличнее, чтобы не быть в глазах его нищей; мне вообще хотелось оставаться в независимом положении, стать на ровную ногу. В половине 10-го я уже вышла из дому. Мама провожала меня до низа, и здесь мы встретили Ольгу Васильевну[83], которой тоже рассказали, что я получила работу. Я села в дилижанс и отправилась в Гостиный двор и, доехав до лавки Морозова, вышла из дилижанса. Здесь я выбрала себе зонтик черный коленкоровый за рубль серебром с очень хорошей деревянной красивой ручкой; купила потому, что подумала, пойдет дождь, а мне вовсе не хотелось приходить на работу в мокром виде. Заходила я себе купить калоши или башмаки, но было довольно мало времени и потому я отложила покупки до другого раза. Когда я ходила по Гостиному двору, мне встретился Grünberg[84], которого я уже не видела года с полтора и который мне очень обрадовался. Он мне сказал, что у всех выспрашивает, не знает ли кто, где я, но никто будто бы не мог дать ему ответа. Я ему сказала, что я оставила педагогические курсы, на что он мне ответил, что сделала я очень хорошо, потому что там решительно ничего не делают; теперь же я занимаюсь стенографией, и вот теперь иду на работу. Потом я спросила его, где он живет; он отвечал, что в этом же доме на Тверской, но в квартире, которая выходит на двор, и прибавил, что будет очень, очень рад, если я когда-нибудь зайду к нему. Я сказала, что непременно приду. Я действительно была тогда намерена прийти когда-нибудь к нему, он был всегда так добр ко мне и считал меня всегда своею лучшею ученицей; да и теперь он встретил меня очень радостно, так что, право, грех забывать его. Мы расстались, и я отправилась на Невский проспект в лавочку купить себе бумаги и карандаши. Тут мне попался на глаза портфель и я решилась его купить (стоил всего 60), потому что в этом случае бумага не будет мяться, а мне хотелось показать вид порядочности. Купила себе карандаши, и летом мне подарили коробочку.

Было тогда 11 часов, я отправилась потихоньку по Большой Мещанской, поглядывая на часы, не желая прийти не раньше половины 12-го, да не прийти и позже; вообще мне представлялось, что это такая ⟨не расшифровано⟩ и на первый раз хотелось выказать как можно больше точности и деловитости. Наконец, оставалось всего 10 минут. Я вошла в Столярный переулок, принялась отыскивать дом Алонкина. В этом переулке я была всего только [о д и н] раз в жизни; дом я скоро нашла, это был очень большой каменный дом, выходящий на Малую Мещанскую и Столярный переулок с трактиром и с постоем извозчиков, с несколькими пивными лавочками. Тут жил Б[енардаки?][85], фамилия которого мне почему-то запомнилась. Ворота находились по Малой Мещан-

ской, я вошла, здесь было очень много извозчиков и попадались довольно неприличные хари. Я прошла в глубь двора, увидела дворника и спросила, где живет Достоевский. Он отвечал, что в 13-м номере, первый подъезд направо. Я поднялась во 2-й этаж по довольно грязной лестнице, на которой тоже мне попались несколько человек очень неприличных и 2 или 3 жида. Я позвонила, через минуту мне отворила дверь девушка, довольно смазливая, но страшно растрепанная и с ужасно хитрыми, как мне показалось, злыми черными глазами, с черным в клетку платком, накинутым на голову. Я спросила, тут ли живет Достоевский, и на ее утвердительный ответ просила сказать ему, что пришла стенограф от Ольхина и что он уж знает. В эту самую минуту, когда я входила в дверь в передней, в другой комнате, прямо против двери, выскочил какой-то молодой человек в туфлях и с открытой грудью, выскочил, но, увидев незнакомое лицо, тотчас спрятался. Я тотчас заключила, что это, должно быть, его сын. Федосья проводила меня в следующую комнату и попросила меня сесть, сказав, что сейчас выйдет. (Я забыла сказать: дорогой и весь вечер я себе представляла его, мне казалось, что это непременно будет или просто небольшого роста человечек с брюшком и лысой головой, очень веселый и смешливый, или, наконец, задумчивый, суровый, угрюмый господин, как его обрисовал Ольхин, высокого роста, бледный, худой. Тут я много припомнила его сочинений, то, что читала: «Неточка Незванова», «Униженные», «Мертвый дом», «Бедные люди», одним словом все, что я читала и чем восхищалась.) Я села, сняла шляпу, свои черные перчатки, распустила платок, при этом мне пришлось взглянуть на часы, которые висели прямо над диваном; было уж слишком половина 12-го, и я была ужасно как довольна, что пришла так ровно, как мне было назначено. Прошло, мне кажется, с 5 минут, как я села, а, между тем, никто не входил; в это время я осматривала комнату, которая показалась мне очень невзрачной, довольно мещанской комнатой. Все стены были заставлены шкафами, у самых дверей находится какой-то деревянный безобразный сундучок. В комнате было 3 двери: одна, в которую я вошла, 2-я левая, откуда выскочил растрепанный молодой человек, а 3-я направо, вероятно, в гостиную, подумала я, но я видела только часть комнаты, именно, цветок с каким-то вьющимся растением. Около двери направо стоял комод, покрытый белой салфеткой, по-мещански. На нем стояли 2 старых подсвечника на полке и лежала щетка. У окна стоял обеденный складной стол и несколько стульев. Вообще по комнате мне показалось, что здесь живет довольно небольшая семья, и мне вдруг представилась вся его жизнь. Мне показалось, что это вроде Ушинского[86], у которого Ваня раз был и рассказывал, что у него очень и очень бедно. Мне почему-то показалось, что Достоевский непременно женат, что вот вместо него [в о й д е т] его жена, что у него есть дети, что я непременно услышу сейчас где-нибудь детские крики или шумную детскую возню. Вообще эта комната как-то не [о п р а в д ы в а л а] то, что я ожидала встретить. Федосья просила подождать, сказав, что сейчас идут.

Так прошло минут с 10, как вдруг, теперь не припомню из которой именно комнаты, но кажется, что из кухни (вероятно, Федя был в это время в кабинете и через кухню возвратился в квартиру) явился Федя. Я раскланялась и он пригласил меня пройти в следующую комнату; сам он поворотил в Пашину комнату; я, не зная ничего, пошла за ним, но он показал, что не в эту, а в его кабинет, куда я и вошла. 2-я комната была значительно лучше 1-й, больше, высокая, длинная, с 2-мя окнами, но

какая-то мрачная, хотя довольно было дневного света; но это, вероятно, происходило от обоев. В глубине комнаты стоял диван, покрытый какой-то клетчатой материей, перед ним стол, покрытый красной салфеткой, на столе лампа и лежали 2 или 3 альбома. Над диваном висел портрет какой-то дамы в черном чепчике, вероятно, его жены. Это, вероятно, жена его,— подумала я, как-то взглянув наверх. Кругом стола стояли стулья, покрытые той же темной [клетчатой?] материей, довольно уж поношенной. На этот раз [29*] комната все-таки казалась довольно светлой, но в другой день она производит ужасно тяжелое впечатление, как-то в ней слишком тихо, слишком сумрачно и даже тяжело. Между двумя окнами стояло зеркало в черной ореховой раме, но простенок был значительно шире зеркала и потому оно стояло как-то криво, не симметрично; мне же, привыкшей к симметрии, это показалось несколько странно; у одного окна стоял цветок, тот самый, который виделся из первой комнаты, перед ним столик, какая-то шкатулка. На окнах были 2 прекрасные китайские вазы, прекрасной формы; у другого окна стояло 2 стула (замечательные потому, что на них-то произошло объяснение), на один-то из них я и положила свой портфель и шляпу, когда вошла. Тут я заметила в углу стол, заваленный разными бумагами, и небольшой еще столик, на котором была какая-то шкатулка с черепаховой крышкой и с отличной инкрустацией. У входной двери стоял огромный диван зеленого сафьяна, очень удобный, и около него столик с графином воды. Среди комнаты, ближе к стене, стоял письменный, довольно обыкновенный стол, а перед ним деревянное кресло, на котором я потом очень много раз сидела, когда диктовали. Я сидела уж несколько времени в комнате и могла ее хорошо рассмотреть (на первый взгляд она мне показалась очень порядочной, особенно в сравнении со столовой), как снова вошел Федя; он выходил, вероятно, чтобы что-нибудь приказать Федосье. Чтобы чем-нибудь начать разговор, он меня спросил, давно ли я занимаюсь стенографией. Я стояла у окна; но подошла к столу и сказала, что уж учусь с полгода (действительно, 4 апреля начала в первый раз уроки, а 4 октября уж начала работать, т. е. ровно через полгода, а Ольхин, между тем, говорил мне, что работать нельзя иначе, как через 2 года). На его вопрос, много ли учеников, я отвечала, что было 150, начало-то много, а что теперь осталось всего 25, потому что все думали, что это очень легко, а как увидели, что в один раз и в несколько недель ничего не сделаешь, то и побросали стенографию. Он сказал, что это бывает, как и во всяком деле, многие принимаются, а больше половины и оставляют, потому что видят, что надо трудиться, а трудиться кому же хочется.

Странным мне показался этот человек! Довольно старообразный с первого взгляда, но потом сейчас кажется, что ему не более 37 лет; среднего роста, какое-то изм[ученное] болезн[енное] [30*] лицо с светлыми, слегка даже рыжеватыми волосами, сильно напомаженными и как-то странно зачесанными, точно в парике; в довершение всего у него было в это время два совершенно различных глаза (тогда он лечился у Юнге от раны в глаз [87] и один зрачок у него был положительно расширен), один прекрасного цвета черный, а другой зрачок как-то странно расширен, что придавало его физиономии решительно какое-то странное выражение и не позволяло увидеть выражение его глаз. Вообще он мне показался

[29*] *Может быть:* на первый раз.
[30*] *Может быть:* измененное болезнью.

похожим на педагога, и лицо его показалось мне довольно злым. Одет он был в синей куртке, довольно уж засаленной (он говорит, что носит ее 6 или 7 лет) и в серых панталонах, но в очень чистом белье. В этом нужно было ему отдать справедливость, я его никогда не видела ходящим в грязном белье. Лицо его носило удивительно какое-то странное выражение, и право, он даже мне не понравился сразу.

Через 5 минут после моего прихода вошла Федосья и принесла 2 больших стакана с чаем, чрезвычайно крепким, почти черным; на подносе лежали 2 булки. Я взяла один стакан и булку, и хотя решительно не хотелось пить, было даже почти жарко, но чтобы не обидеть, я взяла и начала пить. Я сидела на стуле противоположного письменного стола около двери. Мы начали разговаривать, он сидел за письменным столом. Показался он мне очень странным: каким-то разбитым, убитым, изнеможенным, больным, тем более, что сейчас мне объявил, что страдает болезнью, именно падучей. Он то сидел, то расхаживал по комнате, куря папиросы, причем предложил и мне, но я отказалась, сказав, что никогда не курю. «Может быть, вы это из учтивости не хотите курить?» Но я отвечала, что даже не люблю смотреть, когда дамы курят. Да, он мне показался чрезвычайно странным[88]. Я тут припомнила слова Ольхина, назвавшего его очень угрюмым человеком. Мне даже показалось, что наше дело расстроится, что мне даже не придется у него писать, потому что он говорил: «Мы посмотрим, как это сделать, мы увидим, возможно ли это, попробуем». Потом он спросил меня, как мое имя, я сказала: «Анна Григорьевна», впоследствии он несколько раз забывал его и снова выспрашивал, как меня зовут.

Мы довольно долго разговаривали, я уж несколько досадовала, что мы не принимаемся за дело: наконец, он для пробы попросил меня написать ему что-нибудь, он стал мне диктовать что-то из «Русского вестника», сказав, чтобы я ему точно потом перевела на обыкновенное письмо. Начал он диктовать ужасно скоро, но я тотчас его остановила, сказав, что я так скоро не привыкла писать, он начал реже. Потом я тотчас села переписывать ему это, а он начал опять ходить по комнате. Я из всех наших стенографов читаю скорее всех, даже гораздо скорее Ольхина, то, что я написала, и потому я сейчас переписала это. Но он заметил, что я это довольно долго делаю. Вообще он был какой-то странный, не то грубый, не то уж слишком откровенный. Потом он начал сверять и нашел, кажется, 2 пропуска в предлогах[89] и чрезвычайно грубо заметил мне об этом. Вообще с первого взгляда он мне не понравился. Он как бы был уж слишком расстроен и, кажется, даже не мог собраться с мыслями. Несколько раз он принимался ходить, как бы забыв, что я сижу тут, и, вероятно, о чем-нибудь думал, так что я даже боялась опять ему как-нибудь не помешать. Наконец, он мне сказал, что теперь диктовать не в состоянии, а что не могу ли я прийти к нему эдак сегодня вечером часов в 8. Я сказала, что приду, надела шляпу, взяла свой портфель и распрощалась с ним. Когда я уходила, то мне сказал: «Знаете, я даже рад был, когда Ольхин мне сказал, не может ли он ко мне прислать даму, а не мужчину, работать; вы, вероятно, удивитесь этому, вы спросите, почему; вероятно, это показалось вам странным. А потому, что мужчина непременно запьет, уж наверно запьет, а вы, я надеюсь, не запьете». Я отвечала, что в этом он может быть уверен.

Он проводил меня до дверей своей комнаты. Я вышла в переднюю, и когда девушка стала застегивать мне платье, то я дала ей 20 копеек. Надо сказать, что на первый взгляд он мне как-то даже очень не

понравился, мне было даже отчего-то очень неприятно. Мне казалось, что все это ни к чему не приведет, что я не сойдусь с ним в работе и что, может быть, моя мечта заработать деньги окончится просто пустяками. Мне это было тем более больно, что я вчера и милая мамочка так сильно радовались. Было, я думаю, больше 2-х часов, когда я вышла от него и пошла пока к Сниткиным, потому что возвратиться домой мне не хотелось, во-первых потому, что во всяком случае, нужно будет сегодня вечером снова идти, а во-вторых, мне хотелось похвалиться перед Сниткиными, что вот и я под конец получила себе работу, чтобы они не думали, что я только задаром живу и ем мамин хлеб, они всегда намекали на это, что я ничего не делаю, а только лишняя обуза для мамы и, вероятно, в душе смеялись над стенографией и над тем, что я учусь; по их мнению, это были совершенные пустяки и решительно не стоило тратить времени на то, чтобы учиться такой вещи. По дороге я зашла в какой-то магазин подержанных вещей (у меня есть такая страсть к дешевым покупкам) и спросила, нет ли у них сита серебряного, но у них не было; день был прекрасный, очень ясный. Пришла я к ним (жили они тогда в доме Воронина в Фонарном переулке и на углу Г⟨лухо⟩го переулка) и сказала, что буду у них обедать, потому что вечером отправлюсь к Достоевскому писать (всю дорогу к ним я шла очень печальная, с каким-то особым тяжелым чувством, с совершенно противоположным настроением, с каким давеча шла работать; мне все казалось, что мы не сойдемся и что работа от меня будет отнята). Девицы были одни дома. Я им рассказала, что Ольхин мне достал работу и сказала, что он уж мне немного диктовал, а что следует мне еще прийти к нему вечером. Маша Сниткина начала тотчас просить, чтобы я ее стала учить стенографии, непременно давала бы уроки, я обещала, но это потом как-то у нас и улетело в трубу. Потом пришли Саша и Маша[90], и те меня много расспрашивали о Достоевском. Так прошел день. Я с нетерпением дожидалась 8 часов, когда мне назначено было прийти, и я нарочно постаралась не опоздать к нему.

Мне довольно было неприятно входить в этот дом, потому что тут всегда так много народу. К тому же, я 4 раза никак не могла сначала отыскать его и принуждена была разыскивать по всем 4-м углам. Мне отворила Федосья, и я ей с улыбкой сказала: «Вот я опять к вам». Она помогла мне раздеться (она мне давеча была ужасно как благодарна за те 20 копеек, которые я ей дала). Она пошла сказать, что я пришла. Я подождала с минуту в столовой, и уж вошла вслед за нею. Он сидел за письменным столом. Я опять раскланялась и села на мое обыкновенное место у двери. Но он мне предложил переместиться за его письм⟨енный⟩ стол, сказав, что мне там будет гораздо удобнее писать, чем за маленьким столом. Я пересела; он же сел на мое место у двери и там начал разговаривать. Он снова спросил, как меня зовут, и захотел узнать, не родственница ли я тому писателю Сниткину, который недавно умер[91]. Я отвечала, что нет, что это однофамилец. Потом спросил, есть ли у меня отец и мать. Я отвечала, что отец мой умер в апреле этого года, и что я по нему ношу траур, что у меня есть мать старушка, сестра замужем за цензором и брат, который учится в Москве. Потом спросил про мое воспитание, где я училась, давно ли занимаюсь стенографией, чем хочу выйти и пр. На все эти вопросы я отвечала очень просто и серьезно; вообще я держала себя очень сдержанно, хотела поставить себя на такую ногу, чтобы он не мог мне сказать ни одного лишнего слова, ни одной шутки. Мне казалось, что такое поведение было самое

лучшее, потому что ведь я пришла работать, я вовсе не знакома, следовательно, зачем же пустые разговоры, гораздо лучше и приличней было держать себя серьезно; Федя впоследствии мне рассказывал, что он был истинно поражен, как я умела себя держать, как я отлично себя вела, так что в нем ни в [каком случае?] не могло [явиться?] ни одного вольного слова, так заставил молчать мой хороший серьезный тон; я, кажется, даже ни разу не засмеялась; Федя говорил мне, что это умение держать себя ему очень понравилось, это умение поставить себя сразу в почтительные отношения; он же привык так много раз видеть нигилисток, и, вероятно, ожидал, что и я буду такая. Когда мы разговаривали, Федосья приготовила в другой комнате чай, внесла его к нам и подала по целой булке. Принесла на блюдечке и лимон. Я стала пить. Тут Федя опять спросил, не хочу ли я курить, я отвечала, что никогда не курю. Потом он встал, подошел к окну, где у него в бумажном мешке лежали груши, вынул их две и просто из рук подал мне одну. Мне показалось это несколько странным, такая бесцеремонность, ведь мог бы он положить ее хотя бы на тарелку. Я преспокойно взяла и без всякой церемонии съела.

Он начал рассказывать про себя, говорил о том, как он четверть часа стоял под боязнью смертной казни, как ему оставалось жить только 5 минут, наконец он доживал ми⟨нуты⟩ и как ему казалось, что не 5 минут осталось, а целых 5 лет, 5 веков, так ему было еще долго жить. Разделены они были на 3 разряда по 3, он был во 2-м ряду; первых уже подвели к столбу, одели в рубашки, через минуту они были бы расстреляны; а затем была бы и его очередь. Как он желал жить, господи, боже мой! Как ему казалась дорогой жизнь, сколько добр[о г о] и хорошего можно сделать; тут припомнилась вся прежняя жизнь, ее не совсем хорошее употребление, и так захотелось все испытать, так захотелось еще пожить много, много. Но вдруг послышался отбой, тут он ободрился. Затем 3-х приговоренных отвязали и всем прочитали смягчение приговора, его же на 4 года в каторгу в Омск. Как он был счастлив в тот день, он такого и не запомнит другого раза. Он все ходил по каземату (в Алексеевском равелине) и громко пел, все пел. Так он был рад дарованной жизни. Потом допустили прийти брата проститься и накануне Рождества Христова отправили в путь. У Феди сохранилось письмо, написанное в тот день, в день прочтения приговора, к брату Мише[92] (он его недавно достал от своего племянника). Федя очень много мне в этот вечер рассказывал, и меня особенно поразило одно обстоятельство, что он так глубоко и вполне со мной откровенен. Казалось бы, этот такой по виду скрытный человек, а между тем мне рассказывал все с такими подробностями и так искренно и откровенно, что даже странно становилось смотреть. Мне же это ужасно как понравилось, эта доверенность и откровенность. Мне несколько досадно было то, что он так долго не начинает мне диктовать; становилось поздно, а мне сегодня приходилось ехать домой, потому что маму я не видела с самого утра, а обещала, между тем, прийти сейчас после работы; к Сниткиным ночевать мне не хотелось идти. Мне даже хотелось об этом ему заметить, но, наконец, он сам предложил начать диктовать; я опять очинила свои карандаши (самое мое любимое занятие было очинка карандашей, и таким образом у меня руки были постоянно ужас⟨но⟩ как грязные, все в грязи). Он ходил по комнате довольно быстро из одного угла в другой, от печи к двери, куря папиросы и быстро их меняя, окурки же бросал в папиросницу у меня на столе. Диктовал он мне очень медленно, потому что

диктовал изустно, так что у меня оставалось очень много времени, чтобы сидеть, ничего не делая, и смотреть на него или рассматривать что-нибудь в его комнате. Продиктовав немного, он предложил мне прочитать написанное и с первых его слов меня остановил. Вначале были слова: «Мы были в Париже», или что-то вроде того. «Как в Париже? Разве я вам сказал: в Париже? Не может быть! Я вам сказал: в Рулетенбурге»[93]. Я отвечала, что мне сказали «в Париже», иначе с какой бы я стати это написала; он меня просил переправить.

В этот вечер он мне рассказал всю свою историю со Стелловским[94], какой это мошенник, как он не хотел ему уступить, какая ему решительная необходимость успеть написать роман к первому ноября непременно, а между тем, говорил, у меня решительно еще не составился план, что такое писать, я решительно не знаю, что это будет за роман; знаю только, что ему следует быть в 7 печатных листов Стелловского, а в каком это будет роде, решительно не знаю; потом мы очень много говорили о разных литераторах, например, о Майкове, которого он называл как самого лучшего человека, как одного из прекраснейших людей и литераторов. Потом о Тургеневе[95], про которого он говорил, что тот живет за границей и решительно забыл Россию и русскую жизнь. Потом про Некрасова[96], которого он прямо называл шулером, игроком страшным, человеком, который толкует о страданиях человечества, а сам катается в колясках на рысаках, и вообще много-много говорил о различных литературных знаменитостях.

Когда пробило 11 часов, я сказала, что мне пора идти, он спросил, куда именно, где я живу, я отвечала: «На Песках», он отвечал, что никогда ему в жизни не приходилось там бывать, что решительно не знает, где это; но я сказала, что на этот раз я пойду ночевать к моим родственникам Сниткиным, которые живут очень недалеко отсюда. Он меня просил переписать продиктованное завтра к 12 часам. Я обещала непременно быть. Одела шляпу и вышла; когда мы выходили из его кабинета в столовую, то он меня ужасно как поразил своей бесцеремонностью: «Какой вы большой шиньон носите, разве не стыдно носить чужие волосы». Я этому ужасно как удивилась и сказала, что у меня решительно небольшой шиньон и что это мои собственные волосы. На этот раз он меня проводил до передней и сказал Федосье посветить мне на лестнице. Когда я сходила, то спросила ее, как зовут ее барина, она отвечала: «Федор Михайлович». Я знала хорошо, что его зовут Федором, но не знала его отчества.

Было больше 11 часов, когда я вышла в Столярный переулок. Было ужасно как пуст[ынно], проходили только разве пьяницы из рабочих, и мне было довольно страшно идти в этих местах. Наконец, в конце я нашла извозчика старичка, которого наняла за 40 копеек. Я его очень торопила, чтобы поскорее доехать домой, и так как это был очень добрый старичок, то с ним разговаривала о разных предметах и преимущественно о деревне. Потом ему сказала, что за мной хотели прислать человека, а не прислали, так вот я и запоздала. Наконец, он привез меня домой, и я должна была еще стучаться, потому что мама, полагая, что я ночую у Сниткиных, заперла на ночь дверь. Она услышала стук и отворила дверь. Я ей рассказала весь мой день, хотя в сущности была вовсе не так довольна им; но маме показала, что очень довольна и рада, что познакомилась с этим человеком, с знаменитым писателем, рассказала с восторгом о его откровенности со мной; потом я легла поскорей и просила маму разбудить меня пораньше, чтобы успеть переписать продиктованное и принести ему.

Теперь этот же день нынешнего года. Федя вчера мне говорил, что мне ни за что не встать завтра и не отнести письмо на почту; я с ним об этом поспорила и сказала, что непременно завтра это сделаю. Встала я довольно рано, сейчас села оканчивать письмо и в 9 часов уж вышла из дому. Наша хозяйка дала мне свой зонтик, и я была этому ужасно рада, потому что дождь шел как из ведра. На почте я получила письмо от Паши, но, разумеется, не распечатала. Он обещал большую ⟨не расшифровано⟩, а по весу письма оказалось, что письмо уж слишком маленькое. Мне было, право, гораздо приятнее получить письмо от мамы, чем от Паши; я получила свое письмо не франкованное и отправилась домой. Федя еще спал, когда я пришла. Я подала ему письмо, но он его только распечатал, а не прочел и встретил его вообще очень равнодушно. Мне представилось, что он сейчас так и набросится на письмо; но это было совершенно напротив; он оделся, напился кофе и даже рассердился, когда я ему заметила, что он не прочитает письма. Уже напившись кофе, эдак, пожалуй, через час после получения письма, он, наконец, сел его читать. В нем было еще письмо от Эмилии Федоровны. «Она пишет по-немецки,— сказал он,— вот за это спасибо, так я и пойму». Я отвечала, что в таком случае я возьмусь читать его и переводить. Впрочем, это совершенно хорошо, что она пишет на своем языке, потому что русского решительно не знает. Начал он читать Пашино письмо и даже немного подосадовал на него. Оказывается, что Маша и мама предлагали ему два места: одно в Ладогу, к мировому судье, а второе на железную дорогу, оба по 25 рублей в месяц. Это меня заставило призадуматься, говорит он. Только призадуматься, а еще не взять место. Это, право, даже смешно. Мальчик вообразил себе, что ему так и будут валиться места, и вдруг решается раздумывать и просить три различные отсрочки для решения, между тем, как место могут сейчас занять. Право, этот человек не понимает, в чем дело. Вот если бы ему пришлось самому ходить да хлопотать за местом, если бы у него не было средств и человека, который его кормит, если бы ему пришлось самому целые дни ходить, просить и ничего не получать, никакого места, тогда бы он, должно быть, и понял, как нужно дорожить местом. А то ему эти две бабы, Маша да мама (право, как они меня любят, ведь они вовсе не для него стараются, а только желают, чтобы он нас освободил от своего присутствия) стараются для него, ищут ему место, а он еще кобенится и смотрит, выбирает. Правду Майков говорит:[97] «Вот место министра он, пожалуй, возьмет, а что вот [когда?] ему отыскали [31*] маленькое хотя в 12 рублей, так это ему не годится». Теперь уже не в 12, а в 25, так он и тут кобенится, право, ведь не хлеб за брюхом ходит, а брюхо за хлебом, пора бы, кажется, это было понять. Паша пишет, что, по его мнению, место по железной дороге ему кажется выгодней, а Федя так думает, что для него гораздо было бы лучше, если бы он поехал в Ладогу; может быть, нет ли тут какого-нибудь тайного со стороны Феди желания избавиться от его присутствия. Не знаю хорошенько, а я бы желала даже очень, чтобы так было. Мою просьбу насчет Ольхина он не исполнил, и я понимаю почему. Стенографией он решительно не занимается, следовательно, как же он может являться к Ольхину, понятно, что очень стыдно. Меня это обидело и я непременно ему напишу и извинюсь, что осмелилась обеспокоить его своей просьбой. Паша просит непременно, чтобы Федя написал свой адрес, потому что имеет к нему какую-то просьбу. В чем

[31*] *Может быть:* приискали.

она может состоять, это понятно,— разумеется, просить денег, но ведь у нас у самих нет, откуда же мы возьмем этому мальчику, который не может управиться с деньгами, которые ему дают на содержание.

Письмо Эмилии Федоровны полно разного рода упреков, т. е. что ей не давали адреса, что у нее не было ни гроша, с чем переехать с дачи, что они там жили до 26 сентября, что она заложила салоп и не знает, с чем его выкупить. Вот это смешно, ведь и у меня тоже мой салоп заложен, вот уж больше полгода, так ведь прежде, чем выкупить ее салоп, необходимо мой выкупить. Экая важность, что какая-нибудь дрянь, с позволения сказать, [о т р е п ь е], баба, которая желает еще молодиться, желает иметь хороший салоп, что за важность, что ей неприятно ходить в гости в дурном салопе. Вот бы брала пример с моей милой мамочки, которая никогда о своих нарядах не думала, а только старалась, чтобы детям было хорошо. Ох, эти матери, какие они все пустые. Я только знаю одно исключение, это моя милая, божественная мама. Федя не хотел читать по-немецки и просил это сделать за него; я начала читать, но с расстановкой, как бы очень затруднялась ее почерком. Вдруг я вижу, что она что-то говорит о маме. Я посмотрела, и боясь, чтобы тут не было какой-нибудь жалобы, я преспокойно пропустила это место и начала читать ниже. Так что эта жалоба ее так-таки и осталась для Феди неизвестной. И какая это подлая женщина, как я теперь вижу; мало ей того, что Федя передал ей, и еще платит за квартиру, так нет, непременно нужно лезть со своими жалобами, со своими нуждами, между тем как Федя писал ей, что он сам без денег, что у него у самого только на 1 месяц житья, а что потом он решительно не знает, что ему будет делать. Он говорит, что Анна Николаевна через Пашу передала ей, что Федя перестанет платить за их квартиру, однако, так как это было передано через других, то она не придает никакой веры и продолжает жить в его квартире. И какой это гнусный Паша, непременно нужно ему было передать, если он действительно это и слышал от мамы. Мальчишка, занимающийся бабьими сплетнями, так это красиво. Ну, уж семейка, нечего сказать. Я только должна отдать справедливость Феде, что он не решился взять на себя, чтобы написать эти сплетни Феде, а предоставил это сделать своей мамаше. Это было сделано очень умно и деликатно. Такое было письмо; я начала сейчас охать да ахать, что у них денег нет, но Федя как-то это принял довольно хладнокровно. Господи, если бы это было на самом деле, как бы я была счастлива. Но нет, разве на это можно рассчитывать, чтобы он стал больше заботиться о своем семействе, чем о чужом, ведь это решительно невозможно, он решительно не такого характера, поэтому мы всегда можем надеяться жить в нищете и что у меня всегда будет заложен салоп, и только для того, чтобы у его невестки салоп был выкуплен, и чтобы у нее были за столом сладкие пирожки. Ах, как это все гадко и подло!

Потом Федя принялся писать, а мне было немного нехорошо сегодня, но потом все-таки прошло. Пошли обедать, после обеда Федя зашел к одному доктору Mayor, про которого говорил нам Огарев. Но оказалось, что того нет дома и не будет до понедельника. У Феди сегодня ужасно как сжимает сердце, так что я до ужаса начинаю побаиваться, чтобы как-нибудь он не заболел. Поэтому-то я уговаривала его непременно зайти к доктору. Но так как того дома нет, то он пошел в кофейную, а оттуда зашел к [т а б а ч н и к у] и спросил, не знает ли он доктора. В этом же доме живет какой-то доктор Silva, но про него [т а б а ч н и к] выразился, что это не из известных, а лучше этот Mayor и потом какой-то

еще Stehman, не знаю хорошенько. Федя зашел домой и мы отправились отыскивать того доктора, который живет в rue de la Cité около великолепного фонтана, как выразился [тот же?] табачник. Великолепный оказался очень простым фонтаном. Нашли и доктора, но девушка его объявила, что он принимает только от 1 до 2-х, а что в другое время его и застать нельзя. Федя спросил ее: «А если бы человек умирал в 2 часа ночи, то доктора и застать нельзя?» — «Нельзя».— «Никогда нельзя?» — «Никогда нельзя, кроме указанных часов».

Ну, что это за подлецы, как возможно это? Да эдак человек может умереть без доктора, которого по всему городу будут искать и ни один не согласится идти не в отведенный час. Ведь это варварство, а не [о б р а з о в а н и е]. Ведь доктор должен быть готов прийти каждую минуту, каждый час, как и священник. Эдакий подлый обычай. Гуляли мы довольно долго. Потом пришли домой. Я села писать. День был сегодня такой, какой бывает у нас в великом посту, когда Нева расходится, и когда льдины бывают желтого цвета, а ветер ужасно резкий, югозападный, кажется. Ужасно грустно глядеть; это будет, я думаю, иметь влияние и на роман Феди; тем более, что никого не видеть, ни с кем не говорить, все-таки очень дурно будет на него действовать. Федя сегодня сказал за обедом, что ему очень бы не хотелось умереть, не увидев Сонечки. Кажется, он ее очень любит, милую мою девочку или милого моего мальчика, а я так ужасно люблю. Как-то сегодня Федя мне сказал, что с тех пор, как он на мне женился, у него ничего не удается, ни денег нет, ни роман не ладится; точно, право, я какая-нибудь jettatore [32*], как несчастная ⟨не расшифровано⟩. Дома я много читала, потом легла спать после чаю, и Федя несколько раз очень ласково приходил ко мне и говорил, что он только мною и дышит, только и живет мною. Милый Федя, дай бог, чтобы он меня любил так, как я его люблю.

Четверг, 17/5 ⟨октября 18⟩ (66).

Встала я довольно рано, был хороший день, я напилась поскорей кофе и принялась писать, но оказалось, что письма гораздо больше, чем я думала, и потому я едва могла окончить переписывание к 11 часам, тем более, что к нам приходили жильцы и все мне мешали. Так что вместо того, чтобы идти пешком, как я располагала, мне пришлось ехать на извозчике и то, кажется, я опоздала на 20 минут. Когда я вошла к нему, он мне заметил, что думал, что я уж не приду к нему, потому что опоздала; я спросила, почему, он отвечал, что, может быть, работа показалась слишком трудной, невыполнимой, а потому и не явилась; а я, как назло, не знаю вашего адреса. Это многие так делают, и со мной бывало: возьмутся работать, а потом видят, что силы нет сделать, так и бросают. Я отвечала, что в этом случае непременно известила его, а не поставила бы его в ложное положение. Он взял принесенное мною и начал читать и поправлять, и тут заметил мне, что я не так написала, как было нужно мне это сделать (он мне дал бумагу, по которой обыкновенно пишет, небольшими линейками). Я села напротив него и стала читать газету, но потом спросила, не мешает ли ему шелест газеты; он отвечал: «Какая вы щепетильная».

Мы много разговаривали с ним; Федосья снова принесла кофе, потом я стала писать; диктовал он мне немного и снова просил прийти сегодня вечером. Хотя мне это было немного и неприятно, потому что ночью

[32*] Человек с дурным глазом (*итал.*).

довольно страшно идти, но я отвечала, что приду, что же тут было делать; я в это время даже немного подосадовала на Ольхина, зачем он не условился с ним, когда приходить, а самой мне замечать было неловко. Мне было даже немного странно подумать, что неужели он сам не понимает, что приходить два раза в день очень затруднительно, и что мне гораздо выгоднее было больше продиктовать, но зато только один раз прийти. (Вчера он меня спросил, что это будет стоить, чтобы мы потом не стали спорить, чтобы мне не было обидно. Я отвечала, что так как условлено с Ольхиным, т. е. 30 рублей, и что он может быть уверен, что я потом не стала бы спорить.) Просидела я у него, кажется, два часа и потом пошла к Сниткиным, у них обедала и просидела до вечера; у них же и переписала; Маша Сниткина читала начало и из него заключила, что роман наш никуда не годится, право, такая дура. Когда пробило 8 часов, я поспешно пошла, чтобы опять не опоздать. На этот раз пришла, кажется, 5-ю минутами раньше, так что даже похвасталась своей точностью. Его Федосья, кажется, должна была разбудить, потому что когда я пришла, то на диване у него лежали белая подушка и одеяло. На этот раз у нас было тоже больше разговоров, чем диктовки; положим, хотя мне эти разговоры и были приятны, но, право, было несколько досадно, зачем мы не диктуем и что у нас это дело так слабо подвигается. Опять при моем приходе принесли чай, и он подал грушу, но сегодня я почему-то ее не съела. Он меня расспрашивал, почему я занимаюсь стенографией, разве я бедна, я отвечала, что у матери имеется 2 дома и мы получаем около 2-х тысяч, но есть и долги, а что если теперь у нас и есть чем жить, то, может быть, случится в будущем того не будет, а следовательно, работать следует приняться заранее. Потом говорила ему, что хочу самостоятельности, потому-то и хочу работать.

Он мне много рассказывал про заграницу, про свои путешествия, как он играл на рулетке, как проигрался и как должен был заложить свой чемодан в Гомбурге. Потом спросил меня, хочу ли я ехать за границу. Я отвечала, что это мое самое задушевное желание, и что я, может быть, даже и поеду. Он спросил, что же я хочу там смотреть; я отвечала, что природу, горы, наконец, произведения искусства, хочу поучиться. Он вдруг мне сказал: «Поедемте на будущее лето вместе за границу, я вот поеду, вы бы согласились ехать, вас бы отпустили?» Я отвечала, что я того решительно не знаю, отпустили ли бы меня или нет. Потом много разговаривали про разных литераторов, про свою прежнюю жизнь, и как-то зашел у нас разговор об имени Анна. Он сказал, что как-то ему случалось постоянно видеть, что Анны бывают нехороши; я отвечала: «Да, это правда, я сама знаю, что я нехороша собой». Он ужасно как удивился и сказал: «Неужели вы могли подумать, что я мог бы вам сказать, что вы нехороши. Я совсем не то хотел сказать, я хотел сказать, что характером они бывают нехороши, холодные, скрытные, сдержанные и пр.». Он несколько раз повторил, что не понимает, как я могла подумать, что он способен прямо мне сказать, что я нехороша собой. Что меня опять поразило, так это его страшная откровенность со мной, его откровенные рассказы о своих несчастьях. Вот, думала я, какой это странный человек, он меня решительно не знает, а между тем, как сильно откровенен; впрочем, мне это очень нравилось.

Пришла я к Сниткиным поздно, очень плутала по улицам и вышла на Канаву вместо того, чтобы выйти на Вознесенский проспект. У Сниткиных я сказала, что он велел меня проводить девушке, потому что иначе им бы показалось это странным, а ему сказала, что у моих родствен-

ников, которые живут на Фонтанке, ждет меня человек, который проводит меня до дому. У Сниткиных я много разговаривала про него, про его разговоры и рассказы, и они очень интересовались узнать о нем. Тогда я еще не знала, за что он был сослан, а Сниткины начали меня уверять, что он сослан был за убийство [98] кого-то, а кажется, что за убийство своей жены. Но не знаю, почему все время мне было ужасно как грустно: эта ли беспорядочная жизнь, т. е. что я очень часто и по целым дням не бываю дома, решительно не знаю, а это меня начало ужасно как тяготить.

1867

День сегодня прелестный, чудный. Я сегодня насилу могла уговорить Федю, чтобы он пошел к доктору Strelin, Федя все не хотел, уверял, что придется отдать 5 франков, а что гораздо лучше, если он не пойдет. Я его, однако, послала. Перед уходом мы чуть не поссорились. Старухи наши не купили дров нам и сказали мне, что ведь мы им ничего не сказали; когда меня Федя спросил о дровах, я передала их слова; он ужасно как рассердился и побежал к ним; я его остановила, но он пошел и там побранился (чем старухи потом очень обиделись, но я просила их не сердиться, потому что теперь он болен). У меня болела голова и я легла в постель; Федя начал в волнении ходить по комнате. Наконец, сказал про меня, что я злючка. Я расхохоталась, подбежала к нему, поцеловала его, он как ни старался сохранить серьезный вид, ему не удалось, он тоже расхохотался, сказал мне, что на меня решительно нельзя сердиться.

Воротившись от доктора, он сказал, что тот не нашел никакого серьезного расстройства сердца или легких, но объявил, что Федя ужасно раздражен и прописал какие-то пилюли, велел принимать по 3 раза в день, просил прийти через 8 дней; потом, говорит, мы посмотрим, нельзя ли приняться за припадки. Меня эти слова несколько обнадежили; может быть, он примется лечиться и, бог даст, вылечится. Федя, сходив к доктору, как-то успокоился, и я тоже. Мы пошли до обеда прогуляться, сходили на почту, но, разумеется, ничего не получили, а потом заходили в аптеку за лекарством. Взяли 1 франк. Федя по одной дороге к доктору сходил заложить свое золотое кольцо и воротился не в духе. Какие это подлецы: прежде за два кольца давали 24 франка, а теперь за одно его большое кольцо дали только 11, даже хотели дать 10. Да к тому же с таким презрительным видом, с такой дерзостью, просто ужас. Вот еще удовольствие, сносить презрение закладчика, а что же делать, иначе ведь и нельзя; должно быть у нас так на роду написано быть постоянно в бедности, да з нищете. Тут на дороге Федя и принял свое лекарство, одну пилюлю за полчаса до обеда.

Когда мы обедали, сюда же в залу пришли какие-то два молодых человека, которые говорили на каком-то языке, вероятно на одном из славянских, потому что мне иногда слышались русские, польские и французские слова; это, должно быть, или сербы или чехи. Я долго прислушивалась, но, кажется, никогда еще не слышала такого языка. Как мы ни экономили, а деньги все-таки выходят, так что, пожалуй, завтра выйдут те деньги, которые у нас есть, и тогда мне придется опять идти к этому портному и просить денег. Один бог знает как мне не хотелось бы идти к нему, тем более, что тогда так неблагоприятно принял мое третье платье, сказав, что оно изношенное и что, вероятно, им придется нести убыток, если оно им останется. Как я его ни уверяла, что я вовсе не

желала его им оставить, мне кажется, что он вовсе не был в этом уверен. Мне это до такой степени больно, что ужас, право, если бы я только могла его выкупить, я, кажется, сейчас бы это сделала. Но вот теперь еще раз придется идти. Идти с такой вещью, которая в глазах их не имеет никакого значения, именно, с кружевной косынкой, с белой тальмой и с черной шелковой кофточкой. Разумеется, они осмотрят все эти вещи, объявят, что они старые и никуда не годятся, а, пожалуй, и совсем откажут дать нам денег. Мне страму-то, страму-то не хотелось бы переносить; уж и так много горя, а тут какой-нибудь подлец портной смеет взять над тобой вид превосходства. Вечером мы с Федей ходили гулять по городу, но все так грустно, так грустно, что и представить себе нельзя. Я здорова. Федя, прощаясь со мной, сказал мне, что он вполне уверен, что сегодня с ним припадка не будет, потому что так он чувствует. Но мне почему-то не поверилось ему, и я была права.

Пятница, 18/6 ⟨октября⟩

Прощались мы с Федей в $2^1/_4$, и я слышала, что он еще ворочался на постели, когда была половина 3-го. Я не могла сначала заснуть хорошенько, но потом, чуть только завела глаза, как ровно в 3 часа услышала его крик. Несмотря на его увещание не пугаться, я до такой степени испугалась, что перевернулась раза три на постели. Наконец, вскочила, и у меня до такой степени сильно сердце билось, что я принуждена была выпить стакан воды, чтобы несколько успокоиться. За себя-то я решительно не боялась, но вот за Сонечку или за Мишу я ужасно как боялась, чтобы не исполнились слова Стоюниной, которая мне говорила, что она очень за меня боится, если у меня будет ребенок, то я во время припадка испугаюсь и выкину. Я зажгла свечку и подбежала к Феде. Припадок был, кажется, не из очень сильных[99], но глаза страшно скосились и зубы скрипели; я начала опасаться, чтобы у него вставные зубы как-нибудь не выпали в это время, и чтобы он их не проглотил. Тогда бы он, верно, подавился; потом, как только он очнулся немного, я сейчас же просила открыть рот, он открыл, и я могла успокоиться. Но тогда Федя пристал ко мне, зачем я его просила открыть рот, да почему, да с какой стати, просто я не знала, что мне и ответить. Мне казалось, что он еще не пришел хорошенько в себя, когда пожелал мне долгого счастья на свете. Я сказала: «Ну, так пожелай Сонечке или Мише».— «Ну, да, Сонечке или Мише»,— сказал он, улыбаясь, так что это он совершенно ясно понял. Потом, когда он очнулся, я легла поскорей в постель, потому что у меня начал болеть живот. От 4-х до 6 часов я спала довольно хорошо, как вдруг мне сделалось ужасно как тяжело, и я не помню, как я очутилась на полу и как меня начало рвать. Но что это была за боль: просто невыносимая, грудь раздирающая, так что мне казалось, что меня внутри ножиком режут. Рвало меня много и желчью; вероятно, это следствие испуга, и я была даже рада, что меня вырвало, потому что иначе это все легло бы на ребенка. Федя проснулся от моих стонов и зажег свечку: но потом, через четверть часа, мы легли и проспали до 10 часов.

Утром еще, в дождик, я сходила на почту, мне так хотелось получить письмо и деньги, чтобы не ходить к этому портному. Но ничего не получила. День сегодня дождливый, пришлось идти обедать чуть ли не по дождю, после обеда Федя отправился немного почитать, а я пошла будто бы узнать к портному, когда он будет завтра дома; в сущности я пошла побродить, потому что у меня была какая-то тайная надежда, что деньги, может быть, завтра придут и что я таким образом хотя на

одну неделю избавлюсь от этого страму, от этой необходимости бежать и сходиться с подлецами. Ходила я довольно много, и по таким улицам, где еще ни разу не была; вообще я внутреннего города положительно не знаю. Когда я пришла домой, то сказала Феде, что не застала ни мужа, ни жены, а что мне сказали прийти завтра. Федя вместо прогулки лег спать и проспал часа два, а я в это время перебирала в комодах; хотела и я было заснуть, потому что у меня сегодня целый день ужасно как голова болела, но к нашей соседке пришел какой-то гость, и у них сделался такой гвалт, такой шум и разговор, что решительно нельзя было ни капельку заснуть. Федя сначала думал, что там читают, но оказалось, что это говорит наша соседка, а так быстро и [громко?], что решительно это было чтение, а не разговор. Федя до такой степени рассердился на нее, что сказал: «Кто на эдакой мог жениться, на такой подлой болтушке».

Вечером читали «André», какой это мне показался скучный роман, право, хотя Федя говорит, что это один из лучших ее романов,— удивительно скучный; и, должно быть, причина этого заключается в том, что у меня на душе тоска и что мне жизнь не очень-то сладка, вот от того-то все это кажется дурно. Право, я только и желаю, хотя бы день сегодня прошел, думаю я, вот еще бы день, да только поскорей, пока какие-нибудь денежки придут, и мы не станем так сильно нуждаться; потом напились чаю, вытопили печку, которая у нас очень нагрела комнату. Федя сегодня выходил из себя, и вот по какому случаю. У наших хозяек младшая имеет привычку каждый день ставить стулья не к столу, как следует, а всегда друг за другом, что выходит ужасно неудобно. Правда, это неудобство уж не так важно, чтобы стоило о нем беспокоиться, но Федя выходит почему-то из себя и каждый раз бранится. Мне же было как-то неловко сказать ей об этом, ведь это такие пустяки, что стоит ли об этом напоминать, точно мы никак сами́ не можем переставить этих стульев, а непременно это нас бесит. Но сегодня Федя окончательно вышел из себя и начал ходить в бешенстве по комнате и объявил мне, что если это будет продолжаться, то он непременно удавится от меланхолии, так это сильно на него действует. Сегодня в кофейне он видел Огарева и собирался с ним [п о г о в о р и т ь], насчет того, куда бы нам переехать. То́т сказал, что в Vevey, например, очень хорошо, и что туда бы можно, и что если мы хотим, то он может даже там кому-то написать, чтобы приискали [33*] квартиру. Федя сказал, что теперь он еще не думает переезжать, потому что не при деньгах, а что разбогатеет через месяц. На это тот отвечал: «Ну, если уж переезжать, то следует переезжать теперь, не позже, потому что, вероятно, квартиры возьмутся».

6 число 〈октября〉 1866

Сегодня я пошла к Феде стенографировать от Сниткиных и постаралась, так как это очень близко, то прийти в назначенное время, а не как прежде, опоздать на целый час. Когда я уселась (я ходила всегда в черном шелковом платье), то он меня спросил: «А вы опять-таки в одном и том же платье?» Меня это ужас как удивило. (Вот странный вопрос,— подумала я,— а почему он знает, может быть, у меня только одно это платье и есть.) Я спросила, что ему кажется странным. Он сказал: «Да вы все приходите в шелковом, я думал, что вы наденете попроще». Я отвечала, что это мое обыкновенное платье, что я его всегда ношу.

[33*] *Может быть:* отыскали.

— А вы ведь меня вчера обидели,— сказал он.

— Чем это?

— Да я дал вам грушу, а вы ее не съели; зато я ее съел и сегодня вам не дам.

Я отвечала, что сделала это, вовсе не желая его обидеть, а просто потому, что забыла съесть ее. Пока он поправлял, я просила позволения посмотреть его карточки и села к столу и стала рассматривать, но чтобы ему не помешать, старалась сидеть очень смирно. В этот раз он меня выбранил за то, что я забыла поставить на одном листочке №. Сначала сказал, что это забывать нельзя, а потом понес разную чепуху насчет того, что женщина ни на что не способна, что женщина не может нигде служить, ничем заниматься, хлеб себе зарабатывать, что она вечно испортит и пр. и пр., так что мне под конец даже стало это несколько обидно, его бесцеремонность и я даже одну минуту подумала: «Нет, зарабатывать хлеб тоже иногда приходится горько, когда начинают говорить такие неприятности, и это даже один из лучших людей, а что будет у других, менее развитых людей. Нет, уж лучше выйти за когонибудь замуж, чтобы не подвергаться этим неприятностям». Наконец, он кончил, а во мне осталось ужасно какое-то неприятное впечатление, какая-то незаслуженная обида, несправедливость. Потом он меня спросил, не хочу ли я получить от него теперь деньги, что, может быть, мне теперь они нужны, а что потом, пожалуй, у него и у самого их не будет. Я отвечала, что покамест мне не надо, потому что ведь я могу же обмануть его, и что я никогда не беру заранее за то, что еще не сделала. Сегодня вечером я просила позволения не приходить, потому что нужно было быть на стенографии непременно, так как ведь должен же знать Ольхин, как идет моя работа, даже это было бы очень неловко в его глазах, если бы я сегодня не пришла. По правде сказать, эта неделя для меня была такая сумасшедшая, что я просто и не знаю, просто меня не было дома, постоянно моя бедная мамочка сидела дома одна; я ее оставлять одну не привыкла и мне было даже немного скучно без нее. Почему я была очень рада, что могу провести вечер один дома. Когда я вышла от Феди, то пошла по Мещанской. Здесь мне встретился тот молодой человек с голой грудью, в туфлях, которого я видела при первом моем приходе к Феде. Я не знала, да и потом долго не знала, что это был его пасынок, а думала, что это племянник. Молодой человек очень грубо со мной раскланялся и объявил, что ему не хочется входить в комнаты Федора Михайловича, а что очень хотелось бы видеть, что это за стенография, взял мой картон из рук и, развязав, начал смотреть написанное. Эта развязность меня очень удивила (я не знала, что не входил он в комнаты потому, что Федя имеет привычку на него кричать, так что и ему бывает стыдно, и другим неловко). Потом он спросил адрес Ольхина и объявил, что скоро присоединится к числу его учеников. Потом раскланялся, нахлобучил шляпу набекрень и отправился домой (в первый раз издали он мне показался недурен, но здесь я его разглядела хорошенько: какой он желтый, с какими-то черными пятнами по лицу, совершенно цыганское или татарское лицо).

Я пошла домой, села в дилижанс и приехала только на одну минуту, чтобы повидаться с мамой. Я была ужасно как усталая; мама сейчас дала мне поесть, кажется бифстекс, и я, мало посидев, отправилась на стенографию. Усталая я была страшно, до невыносимости, так что мне эта бродячая жизнь ужасно как надоела. На улице встретился мне Ольхин спросил меня, как идет моя работа. Я отвечала, что очень тихо подвига-

ется, потому что он мало диктует, так как у него еще не готово, а что потом он надеется больше диктовать; а до тех пор, пока, мне приходится ходить к нему два раза в день. Ольхину это не понравилось, и он сказал, что об этом даже следует поговорить с ним. Вот это уж било мне карты. Я боялась, чтобы Ольхин не явился к нему и не вздумал сказать, что это против нашего уговора, одним словом, показать, что будто бы я ему жаловалась на трудность работы, а это могло бы мне повредить в мнении Феди. Наконец, урок кончился. Я пришла домой и так была рада посидеть дома, хотя мне пришлось довольно много писать. За это время я ужас как [запустила стенографию?] и мне это было ужасно совестно и досадно, такая небрежность. Дома я все рассказала маме про него, и про его ко мне любезность и откровенность, которая была для меня очень приятна; пересказала все его разговоры, одним словом, всю его жизнь, которую только знала из его рассказа. Он уж начинал мне тогда очень нравиться [34*].

8 октября 1866 [35*]

Я помню, в этот день я была утром, по обыкновению, у Феди и так как уж два дня не случалось приходить вечером, то на этот раз нельзя было ничем отговориться, и я обещала непременно прийти, чтобы диктовать. Утром от него я отправилась к Сниткиным, у которых осталась обедать, а после обеда принялась писать, чтобы вечером отнести продиктованное. Сегодня все они были дома, и Саша ожидал прихода Маши Андреевой. Это было в последний раз, как мы с нею были в гостях вместе у Сниткиных. В те годы это случалось чуть ли не через каждые две недели, и я помню, что наши вечера у Сниткиных были иногда очень и очень оживленные. Часу эдак в 6-м Маша пришла разодетая в своем сером шерстяном платье, которое она переделала и обшила лентами, ленточками, что было очень мило и нарядно. Мы долго ходили с нею по зале, разговаривали, она еще почему-то на меня в этот раз сердилась, не знаю уж хорошенько, за что именно, вероятно, за какой-нибудь вздор. Саша чрезвычайно обрадовался ей, и все сейчас начали весело разговаривать. Я ей сказала, что как ни желала бы остаться с нею, но должна непременно идти сегодня диктовать, но что в 10 часов я ворочусь и мы с нею еще целый вечер можем сидеть. Она меня все тормошила, не давала мне писать и все уговаривала не ходить сегодня, потому что это все не важное дело. Но мне почему-то очень хотелось идти, потому что разговоры с Федей стали делаться мне все более и более приятными, так что я уж шла на диктовку с каким-то особенным удовольствием. Маша, Саша и Маша Андреева придумали идти за булками и за калачами и хотели меня довести до его дому. Но так как я все еще не докончила, а время, между тем, шло, то они пошли одни и даже успели воротиться до моего ухода. В это время пришел Платон Романовский [100], в которого, как носился слух, были влюблены все девицы Андреевы, начиная от Маши, Глаши, кончая даже [маленькой?] Людочкой. Не знаю, насколько это правда, но знаю, что они ужасно как его бранили; но, разумеется, все это делалось только с виду. Маша, которая была так с ним любезна летом, вдруг едва на него обратила теперь внимание, едва поклонилась и даже не нашлась, что ему сказать. Меня это просто даже удивило.

[34*] *Следующие 12 страниц (137—148) стенограммы вырезаны; 3 строки, сохранившиеся на вырезанной 138 странице, зачеркнуты.*

[35*] *В стенограмме:* 1867, *позднейшее исправление чернилами на* 1866.

Маша была очень шаловлива сегодня, предложила мне перемениться серьгами и даже надеть ее шляпу, серую с полями, прося взамен взять мою. Я, разумеется, согласилась и, когда пробило 8 часов, отправилась к Феде.

В комнате у него было полутемно по обыкновению, потому что две свечи, стоявшие на его письменном столе, не могли вполне осветить ярко всей комнаты; но мне по вечерам эта комната удивительно как-то нравилась, или потому это было, что уж и Федя начинал мне тогда нравиться и мне было [всегда?] приятно говорить с ним. Он сидел за письменным столом и тотчас встал, когда я вошла; я села на свое обыкновенное место за его стол[36*], а он поместился напротив меня, и мы начали разговаривать. В этот вечер диктовали мы очень мало, а все больше говорили, и все о разных, разнообразных предметах; опять были рассказы о загранице, о разных наших литераторах, бранил он Петра Великого, которого просто считал своим врагом и теперь винил его в том, что он ввел иностранные обычаи и истребил народность. Потом толковали о том, что у него в жизни будет три случая: или он поедет на Восток, или женится, или же, наконец, поедет на рулетку и сделается игроком. Я сказала, что если уж что выбирать, то, конечно, пусть женится.

— А вы думаете, что я не могу еще жениться? Вы думаете, что за меня никто не пойдет?

Я отвечала, что этого решительно не думаю, а скорее думаю, что решительно напротив.

— Скажите, какую же выбрать: умную или добрую?

Я отвечала, что возьмите умную.

— Нет, если уж взять, то возьму добрую, чтобы любила меня.

Опять много очень расспрашивал про меня, про мою семью и очень часто во всю эту неделю повторял разные вопросы, на которые я ему уж несколько раз отвечала, но так как у него очень плохая память, то он скоро это забыл и потом снова меня спрашивал. Рассказал о своих долгах[101], о неблагодарности семейства своего брата, как оно рассказывает, что будто бы дядя промотал их состояние, что у них было оно большое, а все пропало через дядю; как жених, дочь и мать собирали совет, желая отстранить его от дела, а когда он сам отстранился, то мать же пришла просить, чтобы он ее не оставил, а опять начал бы помогать, как это было и прежде. Говорил, что он после смерти брата начал один издавать журнал и положил на него 10 тысяч рублей, которые взял от тетки, назначенные ему по завещанию, а когда журнал не пошел, то деньги его лопнули, и ему пришлось еще взять на себя ужасно много журнального долга и долга его брата. Что в 63 году, когда он принужден был заключить этот контракт с Стелловским (по которому он и обязался написать этот роман), то из полученных за это 3 тысяч отдал за долги 2 тысячи, потом в продолжение зимы отдал еще долг на 1000 рублей, а теперь еще осталось у него тысяч на 10 долгу; но именно из-за них он намерен сделать 〈не расшифровано〉 2-е издание своего нового романа «Преступление и наказание», рассказал он про Корвин-Круковскую[102], говорил, что это очень прекрасная девушка, что она недавно уехала, теперь за границей, и он недавно получил от нее письмо. Рассказал о Москве, о своих многих родственниках[103], о Сонечке, Мусиньке, Юлиньке и о Елене Павловне, которую он представил за ужасную

[36*] *Может быть:* у его стола.

страдалицу и за удивительно нежную и добрую особу (потом, когда мне пришлось увидеть ее, она мне вовсе не показалась такой, так что я решительно думаю, что он это придумал). Рассказывал про каторгу, про Петропавловскую крепость, о том, как он переговаривался с другим[и] заключенным[и] через стенку и про очень, очень многое. Тут он мне в первый раз сказал, что он был женат и что жена его умерла, что она была страшная ревнивица, и показал мне ее портрет. Право, она мне очень не понравилась, какая-то старая, страшная, почти мертвая. Правда, он говорил, что она снималась за год до своей смерти и потому такая страшная. Мне она ужасно как не понравилась, и мне по первому взгляду показалось, что, должно быть, она очень злая была и раздражительная; по его рассказам это видно тоже, хотя он и говорил, что был с нею счастлив. Но в это время говорит о своих изменах ей; если бы уж любил ее, то ничего не стал бы изменять, а что это за любовь, когда при ней возможно любить и другого человека, да не только одного, а нескольких.

Вечер для меня прошел удивительно как приятно, так что, мне кажется, он останется навсегда в моей памяти как один из самых лучших и хороших дней в моей жизни. Диктовали мы действительно уж слишком мало, а все больше толковали так дружно, так хорошо, что мне просто уходить не хотелось. Так я просидела до 11 часов, он мне дал с собой том своих сочинений для того, чтобы я переписала одну страницу, чтобы могли рассчитать, сколько в листе Стелловского моих страниц.

Я пришла к Сниткиным. Романовский уже ушел. Маша Андреева и Саша тотчас начали меня расспрашивать про него, какой он, что говорил сегодня со мной, о чем, как я отвечала и пр. и пр. Потом мы начали читать повесть [Феди?] о крокодиле [104], про которую Саша сказал, что это было написано на Чернышевского, а что дама, выставленная тут — жена Чернышевского. Потом мы долго разговаривали, Лиза и Маша Сниткины уже легли спать, мне тоже хотелось, но Саша упрашивал посидеть еще, потому что оставаться ему с одной Машей Андреевой было неловко, и я с ними сидела. Они много смеялись и хохотали, а мне было с ними почему-то вовсе не весело, не так, как бывало прежде, так что я принесла себе подушку на стол и даже несколько раз засыпала. Маша Сниткина ужасно волновалась, зачем мы не ложимся, несколько раз звала нас из другой комнаты и, наконец, явилась в одной рубашке и грозно потребовала, чтобы мы разошлись, говоря, что мы не даем спать [Наталье Федоровне?] [105] и будим ее. Наконец, сон меня до такой степени одолел, что и я решилась уйти спать, оставив их болтать, сколько их душе угодно. Я уж успела выспаться, когда наконец, Маша Андреева пришла ложиться. Своим неспаньем она ужасно как возмутила против себя всех Сниткиных и даже [меня?].

Понедельник, 21/9 ⟨октября⟩

Сегодня утром мы примирились с Федей, но все-таки еще не совсем, утром я отправилась на почту, вполне уверенная, что получу от мамы деньги. Но ужасно испугалась, когда мне сказали, что на мое имя ничего нет. Меня это просто поразило, потому что денег у нас оставалось немного, а я уже начала бояться, чтобы наши деньги не пропали в дороге еще несколько дней. Тогда, как ни жаль, а непременно пришлось бы идти закладывать мою мантилью, несчастную мантилью, которую я решительно надевала только раз пять, не больше, но которой уж пришлось пролежать 2 месяца в закладе. Мне это ужасно как не хочется снова заложить, я ужасно всегда трушу, чтобы ее как-нибудь не подменили,

потому что чем же я могу доказать, что это не та самая мантилья, а другая, подмененная, а другую ведь мантилью такую ни за что не получить. Это ведь дело уж решенное, что я тогда буду ходить ужасно дурно одетая. Когда я сказала Феде, что деньги еще не пришли, то он меня начал успокаивать, что это еще ничего, что, вероятно, деньги завтра придут. Пошли обедать и сегодня был такой превосходный обед, как редко бывает, просто чудный, вкусный, разнообразный и с прекрасным виноградом.

После обеда Федя пошел читать в кафе, а я пошла погулять немного по городу. Встретила я похоронную процессию, несли покойника на руках, в гробу, покрытом черным сукном. Сзади него шли два близких родственника, какой-то старик и мальчик лет 14, который ужасно как плакал. Оба были одеты в шинели с небольшими капюшонами и в черных высоких шляпах с длинными креповыми вуалями, падавшими им на спины. Сзади них шли, по два в ряд, тоже, должно быть, родственники, в таких же шинелях, с такими же шляпами, потом шли мужчины в черных сюртуках, с белыми бантами на рукавах и, наконец, шли люди в разнообразных костюмах, все в большом порядке и по два в ряд. Здесь тоже снимают при виде покойника шляпу, это чрезвычайно какой хороший обычай, такое внимание и почтение к покойникам; мне это всегда чрезвычайно как нравилось.

Придя домой, я начала писать письмо к Анне Ивановне Майковой[106], Федя завтра думает ей послать и Аполлону Николаевичу, мне и хотелось тоже вложить свое письмецо к Анне Ивановне, потому что я ей обещала писать, а в продолжение целого полгода никак не могла собраться. Потом Федя пришел за мной, и мы пошли гулять. Шли, разумеется, по нашей обыкновенной улице Coraterie, гуляли по саду и встретили здесь Огарева; он куда-то спешил, но увидел нас и раскланялся; Федя говорит, что он его всегда видит в кофейной, попивающим кофе с коньяком, от чего все они какие-то пьяненькие. Федя был сегодня удивительно как весел и все острил и шутил; мы с ним гуляли и заглядывали во все магазины, особенно в те, где продаются шляпы, и Федя все выбирал, какую именно мне купить. Спрашивал он меня сегодня, что стоит шерстяной хороший платок, я отвечала, что очень хороший стоит эдак франков 50, он отвечал, что если уж покупать, так покупать хороший, а уж если мы купим, то именно в 50 франков, и, разумеется, красный, как нынче носят. Потом толковал, что для меня нужно две шляпы, одну похуже, а другую очень хорошую, платок, потом еще небольшую кофту вниз под платок, хорошую с ⟨не расшифровано⟩ и теплые башмаки. Я уж сегодня заходила в один магазин и спрашивала, что стоит шерстяная хорошая юбка, мне сказали, что она стоит 15 франков, но я думаю, что, вероятно, уступят за 12; вот если бы я могла ее себе купить, как бы мне было в ней тепло и хорошо.

Пришли домой и много разговаривали друг с другом очень дружно. Федя мне говорил, что я у него славная жена.

9 октября прошлого года.

Сегодня я очень рано проснулась, едва напилась кофе и побежала домой, чтобы застать дома маму, которую я уже не видела вчера целый день. У Сниткиных была сегодня очень нездорова Наталья Федоровна, так что просто боялись, чтобы она не умерла. Она говорит, что она не спала целую ночь, потому что ей не дали спать Маша и Саша, и это действительно очень может быть, что болезнь ее произошла от малого

сна. Пошла я домой ужасно быстро, заранее радовалась, что увижу мою милую мамочку. Пришла я домой и увидела, что дверь у нас заперта, я постучала к Ольге Васильевне, она мне с каким-то упреком сказала, что вот я теперь оставила маму, сказала, будто бы мама была вчера целый день ужасно как больна и что теперь пошла в Максимилиановскую лечебницу, но вроде хотела зайти к Маше. Меня это просто как громом поразило. Мне пришло в голову, что мама действительно очень больна, а что я, неблагодарная, оставляю ее без попечения, ухожу на целый день. В эту минуту я просто проклинала даже мою работу и ужасно досадовала, что мне приходится приходить к Достоевскому два раза в день; иначе я бы могла быть у него утром, а вечером быть с мамой. Меня это до такой степени огорчило, и мне так захотелось поскорей увидеть маму, что я оставила свой портфель у Ольги Васильевны, а сама бегом побежала к Маше по Шпалерной; я всю дорогу бежала и плакала навзрыд, мне казалось, мама такая слабая, что она сильно нездорова, и что она у меня умрет. Я сильно позвонила у Маши, поскорее вызвала Машу и первые слова мои были: «Где мама? Здесь она?» Маша ужасно этому удивилась, сказала, что мама была у нее, но пошла к Сниткиным, потому что желала меня увидеть поскорей. Я никак не могла удержаться от слез и ужасно как разревелась, сказала, что меня Ольга Васильевна напугала, что мама больна, что мама умирает, что меня это сильно беспокоит. Маша меня уверяла, что все это пустяки, что мама даже ни на что и не жаловалась, а что пошла просто к Сниткиным, чтобы меня поглядеть. Вышел Павел Григорьевич и ужасно тоже удивился, видя мои слезы, и тоже начал меня успокаивать. Я сейчас хотела бежать к Сниткиным, чтобы застать там маму, но Павел Григорьевич мне сказал, что очень вероятно, что мама, не найдя меня там, воротится домой, дома ей скажут, что я пошла к Маше, и она непременно тоже придет сюда, а следовательно, если я теперь отправлюсь к Сниткиным, то придется идти домой, а из дому опять сюда, таким образом мы решительно друг друга не найдем, а что самое будет лучшее, если я останусь здесь у них, потому что когда мама придет, то она непременно пришлет за мной, а что Маша скажет своему дворнику зайти домой и сказать, где я. Я согласилась, что это, пожалуй, будет и правда, и что лучше посидеть у Маши. Сидела я точно на углях, так мне хотелось поскорее с нею увидеться. У Маши же я и начала переписывать то, что вчера он продиктовал. Так прошло часов до 4, когда пришел дворник от мамы и сказал, что она меня дожидается и принес мне денег 40 копеек, чтобы я могла себе нанять извозчика и поскорее приехать домой. Я сейчас бросилась поскорее домой, доехала до [г о с п и т а л я][107], а потом бегом добежала домой, где мама стояла у окна и выглядывала, скоро ли я приду. Мама мне рассказала, что она была у Сниткиных, меня там не застала и тотчас, нисколько у них не оставаясь, пошла домой; здесь узнала, что я у Маши, и боясь, чтобы я опять не промахнула к Сниткиным, не пошла к ней, а послала дворника за мной к Маше; но у Маши он никогда не был, а был только раза два у Стоюниной. Мама этого не знала и отправила его в Шпалерную, сказав, чтобы я сейчас пришла домой. Дворник пришел к Стоюниной и просил меня вызвать; та отвечала, что я еще не приходила, а что когда только приду, то она непременно сейчас пошлет меня домой; она даже хотела за мной послать к Маше, но решилась ждать, пока я сама к ней приду. Дворник воротился домой и сказал, что вышла к нему маленькая барыня и сказала, что барышни здесь нет, а что если придет, то непременно ее пришлют. Тут

мама и догадалась, что он не туда ходил и снова его послала, на этот раз растолковав ему хорошенько, где живет Маша. Вот таким образом-то я и могла только к 5 часам попасть домой и свидеться с моей прекрасной мамой.

Хотя я и обещала Феде быть к нему сегодня, но так как было уже 5 часов, я была ужасно уставши, то я и решилась на этот раз не ходить; мне так хотелось посидеть и поговорить с мамой, поговорить о нем. Не знаю почему, но мне казалось, что он на мне непременно женится, я даже почему-то боялась, чтобы он даже вчера мне не сделал предложения, таким он мне показался странным; я не знаю, как бы я тогда на это и ответила, мне кажется, я бы сказала, что слишком мало его знаю, чтобы выйти замуж, но что пусть он даст пройти несколько времени и когда я его несколько узнаю, то, может быть, и пойду за него. Какой я тогда провела вечер с милой мамочкой, как она мне была рада и как я была рада ей, господи, боже мой и теперь припомнить, так как-то радостно на душе станет. Милая, милая мамочка, прелестное существо, лучшее в мире, которое я только знаю. Господи, неужели мне не придется никогда ее понежить, успокоить ее, заставить забыть ее скверное положение, несчастную жизнь. Господи, прошу тебя, дай мне испытать это счастье, дай мне возможность доставить ей покой и мирную хорошую жизнь.

Вторник, 22/10 ⟨октября⟩

Сегодня я пошла довольно рано утром узнать на почте, нет ли какой-то ко мне посылки. Оказалось, что есть ко мне письмо и, кроме того, есть посылка в 10 рублей серебром; я должна была дать за кожаный конверт 1 фр. 85, которые и приняла на себя, т. е. заплатила скопленными деньгами, чтобы Федя не забранил, что так много приходится платить за присылку. В конверте я нашла 10 рублей серебром красной бумажкой. В письме мама очень жалела меня и писала, что присылает мне 10 рублей серебром, что продала для этого мое серое платье и что больше прислать не может. Когда я прочла в первый раз письмо, то я хорошенько его не поняла. Так как письмо и посылка пришли вместе, то мне пришло в голову, что мама пишет именно про те деньги, которые я только что получила. Я только на другой день поняла, что, вероятно, мама говорит о другой посылке, которую тоже послала. Денег было довольно мало; я зашла к банкиру и предложила ему разменять, он хотел это сделать за 33 франка, но я подумала, что могу получить больше и сказала, что не могу отдать ему теперь, а спрошу, не найду ли дороже. Пришла я домой и сказала Феде, что получила только 10 рублей и что мама пишет, что пришлет еще побольше. Федя сказал, что хотя это и мало, но если она пришлет еще немного, то мы, пожалуй, и можем прожить несколько времени. Он очень пенял, зачем деньги не в простом конверте, а в кожаном, я ему отвечала, что мама тут не виновата, что, вероятно, ей сказали, что иначе нельзя, и что для нее же гораздо затруднительнее посылать в кожаном, чем в простом письме, и что тут на нее пенять решительно нечего. Напилась я кофе и отправилась менять деньги, думая отыскать какого-нибудь банкира, у которого я бы могла сменять подороже. Но я заходила к 2-м — 3-м банкирам, а разменять не могла, потому что было часов 12, а здесь конторы именно в это время и бывают заперты до 2 часов, так что мне пришлось, чтобы не возвращаться домой, ходить гулять по городу. Я ужасно устала и сделалась до такой степени слабой, что едва могла передвигать ноги. Наконец,

я зашла к какому-то банкиру Paravin и здесь разменяла за 33 франка 60 сант., т. е. 60 сант. дороже, но ведь и это деньги, и это хорошо. Потом зашла за чаем и воротилась домой чуть ли не в 3 часа. Федя говорит, что я до такой степени долго ходила, что он начал сильно беспокоиться и если бы я не пришла еще с полчаса, то он непременно бы пошел меня отыскивать. Он ужасно беспокоился, ему представилось, что я сделалась нездорова, что я на улице выкинула и пр. и пр. Я ему объяснила, почему мне пришлось пробыть так долго. Так как теперь у нас есть деньги, то Федя сегодня посылает письмо к Майкову[108], когда он стал запечатывать, то потребовал мое письмо; я его положила в особый конверт и так хотела послать, но Федя непременно требовал, чтобы другого конверта не было, а письмо было вложено просто. Мне этого не хотелось, я боялась, чтобы Федя не вздумал его прочитать, а там я говорила про Пашу. Но так как мне все-таки не хотелось с ним ссориться, то мы скоро помирились, и я сама вложила письмо в конверт, он при мне запечатал и, следовательно, знать, что такое было в письме, не мог.

Пошли обедать, но за вчерашний хороший обед нас накормили сегодня самым скверным обедом, которым только можно было накормить. Был суп с яйцом, ужасное кушанье, которое я терпеть не могу, были пирожки с телячьими ножками, очень холодные, тоже нехорошие, было третье какое-то кушанье, не знаю, заяц ли это или что другое, но в таком вонючем соусе, что я решительно даже поднести ко рту не могла. Федя, однако, ел, хотя очень морщился. Под конец подали три небольших кусочка говядины холодной и виноград. Это виноград-то на пустой желудок, ведь это просто мученье; решительно мы встали из-за стола голодные, и Федя даже мне предлагал идти куда-нибудь в другое место обедать, но мне жалко было денег, и я согласилась лучше быть голодной, чем идти и платить еще. Прислуживал маленький мальчик, наш ангел, который оказался немцем и который постоянно, подавая кушанья, говорит мне: «Voila, monsieur», не знаю, почему-то принимая меня за мужчину. Этот мальчик, которому на вид не больше 8 лет, так он мал и моложав, оказывается 16 лет, но он, должно быть, очень глуп, потому что даже и лет своих хорошенько сказать не мог, а должен был прежде того подумать. Мы ему заметили, что это ужасный обед, что мы таких обедов никогда не едали. Когда мы выходили, нам попалась хозяйка гостиницы, какая-то горбатая женщина, по виду очень добрая. Федя начал ей выговаривать и объявил, что ее обед terrible, abominable[37*], что мы такого никогда еще не едали. Она очень извинилась, что это так случилось, и сказала, что этого больше никогда не будет, а всегда нам будут подавать обед очень старательно. Мне даже было несколько ее жалко, так ей было совестно, что ее обед был нехорош. Она, должно быть, очень хорошая женщина и, право, ее жаль, что мы ее обидели. Когда мы вышли на улицу, Федя начал меня уверять, что третье кушанье в бараньем соусе было не что иное, как кошка, и что он чем больше ел, тем более уверялся, что это была кошка, но отстать не мог, потому что был голоден. Тут мы пели песню: «Бедный Федя, кошку съел».

Пошли мы на почту отдать письмо, заплатили за него 1 франк 50 с. Когда мы шли домой, то Федя предложил мне купить сегодня ветчины и колбасы, чтобы не так сильно чувствовать голод; зашли мы в колбасную и купили полфунта отличной колбасы за 75 с.; нам дали ужасно как много, и все это было очень хорошее. Федя пошел читать, а я пошла

[37*] Ужасный, мерзкий (*фр.*).

несколько прогуляться по городу. Здесь в одном магазине я увидела ночные чепчики по 1 франку 50. Я зашла, чтобы посмотреть, и увидела, что это были очень красивые, отличных фасонов чепчики из нансука с небольшой вышивкой, с машинной работой, чрезвычайно чисто и мило сделано. Я так соблазнилась этим, что сейчас и купила себе один чепчик. Это удивительно как дешево. Я видела во многих магазинах чепчики с различными ценами, и за полтора франка продаются такие скверные, что этот просто клад. Я думаю себе завести несколько чепчиков, которые мне будут очень нужны во время родин, потому что хотя я теперь и сплю без них, но тогда, при бабке и докторе, этого делать будет уж нельзя. К тому же это так дешево стоит, что, право, жалко и не воспользоваться таким удобным случаем, чтобы обзавестись хорошей вещью. Тут чепчики были трех различных фасонов, я выбрала попроще, нужно, думаю, купить один. Сегодня я купила такой небольшой снаряд, в котором находится метр и французский аршин. Это вроде небольшой [мельницы], следует только повернуть за ручку и метр укладывается туда. Стоит это только 50 с., а вещь нужная, если я буду что-нибудь шить себе или ребенку. Я всегда радуюсь, как ребенок, если мне удается что-нибудь завести себе, потому что как-то странно и смешно приехать из-за границы и не привезти самых различных вещиц; а ведь надеяться на Федю, чтобы он мне что-нибудь купил, это ведь ужасно трудно. Он все готов обещать, а когда дело дойдет до покупки, то он уверяет, что даже и не думал ничего подобного обещать. Да ведь у него и денег никогда для моих нужд не будет, всегда ведь у него на первом плане будут стоять разные его обязанности, родственники и пр., и пр., а вовсе не жена и ее желания. Теперь я так хорошо знаю этого человека, что понимаю, что ему всегда будет все равно для своей жены именно потому, что она своя, лишь бы было хорошо родственникам.

Пришла я домой и хотела их [посмотреть], но у нас в комнате была старушка — наша хозяйка, которая заводила часы, и мы с нею проговорили вплоть до прихода Феди, который пришел звать меня гулять. Я очень люблю с нею разговаривать, она добрая женщина. Ей на вид не должно быть больше 63 лет, а она говорит, ей 80. Какая она быстрая, отлично слышит, прекрасно видит, очень быстро ходит и имеет отличную память. Вот так старушка. Обе они девицы, что она, что ее сестра. Сестре Луизе 60. Но та довольно глухая и иногда с нею ужасно как трудно разговаривать. Федю я просила погулять одного, потому что сегодня ужасно как устала, и сил во мне решительно никаких нет. Он отправился, и я думала, он очень долго проходит, а он воротился чуть ли не через четверть часа.

Сегодня я отнесла письмо к маме, но мне очень жаль, что я в нем писала насчет денег; всему виной мое непонимание, я ведь не поняла, что ко мне были уж посланы вторые деньги, а потому и писала[38*] еще. Потом мы весело напились чаю и поели ветчины, но когда пришло время ложиться спать, то, уходя, наша хозяйка забыла принести воды нам, а нам сегодня особенно хотелось пить, потому что поели соленого. Что тут было делать? Феде неловко было входить в комнату старушек, а к тому же он и не знает, где находится вода, а без воды лечь было нельзя. Вот я опять оделась и отправилась в кухню. Но как я осторожно ни шла, а все-таки разбудила старушку. Она меня сейчас спросила, кто это и зачем. Я вполне уверена, что она подумала, что я пришла вовсе не

[38*] *Может быть:* просила.

47 61

Мой Дневникъ и мои письма
О тетрадяхъ записанныхъ мною стенографически.

Въ числѣ оставшихся послѣ меня тетрадей найдутся двѣ-три, исписанныя мною стенографическими знаками. Въ этихъ тетрадяхъ заключается Дневникъ, который я вела съ выѣзда нашего за границу въ 1867 г ~~въ теченiи~~ полутора года. Часть Дневника была мною переписана года два тому назадъ (та тетрадь, которая находится въ несгораемомъ ящикѣ въ Музеѣ). Остальныя тетради я прошу уничтожить, т. к. врядъ-ли найдется лицо, которое могло-бы перевести съ стенографическаго на обыкновенное письмо. Я дѣлала большiя сокращенiя, мною придуманныя, а слѣдовательно лицо переписывающее всегда можетъ ошибиться и спутать неправильно. Это во первыхъ. Во вторыхъ, мнѣ вовсе бы не хотѣлось, чтобы чужiе люди проникали въ нашу съ Ѳ. М. семейную интимную жизнь. А потому настоятельно прошу уничтожить всѣ стенографическiя тетради.
На оборотѣ X

Запись А. Г. Достоевской в тетради «Завещательных распоряжений». РГАЛИ

за водой, а пришла украсть ее деньги, которые у нее, вероятно, где-нибудь в кубышке находятся. Мне было досадно, что я ее разбудила, потому что она, вероятно, больше не заснет ночью.

Среда, 23/11 ⟨октября⟩

Сегодня, когда я пришла в кухню заказать кофе, мои старухи начали жалеть ужасно Федю: «Pauvre homme malheureux»[39*], и объявили мне, что он был болен. Я спросила, кто же был болен? — «Да ваш муж». Я отвечала, что он, напротив, отлично спал всю ночь и ни капельки не был болен. Старуха же сказала, что она слышала страшный шум, и ей представилось, что это Федя свалился с постели, и она до такой степени испугалась, что даже боялась посмотреть в окно. Я их уверяла, что это

[39*] Бедняга (*фр.*).

решительно вздор, и что он совершенно здоров. Когда я рассказала это Феде, то он придумал, что, вероятно, когда мы уедем, они начнут рассказывать, что у них жили русские: «Une jeune interessante personne (это про меня) qui etait toujours si gaie. И ее муж был un vieux idiot, qui ne savait que causser toujours les pots de chambre, il etait si méchant, qu'il tombait de son lit et c'est par méchanceté qu'il faisait cela. Ah, il etait si méchant, si méchant, cette pauvre jeune interessante personne»[40*]. Наша младшая старуха почему-то считает Федю за человека, ничего не понимающего. Она мне раз говорила, что она потому со мной говорит, parcequ'il ne comprend rien, rien[41*]. Мне это бывает ужасно как смешно. Старушка наша ужасно как добра. Она мне сегодня непременно хотела дать 5 франков, вложить в руку, и потом, когда принесла кофе, то хотела положить на стол, но я ей сказала, что у нас еще довольно денег, а что если мне надобно, то я у нее попрошу.

Я ужасно как давно не была в бане, сначала оттого, что в Бадене наша хозяйка сказала мне, что будто бы это может повредить ребенку и что будто бы я даже могу от этого выкинуть. Я до такой степени испугалась этого, что вот два месяца не ходила. Когда я потом сказала об этом бабке, то она мне сказала, что это все вздор, и что это даже очень полезно. Но потом у нас не было денег, чтобы мне сходить в баню, и потому я все откладывала до того времени, когда мы хотя сколько-нибудь получим. Сегодня я нарочно пораньше собралась и отправилась, тем более, что день был великолепный. Пришла я в баню, за почтой, где раз как-то был уже Федя. По дороге я купила себе мыла и губку (25 с.). Но баня мне не понравилась. Расположена она на берегу реки в каком-то садике. Прямо с выходом на Рону, это очень хорошо, и я бы пожалуй согласилась жить тут на даче. Дали мне ванну в очень маленькой комнате, без [окна?], с чрезвычайно узкой ванной, просто точно для ребенка. Заплатила я за ванну 50 с., и я села, но ванна до такой степени узкая, что просто повернуться нельзя было. Начала я мыться, сначала голову, потом тело, но все как-то было неловко, и я, право, пожалела, что не была в широкой ванне, а то я здесь все себе ушибала руки. Наконец, я вымылась и отправилась домой; но я до такой степени ослабела, что двигалась ужасно тихо, точно после какой-нибудь ужасно долгой болезни, точно пролежала в постели недели три. Пришла домой и сейчас легла в постель, слабость была до того велика, что я просто стоять на ногах не могла, в голове стучало, в груди теснило и ужасно стучало сердце. Потом, эдак через час, лицо разгорелось, пульс начал биться ужасно шибко, и, право, мы начали думать с Федей, что у меня начинается лихорадка. Денег у нас было не слишком много и я придумала, чтобы как-нибудь их продлить, не ходить сегодня обедать, вот был удобный случай, да, может быть, и в действительности было лучше не есть сегодня и не выходить, чтобы не получить лихорадки. К тому же мне до такой степени надоели кушанья в нашей гостинице, что, право, один день здесь не есть было какое-то облегчение. Федя пошел обедать, а я осталась лежать. Наши старушки ужасно близко к сердцу приняли мою болезнь, пришли меня навестить и сделали мне креп-

[40*] Молодая интересная особа, всегда такая веселая. И ее муж был старый идиот, который только и знал, что бил ночные горшки, он был такой злой, что падал с постели и делал это назло. Ах, он был такой злой, такой злой, эта бедная молодая интересная особа (*фр.*).

[41*] Потому что он ничего, ничего не понимает (*фр.*).

кого чаю, говорили, что это мне поможет. Старшая старуха Шарлотта сказала мне, что у нас, вероятно, будет *сын*. Посмотрим, как-то ее слова исполнятся.

Федя сегодня кончил письмо к Паше[109], и так как письмо к Эмилии Федоровне еще не готово, то он решил послать его отдельно. Он наскоро пообедал и, купив разных фруктов, винограда, зеленого и черного, и несколько груш, пришел домой меня спроведать. Он мне объявил, что ему сказали, что виноград через неделю кончится и что его уже не будет. Право, как ни надоел нам здесь виноград, а, право, будет жаль, если его не будет, он такой хороший и такой полезный для здоровья. Посидев со мной немного, объявил, что у меня все по-прежнему лихорадка, Федя отправился читать газеты, но довольно скоро воротился. Старушка мне сегодня сказала, что наши соседи скоро выезжают, что Шарлотта просила их выехать и что младшая старушка так прямо рада, потому что она их не любит, так как они католики и что католики тоже их не любят. Как это странно, если это только единственная причина, почему они их выселяют, а то, кажется, в других отношениях они хорошие жильцы, очень тихие, скромные, всегда такие веселые, и ссорятся, кажется, гораздо реже нашего. Ни его, ни ее никогда не бывает дома, он по делам, а она тоже куда-то уходит, должно быть, куда-нибудь в гости. Есть ей приносят всегда на дом, утром и вечером. Когда Федя воротился, то лихорадка у меня совершенно прошла, осталась только одна ужасная слабость, слабость решительно как после какой-нибудь тяжелой болезни, и нервы расстроены были ужасно, так что мне ужасно как хотелось плакать. Ложась, я ужасно как боялась, чтобы с Федей не было припадка, до страсти боялась, до ужаса; мне казалось, что если я только услышу его крик, то просто с ума сойду. Как я, право, себе расстроила нервы, просто даже гадко смотреть. Однако все кончилось благополучно, и Федя, и я проспали очень хорошо.

Четверг, 24/12 ⟨октября⟩

Сегодня я встала в 6 часов, утром ужасно мучилась голодом до половины 10-го, когда, наконец, разбудила Федю; хотя мне и было ужасно неприятно его будить, но делать было нечего: мне уж слишком хотелось есть, я даже боялась, чтобы со мной не сделалось тошноты от того, что я так долго ничего не ела. К тому же, я вчера не обедала, следовательно, голод был еще больше. Утром я все гладила и стирала платки и мое черное шелковое платье, чтобы оно было в порядке. Оно уж так разорвалось, что сколько его ни починяй, ничего не выходит. Я просто не знаю, в чем я скоро буду ходить. Хотела идти утром на почту узнать, но потом отдумала, потому что [слаба?] и устала гладить платье, и силы во мне решительно не было.

В 3 часа пошли обедать, обедали ужасно плохо, по обыкновению (как мне наскучили наши обеды, это просто невыносимо). Потом пошли на почту, Федя отнес письмо к Эмилии Федоровне[110], а я получила еще 10 рублей. Пришлось опять заплатить 1 франк 85 с. Когда я Феде сказала, что только 10, он мне заметил, что, вероятно, нам нечего надеяться на присылку от мамы больших денег; я отвечала, что гораздо лучше, что она присылает хотя понемногу, чем совсем не присылала бы; что она, вероятно, думает, что у нас денег нет и что нам чрезвычайно трудно выжидать, когда она еще соберется побольше прислать, а что, следовательно, хотя ей и не выгодно и беспокойно посылать в этих конвертах, но она это делает. Право, даже смешно слышать: был бы счастлив, что еще помогает, а он тут еще недоволен, что посылает не в простых

конвертах, а в кожаных. Конверт я так и не распечатала и не знала, какое сокровище в нем находится. Когда мы шли с почты, нам попался Огарев. Мы уж давно собирались спросить у него русских книг, но Федя как-то все забывал, я сегодня и спросила. Он отвечал, что с удовольствием даст, кое-какие там выберет, что непременно даст. Вчера, когда Федя его видел там с каким-то поляком в кофейной, то как-то заговорил о своем романе[111].— «Какой-такой роман?»,— спросил Огарев. Вот ведь это уж очень хорошо, русский, а не знает решительно русской литературы. Они никаких книг, никаких журналов не выписывают, а ходят читать в кофейную, точно у них на это состояния нет. Право, смешные люди, а еще издают русские книги, а литературы русской и действительности русской не знают. Он просил Федю принести ему его роман, и Федя принес ему сегодня в кофейную 1 часть. Потом Федя пошел в кофейную, а я отправилась домой. Дома я распечатала конверт, чтобы достать деньги, и вдруг оттуда выпал мамин портрет. Мне сделалось так больно, так грустно, что я вскочила с места и, рыдая, побежала на постель и много, много раз целовала ее милый портрет. Вот какая милая мамочка, какая прелесть, голубушка, мамочка, как она меня сумела обрадовать, прислав свой портрет. Как я была ему рада, боже мой! Я смотрела на нее, разговаривала (мне жаль, что я, вытаскивая, измяла его, это ужасно жаль). Я много, много раз целовала его, глядела на него и так ясно себе представила свою прелестную, добрую мамочку, что мне было ужасно горько, и я плакала навзрыд. Потом пошла к хозяйкам и показала им ее портрет. Когда Федя пришел, я показала ему, и он очень пожалел, зачем он измят, говорил, что можно отдать его поправить, но мне поправки не нужно, нужно только, чтобы был портрет, на который я бы могла глядеть и любоваться, а что тут он измят или нет, это решительно все равно. Я сказала Феде, что когда у нас будут деньги, то он должен непременно мне купить рамку для портрета. Он сказал, что купит. Пошли мы гулять, ходили с $^3/_4$ часа и воротились домой. Тут Федя, у которого нервы чрезвычайно как расстроены, сказал, что он ляжет спать, это было в 8 часов, до чаю, и просил меня, чтобы я не спала, а разбудила его ровно в это время. Я обещала, сначала очень старалась, чтобы не заснуть, но так как я нынче сделалась ужасной соней, то скоро заснула. Когда наша старуха пришла к нам, чтобы заварить чай, я достала и заварила чай, но, мне кажется, что я все время спала; Федя еще просил меня, чтобы я сделала теплый чай, следовательно, он тоже не спал. Сделав чай, я прилегла и опять заснула, проснулась я уже в 10 часов, т. е. меня разбудил Федя, который был в решительном отчаянии, он ходил быстро по комнате и бранил меня, зачем я не разбудила его. Мне и самой это было досадно, но все-таки вовсе не следовало бы так много и долго сердиться, как это он делал. Я ведь старалась не заснуть, но что же мне было с собой делать, если уж так случилось, что я заснула. Федя (вероятно спросонья) имел такой смешной обиженный вид, что мне, право, хотелось хохотать, на него глядя. Чай, несмотря на лишний час, был все еще горячий, но Федя продолжал дуться и говорил, что меня нельзя ни о чем попросить, что я никогда не исполняю его просьбы, что на меня нельзя ни в чем понадеяться. Мне это было очень обидно слышать, я несколько раз просила у него простить меня, не сердиться, но он все-таки не мог успокоиться и все твердил, что вечер для него решительно пропал, что мы даже не успели затопить печки. Но под конец мы все-таки с ним примирились, и он согласился забыть мое преступление.

Пятница, 25/13 ⟨октября⟩

Сегодня я встала довольно рано и доканчивала письмо к маме, потому что надо ее было известить о посылке в Майкову денег [112] и просить ее сходить к нему и заговорить с ним об этом. Федя проспал до 10 часов и я нарочно его не будила, чтобы он не мог жаловаться, что я не даю ему хорошо выспаться, потом напились кофею и я пошла отдать письмо на почту, а также разменять деньги 10 рублей на франки. Письмо я отдала, спросила там, как посылаются посылки, и разменяла за 33 франка 60 с. По дороге зашла в магазин канцелярских принадлежностей и купила там бумаги очень тонкой и конвертов, которые Федя нашел неудобными. Тут я спросила о цене чернильницы, мне сказали 16 франков, и что они берутся сами запаковать ее в отдельный ящик, чтобы она не могла сломаться.

Часа в 3 пошли обедать, и когда шли, то разговаривали о том, как Федя опять хочет ехать попытать счастья. Я сказала ему на этот раз, что я бы вовсе этого не желала, что прежде я всегда хотела и одобряла это, а теперь говорю, что это все пустяки, и что ехать решительно не следует. Это значит, что к огромному числу золотых, похороненных там, положить еще 100 или больше франков, к чему это? Ведь это решено, что нам выиграть решительно невозможно, но такого мы характера, нам необходимо нужно иметь тысячи, а никогда мы не будем довольны двумя или тремя стами франков. Федя отвечал, что, несмотря на это, он непременно поедет, потому что хочет еще раз попытать счастья. Он говорит, что если будет хорошая погода, то можно будет и мне ехать, что это будет стоить только 20 франками лишних, т. е. за мой проезд. Но что он мне даст 20 франков золотом, пусть я их разменяю на 2-франковики и начну играть и, вероятно, выиграю то, что проезжу. Решительно тем, что он хочет меня взять с собой, он хочет меня задобрить, чтобы я согласилась и не говорила, что дурно, что он едет. Может быть, это так и будет, потому что ведь если я теперь не поеду, то я всех мест и не увижу, ведь когда же мы иначе соберемся отправиться в Chillon и в те места. Обедали очень хорошо и ели сегодня какой-то сыр Gruet, потом пошли купили винограда зеленого и черного и каких-то груш gris Beurre, но до того превосходных, что я решительно никогда, кажется, таких не едала. Вкус удивительный, просто чудо.

Потом я пошла домой, а Федя пошел в кофейную и хотел идти один гулять. Придя домой, я сейчас села за письмо к Вере Михайловне и Сонечке, и думала его дописать, когда пришел Федя и позвал гулять, сказав, что одному скучно. Он принес стихотворения Огарева [113], который видел его в кофейной и дал ему эту книгу; а насчет других книг обещал непременно к нам прислать. Он говорил, что прочел половину романа и, как кажется, он ему очень понравился. Ходили мы гулять и все разговаривали о различных наших знакомых, очень много толковали о Никифоровой [114], которую и Федя очень хвалил. Потом говорили о свадьбе и решили, что наша свадьба была хоть куда. Он об одном жалел, что не был у[42*] с визитом. Весь вечер мы с Федей были ужасно как дружны, под вечер я заснула: мне обыкновенно бывает ужасно как приятно поспать в это время, когда он садится работать перед чаем, свечка горит на столе, или я ее потушу и сплю. Это до того приятно, что, право, пробуждаться не хочется. Он был ко мне очень ласков, и когда я стала ложиться спать, то мы как-то заговорили о Сонечке или Мише. Он мне сказал, и говорил

[42*] *Написано* «у папы», *хотя отец А. Г. Достоевской к этому времени умер.*

он это искренне, что будет рад появлению как одного, так и другого, что появление Миши совершенно его утешит, уж не менее Сонечки. Потом он говорил, что я славная, говорил, что любит меня ужасно, очень, очень, а боится только, чтобы я его не разлюбила, говорил, что я его живой ангел. Я тоже была чрезвычайно ласкова с ним, я ведь очень его люблю. Видела во сне сегодня всю ночь Майкова, но какого-то чрезвычайно грозного, будто бы меня за что-то карающего; потом видела, что Яновский прислал нам деньги. Вот это уж очень дурной знак, вероятнее всего, как говорит Федя, что он нам откажет. Господи! Как это будет ужасно, право, чем мы тогда будем жить, особенно если и Катков решительно ничего не пришлет. Ведь это значит, мы просто погибли, нас тогда уж никто не выручит. Мне даже и подумать об этом страшно. Господи, помоги нам, дай нам возможность как-нибудь поправиться, встать на ноги.

Суббота, 26 / 14 ⟨октября⟩

Встала довольно рано, но не разбудила Федю, а начала писать письмо к Сонечке и к Вере Михайловне, и оба письма кончила. Я была так рада, что могу, наконец, послать к ним, мне ужасно совестно, что я так долго не писала, у меня при каждом посылаемом письме точно с плеч гора сваливается, так я бываю рада, что кому-нибудь отвечу. Теперь мне остается написать: Николаю Михайловичу, Александре Михайловне, Александру Павловичу, Кашиным, двум Милюковым[115], Андреевой и Никифоровой. Это еще целая тьма писем, но мне вовсе не лень написать, а главная остановка за деньгами; денег у нас теперь нет, чтобы послать им, но лишь только какие-нибудь деньги будут, непременно нужно все это сделать. Нужно бы было мне и бедной Маше написать письмо, особенно после ее несчастья, а все из-за недостатка денег не пишу к ней.

Федя сегодня пошел в баню, а я отнесла на почту, взяли, несмотря на то, что дала два письма, только за одно письмо, т. е. 75 с. Потом сходила я и купила свечку, и по дороге отдала починить мой зонтик, у которого отвалилась верхушка; спросили 60 с. и сказали прийти вечером в 5 часов, он будет уж готов. Когда я пришла домой, Федя был уже дома. Он очень весел и помолодел на 10 лет после бани. Он жалуется, что ванна очень узкая и комната была холодная, так что он чуть было не простудился. Какое это все здесь скверное устройство.

Ходили обедать, ели опять хорошо, потом Федя пошел читать, а я домой. Здесь очень долго говорила с нашими старушками. Они как-то меня спросили, спрашивала ли я у кого-нибудь совета, я отвечала, что была у M-me Renard. Они просто ужаснулись и объявили, что это ужасная женщина. Я спросила, отчего они так о ней говорят. Они мне отвечали, что эту госпожу даже они выгнали из города, потому что она отравляет детей, т. е. случилось, что какой-то господин, желая избавиться от своей любовницы и ребенка, дал ей какого-то лекарства этой госпожи Ренард, а она дала потихоньку этой девушке, так что та, несчастная, умерла. Когда у нее был суд, ее выгнали из города, но потом она как-то сумела пробраться опять и завести дом здоровья. Мне было ужасно неприятно, что моя Сонечка или Маша чуть было не попались в руки к убийце, что это прикасание к ребенку было сделано такою подлой и мерзкой женщиной. Она мне посоветовала взять какую-нибудь другую госпожу, но теперь мне покамест еще не надо, а потом, бог знает, может быть, мы даже отсюда и уедем куда-нибудь, ведь это еще неизвес-

тно, ах, если бы нам куда-нибудь, право, отсюда уехать, ведь этот климат просто убивает бедного моего Федю.

Он пришел часу в 6-м, и мы отправились гулять, но он сегодня был такой необыкновенно скучный, право, он так здесь грустит, просто ужас, мне его бывает ужасно жаль. Гуляли мы молча, я не люблю прерывать его, когда он о чем-нибудь думает, потом он много говорил, что так жить нельзя, что тут просто с одной тоски умрешь. Пришли домой, он сел писать, а я легла полежать, да и заснула; разбудил он меня уж к чаю, но мне до такой степени хотелось еще немного поспать, просто я не знала, как мне оторваться от подушки. Федя все со мной разговаривал и просил, чтобы я встала; я, наконец кое-как проснулась, напилась чаю (наш чай производит на меня всегда удивительно нехорошее влияние, именно как-то волнует меня и давит грудь, надо будет, вероятно, переменить и брать чай где-нибудь в другом месте) и потом несколько времени писала в своем дневнике. Потом легла на постель, думала о своем будущем ребенке, мне сегодня почему-то начало казаться, что у нас будет непременно Миша, а не Сонечка, но кто бы ни был, я буду ужасно как рада. Старушки наши сказали, что у меня будет сын швейцарец; не дай-то бог, уж пусть будет русский, я лучше русских никого и не знаю. Когда я лежала, Федя все на меня поглядывал и очень ласково спрашивал, не сплю ли я. Он подходил несколько раз и говорил мне, что я такая скучная, что ему бывает иногда ужасно жаль меня, нет у меня ни нарядов, ни костюма, ничего нет, у бедной. Я отвечала, что за то только меня вовсе не следует жалеть, что это все пустяки; говорил, что я сделалась какая-то мечтательница, жена-мечтательница у него. Потом говорил: «А у нас какой-то большой стал пузинишко», это про Сонечку, я отвечала, что у нас пузинишко еще больше будет. Потом в 12 часов я легла, но заснуть довольно долго не могла, все ворочалась. Федя просил меня, чтобы не будить меня, потому что иначе я опять долго не засну, но я отвечала, что лучше мне не спать целую ночь, чем не проститься с ним. Он был ужасно ласков со мной. Я ему сказала, что сейчас видела сон, что мы с тобой поссорились, он же отвечал, что только что молился, чтобы бог дал ему сделать меня счастливой, [принеся] мне помощь сделать меня лучше; потом просил любить его, потому что ведь ему недолго со мной пожить. Я отвечала, что это вздор, а что проживет он еще до Сонечкиной свадьбы. Тут мы начали представлять, каким он тогда будет старичком, старичком страшно белым и разговорчивым, но так как памяти к этому времени у него окончательно не будет, то он будет как-то заговариваться. Сонечка про него будет говорить: «Папаша чудный человек, но он ужасно скучно рассказывает». Тут Федя принялся рассказывать, как что-то такое было в Женеве, в какой-то улице, на какой-то реке, все забывал названия, и, наконец, решил, что это, может быть, было и не в Женеве. Вообще долго рассказывал, а ничего не рассказал. Другие, еще не знающие его люди, уважающие его как литератора, начинают его слушать, но с намерением, нельзя ли точно записать, и будут за то ужасно как наказаны, потому что Федя начинает говорить ужасно долго, а ничего не скажет. Мы ужасно этому смеялись и легли спать очень дружно. Федя меня упрашивает, что если что со мной будет, то непременно разбудить его, потому что иначе он будет беспокоиться, что для него встать для меня будет радость, истинное счастье. Я отвечала, что непременно, если что случится, то разбужу его. Федя сегодня вечером говорил, что ему будет ужасно как жаль, если его девочка, его Сонечка, будет нехороша собой. Если это будет мальчик, то

это еще ничего, а если девочка некрасивая, так это так нехорошо. Он желает лучше, чтобы Сонечка была похожа на меня: «Но ты мила и у тебя чрезвычайно доброе лицо, но ты далеко не красавица». Я отвечала, что ничего, что дочка[43*] у нас будет вовсе нехороша, что у нее будет чрезвычайно умное и доброе лицо, что похожа она будет на Федю непременно, его же глаза, его лоб умный, его добрая улыбка. В самом деле, я себе представляю, что Сонечка будет похожа на Федю, т. е. с черными глазками, одним небольшим, и с белокурыми волосами; правда, она не должна быть, чтобы была хороша, но миловидная будет непременно; если у нее будет золотуха, то я стану ее непременно лечить и к тому времени, когда она подрастет, она будет очень здоровый ребенок. Я в этом уверена.

Прошлый 1866 год. Я не помню хорошенько, как прошла эта неделя; я каждый день ходила к нему, но уж только по одним утрам, а от вечеров отказалась, да и ему самому надо было работать вечером. Приходила я с большим удовольствием, но почему-то вечно опаздывала, так что приходила не в 12, а в 1 и даже в 2 и сидела у него до 4-х, так что после меня он тотчас собирался ехать обедать. Сначала, когда я приходила, то он принимался перечитывать принесенное мной, я в это время брала кофе (очень густой и мне почти никогда не нравился) и потом читала его газеты; но потом он перестал перечитывать, а сначала[44*] мы долго говорили, а потом уж принимались за диктовку. Он каждый день меня допрашивал, как я думаю, успеем ли мы кончить к 1-му ноябрю. Я его успокаивала, что нам еще много остается [времени] и что кончить, разумеется, непременно успеем; мы тогда пересчитали, сколько у нас написано листков, и ужасно радовались, когда число их прибавлялось. Мы очень много говорили между собой, он мне рассказывал про свою жизнь и про житье в Москве, про Сонечку, про Елену Павловну, говорил, кого он прежде любил и пр., и пр. Мне было тогда чрезвычайно приятно его слушать, и я очень любила к нему приходить. Но не знаю, почему, мне, когда я возвращалась домой, становилось удивительно как грустно, решительно я этого даже и понять не могу, и дома было отчего-то очень грустно. Мне и тогда уж казалось, что он мне непременно сделает предложение, и я решительно не знала, принять ли мне его или нет. Нравился он мне очень, но все-таки как-то пугала его раздражительность и его болезнь. Он очень часто кричал при мне на Федосью, которая его трепещет и, кажется, ужасно боится, но она здесь нерадива, ее почти никогда нет в передней, вечно у кого-нибудь в соседях, в лавочке, и в кухне оставляет свою дочку Клавдюшку. Впрочем, несмотря на свои очень нехорошие глаза, она, может быть, и хорошая женщина. Пашу я решительно почти не видела, он в кабинет не входил, я слышала иногда, как он там шаркает в передней. Я здесь всегда боялась, чтобы кто-нибудь к нему не пришел в это время. Пожалуй, кто-нибудь и подумает, что я вовсе хожу не для диктовки. Но вот в это-то время у нас ни разу не было разговору ни о любви, ни одного нескромного слова. Он иногда меня называл голубчиком, доброй Анной Григорьевной, милочкой, но я принимала эти слова тогда очень равнодушно, даже как-то строго. Иногда мне он казался очень странным. Так, раз заметил мне,

---

[43*] *Может быть:* девочка.

[44*] *Слова:* сначала *и* обыкновенно *написаны одно на другом, из какого слова переправлено, неясно.*

когда у меня была на голове Андреевой шляпка: «Какая у вас старомодная шляпа», хотя это была совершенно новая и модная зимняя шляпа. Я отвечала, что он, вероятно, ничего в этом не понимает, а шляпа эта модная. Потом как-то спросил меня, когда я надену зимний салоп; как это было странно, почему он знает, может быть я так бедна, что у меня салопа и нет. Я отвечала, что не скоро, и что я даже зимой салопа не ношу, потому что не люблю носить, и что это чрезвычайный груз. Спрашивал, отчего я не выхожу замуж, я отвечала, что потому что еще никого не люблю, а хотела бы непременно выйти замуж по любви.

Как-то раз, когда мы сидели и диктовали, в наших дверях показался Майков, в шляпе и пальто. Вероятно, он не нашел Федосьи в кухне и вошел, чтобы узнать, дома ли Федя. Увидев меня, он ужасно как-то смутился. Я решительно не понимаю, может быть, он что-нибудь дурное подумал. Федя тоже как-то ужасно сконфузился, я уж не знаю тоже, почему; вероятно, тоже боялся, чтобы Майков что-нибудь про него не подумал. Майков уж хотел воротиться, как Федя пригласил его в комнату, представил ему меня; он сказал: «вот это Анна Григорьевна Сниткина, стенографка, а это Аполлон Николаевич Майков». Он и я протянули друг другу руки, и я сказала ему, что я очень рада его видеть и что уж знаю его по его произведениям. Он меня спросил, не родственник ли мне какой-то Сниткин, я сказала, что нет. Потом они стали ходить по комнате в столовой, а я принялась переписывать. Майков хотел сейчас уйти, чтобы не помешать нам, но я ему сказала, что я могу в это время заняться перепиской и время для меня не пропадет. Они ходили эдак минут с 15, потом Майков опять вошел в комнату, чтобы проститься со мной. Вдруг ему вздумалось попросить Федю подиктовать мне, сказав, что для него это чрезвычайно любопытно видеть. Федя начал диктовать, я написала и тотчас прочитала написанное. Майков посмотрел, посмотрел, заметил, что вот он так тут ничего не прочитает. Потом подал мне руку, раскланялся и ушел. Я была рада его увидеть, потому что никогда еще до сих пор этого не случалось. Федя как-то потом приосанивался; мне, право, было ужасно на него и досадно, и смешно, что он так сконфузился, точно мы какое-то дурное дело делали. Федя говорил, что Майков про меня выразился очень хорошо, сказал, что нашел чрезвычайно хорошую девушку, что я, правда, ему очень понравилась, чрезвычайно хорошо умею держать себя, вообще я на него произвела хорошее впечатление. Как-то раз, когда я пришла, я застала у него Долгомостьева[116], но когда потом уходила, то решительно бы его не узнала. Мне он показался очень высоким, когда он на самом деле среднего роста. Он что-то толковал с Федей, потом взял какую-то рукопись и пошел читать ее в комнату Паши; потом прочитал и принес в эту комнату, где мы писали, и отдал Феде, раскланялся и ушел. Федя мне объяснил, что это был Долгомостьев, литератор, скромный человек честности удивительной, но несколько ленивый, говорил, что тот предлагает ему издавать религиозный журнал, но что они никак не могут согласиться в главных условиях.

Раз как-то был еще Милюков, который мне очень не понравился. Это маленький, рябенький старичок, очень ядовитого свойства, он очень почтительно со мной раскланялся и Федя меня представил ему как стенографку. Он тоже спросил, не родственница ли я поэту Сниткину, который недавно умер в Максимилиановской лечебнице. Я отвечала, что нет. Они несколько времени ходили по комнате, разговаривали о политике. Потом он ушел, и больше я его ни разу не видела. Да больше никто, кроме них, к Феде и не приходил. Я была этому очень рада, потому что

мне все-таки не хотелось, чтобы меня очень многие видели у него, ведь он мужчина вдовый, а люди так злы, что они непременно начали бы говорить, что у нас между собой дело не чисто.

Как-то раз вечером на этой неделе приехала ко мне Александра Ивановна Иванова, посидеть вечерком, и когда сидела, то приехал Рязанцев; он узнал от Сниткиных, что я получила работу и полюбопытствовал узнать, давно ли я занимаюсь стенографией. Мы просидели довольно долго. Я поручила ему по просьбе Александры Ивановны проводить ее. Они отправились, я им еще светила с лестницы. Рязанцеву все хотелось ей нанять извозчика, чтобы как-нибудь избавиться от нее, но она говорила, что вечер прелестный, просила лучше ее проводить до дому. Рязанцев меня уверял, что она ему удивительно не понравилась, что надоела хуже горькой редьки, что всю дорогу только и толковала, что о стенографии и различных системах, так что он чуть не заснул с нею; он даже был несколько обижен, что я ему навязала такую спутницу.

Воскресенье, 27 / 15 ⟨октября⟩

Сегодня целый день шел дождь, скука была страшная, просто невыносим[а я]. Ходили обедать, хотя был дождь, а оттуда прошли, несмотря на дурную погоду, на почту, нет ли писем, но ни одного нет, просто такая досада. Федя отправился читать в кофейную, а я пошла домой и кончила читать книгу Жорж Санд «L'homme de neige», раньше легла спать и видела во сне Яновского, будто бы он посылает нам деньги, так что из этого вывела такое заключение, что денег он, вероятно, нам не пришлет. Сегодня я была целый день ужасно какая скучная, такая грустная[45*], просто не знаю, что мне и делать, все думаю о наших обстоятельствах, о маминых делах, даже больно становится, когда подумаю, что ничем ей помочь не могу, а только от нее же требую помогать, чтобы она прислала мне что-нибудь. Федя все эти дни называет меня женой-*мечтательницей*, говорил, что только и делаю, что мечтаю, спрашивает, зачем я все задумываюсь и вообще очень беспокоится этим. Любит он меня очень, я это вижу, всегда меня укрывает, чтобы мне не было холодно; сегодня вечером он писал, когда я легла спать, я с ним и не простилась, он, услышав, что я легла, оставил писать и пришел проститься, упрекал меня, зачем я с ним не хотела проститься. Потом, когда я спала, я проснулась от того, что Федя стоял подле моей постели на *коленях* и много-много целовал меня. Как меня это поразило, мне было от того так хорошо; он с такой любовью стоял подле меня, просто я не знаю, как мне и выразить, как я счастлива. Говорил мне, что если я умру, то он будет очень плакать, что ничем не утешится. Говорил, что он счастлив со мной, что большего счастья ему и не нужно. Вообще, несмотря на недостаток денег, мы с ним живем очень и очень дружно, он меня любит, а я его так просто без памяти. Сегодня было 8 месяцев как мы женаты, мы это вспомнили и решили, что мы очень хорошо живем друг с другом.

Понедельник, 28 / 16 ⟨октября⟩

Сегодня день довольно скверный, т. е. ветреный и дождливый. Ходили обедать, оттуда на почту, но, разумеется, ничего не получили. Не знаем, чем мы будем жить, теперь у нас только и есть, что на сегодня, а на завтра и не хватит. Как мне кажется, наши хозяйки начали на нас

[45*] *Может быть:* грусть.

несколько не так посматривать, очень может быть, они видят, что у нас денег все нет, да нет, так тут, пожалуй, и доверие все лопнет.

Днем я писала несколько стенографии, всего 6 страниц, мне следует, право, приняться гораздо усердней за нее, потому что, как я подумаю, так мне, вероятно, придется ею хлеб себе добывать. Как-то мы говорили сегодня с Федей, он толковал, что если бы у него был какой-нибудь капитал, т. е. если бы он был в состоянии что-нибудь оставить, то он оставил, конечно бы, Паше, а не Сонечке, потому что будто бы он к Паше имеет гораздо больше обязанностей, чем к своей собственной дочери. Как это несправедливо, так это и сказать нельзя. Я ему отвечала, что как можно так, если бы у меня был небольшой капитал, я бы ему в руки не дала, а спрятала бы для Сонечки, чтобы у Сони было хотя бы что-нибудь, чтобы она, если бы я умерла, могла бы не нуждаться и не жить на чужом хлебе. Федя этим ужасно обиделся и вывел заключение, что я считаю его дурным отцом, что потом я буду отговаривать ребенка любить его под тем предлогом, что будто бы отец ничего для тебя не делает, а я вот делаю, так незачем его и любить. Он ужасно как сердился и бранил таких матерей. Я отвечала, что ведь он еще решительно не знает, какая из меня выйдет мать, что, может быть, выйдет очень хорошая, а потому браниться заранее не следует, а что я все-таки так бы поступила, так это непременно. Право, смешно несколько: ни денег у нас нет, ни Сонечки, а мы уж бранимся из-за нее.

Вечером, когда Федя пришел из кофейной, он сказал, что кельнер кофейной предложил ему подождать, пока придет кто-то, кажется Огарев, который принес книги и хочет Феде отдать их. Но Феде не хотелось ждать и потому он ушел. Когда мы пошли вечером гулять, Федя опять заходил в кофейную, но там ему сказали, что Огарев уже ушел. Так как мне очень не хотелось заходить в библиотеку с ним, то я просила Федю зайти и взять для меня что-нибудь. Он взял «Эдинбургскую темницу» Walter Sc⟨ott⟩, потом еще «Les dames vertes» G⟨eorges⟩ S⟨and⟩. Когда я прочитала, то мне ночью, когда я проснулась, представилось, что вся комната в каком-то зеленом свете. Вот как на меня теперь все действует.

Вторник, 29 / 17 ⟨октября⟩

День сегодня великолепный, решительно лето, так что так и тянет на воздух, я пошла несколько прогуляться, но на почту сама не заходила, чтобы иметь возможность зайти после 5 часов. Федя утром по обыкновению писал, а я что-то делала, кажется, стирала, не помню хорошенько. День для меня был ужасно какой скучный, потому что я решительно не знала, чем мы будем жить завтра.Идти с моей кружевной мантильей мне бог знает как не хотелось; во-первых, она, может быть, даже ее бы и не взяла, а во-вторых, это так для меня тяжело, так невыносимо тяжело, что я готова была просто не обедать, только бы не ходить и не унижаться перед ними. К тому же, у меня всегда есть боязнь, чтобы как-нибудь моя мантилья не пропала, т. е. чтобы ее как-нибудь не подменили, потому я бываю так рада и счастлива, когда мантилья лежит у меня дома. Я просто с ужасом думала о завтрашнем дне, когда мне придется идти закладывать еще раз. У меня было скоплено $4\,^1/_2$ франка, я выдумала сказать Феде, что я заложила свой платочек и таким образом получила, чем иметь завтра обед.

Весь остальной день была тоска необыкновенная; сходили обедать, потом пошли на почту, но когда шли, то рассчитали, что решительно нельзя еще ждать от кого-нибудь из них получить, а что, пожалуй,

получим какое-нибудь неприятное для нас письмо. Так и случилось, т. е. я получила, впрочем не неприятное, а нефранкованное письмо, что при наших очень небольших средствах было не совсем приятно. Федя захотел сейчас узнать, от кого оно, я хотя и видела, что оно от Стоюниной, но мне поэтому вовсе того сказать не хотелось, тем более, что я знала, что ее почерк сходен с почерком известной особы. Федю это очень рассердило и он раскричался на меня; я отстала от него и читала по дороге письмо, он остановился у книжного магазина, и когда я подошла к нему и сказала, что письмо от Стоюниной, он сказал: «Будь она проклята, только вышло 90 с.». Меня это ужасно как обидело, я отвечала ему, что если ему так жалко денег, то я пойду продам что-нибудь, отдам ему эти деньги. Меня действительно это ужасно как возмутило; как это ему не стыдно было сказать. Я заметила и прежде, что он как-то всегда нехорошо смотрит, когда приходится платить деньги из-за меня, т. е., например, послать письмо или платить за нефранкованное, что случилось, правда, всего только раза два, не больше. Но тут меня это просто взбесило. Я так мало требую у нас денег, так мало трачу и стараюсь сохранить деньги, а он тут еще смеет бранить моих знакомых и посылать их к черту из-за того только, что ему пришлось заплатить 90 с. Я на него рассердилась, и мы расстались. Я пошла за свечами и кофеем, а он пошел читать. Стоюнина ничего нового не писала, поздравляла меня с дочкой, говорила, что, вероятно, у меня будет Сонечка, просила беречься и говорила, что, может быть, уедет в Варшаву. Мне это будет очень досадно, потому что я еще не успела заплатить 30 рублей, и поэтому она, пожалуй, их потребует теперь от мамы; а мне так бы не хотелось, чтобы беспокоили мою несчастную бедную мамочку, у нее и так слишком много горя, чтобы этим еще ее беспокоить.

Когда Федя воротился из кофейной, то он обнял меня и просил, чтобы я не сердилась на него за его слова, что он это сказал сгоряча, а что тут речь шла вовсе не о деньгах, а о том, что ему очень хотелось поскорее узнать, от кого это письмо, а я ему не так скоро сказала. (Мне кажется, не боялся ли он, что это письмо от той дамы его сердца, а потому и рассердился, когда я ему не скоро сказала.) Я назвала его скупым и мы помирились. Он принес с собой 4 книги «Былое и думы», которые получил от Огарева. Тут он познакомился с каким-то господином Спиридовым[117], которого я очень не люблю, хотя видела не больше двух раз на улице, но терпеть не могу его физиономии. Ходили немного гулять, а пришли, и я начала читать книгу. Как нарочно запечатан конверт известной печатью с маминым[46*] именем; Федя рассматривал конверт. Рука ему, кажется, показалась знакомой и долго тоже смотрел и на печать; очевидно у него было подозрение, что письмо именно от дамы, с которой он в ссоре.

Среда, 30 / 18 ⟨октября⟩

Встала я сегодня ужасно грустная и ужасно горевала о том, что мне придется сегодня непременно идти к этой портнихе и закладывать у нее мою кружевную мантилью. Господи! Как мне этого не хотелось, мне кажется, я готова была просидеть голодом 3 дня и есть только один хлеб, чем идти опять кланяться, чтобы дали каких-нибудь 40 франков, да вряд ли и это дадут, тем более, что они ведь ничего в этом не понимают. Хотели тогда взять ее за 20 франков. Как мне это было тяжело идти,

[46*] *Может быть:* моим.

один бог только это знает. Идти я решилась эдак часу в первом, не раньше. Но прежде решила сходить на почту и узнать, нет ли письма, не пришли ли деньги от Яновского. Отправилась я и всю дорогу молилась и почти плакала, мне было до такой степени невыносима та мысль, что мне придется идти и закладывать, так мне было совестно перед нею. Эти дураки непременно подумают, что я действительно так бедна, что мне так непременно[47*] нужны деньги, и, пожалуй бы, вздумали продать мои платья. Я всю дорогу молилась и просила у бога помочь мне. На почте мне сказали, что есть посылка, но что надо, чтобы пришел мой муж. Я была так этому рада, просто ужас, чуть ли не бегом шла домой и. придя домой, сказала Феде, что что-то пришло. Федя сказал мне: «Не обманываешь ли, о ты, какая чудачка». Он пил чай, поскорее допил и отправился на почту, чтобы скорее узнать, что от кого именно пришло; да к тому же, чтобы разменять деньги, нужно было идти в конторы до 12 часов, а то все они запирают до 3 часов. Когда он ушел, я ужасно боялась, чтобы не пришло просто одно рекомендованное письмо с отказом в деньгах, это было бы просто ужасно, особенно в нашем положении. Денег нет, осталась одна надежда на заклад мантильи, а тут еще отказ. Это просто хоть умирай! Федя, однако, довольно скоро пришел, сказал, что это письмо от Яновского, что он был так добр, что прислал не 75 или 50, как Федя у него просил, а 100 рублей[118]. Как я была благодарна этому человеку, вот уж именно спас нас, вот уж именно помог в такую минуту, когда у нас решительно ничего не было, а, главное, меня избавил от страшной неприятности идти просить денег. Он писал, что письмо его застало на отъезде куда-то в Курск, куда бы он уехал на 2 недели. Господи! Как это хорошо, что письмо застало его, иначе он проездил бы 2 недели и только тогда мог собраться послать к нам, Федя не заходил разменять, а торопил меня одеться, чтобы идти разменять вместе деньги. Мы отправились, зашли к Paravin, где я обыкновенно меняю деньги, но выдали не 336, как я думала, а 334 франка, следовательно понизился курс. Проходили мимо сапожного мастера и Федя припомнил, что у него сапоги ужасно дурные, и мы тут решили непременно купить ему новые. Федя как-то пришел нынче вот к какому убеждению: нужно покупать, пока деньги есть, а то деньги выйдут, и не будет ни денег, ни одежды. Вот если бы он так всегда руководился этой мыслью, то, право, я бы была очень хорошо одета и у него были бы часы, а то в других случаях имеем мы у себя 300 франков, считаем себя бедняками и говорим, что денег у нас нет, а когда действительно нет денег, то рады ужасно 10 франкам и считаем, что у нас все-таки еще деньги есть. Зашли к сапожнику, Федя выбрал сапоги (здесь торговала дама, я ужасно не люблю те магазины, где продают дамы, а особенно сапожные, это уж совершенно неприлично для женщины). Сапоги действительно хорошие, но Феде показалось, что они для него немного узкие. Эта дама обещала ему непременно что-то такое там изменить, одним словом, сделать так, чтобы ему было ловко. Сапоги стоят 24 франка, Федя отдал только 2 и сказал ей, что ведь он, может быть, даже до завтра и умрет, а потому для чего ему тогда будут нужны сапоги. Они будут готовы завтра, и Федя обещал за ними зайти сам. Потом Федя сказал, что мне необходимо нужна шляпа зимняя, что в этой ходить решительно невозможно, а что, следовательно, мы теперь же поедем и будем высматривать в магазинах, нет ли какой-нибудь хорошенькой шляпки. Прошли

[47*] *Исправлено из* сильно.

мы всю улицу rue Basse, глядели в магазинах, но не было ни одной сколько-нибудь приличной шляпы. Так я выводила его почти по всему городу; наконец, когда мы шли по rue de Rhône, где лучшие магазины, мы остановились в одном магазине смотреть разные выставленные в окне кофточки и решили зайти узнать их цену, решив, что ведь спрос не беда и за это нас не [укусят?]. За плюшевую коричневую кофту, висящую у них уж очень давно в окне, они спросили что-то около 80 франков, были кофты и дешевле, довольно порядочные. Федя тут спросил меня, что для меня нужнее, такая кофта или шерстяной платок. Я отвечала, что уж, конечно, платок мне в 20 раз нужнее, да и действительно, кофта может скоро износиться, какая она там ни будь, может выйти из моды, и, наконец, ее не всегда оденешь, а если купить хороший платок, так это дело просто вековечное, следовательно, я сказала, что уж если покупать, то покупать лучше платок. Он нам показал большой шаль-платок шотландский, с красными и синими клетками, очень хороший, действительно, но спросил с нас 55 франков, и как мы ни торговались, но дешевле $52\,^1/_2$ франков он брать не хотел. Как-то, гуляя по городу, мы видели одну шаль в окне, красную, очень тонкую, с не слишком широкими полосами, очень красивую, и потому, прежде чем купить эту, решили сходить узнать цену той. Пришли мы туда в магазин и посмотрели шаль, но вблизи она нам не так понравилась, да, может быть, еще этому мешало воспоминание о той шали, стоит она тоже 55 франков, но, как мне кажется, еще тоньше и лучше той. Так мы долго не решались, что именно выбрать и спросили, нет ли у них с клетками шали, магазинщица очень милая женщина, принесла нам еще платок, ну, совершенно такой, какой мы сейчас смотрели в другом магазине, только в нем больше зеленого, чем в том, а главное, клетки несколько побольше. Федя просил меня примерить и эту шаль на мне. Ему чрезвычайно как понравилась, гораздо больше той; странное дело, шаль с полосками хотя имеет чрезвычайно хороший вид и чрезвычайно отличная, но на человеке она не так хороша и как-то утомляет глаза. Стали торговаться насчет этой шали и наконец выторговали за 45 франков, т. е. $7\,^1/_2$ франков дешевле той, которую недавно смотрели, которую нам отдавали за $52\,^1/_2$. Но, как мне кажется, эта шаль даже еще лучше и тоньше той, а легка так, что решительно не заметить ее тяжести, просто как перышко. Вот именно такую-то я и желала постоянно себе шаль, и, право, была довольна, как дитя, когда мы ее купили. По моему мнению, это даже решительно не дорого. Девушка магазинщица, узнав, что нам нужна шляпа, указала нам какой-то магазин через дом, сказав, что хозяйка его только что вернулась из Парижа и привезла с собой шляпы. Мы отправились, но оказалось, что у них шляпы будто бы еще не распакованы, и они нас просили, если возможно, прийти к ним завтра в это же время и обещали нам показать очень хорошие шляпы. Мы так и решили ждать до завтра; мы заходили в разные магазины, нигде здесь нет готовых шляп, все не отделанные и которые обещают отделать, говоря, что ведь у каждого свой вкус, а, следовательно, им нельзя заготовить много готовых шляп, иначе они останутся на их же руках; обещали же через 15 минут отделать, но ведь вот тут в чем дело: надо видеть сначала, какая будет шляпа, а то закажешь, а потом и не понравится, а не взять будет уж совестно. Так, купив шаль, и находившись вдоволь по городу, мы пришли страшно усталые домой. Тут сейчас позвали наших старушек и просили их подать нам счет, они нам подали, оказалось около 60 франков, но мы прибавили 5 франков нашей младшей старушке за услуги

(наша старушка вторая, вероятно, от дурной погоды, нынче решительно ничего не слышит, и ей нужно чрезвычайно как громко кричать. Такая досада, просто ужас, ничего не понимает, постоянно повторяет: «Comment? Vous? Monsieur?»[48*]. Просто говорить с нею решительно мука). Я сейчас показала старушкам Федин подарок, они нашли, что он очень хорош и показали при этом свою красную шаль, купленную в Шотландии и прослужившую им 20 лет; ведь это не удивительно, они никуда не выходят; она у них все лежит, а, следовательно, и не носится. Старушка сказала мне, что теперь мне надобно купить себе шляпу, а то моя очень износилась.

Федя был сегодня ужасно как скучен, просто не знаю, что это с ним сделалось, его ужасно мучит мысль, ехать или нет ему в Саксон опять, или подождать других денег. Сначала у него было решительно намерение ехать и поэтому он был такой задумчивый, но потом, когда мы рассчитали, то вышло, что если он сейчас поедет, то если будет в проигрыше, то нам опять нечем будет жить, а теперь они у нас будут, хотя кое-какие денежки. Когда он под конец решился не ехать, то мученье его прошло и он сделался несколько веселее. (Мне сначала пришла мысль, что не происходит ли его тоска от того, что он истратил на меня деньги, я ему это сказала, а он отвечал, что я даже не знаю, как ему приятно и сколько ему доставляет счастья то, что он мог мне сделать небольшой подарок.) Отдохнув немного, мы отправились обедать, но обед по обыкновению был очень скверный, т. е. не скверный, а ужасно какой-то однообразный, так что наперед знаем, что такое будем есть. Особенно дурно тут бывает, когда они начинают нас кормить изысканностями, т. е. вроде разных пирожков и соусов, по-моему, гораздо было бы лучше, если бы давали попроще, но зато повкусней.

После обеда Федя опять пошел в кофейную, а я домой, и дома, как какой-нибудь ребенок, рассматривала свою шаль и несколько раз ее примерила. Право, какое я еще дитя, в сущности, даже иногда бывает смешно смотреть на меня, я так была рада моей шали, что просто и сказать не знаю. Думала, что вот когда приеду в Петербург, то у меня будет хоть одна хорошая вещица, шаль, которую я конечно постараюсь не испортить, и мне даже кажется, что мне непременно будут все завидовать. Заходили мы в обед взять мне зонтик, я видела за 60 с., отделанный на всех шишечках, но ужасно была недовольна, потому что вдруг к белому зонтику они приделали коричневую шишку; куда еще невзрачней, просто такая гадость; дома я все рассчитывала, сколько мне нужно, чтобы сделать себе теплую фланелевую фуфайку, потому что Федя сказал мне, что хочет купить мне фланели. Спросила я у нашей хозяйки, она вдруг вздумала, что мне непременно нужно 2 aune[49*], это ведь просто ужасно, а я же рассчитала, что всего навсего нужно мне не 2, а 1, как потом и оказалось очень справедливо. У наших хозяек была сегодня русская ка[с т е л я н]ша, и хозяйка решила звать меня ее посмотреть, я же отказалась, потому что мне вовсе не хотелось идти с нею знакомиться, тем более, что решительно не очень расположена к ней, так как она притесняет свою дочь. Дочь ее, о которой я уже рассказывала, очень милая и простодушная девочка, которой здесь все очень не нравится и которую так и тянет в Россию. Я помню, как она откровенно и добродушно рассказывала нам, как ей здесь скучно, как она не любит

48* Как? Вы? Господин? (*фр.*).

49* Локтя (фр. мера длины — 120 см).

Швейцарию. Теперь я ее очень недавно встретила на улице и спросила, отчего она к нам не придет. Бедняжка всегда очень была рада видеть нас и обещала очень часто приходить. Она мне отвечала, что ее не пускают к нам, что решительно запретили к нам приходить, что она с радостью пришла бы, но что не надеется, что думает, что это решительно невозможно. Когда я ее спросила, как она живет, она отвечала, что ей теперь ужасно как *весело* (вот тебе и раз), вероятно, мать ее выбранила за знакомство с нами, и все говорят ей, что ей очень весело, а потому-то она теперь и повторяет чужие слова. Я ей ничего не заметила на то, что ведь ей было прежде так сильно скучно и с чего теперь такая напала на нее веселость. Так мы и расстались. Теперь, когда ее мать пришла к хозяйкам, мне вовсе не хотелось знакомиться с нею.

Федя пришел довольно рано из кофейной, и мы отправились гулять; Федя твердил, что мне необходимо купить новые перчатки, так как эти решительно износились, зашли мы в магазин, и я хотела себе выбрать перчатки потемнее цветом, так, чтобы они гораздо дольше проносились, Федя на это мне заметил, что я решительно человек без вкуса. Ах, господи! был бы и у меня вкус, если бы у меня были средства одеваться хорошенько, а то когда перчатки приходится покупать через 3 месяца, так и поневоле пожелаешь иметь потемнее цветом. Я просила Федю не кричать на меня в магазине, он на это рассердился и потом дулся на меня всю дорогу, сказав, что он на меня не кричал и что поэтому я очень к нему несправедлива. Заплатили мы за перчатки 2 $^1/_2$ франка, посмотрим, долго ли они у меня проносятся. Долго Федя все на меня сердился, я просила успокоиться, мне действительно было больно, потому что, может быть, и я погорячилась, но ведь надо же и мне иногда простить.

Зашли мы в магазин фланели, и здесь я спросила, сколько именно нужно на фуфайки, мне сказали, что если с короткими рукавами, то нужно только 1 аршин, я так и купила, но стоит не 2 или 2 $^1/_2$, как я думала, а 3 франка 60 с., зато фланель очень хорошая. Мы купили и пошли еще погулять. Феде хотелось ради получения денег непременно купить нам чего-нибудь к чаю, зашли в кондитерскую и купили в один франк небольшой кондитерский пирог с кремом в середине, облитый каким-то розовым настоем. Нам сказали, что это будто бы произведение Женевы, и действительно, потом пирог оказался очень недурной. Хотели еще купить сыру или колбасы, но решили, что уж очень много будет и что и так с нас довольно.

Вечер провели довольно дружно, пирог дали нашим старушкам. Старушки пришли за него благодарить и объявили, что они нам непременно купят кофе и сами зажарят, что будто бы кофе купят особенно хороший, а стоит 1 франк. Не знаю, какой именно будет кофе, но особой выгоды домашнего жарения ведь нет, потому что кофе усыхает и, следовательно, его потом окажется меньше. Старушки сказали, что это продается в каком-то магазине, хозяин которого какой-то Suisse[50*] и живет в Лозанне, а присылает оттуда. У них что ни слово, то какой-нибудь Suisse, кажется, в их мнении нет людей лучше этого глупого народа. Так, младшая хозяйка объявила мне, что в Англии только и есть, что один кондитер, да и тот швейцарец, просто смешно ее слушать, такой уж у них глупый патриотизм[119]. Старушка, услышав, что я хочу себе купить фланели, объявила мне, что у них есть какая-то amie[51*], которая очень

[50*] Швейцарец (*фр.*).
[51*] Приятельница (*фр.*).

дешево берет за работу поденно, что она отлично шила, что поэтому фуфайку я могу ей отдать шить. Я вовсе не располагаю это сделать, кроме того, что она непременно спросит вместо одного аршина 2, я и сама могу ее отлично сшить, а не платить ей еще деньги. Федя сомневается, что я умею шить, но я ему докажу. Я очень рада, что несколько приобрела себе вещей, нужных для зимы, фуфайку же мне давным-давно хотелось иметь, все потеплей, получше, и спала я хорошо, вечером мы очень дружно простились с Федей, были большие друзья, и он говорил, что я очень мила, несмотря на то, что меня следует иногда даже посечь.

Четверг, 31/19 ⟨октября⟩

Вчера вечером мы заговорили с Федей о наших долгах и решили сделать таким образом, чтобы, покамест у нас есть деньги, выкупить вещи мелкие, заложенные в разных местах, т. е. 2 кольца, мои рубашки, платок и черную шелковую мантилью. (Эти 3 последние вещи были заложены только в моем воображении, а в сущности они преспокойно лежали себе в сундуке, а деньги я выдавала из скопленных, говоря, что это получила за заложенные вещи.) Этим способом я получила несколько денег, и могу в случае нужды опять дать ему под видом заложенных вещей, по крайней мере, вещи пропадать не будут, да и проценты не будут идти на них. К тому же, мне ужасно как хочется сделать небольшой подарок маме, а как спросить на это у Феди деньги; у меня ужасно робкий характер, я и для своей необходимости ужасно как затрудняюсь сказать и просить, на что мне действительно надо, а тут еще на подарок; он же будет считать, что мама ему обязана, а скажет, что если уж посылать маме, то следует послать и Эмилии Федоровне, и прочим и прочим. Так я вот и решилась сделать так, скопить деньги и послать маме или платок, или что-нибудь. Так как я объявила, что заложила рубашки за 14 франков и платок за 4, а мантилью за 10, то всего следует с процентами дать мне 31 франк. Он мне дал, я отправилась, взяв с собой мантилью. Так как была отличная погода, то я решилась непременно сегодня сняться, чтобы послать маме мою карточку; зашла я для этого в лучшую здешнюю фотографию и просила снять теперь же. Взяли за полдюжины 6 франков. Это по здешнему довольно дорого. Вид с 5 этажа из фотографии удивительный на реку и на все озеро, мост и люди кажутся удивительно маленькими, просто куколками. Я была в моей обыкновенной шерстяной кофте с волосами, зачесанными кверху, не знаю, каков-то будет портрет, я думаю, неудачный, хотя фотограф меня и уверял, что портрет удивительно как удался. Я отдала ему 6 франков и просила, не приготовит ли он мне карточки к субботе, чтобы я могла их послать к моей маме. Он отвечал, что, вероятно, они будут готовы. Потом оттуда пошла на почту и здесь получила письмо из Москвы на имя Федора Михайловича. Мне показалось, что это должно быть от Сонечки и потому я, разумеется, не распечатав, поспешила домой, чтобы отдать его Феде. Федя был на меня несколько сердит за ужасно долгое приготовление к уходу, и потом я пришла и сказала, чтобы он на меня не сердился, а что я дам за это ему письмо. Письмо действительно было от Сонечки[120], Федя прочитал и потом передал мне. Она писала к Феде, говорила о своем тягостном положении в семье, говорила, что мать ее принуждает идти замуж и видит в этом счастье не только ее, но и всего семейства, говорит, что детей много, что они небогаты, одним словом старается, видимо, силком, чтобы та вышла замуж. Я понимаю, какое

это скверное и тяжелое положение! Бедная Сонечка! А та говорит, что не может же до такой степени убить себя, сломать свою жизнь, чтобы не любя человека, решительно никого не зная, идти замуж. Что ей самой очень тяжело быть в тягость семейству, что она для того, чтобы самой заработать деньги, нарочно изучила английский язык, чтобы переводить что-нибудь, но что переводов у ней нет. Она просит Федю посоветовать ей, что бы ей делать. Меня она упрекает за неисполненное слово, за обещание писать к ней очень часто. Когда я читала, мне сделались ужасно больны ее упреки, и я была ужасно как рада, что она уж получила от меня мое письмо и, следовательно, упреки ее ко мне несправедливы. Тут же она писала, что Елена Павловна теперь вдова; вст если бы Федя не был теперь женат на мне, то он наверно бы женился на ней. Весь сегодняшний день он был ужасно как скучен и боялся, что будет припадок; я сначала подумала, что не происходит ли это от того, что жалеет, что не может на ней жениться, что я ему в этом помешала, но потом я убедилась, что задумчив он от того, что думает о своем романе, а поэтому обвинять его вовсе не следует, и решительно нечего беспокоиться, если он скучный. Хотя, впрочем, он сегодня говорит, что у него сильно расстроены нервы и тоска его решительно физическая, а не нравственная.

Пошли мы обедать довольно поздно и, пообедав (нам ужасно как тихо подавали), пошли поскорее покупать шляпу. Пришли к вчерашней модистке, где нам обещали продать парижскую шляпу, в комнате никого не нашли, но затем к нам вышла какая-то молодая госпожа с картавым разговором, которая объявила, что они не привезли с собой ка[с т о р о в ы]х шляп, а что они прибудут к ней в субботу, и не хотим ли мы подождать. Ну, это уж очень дурно, если так нас будут водить за нос, тем более, что если ждать, да ждать, так деньги-то и выйдут. Тут уж не только не парижскую, а никакую шляпу не купишь. К тому же, эта госпожа мне не понравилась. Она как-то уж слишком странно выговаривала французские слова, например, chapeaux nouvelles[52*], нувель, что-то уж очень картаво, точно там находятся не два, а несколько L. Мы вышли, сказав, что, может быть, будем ждать до субботы. Потом сходили за сапогами Феди, и здесь ему вдруг они не понравились. Действительно, надо сказать, что его не слишком большая нога имеет вид просто слоновый в этих огромных с некрасивым носком ботинках, очень, даже очень некрасиво, но так как он их вчера выбрал, то, право, сегодня находить, что они дурны, решительно было невозможно, потому что она их переделала и не взять было нельзя. Федя говорил, что зачем осталась такая же подкладка серая из какой-то дрянной материи, но ведь подкладку переменить нельзя было, потому что тогда следует переделать все сапоги. Он долго ворчал и хозяйка продолжала его уверять, что он ведь эти же самые выбрал вчера и что вчера ему они были хороши, а сегодня нет. Я его тоже уверяла, что по-моему сапоги довольно хороши, так что он, наконец, их взял, и мы поручили, чтобы сапоги были отнесены к нам на дом, а сами отправились высматривать шляпу. Мы были в нескольких магазинах, но нигде не было готовых шляп, а все предлагали отделать. Брали за простую касторовую шляпу с отделкой перьями 15 франков; мы решили пойти посмотреть эту бархатную шляпу, черную с белыми страусовыми перьями, которую мы уже давно заметили в одном магазине и отправились туда. Спросили, что она стоит, сказали нам, что стоит

[52*] Новые шляпы (*фр.*).

17 франков. Она довольно хорошо шла к моему лицу, но одно было в ней нехорошо, это ее белые перья; от долгого стояния на окне они уже почернели, а следовательно ужасно как скоро замараются. Я ее спросила, нет ли у них других перьев, она показала серые, и когда положила на место белых, то нам ужасно как понравилось и мы решили, что это так гораздо лучше. Она же объявила, что если возьмем с серыми перьями, то это 3-мя франками дешевле, так как цветные не так дорого стоят, как белые. Это было даже нам в руку, Федя вздумал, что следует мне купить и вуаль и просил ее показать нам. Вуаль кругом шляпы с длинными концами сзади, довольно красивая, из хороших кружев, спросила она с нас 5 $^{1}/_{2}$ франков, но потом все, и шляпу, и вуаль, уступила за 18 франков. Шляпа была из хорошего черного бархата, так что имела чрезвычайно приличный вид и очень шла ко мне. Федя пошел читать, а я осталась у модистки, пока она переменяла перья и пришивала вуаль. Как-то она меня назвала m-lle (надо заметить, что несмотря на мой старообразный вид, меня все называют m-lle, это, право, даже смешно и особенно в моем положении, да и неприлично, потому что какая же m-lle, когда такой большой живот). Федя заметил ей, что m-me, m-me. Она отвечала, что, право, не понимает, почему она меня назвала m-lle, когда имеет всегда привычку говорить всем m-me. Когда Федя ушел, я спросила, сколько она мне дает лет. Она отвечала, года 22, и что так как муж не молод, то можно было подумать, что это не муж с женой, а отец с дочерью. Бедный Федя, хорошо, что он это не слышал, это совершенно не было бы для него лестно. На мои же глаза ему не больше как 38, а она опять сказала, что ему 45 непременно. Потом я купила свечи и отправилась домой, нагруженная разными покупками. Дома старушка сказала мне, что принесли сапоги. Она уж полюбопытствовала посмотреть их и объявила, что они удивительно как хороши, такие красивые, толстые, а то прежние его совершенно развалились. Я показала им мою шляпу и они остались ею довольны, сказав, что она, по их мнению, хороша, а главное, хорошо то, что она бархатная.

Федя пришел ужасно усталый и скучный, бедный он, мне право его жаль, он ужасно как тоскует, что роман у него не ладится [121] и он горюет, что не успеет послать его к январю месяцу. Сегодня, когда я к нему вечером зачем-то подошла, он мне сказал, что хотел за что-то побранить меня, но потом, когда я стояла белая, да он вспомнил, что со мной Сонечка, так и язык и не поднялся сказать мне дурное слово. «Какое-то странное ощущение у меня, какое-то уважение к ребенку»; потом вечером он мне говорил, что меня ужасно как любит, и Сонечку любит, т. е. любит меня и Сонечку как-то нераздельно, и, кажется, и потом, всегда так будет нераздельно с нею любить. Были мы с ним в этот день очень дружны и он говорил, что счастлив со мной.

Каждое утро и каждый вечер он топит печку, и это у него такая забота, просто смешно даже смотреть, он так рассчитывает, как бы все сгорело, и размышляет, прогорит или не прогорит какое-нибудь полешко. Себя и меня он называет «Веселые истопники или жизнь в Женеве». Придумывает разные смешные вещи, ужасно как меня смешит. Вечером как-то разговаривал со мной о Сонечке, ужасно жалея о ней, говорил, что за кого же она выйдет замуж, ведь она никого не видит, если ее и вывозят в собрание 3—4 раза в год, ну, кто там ее увидит. А своих знакомых у них нет, что он помнит, как было раз еще при нем, ей сватали жениха, приехал какой-то инженер, над которым все они смеялись; потом же он оказался каким-то просто карманным воришкой. Я говорила, что жаль,

что нас нет в Петербурге, а то бы она могла приехать к нам, он отвечал, что не отпустят, а когда я заметила, что, может быть, она могла бы настоять на этом, то он отвечал, что ее отец не таков, что если ей переступить через ров, так мост сзади ее сломают они, что за нею, как за мной, не побегут родные, а просто отец рассердится на нее. Мне ужасно было больно, что он так резко отозвался, именно, будто бы я не любила своей семьи и захотела бы разрыва с нею. Как он меня мало знает.

Пятница, 1 ноября/20⟨октября⟩

Сегодня день превосходный, да, впрочем, вот уж, кажется, 4-й день как погода стоит просто летняя, так что в моем пальто бывает жарко, и совершенно достаточно ходить в небольшой кофте. Сегодня утром, когда я проснулась часов в 6, мне показалось, что погода довольно пасмурная, и я стала бояться, чтобы не сделалась дурная погода и таким образом не пришлось бы мне сидеть сегодня дома; а мне хотелось сегодня обновить свою шаль и новую шляпу. Но часам к 12 погода разгулялась, и я оделась и отправилась погулять. Федя и сегодня все утро был в ужасном грустном расположении духа, но когда я оделась и показалась перед ним, то он как-то развеселился, поправил мой платок и сказал, что ко мне шляпа идет; а когда я вышла из дома, то отворил нарочно окно и смотрел, как я пойду на улицу. Милый Федя! Как я люблю, когда он так внимателен ко мне. Сначала пошла на почту, но писем ни от кого не получила. Потом пошла несколько пошляться по городу, много ходила; платок мой, вероятно, очень хорош, потому что на него заглядываются, и преимущественно дамы. Мне вздумалось зайти к одной модистке и спросить ее, сколько пойдет на суконное платье, сколько она возьмет за работу. Это на Grande rue у [S a i nt]-George. Она мне сказала, что для меня следует взять для суконного платья 4 aune, но все-таки придется нижнюю юбку сделать не целую суконную, а только край. За работу за одну юбку и кофту она берет 12 франков, а если будет делать и нижнюю юбку, то возьмет 18. Тут у нее висело сиреневое муаровое платье. Я спросила, сколько следует взять аршин, она сказала: 13 метров; но это, по моему мнению, ужасно как дорого. От нее я проходила мимо одного магазина, где продается сукно на платье. Я зашла и спросила о цене. Магазинщица сказала мне, что так как это сукно шириной в 150 с., то его пойдет очень мало и что обыкновенно [нужно брать?] на платье 3 метра и самое многое, что 3 $^1/_2$ метра. За аршин, она сказала, берут 14 франков, следовательно, всего на платье пойдет на 42 франка. Она сказала, что у нее есть модистка и обещала узнать, сколько она возьмет за платье и берется ли сделать из 3 метров. Это очень хорошо, если бы так было, потому что при деньгах можно бы было сделать. А суконное платье очень пригодится и на будущее время, даже на будущую зиму, особенно если оно так недорого стоит, ну, предположим даже, что на платье идет 3 $^1/_2$ метра, это 49 франков, да за работу 11 франков, вот всего 60 франков, а в магазине за такое же платье берут 90 франков. Заходила я спрашивать меховую мантилью серого барашка, стоит она 140 франков, а муфта тоже серая барашковая, но очень небольшая, стоит 22 франка. Когда я сказала насчет муфты, то Федя сказал, куда же нам девать ее будет после, я отвечала, что ведь это Сонечке пригодится, он засмеялся и сказал, что нашу Сонечку и всю-то можно будет уложить, упрятать в муфту.

Сегодня я воротилась домой, порядочно устав от моего гулянья. Пошла обедать, по дороге Федя ходил к ростовщику, у которого заложе-

ны наши кольца, но так как сегодня какой-то католический праздник, то его не было дома, да и многие магазины сегодня заперты. После обеда я пошла поскорей домой, а Федя пошел в кофейную. Я хотела заснуть, потому что у меня сегодня целый день болела голова, но пришла наша старушка, она испугала меня, разбудив, когда я начала уже засыпать. Она мне сказала, что наши соседи выезжают очень скоро, что она рада, потому что она их не любит; они немцы, а она немцев не любит. Сегодня она мне сказала, что к нашей соседке ходят разные немки, которых она не знает; должно быть, она подозревает нашу соседку в дурном поведении, решительно не знаю, что; по нашему, так они люди очень смирные, его никогда не бывает дома, она тоже очень редко бывает, они очень веселые, постоянно хохочут, и я решительно не знаю, стоит ли из-за религиозной ненависти гнать хороших жильцов. Тем более, что теперь у них квартира останется пустой. Я бы была очень рада, если бы никто к нам не переехал, потому что тогда бы в январе месяце мы бы могли занять тоже и ее, но теперь это нам вовсе не по карману. Наша квартира ходит в 30 франков, да их в 25, это 55 франков в месяц, исключая дрова, это уж слишком дорого, а вот тогда, когда мне придет время, вот тогда будет можно занять и 2 комнаты. Кроме наших немцев (наша немка ужасная трещотка, просто когда к ней кто-нибудь придет, она так быстро говорит, так трещит, что можно подумать, что она книгу читает, а не разговаривает), у старухи живет какая-то жилица, une amie à nous[53*], как она ее называет, это ужасно смешная и странная дама. В комнате ее находятся несколько портретов каких-то господ с чрезвычайно простыми лицами, и какие-то две девицы ⟨не расшифровано⟩ прическами 20-х годов. У нее до невозможности все чисто и все портреты и вещи покрыты чехлами, что придает ужасно скучный вид комнате. Сама она эдак лет 45, была, должно быть, недурна собой; волосы носит с хохлами по вискам и с косой, очень высоко зачесанной наверх. Она как будто бы чего-то боится, всегда как-то подкрадывается, даже на улице, точно она каждым своим шагом перед кем-нибудь извиняется. Мы ее прозвали вдова моряка, какого-нибудь капитана, потерпевшего кораблекрушение, так Федя и продолжает ее называть, но теперь оказывается, что эта особа — девица, живущая работой. У нее постоянно ужасно поздно как горит свеча, эдак часов до 3-х, мы решили, что, вероятно, она или делает фальшивые бумажки или перечитывает письма своего моряка.

Федя пришел из кофейни, предложил мне идти гулять, но я не пошла, потому что просто устала, Федя пошел один, но воротился чуть ли не через 20 минут. Весь вечер он был ко мне чрезвычайно внимателен. Непременно требовал, чтобы я легла спать, потому что у меня болела голова. Я легла и заспалась, так что ему было ужасно трудно меня разбудить; вечером, когда он меня разбудил прощаться, то стоял передо мной на коленях. Меня это ужасно как обрадовало, я так бываю всегда рада, когда вижу, что он меня любит.

Суббота, 2 ноября/21 ⟨октября⟩

Сегодня день очень хороший, т. е. был с самого утра, потом эдак часов в 12, когда Федя пошел, чтобы выкупить кольца, сделался теплый дождь, сделалось пасмурно, но довольно хорошо, так и у нас бывает, например, эдак в это время, когда расходится лед. Воротившись, Федя предложил мне сходить гулять. Я сейчас отправилась, пока не было

[53*] Наша приятельница (*фр.*).

дождя, но все-таки он меня застал, так несмотря на дождь, я гуляла несколько времени. Потом, когда мы пошли обедать, то с удивлением заметили, что погода ужасно как изменилась, именно, из дождливой, но теплой погоды, сделалась страшная биза, так что решительно нельзя было стоять на ногах, и холод до такой степени пронзительный, что, право, так как у нас бывает разве в декабре месяце. Мне, несмотря на мою теплую одежду, было очень холодно.

После обеда Федя пошел в кофейную, а я отправилась в фотографию, спросить, не готовы ли мои карточки. Дама, которая тут была, очень долго искала их, и я уж стала думать, что, верятно, они не готовы. Наконец, они нашлись, и она мне их вручила в длинном черном футляре, который дается, кажется, только для целой дюжины. Она мне заметила, что портреты ужасно как похожи, хотя мне самой они не очень понравились. Я здесь очень худа, лицо страшно длинное; под глазами темно, лицо темное, и горло толстое и воротник ужасно как дурно сидит. Но, вероятно, я такая уж и есть. Я пришла поскорей домой и села писать письмо к маме, чтобы ей сегодня отослать мой портрет. Я думаю, что она будет ужасно рада получить его, моя милая, добрая мамочка, и, вероятно, найдет, что портрет не похож на меня. Написав письмо, я отправилась на почту, спросила нет ли писем, и, не получив, опустила в ящик на этот раз франкованное письмо, мне, право, совестно перед мамой, что я никогда не франкую. Она тоже бедная, чтобы платить за мои письма.

Когда я пришла домой, старушка мне сказала, что Федя приходил домой и потом ходил меня искать и не нашел. Федю я нашла недовольным, он сказал, что был на почте, но меня не встретил. Потом он стал топить печку, его обыкновенное занятие; его ужасно как интересует всегда, сгорит или нет какое-то полешко и страшно беспокоится, если видит, что оно не догорает. Я как-то показала ему свой портрет и спросила, похож ли, он меня спросил: «Кто это?» Вот доказательство, что я решительно непохожа. И когда я сказала, что это я, то он отвечал, что тут решительно нет ни малейшего сходства, и что если такие бывают жены, то ему такой жены вовсе не нужно. Потом посм[е и в а л с я], что глаза у меня ужасно страшные, и что это глаза решительно рака. Потом спросил, сколько я сделала, я отвечала, что сделала 2 карточки, одну для мамы, а другую для себя. «А для меня-то не могла сделать, хотя бы одну для меня?» Я отвечала, что знала, что будет портрет нехороший, а что если он хочет, то пусть возьмет себе этот. «Ну, хорошо», сказал он, и тотчас отнес и положил его в свою тетрадь, в которой он теперь постоянно записывает. Вечером я прилегла спать, Федя тоже, и уж я спала несколько времени, как вдруг отворяется дверь и влетает наша хозяйка и подает мне письмо. Письмо это было запечатано, но без надписи. Она мне сказала, что это принес какой-то мальчик, который просил передать письмо русской даме, живущей здесь. Я распечатала письмо, Федя вскочил тоже, и мы стали рассматривать, что это было такое. Это был какой-то адрес, адрес какого-то пансиона на улице Монблан, с полным означением адреса, и написано это было на какой-то особенно красивой бумажке; адреса моего, как я сказала, тут не было. Мы решительно не могли понять, что бы это такое было? Федя начал меня уверять, что это ко мне и что, следовательно, я должна знать, кто это пишет. Я его уверяла, что решительно никого в городе не знаю, ни с кем не говорила, у меня знакомых нет, следовательно, я точно так же, как и он, решительно в этом ничего не понимаю. Он как будто бы на

меня рассердился, уверял, что я должна знать, что это такое. Я ему сейчас предложила сходить по этому адресу и спросить, что это такое значит, объяснить, что мы здесь приезжие и никого не знаем, и попросить объяснения этого письма, а также, чтобы он узнал, нет ли там какой-нибудь приезжей дамы русской, потому что мне почерк показался знакомым, именно детским, и именно той госпожи; Федя говорил, что, вероятно, мне надо с ним идти, чтобы узнать, и что, может быть, хотят сказать мне что-нибудь про него. Я отвечала, что я не пойду, а просила его очень идти самому и даже, если возможно, теперь. Он оделся и отправился, но у него было какое-то недоверие ко мне и он просил, чтобы я никого не принимала, пока он будет ходить. Я даже предложила ему меня запереть, если он уж так не доверяет ко мне. Когда он ушел, меня взяло сильнейшее беспокойство, мне пришло на мысль, что это, может быть, только какая-нибудь ловушка, что это сделано для того, чтобы заманить Федю куда-нибудь, где его встретит полячишка и, пожалуй, еще приколотит, но слава богу, мое беспокойство не продолжалось слишком долго, потому что Федя воротился назад и сказал, что видел самую хозяйку, что она сказала, что записка написана ею, и что будто бы ей какая-то дама сказала, что я желаю переменить свою квартиру, а так как у нее есть квартира, то и послала нам свой адрес. Феде почему-то показалось, что она хотела скрыть истину, а сказала это так, чтобы что-нибудь ответить, и что, может быть, ее просили так отвечать, если приду не я сама, а мой муж. Я сказала ему, что так как мы решительно не хотим съезжать с нашей квартиры, то по этому-то самому решительно никому не могли сказать, что должны переменить квартиру, но главное, что у меня ведь решительно нет никого знакомых и ни с кем я не говорила. Тогда Федя сделал предположение, что, может, быть считают нас за бедняков и потому хотели попробовать, не соглашусь ли я на какое-нибудь дурное дело. Но мне кажется, что все это пустяки, а что так как наши соседи съезжают, то очень вероятно, что говорила это она, а они ошиблись адресом, и вот записка попала ко мне. Вообще этому нечего было придавать большое значение, тем более, что я решительно никому не говорила о моем желании съехать, и чувствовала себя совершенно невиновной в этой записке. Федя меня уверял, что ему и в голову не могло войти подозревать меня в чем-нибудь, но что он боится, чтобы кто-нибудь не подшутил над нами, так как, например, кто-то приходил спрашивать за нас письма. Вечер у нас все-таки прошел довольно мирно, и когда Федя пришел прощаться, то сказал, что портрет мой он рассмотрел и нашел, что он похож, но что все-таки глаза у меня точно как у рака.

Воскресенье, 3 ⟨ноября⟩/22 ⟨октября⟩

Сегодня день хороший, но ужасно ветреный, опять биза, так что просто с ног сваливает, обыкновенно она продолжается дня 2 или 3, это просто ужасно, в это время никуда и выйти нельзя. Мне ужасно бывает смешно на наших старух, когда я им жалуюсь на бизу, они отвечают: «C'est sain, c'est bien pour la santé, cela sechera les chemins» [54*]. Хорошо это им говорить, когда они сидят себе в кухне и никуда не выходят со двора, тут можно рассуждать, что это очень здорово и прочищает воздух, а вот когда приходится по такому ветру, тогда эдакие утешения решительно не идут на ум. Сегодня я собиралась идти в церковь, но из-за бизы не пошла, и мне это так больно; мало того, что я так давно не была

[54*] Это здорово, это хорошо для здоровья, это высушит дороги (*фр.*).

в церкви, я дала себе слово непременно идти в это воскресенье, и вот не пошла; но в будущее воскресенье я пойду непременно. Из-за бизы мы не выходили все утро из дома, Федя несколько раз смотрел на мой портрет, когда принимался писать (это мне очень лестно), и сказал, что я очень похожа, но что все-таки глаза нехороши; упрекал меня, зачем я получше не оделась, а в простой кофте, говорил, что у меня очень хорошее, доброе выражение, такая по обыкновению встрепанная, как и всегда.

Ходили обедать, потом на почту, где, разумеется, ничего нет, тогда Федя пошел читать, а я домой. Гулять мы уж вечером не пошли, потому что возможности решительно никакой не было. Вечером Федя как-то, не помню, что-то заметил о моем портрете, я отвечала: «А, ты смеешься, так отдай мне его назад», тогда он отвечал, что не отдаст мне его ни за что на свете (меня это очень порадовало), потом как-то сказал, что я похожа на портрете, и что он потому это напоминает, что уж портрет чрезвычайно хорош, что он все на него глядит и находит, что я ужасно как похожа. День у нас прошел довольно весело, т. е. очень мирно, я припомнила, что в этот день бывает именинница Лиза Сниткина, и припомнила, что я всегда у нее в этот день бывала. Так было и в этот год, если бы я была в Петербурге. Вероятно, они меня там вспоминали, что меня, всегдашней посетительницы, и нет на этот раз.

Я припоминаю, что в 64 году, в год моего выхода из гимназии, мы в этот день отправились с Ваней к Сниткиным на Васильевский остров. Накануне мама мне купила шелковый рипсовый салоп, который я любила и который мне нравился больше всех тех салопов, которые у меня когда-нибудь были. Заплатили мы за него 45 рублей, и вот, чтобы его обновить, я и отправилась в нем на именины. День был прекрасный, особенно светлый и ясный, жили мы тогда в новой квартире в Саперном переулке, дом Богданова, куда переезжали на те месяцы. Папа жил тогда на отдельной квартире где-то на Лиговке. Папа был у нас в этот день, обедал с нами, и часу в 6-м мы все вышли из дому, папа отправился к себе на квартиру, мама пошла куда-то хлопотать по нашим делам, а мы с Ваней пошли к Сниткиным. Зашли сначала к Иванову, где и купили фунт конфет в 60 копеек, потом дошли до Гостиного двора и здесь сели в дилижанс, который и довез нас на площадь. Уж порядочно стемнело и из тихого прекрасного вечера сделалась довольно прохладная и ветреная погода. Подошли к Дворцовому мосту, но оказалось, что он уж снят, а что следует перебираться через Николаевский. Это было досадно, толковали мы, вдруг туда придем, а там решительно никого и нет, это просто будет ужасно как скверно. Пришли к ним на двор и увидели, что свет в их окнах, ну, значит, кто-нибудь да есть. Сниткины были очень рады нашему приходу и объявили, что, вероятно, мы останемся ночевать. Я сказала, что так как мне завтра надо идти на похороны (умер старик садовник [придворный] у нас внизу), то остаться я не могу; ну, хорошо, так Дьяков[122] вас проводит, он теперь у нас. Я вошла; в комнате было много гостей, особенно дам, Спиридоновы, Александра Павловна, Анна Федоровна, и прочая рухлядь, был и Дьяков с двумя сестрами, которые очень любезно со мной раскланялись. Они всегда бывают как-то особенно любезны со мной, решительно не знаю, почему это. Я осталась в этой комнате, где были дамы, в другой же все сидели кавалеры, Мишины и Сашины товарищи[123]. Был тут Рязанцев, Бормотов и еще несколько человек гостей. Пришли Косковские[124], я раскланялась с Сашенькой, которая очень милая девушка, но с которой мне до сих пор не удавалось поговорить. Саша ходил из одной комнаты в другую

и увеселял гостей. Пришел кумир Косковских [Сливин], сел в нашей комнате и начал оживлять все кругом, потому что девицы и шли затем, чтобы увидеть его и поговорить с ним, ну, следовательно, там было и весело! Впрочем, они не особенно много с ним разговаривали. Обыкновенно свои девицы сидят без [разговору], потому что, исключая старшую, которая очень быстра на язык, прочие как-то скверно говорят, так что даже и не поймешь. Одна только Маша Меньшикова, та чрезвычайно быстра и, кажется, будет премиленькая девочка. Только уж и теперь ужаснейшая кокетка, что-то будет дальше. Девицы Дьяковы тоже ничего не говорили, исключая разве только с Лизой или Машей. Вообще общество было довольно скучное, но мне, не знаю почему-то, было чрезвычайно весело. Я была в черном барежевом платье с белым лифом и с красным кушаком. Дьяков мне заметил, что, кажется, не принято в натуре ходить на именины. Я отвечала, что не считаю это за натуру. Вечер прошел очень быстро и, по моему, весело, шалили, хохотали, потом, эдак часу в 12-м, сели ужинать. Меня усадили за большой стол, вместе с Дьяковым, который меня все время расспрашивал о ⟨не расшифровано⟩ и о его жене. Потом начали собираться и Дьяков объявил, что он проводит меня до дому. Сестры его уж были в теплых салопах, одеты уж по-зимнему, в отличных платьях, которые они надевают только исключительно к Сниткиным, между тем, как, например, в собрание одеваются просто как горничные, потому что всегда берегут платья, так как их в собрании легко замарать. Вышли мы все гурьбой, Саша пошел провожать Косковских, и с ним [Сливин], мы же, Рязанцев, Бормотов, Дьяков с сестрами, пошли пешком домой. Дьяковы ужасно как устали и кажется роптали на брата, что он из-за удовольствия идти вместе с нами заставил их пройтись пешком. Мы дорогой все время разговаривали о разных предметах, об очень умных, как я всегда говорю с Дьяковым. Довели мы их до дому, затем Рязанцев и Бормотов отправился нас провожать до (Дьяков еще как-то упал на дороге и рассказывал мне при этом случай, как он тоже недавно упал и чуть себе не сломал ногу, случай чрезвычайно интересный) нашего дома, где мы и распрощались. Вообще у меня осталось довольно приятное впечатление от того вечера, было как-то весело, не знаю сама почему, или, может быть, это прошло так много времени, что и кажется, что было весело.

В 65 году я помню тоже этот день, я себе утром дошивала серое барежевое платье с зеленой отделкой, чтобы одеть его к Сниткиным. Потом мне вздумалось эдак часа в 3 отправиться в Гостиный двор купить себе кокошник (мне тогда представлялось, что мне очень пойдет кокошник) и за раз купить конфет у Иванова. Пошла я пешком и чуть ли не два часа проходила по Гостиному двору, приценялась к кокошникам черного бархата. Но все были не по моим деньгам, так что мне пришлось отказаться от покупки его. Здесь я встретила Машу, которая была очень удивлена, увидев меня, смотрящей такую вещь, тем более, что она знала, что у меня денег мало. Потом я отправилась домой, зашла по дороге за буклями, которые взяла на этот день надеть у парикмахера, и очень спешила домой. Дома я нашла папу и Ваню уже одетыми, они дожидались и бранили меня. Так как я довольно долго одевалась, то папа объявил, что он не пойдет, и даже пошел, чтобы снять свой сюртук, так что мне и Ване пришлось еще его уговаривать, чтобы он поехал с нами. Папа был одет в свой хороший сюртук и в бархатный жилет, который очень шел к нему. Наконец, я оделась, и убедили папу ехать, мы отправились, мама осталась дома.

Ехали мы все трое на одном извозчике, и кое-как дотащились до Васильевского острова. У них уж было довольно много гостей, в первой комнате, по обыкновению, сидели дамы, я с ними раскланялась и прошла в следующую комнату, где сидела одна только Зина, и где было довольно оживленно. Тут сели папа и Ваня, тут же были Владимир [Иванович] Иванов, Дьяков, Веревкин, Мялицын и [Сенько][125]. Я раскланялась со всеми и тут и уселась. Саша приглашал меня перейти в другую комнату, но мне здесь было гораздо удобней и веселей. Разговор зашел о смерти песковской тетки. Я отвечала, что, вероятно, это неправда, что очень может быть, что умерла там какая-то другая [женщина?]. Потом я разговорилась с [Сенько] о Песковой ⟨не расшифровано⟩ и мы очень весело провели время. Папа сидел с Веревкиным, который был очень любезен с ним и постоянно занимал его разговорами. Я несколько раз предлагала обществу в нашей комнате перейти в другую и завести общую беседу, но никто не брал на себя эти обязанности, все уверяли, что это очень страшно, потому что там сидят такие неразговорчивые особы, действительно, там были Косковские, которые никогда не разговаривают. Меня просили научить, что такое сказать. Наконец, Мялицын, у которого была сегодня завязана щека, сказал, что вот он сейчас выйдет в следующую комнату, станет в дверях между обеими комнатами и [скажет], ни к кому собственно не обращаясь: «Какая дурная сегодня погода», и, верите, указав себе на щеку, прибавит: «Вот она где у меня сидит»; после этого придет опять к нам. Решительно никто не хотел брать на себя обязанность занимать гостей, все много смеялись и толковали о разных разностях; потом просидели, кажется, до 12 часов и пошли домой. Дьяков пошел с нами, также и Мялицын, с которым мы всю дорогу разговаривали. День тоже прошел довольно весело, т. е. по крйней мере, не слишком скучно.

В 66 году[55*] мне неприятно даже вспоминать этот день. Был, я помню, страшный дождь, но несмотря на это, я уговорила маму ехать со мной к Сниткиным; там мы нашли Александру Павловну с мужем, которые весь вечер пилили маму за ее долги; так что моя бедная мамочка даже плакала. Мне это было так больно, тем более, что я ее уговорила приехать сегодня сюда. Сами Сниткины были в ужасно неловком положении, потому что они не знали, и сидели как на угольях, потому что им тоже было неприятно слушать, как они оскорбляли маму. У меня у самой как-то не вязался разговор с этими лицами, которые здесь были в гостях, так что вечер прошел очень натянуто и скучно. Тут как-то Лиза пророчила мне свадьбу, сказала, что: «Вот помяните мое слово, дело дойдет до того, она сделается мадам Достоевская».

Понедельник, 4 ⟨ноября⟩/23 ⟨октября⟩

Сегодня биза перестала, сделалась отличная погода. Мы как-то рассматривали Федино теплое пальто и нашли, что непременно следует прикупить шелковой материи на подкладку, чтобы его починить, и тогда оно ему будет служить еще много времени. Федя на починку положил уплатить 5 франков, и я, пользуясь хорошей погодой, отправилась покупать, взяв с собой образец. Нигде в магазинах такой материи не было, мне указали отправиться в магазины без вывески, которые в 1 или во 2-м этаже, так что я теперь знаю почти все лучшие магазины в городе.

[55*] *В тексте ошибочно:* 67.

В двух или трех магазинах мне подыскали такую материю, но брали за метр не меньше 7 франков, а следовало непременно взять не меньше метра. Сколько я ни ходила, но дешевле нигде не брали, так, что под конец я решила лучше сходить домой и спросить у Феди, могу ли я купить за 7 франков. Он меня выбранил, зачем я это не сделала без его спроса, и я снова отправилась за покупками. На этот раз я обходила весь город, все решительно лавки, больше здесь торгуют евреи, очень грязные и пахучие. В одном из магазинов я видела материю, которую охотно бы подарила маме на платье. Она вся шерстяная и стоит $3^1/_2$ франка за аршин, а следует на платье 7 аршин. Следовательно, все платье обошлось бы не больше 24. Господи, как я жалею, что у меня их нет, те деньги, что у меня теперь есть, я должна беречь их, во-первых, на тот случай, если Катков нам не пришлет, то выдать их за деньги, присланные от мамы, а [во-] вторых, опять давать их как деньги, вырученные под залог вещей, таким образом несколько поддержать себя, а если бы все было хорошо, и все нам удалось, то чтобы иметь возможность послать маме хороший платок. [Не так?] надо много, чтобы она могла иметь возможность в чем-нибудь ходить в хорошем, а у моей бедной мамочки, кажется, во всю жизнь не было хорошего дорогого платка, кажется, ей никогда никто ничего не дарил. О, господи! Как я была бы счастлива, если бы могла подарить ей хороший платок и такое шерстяное платье, ведь моя мамочка была бы просто в восхищении от таких подарков, не столько от подарка, сколько от того, что ей подарила ее дочь. Ходя по магазинам, я видела [о т л и ч н у ю] черную шелковую материю и узнала, что она стоит 9 франков, но, вероятно, он уступит и за меньшее, именно, может быть за 8. Нужно иметь 8 метров, это около 12 аршин, следовательно, все платье будет стоить 72 франка, а может быть и 64. Но что это за чудное платье, просто загляденье, платье толстое, красивое, чудное, такое, какое у других берут за 13 франков. Вот если бы у меня были деньги, я бы непременно купила себе это платье, жаль, право, что у меня их нет. В этом же магазине я купила себе форму для шляпы и хочу ее покрыть черным бархатом. Тут же я спрашивала о бархатных цветах, мне показали очень хороший венок, который стоит 2 франка, прекрасного лилового цвета. Как я уже сказала, я купила материи $^3/_4$ метра за 5 франков и потом форму шляпы за франк. Но сегодня еще не шила, потому что очень скоро стемнело, а мне хотелось, если делать, то делать очень хорошо, чтобы Федя не мог сказать, что я не умею шить. Ходила на почту, но ничего не получила, просто не знаю, что такое и подумать, что мы так давно не получаем писем. Соседи наши сегодня выехали и квартира тут пустая; хозяйки все предлагают ее нам, но ведь куда нам ее взять, если бы вот была у нас мама, то это было бы другое дело, а теперь квартира для нас будет слишком велика.

Вторник, 5 ⟨ноября⟩ / 24 ⟨октября⟩

Встала сегодня пораньше и начала примерять, как подложить подкладку; сначала у меня как-то не выходило, но потом дело пошло на лад. Я нынче не бужу Федю, по обыкновению, до 10 часов, хотя в это время очень страдаю, потому что пить кофе ужасно как хочется. Потом, когда он встал, я попросила затопить печку и начала гладить подкладку, т. е. подводить к ней полоски, так чтобы было, если бы возможно, вовсе не заметить, что тут подкладка. Потом начала шить, и одну половину сделала сегодня, но потом пошла обедать, а вечером уж было настолько темно, что шить было нельзя. С Федей мы были очень дружны, но очень

горюем, что никак не можем получить ниоткуда письма. Это просто поразительно, вот уж сколько времени, как отправили ко всем письма, и ни от кого еще до сих пор ответа не получили, это уж слишком даже странно. Особенно меня беспокоит молчание мамы, уж не больна ли она, не сделалось ли у них какого-нибудь несчастья, что она так долго молчит. Но вот что мне кажется, очень может быть, что так как Федя писал Паше, что мы, может быть, скоро отсюда уедем, то этот глупый мальчик и сказал маме, что мы уезжаем, и она не получила от меня письма, убедилась в этом предположении и потому и не пишет, но меня это ужасно как беспокоит, так что я решительно не знаю, что мне и сделать. Федя был сегодня очень ласков[ый] ко мне, сказал, что очень любит и меня, и ребенка, думает, что это будет непременно не Сонечка, а Миша, что будет мальчик, страшно резвый, который будет постоянно ходить в синяках; когда легли в постель, то сказал, что благословляет и меня и нашего будущего ребенка. Сегодня мы толковали о том, чтобы, когда получим небольшие деньги, то начать понемногу шить для ребенка, а то покупать [сразу все?] будет гораздо дороже и вовсе не так, чтобы уж слишком лучше.

Среда, 6 ⟨ноября⟩/25 ⟨октября⟩

Сегодня рано утром встала и окончила ту половину пальто, потом выгладила утюгом вторую половину и прибавила к ней полоски, так что сегодня у меня работа значительно подвинулась вперед. Федя все посматривает и говорит, что очень хорошо, вообще он нынче приходит к убеждению, что и я могу кое-что шить, и говорит, что я шью хорошо. Я очень рада этому мнению в нем, потому что у него почему-то составилось мнение, что я решительно ничего не умею делать, что я не хозяйка и что вообще на меня очень много идет. Пошли сегодня опять вечером на почту, и я как-то особенно надеялась получить письмо от мамы, но вдруг нам сказали, что письма нет. Меня это просто поразило, и я ужасно пожалела, зачем я не богата, зачем у меня нет лишних 40 франков, чтобы послать в Петербург телеграмму и знать, что там такое случилось, что она ничего мне не пишет. Может быть, кто-нибудь из них болен, а они боятся меня испугать и потому ничего не пишут, но ведь, право, гораздо лучше знать худшее, чем ничего не знать, потому что тогда бог знает что такое представится в уме и решительно нельзя себе найти покою. Наша хозяйка говорит, что у французов есть такая пословица: pas de nouvelles — bonnes nouvelles[56*], но такая пословица нисколько меня не утешает, и мне сделалось так тяжело, когда мы пришли домой, что я плакала как сумасшедшая; мне представлялись все различные несчастья, хотя, между тем, ничего там не случилось, а мне не пишут, потому что я сама ничего не пишу. Я забыла сказать, что вчера я отправила письмо к маме с настоятельной просьбой писать мне и сказать, что с нею сделалось, что она так долго мне никакого ответа не дает. Федя меня утешал и уверял, что, вероятно, там ничего не случилось, а так, какое-нибудь недоразумение. Ему, видно, было жалко меня. Он был очень добр[ый] и мил[ый] ко мне. Когда он прощался, то он сказал, что меня ужасно *любит, что жить без меня не может,* что когда тогда он отправился в Саксон ле Бен, то дорога его кое-как развлекала, но там ему сделалось до такой степени грустно без меня, так что он не знает, как бы он стал без меня жить. Я очень рада таким словам его, мне такие слова точно бог знает какой подарок.

[56*] Нет новостей — добрые вести (*фр.*).

Четверг, 7 ⟨ноября⟩/26 ⟨октября⟩

Сегодня я окончила его пальто, оно вышло очень хорошо, все места, которые были худые, поправлены и пальто опять может много времени проноситься. Федя мной остался очень доволен. Потом до обеда я сделала свою шляпу как она вышла, положила на вату, вышла она довольно недурно, но в ней недостает еще цветка, а разве без украшения она будет так хороша. Федя ужасно удивился, когда он увидел, как я скоро ее сделала. Погода сегодня отличная, ходили обедать, нас опять кормили ужасно дурно, но зато десерт был очень хорош[ий]. От обеда пошли на почту. Дорогой Федя шутя бранил меня, зачем я не ношу своего платка, а я его уверяла, что потому не ношу, что мне запрещают носить его.

На почте ничего нет опять, господи, что это такое за мука, право, вот сколько времени как не получала ответа от мамы, а тут и деньги выходят, а Катков не шлет никакого ответа. Господи! неужели от него не придет никакого ответа, это просто будет ужасно, потому что, что мы тогда будем делать. Опять начнем просить маму, чтобы она достала нам деньги, опять тормошить бедную мамочку, несчастную мою мамочку, вместо того, чтобы ей помогать, опять будем ее тревожить. Сегодня я написала Маше письмо и отправила его на почту; в нем я убедительно просила ее немедленно написать мне и объяснить, почему мне никто не пишет. Письмо было недлинное и очень несвязно написано, но я вовсе о слоге не старалась, а тогда желала, чтобы она мне дала поскорей ответ о маме.

Вечером мы с Федей поссорились и из-за какой-то глупости. Сначала мы оба легли спать и проспали до самого чая, потом я встала и заварила чай. У нас, несмотря на нашу огромную топку, бывает ужасно как холодно, вот я и прилегла опять на постель. Федя, вероятно, хорошенько не выспался, да и вообще после сна он был какой-то суровый, он начал уверять, что воды чрезвычайно как мало у нас в чайнике; мне, право, было решительно все равно, и я, чтобы что-нибудь ответить, сказала, что только мне кажется, что воды довольно; сказала я это для того, чтобы он не ходил и не бранил старушку. Федя это принял за намеренное противоречие, надулся на меня, так что я даже того и не заметила. Пить же чай мне не хотелось, потому что у меня была сильнейшая изжога, как и во все эти дни. Когда он предложил мне пить, то я отказалась. Тогда он ужасно как на меня закричал и объявил, что с ним прежде дрались, но дрались открыто, а не по[тихоньку?], не скрываясь, и что если браниться, так браниться. Меня это ужасно как взбесило, особенно когда он закричал, если я не стану пить, то он все побросает на пол. Я назвала его дураком, скотиной, болваном, вообще изругала его ужасно, и, к моему ужаснейшему удивлению, он даже этим нисколько не обиделся, а как будто бы даже успокоился. Меня же это так взволновало, что сердце начало сильно биться и вообще я сделалась нездорова и сейчас легла в постель, чтобы это как-нибудь поскорее прошло. Федя несколько раз подходил ко мне узнать, лучше ли мне, и просил успокоиться; что же до моих ругательств, то, кажется, он их и не заметил. Вообще эта ссора нас не особенно рассорила, и мы расстались довольно дружелюбно. Я видела во сне Веревкина, который будто бы мне как-то подарил несколько серебряных монет, потом видела, серебро лежит и золотые часы; это очень дурной сон; как говорят, означает ложь и клевету на меня.

Пятница, 8 ⟨ноября⟩/27 ⟨октября⟩

Сегодня день чудесный, делать мне нечего, вот я и отправилась прогуляться немного по городу, а чтобы не гулять даром, зашла в один магазин узнать, что стоит детское приданое. Мне показали различные рубашечки, говорят, что следует их сделать трех разных величин, по 8 штук каждой, всего 2 дюжины. Я спросила цену, говорят, что за 1-ю величину, за каждую рубашку по $3^1/_2$ франка, за 2-ю — 4, а на 3-ю — $4^1/_2$, так что за 2 дюжины будет стоит 97 франков. Каково это? Потом спросила разные одеяльца; здесь ребят не пеленают, а как-то завязывают, что мне вовсе не нравится, по-английски. Все это ужасно дорого. Чепчики, например, самый небольшой, а стоит $3^1/_2$, 4 и $4^1/_2$. Вообще они почему-то, вероятно, меня сочли за богачку, желали сделать мне ⟨не расшифровано⟩. Я рассматривала фасоны рубашек и нахожу, что точно такие же можно сделать эдак много-много за 30 франков, из такого же [ирландского] полотна, которое здесь стоит 6 франков. Разные платьица к [причастию], например, стоят 90 франков, это просто ужас да и только; вообще когда я потом пришла домой и сосчитала, сколько это будет стоить, все, что написано в записке, то оказалось, что следует на это употребить 860 франков, но не надо забывать, что все это плохого достоинства, не из самого лучшего материала. Каково? Просто это меня поразило. Разумеется, все это даже с настоящими кружевами будет стоить много-много 300 франков, да это просто за глаза довольно.

Ходили обедать и сегодня подали все до такой степени жирное, что я просто исстрадалась после обеда. Изжога была страшная, невыносимая, грудь и горло горели; я решилась сегодня поступить таким образом, что ни завтра, и ни послезавтра, а если возможно, даже несколько дней, не обедать в том трактире, а приказать сделать мне молочный суп и купить себе курицу, таким образом, чтобы в моем обеде не было ни капли жирного. Я до такой степени страдала, что готова была лучше ничего не есть, чем их противные жирные кушания. Федя, видя, что я сегодня такая печальная, сказал мне: «Подождем еще несколько дней, а если не получим от мамы письма, заложим что-нибудь и пошлем к ней телеграмму, чтобы узнать, что с нею такое». Я отвечала, что теперь я несколько поспокойней и уверена, что письмо придет, если не в воскресенье, то в понедельник наверно, т. е. это ответ на получение портрета. Спала я ночь хорошо, но ужасно у меня как горело горло.

Суббота, 9 ⟨ноября⟩/28 ⟨октября⟩

День был сегодня отличный, но дома ужасно как скучно, решительно не знаю, что мне делать. Во-первых, и делать-то нечего, нечего шить, а во-вторых, все приходит на мысль, отчего это не приносят мне писем, от мамы и от Каткова, просто это меня ужас как беспокоит. Ведь если Катков ничего не ответит, тогда придется опять посылать и клянчить деньги у бедной моей мамочки; господи! как бы мне этого не хотелось, просто и сказать не могу. Ходили сегодня за покупками, за курицей, но готовой не было, я принуждена была заказать приготовить ее. Потом Федя пошел обедать, а я пошла за курицей, купила превосходную за 2 франка.

Как мне сегодня надоели старухи, просто ужас, особенно младшая, глухая. Она ко мне постоянно подходила и спрашивала, что я, кончила ли обедать, да буду ли я обедать, а когда буду, да я все еще там. До такой степени надоела, что я готова была с нею поругаться. Право, должно быть это очень дурно, но на меня находит какое-то особенное расположе-

ние духа, когда мне не хочется ни с кем говорить, когда даже этот разговор становится для меня тягостным. Вот, например, теперь я бы была так рада, если бы со мной никто не говорил, а то эти пустые разговоры меня только злят. Поела я курицу и теплое молоко, так отлично и так сыта, как редко ела в трактире. Сегодня Федя несколько раз ходил разговаривать со старухами, вообще, когда он с ними несколько поссорится, т. е. покричит на них, то сейчас бежит и начинает с ними разговаривать о разных разностях, но главное о ⟨не расшифровано⟩, в которой они, я думаю, решительно ничего не понимают. Как мне все это надоело.

Вечером ходили на почту опять ничего не получили; просто это решительно я не знаю как и объяснить. Я с ужасом думаю, что не пропало ли письмо к Каткову. Это решительно убьет нас. Федя обыкновенно после неполучения письма становится все серьезнее и скучнее. Я тоже, так что вечером решительно не знаю, что мне и делать, а от скуки ложусь раньше спать и сплю весь вечер, зато ночью не сплю и просыпаюсь рано утром, эдак часов в 7 или в 6, и тогда решительно не знаю, что мне такое делать: ни читать (да, вправду, теперь и читать-то нечего), ни писать, ни работать, одним словом, какая-то страшная тоска нападает, при которой решительно делать ничего не хочется.

Воскресенье, 10 ⟨ноября⟩/29 ⟨октября⟩

Сегодня день тоже отличный, и я этому чрезвычайно как рада, потому что, по крайней мере, ничего мне не помешает идти к обедне, а я еще в прошлое воскресенье хотела сходить, но по случаю ветра не пошла. Я нарочно пораньше разбудила Федю, оделась и отправилась в русскую церковь, желая поспеть к самому началу. Русская церковь находилась здесь на горе, и от нее превосходный вид на Женевское озеро. Довольно большое расстояние. Сегодня особенно хорошо, потому что день чрезвычайно ясный, церковь эта небольшая, но довольно красивая, белая с золотой крышей. Внутри она очень маленькая, так что, мне кажется, едва ли могло там поместиться человек 200. С цветными стеклами в окнах, и с живо[п и с ь ю] по стенам. Иконостас мраморный. Вообще она чрезвычайно красивая, вроде домашней церкви. Мне она очень понравилась. Когда я пришла, то еще не было почти никого в церкви. По церкви ходил и зажигал свечи какой-то, должно быть, швейцар в черном фраке и белом жилете, человек, который все время строил какую-то набожную мину, *особенно* набожную, что мне удивительно как не нравилось, это [показное?] благоговение. Он важно, на цыпочках, ходил по церкви, на всех важно посматривал, точно он тут главное лицо. В церковь вошел какой-то пожилой человек, должно быть, не русский, и, вероятно, желал посмотреть, какая у нас бывает служба. Дверь отворилась немного, и этот швейцар попросил его ее затворить. Пожилой человек не понял, вероятно, этого и сосчитал за приглашение выйти, тотчас ушел из церкви, мне было несколько больно за него. Вероятно, ему было обидно и показалось, что ему, как не русскому, приказали уйти отсюда. У самых дверей стоял небольшой мальчик, лет эдак 12, не больше, трубочист, с ужасно опачканной физиономией. Важный швейцар никак не мог вытерпеть, чтобы такой замарашка присутствовал на литургии. Он подошел к нему и велел выйти вон. Мне так было больно видеть, что бедный мальчик ужасно жалобно посмотрел на него и, видимо, ему очень хотелось остаться в церкви, и мне ужасно как захотелось просто прибить того чопорного швейцара, своим излишним усердием только делающим

вред, ничего более. Мало-помалу церковь начала наполняться. Потом пришел священник, человек еще нестарый, эдак лет 36 ⟨не расшифровано⟩, в очках, с короткой бородой и волосами, в лиловой ризе: вот этот-то человек, может быть, будет крестить мою Сонечку или Мишу, подумала я. Через несколько времени после его прихода началась служба. Часы читал дьячок, тоже во фраке, но должно быть, русский, потому что читал именно так, как я это люблю, очень внятно и хорошо, не [кривясь] по-французски. Певчих было человек 6, но, должно быть, не все русские, потому что они, например, слова *алилуйя* пели алилуия, как-то особенно мягко, не по-русски, а уж чересчур нежно. Священник служил хорошо; во время обедни набралось довольно много русских, особенно мне не понравились тут три барышни русские, какие-то особенно грязные, в очень бесвкусных костюмах. Надо заметить, что русские за границей, если богатые, то одеваются очень со вкусом, а если среднего состояния, то непременно как-то особенно нелепо оденутся. Это я замечала в Дрездене, в Бадене и вот видела здесь. Особенно мне гадкой показалась маленькая девушка с черными глазками, с довольно заметными усиками, которая как-то особенно хихикала и всех рассматривала, так бы, кажется, и выпроводила ее вон. Пришел какой-то отец с дочкой и двумя небольшими сыновьями, очень хорошенькими мальчиками, очень милыми и скромно одетыми, и которые отлично стояли за обедней, мне это чрезвычайно понравилось. Я не люблю, когда дети шалят в церкви. Приехали еще муж с женой и тоже трое детей, жена мне чрезвычайно как понравилась, я редко видела такое прекрасное доброе, как у нее, лицо. Был тут также один какой-то господин, почти лысый, с кр[аше]ными волосами, которые он как-то старательно зачесал на голове, который при каждом звуке отворяющейся двери оборачивался и смотрел глазом, вооруженным одним стеклышком. Этот господин мне ужасно как не понравился, ему все как-то не терпелось стоять на месте. Конечно, ожидание его оправдалось, пришла, должно быть, его жена, очень похожая на него и, следовательно, чрезвычайно гадкая. Около меня стоял какой-то господин, еще не старый, но с ужасно страшным лицом, каким-то особенно зверским, такие люди обыкновенно очень добры, как нарочно, будто бы в противоположность своему лицу. У него были довольно редкие волосы, но коричневые, и он их как-то особенно взбивал поминутно. Обедня мне очень понравилась, и я с удовольствием помолилась. Я была уверена, что непременно сегодня же получу от мамы письмо. После обедни я довольно скоро вышла из церкви и поспешила домой. По дороге я заходила в J ⟨не расшифровано⟩ и здесь спросила, чтобы они мне показали те евангелия, про которые они публиковали, спросили за них они 30 франков, но я бы, кажется, не купила, потому что ⟨не расшифровано⟩ нехороши, а это в евангелии главное.

Домой я пришла, Федя еще был за чаем и расспрашивал меня о церкви. Потом он несколько времени работал и пошел обедать, а так как я обедаю сегодня дома, то я и сидела дома, и не помню, что делала после обеда. Прочитав газеты, Федя пришел, чтобы взять меня и пойти вместе на почту, узнать, не пришло ли мне письмо. Я была очень уверена, что непременно или сегодня, или непременно завтра получу от мамы письмо. Это так и случилось. Мама прислала письмо, но на этот раз не франковала, и мне было несколько досадно, что это случилось при Феде, он как-то особенно не любит, когда нам приходится платить за нефранкованные письма. Я распечатала тут и почитала письмо, и прочитала его поскорее, чтобы знать, отчего она так долго не писала. Мама, видно,

сердится и на меня, и на Федю; положим, что ее неудовольствие на нас даже очень справедливо, потому что ведь мы ее заставляем платить проценты за салоп, пальто, билеты и прочие вещи. Положим, что ей больно, что Федя больше заботится о невестке, чем обо мне, но мне все-таки было тоже больно, что она сердится, потому что мне никак бы не хотелось, чтобы мама была моим или Фединым врагом. Все ее письмо было наполнено жалобами на то, что Федя платит за их квартиру. Правду, и мне это неприятно, потому что у нас у самих есть долги, но что же ведь делать, ведь того переменить нельзя; письмо ее для меня было больно, потому что ведь что же она мне это пишет, разве я могу что-нибудь тут сделать, как-нибудь это переменить, ведь я решительно ничего тут не могу сделать, так зачем же мне напоминать об этом. Федя ждал все время, когда я прочитаю письмо, и по дороге спросил, отчего мама не писала. Я отвечала, что будто бы она была больна, и что она пишет, что, вероятно, пришлет нам деньги. Мама писала, что будто бы Аполлон Николаевич хотел попросить для нас деньги из Литературного фонда; Федя сказал, что это пуст[ое] и что даже ему самому не хотелось бы, чтобы это было так сделано. Потом вечером я легла спать, Федя меня разбудил эдак часов в половине 11-го и, очень недовольный тем, что я так долго сплю, просил сейчас лечь и раздеться. Я спросонья почему-то так сильно на него рассердилась, что ужасно начала бранить его, зачем он меня разбудил, зачем не дает спать и вообще у нас вышла удивительно глупая сцена; Федя уж начал ходить шибкими шагами по комнате и уж через несколько минут, вероятно, начал бы говорить о своей несчастной жизни, я тоже легла в постель и сильно с ним разбранилась, но потом расхохоталась, совершенно проснувшись, уговаривала, что ссориться чрезвычайно как глупо. Вот я и подозвала его и сказала, что у меня сердце начало сильно биться, и что я тогда только успокоюсь, когда мы с ним помиримся. Он сначала было не хотел подходить, но потом мы с ним через 10 минут были большие друзья, весь его гнев прошел, он сделался по-прежнему ласковый и добрый, и мы тут рассмеялись, как мы могли сердиться друг на друга. Я его в шутку выбранила, как он мог принять так к сердцу слова сонной бабы. Так что через несколько времени, когда я заснула, то мы расстались с ним страшными друзьями, и когда Федя пришел прощаться и я ему напомнила нашу ссору, то он отвечал, что он даже и не помнит, чтобы у нас была какая-нибудь ссора. Теперь я припомню этот же день в прошлом году.

28 октября 1866

В этот день я тоже была у Феди, чтобы писать, мы в это время уже доканчивали нашу повесть и очень спешили, так что мне пришлось у него пробыть часов до 4 вечера, все диктуя. За все это время мы особенно с ним подружились, мы иногда, впрочем, не так много диктовали, как говорили, он мне много рассказывал о своей жизни прежде, расспрашивал меня, как я живу, кто мне нравится, отчего я не иду замуж, мы много [с п о р и л и], и я чрезвычайно как весело и счастливо проводила время. Он меня несколько раз называл голубчиком, милой Анной Григорьевной, и мне такие слова были донельзя приятны, и каждый раз, когда я приносила к нему несколько новых исписанных листков, он клал их в большую тетрадь на столе и спрашивал меня потом: «Как вы думаете, а мы поспеем или нет?» Я его уверяла, что, вероятно, поспеем, чтобы он только не горевал, что нам остается еще довольно дней и что, по моему мнению, мы наверно успеем все сделать. Как-то он мне сказал, что это

будет ужасно как жаль, что после нам не придется больше нигде увидеться, потому что где же он меня увидит? Я отвечала: «Приезжайте к нам». Он отвечал, что очень рад, что я приглашаю его, и он непременно воспользуется случаем, чтобы приехать ко мне. Он сейчас спросил мой адрес, и прибавил, что адрес тем более ему нужен, потому что я могу заболеть или что-нибудь со мной сделается и я не приду, а он, между тем, даже моего и адреса не знает. Я ему сказала, и он записал его в своей синей тетрадке. Сказал, что у него есть такая тетрадь для записывания адресов, но потому-то он в нее и не записывает, потому что она для того предназначена, этот адрес цел и до сих пор у него в синей книжке[126]. Я помню, он всегда один; когда я к нему приходила, то он иногда продолжал еще писать, но потом обыкновенно шел ко мне навстречу. Тут я стала замечать, что при моих быстрых и маленьких шажках, как он их называл, он вставал поскорей с места и встречал меня: иногда я замечала, что у него кусок яйца на лице, когда я войду. Глаз у него начинал поправляться, но все еще по-прежнему был расширен, и при моем приходе он постоянно начинал мазать глаз кисточкой, как будто бы без меня того сделать не мог. Меня это ужасно забавляло. Он говорил, что по окончании романа обещал устроить обед для своих приятелей и что он думает, что я, вероятно, не откажусь также присутствовать на его обеде, и спросил, обедала ли я когда-нибудь в ресторане, я отвечала, что нет, но что, вероятно, буду у него. Сама же я решилась наверно не быть, потому что ведь в самом деле это было бы очень дурно, если бы я на это согласилась.

В этот день у меня было назначено собраться нашей знакомой молодежи. Саша все хлопотал и убеждал меня назначить когда-нибудь вечерок, я обещала, и вот этот день, суббота, был выбран для того, чтобы ему быть. Я даже обещала, что на моем вечере будет дьяконовский Curocco. Вышла я от Феди часу в 4-м, зашла за колбасой и пирожками у Иванова на Мещанской и отправилась к Александре Ивановне Ивановой, которую хотела взять с собой, потому что до сих пор еще не известила, чтобы она была у меня. Когда я пришла к ней, она спала, но я сейчас разбудила ее и уговорила ехать со мной, хотя она и не соглашалась, уверяла, что она не в духе, но так как мне очень нужны были дамы, то я все-таки кое-как сумела уговорить ее ехать со мной. Она оделась в свое синее платье из плюша, которое находила чрезвычайно хорошим, и мы отправились, но по дороге она мне решительно надоела. Она ужасная трусиха и убеждала извозчика ехать как можно тише, потому что она ужасно как боялась, чтобы ей не свалиться. Мне же хотелось быть как можно скорей дома, потому что надо было переодеться до гостей, да к тому же надо было кое в чем и распорядиться. Наконец, мы кое-как доехали, я поспешила наверх и застала у себя уж Машу Андрееву и Марию Ганецкую, которые довольно долго меня ждали. Ганецкая была у меня всего в первый раз; пригласила я ее через Рязанцева, он раз пришел к ним, и так как дороги ко мне не знала, то ее вызвался проводить ко мне один Сашин товарищ, фамилии теперь не помню. Я сейчас переоделась в свое хорошее пикейное платье, белое с синими цветочками, и мы уселись в зале, ожидая прихода других гостей. По справедливости, было довольно скучно 〈не расшифровано〉, там были девушки, рассказывали о разных разностях и рассматривали альбом. Наконец, пришел Саша и привел Мялицына и Сенько. Тут общество наше несколько оживилось, потом пришел Рязанцев; но, не знаю, у нас решительно не было весело, и все, конечно, говорили — от того, что я была невыносимо скучна. Мне все казалось, что гостям моим скучно.

и я все хлопотала как бы так устроить, чтобы им было повеселей, а от этой заботы только печалилась и заботила всех. После мне говорили, что я была в этот день ужасно какая сердитая, как будто бы я созвала гостей, да и не рада была им, будто бы злилась, что они пришли ко мне. Начались у нас игры, все были веселы, особенно Саша, который из себя выходил, чтобы занимать гостей, очень [старался?], но все это, как мне казалось, было довольно скучно. В середине вечера пришел наш новый пристав Александр Сергеевич[57*], фамилию опять забыла; он окончательно испортил вечер. Он был в этот день необыкновенно серьезен, так что я решительно не знала, что с ним такое заговорить, других гостей он не знал, и хотя я им всем представила его, но это нисколько не помогло. В игры он не играл, какой-то уж слишком серьезный, так что еще больше поддержал невеселое расположение нашего общества. Он мне сказал, что у него там какие-то неприятные обстоятельства, потом толковал маме, что он болен, что у него грудь болит, мне все это показалось очень странным; ну, зачем же человек в печальном настроении духа, да еще больной, задерживается в обществе, когда он знает, что всех может заразить скукой. Наконец он ушел и этим меня ужасно как облегчил. Вообще, как я сказала, вечер прошел ни шатко, ни валко, Ганецкая уверяла, ей было очень весело, но, мне кажется, это только потому, что тут был Рязанцев, который, как известно, ее кумир, ну, а, следовательно, тут при солнце все хорошо. Потом последовали всякие игры, которые сменяются ужасными несчастьями: именно, каждый гость сделал хотя какую-нибудь неловкость и что-нибудь сломал. Так, когда мы перебегали с места на место, Андреева поставила мне стул на мое пикейное платье, и когда я побежала, то платье разорвалось. Потом Ганецкая свалила тумбу, на которой стояла красная лампада, очень старинная вещь, [дорогая?] вовсе не по ценности, а потому, что так давно у нас была. Потом свалили несколько горшков цветов, одним словом, сделали ужасно много изъяну. Рязанцев или Саша, хорошенько не помню, сломали стул, т. е. таким образом, что у него отвалилась спинка, потом еще что-то, так что просто этот день был ужасно убыточный, удовольствия мало, а хлопот и беспокойства много, так что моя бедная мамочка ужасно на меня сердилась, а пуще всего на Андрееву, которую обвиняла, будто бы она нарочно разорвала мое платье. Наконец все разошлись, Саша пошел провожать Александру Ивановну Иванову, а Ганецкая и Маша Андреева остались у меня ночевать. Потом, после ухода гостей, пили в зале оставшееся пиво, кажется, две бутылки, и так много хохотали, как никогда, так что это было решительно единственно веселое время всего нашего вечера. Потом Андреева и Ганецкая легли в моей спальне и мы долго разговаривали о всех гостях наших. Тут Ганецкая как-то объявила, что она влюблена была чуть ли не 24 раза, сначала в студента, потом в чиновника, потом в моряка, одним словом, ужасно какая пылкая девушка. Мне скоро наскучило слушать их разговоры о разных разностях, я отправилась в другую комнату и скоро заснула, несмотря на то, что там было ужасно как холодно. Так окончился день, полный хлопот, беспокойства и ужасной для меня скуки.

Понедельник, 11 ⟨ноября⟩ / 30 ⟨октября⟩

Сегодня день рождения Феди, хотя он это совершенно забыл. Я встала сегодня довольно рано для того, чтобы иметь время пойти и купить ему пирог. Я заметила, что он чрезвычайно как любит сладкий пирог за

[57*] *Вставлено сверху обычным письмом:* Дементьев.

чаем вечером и потом утром за кофе. Вот мне и хотелось теперь сделать ему этот небольшой подарок. Я забыла сказать, что в субботу я ходила в магазин, чтобы отыскать ему подарок и выбрала бронзовую папи⟨росни⟩цу в форме кадочки, на то, чтобы уж важ⟨ная⟩, но вместе с тем довольно красив⟨ой⟩ ⟨золоченой?⟩ бронзы, я думала, что такая вещь может стоить не больше 4 франков, но оказалось, что стоит 9, потому что он уверял, что это золочение не парижское, которое скоро сходит, а венское, которое будто бы целый век продержится. Я все-таки выторговала у него 1 франк и отдала ему 8 франков. Было у меня еще намерение купить ему кашемиру на кашне, но так как я еще тогда не знала, получим ли мы деньги от Каткова или нет, то тратить деньги мне вовсе не хотелось, а то они бы вышли, а потом я бы и не знала, какие деньги дать под видом залога белья. Тут я смотрела разные резные коробочки, одна, довольно большая, из черного резного дерева с небольшой живописью в середине, стоит 10 франков, но вероятно, ее отдадут за меньше; она очень удобна для писем, я бы с удовольствием приобрела себе такую. Потом он показал мне полочку для книг с 2 ⟨отделениями?⟩, стоит 14 франков, и несколько полочек для писем — 8 франков. Вообще я очень жалела, что у меня нет денег, я бы непременно несколько таких вещей купила и для себя, и для Вани.

Было довольно еще рано, когда я пришла в булочную купить пирог, он стоил один франк, небольшой, но свежий и чрезвычайно вкусный, облитый каким-то розовым веществом, булочница мне сказала, будто бы этот пирог есть произведение Женевы, но мне что-то не верится, вероятно, такой же пирог отличный можно найти и везде. Я успела прийти домой еще до того времени, пока Федя проснулся, потом в 10 часов я его разбудила, заварила кофе, и он встал. Встал он довольно весело, и когда сел за стол, то хотя и заметил пирог, но ничего мне не сказал, а говорит, что подумал: «К чему это она так раскутилась, денег мало, а она пирог покупает». Тут я ему сказала, что разве он не знает, что он сегодня рожден, он сначала мне не поверил, а потом сказал, что ведь и в самом деле это так. Я сказала ему, что так как он мне недавно говорил, что в день рождения у него всегда был пирог с клубникой, то мне хотелось, чтобы и в этот день был у нас пирог. Он, кажется, с большим удовольствием ел его, потому что он действительно был вкусный. Стали мы рассчитывать, сколько ему теперь лет, родился он в 22 году, следовательно 45, а он тогда в Москве, сердя Машеньку, говорил[127], что ему всего только 43 года, та ужасно как на него сердится и бранит, зачем он себе уменьшает года. Так мы завтракали, я ему папиросницу не показала, а поставила ее на стол, чтобы он мог сам ее увидеть, потому что, что мне было лезть с таким незначительным подарком вперед. Когда он начал зажигать печку, то зачем-то подошел к своему столу и, увидев папиросницу, сказал: «Что это такое? Это что значит?» Я отвечала, что это ему подарок. Он снял, стал смотреть, сказал, что это хотя не так хорошо сделано, но что все-таки очень хорошо, и в заключение поцеловал край папиросницы. «Где же ты взяла деньги, ведь это дорого стоит?» Я отвечала, что деньги прислала мне мама, еще 3 рубля исключительно на подарок, как я у нее и просила. «Ах ты, подлая, ах ты, подлая,— продолжал он меня ругать,— ведь надо же было подарить». Вообще видно было, что ему было очень приятно, что я ему подарила. Мне вовсе не хотелось ничего не подарить ему, потому что он постоянно говорит, что ему в именины и рождения обыкновенно Марья Дмитриевна дарила разные вещи, ну, а почему же я-то отстану от того обычая. Он несколько

раз назвал меня подлой, но, разумеется, чрезвычайно ласково и добро. Вообще утро у нас прошло чрезвычайно дружно.

Деньги у нас сегодня выходили, так что непременно нужно было идти сегодня заложить кольца, Феде ужасно как не хотелось идти к прежним жидам, потому что они чрезвычайно [дурные?] люди, я ему предложила снести эти вещи к Clère, который, вероятно, больше даст, но так как у него запирают от 12 часов, то я и пошла эдак в половине 2-го. Пришла к нему, его кухарка сказала, что следует прийти через час, потому что теперь контора закрыта. Я все время ходила по улицам, дожидаясь половины 3-го, когда я могу, наконец, видеть его. Когда я пришла, контора была уже отперта, у него стояла какая-то женщина и упрашивала его подождать еще с месяц. Когда он кончил с нею дело, я ему подала кольца, он их свесил, и спросил, сколько мне под них нужно, я отвечала, что они были заложены за 35, и что мне хочется 35. Он отвечал, что в них золота на 32 франка, следовательно, 35 дать не может, а даст 30, я и этому была ужасна как рада, потому что тот жид, где был Федя, давал сначала 24, а потом 20, каждый раз сбавляя, так что, вероятно, отнеся к ним еще раз, они дали бы не 20, а пожалуй 15, да еще с ⟨г л у п о с т я м и⟩. Он дал мне 30 франков и записку с сроком на месяц. Я очень радостно вышла, пошла купить чаю и себе курицу, потому что опять решилась обедать дома, это и дешевле, да и горло, по крайней мере, не сожжет. Но я так долго проходила, что когда пришла, Федя был уже одет и дожидался моего прихода, чтобы идти обедать. Он был очень рад, что я принесла 30 франков и даже похвалил Clère, потом ушел обедать; перед его уходом к нам пришел небольшой трубочист ⟨не расшифровано⟩ пьемонтец, небольшой мальчик лет 11, с очень веселой и смеющейся физиономией. Мы с ним разговаривали, и потом, когда Федя ушел, я его расспрашивала о его занятии, которое, как он говорит, было очень тяжелое, потому что он ужасно как устает. На мой вопрос, сколько он получает, он отвечал, что получает 5 франков в месяц, что здесь лучше, чем в Пьемонте, потому что здесь есть работа, а там нет. Мальчик чрезвычайно веселый и милый, работает уже 2 года. Мне вздумалось дать ему 25 с., потому что, вероятно, он на это что-нибудь себе купит, хотя сладостей каких-нибудь. Меня ужасно как смешило, когда он кричал в камин своему товарищу, который чистил наверху, сажи у нас накопилось ужасно много и теперь, по крайней мере, Федя не будет беспокоиться и говорить, что у нас может случиться пожар. Деньги он принял, кажется, радостно. Потом пресмешно взвалил себе огромный мешок с сажей на плечи и ушел от меня. Пресмешной мальчик, мне было, право, ужасно жаль его, силишки-то, вероятно, нет нисколько, а должен работать.

Вечером Федя пришел за мной после обеда, и мы отправились за письмами. Сегодня пришло письмо от Феди, но в нем ничего не было сказано о присылке Катковым денег. Дорогой мы поссорились с ним и, кажется, из-за самой глупой причины; дело в том, что Федя нынче удивительно как охает постоянно, то ему холодно, то ему кажется какой-то запах в кухне, одним словом, он ужасно как надоедает нашим старухам, жалуясь им постоянно на это. Вот и сегодня, когда мы собрались уходить, он зашел в кухню и там бранил старух за запах, ну, что бедным старухам делать, разве они в этом виноваты, а он им говорит. Я его начала торопить, чтобы он шел, вот когда мы вышли, то он и начал меня бранить, зачем я не могла подождать, что я всегда, когда захочу, то непременно, чтобы по-моему было, одним словом, у нас эта

глупая история продолжалась ужасно долго. Я, наконец, рассердилась и сказала, что, вероятно, ему хочется, чтобы его ругали подлецом, мерзавцем, тогда он будет доволен, потому что когда его не ругают, то вот он теперь пристает и напрашивается на ругательства. Он отвечал, что его никто так не ругал, я отвечала, что ведь Марья Дмитриевна его и каторжником ругала.

— Ругала она и хуже, но ведь все знают, что она из ума выжила, как говорят в народе, что она была полоумная, а в последний год и совсем ума не было, ведь она и чертей выгоняла, так что с нее спрашивать.

Должно быть я очень зла, потому что мне было несколько приятно, что он так отозвался об этой женщине, которую он, бывало, постоянно ставил мне в пример. Но вечером потом мы кое-как помирились, да и стоило ли сердиться из-за таких пустяков.

В тот же день в прошлом году у меня, как я сказала, ночевали Андреева и Ганецкая и мы, кажется, эдак часов в 12, отправились из дому, хотя я все еще не успела докончить переписывать продиктованное Федей вчера. Шли мы срединой дороги и ужасно как хохотали, как сумасшедшие, так что нас решительно можно было принять за безумных. По дороге мы предложили Ганецкой зайти к Рязанцеву, разумеется, нарочно, а она это приняла за правду, и, кажется, готова была сейчас отправиться. Потом я проводила Машу Андрееву почти до дому и отправилась к Феде, у которого диктовали в этот день в последний раз. Завтра надо было отнести написанное. Уходя от него, мне было почему-то ужасно как грустно, так же как и весь остальной день.

Вторник, 12 ⟨ноября⟩/31⟨октября⟩

Сегодня погода превосходная, теплая, без ветра, я вздумала воспользоваться ею, чтобы несколько прогуляться. Федя, разумеется, был рад, когда я пошла погулять, он всегда стоит у окна и смотрит, как я выйду на улицу; мне это очень нравится, я люблю такое внимание с его стороны, а когда он уходит один обедать, а я остаюсь дома, то я, в свою очередь, стою у окна и смотрю, когда он пойдет, сначала по нашей улице, а потом далеко по мосту. Он хотя ничего не видит, но непременно остановится на мосту и поклонится мне, что мне очень [заметно], и я бываю ужасно рада, что все-таки он вспомнит, что оттуда можно увидеть наши окна и вспомнит обо мне.

Сначала я отправилась на железную дорогу, отсюда хотела идти на эту сторону, прогуляться, посмотреть по магазинам, да раздумала и решилась идти в Paquis на тот каменный мост, на котором я еще не была. Эта сторона гораздо шире той, она идет не прямо, окружена решеткой, потом в середине ее находится довольно широкий лужок, на котором стоят 3—4 дерева, расставлены скамейки в обе стороны, и к озеру, и к городу. Я немного посидела тут, видно было прекрасно, потому что сегодня день очень ясный, совершенное лето, и вода совершенно голубая. Потом я дошла до конца того места, где находится башенка и маяк, и тут несколько времени стояла над водой. Как тут хорошо, просто прелестно, вода голубая, прозрачная, чистая. Виды почти на всем озере такие хорошие, просто, кажется, и глаз не оторвался бы. Потом пошла назад, и, идя назад, я чуть было не упала в озеро, и вот как это случилось. Мост этот идет не прямо, а уступами, вроде украшений, как он и предназначен. В одном месте широко, а в другом узко, я шла, не глядя под ноги, и чуть было не упала в воду; если бы это случилось, то я бы непременно

расшиблась о камни, которые здесь огромные и непременно бы убила моего несчастного ребенка. Поэтому я так благодарна богу за то, что мне пришлось вовремя осмотреться, не попасть в воду, потом воротилась домой, но пришла до такой степени усталая и бледная, что даже это и Федя заметил. Устала я действительно чрезвычайно, так что, кажется, ни за что бы никуда больше не пошла.

Федя пошел обедать, а я осталась дома обедать моим цыпленком и после обеда села писать письмо к Александре Павловне, которой я уж раз написала, но так давно и так долго собиралась послать его, что оно вышла старым и мне пришлось переписывать его, но это у меня заняло так много времени, что я не успела отнести его до Феди, а при Феде мне не хотелось продолжать его, потому что оно было франкованное, следовательно, он был бы, может быть, недоволен, что я посылаю письмо. Вечером мы пошли на почту, но ничего не получили. Когда мы шли назад, то Федя начал опять говорить, что вот мы ходим на почту, чтобы получить какое-нибудь важное письмо, и вдруг получаем письмо от какой-нибудь Стоюниной, черт бы ее взял. Я ему отвечала, что от нее письма быть не может, что он решительно напрасно сердится на нее, и что если он будет продолжать ее бранить, то я решительно буду думать, что это потому, что ему пришлось заплатить 90 с. Он начал ее бранить и ее мужа, назвал его подлецом, говорил, что знает его по его [мнениям] о Пушкине[128], я же спорила и уверяла, что знаю его по его делам и знаю за отличнейшего человека, так что под конец Федя даже обиделся, зачем я его так хвалю, так что мы и тут поссорились, решительно это была не длинная ссора, но, к счастью, все наши ссоры здесь недолговечны, так что и эта прошла очень скоро.

Вечером я была ужасно как грустна и задумчива, Федя несколько раз приходил ко мне и говорил, что, вероятно, я теперь его не люблю, потому что хандрю, и что человек никогда никого не любит в такие часы. Я отвечала, что люблю его, но что ужасно тоскую. Он несколько раз подходил и утешал меня. Тут мы решили, что если еще несколько времени не придет письмо от Каткова, то написать ему еще раз письмо и попросить хотя какого-нибудь ответа. Господи, думала я, что с нами будет, ведь если Катков не пришлет, или если письмо пропало, а Федя понимает так же [как я?], что письма пропадают на почте, то чем мы будем жить. Федя опять потребует, чтобы я попросила маму прислать нам деньги, а ведь это просто ужасно, мне так больно ей писать, один бог только знает, как мне это тяжело. Вечером Федя назвал меня своим *перстеньком* золотым, в котором находится *бриллиантик*, это наш Миша или Сонечка. Мы разговаривали о нем, о нашем будущем ребенке, и Федя говорил, что, вероятно, будет ужасно любить. Ночью я проснулась и увидела, что Федя лежит на полу, это он молился, я его подозвала, он сейчас подбежал и сказал, что я его ужасно испугала, а я его укорила, что он ужасно меня испугал, потому что я думала, что с ним припадок на полу. Он подошел очень ласково и сказал, что это ничего, когда я просила его простить меня, что я его ругала, вообще он был со мной чрезвычайно ласков и любезен. Живот у меня растет не по дням, а по часам. Просто ужас да и только.

31 число прошлого года, понедельник

В этот день я пришла последний раз и принесла Феде конец повести, продиктованный вчера, так что сегодня мы уж не диктовали, а только разговаривали. Он был еще любезней и милей со мной, чем всегда; когда

я вошла, я видела, что он вдруг поднялся с места и даже краска показалась на его лице. Мне это показалось, что, значит, он меня любит, что, может быть, даже очень любит меня. Говорили мы с ним сегодня очень много. Я нарочно, не знаю почему,— кажется, что шла на именины,— надела свое лиловое шелковое платье, так что была очень недурна в этот день, и он нашел, что ко мне цвет платья удивительно как идет, это случилось в первый раз, что он видел меня не в черном платье [129].

Показал он мне сегодня письмо Корвин-Круковской, где она называла его другом своим. Потом показал мне портрет С⟨условой⟩. Она мне показалась удивительной красавицей, так что я сейчас это и выразила. Он отвечал, что она уж изменилась, потому что этому портрету лет 6, не меньше, и что его просили назад, а он не хочет с ним расстаться и отдать его. Потом он меня расспрашивал, сватаются ли ко мне женихи и кто они такие, я ему сказала, что ко мне сватается один малоросс, и вдруг он начал с удивительным жаром мне говорить, что малороссы — люди все больше дурные, что между ними очень редко когда случается хороший человек. Вообще видно было, что ему очень не хотелось, чтобы я вышла замуж. Потом я говорила про доктора, который ко мне сватается [130] и сказала, что, может быть, за него выйду замуж, потому что он меня любит, и хотя я его не так сильно люблю, но только уважаю, но все-таки лучше, что буду за ним счастлива.

Не помню хорошенько, в который раз Федя мне сказал, что как жаль, что вот скоро у нас работа кончится и тогда он меня никогда не увидит. Я ему сказала, что если он хочет, то я буду очень рада видеть его у нас. Он тогда поблагодарил меня за это приглашение и сказал, что он непременно воспользуется этим случаем и придет к нам. Вот сегодня, так как это был уже последний раз, когда я к нему прихожу работать, то он и просил меня назначить, когда к нам приходить. Я сказала ему, чтобы он приходил к нам в четверг, хотела назначить раньше, но потом так и отложила до четверга, и он сказал, что непременно придет и будет даже с нетерпением ждать того дня. Вообще в этот день мне показалось, что Федя меня очень любит, с таким он жаром говорил со мной, видно было, что ему так хотелось со мной говорить.

Я сидела у него уж часа с два, как пришла Эмилия Федоровна, это было в первый раз, как я ее видела. Он представил меня ей и, что меня сильно поразило, она как будто с каким-то презрением и с удивительной холодностью приняла меня, так что меня это просто даже обидело. Меня еще до сих пор никто не принимал так холодно и презрительно, как будто бы она делала мне честь, что удостаивала своего знакомства; меня просто это рассердило, вероятно, она меня считала за какую-нибудь авантюристку, и мне это было ужасно обидно, так что она на меня произвела удивительно неприятное впечатление. Он начал с нею разговаривать о разных делах своих, рылся в бумагах и ничего не находил. Я забыла сказать, что сегодня ему вдруг пришло на мысль показать мне свой паспорт, чтобы я могла узнать, в каких науках он сделал самые большие успехи. Он долго еще отыскивал паспорт и ужасно удивлялся и твердил, что вот я потерял такую важную вещь, как мой паспорт, наконец, нашел, и мы вместе с ним читали его, и я могла видеть, как много наук он произошел.

Прошло эдак с полчаса, я уж собиралась идти домой, как вошел Аполлон Николаевич Майков. Он вошел в комнату, раскланялся, но, видимо, не узнал меня, вероятно потому, что я была в светлом платье. Он несколько раз прошелся по комнате и спросил у Феди, кончен ли

роман; так как тот был занят в это время разговором с Эмилией Федоровной, то я отвечала, что мы вчера окончили, и что я вот сегодня принесла окончание. Тут-то он меня припомнил и, поклонившись, извинился, что не узнал меня, сказав, что он ужасно как близорук, а следовательно, и не рассмотрел меня хорошенько. Он спросил моего мнения о романе, я сказала, что, по моему мнению, роман очень хорош[ий]. Я посидела еще несколько минут и потом поднялась, сказав Феде, что мне пора идти домой, Майков и Эмилия Федоровна остались в кабинете, а Федя пошел меня провожать. Когда я одевалась, он как-то уж очень страстно прощался со мной и завязал мой башлык. Он мне говорил: «Поедемте со мной за границу». Я отвечала, что нет, я поеду лучше в Малороссию. «Ну, так поедемте со мной в Малороссию». Я отвечала, что если поеду, то с малороссом, но, вероятно, лучше останусь на Песках. Он отвечал: «Да, действительно, Пески лучше». Тут он мне еще раз повторил, что непременно придет к нам в четверг и что ждет с нетерпением того дня. Очевидно, я ему очень тогда нравилась, и он был уж очень тогда страстный. Мне показалось, что ⟨он⟩ меня очень любит. Пока мы с ним с четверть часа разговаривали в передней, пришел Миша, племянник его [131], но я его видела только мельком, когда он прошел в комнату и только впоследствии могла разглядеть несколько лучше.

Ушла я домой хотя счастливая, но поэтому-то ужасно грустная, до того грустная, что просто тоска берет припоминать это. Так грустно прошел весь этот конец дня, что мне почему-то даже больно было припоминать, что вот он, наконец, придет к нам. Мне казалось, что когда он будет бывать у нас, ему будет скучно, ну, кто может у нас его знать [58*], и если у него теперь есть ко мне хотя небольшая любовь, то она исчезнет, а мне казалось, что я начинаю его любить, и потому мне было ужасно больно, если бы небольшая его привязанность ко мне совершенно исчезла.

Среда, 13—1 ⟨ноября⟩

Сегодня день был великолепный, просто чуд[ный], так что я решилась пройтись немного. Сначала пошла на железную дорогу, но туда ходить ужасно [скучно], и вот я отправилась [59*]. День сегодня прошел решительно не знаю как, т. е., не помню, он был что-то уж больно скучный и тяжелый, потому что деньги от Каткова не пришли, да еще и когда придут, а между тем деньги выходят, и вот завтра, кажется, больше не останется ни копейки. Вечером мы ходили на почту, но ничего, по обыкновению, не получили; я теперь припомнила, что сегодня был дождь и ходил на почту один Федя; мне сделалось еще грустней, когда он пришел и сказал, что ничего нет на почте, потому что я почему-то ужасно как надеялась, что сегодня получим. Ну, а если письмо пропало, если Катков даже ничего не знает о нашем желании и просьбе, ну чем мы тогда будем жить, просто одна эта мысль способна свести меня с ума, так мне больно даже и подумать, что нам опять придется просить маму и умолять ее прислать нам хотя сколько-нибудь. Весь вечер я в ужаснейшем раздумье лежала на диване, Федя несколько раз подходил ко мне и убеждал не беспокоиться, говорил, что он непременно пошлет еще письмо, и хотя тогда придется ждать еще с месяц, но он думает, все-таки, что пришлет.

58* *Может быть:* занять.
59* *Вся фраза зачеркнута.*

1 ноября прошлого года

В этот день я уже не ходила к Феде, а вечером пошла к Ольхину, и хотя я еще не получила денег от Феди за диктовку, но я ужасно боялась, чтобы он не вздумал пойти к Феде и спросить у него деньги за работу. Мне бы было ужасно тогда совестно, во-первых, потому, что Федя мне сказал, что у него денег теперь нет, а что он скоро получит, следовательно, попросить теперь — было бы поставить его в чрезвычайно затруднительное положение, а во-вторых, он мог бы подумать, что Ольхин действовал по моей просьбе и это значительно повредило бы мне в его мнении. Потом выпросила сегодня у мамы 5 рублей, и на 2 рубля купила конфет для ребят Ольхина, а 3 рубля приготовила отдать ему, сказав, что вот эти деньги я получила за работу.

Когда я пришла к нему, то нашла на столе у него записку, в которой он извещал, что уехал на именины, а что очень просит кого-нибудь подиктовать вместо него до его приезда. Я сейчас взялась диктовать вместо него, а потом меня заступил какой-то из его учеников. Конфеты я положила на рояль и ужасно досадовала, что мне не пришлось отдать их в руки, потому что мне все представлялось, что девушка могла их взять себе и не отдать самому Ольхину. Но к концу урока пришел Ольхин и жена его, я ему сказала, что получила деньги, и отдала 3 рубля, он сначала не хотел брать, сказал, что пусть они у меня останутся, но я настояла, потому что сказала, что так следует, так как было сказано по уставу. Он взял. Тут сам Ольхин увидал конфеты и развязал их сейчас и попотчевал ими меня. Я с ним поговорила несколько времени и ушла домой вместе с *Александрой Ивановной Ивановой*. Она, видимо, была недовольна, что я принесла ребятишкам конфеты. Она меня спросила о Достоевском, и я с спокойствием вздумала сказать, что он у нас будет в четверг. Вдруг эта госпожа, которой, верно, во что бы то ни стало хотелось увидеть Федю, объявила мне, что она ужасно как рада бы была увидеть писателя, что она видела Писемского, что ей хочется увидеть и Достоевского, и вот так как этому представляется удобный случай, то она придет ко мне в четверг, случится у меня точно совершенно не нарочно. Мне это было уж решительно неприятно, но как было устранить эту госпожу? «Когда он у вас будет, утром или вечером»,— спросила она; я сказал, что решительно того не знаю, а что, может быть, он даже первый раз придет утром с визитом. «Ну, так чтобы застать его наверно, я приду к вам утром и останусь обедать, и так до вечера, так что, придя к вам, он уж застанет меня у вас». Ну, как отказать этой нахальной гостье, делать было нечего, я сказала ей, что пусть она приходит. У меня решительно недоставало совести сказать ей, что мне решительно будет неприятно, когда она придет ко мне в этот день, потому что мне все-таки хотелось бы поговорить с ним, и что писатели обыкновенно не любят, когда [приезжают?] смотреть их. Приехала я домой ужасно раздраженная и огорченная, решительно не зная, как мне от нее избавиться. Мама была тоже очень недовольна ею, потому что ведь мама еще Федю не знала, следовательно, мне бы хотелось лучше, чтобы мама могла с ним поговорить на свободе. Вообще я легла спать в страшной досаде, придумывая, как бы мне устроить так, чтобы Александры Ивановны не было у нас в этот вечер.

Четверг, 14/2 ⟨ноября⟩

Сегодня утром мне вздумалось отнести на почту письмо, когда я пошла прогуляться. Это было эдак часов в 11 утра. Я вышла рано, потому что погода была уж очень хорошая. Федя меня просил не

заходить на почту, чтобы нам вместе сходить вечером узнать, не пришло ли к нам чего. Я так и обещала и решилась не заходить, потому что два раза спрашивать в один и тот же день ужасно как неудобно. Но когда я проходила площадь, чтобы положить письмо в ящик, наш почтмейстер, который очень хорошо нас знает, показал мне письмо, и я тотчас к нему отправилась. Он мне сказал, что пришло письмо на имя Феди и показал, что это было из «Русского вестника». Потом, чтобы не тревожить Федю приходить самого, дал мне квитанцию, чтобы он мог подписать ее дома, а я потом могла принести и получить письмо. Я тотчас отправилась, почти бегом пришла домой, так мне хотелось поскорей сообщить Феде новость, что мы, наконец, получили письмо. Федя был очень рад. Он сказал, что почему-то очень надеялся получить именно сегодня, во-первых, видел во сне, что получил от Каткова деньги, а во-вторых, уж очень горячо молился богу, и получил какую-то уверенность, что непременно получит деньги. Он тотчас подписал квитанцию, и я отнесла ее и получила письмо. Федя же в это время оканчивал свое письмо к Яновскому[132], которого извещал о получении денег. В письме Яновскому Федя очень часто упоминал о мне, и называл меня своей *доброй Аней*, единственной его радостью и утешением здесь, и говорил, что я через 3 месяца рожу. Вообще он говорил очень хорошо о мне. Яновский в своем письме просил поцеловать мне руку и благодарил за память. Я очень рада, что Майков и Яновский имеют хорошее о мне мнение, а вся вина этому Майков, который постоянно так хорошо о мне говорит и Феде, и другим. Пока я ходила на почту, к нам приходили смотреть нашу соседнюю комнату, сначала какой-то молодой франт с стеклышком на носу, но которого хозяйки не пустили, потому что у него была какая-то дама, а потом 2 молодых немца, которых я приняла за мошенников, но которые наняли нашу комнату и обещали переехать к 1-му числу. Нам это было ужасно неприятно, и когда я воротилась домой, то Федя разговаривал с нашей старшей старухой и говорил ей, что мы бы к тому времени непременно бы наняли эту комнату, потому что в одной комнате нам решительно нельзя, а, следовательно, надо будет переехать. Старухи ужасно были в досаде, зачем они того не знали раньше. Потом старухи толковали и жалели об этом дня три, и, мне кажется, они непременно к тому времени выгонят этих молодых немцев, чтобы уступить ту комнату нам, а то ведь без этой комнаты решительно нам и жить нельзя, потому что ведь наш маленький крикунчик Мишенька или Сонечка будут порядочно покрикивать, следовательно, Феде работать решительно невозможно будет. Но, вероятно, мы куда-нибудь тогда уедем или же придется переехать на другую квартиру, чего бы мне вовсе не хотелось, во-первых, что наши старухи — прекрасные старухи, каких мы нигде не достанем, одна из которых, хотя и глухая, но все-таки ужасно добрая; мне бывает всегда ужасно смешно, когда она называет Федю: «Le diable méchant va»[60*]. Они и в долг поверят, и прислужат, и все сделают, наконец, они так скоро приготовляют кофе, и им, если что и скажешь, то уж 20 раз одно и то же не приходится говорить. Получили полисный билет на 345 франков на парижского банкира, но, вероятно, можно разменять и здесь, хотя, разумеется, возьмут что-нибудь за промен. Мы сейчас и отправились, зашли к нашему банкиру, у которого постоянно меняем. На этот раз вышел сам хозяин M-r Paravin, — должно быть, жид, но человек чрезвычайно утонченной вежливости, просто даже

[60*] Зловредный идет (*фр.*).

досадно его слушать,— который извинялся и кланялся перед нами, как бы мы ему оказали ужасное одолжение, что пришли разменять у него билет. Взял он за размен 5 франков, так что у нас осталось 340, это довольно мало ⟨не расшифровано⟩. Потом Федя пошел обедать в [отель?], после почти двухнедельного обеда дома, решилась идти в ресторан. Сегодня по случаю моего прихода нам подали обед получше, но опять все жирное, так что я даже и раскаялась, что пошла обедать, после обеда купили фруктов и винных ягод. Наша торговка была ужасно рада, что мы купили и сказала, что у нее удивительно как мало берут, так что и торговать вовсе не стоит. Я забыла сказать, что идя обедать, мы зашли к нашей [д е в е] Odier, у которой мы берем читать книги. Я готова биться о заклад, что она уж решила, что так как мы давно не идем, то что мы уж больше не придем и что мы решительно украли ее книги. Это мнение подтверждает то обстоятельство, что она покраснела, когда мы пришли. Федя сейчас сказал мне, что мы пришли расплатиться и просил ее сосчитать, сколько мы должны. Нам представляется, что мы должны эдак франков 20, если не больше, так что мы просто удивились, когда пришлось отдать только 5 франков уплаты, а еще 5 франков положить залога за новое чтение. Мне кажется, что по расчету она взяла с нас за целую неделю лишнее, но все-таки ничего, слава богу, что нам удалось расплатиться с ней, и что можно безбоязненно ходить по этой улице и брать книги, не стыдясь того, что мы так давно не платим, и вообще у меня просто от сердца отлегло, когда мы заплатили ей, как будто это был такой ужасный долг.

После обеда мы ходили гулять и купили в кофейной розовый пирог к чаю и поделились опять с нашими старушками, которые, кажется, были от него в восторге. Смешные, право, они, такая безделица их ужасно как восхищает. Вообще этот вечер был для меня большим облегчением против прежних вечеров, когда я была в страшном беспокойстве и не знала, что и подумать о том, что денег у нас нет и что, может быть, Катков может отказать в нашей просьбе. Между собой мы живем очень дружно, так что просто у меня сердце радуется и ⟨хотела бы⟩ всегда так жить.

В прошлом году в этот день я отправилась вечером к Стоюниной по ее большой просьбе, потому что ее муж отправился в этот день вечером на бал в институт, а потому она осталась дома одна, так как Клавдия Егоровна[133] все это время просиживала у постели несчастной, бедной [В е р о ч к и], которая, кажется, через месяц и умерла. Что за несчастная девушка! Как мне ее было жаль, это и представить трудно! Вот не удалось человеку пожить, а мне кажется, что если бы она тогда вышла замуж за [Ш и ш к и н а], то спаслась от чахотки и не умерла бы теперь, это почти наверно, она вероятно бы сумела его отвадить от пьянства, и они хотя бедно, но все-таки жили бы. Грех ее смерти лежит, мне кажется, на душе Николая Васильевича Тихменева[134], который решительно запретил ей выходить за него замуж, сказав, что ни за что не позволит ей того сделать. Я отправилась эдак часов в 7, Стоюнин был еще дома и не очень-то торопился идти в институт, хотя я его уверяла, что там бал уже начался и карет много-премного. Потом, когда он ушел, обещав нам принести гостинцев, мы стали с Машей рассматривать коллекцию гравюр, снимков с картин Эрмитажа. Я не знаю, мы с нею были в таком смешливом расположении духа, что хохотали как сумасшедшие и находили удивительные недостатки во всех картинах, так что, кажется, не было ни одной, которая не была бы нами страшно осмеяна; вообще

в наших разговорах и смехе вечер так быстро прошел, что мы и не заметили, когда часов в 12 пришел Владимир Яковлевич. Такому раннему приходу мы ужасно удивились, потому что обыкновенно на балу оставались до 4 часов, но теперь бал кончился почему-то гораздо раньше. Мы с нею в это время, кончив рассмотрение картин, начали читать и выбрали рассказы Чужбинского[135], над которыми очень хохотали, и когда пришел Стоюнин, то я упросила его мне прочитать [«Деревенскую] газету». Надо ему отдать справедливость, он отлично читает, и когда читал это, то я до такой степени хохотала, как сумасшедшая, так что они, глядя на меня, начали тоже хохотать. Да и чтение было удивительно уж как хорошо, так что заслушаешься разговора мужиков. Потом мы разошлись, и я улеглась, обещав себе встать как можно раньше, чтобы уйти пораньше домой и сходить обмануть мою нахальную Александру Ивановну.

Пятница, 15/3 ⟨ноября⟩

Сегодня утром я пошла, чтобы выкупить наши кольца у закладчика, залож[енные] несколько дней назад за 30 франков. Он несколько удивился, что я беру так скоро, и взял процентов 1 франк 50 с. Отсюда я пошла в несколько магазинов, спрашивала, нет ли бабеток для детей, в первом магазине мне указали, чтобы идти в 1 этаж того же дома к рисовальщику этих вещей. Я зашла и купила бабетку в 40 с. из белой материи, какая стоит в магазинах 70 или 80 с., т. е. вдвое дороже. У них продается ткань пике за 50 с., тоже разрисованная так, что вышивать уж очень легко. Потом я зашла в другой магазин и купила сутажа для вышивки, белой бумаги для штопания чулок. Я, право, как дитя какое-нибудь, рада, что мне удалось купить бабетку. Я могу уж несколько приняться за шитье для моих милых деток, моего Мишеньки или Сонечки, а то до сих пор я еще и не принялась ничего для них шить.

Пришла домой и тотчас принялась за работу, но, впрочем, мы скоро пошли. Федя пошел обедать и по дороге решил непременно зайти купить мне башмаки. Надо отдать ему справедливость, он нынче лучше как-то, больше стал заботиться о моем костюме и нуждах; прежде он как-то на это слишком равнодушно смотрел, как будто даже того и не замечал. Зашли мы сначала в один магазин, но там спросили за [высокие] сапоги 27 франков, мы так и ахнули и решили, что такую громадную сумму ни за что не заплатим. Зашли в другой на нашей улице, здесь нас продержали довольно долго, потому что никак не могли подобрать на ногу, все были велики. У них страшно огромные ноги, просто почти в две мои, а и у меня не слишком маленькая нога. Наконец, выбрали очень хорошие [высокие], хотя не фланелевые, но они предложили положить туда теплую подошву пробковую с шерстяным верхом, говоря, что зимой вы носите такие подошвы. Заплатили мы 20 франков и, мне кажется, это довольно дешево, принимая в соображение, что сапоги очень хорошие. Федя пошел обедать, а я домой, сапоги мне обещали принести сегодня вечером, потому что пришлось перешить все пуговицы, так как они ужасно как быстро отвалились.

Вечер прошел у нас с Федей в разговорах о его будущей поездке в Саксон, и я сегодня намекала ему, что, может быть, можно было бы поездку и отложить, но, видимо, это уж ему не понравилось, и я уж настаивать на этом не стала, потому что он и так сегодня заметил, что вот если бы ему возможно было остаться в Саксон несколько дней, то, конечно, он стал бы выигрывать каждый день понемножку, и в несколько

дней у него было бы порядочное число денег. Смешно мне было его даже и слушать, потому что ведь вот в Бадене было так возможно поступить, так отчего там так все проиграл, а выиграть ничего не могли. Все это пустяки, но отговаривать его не стану, потому что иначе скажет, что вот я служу ему помехой в том, что он может выиграть. Решено, что поедет послезавтра, а не завтра. Я было хотела попросить, чтобы он меня взял с собой, потому что мне ужасно бы хотелось посмотреть виды на Женевском озере, но так как это все-таки стоит не меньше 20 франков на одну меня, то я решилась отказать себе в этом удовольствии.

3 ноября 1866

Эту ночь, как я уже писала, я ночевала у Стоюниной и вот нарочно встала пораньше, чтобы поспеть поскорее домой. Лежа в постели, я слышала, как Стоюнин пил чай, как оделся и ушел на уроки, потом я вышла и одна напилась чаю, со Стоюниной я простилась и оставила ее еще нежиться в кровати, потому что ведь делать-то ей нечего, так [обленилась], вставать слишком рано. Был довольно холодный, но очень хороший день. Я пришла домой и тут мама мне рассказала, что хотя за мной и обещала прислать дворника, но он напился пьян и, следовательно, прислать было некого, вот по какому случаю я и осталась ночевать у Стоюниной.

Я поспешно напилась кофею и отправилась к Александре Ивановне обмануть ее, сказать ей, что будто бы Достоевский был у нас вчера вечером, следовательно, сегодня не приедет, а потому ей вовсе незачем к нам и приходить. Я нарочно спешила быть у нее, потому что ужасно боялась, чтобы она не успела уж приехать к нам. Тогда выпроводить ее было бы ужасно трудно. Ее я застала еще в постели, и когда сказала, что Достоевский был у нас вчера, то она отвечала, что все-таки она сегодня не пришла бы, потому что несколько нездорова. Я видела, что она говорит неправду, а что сказала это только ради приличия, чтобы показать, что будто бы она и сама не хотела к нам ехать. Я посидела у нее несколько времени, напилась кофею и сказав, что мне надо кое-куда еще зайти, ушла. Мне надо было купить свежего масла, калачей, потом варенья, потому что, как он мне сказал, он любит пить чай с вареньем. Потом купила десяток яблок крымских, очень сладких, и несмотря на сделавшийся большой снег, отправилась домой пешком.

Дома я нашла маму в большой уборке, все было убрано и прибрано, потому что неприятная вообще наша квартира приняла очень хороший вид. Я разложила масло, яблоки и варенье на тарелки и стала с большим нетерпением дожидать вечера, когда он придет. Так как у нас на это время прислуги не было, то мы взяли Степана Меркулыча, который обыкновенно прислуживал у нас в подобных случаях. Потом я оделась и стала поджидать гостя. Прошло 6, 7 часов, а его все нет как нет, я переходила от одного окна к другому, смотрела в форточку, решительно никто не приезжал, так что мне под конец решительно пришло в голову, что, может быть, он или позабыл про свое обещание приехать или потерял мой адрес. Так прошло, кажется, до половины 8-го, я до такой степени была в волнении, так сильно устала, что прилегла на наше кресло у окна и заснула. Не успела я хорошенько вздремнуть, как мама сказала, что какая-то линейка подъехала к дому, и что это, вероятно, он приехал. Я сейчас вскочила с места, вытерла поскорей глаза, чтобы не казаться такой сонной, вышла в переднюю, но он все не шел, потому что прежде всего заходил спросить в лавочку, тут ли живут Сниткины.

Наконец-то он приехал и, войдя в переднюю, начал снимать шинель и калоши. Первые мои слова были: «Как это вы нашли нас?»

«Вот странный вопрос,— сказал он мне,— просто я могу подумать, что вы очень недовольны, что я приехал, потому что сказали это таким тоном, как будто бы даже ожидали, что я не найду вас и не приеду».

Он вошел в залу, и тут я познакомила его с мамой, он раскланялся, пожал руку и начал снимать очки. (В это время он ходил в очках, потому что глаз все не поправлялся и ему было запрещено выходить на улицу без очков. Они к нему удивительно не шли, потому что совершенно скрывали глаза, а глаза у него хорошие, особенно хорошо выражение глаз, следовательно, скрывать их грех.) Я просила его садиться, и он начал свой рассказ о том, как он долго не мог нас найти, как он ездил решительно по всем улицам в околотке, везде спрашивал Костромскую улицу и везде ему отвечали, что такой улицы здесь нет [136], так что он под конец начал думать, что не вздумала ли я ему дать неточный адрес, не желая, чтобы он пришел к нам. Я ему отвечала, что, во-первых, того бы ни за что не сделала, чтобы заставить человека проискать напрасно и потерять несколько часов, а, во-вторых, я ужасно рада его видеть. Мама вышла хлопотать с чаем, потому что мне хотелось, чтобы он мог поскорей согреться. Сидели мы в зале против картины, которая изображает какой-то сельский вид и на первом плане воз с сеном. «Откуда у вас эта картина?» — спросил он. Я отвечала, что эта картина у нас с незапамятных времен и что я помню ее с самого моего детства. Тогда он сказал, что точно такую картину он помнит у одной госпожи, у которой был в детстве вместе со своей матерью, а этому было уже лет 30. Потом, увидев рояль, он просил: «А вы играете?» Я отвечала, что играю, но очень дурно и только для себя. «Сыграйте мне что-нибудь, хотя бы даже дурно». Мне не хотелось показаться перед ним чопорной, заставлять себя упрашивать, поэтому я села за рояль и сыграла не знаю что-то такое, но на этот раз без ошибок. Он меня выслушал, сказал, что у него есть две племянницы, которые отлично как играют, и потом объявил мне, что играю я довольно плохо. «Право, какой он откровенный,— подумала я,— хотя бы скрыл свое мнение, ведь я могла бы даже и обидеться, когда так откровенно говорят, что я дурно играю».

Потом мама нас позвала в другую комнату пить чай. Стол был накрыт, и я села разливать чай, кажется, в первый раз. Он сначала не хотел сесть в кресло, но я усадила его, говоря, что там гораздо мягче. За чаем мы много разговаривали о разных разностях, он мне рассказал, как он привез нашу рукопись к надзирателю и сдал под расписку, потому что отдать прямо Стелловскому в руки не пришлось. Потом рассказал, где был, что делал в эту неделю. Говорил, что был недавно, кажется, во вторник, у Милюкова, своего знакомого, и там был один господин, который вздумал читать свою повесть, но так монотонно и скучно читал, что решительно никто не мог вынести его чтение и что под конец Федя предложил заменить его, начал читать, но автор остался недовольным его чтением и сам принялся читать самым похоронным тоном. Потом много рассказ[ывал] о заграничной жизни, говорил с мамой, которой он очень понравился. Потом он сказал мне, что без меня скучал это время и говорил, что нам непременно следует работать, потому что без меня он никак не может написать своего «Преступления и наказания» 3-ю часть, так как для него переписка решительно запрещена.

Когда мама вышла из комнаты, он просил меня прийти к нему в гости, просто в гости, я отвечала, что, может быть, и приду к нему

условиться о работе. Я ему сказала, как я провела всю неделю. Потом он смотрел мои книги и просил меня прочитать ему стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу», желая знать, как я читаю. Я просила его избавить меня от чтения, он настаивал, но так как я ужасно дурно читаю, то я решительно отказалась и как-то сумела свести разговор на другой предмет, и чтение было оставлено до другого раза.

Когда мама вышла, я сказала ему: «А знаете, что такое я сделала, ко мне обещала прийти одна моя знакомая, а я сказала ей, что вы у нас вчера были и что сегодня не будете, только для того, чтобы она ко мне не приходила».

«Для чего вы это сделали?» — спросил он.

«Потому что я боялась, чтобы она на вас не произвела слишком хорошего впечатления, а мне этого бы вовсе не хотелось». Это ему ужасно понравилось, показало ему, что он мне нравится. Потом он мне рассказал о своей двоюродной сестре, которая сгорела [137] и еще несколько рассказал.

Просидел он у нас, кажется, часов до 9. Наконец поднялся, чтобы уходить. У него был нанят извозчик на весь вечер, потому что он боялся не найти от нас дорогу. Наконец мы распрощались, я обещала когда-нибудь прийти к нему, он дружески простился с мамой и ушел. Какова была моя досада, когда Степан Меркулыч, вошедший через 10 минут, сказал мне, что у рысака, которого он нанял на вечер, украл кто-то подушку от санок в то время, когда тот на минуту отлучился от лошади, и бедный кучер не знает, что ему делать, говорит, что ему очень достанется от хозяина за такую покражу. Как мне это было досадно! «Что подумает он про нас,— говорила я,— ведь это решительно заставит его к нам не ездить в такие страшные воровские места, где нельзя оставить лошадь ни на минуту, чтобы чего не случилось». Вообще мне это было ужасно как неприятно и ужасно жаль бедного извозчика. Вообще же вечер произвел на меня удивительно хорошее впечатление, и вот я теперь, через год, с уд[ивительны]м удовольствием вспоминаю о нем. Вообще это было очень счастливое время, как я припоминаю, и дай бог всякому быть таким счастливым, как я была в это время.

Суббота, 16/4 ⟨ноября⟩

Как я уже сказала, поездка Феди отложена до завтра, но это, право, жаль, потому что погода сегодня восхитительная и вероятно виды по дороге прелестные, а почему знать, может быть, именно завтра будет прескверная погода. Сегодня я пошла за покупками, купила себе крючок для застегивания моих башмаков, потому, что они с пуговицами, и застегивать их руками удивительно трудно. В одном месте с меня хотели взять полтора франка, но во втором я купила за 50 с. очень хороший. Так как ввиду отсутствия Феди я решилась занять себя шитьем его пальто, т. е. положить его на вату, то и пошла купить ваты. Продается она здесь не фунтами, как в России, а полосами, тонкая в 40 с. полоса, потолще и побольше — 60 и, наконец, в 80 с. Я рассчитала, что мне нужно $3\,^1/_2$ полосы по 60 с., принесла домой, но тут увидела, что ошиблась, что мне совершенно довольно двух, ну, да это, впрочем, хорошо, остальное останется мне на что-нибудь другое, на одеяло Соне или что-нибудь другое. Вечером мы рассчитали с Федей деньги, мне он оставил 90 франков, а сам взял на все 135, однако, право, хотя я вполне уверена, что

решительно из этого ничего не будет. Потом я уложила ему в саквояж все вещи, нужные для него в дороге, взяли мы из библиотеки книги, я взяла себе «Uscoque» Жорж Санд, а он «Процесс [об убийстве герцогини?] Praslin»[138]. Федя мне сказал, что он решительно обдумал и решил, что больше как до вторника ни за что не останется, что бы там ни было, потому что уверен, что станет ужасно как беспокоиться о мне и думать, что со мной и невесть что случилось. Вообще мы с ним были большие друзья в этот вечер и в весь день.

Вечером Федя, придя из кофейной, предложил мне идти на почту, мы отправились и получили там письмо от мамы, нефранкованное. Я ужасно на себя подосадовала, зачем я не сходила сама на почту, так как мне всегда бывает неприятно, когда я получаю письма нефранкованные, Феде это тоже бывает неприятно, я только раскрыла письмо, но читать было нельзя, потому что было довольно холодно. Федя предложил мне зайти купить пирог к чаю, потому что мы давно уж не покупали, мы отправились и сегодня купили не розовый, как обыкновенно, а кофейный, коричневый, оказался он довольно вкусный, но все-таки не лучше того, но я ужасно потом раскаялась, что ела его, такая у меня сильная после него была изжога. В булочной я начала читать мамино письмо. Она мне говорила, что не помнит, когда она была так сильно рада, как в тот день, когда получила мой портрет, что будто бы я не только не подурнела, но даже очень поправилась и даже похорошела, что мама была ему очень рада. Бедная милая мамочка, я верю, что она была от души рада, получив мой портрет. Господи, как бы я была счастлива, если бы могла чем-нибудь обрадовать ее побольше, например, посылкой какого-нибудь подарка, господи, и все это так недорого стоит, а между тем у нас решительно на это средств нет, вот, например, я очень хорошо знаю, что я бы теперь могла отлично послать ей что-нибудь, но так как я вполне тоже знаю, что Федя непременно проиграет, то следовательно, покупать теперь подарки невозможно, непременно нужно копить деньги, чтобы дать их в виде залога своих [вещей] для него. Как все это грустно, просто ужас. Бедная мамочка между прочим пишет, что ей ужасно как трудно платить проценты за серебро, за бумаги и билеты, что это возьмет 27 рублей, что ей неоткуда взять. Бедная, бедная мамочка, как мне ее жаль. Мало того, что у нее самой дела ужасно плохи, я еще тут со своими делами. Еще за меня следует приплачивать. Мама писала мне также, что мадам Фрик, которой я должна за рояль, приходила несколько раз к Маше и к Стоюниной, а так как Стоюнина знает мой адрес, то, может быть, сказала ей, и вот она может переслать мою записку для взыскания. Вот я теперь придумала, что когда Федя завтра поедет, дать ему письмо на имя Стоюниной, и просить его бросить это письмо куда-нибудь по дороге на станции, а если нельзя, то в Саксон. В письме я писала, что мы уезжаем из Женевы и что решительно не знаем, где будем жить, таким образом наш адрес будет как будто, потерян.

Воскресенье, 17/5 ⟨ноября⟩

Наша старушка по нашей просьбе постучала нам в дверь в 7 часов утра, и мы тотчас встали и оделись, я тоже, потому что пойду Федю провожать. Когда он одевался, ему все как-то не удавалось, так что он ужасно как бранился и призывал чертей. Даже наша старушка, которая всегда удивительно как скоро делает нам кофе, и та сегодня что-то замешкала, так что утро у нас было ужасно какое бурное. Наконец, мы собрались, и, кажется, в половине 9-го вышли и через 10 минут пришли

на железную дорогу. Тут Федя взял билет, но по несчастью он перед уходом натощак выпил холодной воды и от того произошло известное следствие, так что я ужасно боялась, чтобы с ним по дороге не случилось нездоровье.

Когда Федя уходил куда-то на минуту, пришла целая толпа каких-то буршей с красными знаменами в руках, их было человек 35, все ужасные [сапожники] и по-видимому мазурики, но удивительно много о себе думающие, вообще что ничего нет лучше их отечества[61*], а главное, Швейцарии; особенно тут важно вел себя званием президент какой-то, какой-то молодой человек лет 25 и еще член, несший знамя. Как мне все они противны, просто не знаю, как и сказать.

Мы скоро распрощались с Федей, и он отправился садиться в вагон, а я вышла на двор смотреть, как пойдет поезд, так, чтобы и Федя мог меня видеть. День сегодня великолепный, просто чудо, так что я просто завидовала Феде: ему придется видеть прелестные виды во всю дорогу, право, счастливый он, а я-то решительно ничего не видела, ничего не знаю. Через 5 минут поезд пошел и Федя мне раскланивался долго из окна вагона.

Потом я пошла домой, и тотчас, чтобы не видеть, как идет время, начала гладить подкладку пальто, делать складки, чтобы мне удобно было стегать. Старушка приходила ко мне смотреть, удивилась, что я глажу, и говорит, что это drôle de chose[62*]. Говорит, что никогда этого не видела. Право, странно, дожила до 80 лет, а таких пустяков не знает. Перед отъездом Федя зашел к старшей старушке и поручил ей меня, просил наблюдать, послать за бабкой, если я заболею, и посылать меня гулять. Старушкам это чрезвычайно как понравилось, это доверие, и они приняли это близко к сердцу и просто наскучили мне. Постоянно приходили ко мне и посылали гулять и уверяли, что Федя непременно их спросит, ходила ли гулять. Они, вероятно, предполагают очень искренне, что если бы я как-нибудь заболела, то Федя непременно потребовал с них отчета, как будто я маленькое дитя. Поэтому они меня уговаривали непременно беречь себя, переходить через дорогу осторожно и пр. и пр. Прощаясь с младшей старушкой, Федя сказал ей: «Adieu, ma méchante Louise»[63*], а она отвечала: «C'est méchant qui s'en va»[64*]. Вообще на них было ужасно смешно смотреть. Я целый день сидела за шитьем и простегала очень быстро одну половину пальто, дома пообедала, а потом, еще засветло, пошла на почту, чтобы отнести письмо к Феде, потому что он очень просил, чтобы я написала ему именно сегодня, чтобы он завтра уж мог его получить. Мне ужасно было сегодня досадно, что какой-то господин вздумал было меня преследовать, т. е., разумеется, ничего не говорил, но шел впереди и дошел совершенно без всякой для него надобности до почты. Меня это просто испугало, потому что вдруг бы вздумал пристать, а Феди и дома нет, некому за меня заступиться. Потом, когда вечером мне было темно шить, я сначала читала, потом что-то писала, так что время у меня прошло довольно скоро, и я этому была ужасно как рада, потому что обыкновенно без Феди бывает невыносимо скучно. Потом часов в 10 я заснула и проспала отлично всю ночь.

[61*] *Может быть:* общества.
[62*] Странное дело (*фр.*).
[63*] Прощайте, моя злая Луиза (*фр.*).
[64*] Злой тот, кто уезжает (*фр.*).

Понедельник 18/6 ⟨ноября⟩

Сегодня я встала довольно рано и тотчас принялась за шитье, мне хотелось, чтобы если бы Федя приехал даже и сегодня, пальто было бы готово, если не все, то хотя бы наполовину. Но когда я посмотрела на пальто, то оно оказалось до такой степени грязное, что решительно не стоило ставить его на подкладку, вычистить же не было никакой возможности. Мне пришло в голову отдать его в стирку, но, во-первых, это заняло бы время, а во-вторых, главное, надо было бы непременно заплатить франка 2, а у нас франков-то ведь ужасно мало. Вот я и решилась, несмотря на то, что мало силы, выстирать его пальто. Труда действительно было много, потому что надо было сейчас и выгладить, так что я проработала часа 2 или 3 сряду и до такой степени устала, как будто бы я была больна несколько месяцев, так что когда потом пошла на почту и за курицей, то почти шаталась, так я была слаба. Но все-таки пальто мое все не настолько высохло, чтобы я не должна была его выгладить еще раз.

На почте я получила письмо от Феди[139], он извещал, что только что приехал, сходил на рулетку, сначала все было проиграл, но потом как-то отыгрался и даже выиграл лишних 100 франков, хотел было их послать мне, да подумал, что мало, а что если у него будет хотя еще 100, то непременно пришлет мне. «Ну,— подумала я,— это все пустяки, больше ничего, ничего ты, батюшка, мне не пришлешь, это известное дело». Потом я пришла домой, пообедала, и опять принялась за шитье, так что пальто сильно подвинулось. Потом, после 5 часов, видя, что Федя не приехал, я понесла на почту мое письмо к нему на тот случай, если бы ему случилось там остаться, то чтобы он не был в беспокойстве, что такое со мной. Спросила там, нет ли письма, отвечали, что нет. По дороге я зашла в магазин детского белья и спросила, что стоит выставленный небольшой porte lit[65*], оказалось, что стоит 32 франка, но я рассчитала, что если я [такой?] дома сделаю, то выйдет не 32, а самое многое, что 10 франков, и я думала непременно сделать такую вещь. Сказали, что нужно для этого $1^1/_4$ ауне пике. Старушки были ужасно рады, что Федя не приехал, потому что вы можете докончить его пальто; они вообразили сначала, что я это делаю ему в сюрприз и непременно хотели, чтобы я ему ничего не говорила, а чтобы он сам угадал и надел. Право, смешно, совершенно точно дети, все-таки их такие пустяки интересуют. Легла спать опять часов в 10 и [заметила?], что и сегодня день прошел в работе довольно быстро, так что я не так сильно скучала. Правда, при приближении вечера я ужасно тосковала, но все-таки не так сильно, как в прошлый раз; вот что значит работа.

Видела я во сне,— оттого даже проснулась,— черную кошку, которая мяукала и которая будто бы стояла около меня, да видела так ясно, что просто ужас. «Ну, это дурная примета,— подумала я,— вероятно он все проиграл, и вероятно я получу от него просительное письмо о высылке денег». Вечер прошел опять довольно быстро и[66*].

6 ноября 1866

Это было воскресенье, довольно ясный день; так как в этот день именины Александры Павловны Неупокоевой, то мы обыкновенно, а особенно во времена папы, непременно бывали у нее, даже приходили

[65*] Конверт для ребенка (*фр.*).
[66*] *Дальше фраза вычеркнута.*

прямо к обеду и оставались до вечера. В этот день единственный раз в году я бывала у моей матери крестной, так что раз как-то Владимир Александрович[140] заметил, что тут бывает годовщина моим визитам. Скука у нее бывает обыкновенно ужасная, а потому я ходила к ней очень редко. Сегодня я тоже решилась пойти к ней, так как мы ведь ей должны, следовательно, нужно сохранить с нею хорошие отношения. Было эдак часа 2, и я сидела в зале и играла, несмотря на страшный холод, на рояле, и вдруг мама прибежала мне сказать, что приехал Федор Михайлович. Я выбежала поскорей в переднюю и увидела, что он входит в дверь. Он несколько времени стоял у двери, не зная, как быть, потому что ка[з а]чка не заметил. (Припоминаю теперь, что у меня были на ногах прескверные башмаки, и я быстро побежала их переменить.) Я раскланялась с Федором Михайловичем, и сначала увела его в залу. Когда мы входили в нее, он мне сказал: «Знаете, что я такое сделал?»

— Что такое? — спросила я.

— Да я вот был у вас в четверг, да и сегодня приехал.

— Ну, это решительно ничего,— отвечала я,— я опять очень рада, что вы приехали.

— Но ведь это неловко, бывать так часто, что из того можно много вывести.

Я отвечала, что мы люди простые и это решительно ничего не может значить в глазах наших. В зале было уж слишком холодно, чтобы сидеть, мы просили его в столовую и там мы уселись, я у окна, закутавшись в башлык, а он у стола. Хотя я несколько обрадовалась его приходу, но не знаю почему, меня это просто смутило, и я решительно не знала, что такое говорить с ним, как его занять. (Вообще надо заметить, что я почти совсем не умею разговаривать днем, вечером у меня всегда является большая живость и большое желание разговаривать.) Так у нас очень не вязался разговор и, как мне казалось, я ему в этот день решительно не нравилась, и это очень возможно, потому что я была страшно неловка и страшно как-то путалась в разговорах. Между прочим, он мне сказал, что нам с ним непременно следует опять начать писать, я отвечала, что я еще решительно не знаю, позволит ли Ольхин мне принять эту работу[141], так как он ее мне доставил. Тот отвечал, что ведь это скорее зависит от него, потому что если он уж привык ко мне, то зачем переменять, но что совсем другое дело, если я сама того не хочу, тогда нечего и говорить. Потом он мне сказал, что он говорил с одной дамой и спросил ее, что значит, если девушка нарочно постаралась сделать так, чтобы другая не могла прийти, дама отвечала, что это доказывает, что мне был дорог он и что вообще это очень много значит. Потом рассказал, что когда рассказал Милюкову, что был у нас, то Милюков сказал: «Ну, вот видите: значит, вы должны быть мне благодарны, что вы с нею познакомились, вот вы теперь к ним и ездите». Но, как я уже сказала, разговор наш очень не вязался, я ему, видимо, в этот день не нравилась. В комнате у нас было страшно холодно, и он это сильно ощущал. Когда он меня спросил, как я думаю провести этот день, я отвечала, что должна отправиться сегодня на обед к моей родственнице, спросил, в какую сторону и когда узнал, что в Коломну, то предложил меня довезти. Сначала мне не хотелось ехать с ним, потому что, что могли сказать наши жильцы, но потом, чтобы как-нибудь переменить его о мне мнение, я согласилась; он предложил мне одеться, и я просила его выбрать, какое мне надеть платье, потом довольно быстро оделась и вышла к нему, а он все ходил по комнате и повторял: «Как у вас холодно, как у вас холодно».

Наконец, мы распрощались с мамой и вышли. Он и на этот раз взял извозчика, должно быть, на все время. Это ему очень дорого стоило, потому что извозчик был рысак и стоил, кажется, полтора или два рубля. Мы сели, и лошадь очень быстро помчалась. Когда мы проехали наш переулок, Феде вздумалось поддержать меня, хотя мне это было и не совсем приятно, потому что он несколько раз меня сильно к себе притянул. Дорогой он расспрашивал, что со мной, что я такая нелюбезная и сумрачная, и все прячусь в башлык. Он мне говорил, что все утро сегодня думал, ехать ли ко мне или нет, решил, что ехать ужасно рано и неловко, что решительно не поедет, вышел из дому с твердым намерением не быть у нас, но выйдя, тотчас нанял извозчика и приехал к нам. Я отвечала, что очень хорошо это сделал. Когда мы проезжали Песками, то Федя мне говорил, что никогда еще не бывал в этих местах; и сказал, что тут где-то недалеко живет Краевский, я отвечала, что Краевский живет вот в этой улице.

«И все-то она знает»,— говорил он, прижимая меня к себе. Мне, наконец, сделалось несколько досадно на него, и я ему сказала, что пусть он меня не придерживает, потому что я, вероятно, не свалюсь. Это его ужасно[67*]. Мне вовсе не хотелось, чтобы у нас были с ним короткие отношения, тем более, что если бы мне потом пришлось ходить к нему писать, то всего лучше было бы сохранить прежние чрезвычайно строгие и почтительные отношения, в которые я с первого раза поставила. Слова мои его ужасно обидели, он быстро выдернул свою руку и отвернулся от меня. Я, желая переменить разговор, сказала ему, что вот дом Краевского, но он ничего не отвечал, а говорил, что желал бы, чтобы я вывалилась из саней за мое упорство. Потом он был опять ласков со мной и спросил, как меня зовут уменьшительным именем, когда я сказала, то он отвечал, что имя Анна ему не нравится, а что он когда-нибудь будет меня называть *Аня*, Анечка. Потом он меня опять просил непременно прийти к нему во вторник, сначала я не хотела, но так как мне вовсе не хотелось, чтобы он снова так неожиданно приехал, как в этот раз, и так как у него дома я чувствовала себя гораздо свободней, чем у нас, как-то легче говорилось, то я ему и обещала, он меня довез до Кокушкина моста и хотел везти дальше, но я просила меня высадить и не согласилась, чтобы он меня проводил до Александры Павловны. На мосту мы простились, он очень страстно, и просил меня дать честное слово, что я непременно приеду к нему во вторник. Так мы расстались.

Я пошла пешком к Александре и по дороге зашла в кондитерскую, где съела несколько пирожков, потому что была очень голодна, а на обед я не рассчитывала; здесь же купила пирог для подарка ей. Наконец, когда я пришла к ее дверям, я несколько времени стояла и звонила, но все безуспешно и, вероятно, потеряла бы так очень много времени, если бы на мое счастье не пришла Лиза и [резко не?] дернула за звонок, и нам отворили. Мы застали гостей за обедом, но Александра была так нелюбезна ко мне и к Лизе, что даже не спросила, обедали ли мы или нет, и указала на темную комнату, прося там подождать, пока обед кончится. Меня, право, это обидело, теперь я знаю, что она наверно так со мной не поступит, но тогда это было возможно сделать, ведь я бедный и обязанный ей человек, так почему же и не поступить хотя бы даже неделикатно. После обеда я говорила несколько времени с Анной Александровной, которую видела в первый раз после ее приезда в Петербург, с Павлом

[67*] *Фраза вычеркнута.*

Александровичем и его женой. За мной особенно приволокнулся Николай Петрович, который уселся около меня и загородил дверь, говорил он со мной очень много, но потом сказал Анне Федоровне, что никакой Анны Григорьевны у Неупокоевой не было, так он хорошо меня по[мнил]. Александра Павловна удостоила меня своими вопросами о стенографии и о Феде. Впрочем, я недолго просидела у нее, была бы честь отдана, и потом эдак в 7 объявила ей, что мне пора домой; так как мне идти домой было далеко, то поэтому меня удерживать и не стали, и я очень рада была этому, потихоньку отправилась домой, все хотела нанять извозчика, но все откладывала и только наняла у нас на Песках санки за 10 копеек и явилась домой к маме, которая была мне очень рада. Сниткины мне рассказывали, что Александра Павловна ужасно удивилась, как это мне не страшно ехать одной домой, а Маша отвечала, что она не только не поедет, а даже преспокойно пешком продерет и ей это ничего.

Дома мне было очень тоскливо, мне казалось, что или я ему совершенно теперь не нравлюсь или все-таки у нас будет свадьба. Вообще на меня этот день произвел ужасно тягостное впечатление, хотя я теперь все-таки припоминаю его с нео[быкновенны]м удовольствием.

Вторник, 19/7 ⟨ноября⟩

Сегодня я встала опять очень рано, чтобы докончить Федино пальто, но потом видела, что уже часов 9 и не зная хорошенько, в котором часу приходит машина, я оставила пальто, как оно было, и отправилась на железную дорогу встретить его. Какой-то поезд только что пришел, и я, не видя в числе прибывших Федю, уже заключила, что его не будет, но мне как-то вздумалось спросить у носильщика, в котором часу приходит поезд из Сиона, и мне отвечал, что еще придет через час. Делать на машине было нечего и вот я отправилась побродить, чтобы как-нибудь убить этот час. По дороге я зашла в один магазин мод и спросила у нее про детские чепчики. Она отвечала, что у ней готовых нет, а что не хочу ли я купить неотделанные, и показала мне. Один из них мне очень понравился, очень простой, но чрезвычайно красивый и с хорошей вышивкой. Это синяя миланская вышивка, которая держится гораздо лучше [французской]. Спросила она 3 франка 50, но потом отдала за 3 франка, и я взяла его, потому что когда отделать кружевами, то выйдет премиленький чепчик моему Мишеньке или моей милой Сонечке. Потом, когда я шла по улице, какой-то оборванец ужасно следил за мной, я ужасно этому испугалась и поспешно побежала домой и дома прождала эдак с полчаса, пока опять пошла на железную дорогу, но Федя не приехал, и я с машины пошла на почту, вполне уверенная, что непременно получу от него письмо с просьбой о высылке денег и с извещением, что все проиграл и без денег приехать домой не может. Право, я удивительная угадывательница: как я себе сказала, так и случилось. Письмо по обыкновению было отчаянное[142], говорилось, что это в последний раз, что теперь все будет лучше, что он заслужит мое уважение и пр. и пр., и в заключение просил прислать теперь же, не теряя времени, 50 франков для выезда, причем он писал, что все-таки ему приехать раньше четверга нельзя. Вот, подумала я, ведь я это так и знала, что это будет, как это все подло! Поскорей пошла я домой, чтобы, если возможно, сейчас разменять золотой на банковый билет, вложить его в конверт и послать сейчас к Феде, чтобы оно могло прийти, если не сегодня, то непременно завтра утром. Пришла поскорей домой, но как назло вдруг не знаю, куда

дела ключ от Федина чемодана, именно от того, где лежат деньги. Я целых 10 минут металась по комнате, как угорелая, старухи ахали и удивлялись, куда девался ключ, я, наконец, вышла из терпения и приказала привести слесаря, который в минуту открыл чемодан и взял за свой слишком небольшой труд 25 с., что очень дорого, как я нахожу. Вот еще удовольствие, если я окончательно потеряла ключ, мало того, что у нас денег нет, а теперь придется новый ключ приделывать, Но, по счастью, я через два дня ключ нашла. Сейчас снова оделась и пошла сначала в табачный магазин, где Федя покупает папиросы, купила у них пачку и просила их, не могут ли они дать мне 50-франковый билет, он поговорил и сказал, что у них есть 100-франковый, но 50 нет. Я шла и всю дорогу ужасно бранила Федю, так мне было на него досадно за его проигрыш и за то, что мне приходится теперь отдавать последние деньги. Собственно проигрышем я не была слишком расстроена, я уж заранее приготовила себя к этому, что все будет проиграно и потом, когда уверилась в этом, то не стала тосковать. Что мне было за мученье найти этот проклятый банковый билет! Ни у одного банкира не было его, все говорили, что это такая редкость, что все, получившие его, спешат его куда-нибудь сбыть, потому что он здесь теряет в цене, я обходила все большие магазины и в некоторых из них для меня даже просили в разных местах отыскать билет, но повсюду неудачно, наконец-то, обходив весь город, часа через полтора, мне удалось-таки найти билет в здешнем банке de commerce[68*], где мне разменяли в минуту. Теперь пришлось бежать домой и вложить в письмо и запечатать. Господи! Как я устала в этот день, просто ужас. Никогда не запомню такой усталости, и мне за это еще больше стало досадно на Федю. Наконец все это уладилось, я принесла на почту и мне сказали, что он получит завтра рано утром.

Пришла домой, но тоска была порядочная, все представлялось наше будущее положение. Что теперь с нами будет? Было у нас 90 франков, теперь пришлось послать 50, осталось всего 30[69*], а, между тем, надо послать 50 франков на выкуп колец и пальто. Вот положение-то. Денег до 15 числа будущего месяца нет, вещи все заложены, серьги и брошь пропали, потому что, если мы не вышлем к 22 числу, то они пропадут, платье и все-все пропало. Господи, как ужасно, даже и подумать об этом мучительно. Ну, да что толковать, ведь этим ничему не поможешь. Я легла спать очень грустная и озабоченная всеми этими нашими обстоятельствами.

Среда, 20/8 ⟨ноября⟩

Я встала довольно рано и отправилась на почту, чтобы получить от Феди письмо и действительно получила, он опять повторяет свою просьбу о присылке денег. На [вокзал?] я уж не пошла, вполне уверенная, что сегодня никоим образом приехать не может. На почте я получила письмо с утешением, с просьбой не печалиться, он говорил, что все хорошо устроится и что, следовательно, горевать особенно нечего. Право, я не особенно и горевала, я так это приняла философски хладнокровно, потому что того ожидала и заранее приучила себя к мысли, что все будет проиграно. Потом я опять принялась за шитье его пальто, хотя не очень торопилась, так как мне оставалась еще целая половина суток. Потом пообедала и читала какую-то книгу.

68* Коммерческом банке (*фр.*).
69* *Так в тексте.*

Было около 7 часов, и я только что собралась идти на почту, думая, не пришлет ли он еще письмо, как услышала свисток, который здесь означает пожар и служит для того, чтобы собрать пожарных граждан. Я подошла к окну и несколько времени стояла, потом пошла, чтобы одеть пальто, как вдруг послышался звонок и быстрые Федины шаги в коридоре. Я бросилась к дверям и страшно обрадовалась, увидев Федю. Он меня выбранил, зачем я сейчас стояла у окна, он делал мне различные знаки, кланялся, а я ничего ему не ответила. А на самом деле я решительно никого и не видела и его не приметила. Несмотря на то, что я была очень спокойна и очень терпеливо дожидалась его приезда, я была ужасно как рада и просто от радости бегала по комнате. Федя был тоже очень рад. Он посмотрел на меня и сказал, что я вместо того, чтобы похудеть без него, ужасно как растолстела; я отвечала, что это потому, что я ем постоянно poulet[70*] и уж наши хозяйки придумали, что так как это постоянная моя пища, то очень может быть, что я вдруг сама обращусь в poule[71*].

Федя мне объяснил, что сегодня рано утром, т. е. эдак без 10 минут 11 часов пошел на почту, чтобы отнести ко мне письмо; тут ему подали мое письмо с деньгами. Возможность уехать была получена, и хотя оставалось всего только 10 минут до отхода[72*] поезда, но Федя сейчас бросился в гостиницу, спросил счет и, собрав вещи, уехал. Счет оказался очень невелик, т. е. за 3 дня всего навсего 17 франков, так что вместе с дорогой Феде стоило 25 франков, и больше 22 франков он привез домой. Так как я сказала Феде, что сегодня решительно не ожидала его домой, то он начал ужасно горевать, зачем он не остался еще на день, не пошел играть на эти 20 оставшихся франков, он был уверен, что непременно выиграет на эти деньги. Но он не сделал этого, потому что думал, что я его ужасно как жду домой и потому, что уж очень хотел меня видеть. Мне это было очень приятно, что он при первой же возможности поспешил домой; да ведь хорошо, что и не остался там, потому что 22 франка все-таки деньги, а если бы он остался, то они были бы непременно проиграны. Мы очень весело разговаривали, Федя рассказал мне о своем тогдашнем житье, как он скучал без меня, он там не терял времени даром и записывал разные мысли из романа. Стали мы также говорить и о наших теперешних средствах. Было у нас всего-навсего 49 франков с его и с моими, а следовало непременно сейчас выслать этой дурной бабе, у которой заложено его пальто, 50 франков, а там решительно нечем жить. Федя очень надеялся попросить у Огарева 300 франков[143], хотя я решительно не надеялась на успешное занятие, какие у него средства, может быть, он и сам нуждается, это ведь еще неизвестно, но если он нам не даст, что тогда мы станем делать? Федя вот надеется, что мама пришлет нам, но я ему сказала, что мама сама просит, чтобы мы прислали ей деньги за билеты и бумаги. Закладывать решительно нечего, билеты пропали, а также вдруг могут пропасть мои шелковые платья, одним словом, тогда решительно все, что у меня есть несколько лучшего, все пропадет. Как мне это больно, я просто и сказать не могу. Особенно мне жалко билетов, они мне так нравились, я их так любила и вот теперь они пропали, но что делать, у людей бывают и поважней несчастья.

[70*] Цыпленка (*фр.*).
[71*] Курицу (*фр.*).
[72*] *Может быть:* прихода.

Вообще мы довольно весело провели этот вечер; я, право, не ожидала даже того, потому что мне все казалось, что я стану очень тосковать об этих деньгах. Федя по дороге не ел. Поэтому я предложила ему мою курицу и отдала старухам спечь два яблока, так что он хотя несколько покушал. Да, положение наше уж как не хорошо, но как-нибудь мы проживем.

У меня слишком мало места, а событий в [эти дни?] было вовсе не так много, чтобы стоило говорить о них постоянно. Скажу только, что 21 числа я послала на Саксон деньги за пальто и кольца. 22 числа он написал письмо к Каткову, что все еще не кончил, вечером дал мне прочесть. Вообще письма Каткову он всегда мне читает и советуется со мной, хорошо ли письмо написано. Я сегодня дала ему 22 франка под видом заложенных вещей, эти деньги я кое-как скопила понемногу. 23-го он послал письмо к Каткову[144]; в воскресенье 24-го была страшная биза, ветер невыносимый, так что просто сбивал с ног. Я пошла на почту и получила письмо от Маши. Там же мне сказали, что на имя Достоевского пришел пакет из Саксон; это очень хорошо, потому что бедному Феде ходить не в чем. Маша писала о своем бедственном положении, говорила, между прочим, что мама поехала в Москву к брату[145] и хочет просить его взять домой под наблюдение, вот почему я, вероятно, теперь долго от нее письма не получу. Дай-то бог, чтобы мама могла как-нибудь там устроить дело, чтобы хотя 1 год могла содержать бедного Ваню, пока я приеду и буду в состоянии помогать. Бедная мама, дела у нее ужасно плохи. Право, из всего нашего семейства я, несмотря на все мои неприятности и даже неудачи, гораздо их счастливее! Маша, между прочим, написала мне реестр тех вещей, которые я должна сделать моему маленькому. *В понедельник 25-го* я ходила закладывать кольца и получила за них 30 франков; я спросила, не знает ли он, кто здесь дает деньги под залог вещей, он дал мне адрес Кримселя, ну, а это уж очень скверно, потому что мы и так заложили мои 3 платья, следовательно, если я приду еще с закладом, то они преспокойно продадут мои вещи. Но когда я стала очень просить, то Clère сказал мне принести эти вещи к нему, обещая, может быть, и дать за них что-нибудь. Я пойду к нему послезавтра.

Вторник, 26 ⟨ноября⟩

Сегодня вечером, когда я сидела и читала, а Федя писал за своим письменным столом, к нам вошла Реймонден и сказала, что ее знакомая бабка M-me Barreaud пришла к своей пациентке и если я желаю ее видеть, то она сейчас ко мне зайдет; я сейчас же хотела переменить белье, но M-me B⟨arreaud⟩ уже вошла и застала меня в дезабилье. Мы сидели с нею и довольно долго разговаривали. Федя тут тоже вступился и спросил ее под конец, как она думает, мальчик или девочка, она отвечала, что того решить теперь нельзя, но кого бы он хотел; тот отвечал, что он будет счастлив, кто бы у него ни родился. Когда мы спросили ее о цене, то она отвечала, что об этом после, мы с нею условились, что я ей дам знать, и что, кроме того, она и сама будет ко мне заходить. После Реймонден меня бранила, зачем я спросила ее о цене, будто бы это здесь не делается, а что, как она мне сказала, ей надо дать 50 франков и сделать какой-нибудь подарок.

Среда 27 ноября

Я ходила к Cl⟨ère⟩ закладывать ему мой кружевной платок и шаль и небольшую шелковую кофту; сначала они не хотели взять, но потом, справившись о цене, решили дать 55 франков, и у меня было скоплено 50

франков, на них я выкупила свои два шелковые платья и была этому очень рада, по крайней мере они не пропадут, а в случае необходимости их ведь можно и опять заложить.

Четверг,28/16 ⟨ноября⟩

Федя видел Огарева и просил у него денег, хотел спросить 300 франков, но тот даже ужаснулся, услышав о такой громадной для него сумме; наконец, сказал, что, может быть, даст франков 60, но не раньше, как послезавтра, да и то не наверно, так что, может быть, даже и не принесет. Право, эдакий богач, а какие-нибудь 100 франков могут так затруднить.

Пятница, 28/17 ⟨ноября⟩

Получила от мамы письмо утром; она очень горюет, говорит, что очень поседела и что у нее много забот, бедная мама. Я ей сегодня же отвечала, но не удалось послать, а пошлю завтра. Видела я часы швейцарские с [репетицией?], стоят 17 франков.

Суббота, 30/18 ⟨ноября ⟩

Ходила утром отнести письмо на почту и получила письмо из Москвы от Александра Павловича и Веры Михайловны. Вера Михайловна пишет, что будто бы видела, что у меня родилась дочь. Послала к Ване мой портрет. Вечером был у нас Огарев; Феди не было дома, так он со мной сидел и много разговаривал о разных разностях. Потом пришел Федя и затопил печь; Огарев дал ему 60 франков. Мы обещали воротить через две недели.

Воскресенье, 1 декабря/19 ⟨ноября⟩

Сегодня был страшный ветер, биза, я ходила на почту и за курицей. Вечером начали диктовать; но надо сказать, что все, продиктованное на этой квартире, было потом забраковано и брошено[146].

Понедельник, 2 ⟨декабря⟩/20 ⟨ноября⟩

Был опять страшный дождь; вечером диктовали.

Вторник, 3 ⟨декабря⟩/21 ⟨ноября⟩

Я обманула Федю насчет курицы, сказала, что курицу купила, а сама ела что-то другое; вот обман мой и открылся. Федя ужасно начал приставать, почему курицы нет, так что мы чуть было из-за того не поссорились. Вечером я ходила на почту и получила от Вани письмо. Ночью сделался страшный пожар; когда здесь бывают пожары, то обыкновенно ходят по улицам пожарные, да свистят в какие-то свистки. Тотчас все граждане, служащие в здешней пожарной команде, поспешно одеваются и бегут на место пожара. В это время на пристани пароходы бьют набат, а также звонят в колокола в церквах.

Среда, 4 ⟨декабря⟩/22 ⟨ноября⟩

Ветер все еще продолжается, диктовали; у меня была сильнейшая боль в спине и страшная изжога; меня уверяют, что если у меня такая изжога, то это значит, что у ребенка длинные волосы и что это будет мальчик; не знаю, насколько это верно.

Четверг, 5 ⟨декабря⟩/23 ⟨ноября⟩

Сегодня ходили смотреть на пожар, смотрели на мост и тот самый магазин, где я покупала себе вату; мне сегодня сказали, что на пожаре сгорел в суматохе ребенок, господи, как это ужасно. К нашим старушкам приходила сегодня глухая старуха, которая обыкновенно приходит тогда, когда есть что-нибудь такое сообщить. Мне бывает ужасно смешно, когда она приходит: поднимается такой ужасный крик, такой гам, что ужас, я прежде думала, что непременно бранятся, но выходит, что это только такой разговор. Наша маленькая старушка Луиза объявляет нам, что, конечно, ей скучно говорить с глухой старухой, что это очень надоедает, а сама ведь до того глуха, что решительно ничего понять не может. Это уж выходит уморительно.

Пятница, 6 ⟨декабря⟩/24 ⟨ноября⟩

Сегодня, когда Федя топил печку, то ужасно бранился, я ему об этом заметила, он рассердился, и мы с ним поссорились. Ссора была довольно значительная. Получила от мамы письмо и сегодня же отвечала.

Суббота, 7 ⟨декабря⟩/25 ⟨ноября⟩

Ссора у нас все еще продолжается; я сидела целый день дома, читала какой-то роман. Хозяйки нам дают знать, что мы должны искать себе квартиру.

Воскресенье, 8 ⟨декабря⟩/26 ⟨ноября⟩

Ссора продолжается по-прежнему, мы не говорим, не конч[аем] ссоры, не знаем, чем это кончится; ссора кончилась, Федя ужасно беспокоился, что я нынче была нездорова.

Понедельник, 9 ⟨декабря⟩/27 ⟨ноября⟩

Ночью был припадок в 20 минут 5-го; лицо все ужасно покраснело, звал меня Саша, но потом все вспомнил и много и разумно говорил, а потом сказал, что ничего не помнит.

Вторник, 10 ⟨декабря⟩/28 ⟨ноября⟩

Он ужасно какой разбитый; денег нет; пришлось идти заложить у Crimsel недавно выкупленное у него платье за 25 франков; меня там очень хорошо приняли, дали мне 3 чепца.

Среда, 11 ⟨декабря⟩/29 ⟨ноября⟩

Получила письмо от мамы, бедная мама все горюет. Сегодня по всему городу прибиты были афиши, возвещавшие Escalade[147] — первое национальное празднество женевцев, именно когда Duc de Savoye[73*] хотел овладеть Женевой, то его бароны, воспользовавшись сном женевцев, уже перелезали стену, как те проснулись и сбросили их со стены, и таким образом не допустили овладеть городом; вот их самое большое национальное предание, больше у них ничего и нет, и, конечно, они этим гордятся, просто даже досадно смотреть. Одной бабе, которая вылила на голову барона помои из окна, даже сделали памятник на площади, «magnifique fontaine»[74*], как они его называют, где она представлена с горшком на голове. Сегодня наши старушки нам уши прожужжали тем, что, дескать, надо непременно идти смотреть Escalade, что это будто бы так хорошо, что все здешние молодые богатые люди истратили бог знает какие суммы для того, чтобы явиться на праздник в богатых будто бы костюмах. Мы действительно соблазнились, и я Федю уговорила идти

[73*] Герцог Савойский (*фр.*).
[74*] Великолепный фонтан (*фр.*).

смотреть. Часов в 8, когда стемнело, мы отправились гулять, и там каждую минуту попадались целые толпы разряженных мальчишек, которые в разных рожах с необыкновенной радостью бегали по улицам (у них наряжаются в этот день) и пели песни. Потом мы выбрались, наконец, на большую улицу, где было порядочно много народу. Тут мимо нас прошла процессия очень плохо одетых рыцарей и дам, просто хуже, чем у нас бывает в самых плохих балаганах на Святой неделе. Тут было довольно тесно и мы даже несколько боялись за меня. Тут в толпе ходили какие-то молодые люди и звенели кружками, приглашая положить туда. Но мы решили с Федей, что вместо кружки гораздо лучше пойти и купить пирог, и хотя у нас было довольно мало денег, но, однако, отправились и на возвратном пути купили клубничный пирог и наскоро пирог спрятали, потому что иначе бы наши старухи ужасно на нас рассердились бы, если бы увидели, что мы едим пирог, а деньги им еще не заплатили. Чтобы понравиться старухам, мы рассказали Es⟨calade⟩. Мне этот вечер очень помнится, луна так хорошо сияла, вечер был довольно теплый, и, главное, мы были очень дружны с Федей. Он мне вечером сказал, что «ты и славная мать будешь», что я ему очень нравлюсь и вообще был очень ласковый.

Четверг, 12 ⟨декабря⟩/30 ⟨ноября⟩

Ходили на почту, думали получить деньги, а ничего нет, это меня ужасно как огорчило. Он вечером был со мной очень ласков, называл меня милочкой и сказал, что очень меня любит и будет любить.

Пятница, 13/1 ⟨декабря⟩

Опять ничего на почте нет. Наша маленькая старуха Луиза захворала, была больна целый день. Я помогала нашей старшей старушке убирать комнаты и им очень понравилось. Старшая старуха очень горюет. «Что я буду делать,— говорит она,— если моя сестра умрет». Я ее утешала, как могла.

Суббота, 14/2 *⟨декабря⟩*

Старуха несколько поправилась; на почте опять ничего нет. Я просто с ума схожу, не знаем, что и делать; Федя весь день ходил и думал.

Воскресенье, 15/3 ⟨декабря⟩

Сегодня с Федей опять был припадок в 10 минут 8-го ⟨...⟩ Сказали нам решительно, чтобы мы искали себе квартиру. Мы уже несколько раз отправлялись искать себе квартиру, но поиски наши оканчивались обыкновенно полным неуспехом. Так, меня, как беременную, почти нигде не пускали, отказывались, говоря, что тут очень много хлопот, непременно хотели отдать нам квартиру вместе с пансионом, но мы того уж решительно не желаем. Потом, когда мы уж прожили несколько месяцев, те самые квартиры, что мы смотрели, все еще оставались пустыми, да, вероятно, пробудут пустыми еще несколько месяцев.

Понедельник, 16/4 ⟨декабря⟩

Ходила закладывать два шелковых платья у Cr⟨imsel⟩, получив деньги, сказала, что будто бы это прислала мне мама; ужасно не хотелось идти закладывать, да делать было нечего, а уж как не хотелось. Ходили опять отыскивать квартиру, нашли себе на улице Montblanc во 2-м этаже у M-me Josslin; квартира нам очень понравилась, состоит из 2-х комнат: маленькая спальня и большая комната, с кроватями и мягкой мебелью, и хозяйка нам показалась с первого взгляда очень милой и простой, хотя

потом мы и поняли, что это была за женщина. Спросила с нас 100 франков в месяц, но потом отдала за 86, мы обещали дать ей знать в среду, возьмем ли мы или нет.

Вторник, 17/5 ⟨декабря⟩

Сегодня мы уж положительно не надеялись получить деньги, так как обыкновенно получаем их по четвергам, и я отправилась в библиотеку, чтобы взять «Jil Blas»; конечно, я тихонько пошла на почту и уж, разумеется, никак не ожидала денег. Но я даже и не удивилась и не обрадовалась, когда узнала, что деньги пришли; Федя мне просто не поверил, когда я ему принесла записку для подписи; он подписался, и я отнесла на почту и получила конверт; Федя тотчас оделся, и мы пошли получать деньги; всего 690 франков, но взяли 10 франков за промен. Потом пошли покупать муфту, здесь спрашивали с нас 30 и 35, так что мы даже думали и не покупать, но потом купили маленькую серую барашковую за 25 франков и даже толковали, что, может быть, она пригодится и Сонечке или Мишеньке. Потом купили фруктов, изюму, груш и наконец раков, которых баба принесла нам с рынка. Старухи, услышав, что мы собираемся есть раки, просто пришли в ужас. Вечером пришел Федя, принес пирог сладкий и мне $^1/_4$ фунта засахаренных фруктов, просто у нас пошел пир горой. Старухам отдали деньги и прибавили 10 франков за службу. Я ходила выкупить у Cri⟨msel⟩ мои платья, и, к моему удивлению, он взял всего только 2 франка процентов, тогда как я думала, что он возьмет франков 7 или 8. Федя хотел мне купить кофту и юбку, но я отказалась, и было очень глупо. Вечер прошел очень весело и в расчетах, куда нам девать деньги. Купили ему кашне и мне небольшой шерстяной платок.

Среда, 18/6 ⟨декабря⟩

Ходили выкупить кольца и шаль, взяли процентов 83.75 и потом отправились купить маме подарок, такую шаль, на которую я уж давно мечу; за шаль и за платье коричневое в 9 метров я заплатила 55 франков и оставила их у колбасницы. Потом купили очень тонкого полотна на детские рубашечки, на 6 рубашек, и купила модель детской рубашки за 2.50 франков. Когда Федя отправился, в свою очередь, обедать, то я пошла взять от колбасницы мамину шаль и зашла в магазин разных изделий, чтобы купить какой-нибудь подарок для Вани. Народу у них было множество, потому что теперь наступает рождество и здесь обыкновенно делают друг другу подарки. Купила на стену календарь Ване за 6 франков и две колоды карт за 1.80 с.; сделался дождик. Я хотела было сегодня отправить, но оказалось, что нельзя, что уж поздно. Я решилась отправить завтра утром.

Старухи ужасно надоели мне, все ко мне приходили, старшая старуха даже плакала, что мы уезжаем, хотя еще недавно, до получения денег, нас же выгоняла, говорила, что нам, дескать, оставаться у них нельзя, чтобы родить, потому что у нее молодые люди, которые проживут до мая месяца. Вообще она потом очень раскаивалась, что нас отпустила, потому что ее молодые люди прожили не так долго, как хотели, а наша квартира стояла пустая без малого 4 месяца, потом переехал какой-то доктор [Ш к а л и т и н], который ей же денег не заплатил. Но что же делать, если не хотели нас держать, то пришлось нам выехать. Сказали M-me Josslin, что возьмем у нее ее квартиру.

Четверг, 19/7 ⟨декабря⟩

Ходила рано утром на почту, чтобы отослать подарок; оказалось, что надо запечатать было в коленкоре, пришлось идти покупать, заплатила 1.35 с., они были так любезны, что сами запаковали мою посылку. На

почте сказали, что возьмут 2 франка, а когда свесили, то взяли 8 франков; я была просто взбешена, так было досадно, что даже плакать хотелось, но что же тут делать. В пакет я вложила 2 книги и денег 10 рублей серебром на проценты, письмо и карты 2 колоды. Я была так рассержена, что, придя домой, поссорилась с Федей, но мы потом опять помирились. Ночью немцы, наши соседи, вздумали нам отомстить и принялись ходить большими шагами, потому что Федя ходит; но это они сделали решительно как лошади; старуха Реймонден, которая почему-то особенно любит своих немцев, пришла к нам ночью с выговором, зачем, дескать, Федя ходит, что немцы жалуются. Нас это просто взбесило. Мы сказали ей, что переезжаем.

Пятница, 20/8 ⟨декабря⟩

Ходила утром покупать фланель на пеленки и платьице, дали мне модель платьица. Потом стали укладывать сундуки, все уложили. M-me J⟨osslin⟩ сама пришла к нам в 2 часа с комиссионером перенести наши вещи. Я тоже ходила на новую квартиру, она нам очень понравилась, такая веселая, большая; хозяйка была с нами очень любезна, отдали ей деньги. Хозяйка вдруг пришла к нам спрашивать, не видали ли мы ее очки, мы отыскивали, но не нашли. Потом, когда Федя пошел в сортир, то увидел там на полке ее очки, сказал мне, и я ей передала. Пошли с Федей обедать, мне не хотелось бы, чтобы она видела, как я ем мою poulet, она будет, как Реймонден, говорить, что Федя меня не кормит, когда я ем это только для того, чтобы у меня не было изжоги.

Суббота, 21/9 ⟨декабря⟩

Ходила к бабке дать ей наш адрес, она была очень любезна со мной, сказала, что я вовсе не похожа на будущую мать, называла меня «мон анфан»[75*], была очень любезна со мной и обещала приходить меня навещать. Федя как-то сказал, что я буду очень хорошая мать, сказал: «Это, надеюсь, [служит] испытанием, в Петербурге мы, может быть, дурно бы жили, ссорились, я бы тебя ревновал, а тут я тебя всю узнал». Федя довел меня до бабки.

Воскресенье, 22/10 ⟨декабря⟩

Ходила в церковь молиться, а сначала поссорилась с Федей, который меня бранил, зачем я его раньше разбудила. Потом мы помирились. Шила Сонечке платьице. Была у Реймонден, она мне так много дурного наговорила о нашей хозяйке, что просто страх берет! Наполовину, я думаю, неправда. *В субботу 21/9* ⟨декабря⟩ были мои именины. Федя еще накануне купил большой сладкий пирог, а утром подарил мне 4 пары перчаток разных цветов, заплатил 10 франков, а, между тем, у нас очень мало денег. Начал диктовать новый роман, старый брошен. От 23 до 31 числа время прошло очень быстро: вечером диктовали, а утром переписывала, потом много шила разных детских вещей. 31 числа пошла закладывать кольца, оказалось, что у Cl⟨ère⟩ заперто, пришлось идти к Cr⟨imsel⟩ заложить платье, жена была очень любезна, но муж не очень. Показали мне [кружевной] платок с кружевами из гипюра за 30 франков, отдавали за 28; дала задаток 5 франков; Ване отослала два письма с одним и тем же содержанием, пришлось заплатить 2 франка за них.

1867 год кончен.

[75*] Дитя мое (*фр.*).

12 июля 68 Vevey[76*]

Басня

ДЫМ И КОМОК

На ниве мужика Комок земли лежал
А с фабрики купца Дым к небу возлетал.
Гордяся высотой, Комку Дым похвалялся.
Смиренный же Комок сей злобе удивлялся.
— Не стыдно ли тебе,— Дым говорил Комку —
На ниве сей служить простому мужику.
Взгляни, как к небу я зигзагом возлетаю
И волю тем себе всечасно добываю.
— Ты легкомысленен,— ответствовал Комок.—
Смиренной доли сей размыслить ты не мог.
Взлетая к небесам, ты мигом исчезаешь.
А я лежу века, о чем, конечно, знаешь.
Плоды рождать тебе для смертных не дано.
А я на ниве сей рождаю и пшено.
Насмешек я твоих отселе не боюсь.
И с чистою душой я скромностью горжусь.

АБРАКАДАБРА

Ключ любви }
Она невинна } ее дочери

Талисман, жених

Он. Поклон тебе, Абракадабра,
Пришел я сватать Ключ любви.
В сей омут лезу слишком храбро,
Огонь кипит в моей крови.
Она. Авось приданого не спросит,
Когда огонь кипит в крови.
А то задаром черти носят
Под видом пламенной любви.
Он. Советник чином я надворный,
Лишь получил, сейчас женюсь.
Она. Люблю таких, как Вы, проворных.
Он. Проворен точно, но боюсь.
Одна из дев: К чему сей страх в делах любви,
Когда огонь кипит в крови.
Он. Сей страх, о дева, не напрасен.
Дева. Твоих сомнений смысл ужасен.
Он. Вопросом дев я удостоен.
Вопрос сей слишком непристоен.
Абр. Не отвечайте, коли так.
Ведь не совсем же Вы дурак.
Он. Сей комплимент мне очень лестен.
Я остроумием известен.
Одна из дев. Зачем пришел к нам сей осел?
Он (с остроумием). Осел жениться б не пришел.
Но к делу: кто из них невинна
И кто из них любови ключ,
Скажи скорее и не мучь.
Она. О батюшка, ты глуп, как гусь.
Невинны обе, в том клянусь.

[76*] Записи после текста Дневника (обычным письмом).

Он. Увы! Кто клятвам ныне верит?
Какая мать не лицемерит.
Одна из дев, в негодовании показывая на Абракадабру.
Не лицемерит мать сия.
Он (с насмешкой). Не потому ли, что твоя?
Доколе с нами сей.
Она. Клянусь еще, что ты болван.
Он. Болван, но не даюсь в обман.
Одна из дев. Довольно, прочь беги, мерзавец.
Ты скот, осел, христопродавец.
Он (с глубоким остроумием)
Мог продать
Осел не продал бы Христа.
Дева. Оставь сейчас сии места.
Он. Довольно, дева, дружба дружбой.
Идти на службу
А мне пора тащиться к службе.
(Уходит).
Вся в слезах негодованья[77*]
Я его хватила в рожу
И со злостью ⟨не расшифровано⟩
Я прибавила, о, боже,
⟨Не расшифровано⟩ похоже.
Я писал жене про мыло
А она то и забыла
и не купила
Какова ж моя жена,
Не разбойница ль она?

Вся в слезах негодованья[78*]
Рдеет рожа за границей
У моей жены срамницы,
И ее характер пылкий
Отдыхает за бутылкой.

Я просил жену о мыле
А она и позабыла,
Какова моя жена,
Не разбойница ль она?
Два года мы бедно живем,
Одна чиста у нас лишь совесть.
И от Каткова денег ждем
За неудавшуюся повесть.
Есть ли у тебя, брат, совесть?
Ты в «Зарю» затеял повесть,
Ты с Каткова деньги взял,
Сочиненье обещал.
Ты последний капитал
На рулетке просвистал,
И дошло, что ни алтына
Не имеешь ты, дубина![79*]

[77*] *Следующие два четверостишия написаны стенографически.*
[78*] *Слева на полях:* Милан, *справа:* Женева. *Далее текст снова написан обычным письмом.*
[79*] *Следуют записи каламбуров и шуток (не воспроизводятся здесь, так как они частично встречались в предшествующем тексте).*

ПРИЛОЖЕНИЯ

С. В. Житомирская

ДНЕВНИК А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ КАК ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК

В своих воспоминаниях о Достоевском его приятель литератор А. П. Милюков рассказывает, как навестил писателя 1 октября 1866 г.: «Он быстро ходил по комнате с папиросой и, видимо, был чем-то очень встревожен».

— Что вы такой мрачный? — спросил Милюков. В ответ Достоевский рассказал о заключенном им с издателем Ф. Т. Стелловским кабальном договоре, по которому он должен был представить к 1 ноября новый роман объемом в 10 печатных листов. В случае нарушения этого срока издатель приобретал право на безвозмездное издание всех новых произведений Достоевского в течение девяти лет. До срока оставался лишь месяц, роман не был начат.

— Ну, так возьмите стенографа,— посоветовал Милюков,— и сами продиктуйте весь роман: я думаю, в месяц успеете кончить [1].

Так появилась в доме Достоевского молодая стенографистка Анна Григорьевна Сниткина, которой суждено было стать женой, другом и помощницей великого писателя и изменить весь ход его дальнейшей жизни.

В 1866 г. А. Г. Сниткиной было 20 лет. Отец ее, Григорий Иванович Сниткин, мелкий чиновник из мелкопоместных украинских дворян (его отец еще носил не руссифицированную фамилию Снитко), получивший, однако, некоторое образование, следил за литературой, любил музыку и театр. Это он, судя по воспоминаниям дочери, вносил в семью те умственные интересы, которые определили судьбу его детей. Женившись уже немолодым на юной шведке Анне Мильтопеус, незадолго перед тем приехавшей из Або в Петербург к своему старшему брату, Г. И. Сниткин ко времени, когда подросли дети, был уже в отставке, а благосостояние семьи зиждилось на нескольких доходных домиках на окраине Петербурга, построенных и эксплуатировавшихся его практической и рачительной женой.

Жизнь в семье Сниткиных была дружной и спокойной, что помогло сформировать «чрезвычайно добрый и ясный», по выражению Достоевского, характер Анны Григорьевны.

«Я вспоминаю мое детство и юность с самым отрадным чувством,— писала она сама впоследствии,— отец и мать нас всех очень любили и никогда не наказывали понапрасну» [2]. Спокойной патриархальности семьи, расчетливой, аккуратной и размеренной ее жизни, основы которой были заложены матерью А. Г. Сниткиной, Анной Николаевной, с ее шведским происхождением и пуританским воспитанием, соответствовали и царившие в ней консервативные и религиозные воззрения.

---

[1] *Милюков А. П.* Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 231.

[2] *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 43—44.

Однако новые веяния, характерные для полной надежд атмосферы конца 1850—начала 1860-х годов, не обошли и эту семью. Для детей своих Сниткины готовили иное будущее—путь к нему лежал через образование и интеллигентный труд. Врачами становятся два двоюродных брата А. Г. Сниткиной—Александр и Михаил Сниткины, агрономом—ее родной младший брат Иван. Дочери Сниткиных принадлежали к первому поколению русских женщин, получивших систематическое гимназическое образование. А. Г. Достоевская, как и ее старшая сестра Мария, начала учиться в немецком училище св. Анны, но затем, едва открылась в Петербурге первая женская (Мариинская) гимназия, была отдана туда и в 1864 г. окончила курс с серебряной медалью.

Ее гимназическая подруга М. Н. Стоюнина вспоминала о ней как о способной, общительной и живой девочке, отличавшейся начитанностью, привлекавшей «к себе сердца своей правдивостью и искренностью» и обладавшей «даром картинного воспроизведения всего того, что видела и наблюдала в окружающей жизни». «Стоит ей выйти на улицу, на рынок, с самой будничной целью,—рассказывала М. Н. Стоюнина,—как она все подметит, не только крупное событие, яркую сцену, но и мелкие, но важные, характерные подробности. Возвратясь домой, она все изобразит картинно, сценично, в лицах,—в ней, несомненно, таился огонек артистки...»[3]

Окончив гимназию, А. Г. Сниткина не сочла свое образование законченным. Она поступила на Педагогические курсы, открытые в 1863 г. директором Мариинской гимназии Н. А. Вышнеградским. Со свойственным ей юмором она рассказывает о воспоминаниях об этом неудачном своем образовательном опыте: «В то время в обществе существовало увлечение естественными науками; я поддалась течению: физика, химия, зоология представлялись мне каким-то „откровением“, и я поступила на физико-математическое отделение курсов. Вскоре, однако, я убедилась, что выбрала не то, что соответствовало моим наклонностям, и что мои занятия имеют лишь печальный результат: при опытах кристаллизации солей, например, я больше занималась чтением романов, чем наблюдением за колбами и ретортами, и они жестоко страдали»[4].

Может быть, этой неудачной попыткой и завершилось бы образование молодой девушки, но смерть отца в 1866 г. заставила ее по-иному взглянуть на свое будущее. Материальное благополучие семьи к этому времени пошатнулось, младший брат лишь начинал учиться; необходимость самой зарабатывать себе на жизнь стала для Анны Григорьевны реальностью. Именно поэтому она возобновила начатые еще до болезни отца занятия на курсах стенографии Ольхина и скоро стала одной из лучших его учениц.

Попытки получения профессии, поиски жизненного пути, отличного от типичной для того времени женской судьбы, надо, кроме того, связать со средой, в которой проходила юность А. Г. Сниткиной. Она любила впоследствии говорить о себе как о «девушке шестидесятых годов», что воспринималось обычно как некое позднейшее преувеличение[5]. Однако неизвестные до сих пор части ее дневника, посвященные воспоминаниям юности, и неизданные наброски к «Воспоминаниям» убеждают в том, что

[3] Из воспоминаний М. Н. Стоюниной об А. Г. Достоевской // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Сб. 2. М.; Л., 1924. С. 579.
[4] *Достоевская А. Г.* Указ. соч. С. 44—45.
[5] *Белов С. В., Туниманов В. А.* А. Г. Достоевская и ее воспоминания // Воспоминания. С. 7.

у нее были некоторые основания для подобных утверждений. Ее обычным кругом была студенческая молодежь и молодая профессура Петербургского университета, собиравшаяся в доме ее родственников, где были два сына, студенты-естественники, и несколько дочерей. Студенческие волнения, репрессии, жертвами которых, случалось, были и друзья молодых Сниткиных; идейные споры; художественные и литературные впечатления — все формировало в девушке самосознание, чуждое предыдущим поколениям русских женщин[6]. Целью ее становится самостоятельный труд, материальная и моральная независимость от будущего мужа, да и вообще образование, углубление и расширение своего духовного мира. Влияние глубоко консервативной, но очень близкой ей душевно семьи удержало ее, однако, от крайностей «нигилисток», и, вероятно, именно это сочетание интеллигентности трудящейся девушки с традиционным женским обликом и манерами более всего должно было понравиться в ней Достоевскому.

Роман для Стелловского («Игрок») был продиктован Достоевским в 24 дня. «При конце романа я заметил,— писал Достоевский в апреле 1867 г.,— что стенографка моя меня искренно любит, хотя никогда не говорила мне об этом ни слова, а мне она все больше и больше нравилась. Так как со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я предложил ей за меня выйти. Она согласилась, и вот мы обвенчаны»[7].

Решение Достоевского изменить свою жизнь, женившись на привлекательной, скромной и умной молодой девушке, встреченное с неудовольствием его родными и друзьями, само по себе не может вызвать удивления. Не должна была останавливать его и разница в возрасте: это было в то время довольно обычным явлением.

Смелость же, с которой юная девушка решилась связать свою судьбу с тяжелобольным немолодым человеком, недавним «государственным преступником», обремененным семьей и огромными долгами, принятыми на себя после смерти брата,— как ни лестно было ей внимание выдающегося человека — говорит о ее незаурядном характере и мужестве.

Зная Достоевского как писателя с отроческих лет, восхищаясь его талантом, Анна Григорьевна не могла не поддаться увлечению его личностью; дни совместной работы сблизили их, а впечатление, произведенное на нее Достоевским при личном общении, было огромным: все потеряло значение в сравнении с ним.

С известной долей экзальтации и с наивной радостью, в которой, как сказал потом Достоевский, было «много неопытного и первой горячки», Анна Григорьевна вышла замуж и вошла в новый для нее — и в духовном, и в бытовом отношении — мир. Впоследствии она так характеризовала свое тогдашнее душевное состояние: «...я безгранично любила Федора Михайловича, но это была не физическая любовь, не страсть, которая могла бы существовать у лиц, равных по возрасту. Моя любовь была чисто головная, идейная. Это было скорее обожание, преклонение пред человеком, столь талантливым и обладающим такими высокими душевными качествами. ⟨...⟩ Мечта сделаться спутницей его жизни, разделять его труды, облегчить его жизнь, дать ему счастье — овладела моим воображением... »[8]

---

[6] Наст. изд. С. 297.
[7] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28, кн. II. С. 182.
[8] *Достоевская А. Г.* Указ. соч. С. 122.

Этой юношеской мечте А. Г. Достоевская осталась верна в течение всей своей жизни. Она не только создала Достоевскому дом, семью, возможность спокойной творческой работы. Стенограф, переписчица, секретарь, издательница сочинений мужа, она защищала его от всего трудного и отягощающего художника, от всей практической и материальной сферы жизни. Беспредельно любящая жена, она настойчиво оберегала его здоровье, смягчала тяжелые настроения писателя, с умом и тактом поддерживала мир в семье и во взаимоотношениях Достоевского с внешним миром. Переписка ее с мужем не оставляет сомнений не только в исключительной взаимной привязанности, но и в большой душевной близости между ними[9].

После смерти Достоевского жена его прожила еще 37 лет — годы, наполненные неустанными заботами об издании его сочинений, популяризации его наследия, сохранении его архива, создании музея писателя. В течение всех этих лет, то принимаясь упорно, то на время оставляя, А. Г. Достоевская выполняла еще одну, очень важную для нее задачу — как можно тщательнее и подробнее записать и оставить потомству все то, что она считала нужным рассказать о покойном муже и их общей жизни. Это были и примечания к его письмам, и разъяснения к своим собственным письмам к нему, и попытки установления автобиографических реалий в эпизодах и персонажах его произведений, и расшифровка своего стенографического дневника первого года их брака, и, наконец, писание «Воспоминаний» — произведения, занимающего исключительное место в мемуарной литературе о Достоевском. В нем особенно проявилась не только несомненная литературная одаренность автора, но и свойственные ей тщательность и ясный ум.

Первые датированные автором наброски воспоминаний относятся еще к началу 1880-х годов и связаны, вероятно, с биографией Достоевского, над которой работал Н. Н. Страхов[10]. На протяжении многих лет А. Г. Достоевская вновь и вновь возвращалась к идее создания автобиографических записок, но реализовала ее только в старости, в 1911—1916 гг. «Воспоминания» ее написаны более чем через тридцать лет после смерти Достоевского, когда значение его в литературе и развитии общественной мысли было уже давно оценено человечеством, когда многие воспоминания о нем были широко известны, а интерпретация в литературе его творчества и особенно личности слишком часто расходилась с тем, что хотелось бы видеть А. Г. Достоевской.

Все это придавало особую ответственность делу, задуманному мемуаристкой,— сказать правду о Достоевском-человеке, ту правду, которую, по ее представлениям, никто, кроме нее, и не мог сказать. Эта задача была в конце концов решена ею: ей действительно удалось осуществить свое «искреннее и сердечное желание» — «представить читателям Ф.М. Достоевского со всеми его достоинствами и недостатками — таким, каким он был в своей семейной и частной жизни»[11]. Однако «Воспоминания» А. Г. Достоевской как источник для изучения личности и жизни писателя не могут быть правильно оценены без понимания ее концепции личности мужа и своей с ним семейной жизни,— концепции, которая сложилась у нее в течение десятилетий, проявляясь в различных

---

[9] Ф. М. Достоевский. А. Г. Достоевская. Переписка. Л., 1976.

[10] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее РГБ). Ф. 93. Разд. III, 5.15.

[11] *Достоевская А. Г.* Указ. соч. С. 36.

случаях[12], и нашла наиболее полное и развернутое выражение именно здесь. Ею диктовался умелый, а часто чрезмерно обдуманный отбор фактов, их несколько тенденциозное толкование, устранение всего, что противоречило бы ему; на фоне подробной и достоверной фактической истории А. Г. Достоевской хотелось нарисовать не реальную, трудную и противоречивую личность писателя, а некую оптимистическую схему ее, совершенный образ «положительно прекрасного человека», в иных местах (например, в разговоре А. Г. Достоевской с Толстым[13]) приобретающий даже несколько мифологический оттенок.

Одновременно — и, вероятно, гораздо менее сознательно — создавался другой образ: личности самой мемуаристки (хотя, как мы увидим впоследствии, там, где надо было выбирать между собой и Достоевским в распределении розовых красок, предпочтение большей частью отдавалось ему).

По отзыву самого Достоевского, А. Г. Достоевская была для него «просто ангелом-хранителем»[14]. Всю свою жизнь, без остатка отданную великому писателю, она рассматривала как некое призвание. Не только любовью к мужу и преданностью ему, но и этим сознанием вдохновлялся ее жизненный подвиг. Тем не менее ей необходимо было и признание этого неустанного служения: при его жизни — им самим, впоследствии — современниками и потомками; в этом, особенно к старости, виделась ей компенсация ее постоянного многолетнего труда.

Однако ни искренняя, непринужденная и тактичная манера повествования, ни широкое использование автором документов своего архива, ни многократно проверенная и безусловно преобладающая в тексте «Воспоминаний» фактическая точность не могут снять необходимости критического анализа этих мемуаров при их использовании. Такой анализ становится возможным более всего потому, что сохранился другой, в каком-то смысле контрольный источник — дневник, который А. Г. Достоевская вела за границей в течение первого года своего замужества.

Дневник этот во многих отношениях отличается от «Воспоминаний». Прежде всего — своей документальностью. Это подлинная ежедневная запись фактов жизни, мыслей, чувств и впечатлений, запись только для себя, недоступная даже для мужа (дневник велся стенографически) и потому полная ничем не скованных откровенных рассказов о нем. Живые, необдуманные и часто незрелые суждения молодой женщины, даже само непонимание ею в то время мотивов и значения поступков и слов мужа подводят нас куда ближе к его истинному, сложному облику, нежели более сознательное и объективное, но вместе с тем более хрестоматийное и банальное переосмысление этих же поступков и слов в «Воспоминаниях». Текст дневника, таким образом, значим и сам по себе — для представлений о личности Достоевского, для летописи его жизни и трудов в 1867 г. С другой стороны, он дает возможность сравнительной критики «Воспоминаний» и уяснения значения их как источника.

Этими возможностями исследователи располагают уже в течение трех четвертей века, с тех пор как были изданы оба эти произведения[15]. Но лишь со времени, когда заново были расшифрованы стенографические оригиналы дневника А. Г. Достоевской, стал выясняться весь ход ее работы над дневником и «Воспоминаниями». История этих обоих,

---

[12] В частности, в интервью для прессы.
[13] *Достоевская А. Г.* Указ. соч. С. 392.
[14] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 205.
[15] *Достоевская А. Г.* Дневник. М., 1923; *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М.; Л., 1925.

важнейших для изучения жизни и творчества Достоевского, источников может предстать наконец в своем настоящем свете.

Обратимся же к сложной и не совсем обычной истории дневника А. Г. Достоевской.

14 апреля 1867 г. Достоевские выехали в Германию.

Два месяца, прошедшие со дня свадьбы, не способствовали их сближению. А. Г. Достоевская с трудом входила в неупорядоченный, нервный быт новой семьи. Отношения с родными мужа — его пасынком и семьей его покойного брата Михаила — складывались неблагоприятно. Боясь быть несправедливым, Достоевский не считал возможным решительно принять в этих конфликтах сторону молодой жены. Анна Григорьевна видела в отъезде за границу и изоляции этим путем мужа от родных единственное средство сохранить и укрепить свою семейную жизнь. Достоевский торопился уехать, боясь, что его многочисленные кредиторы предъявят векселя ко взысканию. Главная же цель его была — восстановить пошатнувшееся здоровье и создать условия для написания романа в «Русский вестник», редактор которого М. Н. Катков ссудил писателя большой суммой денег.

Анна Григорьевна впервые расставалась с матерью. «Я утешала маму тем,— писала она в одном из черновых набросков своих воспоминаний,— что вернусь через три месяца, а пока буду часто ей писать. Осенью же обещала самым подробным образом рассказать обо всем, что увижу любопытного за границей. А чтобы многого не забыть, обещала завести записную книжку, в которую и вписывать день за днем все, что со мной будет случаться. Слово мое не отстало от дела, я тут же на станции купила записную книжку и с следующего дня принялась записывать стенографически все, что меня интересовало и занимало. Этою книжкою начались мои ежедневные стенографические записи, продолжавшиеся около года...» [16]

Так возник заграничный стенографический дневник жены Достоевского, литературная судьба которого сложилась столь своеобразно.

Вместо трех месяцев Достоевские прожили за границей четыре года. При возвращении в Россию в 1871 г. Достоевский, получивший анонимное предупреждение об ожидающем его строгом пограничном досмотре, сжег большую часть своих бумаг, несмотря на протесты жены, с первых дней брака очень бережно относившейся к архиву мужа. «Мне удалось отстоять,— писала А. Г. Достоевская,— только записные книжки к названным романам [17] и передать моей матери, которая предполагала вернуться в Россию поздней осенью» [18]. Вероятно, так же были сохранены и возвратились в Россию записные книжки самой Анны Григорьевны.

К своему заграничному дневнику А. Г. Достоевская обратилась снова только в 1890-х годах. «Перечитывая записные книжки мужа и свои собственные,— сообщала она,— я находила в них такие интересные подробности, что невольно хотелось записать их уже не стенографически, как они были у меня записаны, а общепонятным языком» [19]. Начав расшифровку своего дневника в 1894 г., А. Г. Достоевская несколько раз прерывала работу, а зимой 1911 / 12 г. совсем ее оставила.

Время расшифровки легко устанавливается по надписям А. Г. Достоевской на отдельных листах двух тетрадей, в которые переписан расшиф-

[16] *Достоевская А. Г.* Дневник. С. XI.
[17] «Идиот», «Вечный муж» и «Бесы».
[18] *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 198.
[19] Там же. С. 35.

рованный текст: на первой указан 1894 год (вся эта тетрадь однородна по чернилам и почерку: можно думать, что она не только начата, но и закончена без большого перерыва)[20], во вторую тетрадь расшифрованный текст начал заноситься в 1897 г., но эта тетрадь, как и надпись на ней, заполнялась не сразу, что заметно по перемене чернил и пера. В надписи: «Дневник записывался стенографически. Переведен и переписан чрез 30 лет, в конце 1896 г. *Затем переписывание было возобновлено летом 1909 г., зимою 1912 г.* Книга содержит „Дневник“, начиная с 10 июня / 22 июня 1867 г. *до 24 / 12 августа 1867 года*» — слова, выделенные нами курсивом, приписаны другими чернилами. Меняются почерк и чернила трижды и в тексте расшифровки (одни до записи 3 июля, затем до 22 / 10 июля и от этой даты до конца). Таким образом, до зимы 1911 / 12 г. вторая тетрадь была заполнена на две трети, а закончена лишь этой зимой[21]. Именно текст этих двух тетрадей был издан в 1923 г. Н. Ф. Бельчиковым[22].

По приведенному выше сообщению А. Г. Достоевской в одном из набросков «Воспоминаний», она вела дневник за границей примерно год. Нельзя сомневаться в том, что при работе над воспоминаниями ей были хорошо известны хронологические рамки стенографических записей, которыми она пользовалась. Поэтому следует исходить из того, что дневник велся с апреля 1867 г. примерно по февраль-март 1868 г. Такой же срок ведения дневника А. Г. Достоевская назвала в одном из данных ею для печати интервью[23].

Каков же был первоначальный объем заграничного дневника А. Г. Достоевской и в каком соотношении с ним находится расшифрованная и изданная в 1923 г. его часть?

Самые ранние свидетельства об этом содержатся в письмах Достоевского из Женевы. В письме к племяннице С. А. Ивановой он писал 11 окт. / 29 сент. 1867 г.: «Анна Григорьевна оказалась чрезвычайной путешественницей: куда ни приедет, тотчас же все осматривает и описывает, исписала своими знаками множество маленьких книжек и тетрадок...»[24]; в августовском письме того же года к А. Н. Майкову: «Для нее, например, целое занятие пойти осматривать какую-нибудь глупую ратушу, записывать, описывать ее (что она делает своими стенографическими знаками и исписала 7 книжек)...»[25] Отсюда следует на первый взгляд, что еще до приезда в Женеву дневник А. Г. Достоевской должен был занимать не менее семи книжек, за год же их число должно было значительно возрасти.

Однако данные, извлекаемые из самого дневника и из тетради завещательных распоряжений, заведенной А. Г. Достоевской в 1902 г. и пополнявшейся ею в течение последующих десяти лет, противоречат этому предположению.

Расшифрованная и изданная часть дневника охватывает, как мы указывали выше, время с середины апреля до середины августа 1867 г. Во второй тетради расшифровки А. Г. Достоевская пометила переход от одной стенографической книжки к другой: на с. 140 стоит «Конец первой

[20] Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 1; см. также Дневник. С. 5.
[21] Там же. Ед. хр. 149. Л. 1; Дневник. С. 141.
[22] Достоевская А. Г. Дневник.
[23] *Измайлов А. А.* У А. Г. Достоевской (к 35-летию со дня кончины Ф. М. Достоевского) / / Биржевые ведомости, 1916, 28 янв., № 15350.
[24] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 223.
[25] Там же. С. 205.

книжки», на с. 141 — «Начало второй тетради»[26]. Таким образом, за первые четыре месяца жизни за границей дневник занимал не «множество» и даже не «7» записных книжек, а всего лишь две.

Это совпадает с выводами, вытекающими из записей А. Г. Достоевской в тетради завещательных распоряжений, озаглавленной «En cas de ma mort ou d'une maladie grave» («На случай моей смерти или тяжелой болезни»). Здесь содержится следующее распоряжение (слова, выделенные нами курсивом, вписаны позднее карандашом): «О тетрадях, записанных мною стенографически. В числе оставшихся после меня тетрадей найдутся две-три-*четыре*, исписанные стенографическими знаками. В этих тетрадях заключается Дневник, который я вела с выезда нашего за границу *в 1867 г.* в течение полутора лет. Часть дневника была мною переписана года два тому назад (та тетрадь, которая находится в несгораемом ящике в Музее[27]). Остальные тетради я прошу уничтожить, так как вряд ли найдется лицо, которое могло бы перевести с стенографического на обыкновенное письмо. Я делала большие сокращения, мною придуманные, а следовательно, лицо переписывающее всегда может ошибиться и списать неправильно. Это во-первых. Во-вторых, мне вовсе бы не хотелось, чтоб чужие люди проникали в нашу с Ф. М. семейную интимную жизнь. А потому *настоятельно* прошу уничтожить все стенографические тетради»[28]. На соседнем чистом листе карандашом же добавлены сведения об уже известной нам расшифровке части этих тетрадей. Эти приписки сделаны, таким образом, к концу работы над расшифровкой, зимой 1911 / 12 г. Несомненно, этим объясняется и уверенно надписанное А. Г. Достоевской карандашом точное число «четыре» над сделанным прежде неопределенным указанием — «две-три» тетради.

Следовательно, к концу жизни у А. Г. Достоевской сохранились четыре стенографические книжки дневника: две из них она расшифровала (вторую, может быть, не доведя до конца), другие две оставались только в стенографическом виде. С 1920-х годов и до сравнительно недавнего времени была известна только расшифрованная часть, вопрос о судьбе остальных книжек не рассматривался[29].

Однако через несколько лет, когда часть архива Достоевского была передана из Исторического музея в отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, в ней были обнаружены две стенографические записные книжки А. Г. Достоевской, содержавшие также некоторые записи обычным письмом. Последние позволили датировать их 1867—1868 годами и заподозрить в них оригинал заграничного дневника[30]. Но ни соотнести их с изданием, ни даже установить их последовательность было нельзя: никто не мог прочесть стенограмму.

---

[26] *Достоевская А. Г.* Дневник. С. 192—193.

[27] В Историческом музее в Москве, где А. Г. Достоевская основала первую музейную комнату Достоевского. Здесь, как видим, указывается иной срок: полтора года, на наш взгляд — преувеличенный и объясняющийся тем, что в 1902 г. дневник не был прочитан А. Г. Достоевской до конца. В «Воспоминаниях» (с. 152) срок возрастает уже до «полутора-двух» лет, что вообще кажется маловероятным: в этом случае число книжек должно было быть совсем иным.

[28] РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 224.

[29] На существование остальных стенографических дневников в оставшемся после А. Г. Достоевской архиве глухо намекнул лишь А. С. Долинин; в своей статье «Достоевский и Суслова» он писал в 1925 г.: «Быть может, удастся когда-нибудь расшифровать дальнейшие стенографические записи А. Г. ...» (Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы: Сб. 2. С. 250).

[30] РГБ. Ф. 93. Разд. III, 5. 15а и 15б.

Так обстояло дело до середины 1950-х годов, когда было начато составление сводного каталога рукописей Достоевского, хранящихся в крупнейших архивохранилищах страны [31]. В связи с этим по инициативе академика М. П. Алексеева в Пушкинском доме в Ленинграде была предпринята попытка расшифровать хранившиеся там стенографические записи А. Г. Достоевской, как предполагалось, сделанные под диктовку писателя и являвшиеся, таким образом, частью его творческого наследия (оказалось, что это были отрывки из «Дневника писателя»). За эту работу взялась ленинградская стенографистка Ц. М. Пошеманская. Она начала с того, что изучила учебник стенографии Ольхина, по которому училась А. Г. Достоевская, но убедилась, что этого недостаточно. Указание А. Г. Достоевской на свои особые приемы стенографии было верным. Казалось, что придется отступиться. Но тут В. С. Нечаева, руководившая работой над сводным каталогом, подсказала Пошеманской мысль сличить расшифрованный дневник с неразгаданными еще стенографическими книжками А. Г. Достоевской. Сличение позволило ответить сразу на несколько вопросов. Во-первых, выяснилось, что одна из записных книжек соответствует первой из двух расшифрованных Анной Григорьевной книжек дневника, вторая же оказалась нерасшифрованной; она охватывала последующий период — жизнь в Женеве с 24 авг./5 сент. по 31 декабря 1867 г. Во-вторых, был получен достоверный ключ к стенографической системе автора.

Овладев им, составив словарь применявшихся А. Г. Достоевской сокращений, Ц. М. Пошеманская расшифровала и стенограммы из Пушкинского дома [32], и эту, доселе неизвестную часть ее дневника. Одновременно выяснилось и еще одно немаловажное обстоятельство: выборочная проверка показала, что первая книжка была не просто расшифрована А. Г. Достоевской, а отредактирована ею, и в некоторых местах — очень значительно. Появилась необходимость новой расшифровки, что и было выполнено Ц. М. Пошеманской (гораздо позднее, уже для настоящего издания) [33].

Таким образом, до нас дошел текст трех из предполагаемых первоначальных четырех книжек стенографического дневника А. Г. Достоевской. Недостающая четвертая могла быть последней — это соответствовало бы утверждениям автора о том, что дневник велся в течение года или полутора лет; могла она быть и промежуточной: между последней записью второй из расшифрованных А. Г. Достоевской книжек, стенографический оригинал которой не сохранился, и первой записью третьей книжки — лакуна в 12 дней (переезд из Базеля в Женеву и начало жизни здесь); однако вероятнее всего, недостающий текст находился во второй книжке, но не был расшифрован Анной Григорьевной, так как не поместился во второй тетради расшифровки, заполненной до конца. Выйти из этой альтернативы не удастся, если не обнаружатся впоследствии утраченные вторая и четвертая книжки дневника.

[31] Описание рукописей Ф. М. Достоевского/Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957.

[32] Расшифровку глав из «Дневника писателя», биографии Достоевского, личных и деловых писем А. Г. Достоевской см.: Лит. архив, 1961, № 6.

[33] О работе Ц. М. Пошеманской над расшифровкой стенографических текстов А. Г. Достоевской см. также: Подвиг стенографистки // Известия, 1959. 3 июня; Для меня самая интересная! // Смена, 1970. 27 дек.; послесловие Б. С. Мейлаха к публикации расшифрованной ею же статьи Д. И. Менделеева «Какая же Академия нужна в России» (Новый мир, 1966, № 12. С. 197—198); предварительную публикацию Женевского дневника А. Г. Достоевской (Лит. наследство. М., 1973. Т. 86).

Но как же быть с сообщениями Достоевского об исписанных еще в Дрездене и Бадене «множестве» или «семи» книжках? Объяснение этому находится в самом дневнике. Данные о количестве книжек, извлекаемые из писем Достоевского, относятся, несомненно, не только к дневнику, но и к другим записным книжкам, куда его жена записывала интересовавшие ее сведения о достопримечательностях, произведениях искусства и книгах.

Наличие в ее обиходе таких особых книжечек в дневнике отмечено дважды. 12/24 мая, рассказывая о посещении Дрезденской галереи, она пишет: «Со мною была моя книжечка, и я сделала некоторые замечания о годе рождения художников и о тех картинах, которые на меня произвели особенное впечатление». Проверка стенографической книжки дневника, где находится эта запись, показала, что ни в тексте ее, ни на каких-либо чистых листах подобных «замечаний» нет. Ясно, что для них использовалась другая, не дневниковая книжечка. В другой раз (6/18 июня) А. Г. Достоевская замечает в дневнике о том, что она «вписывала в свою книжечку» конспект романа В. Гюго «Отверженные». В стенографическом тексте такого конспекта тоже нет[34].

Вернемся теперь к 1894 г., когда А. Г. Достоевская начала расшифровывать свой заграничный дневник и переписывать его своим красивым, аккуратным почерком в толстую тетрадь. В тексте очень мало помарок и исправлений; кажется, что стенографистка передает стенографический текст обычным письмом, нисколько не затрудняясь его прочтением и не внося в него никаких изменений. Это впечатление, однако, обманчиво: перед нами, без сомнения, перебеленный текст. Ему предшествовал черновик расшифровки, подвергшийся значительной авторской правке, а впоследствии, вероятно, уничтоженный за ненадобностью. Это становится очевидным при первой же попытке сличения расшифрованного А. Г. Достоевской текста с его стенографическим оригиналом. Такую возможность, как было уже сказано, предоставило нам наличие текста первой книжки дневника в обоих этих видах.

Исправления, внесенные А. Г. Достоевской в текст первой книжки дневника, настолько обильны и так существенно меняют его, что известный до сих пор изданный текст этой книжки нужно считать не расшифровкой, а второй и сильно отличающейся редакцией. Рассмотрим же, в чем состояла эта работа над текстом.

Читателям «Дневника» А. Г. Достоевской хорошо знакомы сделанные ею подстрочные примечания, разъясняющие различные факты или комментирующие упоминаемых лиц[35]. Тщательные оговорки автора в примечаниях о том, что они «позднейшие», доказывают как будто, что весь остальной текст принадлежит оригиналу дневника. В действительности это совсем не так. Во-первых, такие разъяснительные примечания выявляются и в остальном тексте, даже без сверки с оригиналом дневника, легко обнаруживая свою асинхронность ему. В самом деле, вряд ли кто-нибудь в дневнике, написанном для себя, станет разъяснять себе, кто такие упоминаемые им лица, как это сделано Анной Григорьевной в словах: «Здесь Федя дал мне прочесть письмо Андрея Михайловича (Досто-

---

[34] Ср. наст. изд., с. 69.

[35] См. напр.: «Мария Григорьевна Сватковская, моя сестра. Поздн. примечание» (*Достоевская А. Г.* Дневник. С. 41 и подобные же на с. 64, 71 и др.).

евского, брата Феди)...»[36] Это разъяснение вполне могло бы быть помещено среди «позднейших» примечаний, под строкой. Можно сказать — и это верно,— что А. Г. Достоевской просто не удалось последовательно провести систему своих примечаний. Однако эта непоследовательность не случайна. Она возникла в результате общей тенденции автора ввести свои многочисленные позднейшие дополнения и изменения в текст дневника, тщательно имитируя при этом характер непосредственной дневниковой записи[37].

Смысловые изменения шли по нескольким направлениям. Наиболее важные из них касались личности Достоевского, его идейных позиций, его отношения к современности, особенностей его характера и поведения. Живые и необдуманные записи дневника 1867 г., где Анна Григорьевна фиксировала слова и поступки мужа, какими они были, или, точнее, какими виделись ей тогда, разительно противоречили тому цельному христианско-монархическому образу, в котором представлялся ей Достоевский к концу его жизни и каким она желала теперь представить его другим. В самом деле, что делает Достоевский, едва переехав границу России? Бросается в книжные лавки, настойчиво покупая и с жадностью читая издания вольной русской печати. Просто вычеркнуть это из дневника А. Г. Достоевская не могла; она свято соблюдала свой долг — сберечь и сохранить для потомства факты жизни писателя; о чтении им Герцена она бегло упомянула даже в «Воспоминаниях». Мы увидим далее, что она позволяла себе просто устранять лишь интимно-семейные факты. Но объяснить по-своему интерес Достоевского к Герцену и его трудам она все-таки желала. И тут в текст дневника вносится разъяснительная фраза: «Федя решился перечитать все запрещенные издания, чтобы знать, что пишут за границей о России. Это необходимо для его будущих произведений»,— фраза, ставшая впоследствии широко известной и постоянно цитировавшаяся, как часть дневника 1867 года, как отзвук собственного отношения Достоевского к вольной печати в то время[38].

Подобным же образом объясняется позиция Достоевского и по другим, существенным для миропонимания Анны Григорьевны вопросам. Так, дневник не оставляет сомнений в равнодушии Достоевского к церкви, в то время как его молодая жена в каждом городе находила православную церковь и считала необходимым ее посещать. Достоевский не только ни разу не сопровождал ее, но и выражал недовольство ее усердием: в подлинной записи от 28 мая/9 июня А. Г. Достоевская рассказывает, как сурово встретил ее муж по возвращении из церкви и выговаривал ей, что она, торопясь к обедне, не прибрала в доме; в расшифровку вслед за этим вносится «оправдательное» разъяснение: «Федя чрезвычайно любит порядок и всегда его поддерживает». В другом месте (30/18 июня) подлинная запись: «Сегодня я хотела идти в церковь, но Федя сказал, что это можно и отложить, и я осталась» — заменяется другой: «Сегодня я хотела идти в церковь, но опоздала и очень жалею»[39].

«Оправдательными» разъяснениями сопровождается и известная читателям «Дневника» А. Г. Достоевской сцена в русском консульстве

[36] Там же. С. 111. Подобные вставки легко обнаруживаются и по способу изложения, характерному для позднейших лет и никогда не встречающемуся в подлинном дневнике 1867 г. (например, наименование мужа «Ф. М.» вместо «Федя» — см. с. 57).
[37] См., напр., наст. изд. с. 18 и 19.
[38] См. наст. изд., с. 62.
[39] См. наст. изд., с. 108.

в Дрездене, дающая такие важные штрихи для представлений о психологии и общественном сознании писателя. Мы остановимся позднее на его мировоззрении и душевном состоянии в первые месяцы жизни за границей; здесь нужно отметить только, что в Достоевском, не принимающем западной буржуазной цивилизации, идеализирующем издалека русскую действительность, едва он сталкивается с реальным русским чиновником в консульстве, этом островке русской жизни в чужой стране, мгновенно просыпается тот великий бунтарь и разоблачитель этой действительности, каким он был всегда. Поэтому правка, которой А. Г. Достоевская подвергает подлинную запись об этом инциденте, представляет большой интерес[40]. Здесь и оправдания его поведения недавним припадком, и попытки смягчить происшедшую затем между супругами сцену, и стремление исключить из текста свое тогдашнее осуждение поведения мужа.

Наконец, еще одна характерная деталь. Как известно, во время пребывания Достоевских в Дрездене польским эмигрантом Антоном Березовским было совершено в Париже покушение на Александра II. Отношение Достоевского к Александру II в это время достаточно выяснено по его собственным письмам и произведениям. Запись в дневнике А. Г. Достоевской также не оставляет сомнений в том, как это событие взволновало Достоевского; однако текст этой записи, как ей впоследствии показалось, недостаточно демонстрировал верноподданные чувства мужа. Поэтому в него еще раз добавляется: «Федя был страшно взволнован», «Государь остался невредим. Слава богу, какое счастье для всех русских» и, наконец, «Федя был страшно взволнован известием о покушении на жизнь государя; он так его любит и почитает».

Другое направление редакционных изменений связано с особенностями характера и поведения Достоевского в семье и общественных местах. С одной стороны, А. Г. Достоевской хотелось устранить все то, что могло представить его человеком несправедливым, раздражительным, угрюмым, мелочным в быту и денежных расчетах, грубым по отношению к жене и окружающим: может быть, потому, что она иными, более объективными глазами смотрела из старости на факты тогдашней жизни, может быть — и на наш взгляд, скорее всего,— потому, что это не укладывалось в рамки ее концепции непогрешимой личности. С другой стороны, почти невозможно было «выпрямить» эти черты, не задевая проблемы своих взаимоотношений с мужем и не переосмысляя в ущерб себе какие-то собственные черты. В поисках выхода из затруднений А. Г. Достоевской во многих случаях пришлось стать на этот последний путь. Читатель заметит, как часто в рассказах о супружеских ссорах авторские исправления перемещают акценты и переносят вину мужа на жену[41]. Вот один мелкий, но выразительный пример[42]. 18 апреля 1867 г. А. Г. Достоевская впервые оказалась в зарубежном городе — в Берлине. Супруги отправляются на первую прогулку; на улице они ссорятся, и, как рассказано в изданном «Дневнике», «я повернулась и быстро пошла в противоположную сторону. Федя несколько раз окликнул меня, хотел за мной бежать, но одумался и пошел прежнею дорогою»[43]. Судя по

[40] Наст. изд., с. 105.
[41] См., напр., с. 8, 65, 94.
[42] К нему мы вернемся еще раз позднее, при выяснении соотношения дневника и воспоминаний.
[43] Дневник. С. 12; наст. изд.,с. 8.

подлинному дневнику, дело обстояло как раз наоборот: не взбалмошная девочка, вспылив, убежала от мужа, а он бросил ее одну на улице незнакомого города, рассердившись на то, что у нее «худые перчатки». Правда, как показывает дневник, по ее же вине — в ответ на ее колкость.

Последовательно устраняет А. Г. Достоевская из дневника упоминания о вспышках гнева и резкости мужа, заменяя подробности подлинника глухими замечаниями типа: «Федя был сегодня весь день очень раздражителен»[44] — или вовсе вычеркивая детальное изложение своих ссор с ним. Заметив, очевидно, при чтении дневника, что в нем слишком часто встречаются рассказы о столкновениях Достоевского с кельнерами и торговцами из-за чаевых и сдачи, она тщательно расставляет в соответствующих местах «оправдательные» фразы вроде: «Нас всегда возмущает это мелкое мошенничество, тем более, что мы всегда отлично даем на чай»[45] или «Конечно, это пустяки, тем не менее досадно, когда на нас смотрят как на дурачков, которых легко можно обмануть»[46].

Особую линию вставок и исправлений составило стремление А. Г. Достоевской отчетливее представить в дневнике безоблачное счастье своей семейной жизни. Поэтому в нем — иногда очень неожиданно и без связи с предшествующим текстом — появляются вставки: «Все эти дни я страшно счастлива»[47] или «Дорогой мой Федя, как я его люблю!»[48]

Устраняя из дневника (что совершенно естественно) многочисленные подробности, касающиеся здоровья мужа и интимных сторон жизни, Анна Григорьевна сохраняет тем не менее рассказы о «страстных прощаниях» перед сном, сопровождая их вставками, объясняющими их как минуты особой душевной близости: «Надо сказать, что я довольно рано ложусь. Федя же сидит до двух часов и позже. Уходя спать, он будит меня, чтобы «проститься». Начинаются долгие речи, нежные слова, смех, поцелуи, и эти полчаса — час составляют самое задушевное и счастливое время нашего дня. Я рассказываю ему сны, он делится со мною своими впечатлениями за весь день, и мы страшно счастливы»[49].

Есть, впрочем, и вставки другого рода, являющиеся, в сущности, вкраплениями в текст дневника воспоминаний (см., например, вставку: «Я прочла „Les Miserables“, эту чудную вещь Виктора Гюго. Федя чрезвычайно высоко ставит это произведение...» и т. д.[50], или: «Всю дорогу весело и оживленно разговаривали. Целый новый мир открылся перед моими умственными очами!»[51]).

Еще одно направление смысловой правки — это реабилитация А. Г. Достоевской самой себя, какой она могла предстать в этом раннем дневнике. Долгий путь умственного и нравственного развития отделял ее от не слишком образованной девушки 1867 г. со столь отчетливыми следами в ее привычках и поведении мещанских черт ее семьи. Из дневника устраняются грубые выражения (о слугах в гостинице: «олухами ужасными» заменяется «странными людьми»; о служанке в Дрездене: «немецкая харя Ида» заменяется «старая Ида», в ссоре с мужем произнесенные ею слова «подлая тварь» просто

[44] Наст. изд., с. 104.
[45] Наст. изд., с. 19.
[46] Наст. изд., с. 26.
[47] Наст. изд., с. 18.
[48] Наст. изд., с. 69.
[49] Наст. изд., с. 24.
[50] Наст. изд., с. 69.
[51] Наст. изд., с. 17.

вычеркиваются), исправляются ошибки в правописании слов, особенно иностранных (фамилии художников, например), вносятся уточнения в названия произведений живописи и музыки (вместо «Тициана Спаситель» — «Zinsgroschen, Христос с монетою», как эта картина называлась в каталогах). Естественно, что еще более существенной правке подвергаются те места подлинного дневника, где откровенно рассказано о поступках, рисующих его автора в невыгодном свете. Так, изменен весь эпизод с найденным ею в кармане у Достоевского письмом А. П. Сусловой. «Карман» заменен «письменным столом», совершенно удалена из текста история о том, как распечатанное письмо вновь запечатывалось, чтобы утаить факт его вскрытия. В записи от 30 мая/11 июня, начинающейся сообщением о припадке у Достоевского, в изданном тексте следует: «Бедный Федя, как мне его ужасно жаль. Я без слез не могу видеть его ужасные страдания!» В подлиннике этих двух фраз нет. Строки стенограммы, находящиеся на их месте, тщательно вычеркнуты теми же черными чернилами, какими через много лет написана расшифровка этого текста. Однако то, что удалось теперь прочесть, достаточно ясно показывает, что вставленные фразы совсем не соответствовали ее чувствам в ту минуту: А. Г. Достоевская воспользовалась бессознательным состоянием мужа, чтобы прочесть полученное им накануне и тревожившее ее письмо Сусловой[52].

Кроме рассмотренной нами смысловой правки, весь текст дневника подвергся существенной литературной редакции, имевшей целью превратить иногда несвязное, полное стилистических погрешностей, неудачных оборотов, незаконченных и неразъясненных мыслей повествование — что так естественно в записях для себя — в связный, гладкий, единый в литературном отношении рассказ.

Мы видим, таким образом, что редакция, которой А. Г. Достоевская подвергла свой дневник, была очень значительной. Не располагая стенографическим оригиналом второй его книжки, мы не можем, разумеется, проследить ее правку на всем протяжении и этой части текста, как это было сделано для первой. Однако можно с уверенностью сказать, что и вторая книжка исправлялась подобным же образом. Опираясь на опыт сравнительного анализа первой книжки, можно обнаружить в тексте второй по их характерному тону «разъяснительные» или «оправдательные» вставки (см., например, в записи от 21 июля/2 августа после резкой филиппики против родных мужа и его самого, равнодушного, по ее мнению, к ее нуждам и запросам,— неожиданную, явно фальшивую концовку: «Как это нехорошо, как несправедливо! Я сержусь на себя, зачем у меня такие дурные мысли против моего дорогого, милого, хорошего мужа. Верно, я злая!»)[53].

Бóльшая часть второй книжки дневника относится ко времени пребывания Достоевских в Баден-Бадене — времени, поистине трагическому в их тогда еще недолгой семейной жизни, когда околдованный рулеткой Достоевский проигрывался дотла, доводя себя и жену до состояния полной нищеты. Атмосфера в семье должна была становиться в эти дни все тяжелее и тяжелее: издерганный лихорадкой игры Достоевский и разделяющая с ним эти мучения жена, тяжело переносившая к тому же первые месяцы беременности, вряд ли удерживались от ссор, вспышек гнева и взаимной брани. Однако все эти драматические события изложе-

[52] Наст. изд., с. 77.
[53] Наст. изд., с. 175.

ны в том же гладком, лишенном резкостей и грубости духе, в каком была отредактирована первая книжка дневника.

Любопытно, что в первых записях об игре на рулетке в Бадене А. Г. Достоевская попыталась при расшифровке, смягчая ситуацию, начать изменять цифры выигрышей и проигрышей (правка эта заметна в тетради расшифровки, где она несколько запуталась в цифрах[54]). Но, убедившись, вероятно, в невозможности таких исправлений по всему баденскому тексту, где на каждой странице идет счет выигрышей и проигрышей, а преуменьшение потерь, так же как и преувеличение удач, сделало бы непонятным драматизм положения, она отказалась от этого намерения.

Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что при расшифровке и редактировании второй книжки А. Г. Достоевская делала перерывы в работе на много лет (с 1897 до 1909 г., потом до 1911/1912 г.), а затем и вовсе ее оставила[55].

Думается, что именно попытка устранить противоречие между реальными событиями баденской жизни и тем канонизированным обликом мужа, создать который она стремилась,— попытка, явно обреченная на неудачу,— должна была заставить ее отказаться от дальнейшей работы над дневником. Более того, остановив в 1897 г. расшифровку на начале баденской части, А. Г. Достоевская в 1902 г., не продолжая еще расшифровки, записывает в завещательной тетради распоряжение об уничтожении стенографического оригинала, а вернувшись позже к расшифровке и затем окончательно ее оставив, еще раз уточняет это распоряжение.

Все сказанное убеждает в том, что редакция дневника осуществлялась А. Г. Достоевской с целью дальнейшего использования его для печати. Имела ли она в виду опубликовать его сама (в пользу этого говорят, кажется, подстрочные примечания, о которых речь была выше, но А. Г. Достоевская столь же тщательно оформляла тексты, явно не предназначенные при ее жизни для печати,— письма мужа к ней, например; оформляла не для себя, а для будущих публикаторов), желала ли просто оставить его для потомства в приемлемом виде — сказать трудно. Очевидна лишь будущая публикация как конечная цель этой работы.

Зимой 1911/12 г. А. Г. Достоевская совсем прекращает расшифровку дневника и возвращается к мысли о «Воспоминаниях», лишь отдельные и незначительные наброски которых были написаны ею до тех пор. Дневник не удовлетворил ее как документ для биографии Достоевского, и с этого момента он начинает служить ей лишь как материал для «Воспоминаний»[56].

Теперь, рассмотрев историю второй редакции дневника, мы можем совсем по-иному взглянуть на текст «Воспоминаний», по крайней мере в той его части, которая повествует о 1867 г., а это, в свою очередь, уточнит понимание остального текста, хотя нет возможности прямо

[54] РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 106—110; Дневник. С. 181—182.

[55] Возвращаясь после долгого перерыва к расшифровке, А. Г. Достоевская перечитывала написанный текст и кое-где снова его исправляла. Так, в стенограмме и расшифровке написано (в записи от 14/26 июня): «Потом я сходила на рынок и купила себе гребенку», впоследствии старческим почерком 1909 г. вставлено: «чтобы рассеять грустные мысли»; подобную же правку см. в записи от 6/24 июля (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 34 и 114).

[56] См., напр., ее помету на полях рукописи «Воспоминаний»: «Пересмотреть по стенографич. книжке» — при рассказе о покушении Березовского (РГБ. Ф. 93. Разд. III, 1.1. С. 193). Об использовании третьей книжки дневника для изложения в «Воспоминаниях» истории своего знакомства с Достоевским и свадьбы см. наст. изд., с. 419.

сопоставить его с подобным первоначальным источником. Сопоставление текста «Воспоминаний» с обеими редакциями дневника позволяет проследить процесс формирования образа Достоевского; оно осуществляется здесь теми же методами, что и редакция дневника, но, разумеется, гораздо свободнее, ибо автор уже не скован имеющимся текстом оригинала. Более того, оригинал дневника в иных случаях служит как бы отправной точкой для иного освещения или даже прямой перемены знака у изложенных там фактов.

Не имея возможности углубиться здесь в сравнительный анализ всех трех текстов, приведем лишь некоторые примеры.

Один из характерных случаев — это троекратная правка А. Г. Достоевского эпизода о первой супружеской ссоре в Берлине 18 апреля 1867 г. (уже упоминавшегося в ином контексте выше). В стенографической записи ответственность за эту ссору возложена на Достоевского, сделавшего неделикатное замечание о худых перчатках и оставившего жену одну на улице чужого города; дальше очень кратко, в нескольких словах, описаны ее возвращение домой, ожидание мужа, тревога из-за происшедшей ссоры и примирение. При редактировании дневника А. Г. Достоевская не только взяла вину на себя, но — вероятно, по воспоминаниям — подробно рассказала о своих тогдашних страхах (в оригинале было просто сказано: «Я бог знает что вообразила себе, различные глупости») и о примирении с мужем[57]. В печатном издании дневника этот исправленный и дополненный текст занимает почти две страницы[58]. Открыв же соответствующее место «Воспоминаний» (1-ю главу части IV), мы с удивлением обнаруживаем в них текст второй редакции, отсутствующий, конечно, в стенографическом подлиннике, еще раз отредактированный, но, самое главное, заключенный в кавычки и снабженный подзаголовком: «(Выписано из стенографической тетради)»[59]. Намерение А. Г. Достоевской представить вторую редакцию дневника как подлинный стенографический текст 1867 г. очевидно.

Другой случай, характерный для внутренней полемичности «Воспоминаний» по отношению к «Дневнику», связан с жалобами в нем А. Г. Достоевской на невнимание мужа к ее нуждам. «Вот уже 2 или 3 дня, как Федя постоянно мне толкует, что я очень дурно одета, что я одета как кухарка,— пишет она в третьей книжке[60],— 〈...〉 Но что мне делать, разве я могу что-нибудь сделать: ведь если бы он мне давал хотя бы 20 франков в месяц для одежды 〈...〉, но ведь с самого нашего приезда за границу он мне не сделал еще ни одного платья, так как же тут еще можно упрекать меня...» В другом месте — о том же: «Я думаю, авось он сам догадается, авось сам скажет, что вот надо и тебе купить платьев летних, они же здесь ведь так недорого стоят. Ведь о себе он позаботился и купил в Берлине, и в Дрездене заказал платье, а у него тогда не хватило заботы о том, что и мне следовало бы себе сделать...»[61] И в противовес всем этим ламентациям на первых же страницах воспоминаний о жизни за границей помещен следующий рассказ, где желаемое представлено действительным: «Затем дня два-три мы ходили с мужем покупать для меня верхние вещи для лета, и я дивилась на Федора Михайловича, как

[57] Наст. изд., с. 8.
[58] Дневник. С. 12—13.
[59] Воспоминания. С. 146.
[60] Наст. изд., с. 262.
[61] Наст. изд., с. 209.

ему не наскучило выбирать, рассматривать материи со стороны их добротности, рисунка и фасона покупаемой вещи. Все, что он выбирал для меня, было доброкачественно, просто и изящно, и я впоследствии вполне доверялась его вкусу»[62]. Подобной же правке подверглись по сравнению с дневником и другие детали: о выборе имени для будущего ребенка (из дневника ясно, что именно Достоевский не пожелал имени Анна и предпочел Софью в честь своей племянницы; в «Воспоминаниях»: «назвать Анной, как желал муж, я отказалась»), в вопросе об отношении А. Г. Достоевской к поездкам мужа на рулетку (дневник показывает, что она большей частью противилась им, но не решалась или — в других случаях — не могла удержать мужа; в «Воспоминаниях» она везде представлена как инициатор этих поездок) и мн. др. При этом часто встречающиеся в тексте «Воспоминаний» ссылки на стенографический дневник должны служить как бы документальным подтверждением достоверности рассказа. Так, рассказывая об исчезнувшей статье Достоевского «Знакомство мое с Белинским», А. Г. Достоевская заключает: «Лично я об этом жалею, так как, судя по моему тогдашнему впечатлению и по заметкам в моей стенографической тетради, это была талантливая и очень интересная статья»[63]. Между тем в стенографических тетрадях, как легко убедиться, никаких соображений о содержании этой статьи нет.

В иных случаях факты, зафиксированные в «Дневнике», отражались в том же виде и в «Воспоминаниях», но были композиционно помещены в ином месте. Попытка понять цель этих на первый взгляд необъяснимых перестановок приводит к выводу, что они всегда глубоко продуманы и служат к устранению каких-нибудь, пусть совсем пустяшных, недостатков Достоевского, проступающих в «Дневнике». В дневниковой записи от 26 мая/7 июня рассказано о забавном разговоре Достоевского с прохожим немцем, у которого он спрашивал дорогу к Дрезденской галерее[64]. В «Воспоминаниях» этот рассказ повторен, но перенесен на первый день пребывания Достоевских в Дрездене[65]. Зачем, казалось бы? А вот зачем: чтобы не была замечена неспособность Достоевского найти дорогу к галерее после полутора месяцев жизни в Дрездене и ежедневного ее посещения. Как видно, А. Г. Достоевская не допускала в облике великого человека даже такой погрешности, как плохая ориентация в незнакомых местах.

Создавая свои «Воспоминания», А. Г. Достоевская достойно завершала свою безраздельно отданную Достоевскому жизнь. Она стремилась рассказать в них о нем и о себе так, как, по ее мнению, нужно было это сделать, чтобы образ его, безупречный и неповторимый, вечно сиял для потомства: рассказать достоверно, документально историю их жизни, защищая от возможных нападок и упреков, пользуясь преимущественно (и с некоторыми излишествами) палитрой теплых, радостных тонов. Получилась прекрасная книга, написанная близким, верным и умным другом. Но тем важнее для науки, с таким трудом проникающей в сложный и вечно ускользающий от современников и потомков душевный мир великого художника, найти объективные критерии для оценки правды и неправды этой книги.

---

[62] *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 149.
[63] Там же. С. 161.
[64] Наст. изд., с. 72.
[65] *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 148.

Счастливый случай оставил нам ценнейший документ, открывающий путь к этим критериям,— стенографический дневник А. Г. Достоевской. Значение его, разумеется, далеко не исчерпывается этой контрольной функцией.

* * *

Чем же замечателен дневник жены Достоевского для истории его жизни и творчества, какие грани их он раскрывает?

Первые две части дневника, где описан приезд за границу, жизнь Достоевских в Дрездене и Бадене, а также посещение Базеля по дороге в Швейцарию, как было сказано, вошли в литературу о Достоевском более полувека назад. Ни для какого другого периода жизни писателя нет столь подробного и хронологически достоверного источника. Неудивительно поэтому, что «Летопись» жизни Достоевского за эти четыре месяца[66] особенно отличается от всех других лет по своей точности и полноте. Дневник А. Г. Достоевской дрезденского и баденского периода привлекался всеми без исключения исследователями, писавшими об этом времени жизни писателя или изучавшими формирование его идей. Женевский дневник, опубликованный (с сокращениями) сравнительно недавно[67], в настоящем издании впервые появляется в его полном виде. Новая расшифровка дрезденской части дневника, не меняя ее существа, вносит в него все же ряд новых моментов. Поэтому только сейчас становится возможным анализ содержания стенографического дневника А. Г. Достоевской, как он был записан в 1867 г., во всей совокупности сохранившихся его частей.

Первая и едва ли не главная его черта, выясняющаяся при внимательном прочтении дневника,— возможность яснее представить себе идейные позиции и душевное состояние писателя в этот первый заграничный год.

Дневник этот — не только детальный отчет о каждом дне его жизни, но и летопись его суждений, высказанных им вскользь, по частным поводам, но в той обобщенной и почти всегда заостренной, драматизированной форме, какая свойственна его письмам. Записывая в дневник впечатления дня, А. Г. Достоевская чаще всего не в состоянии отличить собственное мнение от сказанного ей мужем. Голос его всегда звучит в оценках окружающей действительности, общественных, художественных, литературных явлений, разбросанных по страницам дневника.

В годы жизни за границей, особенно в первые из них, Достоевский весь день в непрестанной внутренней борьбе, в состоянии острой и непрекращающейся переоценки когда-то несомненных ценностей, тем более решительно теперь низвергаемых и отбрасываемых. В это время реализуется один из любимейших творческих замыслов Достоевского — создание образа «вполне прекрасного человека» в «Идиоте». Понятно поэтому то внимание, с каким всегда изучался этот идейный процесс, для которого европейские впечатления писателя и оторванность его на долгих четыре года от родины служили могучими катализаторами. Между тем это время в отличие от последующего десятилетия, последнего в жизни Достоевского, сравнительно бедно биографическими источниками.

Основными из них, помимо дневника, являются его письма. Писем этих, однако, очень мало, и за время жизни в Дрездене и Бадене, если не

---

[66] *Гроссман Л. П.* Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935. С. 166—176.
[67] Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 155—290.

считать писем к жене из Гомбурга, с рулетки, их практически нет (единичные письма к пасынку и вдове брата); за время жизни в Женеве сохранились три замечательных по богатству содержания письма к А. Н. Майкову и одно близкое к ним письмо к племяннице С. А. Ивановой. О внутренней жизни Достоевского в эти месяцы они рассказывают с удивительной откровенностью. Это, однако, обобщения — обобщения, проникнутые раздражением, как и все восприятие Достоевским окружающего в это время. Достоевский оказался за границей в момент, когда он менее всего был к этому расположен. Итогом его участия в идейной борьбе 1860-х годов, реализовавшегося в его «почвеннической» публицистической и журнальной деятельности, явился прежде всего разрыв не только с демократами, но и с либеральным «западничеством». Давно формировавшееся неприятие западной буржуазной цивилизации стало теперь одной из устойчивых черт мировоззрения писателя, подкрепляемой отточенной в журнальной полемике системой аргументации (напомним, например, написанные в 1863 г. строки о Франции из «Зимних заметок о летних впечатлениях» с их почти текстуальной близостью к письмам Достоевского из-за границы в конце 1860-х годов и к соответствующим местам в дневнике А. Г. Достоевской: «Что за порядок! Какое благоразумие, какие определенные и прочно установившиеся отношения, как все обеспечено и разлиновано, как все довольны, как все стараются уверить себя, что довольны и совершенно счастливы, и как все, наконец, до того достарались, что и действительно уверили себя, что довольны и совершенно счастливы, и... и... остановились на этом. Далее и дороги нет»[68]).

Отношение Достоевского к русской действительности было сложным и неоднозначным. Несомненно увлеченный идеей новых путей, открывшихся для России в результате реформ 1860-х годов, он жадно и сочувственно следил за теми процессами в русском обществе, которые казались ему признаками выхода русского народа на уготованный ему широкий путь. Иллюзии эти, однако, не заслоняли те, как будто лично его задевавшие, уродливые явления русской жизни, которые его верный и беспощадный взгляд художника с болью улавливал на каждом шагу. Чем дальше шло противоборство этих чувств и идей, чем решительнее порывал он с верованиями своей молодости, тем шире становилась пропасть между ним и западническими либеральными и демократическими течениями русской общественной мысли. Он видел перед собой как бы цельный, по его мнению — противостоящий благу России, лагерь «либералишек и прогрессистов» от родоначальника его Белинского до Чернышевского, воспринимая его как некое единство, демонстративно не желая различать общественные позиции Тургенева и Герцена. И в этом-то состоянии непрерывного внутреннего кипения, раздражительных и неудовлетворенных умственных расчетов с идейными противниками, по-прежнему пытающимися вывести Россию на уже разоблаченный в глазах Достоевского путь западного буржуазного развития, путь звучащего для него как бранное слово пресловутого «прогресса», он вынужден был долгие месяцы жить в Германии и Швейцарии, в гуще неприемлемого для него европейского мира 1860-х годов. Все вызывало гнев, и в глаза бросались прежде всего самые внешние и поэтому самые раздражающие черты — культ материального благополучия, особенно резко контрастировавшего с бедственным, почти

[68] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 68.

нищенским положением самого Достоевского, бездуховность благоустроенного и чистенького мещанства.

Все это, однако, персонифицировалось для Достоевского в том народе, среди которого он вынужден был жить,— сперва в немцах, потом в швейцарцах. И хотя на страницах дневника А. Г. Достоевской — этого эха суждений писателя,— как и на страницах его собственных писем из-за границы, мы поминутно сталкиваемся с резкими словами об «этих немцах», это не столько националистическая реакция, сколько отрицание чуждого ему мира, грозящего в ненавистном своем «прогрессе» поглотить и выровнять под свой ранжир дорогое писателю своеобразие русского мира и русского народа.

Страницы дрезденского и баденского дневника А. Г. Достоевской полны отраженным раздражением Достоевского тупостью, мещанством, самодовольством окружающих людей; даже природа и памятники старины, которыми так восхищается его жена, не вызывают в нем ответного отклика. В ее дневниковых записях ясно просвечивают хмурые сарказмы и реплики писателя: «О глупость, глупость немецкая!», «Вот немецкая честность!» и пр. Вот один из примеров: гуляя по Бадену, Достоевские прошли мимо памятника Шиллеру — большого валуна, на котором было выбито золотом: «Бессмертному Шиллеру город Баден». Но вот какими словами, несомненно принадлежащими Достоевскому, выражен отзыв о памятнике в дневнике: «Какие это хитрые немцы! Ну как им отстать от всех городов просвещенных, как не показать, что и они тоже интересуются и уважают гения, вот они и придумали тоже поставить Шиллеру памятник. Но чтобы избежать излишних издержек, они решили сделать это экономически. 〈...〉 Это очень хитрая выдумка, которая только и может быть выдумана немцами. И похвально, и экономически, и камень не мешает глазу...»[69]

Именно эта позиция Достоевского, уживавшаяся в нем с восхищением шедеврами западной живописи, музыки, архитектуры, с величайшим вниманием к европейской литературе, в том числе и к современной, особенно отчетливо отразилась в известной ссоре Достоевского с Тургеневым в Бадене, запечатленной и в дневнике А. Г. Достоевской.

Отзвуки тех же мыслей и чувств Достоевского находим мы и в расшифрованной теперь книжке дневника его жены, где описана жизнь их в Женеве в сентябре — декабре 1867 г. Общий тонус тот же, однако дневник этот во многом обогащает знания об этом, особенно важном для истории творчества писателя времени создания первых планов романа «Идиот».

Жизнь в Женеве была более однообразной, чем пребывание весной и летом в Дрездене и Бадене. Здесь не было того обилия достопримечательностей, которое так захватило А. Г. Достоевскую в Дрездене; не было и ежедневного нервного напряжения, взлетов и падений из-за рулетки, как в Бадене. Знакомства, и ранее крайне ограниченные, свелись к одному лишь Огареву; интенсивная работа Достоевского над романом определяла жесткий ежедневный режим, а бесконечная нужда в деньгах сковывала всякое стремление к новым впечатлениям и развлечениям. Но может быть, именно поэтому мелкие события жизни, выступая на первый план, открывают очень много в Достоевском этих месяцев.

Лейтмотив женевского периода тот же, что и в Германии,— отвращение Достоевского к «буржуазной жизни в этой подлой республике».

---

[69] Наст. изд., с. 270.

Оно — отражение не только отмеченной выше идейной борьбы, но и страха оторваться от русской действительности, заставлявшего его ежедневно прочитывать две русские газеты от начала до конца, страха тем большего, что уже очевидной стала невозможность скоро вернуться в Россию — без денег и надежды их получить, под угрозой долговой тюрьмы, в ожидании скорого рождения ребенка. Безыскусные, наивные записи А. Г. Достоевской демонстрируют эти позиции Достоевского во многих местах: в эпизоде знакомства с живущей в Женеве русской девочкой, бранящей свой пансион, где ей не позволяли говорить по-русски, в рассказе о русском крестьянине — английском матросе Спехине, в отзывах о пьянстве в Женеве, к которому будто бы сводится вся республиканская свобода, и многих других.

Еще яснее речь и мысль Достоевского в записях, касающихся русских, живущих за границей,— Тургенева, Гончарова, Огарева; вот что записывает А. Г. Достоевская об Огареве, не слышавшем еще, как выяснилось, о романе «Преступление и наказание»: «...русский, а не знает решительно русской литературы... Право, смешные люди, а еще издают русские книги, а литературы русской и действительности русской не знают»[70].

Самым крупным общественным событием этих месяцев, свидетелями которого были Достоевские, явился Конгресс Лиги мира и свободы, состоявшийся в Женеве в сентябре.

Задуманный республиканской, пацифистски настроенной интеллигенцией в условиях нараставшей опасности новой войны, провоцируемой претензиями империи Наполеона III на Люксембург, конгресс должен был явиться внушительной демонстрацией единения прогрессивных сил против милитаризма. Половинчатость и неопределенность его программы, однако, оттолкнули от него значительную часть активных общественных деятелей. В конгрессе — по различным, конечно, мотивам — не приняли участия ни Маркс (пытавшийся, впрочем, через Генсовет I Интернационала повлиять на программу конгресса), ни Герцен, презрительно называвший конгресс «писовкой» (от англ. слова peace — мир), ни Луи Блан, ни Гюго. Огарев, правда, счел нужным участвовать в конгрессе и его руководящих органах. Именно по его совету, как явствует из дневника, Достоевский пошел все-таки на одно из заседаний конгресса.

Еще до этого Достоевские вместе со всеми жителями Женевы приняли участие в торжественной встрече Гарибальди. На заседание же конгресса они отправились только на третий день, 11 сентября, после встречи с Огаревым, объяснившим Достоевскому, что вход на заседания свободен. Отчет об этом заседании, занесенный в дневник А. Г. Достоевской, служит очень важным конкретным комментарием к письмам Достоевского по этому поводу. Он вносит ясность и в весьма существенный момент творческой биографии Достоевского, неопровержимо доказывая, что Достоевский не мог слышать речь Бакунина на конгрессе и, таким образом, эта речь, произнесенная перед возбужденными тысячами людей, не послужила первым толчком для литературного воплощения личности Бакунина в образ Ставрогина, как это предполагалось некоторыми исследователями[71]. Главным документальным источником этого заблуждения послужило как раз ошибочное утверждение

---

[70] Наст. изд., с. 328.

[71] *Гроссман Л. П.* и *Полонский В.* Спор о Бакунине и Достоевском. Л., 1926; *Боровой А.*, *Отверженный Н.* Миф о Бакунине. М., 1925; *Гроссман Л. П.* Бакунин и Достоевский // Гроссман Л. П. Собр. соч. Т. 2, Вып. 2. М., 1928.

А. Г. Достоевской в «Воспоминаниях» о посещении ими второго заседания конгресса[72], тогда как они были на третьем.

Дрезденская и баденская части дневника дают очень мало собственно для истории творчества писателя. Причин этому несколько. Прежде всего — и это очень ясно демонстрирует дневник А. Г. Достоевской,— сам характер их отношений в эти первые месяцы совместной жизни находился еще в становлении; не только не было той будущей тесной близости, когда жена была первым слушателем и критиком его произведений, но и не было даже ясно, возникнет ли подобная близость когда-нибудь. Достоевский еще не принимал ее всерьез, видя в ней «много детского и двадцатилетнего». Так было в особенности в Дрездене. Совсем по-иному начали складываться отношения после того, как, пройдя вместе с мужем все круги ада на баденской рулетке, Анна Григорьевна показала редкую душевную стойкость и беспредельную преданность мужу. Поэтому и в дневнике проявления умственного общения возрастают по мере того, как идет время — в Женеве чаще, чем в Бадене. Уже в первом письме к Майкову из Женевы в августе 1867 г. Достоевский писал: «...Анна Григорьевна оказалась сильнее и глубже, чем я ее знал и рассчитывал, и во многих случаях была просто ангелом-хранителем моим» [73].

Во-вторых, весна и лето 1867 г., проведенные в Дрездене и Бадене, были временем если не творческой паузы, то лишь внутренней работы, медленного созревания того, что проявилось осенью, в Женеве, в многослойных планах романа «Идиот» («...Зато прочувствовалось и много кой-чего выдумалось»[74]). Вот что думал сам Достоевский об этих месяцах своей жизни: «Я было тотчас же хотел за работу и почувствовал, что положительно не работается, положительно не то впечатление. Что же я делал? Прозябал. Читал, кой-что писал, мучился от тоски, потом от жары»[75]. «Кой-что» — это была не дошедшая до нас статья «Знакомство мое с Белинским», начатая было в Дрездене, но настоящая работа над которой шла только в Женеве. Статья эта, как предположил А. С. Долинин, а за ним и другие исследователи, косвенно отразилась впоследствии в «Дневнике писателя» («Старые люди») — вероятно, в более устоявшейся и поэтому в менее резкой форме. А в то время, в 1867 г., работа над статьей о Белинском была важным, но вместе с тем и мучительным этапом в идейной и творческой жизни писателя. «...Эту растреклятую статью,— писал Достоевский в сентябре 1867 г.,— я написал, если все считать в сложности, раз пять и потом все опять перекрещивал и из написанного опять переделывал»[76]. Ни следа этих творческих мук мы не обнаружим в дрезденском и баденском дневнике А. Г. Достоевской: лишь беглое замечание о намерении начать диктовать статью. В женевской части дневника статья эта упоминается несколько раз; он дает представление и о том, как трудно шла эта работа, как наконец статья была продиктована Достоевским с намерением отправить ее на следующий день и как новая правка потребовала переписывания почти половины заново. Можно сделать и некоторые выводы относительно объема статьи, который А. Г. Достоевская впоследствии определяла различно: то 4 печатных листа, то 2. Судя по времени, ушедшему на диктовку

[72] *Достоевская А. Г.* Воспоминания, с. 168.
[73] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. II. С. 205.
[74] Там же.
[75] Там же.
[76] Там же. С. 216.

и исправления, статья вряд ли могла выйти за пределы двух листов[77]. Переписка Достоевского с Майковым по поводу этой статьи, где ясно выражена мысль о невозможности написать об этом предмете так, как хотелось бы писателю, о глубокой неудовлетворенности его своим произведением, полностью отвечает ощущению раздражения Достоевского, возникающему при чтении дневника, описанным в нем обстоятельствам окончания статьи, лихорадочного нетерпения, с каким он ее завершал, обвиняя помогавшую ему жену в медлительности. Все это совсем непохоже на безмятежный тон рассказа в «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской[78] и еще более — в черновых набросках к ним: «Он говорил мне, что рад был возможности открыто и независимо высказать свой взгляд на Белинского и на наше западничество, о чем давно мечтал»[79].

Для творческой истории «Идиота» дневник тоже дает сравнительно мало прямых свидетельств. Однако в нем драгоценен фон творческой работы Достоевского: впечатления этих месяцев, отразившиеся в романе, а первоначально зафиксированные в дневнике А. Г. Достоевской, темы его размышлений, смена его настроений и намерений, выясняющиеся из дневника так отчетливо, как ни из какого иного документа. Здесь важны и прямые указания на работу над романом («Он ужасно как тоскует, что роман у него не ладится, и он горюет, что не успеет послать его к январю месяцу»[80]), и развернутая запись рассказа Достоевского о прочитанном им газетном отчете, касающемся процесса Умецких,— запись, передающая его непосредственное впечатление, которое мы знали до сих пор лишь художественно трансформированным в планах романа, и, главное, возможность сопоставления хроники жизни Достоевского осенью 1867 г. с записными тетрадями к «Идиоту», содержащими много точных дат.

Ход работы Достоевского над романом, точнее, над первоначальными планами романа, от которых писатель впоследствии отказался (рукописи самого романа, как известно, не сохранились), был убедительно исследован в свое время первым издателем записных тетрадей к «Идиоту» П. Н. Сакулиным[81]. Вычленив материал к роману, содержащийся в трех рабочих тетрадях Достоевского, где он перемежается с записями к более ранним («Преступление и наказание») и более поздним («Вечный муж», повесть о капитане Картузове и др.) произведениям и замыслам, идя то в последовательности листов тетради, то от конца к началу, Сакулин, тщательно проследив хронологию датированных записей и развитие мысли автора, выделил в нем восемь сменяющих друг друга планов и один промежуточный[82]. Иные из них являются

---

[77] Сам Достоевский в письме к Майкову тоже говорит о двух листах.

[78] *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 159—160.

[79] РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 149—149 об.

[80] Наст. изд., с. 343.

[81] Из архива Ф. М. Достоевского. «Идиот». Неизданные материалы/Под ред. П. Н. Сакулина и Н. Ф. Бельчикова. М.; Л., 1931.— Глава «К творческой истории романа» из приложенного к изданию исследования П. Н. Сакулина «Работа Достоевского над „Идиотом“».

[82] В исследовании творческой истории «Идиота», сопровождающем новую публикацию романа и подготовительных материалов к нему (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 9), отмечая, что указанные Сакулиным границы отдельных планов неполностью вскрывают «авторское членение материала» и поэтому могут служить лишь основными условными ориентирами, И. А. Битюгова не предлагает иной классификации планов и в своем анализе опирается на принятую Сакулиным.

лишь тупиковыми ответвлениями предыдущих планов, другие развивают первоначальную идею личности Идиота — гордого, одинокого и озлобленного человека, часть черт которого проникла потом в образ Настасьи Филипповны,— и лишь к концу этих месяцев в набегающих друг на друга вариантах планов начинает пробиваться новый Идиот — исполненный духовного начала носитель нравственного идеала писателя. «Образ Мышкина уже обрисовался со всех существенных сторон»,— пишет П. Н. Сакулин о 8-м плане романа. По этому плану и приступил было Достоевский к писанию романа. Однако начатый в середине ноября роман примерно через две недели был брошен, лихорадочно переосмысливался в течение последующих двух недель[83], и затем, в конце декабря — начале января, был начат и написан окончательный текст первой части печатной редакции романа.

Достоевский редко датировал свои творческие записи систематически, однако и тех дат, какие оказались в его тетрадях к «Идиоту», достаточно, чтобы расставить хронологические вехи на пути создания планов романа. Так, по схеме П. Н. Сакулина, 1-й план начат 14 сентября, 2-й — 4/16 октября, в 3-м есть дата 17 октября, в 4-м — 18 и 22 октября, 5-й план составляется между 27 октября и 1 ноября, 6-й — 1—4 ноября, в 7-м есть дата 6 ноября и, наконец, 8-й план датирован 10 ноября[84].

Для того чтобы оценить возможности, открываемые дневником для исследования творческой истории «Идиота», мы попытались сопоставить эту хронологическую канву и сами рабочие тетради[85] с дневником А. Г. Достоевской, учитывая как прямые указания на работу писателя над романом (сравнительно редкие в дневнике), так и все косвенные свидетельства, которые можно извлечь из его текста. Рассмотрим результаты на примере работы Достоевского над первым планом романа.

Первый план романа находится в первой из его рабочих тетрадей к «Идиоту» на с. 26—32, 36—37. На с. 26 вверху стоит авторская дата «14 сентября 67 Женева». Она написана теми же желтоватыми чернилами, какими написан начинающийся внизу этой страницы текст. Между датой и текстом оставлено было довольно много места, куда позднее другими, более черными чернилами (такими, какими вписывался потом в тетрадь 2-й план) повторено: «14 сентября» и строкой ниже «22 октября»[86]. На основании этого П. Н. Сакулин датировал начало работы над 1-м планом 14 сентября, предполагая, что она продолжалась до 4 октября (дата начала второго плана). Отметив появление в первом плане фигуры Ольги Умецкой и подробно рассказав о процессе Умецких,

---

[83] «Я думал от 4-го до 18-го декабря нового стиля включительно. Средним числом, я думаю, выходило планов по шести (не менее) ежедневно. Голова моя обратилась в мельницу. Как я не помешался — не понимаю. Наконец 18-го декабря я сел писать новый роман, 5-го января (нового стиля) я отослал в редакцию 5 глав первой части...» — (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. II. С. 240). О причинах и сущности этого переосмысления романа см. указ. статью об «Идиоте» (Там же. Т. 9).

[84] По мнению П. Н. Сакулина, все даты в тетрадях — по старому стилю (*Сакулин П. Н.* Указ. соч. С. 195). Л. П. Гроссман относил лишь первую дату к старому стилю (*Гроссман Л. П.* Указ. соч. С. 173—181), И. А. Битюгова, напротив, относит все без исключения даты к новому стилю (Указ. соч. С. 338—339, 463). Дневник А. Г. Достоевской, где большая часть дат указана по обоим стилям, позволяет уточнить датировку отдельных планов и демонстрирует использование писателем в рабочих тетрадях и нового, и старого стиля.

[85] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 140—215; РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 5, 6. Следующая тетрадь с заметками к последующим частям романа, заполнявшаяся уже в 1868 г., нами, естественно, не рассматривалась.

[86] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 140; РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 5. С. 26.

он, однако, не сопоставил эти данные с датировкой плана и не уточнил тем самым хронологию работы над ним. Дневник вносит здесь некоторые коррективы.

Из дневника можно извлечь следующие сведения о творческой работе Достоевского в сентябре 1867 г.: 1 сентября он начинает диктовать жене статью о Белинском, продолжая эту работу 3 и 6 сентября[87], 7 сентября пишет статью целый день, жалуясь на ее трудность, вечером диктует дальше; то же повторяется 8 и 9 сентября; в ночь на 12 сентября — припадок; несмотря на это, утром Достоевский исправляет расшифрованную Анной Григорьевной стенограмму вчерашней вечерней диктовки; 13 сентября он весел, собирается отправлять статью, 14-го, однако, «занимался пересмотром своей статьи и очень много что вычеркнул или переменил»[88], предложив жене переписать не менее 20 страниц; работа над статьей тем не менее, продолжается, и утром 15-го оказывается, «что надо было даже переписать и больше»; напряженность и раздражение нарастают со дня на день, но 15-го все же удается отправить статью в Москву. Последующие два дня — 16-го и 17-го — Достоевские отдыхают: он пишет письма, затем они ходят по магазинам, гуляют; лишь 18-го числа А. Г. Достоевская уходит одна на прогулку — верный признак того, что муж ее снова начал работать. 19-го она записывает в дневнике: «Сегодня он начал программу своего нового романа; записывает он его в тетради, где было записано „Преступление и наказание". После обеда, когда Феди нет дома, я всегда прочитываю, что он такое записал...»[89]

Из последующих записей выясняется, что Достоевский мог продолжать эту работу лишь до 22 сентября: дни с 23-го по 25-е он провел в Саксон ле Бен на рулетке; вернувшись, перенес сильный припадок и практически был болен еще в течение двух дней. Примерно с 29 сентября он снова возобновляет работу. А. Г. Достоевская записывает 1 октября: «Нынче он каждый день что-нибудь да пишет, составляет план романа», 3 октября: «Нынче он пишет и вечером, все составляет план романа»[90]. 2 октября Достоевский излагает жене газетный отчет о деле Умецких (он мог, конечно, прочесть его и за несколько дней до этого).

Из сказанного можно сделать несколько выводов: прежде всего, дата «14 сентября 67», написанная вверху страницы с началом первого плана, вряд ли является реальной датой начала записи плана. Ею мог ограничиться текст, внесенный Достоевским в этот день в тетрадь, подобно тому как он обычно писал в своих рабочих тетрадях каллиграфическим почерком не связанные с текстом слова (см. в той же тетради, с. 24: Гарибальди, Петропавловск и т. д.); оставленное им под нею пустое пространство листа, куда позже были вписаны еще две строки с датами, лишь подтверждает это толкование. 14 сентября, в день поспешного завершения статьи о Белинском, Достоевский не мог начать работу над романом. Она была, вероятно, начата 18 сентября и замечена Анной Григорьевной 19-го. Указание на ежедневное прочтение ею черновых записей мужа заставляет относиться к ее датам с доверием.

На второй странице плана (с. 27) на полях у слов «озлобленная Миньона» приписано на полях: «Ольга Умецкая». Эта приписка более

---

[87] Именно это обстоятельство опровергает предположение И. А. Битюговой о начале работы Достоевского над «Идиотом» 14 сентября нового стиля (т. е. 2 сентября по-старому).

[88] Наст. изд., с. 268.

[89] Наст. изд., с. 275.

[90] Наст. изд., с. 294, 298.

поздняя, она сделана теми же чернилами, что и дополнительные даты на с. 26, и весь второй план. Но в самом тексте первого плана, всего лишь на четвертой его странице, есть фраза: «История Миньоны все равно, что история Ольги Умецкой» (с. 29), доказывающая, что эта, в сущности, начальная часть плана написана не раньше, чем Достоевскому стала известна эта история. Отчет о процессе Умецких был напечатан в газете «Москва» 23 и 24 сентября и перепечатан в «Голосе» 26—28 сентября. Если даже Достоевскому удалось прочесть более ранний отчет в «Москве», он не мог ознакомиться с ним ранее 28 сентября, когда, судя по дневнику, и начинается интенсивная ежедневная работа над планом, во всей ткани которого образ Миньоны — Ольги Умецкой занял столь большое место.

Таким образом, можно уточнить ход работы Достоевского над первым планом романа: работа начата 18-го или 19-го, в течение первых нескольких дней не вышла за пределы первых трех страниц текста[91], возобновлена после поездки в Саксон ле Бен и припадка; одним из толчков к развитию плана послужило дело Умецких, известие о котором совпадает с последними числами сентября — первыми числами октября, когда и был создан этот большой, развернутый план. Можно предположить даже, что первый набросок плана, сделанный до отъезда на рулетку, вообще занимал только две страницы (с. 26 и 27): слова «Зажигает дом» на с. 28 вряд ли попали сюда без связи с делом Ольги Умецкой — озлобленной истязаниями родителей девочки, как раз и обвинявшейся в поджогах их дома. Динамика творческого процесса приобретает в этом случае совершенно иной вид.

Проследим теперь по дневнику, на каком бытовом и психологическом фоне протекает работа над первым планом романа. Он дает для этого обильный материал. 19 сентября, начиная работать над планом, Достоевский беседует с женой «об Евангелии, о Христе», 20—21-го тревожится о ее здоровье, убеждает ее пойти к врачу, топит печь в холодной не по сезону комнате и «бывает очень утешен, если градусы хоть немного повысились», собирается ехать на рулетку. Переживания его в Саксон ле Бен, рассказанные Достоевским в письмах к жене[92], дополнены ее записью в дневнике от 25 сентября: «ужасно как мучился мыслью, что все проиграно и что теперь следует делать. У нас всего-навсего 17 франков, больше ничего нет, придется опять вещи закладывать...». Следуют тяжелый припадок с непроходящими головными болями и болью в сердце после него, письма к М. Н. Каткову и С. Д. Яновскому с унизительными просьбами о деньгах, рассказы жене о своем тяжелом прошлом. 27 сентября в поисках денег Достоевская оставляет свой адрес закладчику — Достоевский в отчаянии: «Как это нам стыдно, что вот придет к нам закладчик, что все об этом узнают, о, какой стыд, что мы афишированы и что теперь весь город будет знать, что мы закладываем свои вещи». В последующие дни обстановка нормализуется, Достоевский читает газеты, внимателен к жене и нежен, носит ей книги и беседует с ней о них, сочиняет вместе с ней шуточные стихи, пишет письма родным. Это совпадает с днями усиленной работы над первым планом.

Подобное аналитическое сопоставление рабочих тетрадей писателя с дневником его жены позволяет столь же точно датировать последующие переходы от одного плана к другому и внутреннюю хронологию каждого из них, углубляя одновременно наши представления о внешнем

[91] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 140—141.
[92] Там же, т. 28, кн. II, с. 222.

ходе жизни и душевном состоянии Достоевского в эти дни. Так, в частности, уточняется начало работы Достоевского над окончательной редакцией романа: в конце плана, следующего за забракованным 8-м (по схеме П. Н. Сакулина он назван «промежуточным»[93]), на с. 114 рабочей тетради написано: «Подробное расположение плана и вечером начать». Запись эта не датирована, а дневник А. Г. Достоевской позволяет отнести ее к 2/14 декабря, когда в нем сказано: «Федя весь день ходил и думал». Однако диктовка не могла начаться раньше чем через несколько дней, этому помешали сперва припадок и дурное самочувствие после него, а затем — 8 декабря — переезд на другую квартиру. 9/21 декабря в дневнике действительно обозначено: «Начал диктовать новый роман, старый брошен».

Возникают при этом интересные наблюдения над психологическими особенностями творческой работы Достоевского. Так, например, начало второго плана романа выглядит в рабочей тетради (с. 72—73) следующим образом: на развороте тетради с правой стороны каллиграфически выписано заглавие: «Второй план романа», ниже подзаголовок: «Постройка хронологическая», с левой стороны разворота — другой, столь же каллиграфический заголовок: «Примечания. Женева 4/16 Октяб. ко второму плану романа». Текст самого плана на правой полосе выписан тоже четко, старательно. Все предусмотрено: место для основного текста, место для примечаний и последующих вставок. В этот день явно принято решение начать совсем новую жизнь и решительно взяться за роман[94]. Но действительность вводит все в обычное русло — почерк в тексте плана быстро становится нервным и беглым, с помарками и вставками, а слева, на месте, заготовленном для примечаний, оказывается дневниковая запись о припадке 17 октября. Что же, со своей стороны, рассказывает дневник об этих днях? 4/16 октября Достоевский жалуется жене, что, «с тех пор как он на мне женился, у него ничего не удается, ни денег нет, ни роман не ладится», и, по-видимому, долго работает вечером. 17-го он чувствует себя больным, ночью происходит припадок, и лишь через несколько дней после него в тяжелом умственном и душевном настроении он возвращается к своим тетрадям. Как видим, два источника дополняют друг друга.

Любопытно, что рабочая тетрадь с записью о припадке дает дополнительное свидетельство о влиянии мыслей и слов Достоевского на текст записей Анны Григорьевны в дневнике. «Погода была точь-в-точь, когда в Петербурге от юго-западного ветру сходит иногда в феврале весь снег»,— записывает Достоевский приметы дня, когда случился припадок[95]. В тот же день в дневнике Достоевской: «День был сегодня такой, какой бывает у нас в великом посту, когда Нева расходится и когда льдины бывают желтого цвета, а ветер ужасно резкий, юго-западный».

Нет сомнения в том, что теперь творческая история романа «Идиот» не может изучаться без учета такого важнейшего источника, как женевская часть дневника А. Г. Достоевской.

Надо отметить, наконец, значение дневника как источника драгоценных подробностей о Достоевском в жизни, в восприятии им памятников старины и искусства, музыки, в чтении любимых книг — тех книг, к которым он считал необходимым приобщить свою молоденькую жену,

---

[93] Из архива Ф. М. Достоевского. «Идиот». С. 244—249.
[94] РГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 5; Из архива Достоевского. «Идиот». С. 22—23.
[95] Там же. С. 175.

о Достоевском в борьбе с вновь охватившей его страстью к игре и еще более — с болезненной и фантастической идеей внезапного обогащения и раскрепощения от запутавших его жизнь денежных обязательств.

Дневник дает немало сведений о чтении Достоевского осенью и зимой 1867 г.: в пересказе его жены на первый план выступают те из газетных корреспонденций, которые больше всего заинтересовали писателя — по личным ли причинам — например, предполагаемая отмена долговых тюрем, потому ли, что они поразили его творческое воображение, как дело Умецких, или, наконец, задевали его общественное сознание — например, интерес Достоевского к деятельности суда присяжных. Не менее важны, разумеется, и указания о литературе, которую читал Достоевский: от «Былого и дум» Герцена до протоколов процесса об убийстве герцогини Шуазель; быстрота его чтения; замечания его по поводу прочитанных книг.

Особое направление сведений, черпаемых из дневника, составляет литературное воспитание Достоевским своей юной жены: Бальзак, Жорж Санд, Флобер, Диккенс, Купер и Вальтер Скотт — вот круг авторов, избираемых последовательно Достоевским для приобщения жены к мировой литературе. «К стыду моему,— пишет она в первой женевской записи,— я должна признаться, что я не читала ни одного романа Бальзака, да и вообще очень мало знакома с французской литературой. Вот теперь-то я и думаю на свободе, когда у меня нет никаких дел, приняться за чтение лучших французских писателей, особенно под руководством Феди, который, конечно, сумеет выбрать мне самое лучшее, и именно то, что стоит читать, чтобы не терять времени на чтение совершенно пустых вещей». Если уже здесь ясно проступает назидательный тон самого писателя, то еще более очевиден он в многочисленных заметках Анны Григорьевны об отдельных книгах — заметках, расширяющих представление прежде всего не о ее вкусах, а о литературных воззрениях Достоевского.

Впечатления Достоевского от посещения художественных галерей в Дрездене и Базеле, пристрастие его к некоторым картинам («Сикстинская мадонна» Рафаэля, «Мадонна» и «Мертвый Христос» Гольбейна), сыгравшее такую важную роль в романе «Идиот», давно привлекали внимание исследователей. Менее известны музыкальные вкусы писателя, для изучения которых дневник дает достаточно данных.

Огромное место в дневнике занимают семейная и бытовая сторона жизни Достоевских за границей, непрестанная нужда в деньгах, трудный характер Достоевского, к которому еще не вполне приспособилась его жена, взаимные недовольства А. Г. Достоевской и оставшихся в Петербурге родных Достоевского. Эта часть записей, вносящая лишь некоторые новые штрихи в биографию Достоевского, дает необыкновенно много для понимания личности его жены, ее интересов, формирования ее характера и мышления. Мы видим, как стойко и жизнерадостно переносит она трудности, как глубоко предана мужу, как настойчиво строит она семейные отношения в соответствии со своими о них представлениями; но мы видим также, как далека еще она в этот период от духовной жизни мужа, как зыбки подчас ее нравственные понятия, какими недозволенными приемами она пользуется, чтобы изменить отношение мужа к его семье. Простодушно записывает она в дневнике о том, что читает тайком письма и рукописи Достоевского: «Сказать же об этом, что я читаю, было бы ужасно как глупо, потому что тогда бы он стал непременно прятать от меня все написанное. Вообще он не любит, чтобы смотрели

то, что написал еще начерно, да, я думаю, никакой человек не любит, а поэтому говорить не для чего».

Стенографическая форма дневника позволяла А. Г. Достоевской с полной откровенностью заносить в него все детали своих отношений с мужем: свои обиды на него, отчасти вызванные непониманием происходящего; ссоры с их причинами и внешними поводами, свои все более успешные попытки приспособиться к сложному и тяжелому внутреннему миру и поведению Достоевского. Это делает ее дневник исключительным по достоверности документом.

Нельзя, наконец, не отметить еще один аспект: общий тон дневника, несмотря на все трудности и горькие минуты,— счастливый и светлый; растущая привязанность и вера друг в друга, подтрунивание над своей бедностью и неудачами, веселые прозвища, шутки создают этот тон, крепнущий со временем. На страницах дневника сохранились каламбуры Достоевского и даже часть сценки в стихах «Абракадабра».

Читатель дневника — как будто свидетель процесса приспособления этих двух столь разных людей друг к другу, и, что самое важное, мы видим не только то, как преодолевает молодая женщина известную рефлексию по отношению к сложной, во многом чуждой и далеко не вполне понятной ей личности мужа, но и динамику его отношения к жене, приведшую к той исключительной близости, какой отмечена их дальнейшая жизнь.

Есть в дневнике А. Г. Достоевской еще одна, особая и очень важная часть. Все, знакомые с «Воспоминаниями», хорошо помнят известные страницы, посвященные ее первым встречам с Достоевским, истории их любви и свадьбы. Нет ничего удивительного в том, что мемуаристке были очень памятны эти дни, изменившие всю ее судьбу. И тем не менее при чтении этих страниц всегда трудно было отказаться от мысли, что они написаны по каким-то прежним записям: иначе не могли быть восстановлены через сорок лет все эти мельчайшие детали. Однако такие записи не были известны. Теперь они перед нами: осенью 1867 г. А. Г. Достоевская день за днем, в годовщины соответствующих дней предшествующего года, записывала в стенографическом дневнике драгоценные для нее и совсем еще живые воспоминания о том, что происходило тогда. Обнаруживается, что часть этих записей перенесена в «Воспоминания» почти дословно, с самой незначительной редакционной правкой, с некоторой лишь перестановкой последовательности фактов и диалогов. Но в ряде мест обобщение событий привело к тому, что опущенными оказались некоторые любопытные детали. Так, рассказывая в «Воспоминаниях» о своем первом знакомстве с друзьями и родными Достоевского, А. Г. Достоевская из друзей упоминает лишь А. Н. Майкова; в дневнике же появляются и А. П. Милюков, и И. Г. Долгомостьев, по словам Достоевского — «человек чувствительности удивительной, но несколько ленивый»; при этом выясняется, что «тот предлагает ему 〈Достоевскому〉 изда〈ва〉ть религиозный журнал, но что они никак не могут согласиться в главных условиях».

Существенной смысловой правке подвергла А. Г. Достоевская записанные ею в дневнике и перенесенные впоследствии в «Воспоминания» беседы ее с Достоевским в период их знакомства: о разных писателях, о его семье и прежней жизни. Для уяснения характера правки достаточно сравнить отзывы о Тургеневе и Некрасове в дневнике и в «Воспоминаниях». О Тургеневе (по дневнику) Достоевский говорил, что «тот живет за границей и решительно забыл Россию и русскую жизнь».

Отзыв в «Воспоминаниях» довольно близок к этому тексту: «О Тургеневе отзывался как о первостепенном таланте. Жалел лишь, что он, живя долго за границей, стал меньше понимать Россию и русских людей»[96]. Отзыв о Некрасове в дневнике звучит так: «Некрасова он прямо называл шулером, игроком страшным, человеком, который толкует о страданиях человечества, а сам катается в колясках на рысаках»; в «Воспоминаниях»: «Некрасова Федор Михайлович считал другом своей юности и высоко ставил его поэтический дар»[97].

Трансформируя пространные записи 1867 г. в компактную форму позднейших воспоминаний, А. Г. Достоевская сократила рассказы Достоевского о своем прошлом, опуская то, что, с ее точки зрения, могло бы его компрометировать: подробности семейных отношений, поездки на рулетку в Гомбург и т. п. Исчезли при этом такие, например, высказывания писателя: «...бранил он Петра Великого, которого просто считал своим врагом, и теперь винил его в том, что он ввел иностранные обычаи и истребил народность». При переделке вкрались отдельные ошибки в деталях: так, в дневнике в рассказе Достоевского о казни петрашевцев правильно указано его место среди осужденных, во втором ряду; в «Воспоминаниях» — в третьем. И конечно, в «Воспоминаниях» совершенно исчезла та искренность, с которой А. Г. Достоевская передала в дневнике смутные, тяжелые чувства, вызванные у нее Достоевским при первом знакомстве, и процесс их постепенного преодоления.

Следует сказать, что источник «Воспоминаний» мог быть обнаружен и раньше: в черновых набросках к «Воспоминаниям» А. Г. Достоевская, рассказывая о первом знакомстве с писателем: «С того времени прошло почти полвека, но все подробности этого дня так ясны в моей памяти, как будто произошли месяц назад», сделала зачеркнутую ею впоследствии сноску: «Большим подспорьем для моей памяти была моя стенографическая запись через год после всех событий»[98].

Эта часть дневника дает и ряд дополнительных деталей, позволяющих понять приемы переработки первоначальных дневниковых записей в текст «Воспоминаний». В дневнике рассказано, например, как А. Г. Сниткина 31 октября 1866 г. последний раз пришла к Достоевскому в связи с работой над «Игроком»: «Я нарочно, не знаю почему,— кажется, что шла на именины, надела свое лиловое шелковое платье, так что была очень недурна в этот день, и он нашел, что ко мне цвет платья удивительно как идет, это случилось в первый раз, что он видел меня не в черном платье»[99]. Предыдущее посещение ею Достоевского накануне, в день его рождения, описано ею отдельно. В первоначальном тексте воспоминаний вместо предположительного объяснения именинами намечен иной вариант: «Я предполагала поздравить одну даму с счастливым событием в семье, а потому надела лиловое в полоску шелковое платье...»[100] Фраза эта затем зачеркнута, время действия перенесено на день назад, и появилась редакция, почти совпадающая с печатным текстом «Воспоминаний»: «Я знала, что 30 октября — день рождения Федора Михайловича, а потому решила заменить мое обычное черное суконное платье лиловым шелковым»[101].

[96] *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 60.
[97] Там же.
[98] РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 47.
[99] Наст. изд., с. 364.
[100] РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 147, л. 35 об.—36.
[101] Ср.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 67.

Есть в этих «воспоминаниях в дневнике» и рассказы А. Г. Достоевской о своей юности, родных и знакомых семьи, вечерах в доме ее родных, Сниткиных, о студентах, ухаживавших за ней до знакомства ее с Достоевским. Этот возврат к прошлому значительно расширяет наше представление о ее окружении, сообщает те необходимые биографические данные, которые А. Г. Достоевская решительно устранила из окончательного текста «Воспоминаний», желая рассказать в них о себе лишь в той степени, какая важна для жизни ее, связанной с великим писателем.

Удивительное и захватывающее свойство тех дневников, авторы которых писали их поистине для самих себя, без самой даже потаенной мысли о возможном другом читателе — эффект присутствия читателя при событиях прошлого,— особенно присуще дневникам А. Г. Достоевской с их стенографической, зашифрованной формой. К ним всегда будут обращаться и исследователи литературы, с их пристальным вниманием к каждому факту жизни и творчества Достоевского, и всякий, кто захочет подойти ближе к его духовному миру и жизненному пути.

* * *

Подлинные стенографические книжки дневника А. Г. Достоевской (первая и третья; вторая, как указывалось, не сохранилась) хранятся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (теперь — Российской государственной библиотеки, Ф. 93. Разд. III, 5. 15а и б). Это небольшие записные книжки в коленкоровых переплетах, исписанные стенографически карандашом. Стенографически записан в них лишь русский текст, все слова на других языках, за редкими исключениями, переданы обычным письмом. Расшифровка Ц. М. Пошеманской хранится здесь же (5.15в и г).

Несмотря на то что записи в дневнике ежедневные, сам текст его обнаруживает во многих местах несинхронность этих записей помеченным на них датам: иногда рядом с каким-то фактом сразу фиксируются его последствия (рассказано о покупке шляпы Достоевскому и сразу же о его реакции на эту покупку в течение нескольких дней; высказаны предположения о содержании еще не полученного письма Э. Ф. Достоевской и сразу же: «что и оправдалось потом по письму»); очевидно, что А. Г. Достоевская записывала иногда события данного дня на следующий день или спустя несколько дней.

В последней части третьей книжки дневника — примерно с середины ноября по старому стилю — характер записей резко меняется; теперь каждый день отмечен лишь двумя-тремя строками, и значительное хронологическое несовпадение записи с описываемыми событиями уже вполне откровенно: «Вечером начали диктовать; но надо сказать, что все, продиктованное на этой квартире, было потом забраковано и брошено» (запись, датируемая 1 дек./19 ноября); в рассказе о поисках новой квартиры: «Потом, когда мы уж прожили несколько месяцев, те самые квартиры, что мы смотрели, все еще оставались пустыми» (запись, датируемая 3/15 декабря), при этом сообщается, что квартира, из которой они выехали, «стояла пустая без малого 4 месяца»,— этот текст дает даже временную границу реальной даты этой записи. Все это позволяет предположить, что дневник был оставлен Анной Григорьевной с момента, когда Достоевский начал диктовать ей роман —

сперва забракованную, а затем настоящую редакцию. Последовавшее во время этой работы рождение ребенка также не могло дать ей досуга для дневника. Эта последняя часть записывалась ретроспективно и оттого так кратко — вернее всего, уже в Веве, где Достоевские провели лето после смерти дочери. Таким образом, четвертая книжка дневника, если она существовала, действительно должна была довести срок его ведения до года или полутора. Для творческой истории «Идиота» она имела бы еще большее значение.

В пользу высказанного предположения говорят и тексты, помещенные в третьей книжке после конца дневника: запись расходов, басня «Дым и комок» с датой «12 июля 68, Vevey», «Абракадабра» и записи других стихов и шуток Достоевского, еще более поздние.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании впервые печатается полностью на русском языке дневник А. Г. Достоевской в совокупности всех сохранившихся частей: первая и третья книжки — в расшифровке Ц. М. Пошеманской, точно воспроизводящей стенографический оригинал, вторая книжка — по расшифровке-автографу А. Г. Достоевской, хранящейся в РГАЛИ.

Разночтения стенографического оригинала первой книжки с позднейшей авторской редакцией ее переданы следующим образом: слова и фразы, вычеркнутые А. Г. Достоевской при редактировании, заключены в двойные угловые скобки (《 》); замена текста другой редакцией и позднейшие вставки в первоначальный текст даны в подстрочных примечаниях (цифры с звездочкой).

Подстрочные примечания самой А. Г. Достоевской, сделанные ею при расшифровке, воспроизведены с указанием ее авторства. Везде отмечены вырезанные ею в оригинале строки и те зачеркнутые места, которые не удалось прочесть.

На слова или группы слов, не расшифрованные Ц. М. Пошеманской (отчасти вследствие того, что нижняя часть многих страниц третьей книжки залита клеем), указано в тексте в угловых скобках. Предположительные чтения заключены в квадратные скобки и выделены разрядкой; возможные варианты их приведены под строкой; чтения, предложенные нами для связи текста, помещены в квадратных скобках с вопросительным знаком. Слова, явно пропущенные или не дописанные автором, дописаны в угловых скобках. Подчеркивания автора переданы курсивом.

Непоследовательность датировки записей, характерная для подлинника (то по одному стилю, то по обоим с вариациями в последовательности стилей), сохранена без изменений.

КНИЖКА ПЕРВАЯ

1 *Нас провожали мои родные...* Вероятно, мать А. Г. Достоевской Анна Николаевна Сниткина (урожд. Мильтопеус, 1812—1893), сестра Мария Григорьевна Сватковская (1841—1872) и ее муж Павел Григорьевич Сватковский, цензор Петербургского цензурного комитета; может быть, и брат Иван Григорьевич Сниткин (1849—1887), если он был в это время в Петербурге: в те годы он учился в Петровской земледельческой академии в Москве.

2 *Милюковы* — Александр Петрович Милюков (1817—1897) — педагог, писатель, приятель Достоевского; его дочери Ольга Александровна (1850—1910) и Людмила Александровна (ум. 1901).

3 *Эмилия Федоровна с Катей...* Э. Ф. Достоевская (урожд. Дитмар, 1822—1879) — вдова брата писателя, М. М. Достоевского; ее дочь Екатерина Михайловна (1855—1932), впоследствии жена известного врача и общественного деятеля, редактора журнала «Врач» Вячеслава Авксентьевича Манасеина (1841—1901).

4 *У ворот гостиницы нас остановил Барсов, знакомый Федора Михайловича.* — Барсов — не Елпидифор Васильевич, как полагал первый издатель «Дневника» А. Г. Достоевской Н. Ф. Бельчиков, а Николай Павлович (1839—1889) — историк, проф. Варшавского университета, в 1864—1869 гг. — учитель в Виленском учебном округе (в 1868 г. — в Мозырской гимназии). Знакомство его с Достоевским связано с сотрудничеством Барсова в журнале «Время», где он поместил перевод статьи Гервинуса «Основные черты исторической науки».

5 *Гостиницу, которую нам рекомендовал Яновский...* — Степан Дмитриевич Яновский (1817—1897) — врач, военно-медицинский инспектор Московского военного округа, муж артистки А. И. Шуберт, приятель Достоевского. А. Г. Достоевская познакомилась с ним во время поездки в Москву в марте 1867 г. (см. письмо Яновского к ней от 22 февр./5 марта 1884 г. — Ф. М. Достоевский. Сб. 2. С. 389).

6 *Федя... привел меня к Мадонне Гольбейна.* — Речь идет о картине Ганса Гольбейна Младшего «Мадонна с семьей бюргермейстера Якоба Мейера», копия с которой кисти

Бартоломеуса Сарбурга, хранившаяся в Дрезденской галерее, долго считалась подлинником (Дрезденская картинная галерея. Старые мастера. Дрезден, 1967. С. 45).

7 *Мы пошли на Брюллеву террасу...*— Правильнее было бы: Брюлева терраса (Brühlsche). На ней два кафе: «Café Reale» и «Belvedere».

8 *По словам Майкова...*— Аполлон Николаевич Майков (1821—1897) — поэт, друг Достоевского.

9 *Есть «Полярная звезда», две книги...*— Это первая из ряда последующих записей «Дневника», где отмечено чтение Достоевским Герцена и его изданий. К сожалению, в «Дневнике» нет никаких свидетельств о восприятии Достоевским «Былого и дум», «Полярной звезды» и «Колокола»; косвенно оно отразилось в его известном письме к А. Н. Майкову от 16/28 августа 1867 г., где среди огулом осужденных «всех этих либералишек и прогрессистов» от Тургенева до Чернышевского назван и Герцен. «На что они надеются и кто за ними пойдет?» — пишет Достоевский (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 210).

В «Дневнике» кроме покупки частей «Былого и дум» и «Полярной звезды» отмечено также приобретение «Колокола» и «Голосов из России» (см. с. 62). Достоевский брал эти издания и в библиотеках.

10 *Останавливались только перед картиной Тициана «Спаситель».*— Картина Тициана «Динарий кесаря».

11 *В другой зале была картина Caracci — Спаситель в молодых летах.*— Картина А. Караччи «Голова молодого Христа».

12 *Wouvermann... Watteau... Мадонна безо всякого смирения (таково мое мнение).— Воуверман Филипп* (1619—1668) — голландский живописец, изображавший преимущественно батальные сцены и кавалькады. В Дрезденской галерее более 60 его картин. *Ватто Жан Антуан* (1684—1721) — французский живописец, в картинах его и его школы особое место занимает костюм. Замечание А. Г. Достоевской: «(таково мое мнение)» — как будто указывает на разногласия между нею и Достоевским в оценке картины. В романе «Идиот» он, как известно, упоминает эту картину как некий сложный художественный образ. «У вас, Александра Ивановна,— говорит в романе князь,— лицо тоже прекрасное и очень милое, но, может быть, у вас есть какая-нибудь тайная грусть? ⟨...⟩ У вас какой-то особый оттенок в лице, похоже как у Гольбейновой Мадонны в Дрездене» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 65). А в материалах к роману образ Гольбейновой Мадонны — это образ чистого прекрасного существа: «Она тиха как Гольбейнова Мадонна» (Там же. Т. 9. С. 189); «А моя Мадонна Гольбейнова — как она чиста, как прекрасна» (Там же. С. 192).

Существует, однако, иное (правда, далеко не столь достоверное) свидетельство об отношении Достоевского к «Мадонне» Гольбейна. Б. П. Брюллов, сын художника П. А. Брюллова, так передает рассказ отца о беседе с Достоевским на эту тему: «У греков вся сила их представления божества в прекрасном человеке выразилась в Венере Милосской, итальянцы представили истинную богоматерь — Сикстинскую Мадонну, а Мадонна лучшего немецкого художника Гольбейна? Разве это Мадонна? Булочница! Мещанка! Ничего больше...» (*Брюллов Б. П.* Встреча с Достоевским // Начала. 1922. № 2. С. 264).

Из картин Клода Лоррена имеются в виду «Морской пейзаж с Ацисом и Галатеей» и «Пейзаж с бегством в Египет».

13 *Федя видел «Waterloo», но не купил.*— Вероятно, книга Шарраса о Ватерлоо (см. примеч. 8 к 2-й книжке).

14 Отец А. Г. Достоевской *Григорий Иванович Сниткин* (1799—1866) — чиновник. В «Воспоминаниях» А. Г. Достоевская сообщает лишь, что он служил «в одном из магистратов или департаментов» (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 40). Трудно предположить, чтобы А. Г. Достоевская, с ее ясным умом и широкой осведомленностью в делах семьи, не знала точно места службы и чина отца. Вероятно, место это было не столь завидное, чтобы указать его точно. Предположение это подтверждается формулярным списком ее брата И. Г. Сниткина, где сказано: «сын придворного служителя» (*Гроссман Л. П.* Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935. С. 160; далее: Жизнь и труды).

15 *В этой книжной лавке попались нам «Записки Дениса Васильевича Давыдова».— Д. В. Давыдов* (1784—1839) — поэт, партизан, участник Отечественной войны 1812 г. Вероятно, Достоевский купил книгу: Записки Д. В. Давыдова, в России цензурой не допущенные. Лондон; Брюссель, 1863.

16 *Ландшафты Рюисдаля... Лучшее, что мне понравилось, было письмо.*— Картины Якоба Рейсдала «Охота», «Монастырь», «Еврейское кладбище»; картина В. Вайанта «Доска с письмами за красной лентой».

17 *Письма от Паши и мамы...— Павел Александрович Исаев* (1846—1900) — пасынок Достоевского, сын его первой жены Марии Дмитриевны от ее первого брака с А. И. Исаевым.

18 *Несколько аллеек, которые идут вверх и доходят до Zwinger'a.*— Цвингер — дворец XVIII в. в стиле барокко, где размещена Дрезденская галерея.

19 *Пришли в Neustadt, на другую половину города.*— В Дрездене часть города, расположенная на правом берегу Эльбы, называется Neustadt, на левом — Altstadt.

[20] *Мы проходили мимо Palais im Japan...*— Дворец в японском стиле нач. XVIII в., где размещены коллекции скульптур (Antikencabinet), фарфора (Porzellansammlung), нумизматики (Münzcabinet) и библиотека.

[21] *В доме этом жил немецкий поэт Körner.*— Христиан Готфрид Кернер (1756—1831) — немецкий писатель, друг Шиллера.

[22] *Первая фигура из «Дон-Жуана»...*— «Дон-Жуан» — опера Моцарта.

[23] *...вернулась домой, чтобы прочитать письмо, которое я нашла в кармане Феди.*— Речь идет о письме писательницы Аполлинарии Прокофьевны Сусловой (1839 или 1840—1917 или 1918), с которой Достоевский был близок в годы, предшествовавшие его второму браку. Письмо это неизвестно. Достоевский получил его еще в Петербурге, перед самым отъездом за границу, следовательно, в первой половине апреля 1867 г. Ответом на него было письмо Достоевского из Дрездена от 23 апр. / 5 мая 1867 г., в котором он извещал ее о своей женитьбе (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 182). Об отношениях Достоевского с Сусловой см.: *Суслова А. П.* Годы близости с Достоевским. М., 1928; *Долинин А. С.* Достоевский и Суслова // Ф. М. Достоевский. Сб. 2. С. 153—283.

[24] *Мы выбрали «Полярную Звезду» за 55-й и 61-й годы.*— Нельзя не отметить настойчивость, с которой Достоевский искал «Полярную звезду» за 1855 год, купленную им наконец в этот день. Она, скорее всего, объясняется предстоявшей Достоевскому работой над статьей «Знакомство мое с Белинским»: в этом выпуске «Полярной звезды» была опубликована переписка Белинского с Гоголем и главы из «Былого и дум», тоже касавшиеся Белинского.

Мысли, возникшие у Достоевского при чтении «Полярной звезды», улавливаются в романе «Идиот». Нет сомнения, в частности, что весь диалог в сцене спора на даче у Лебедева (IV глава III части) мог быть написан только с «Полярной звездой» в руках или с выписками из нее — так много в нем почти дословных цитат из опубликованной в альманахе переписки Герцена с Печериным. Сравните, например, слова Лебедева: «„Слишком шумно и промышленно становится в человечестве, мало спокойствия духовного“,— жалуется один удалившийся мыслитель. „Пусть, но стук телег, подвозящих хлеб голодному человечеству, может быть, лучше спокойствия духовного“,— отвечает тому победительно другой, разъезжающий повсеместно мыслитель, и уходит от него с тщеславием» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 311—312) — с соответствующими местами из писем Печерина и Герцена («Полярная звезда» на 1861 г. Факс. изд. М., 1968. С. 268, 269, 271). Здесь явственно проступает прямая реакция Достоевского на близкий ему предмет разногласий между ними (см. об этом: *Дороватовская-Любимова В. С.* Достоевский и шестидесятники // Достоевский. М., 1928. С. 27—33).

[25] *Это письмо Lieutenant D⟨ostoiewsky⟩.*— Обращение к Достоевскому «Herr Lieutenant» соответствует его чину по документам: отставной поручик.

[26] *Мы прошли Dohna-Schlag.*— Правильно: Donaischer Schlag.

[27] *Церковь бывает отперта по воскресеньям и по праздникам...*— До 1874 г. в Дрездене не было настоящей православной церкви; функционировавшая домовая приходская церковь размещалась в наемной вилле на Бейстштрассе (Beuststrasse). Священник — Николай Петрович Юхновский (см.: Братский ежегодник. Православные церкви и русские учреждения за границей. Пг., 1906. С. 110).

[28] *...пойду к Zeibig'у...— Проф. Цайбиг* — вице-президент кружка стенографов, последователей системы Габельсбергера, по которой училась стенографии и А. Г. Достоевская. *Павел Матвеевич Ольхин* — автор «Руководства к русской стенографии по началам Габельсбергера» (СПб., 1866), учитель А. Г. Достоевской.

[29] *Музыки ⟨...⟩ не было, по случаю смерти лейтенанта Каменского...*— Каменский (здесь ошибочно — лейтенант, далее — см. с. 26 — генерал) — генерал-майор, командир 10-й пехотной бригады III армейского корпуса прусской армии, после австро-прусской войны 1866 г. командовал общим гарнизоном прусско-саксонских войск, оставленным в Дрездене по мирному трактату между Пруссией и Саксонией 21 окт. 1866 г.

[30] *...Он предполагает послезавтра ехать...*— В Гомбург, куда Достоевский вскоре поехал на рулетку.

[31] *С большим удовольствием прочла очерк «Княгиня...».*— Работа Герцена «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова» была напечатана в «Полярной звезде» (1857. Кн. III. С. 207—276). Следующая фраза дневника — цитата из этой работы (см.: *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 12. М., 1957. С. 422).

[32] *Какой-то «Дневник девочки», «Бедные дворяне» Потехина...*— «Бедные дворяне» — популярный в то время роман Алексея Антиповича Потехина (1829—1908). «Дневник девочки» — книга детской писательницы Софьи Михайловны Буткевич (псевд. Буташевская), напечатанная при помощи И. С. Тургенева, с его предисловием, в типографии Н. А. Серно-Соловьевича (СПб., 1862; см.: Лит. наследство. М., 1964. Т. 73, кн. 2. С. 297).

[33] *...Себе взяла «Мизерабль».*— Роман В. Гюго «Отверженные» («Les miserables»).

[34] *...его здесь за долги посадят в тюрьму.*— В письме к А. Н. Майкову, разъясняя причины своего отъезда за границу, Достоевский писал: «Кредиторы ждать больше не могли,

и в то время, как я выезжал, уже было подано ко взысканию Латкиным и потом Печаткиным — немного меня не захватили» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 204). Как известно, причиной острейшей материальной нужды Достоевского во второй половине 1860-х годов были принятые им на себя после смерти брата М. М. Достоевского долги по журналам «Время» и «Эпоха».

«Ах, голубчик,— читаем мы в том же письме к Майкову,— тяжело, слишком тяжело было взять на себя эту заносчивую мысль, три года назад, что я заплачу все эти долги и сдуру дать все эти векселя! Где взять здоровья и энергии для этого!» (Там же. С. 213).

Идея о возможности взыскания долгов и во время пребывания за границей, преследовавшая Достоевского, отразилась и в его письмах (см., например, в письме к П. А. Исаеву от 22/10 окт. 1867 г.: «Я, милый мой, боюсь кредиторов. Заграница от них не спасает».— Там же. С. 228), и в создававшихся в эти же дни первых планах «Идиота» («На вопрос Красавца: неужели и за границей можно, дядя отвечает: еще бы!» — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 142).

35 *...письмо, где меня называют Брылкиной...*— Ни это письмо Сусловой, ни ответ Достоевского (если он был) до нас не дошли. «Дневник» А. Г. Достоевской — единственное свидетельство об этом эпизоде, особенно важен рассказ ее (см. с. 57) о реакции Достоевского на полученное им письмо.

А. Г. Достоевская неверно истолковала и содержание письма, и факт его отправки из Дрездена, вообразив, что Суслова находится в одном городе с ними. В это время, как выясняется в дальнейшем из самого «Дневника» и известно по другим источникам, Суслова находилась в Москве, и письмо, вероятно, просто было отправлено с оказией. Фамилия Брылкина, встретившаяся в письме Сусловой, вовсе не насмешка над девичьей фамилией А. Г. Достоевской, как ей показалось: это реальная девичья фамилия приятельницы Сусловой Е. Н. Глобиной, о встрече с которой в Петербурге Достоевский упоминал в письме к Сусловой 23 апр./5 мая 1867 г. (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 183).

36 *...письмо... от Прасковьи.*— *Прасковья* — см. примеч. А. Г. Достоевской к записи от 29 мая/10 июня 1867 г. (с. 76).

37 *...разговаривали с ней о прошлогодней войне между пруссаками и саксонцами.*— В австро-прусской войне 1866 г. на стороне Австрии сражались войска ряда немецких государств, в частности Саксонии, занятой пруссаками в течение двух дней. Результатом войны было образование Северо-Германского союза во главе с Пруссией и фактическая потеря Саксонией и другими германскими княжествами к северу от Майна самостоятельного государственного статуса.

38 *...какого-то певца Wachtel...*— *Вахтель Теодор (Wachtel*, 1823—1893) — известный певец-тенор.

39 *...решили идти на «Wilhelm Tell».*— «Вильгельм Телль» — опера Д. Россини.

40 *...я взяла... первую часть романа Крестовской.*— Имеется в виду писательница *Н. Д. Хвощинская* (в замуж. *Зайончковская*, 1825—1889), писавшая под псевдонимом В. Крестовский (а не Крестовская, как ее называет А. Г. Достоевская).

41 *...дошла до Baunitzstrasse...*— Правильно: Bautzenerstrasse; есть также Bautzenerplatz.

42 *...сегодня дают «Африканку».*— «Африканка» — опера Д. Мейербера.

43 *...В Blazewitz, где есть летний домик Sch⟨iller⟩...*— Домик Шиллера находится не в Блазевице, а в городке Лошвиц (см. ниже), на противоположном берегу Эльбы.

44 *Он подал мне Федино письмо.*— Письмо Достоевского к жене от 17 мая 1867 г. (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 184). Ответное письмо Анны Григорьевны было получено писателем 19 мая: «Как мне приятно было, что оно писано карандашом (моя стенографка). Все прошлое вспомянулось» (Там же. С. 187).

45 *...я готова была заплакать...*— Неудовольствие при чтении второго письма мужа из Гомбурга, не совсем осознанно выраженное в этой записи, легко разъясняется самим текстом письма: «А между тем это наживание денег даром, как здесь (не совсем даром: платишь мукой) имеет что-то раздражительное и одуряющее, а как подумаешь о долгах и о тех, которым, кроме меня, надо (т. е. семье брата и пасынку.— *С. Ж.*), то и чувствуешь, что отойти нельзя» (Там же. С. 186).

А. Г. Достоевская, вообще очень недовольная нравственными и еще более денежными обязательствами Достоевского по отношению к его родным, не могла не огорчиться этими словами.

46 *«Linkische Bad...*— Правильно: Linkes Bad.

47 *...брат короля женился на ее фрейлине...*— *Альбрехт*, принц Прусский (1809—1872), был женат дважды: первым браком на нидерландской принцессе Марианне, с которой развелся в 1849 г., вторично — морганатическим браком — на дочери ген. Рауха, получившей при этом титул графини Гогенау.

48 *Оба письма были ужасно нехороши.*— Письма А. Н. Сниткиной за этот период не сохранились; письмо Достоевского — от 19 мая (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 187—188).

[49] *Здесь пивоварня* ⟨*имеется*⟩.— В Waldschlösschen находились знаменитые дрезденские пивоваренные заводы.

[50] *Она обещала мне дать сочинения Ренана.*— Вероятно, «Жизнь Иисуса», вышедшую двумя изданиями в 1863 г.

[51] *...начала писать письмо к Ольге Алексеевне.— Ольга Алексеевна Кашина* — жена знакомого Достоевского, врача *Александра Петровича Кашина* (1813—1889). Очевидно, речь идет о том письме, отрывки которого опубликованы в Сб. 2. С. 310.

[52] *...получила письмо...решилась написать ему письмо.*— Письмо Достоевского от 20 мая (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 188—190); письмо жены было получено им 21 мая вечером (Там же. С. 193).

[53] *Я особенно боялась... похожего на Рязанцева.— Василий Иванович Рязанцев*, студент; вероятно, сокурсник двоюродного брата А. Г. Достоевской А. Н. Сниткина (см.: РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 62).

[54] *La Ruine.*— Искусственные развалины в парке летнего замка в Пильнице.

[55] *...он так испугался, когда не получил моего письма.*— Письмо Достоевского от 21 мая, отправленное раньше, чем он получил письмо от жены, полно отчаянной тревоги за нее (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 190—191). Окончательно проигравшийся к этому дню Достоевский просил выслать ему деньги, чтобы выкупить заложенные часы и расплатиться в гостинице.

[56] *Давали «Il Trovatore».*— «Il Trovatore» (Трубадур) — опера Д. Верди. Вахтель исполнял в ней партию Манрико, Ильнер — Леоноры, партию цыганки Азучены пела также известная артистка Алоиза Кребс (урожд. Михалези; в тексте дневника эта фамилия передана неверно).

[57] *...получила письмо...*— Письмо Достоевского от 22 мая (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 193—195).

[58] *...села писать письмо к Стоюниной.— Мария Николаевна Стоюнина* (урожд. *Тихменева*, 1846 — не ранее 1924) — гимназическая подруга А. Г. Достоевской, педагог, впоследствии владелица частной гимназии.

[59] *Странная судьба... быть похороненным в разных местах.*— Речь идет не о ген. *Каменском*, как ошибочно указано в комментарии к роману «Идиот» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 455), а о наполеоновском генерале *Жане Викторе Моро* (Moreau). Моро в 1813 г. состоял советником при главной квартире антинаполеоновских союзных войск и погиб в сражении под Дрезденом 15/27 августа. Тело его похоронено в Петербурге (в католической церкви св. Екатерины), ноги, оторванные снарядом,— на месте, где это произошло, у деревни Рекниц под Дрезденом; там воздвигнут памятник ему.

[60] *...просит, чтобы я немного потерпела.*— Письмо Достоевского от 23 мая (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 195—196). По виноватому тону, неоднократно повторенным в тексте небольшого письма оправданиям своей задержки и просьбам «потерпеть хоть капельку» можно понять справедливость подозрений А. Г. Достоевской. У Достоевского, вполне возможно, уже созревал лихорадочный план попробовать отыграться хоть на часть денег, которые пришлет жена.

[61] *Geologisches Kabinet...*— Минералогический музей, состоящий из двух частей: коллекции минералов и геологической коллекции.

[62] *...села читать «Русского»...* — «Русский» — славянофильская газета, издававшаяся в 1867—1868 гг. историком М. П. Погодиным.

[63] *...письмо от Павла Александровича. Письмо было к Феде.*— Письмо П. А. Исаева неизвестно. Получение его Достоевский подтверждал в письме от 31/19 мая 1867 г. (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 200—201).

[64] *...все проиграл, просит денег.*— Письмо Достоевского от 24 мая, одно из самых трагических его писем к жене (Там же. С. 196—198). Еще А. С. Долинин обратил внимание на удивительное несоответствие тона записи в «Дневнике» с характером полученного А. Г. Достоевской в этот день письма (Письма. Т. IV. С. 378).

[65] *Я выбрала Евгении Тур 2 книги и «Записки Екатерины II».— Евгения Тур* (псевдоним *Елизаветы Васильевны Сухово-Кобылиной*, в замуж.— гр. *Салиас де Турнемир*, 1815—1892) — писательница. «Записки» Екатерины II были опубликованы в то время впервые в переводе с французского в Лондоне (1859) с вступительной статьей Герцена. Таким образом, выбор этой книги, как и чтение (см. примеч. 15) «Записок» Дениса Давыдова, продолжает избранную Достоевским линию знакомства с вольной русской печатью.

[66] *...получила письмо...*— Письмо Достоевского от 25 мая (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 198—199).

[67] *...получила письмо от Феди.*— Письмо Достоевского от 26 мая, где он писал: «Я всеми силами *хочу*! выехать. Если завтра не приеду и вместо меня получишь это письмо, то знай, что что-нибудь не уладилось, какая-нибудь мелочь, какое-нибудь обстоятельство, а что я все-таки на выезде» (Там же. С. 200).

[68] *...спросила его, что пишет Сонечка.— Софья Александровна Иванова* (в замужестве *Хмырова*, 1846—1907), любимая племянница Достоевского. В ее честь он назвал свою первую дочь, ей посвящен был роман «Идиот».

[69] *...Федя... занимался составлением... письма.*— Речь идет о письме к *М. Н. Каткову* (1818—1887)—публицисту, издателю журнала «Русский вестник», редактору газеты «Московские ведомости». Достоевский обеспечил родных и выехал за границу в 1867 г. на деньги, данные ему Катковым за будущий роман для «Русского вестника»; однако уже через месяц он вынужден был снова обратиться к Каткову за помощью. О денежных расчетах Достоевского с Катковым в связи с печатанием в его журнале романа «Идиот» см. ниже примеч. 61 к III книжке. Архив Каткова впоследствии сильно пострадал от пожара, поэтому большая часть писем Достоевского к нему не сохранилась.

[70] *Я хотела прочитать строчку из его «Записок из подполья»...*—Эта, как и некоторые последующие записи (см., напр., с. 328), указывает на то, что Достоевский привез с собой за границу свои сочинения (вероятно, 3 тома, изданные Стелловским в 1865—1866 г.).

[71] *...там есть довольно резкое выражение «откозырять»...*— Письмо Достоевского к П. А. Исаеву от 19/31 мая 1867 г. (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 200—201). Слова «откозырять» в нем нет, даже и зачеркнутого. Резкое выражение и исправление, о котором пишет Анна Григорьевна только в следующей фразе: «Может даже случиться, что я и не в состоянии буду выслать тебе еще денег через два месяца; а следственно лучше бы экономизировать на всякий случай, чем транжирить» (последнее слово зачеркнуто Достоевским и заменено словом «тратить»).

[72] *Федя... обдумывал сочинение о Белинском.*— Речь идет о статье «Знакомство мое с Белинским», которую Достоевский взялся написать по просьбе литератора К. И. Бабикова для затевавшегося им литературного сборника «Чаша».

[73] *Я взяла «В ожидании лучшего», а Федя «Голос России».*— «В ожидании лучшего» — повесть Н. Д. Хвощинской (1825—1889; псевдоним В. Крестовский), напечатанная впервые в 1860 г.; «Голоса из России», издание Герцена, сборники общественно-политических статей (9 книжек, 1856—1860).

[74] *Нам сказали, чтоб мы шли в Amalien-Str⟨asse⟩.*— Правильно: Amalien Gasse.

[75] *...думала, нет ли Вышнеградских.*— Вероятно, семья Н. А. Вышнеградского (1824—1872), филолога, педагога, директора Мариинской гимназии, где училась А. Г. Достоевская, открывшего в Петербурге в 1863 г. Педагогические курсы, на которых после окончания гимназии А. Г. Достоевская также училась в течение одной зимы (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 44—45).

[76] *...русский царь в Париже убит, а потом сказал, что только ранен.*— Имеется в виду покушение на Александра II польского эмигранта Антона Березовского во время пребывания царя на Всемирной выставке в Париже (25 мая/6 июня 1867 г.). Об отношении Достоевского к самому факту покушения, к последовавшему в июле 1867 г. суду над Березовским и к общественной реакции на эти события см. письмо Достоевского к Майкову от 28/16 августа 1867 г. (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 206).

[77] *...Федя взял «Marchand d'Antiquités»...*1-ю часть «Copperfield».— Романы Диккенса «Лавка древностей» и «Давид Копперфилд», которые А. Г. Достоевская читала во французских переводах.

[78] *Нам очень жаль Людмилу.*— Сообщенное О. А. Кашиной известие о связи А. П. Милюкова с некоей Нарден и о дурном отношении последней к дочерям Милюкова нашло отражение в письме Достоевского к Э. Ф. Достоевской из Дрездена от 1/13 июня (датировано Достоевским ошибочно 1/12 июня): «Каков Милюков-то? Хорош, нечего сказать» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 202).

[79] *...второго покушения на... государя-императора.*— Первое покушение на Александра II — покушение Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г.

[80] *...папу в последнее время его болезни.*— Рассказ о болезни и смерти Г. И. Сниткина см.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 44—46.

[81] *...письма Андрея Михайловича, письма Паши и Майкова...*— Письмо от П. А. Исаева, полученное в этот день Достоевским, неизвестно. Письмо А. Н. Майкова (без даты) см.: Сб. 2. С. 338—339. *Андрей Михайлович Достоевский* (1825—1896)—младший брат писателя, инженер. Его письмо, о котором здесь идет речь, было получено в Петербурге пасынком Достоевского, о пересылке его в Дрезден Достоевский писал П. А. Исаеву 31/19 мая 1867 г. (*Достоевский Ф. М.* Т. 28, кн. II. С. 200). Там же Достоевский напоминал пасынку о деньгах, которые он должен был передать П. П. Аникиевой.

Письмо от Сусловой неизвестно, как и ответ на него Достоевского.

[82] *...доктор Zeibig... и обещал зайти за письмом.*— О своем знакомстве в Дрездене с проф. Цайбигом А. Г. Достоевская несколько иначе рассказывает в своих «Воспоминаниях» (с. 155).

[83] *...сказал, что он уже знает про эту свадьбу из газет...*— Это замечание Цайбига указывает на то, что статья «Женитьба романиста» (Сын отечества. 1867. № 34,

февраль), в авторстве которой Достоевские подозревали А. П. Милюкова (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 110—112), была перепечатана многими зарубежными газетами, хотя имя «романиста» в статье названо не было.

84 *Он писал письмо к Эмилии Федоровне...*— Письмо Э. Ф. Достоевской см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 202.

85 *...это письмо от Сто⟨юниной⟩.*— Это было письмо (от 29 мая 1867 г.) *Владимира Яковлевича Стоюнина* (1826—1888), мужа М. Н. Стоюниной (см. примеч. 58), педагога и писателя. Почерк его действительно напоминает женский. В письме извещалось о рождении у Стоюниных дочери Надежды (РГБ. Ф. 93. Разд. II, 9.16).

86 *...я видела сон, что Маша Андреева выходит замуж за Рязанцева, который хотел жениться на Глаше...— Мария Михайловна Андреева* — подруга А. Г. Достоевской, действительно через два года вышедшая замуж за ее двоюродного брата, врача *Александра Николаевича Сниткина* (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 63). *Глаша* — младшая сестра М. М. Андреевой. Рязанцев — см. примеч. 53.

87 *Boildieu — Буальдье Франсуа Адриен* (1775—1834) — французский оперный композитор, долго живший и популярный в России. Речь идет, очевидно, об увертюре к самой известной его опере «Белая дама».

88 *...кричал на Федосью.— Федосья* — служанка в доме Достоевского в Петербурге. «Эта Федосья,— писала о ней впоследствии А. Г. Достоевская,— была страшно запуганный человек. Она была вдовой писаря, допившегося до белой горячки и колотившего ее без жалости. После его смерти она осталась с тремя детьми в страшной нищете. Кто-то рассказал об этом Ф. М., и он взял ее в прислуги со всеми ее тремя детьми» (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 109 об.).

89 *...«Fidelio» и «Mozaik» Вагнера.*— «Fidelio» — увертюра к опере Бетховена «Фиделио», «Mozaik» Вагнера — вероятно, симфонические отрывки из опер Вагнера.

90 *...Ида принесла мне немецкую газету «National Zeitung».*— В «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской название дрезденской газеты, откуда выписано это сообщение, приведено неверно (см. уточнение в примечании С. В. Белова и В. А. Туниманова: «Воспоминания». С. 424).

91 *...назвать ее Соней, в честь Сони романа... и в честь московской Сони.*— Соня романа — Сонечка Мармеладова из «Преступления и наказания», московская Соня — племянница писателя, С. А. Иванова. Эта дневниковая запись опровергает утверждение А. Г. Достоевской в «Воспоминаниях» (с. 170) о том, что Достоевский желал назвать свою первую дочь Анной и переменил это намерение по ее настоянию.

92 *...я встретила Вышнеградского.*— См. примеч. 75.

93 *Тут происходят ссоры и драки.*— Обращает на себя внимание сходство этой записи с рассказом князя Мышкина в «Идиоте»: «Когда я, бродя один, стал встречать иногда, особенно в полдень, когда выпускали из школы, всю эту ватагу, шумную, бегущую с их мешочками и грифельными досками, с криком, со смехом и играми,— то вся душа моя начинала стремиться к ним ⟨...⟩ многие уже успевали подраться, расплакаться, опять помириться и поиграть...» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 86). Ср. также дневниковую запись А. Г. Достоевской о школьниках в Базеле — с. 233.

К приведенному тексту «Идиота» А. Г. Достоевская сделала впоследствии примечание: «В этом рассказе отразились дрезденские впечатления 1867 года: на Johannis Strasse, где мы жили, находилась народная школа, и Федор Михайлович всегда останавливался, когда видел детей, выходящих из школы, и внимательно к ним присматривался» (*Гроссман Л. П.* Семинарий по Достоевскому. М.; Пг., 1923. С. 58).

94 *...рассказал мне историю о Ver-Vert'е...*— Достоевский рассказал жене (не совсем точно) сюжет поэмы французского поэта *Жана Батиста Луи Грессе* (1709—1777) «Ver-Vert», за которую поэт был исключен из ордена иезуитов. Русский перевод поэмы (В. Курочкина) появился толькс в 1875 г. (Отечественные записки. 1875. № 2).

95 *...мы с Федей шутили... tu l'as voulu!*— Ср. в «Идиоте»: «Не все тоже мужья кричат на каждом шагу: „Tu l'as voulu, George Dandin!“ Но, боже, сколько миллионов и биллионов раз повторялся мужьями целого света этот сердечный крик после их медового месяца, а кто знает, может быть, и на другой день после свадьбы» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 522).

96 *...хотела было идти в Natur⟨philosophische⟩ S⟨ammlung⟩.*— В действительности — Naturhistorische Sammlung в Цвингере, содержавшее в основном орнитологические коллекции.

97 *...нет его сиятельства... граф Кассини...*— Его сиятельство — посол в Саксонии, гр. *Андрей Дмитриевич Блудов*; первый секретарь посольства — гр. *Артур Павлович Кассини.*

98 *Сегодня... был D-dur Bethoven...*— Имеется в виду 2-я симфония Бетховена. Из его симфонических произведений в этой тональности написан также скрипичный концерт, но он весь состоит из трех частей, поэтому ясно, что речь идет не о нем.

99 *Grünes Gewölbe...*— «Зеленый подвал» — коллекция произведений искусства, главным образом из золота и драгоценных камней, находящаяся в королевском замке в Дрездене.

[100] *Прощай, Дрезден, может быть, никогда больше тебя не увидим.*— Достоевские вернулись в Дрезден в августе 1869 г. и прожили там почти два года.

[101] *Giese...*— Вероятно, Giessen.

[102] *Мы должны были пройти несколько шагов до другой станции.*— Речь идет о двух вокзалах, расположенных рядом: Main-Weser Dahnhof, с которого Достоевские прибыли, и Taunus Bahnhof, с которого им предстояло уехать в Баден.

[103] *Langestrasse...*— Следует: Kaiserstrasse. Ошибка А. Г. Достоевской, записывавшей дорожные впечатления уже в Бадене, где соответствующая улица действительно называется Langestrasse.

[104] *...памятник Gutenberg'у... памятник Göthe. Это называется Rossmarkt.*— Памятник Гутенбергу, Фусту и Шефферу. Rossmarkt — название не памятника, как можно понять из контекста, а площади, на которой находится памятник первопечатникам. Памятник Гёте — в аллее, ведущей от этой площади к театру.

[105] *Bünenhofstrasse.*— Правильно: Brückhofstrasse.

[106] *...Федя встретил Гончарова... хочет завтра сходить туда.*— О встречах в Бадене с И. А. Гончаровым (1812—1891) Достоевский подробно рассказал в уже упоминавшемся письме к Майкову 28/16 августа 1867 г. (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 208—210); см. также «Воспоминания» А. Г. Достоевской (с. 164). Гончаров в 1867 г. был в Бадене с 18 июня по 19—20 июля (*Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 165—166).

Долг в 50 талеров Тургеневу в 1867 г. был уже двухлетней давности: во время предыдущей своей поездки в Европу Достоевский письмом от 3/15 августа 1865 г. просил Тургенева выслать ему в Висбаден 100 талеров, Тургенев же выслал только 50. Впоследствии это послужило причиной денежного недоразумения между Тургеневым и Достоевским: возвращенные Достоевским через П. В. Анненкова в 1875 г. 50 талеров Тургенев, запамятовавший обстоятельства за давностью времени, принял лишь за половину данной им взаймы суммы и в марте 1876 г. поручил ехавшему в Петербург А. Ф. Отто (Онегину) получить у Достоевского еще 50 талеров. Недоразумение разъяснилось сохранившимся у Достоевского письмом Тургенева с точным обозначением высылаемой суммы, на котором Тургенев впоследствии и расписался в получении долга (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 422—423). См. об этом рассказ А. Г. Достоевской в «Воспоминаниях» (с. 301—303) и уточняющие его примечания С. В. Белова и В. А. Туниманова (с. 458).

КНИЖКА ВТОРАЯ

[1] *...стала читать «Историю» Соловьева...*— Известный труд историка С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» (до 1867 г. вышло 17 томов). В первой биографии Достоевского, написанной Н. Н. Страховым, сообщается о чтении ее Достоевским за границей: «Но, кроме того, он читал и другие русские книги. Некоторые были взяты им с собою, напр. „Странствия инока Парфения“, „Сочинения“ Белинского, „История России“ Соловьева» (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 298).

[2] *...не придется ходить к Тургеневу и просить... дать нам денег...*— До ссоры с Тургеневым, происшедшей, как известно, утром описываемого А. Г. Достоевской дня (см. примеч. 4), Достоевский, очевидно, намеревался еще раз попросить у него денег взаймы.

[3] *Тургенева ужасно как бесят отзывы газет... дворянство... хотело его выключить из дворянства русского...*— По свидетельству одной из его знакомых, Тургенев так рассказывал впоследствии об этом эпизоде: «Удались мне генералы в „Дыме“, метко попал. Знаете ли: когда вышел „Дым“, они, настоящие генералы, так обиделись, что в один прекрасный вечер, в Английском клубе, совсем было собрались писать мне коллективное письмо, по которому исключали меня из своего общества» (*Островская Н. А.* Воспоминания о Тургеневе // Тургеневский сборник. Пг., 1915. С. 91). В письме к Майкову от 16/28 августа Достоевский тоже мельком упоминает об этом: «Вы мне писали о статье Страхова в От⟨ечественных⟩ записках, но я не знал, что его везде отхлестали и что в Москве, в клубе, кажется, собирали уже подписку имен, чтоб протестовать против его „Дыма“. Он это мне сам рассказывал» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 210). Из Толстых, имена которых начинались на букву «Ф», скорее всего, можно предположить *Феофила Матвеевича Толстого* (необычное имя А. Г. Достоевская могла расшифровать с сомнением) — члена Совета Управления по делам печати, камергера, музыкального критика; его брат — *Николай Матвеевич* (1802—1879) — генерал от инфантерии, директор Чесменской богадельни.

[4] *...Федю разговор с Тургеневым ужасно как рассердил...*— Ссора между Тургеневым и Достоевским, явившаяся лишь внешним выражением уже совершившегося к этому времени

их глубокого идейного размежевания, была неизбежна при встрече их в этот период тяжелого душевного состояния обоих писателей.

Примерно за месяц до этой встречи Тургенев писал Анненкову: «Мне кажется, еще никогда и никого так дружно не ругали, как меня за „Дым“. Камни летят со всех сторон. Ф. И. Тютчев даже негодующие стихи написал. И представьте себе, что я нисколько не конфужусь: словно с гуся вода» (Полн. собр. соч. и писем в 28 томах. Письма. Т. 6. М.; Л., 1963. С. 358). В таком же тоне написаны и другие его письма лета 1867 г. См., например, письмо к Герцену в тот же день, что и Анненкову: «Критику „Голоса“ я читал — и кроме того знаю, что меня ругают все — и красные, и белые, и сверху, и снизу — и сбоку — особенно сбоку... Представь себе, я даже радуюсь, что мой ограниченный западник Потугин появился в самое время этой всеславянской пляски с присядкой, где Погодин так лихо вывертывает па с гармоникой под осеняющей десницей Филарета» (Там же. С. 259—260). Однако это упорное желание Тургенева продемонстрировать свое равнодушие к единодушной — и справа, и слева — отрицательной оценке его нового и для него принципиально важного произведения свидетельствует как раз об обратном.

Глубокое же неприятие Достоевским западнической концепции «Дыма», как крайнего выражения чуждой ему идеологии, было обострено и невозможностью вернуться на родину, и безвыходным положением, в котором он оказался благодаря проигрышам в Бадене.

В этих условиях состоявшаяся в Бадене беседа, как и ожидал, вероятно, Достоевский, долго колебавшийся, идти ли с визитом к Тургеневу, закончилась их полным разрывом. Об отношениях Достоевского и Тургенева см. примечания А. С. Долинина к I тому «Писем» Достоевского (с. 487—488), издание И. С. Зильберштейна «Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев» (Л., 1928); *Долинин А. С.* Тургенев в «Бесах» // Сб. 2; *Никольский Ю. А.* Тургенев и Достоевский: История одной вражды. София, 1921; *Бельчиков Н. Ф.* Тургенев и Достоевский: (Критика «Дыма») // Литература и марксизм. 1928. № 1.

Кроме комментируемой записи А. Г. Достоевской в «Дневнике», о встрече и ссоре в Бадене рассказали сами писатели: Достоевский в письме к Майкову 28/16 августа 1867 г. (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 210—212), Тургенев — только через четыре года — в письме к Я. П. Полонскому 24 апр. 1871 г.: «Он пришел ко мне лет 5 тому назад в Бадене — не с тем, чтобы выплатить мне деньги, которые у меня занял — а чтобы обругать меня на чем стоит за „Дым“, который, по его мнению, подлежал сожжению от руки палача...» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. Письма. Т. 9. М.; Л., 1965. С. 85).

Судя по письму Достоевского к Майкову, А. Г. Достоевская довольно точно передает то, что мог рассказать ей муж о визите к Тургеневу. Более того, ее рассказ содержит ряд деталей, быть может точнее рисующих происшедшее в тот день. Эти расхождения в деталях, а также история распространения слухов об этой ссоре в литературных кругах подробно изложены и рассмотрены в примечаниях А. С. Долинина (Письма. Т. 2. С. 385—388). И в письме к Майкову, и в рассказе А. Г. Достоевской внимание Достоевского сосредоточено на возмутительной, с его точки зрения, мысли одного из героев романа «Дым» — Потугина о том, что если бы с исчезновением с лица земли какого-нибудь народа исчезал бы и его вклад в современную цивилизацию, то «наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла в тар-тарары, и ни одного гвоздика, ни одной булавочки не потревожила бы родная...». В записи А. Г. Достоевской мысль эта не только передана очень упрощенно, но и понята как общее кредо самого Тургенева.

Есть в записи «Дневника» и некоторые противоречия — результат, вероятно, взволнованного и от этого несколько сбивчивого рассказа самого писателя: так, вначале сказано, что Тургенев «поминутно начинает разговор о своем новом романе. Федя же ни разу о нем не заговорил», из дальнейшего же изложения ясно, что Достоевский говорил о романе, возвращаясь к нему несколько раз, и подробно развил свою точку зрения.

В «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской история этой ссоры, столь существенно отразившейся в творчестве Достоевского, изложена глухо и более чем лапидарно: «Был Федор Михайлович и у проживавшего в то время в Баден-Бадене И. С. Тургенева. Вернулся от него муж мой очень раздраженным и подробно рассказывал свою беседу с ним» (С. 164).

5 *...кто делает визит в десять часов утра... как-то странно.* — В письме к Майкову Достоевский так истолковал поступок Тургенева: «На другой день Тургенев ровно в 10 часов утра заехал ко мне и оставил хозяевам для передачи мне свою визитную карточку. Но так как я сам сказал ему накануне, что я раньше двенадцати часов принять не смогу, и что спим мы до одиннадцати, то приезд его в 10 часов утра я принял за ясный намек, что он не хочет встречаться со мной и сделал мне визит в 10 часов именно для того, чтоб я это понял» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 211).

6 *...письмо Каткову...* — Это письмо Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову не сохранилось.

[7] *...его встречает Гончаров... разживаться таким способом».*— Это объяснение поведения Гончарова — просто передача слов Достоевского: ср. в письме к Майкову: «Как конфузился меня вначале Иван Александрович. Этот статский или действительный статский советник тоже поигрывал. Но так как оказалось, что скрываться нельзя, а к тому же я сам играю с слишком грубою откровенностью, то и он перестал от меня скрываться» (Там же. С. 208). Сам Гончаров писал А. Г. Тройницкому за несколько дней до этого (25 июня/7 июля 1867 г.): «Я захожу туда, просовываю сквозь толпу руку с золотым, клюну на него другой золотой и ухожу — как будто вор. Так наклевал я до 160 фр., но 60 возвратил опять. Вероятно возвращу и остальные сто, может быть не без придачи, хотя небольшой, ибо, к счастью, среди многих бесов, которыми я одержим, бес игры меня никогда не мучил» (см.: *Суперанский М.* И. А. Гончаров и новые материалы для его биографии // Вестник Европы. 1908. № 12. С. 449—450).

[8] *Потом спросили Charras...— Шаррас Жан Батист Адольф* (*Charras*, 1810—1865) — французский военный писатель и политический деятель, автор исторических исследований «Histoire de la guerre de 1813 en Allemagne», «Histoire de la campagne de 1815», о которых пишет А. Г. Достоевская.

[9] *...хотел купить мне Octave Feuillet...— Октав Фейе* (1821—1890) — французский писатель, в 1860-х годах уже очень популярный. Вероятно, Достоевский предполагал купить жене его известный роман «Le roman d'un jeune homme pauvre» (1858), но может быть, и только что вышедший «Monsieur de Camors».

[10] *...Гончаров непременно проигрался...*— Ср. в том же письме Достоевского: «Играл он с лихорадочным жаром (в маленькую на серебро), играл все 2 недели, которые прожил в Бадене, и, кажется, значительно проигрался».

[11] *...панихида по расстрелянном императоре Максимилиане...*— Император *Максимилиан* — австрийский эрцгерцог Максимилиан, брат австрийского императора *Франца-Иосифа*, возведенный на мексиканский престол в качестве императора в 1864 г. вторгшимися в Мексику французскими войсками. Последовала гражданская война, окончившаяся тем, что французский экспедиционный корпус покинул страну. Надежды Максимилиана удержаться на престоле при помощи австрийских и бельгийских войск не оправдались, он был захвачен в плен вместе с вождем консервативно-клерикальной партии Мирамоном, предан военному суду и расстрелян 19 июня 1867 г.

[12] *...я так плакала... но тогда со мной была мама...*— Ср. в «Воспоминаниях»: «Я попросила маму теперь, когда мы с нею одни, благословить меня на новую жизнь 〈...〉. Мама благословила меня, и мы с нею много плакали. Зато дали друг другу слово не плакать завтра при расставании, так как мне не хотелось приезжать в церковь с распухшим от слез лицом и покрасневшими глазами» (С. 107).

[13] *Федя думал обратиться к Аксакову, предложить ему сотрудничество.— Иван Сергеевич Аксаков* (1823—1886) — славянофил, поэт и публицист, издававший в 1867—1868 гг. газету «Москва». О сотрудничестве в ней Достоевский вел переговоры с Аксаковым еще во время своего пребывания в Москве в декабре 1866 г. (см. письмо его к А. Г. Сниткиной от 2 января 1867 г.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 177).

[14] *...хотел обратиться к Краевскому...— Андрей Александрович Краевский* (1810—1889) — издатель журнала «Отечественные записки» и газеты «Голос». Свидетельство А. Г. Достоевской о намерении Достоевского (пусть практически и неосуществимом) написать одновременно с задуманным для «Русского вестника» романом «Идиот» еще один роман для «Отечественных записок», может быть, указывает на более раннюю, чем принято считать, дату возникновения замысла романа «Атеизм» (впервые упоминается в письме к А. Н. Майкову от 11/23 декабря 1868 г.) или повести, реализованной впоследствии под названием «Вечный муж» (Там же, см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 329).

[15] *...а тебе-то каково было, каково было сидеть в такой тюрьме!*— Ср. в письме к А. Н. Майкову: «Что за ангел! Как утешала она меня, как скучала в проклятом Бадене, в наших двух комнатках над кузницей, куда мы переехали» (Там же. С. 208).

[16] *Федя мне накануне рассказывал про одного русского... Так и этот мальчишка.*— В письме к А. Н. Майкову от 28/16 августа 1867 г. Достоевский описывает встречу в Германии с «одним русским» и разговор с ним о западной цивилизации и России. «Человек этот принадлежит к молодым прогрессистам,— заканчивает Достоевский этот эпизод,— впрочем, кажется, держит себя от всех в стороне» (Там же. С. 206—207). Ни публиковавший письмо А. С. Долинин, ни комментаторы Полного собрания сочинений не откомментировали личность этого русского. Сведения эти, однако, можно извлечь из ответа А. Г. Достоевской Н. Н. Страхову в связи с его известным письмом Толстому о Достоевском. Там она замечает, между прочим: «Ссылка Страхова на профессора П. А. Висковатова для меня тем поразительнее, что профессор никогда у нас не бывал; Федор же Михайлович имел о нем довольно легковесное мнение, чему служит доказательством приведенный в письме к А. Н. Майкову рассказ о встрече в Дрездене с одним русским»

(*Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 403; ссылка дана ею на публикацию указанного нами письма к Майкову).

В дневнике А. Г. Достоевской только здесь отмечена встреча писателя с русским молодым человеком. Запись ее очень смутна, а последняя ее фраза (от слов «Не люблю я этих гордецов...») как будто указывает на смысл и оценку Достоевским состоявшегося у него с этим молодым человеком разговора. Все это дает право предположить, что речь здесь идет именно о *П. А. Висковатове* (1842—1905), профессоре русской литературы, в 1860-х годах учившемся в Германии и только что защитившем в Лейпциге свою магистерскую диссертацию. Несомненно, что в 1869—1870 гг. Достоевский встречался с Висковатовым в Дрездене. Это подтверждается собственным письмом последнего, где говорится: «Теперь в Дрездене, вероятно, уже тепло, и Вы пробежите мои строки на пути от почты к дому, по той дороге, по которой я иногда сопровождал Вас» (письмо от 18/6 марта 1871 г.—РГБ. Ф. 93. Разд. II, 2. 38. Л. 1 об.).

17 *...лишиться мебели... мне было слишком тяжело.*— Для того, чтобы выехать за границу и обеспечить на время своего отсутствия пасынка и семью М. М. Достоевского, писателю пришлось не только взять новый аванс у Каткова, но и заложить мебель, золотые и серебряные вещи, выигрышные билеты и шубы, принесенные Анной Григорьевной в приданое (см.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 139—145).

18 *...Гончаров тотчас же... очень сконфуженные друг другом.*— Ср. о И. А. Гончарове в письме к А. Н. Майкову: «Но дай бог ему здоровья, милому человеку: когда я проигрался до тла (а он видел в моих руках много золота), он дал мне по просьбе моей 60 франков взаймы. Осуждал он, должно быть, меня ужасно: «Зачем я все проиграл, а не половину, как он?» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 210).

19 *...я читала «Северную Пчелу».*— Вероятно, «Северную почту» (ср. с. 179). «Северная пчела» выходила до 1864 г.

20 *...Поль де Кок* (1794—1871)—французский писатель. Речь, вероятно, идет об упоминавшемся ранее А. Г. Достоевской самом популярном из его романов «Mon voisin Raymond».

21 *Я... читала Евангелие.*— Достоевский возил с собою за границу Евангелие, подаренное ему в Тобольске женами декабристов: «Но постоянным чтением его было Евангелие; он читал его по той самой книге, которую имел на каторге и с которою никогда не расставался» (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 298). Евангелие хранится теперь в архиве писателя (РГБ. Ф. 93. Разд. 1, 5в. 1).

22 *...Машеньку Иванову... называли дома «Масей».— Мария Александровна Иванова* (1848—1929)—племянница Достоевского, пианистка.

23 *...сказку, которую нам каждый вечер рассказывал папа.*—«Сказка у него была одна: об Иванушке-дурачке, но вариации были бесчисленны, и мы с братом всегда удивлялись: почему Иванушку называют дурачком, раз он так умно умеет выпутываться из всевозможных бед» (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 44).

24 *...самый замок... еще древнее Altschloss'а.*—Замок Ebersteinburg строился с X по XIV в.

25 *...Ваня опять пишет адрес С⟨усло⟩вой... заплатит Иеринеевичу.— И. Г. Сниткин,* брат А. Г. Достоевской, жил в Москве, где учился в Петровской земледельческой академии. Очевидно, и А. П. Суслова жила в это время в Москве; известно, во всяком случае, что в 1868 г. она сдала при Московском университете экзамен на звание учительницы.

Иеринеевич—один из живших в то время в Петербурге братьев *Быстроумовых—Александр Иринеевич* или *Вениамин Иринеевич* (см.: Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга. СПб, 1867. С. 66), вероятно, кредитор А. Н. Сниткиной.

26 *Он говорит, что он обязан помогать семье брата... завтра нечего будет есть.*— Недовольство А. Г. Достоевской претензиями родственников Достоевского на постоянную материальную помощь с его стороны было одной из причин отъезда Достоевских за границу и причиной споров между ними. См. об этом в настоящем «Дневнике» (особенно во время пребывания Достоевских в Женеве) и в «Воспоминаниях» (с. 100—102, 104—105, 116—123, 138—139), еще подробнее—в черновых набросках к ним (РГАЛИ. Ф. 212. Ед. хр. 147. Оп. 1).

27 *...стала читать о ⟨...⟩, [напугавшем императрицу]... подделке кредитных билетов.*— Не разобранные А. Г. Достоевской в стенограмме слова, отмеченные отточием, были, вероятно: «о случае с пароходом „Казбек“, напугавшем императрицу». Пароход «Казбек», следовавший с багажом за императорской яхтой «Штандарт», на которой жена и дети Александра II плыли из Одессы в Ливадию, получил пробоину и едва не затонул; сообщение об этом см.: Северная почта. 1867. 15/27 июля. № 155. В «Московских ведомостях» от 18 и 19 июля 1867 г. (№ 157, 158) в разделе «Судебная хроника» был помещен отчет о заседании Московского окружного суда по делу о чиновниках Шадрине и Петрове, обвинявшихся в подделке свидетельств главного выкупного учреждения (свидетельства эти служили и кредитными билетами).

[28] *...чуть ли не Миклашевский.*— Вероятно, *Андрей Михайлович Миклашевский* — чиновник Министерства внутренних дел и, следовательно, сослуживец П. Г. Сватковского.

[29] *...m-me Thénardier... в романе Гюго.*— Персонаж романа В. Гюго «Отверженные».

[30] *Эти воспоминания заняли страницы 88—94.*— Среди сохранившихся частей дневника, расшифрованных А. Г. Достоевской, такого текста, к сожалению, нет.

[31] «*Desbarolles*» — установить, что за книга имеется в виду, не удалось.

[32] *...взяла «Revue des deux Mondes». Здесь есть статья...*— Номер «Revue des deux Mondes» от 15 июля 1867 г. открывается статьей A. Thierry «Jean Chrysostome et l'imperatrice Eudoxie». Ее, скорее всего, и читала А. Г. Достоевская.

[33] *Lichtenthaler монастырь.*— Монастырь XIII в., усыпальница маркграфов Баденских.

[34] *...отрывки из... «Lucia Lamermoor», из «Жидовки».*— «Лючия Ламермур» — опера Г. Доницетти; «Жидовка» — опера Ж. Ф. Галеви.

[35] *...спросили русскую книгу о духовных училищах в России...*— Речь идет о книге бывшего профессора Петербургской духовной академии Д. И. Ростиславова «Об устройстве духовных училищ в России» (Т. 1—2. Лейпциг, 1863), изданной анонимно в Германии.

[36] *Федя выбрал Charles Bernard...*— *Шарль Бернар* (Bernard du Grail de la Villette, Charles de, 1804—1850) — известный французский романист. Последний из упомянутых здесь трех его романов называется «L'Homme serieux et le Gentilhomme campagnard».

[37] *...мебель продадут в Громоздких.*— «Громоздких» — компания «Громоздких движимостей» в Петербурге, где была заложена мебель Достоевских (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 142).

[38] *Ведь вот Мария Дмитриевна ругала его... и ей все сходило с рук.*— *Мария Дмитриевна Достоевская* (урожд. *Констант,* в первом браке *Исаева,* 1825—1864) — первая жена писателя.

Как ни тяжела была для него жизнь с нею, особенно в ее последние годы, Достоевский относился к ее памяти с неизменным глубоким чувством. Через год после ее смерти он писал своему другу А. Е. Врангелю: «...скажу только то, что несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно-фантастическому характеру) — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее мы были, тем более привязывались друг к другу ⟨...⟩ Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 116).

В своих воспоминаниях А. Г. Достоевская писала: «Я пробовала расспрашивать его об умершей жене, но он не любил о ней вспоминать. Любопытно, что и в дальнейшей нашей супружеской жизни Федор Михайлович никогда не говорил о Марии Дмитриевне» (С. 89). В черновых набросках к «Воспоминаниям» она рассказывает о беседе с мужем на эту тему в 1868 г. во время переезда из Женевы в Веве: «И вот тут-то он поведал о той поистине печальной и тяжелой жизни, которую ему пришлось перенести, живя с больной женой, из-за ее несчастного характера и из-за ее нестерпимой для него ревности. Федор Михайлович с мельчайшими подробностями рассказывал те, может быть, и мелкие, но обидные для него сцены, которые происходили между ними и которые легли на его душу такими тяжелыми воспоминаниями» (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 74 об.). Комментируемый текст дневника доказывает, что уже и в 1867 г. Достоевский рассказывал Анне Григорьевне о своей первой жене, да и вообще ей было известно об этом гораздо больше, чем она хотела показать в «Воспоминаниях».

[39] *...он считает встречу свою с Ж. (Жемчужниковым?) очень хорошим знаком...*— Если речь действительно идет о Жемчужникове, как предположила, расшифровывая свой дневник, А. Г. Достоевская, забывшая через много лет, кого она обозначала в стенографической записи буквой Ж, то это, несомненно, поэт *А. М. Жемчужников* (1821—1908), живший в это время в Бадене (см. письма к нему И. С. Тургенева от 17/29 мая, 8/20 июня и 23 июня/5 июля 1857 г.— Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 6. С. 257, 272, 283).

[40] *...хотели было по ней идти к Münster'у...*— Собор в Базеле.

[41] *...был низложен папа Евгений IV...*— Имеется в виду Базельский вселенский собор 1431—1439 гг. В результате борьбы между папой Евгением IV и собором, добивавшимся церковных реформ, папа был осужден и низложен собором, а на папский престол возведен под именем Феликса V герцог Амедей Савойский.

[42] *...показала она... его могилу.*— Выдающийся гуманист Эразм Роттердамский скончался в Базеле в 1536 г. и похоронен в базельском Мюнстере.

[43] *Федя же восхищался этой картиной.* — В «Воспоминаниях» А. Г. Достоевская утверждает, что остановка в Базеле на сутки была сделана специально для того, чтобы посмотреть картину Ганса Гольбейна Младшего «Мертвый Христос». Дневник опровергает эту версию; к впечатлению, произведенному картиной на Достоевского, он явно не был психологически подготовлен, хотя и слышал, несомненно, о ней раньше. Место, которое занимает картина в романе «Идиот», заставляет особенно внимательно сопоставить два эти свидетельства А. Г. Достоевской, а также упоминание ею этого случая в примечаниях

к роману «Идиот» (*Гроссман Л. П.* Семинарий по Достоевскому. М.-Пг., 1923. С. 59). Существует еще одно ее воспоминание о впечатлении, произведенном картиной Гольбейна на Достоевского: в интервью, данном ею К. Я. Эттингеру (У вдовы Ф. М. Достоевского// Биржевые ведомости. 1906. 30 янв. № 9173), есть следующий текст: «Сильное впечатление произвела на него также картина Ганса Гольбейна „Мертвый Христос", находящаяся в Базеле. На этой картине Христос изображен снятым с креста, уже начинающим разлагаться трупом, и впечатление этой картины на Федора Михайловича было так велико, что он несколько раз приезжал в Базель смотреть ее» (судя по летописи жизни Достоевского, составленной Л. П. Гроссманом,—«Жизнь и труды Достоевского» —он в Базеле больше не был).

44 *...«Морской вид» Калама.*— Один из пейзажей швейцарского художника А. Калама (Al. Calame).

45 *Fischmarktbrunnen... Spalenthor.*— Fischmarktbrunnen — готический фонтан на Рыбном рынке в Базеле; Spalenthor — замечательнейший архитектурный памятник города, городские ворота св. Павла (St. Paul — отсюда Spalen), воздвигнутые около 1400 г.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ

1 *...роман Бальзака «История бедных родственников»...*— Имеется в виду эпопея Бальзака «Les parentes pauvres», объединяющая два романа: «Кузина Бетта» и «Кузен Понс». «Федор Михайлович высоко ставил таланты Бальзака и Жорж Занд, и я постепенно перечитала все их романы. По поводу моего чтения у нас шли разговоры во время прогулок, и муж разъяснял мне все достоинства прочитанных произведений» (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 166). Об отношении Достоевского к Бальзаку см.: *Гроссман Л. П.* Бальзак и Достоевский // Собр. соч.: В 4 т. М., 1928. Т. 2. Творчеству и значению Жорж Санд Достоевский посвятил две статьи в «Дневнике писателя» («Смерть Жорж Занд» и «Несколько слов о Жорж Занде»: Дневник писателя на 1876 год, июнь.— *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 30—37).

2 *Они мне начали говорить о близком приезде Гарибальди...*— Хозяйки квартиры, где жили Достоевские осенью 1867 г.,— *Луиза* и *Шарлотта Реймонден* (*Raymondain*). Гарибальди первоначально ожидали в Женеве 7 сентября, потом срок приезда отодвинулся; он должен был приехать для участия в Конгрессе Лиги мира и свободы, см. ниже примеч. 9, 10, 20.

3 *...читал русские газеты.*— О систематическом чтении Достоевским в Женеве русской прессы см. его письма к А. Н. Майкову от 15 сент. 1867 г., 12 янв. 1868/31 дек. 1867 г. («Читаю газеты, каждый № до последней литеры, „Моск⟨овские⟩ вед⟨омости⟩" и „Голос"», к С. А. Ивановой от 1/13 янв. 1868 г. (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 216—217, 244, 252).

4 *Девочка эта... вроде Алины ⟨Милюковой⟩...*— *Ольга Александровна Милюкова,* см. выше примеч. 2 к 1-й книжке.

5 *...люди все пьяные и горланят песни.*— Ср. в письме Достоевского к Майкову от 21/9 окт. 1867 г.: «Все здесь пьяно! Стольких буянов и крикливых пьяниц даже в Лондоне нет» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 226).

6 *Сегодня толковал, что не миновать сумасшедшего дома...*— Первые месяцы пребывания в Женеве были тяжелы для Достоевского. «Климат в Женеве не по мне: тут беспрерывные ветры и перемены погоды. Припадки мои обнаружились с самою полною силою»,— писал он Э. Ф. Достоевской 23/11 октября 1867 г. (Там же. С. 232), а в письме к Майкову двумя днями раньше добавлял к аналогичному сообщению: «...начинается, кроме того, какое-то скверное сердцебиение» (Там же. С. 226). Мрачным прогнозом близкого безумия Достоевский, однако, решился поделиться лишь с женой. Нельзя не поставить эту запись в связь с творческой реализацией подобного прогноза в «Идиоте».

7 *...рю Delices за дорогу в Chatelaine.*— Délices — предместье Женевы, где находилась старая усадьба Вольтера с парком; Chatelaine — деревушка близ Женевы.

8 *...отель de la Couronne.*— Café de la Couronne на Большой набережной (Grand Quai), где постоянно бывал и Н. П. Огарев (оно упоминается в письме Герцена к Огареву от 19/7 сент. 1867 г.: *Герцен А. И.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29, кн. I. С. 201).

9 *...прокламации, извещавшие о приезде Гарибальди...*— Текст прокламации, опубликованной Женевским комитетом по приему Гарибальди, гласил: «Граждане, мы будем иметь честь принять в нашем городе генерала Гарибальди, этого знаменитого человека, столь много совершившего в пользу народа и посвятившего жизнь свою делу свободы. ⟨...⟩ Выйдем же к нему навстречу, граждане женевские, приветствовать самого великодушного и бескорыстного из людей нашего времени...» (цит. по корреспонденции в «Голосе» от 3/15 сент. 1867 г.). Далее извещалось о порядке встречи. Гарибальди приехал в Женеву 8 сентября (см. ниже).

10 *...извещалось... о ходе этого конгресса.*— Прокламация женевского подготовительного комитета, изданная 7 сентября, содержала программу Конгресса мира: открытие

9 сентября в 2 часа дня, заседания в те же часы 10-го и 11-го, 12 сентября утром заключительное заседание, в 2.30 прогулка на пароходе, в 7 часов вечера — банкет (Annales du Congrès de Genève. Genève, 1868. P. 103).

11 *...я боюсь, что мое присутствие может помешать Феде писать...*— В «Воспоминаниях» А. Г. Достоевская так описывает распорядок дня во время жизни в Женеве: «Федор Михайлович, работая по ночам, вставал не раньше одиннадцати; позавтракав с ним, я уходила гулять, что мне было предписано доктором, а Ф. М. работал» (Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 166).

12 *...жила Жозефина после своего развода с Наполеоном.— Жозефина Богарнэ* (1763—1814) — первая жена Наполеона I, в разводе с ним с 1809 г.

13 *...замок барона Ротшильда.*— Замок в окрестностях Женевы, во вт. пол. XIX в. принадлежавший баронессе А. Ротшильд, отмечен в путеводителях как одна из достопримечательностей этих мест.

14 *Весь мост... Монблан.*— Правый берег р. Роны, где жили Достоевские (угол ул. Вильгельма Телля и ул. Бертелье), соединен здесь с левым берегом тремя мостами: Montblanc, Bergues, de la Machine; между первыми двумя находится островок, носящий имя Руссо, с памятником ему.

15 *...обед на... счет Виктора Гюго.*— При переговорах в июле 1867 г. Гюго дал согласие участвовать в конгрессе (см. его письмо к Э. Аколла: *Hugo V.* Correspondance. P., 1952. T. III. P. 64); на этом основании в Женеве было объявлено о его предстоящем приезде. В начале сентября он, однако, написал президенту инициативного комитета Ж. Барни о своем отказе; письмо это неизвестно, но о нем упоминается в неотправленном письме Гюго к Гарибальди: «Дорогой Гарибальди, я до последней минуты надеялся, что смогу участвовать в Женевском Конгрессе. Г. Б⟨арни⟩ сообщил Вам, что мое здоровье вынуждает меня воздержаться от этого...» (Ibid. P. 73).

16 *...Ивану Александровичу понравилась младшая Андреева...*— Может быть, *Иван Александрович Мерц*, архитектор, предполагавшийся жених сестры А. Г. Достоевской Марии Григорьевны (см.: Сб. 2. С. 288), или *Иван Александрович Веревкин* — врач, сокурсник двоюродного брата А. Г. Достоевской М. Н. Сниткина. Младшая *Андреева* — *Глафира Михайловна* (см. примеч. 86 к 1-й книжке).

17 *Сегодня день приезда Гарибальди и, следовательно, президента.*— Президент инициативного комитета по созыву Конгресса мира Жюль Барин (1818—1878), французский политический деятель, с 1851 г. эмигрант, профессор Женевского университета.

18 *...прошли мы... до самого Каружа...*— Каруж — предместье Женевы, средоточие русской революционной эмиграции в конце XIX — начале XX в.

19 *...мы проходили по Коратери.*— Rue de la Corraterie — одна из центральных торговых улиц Женевы.

20 *...речь, которую говорил Гарибальди...*— Гарибальди в 1867 г. было 60 лет (р. 1807). Внешность его описана в корреспонденции о его встрече, напечатанной в «Journal de Genève» (цит. по газ.: La voix de l'Avenir. 1867. 15 sept. N 37): «Гарибальди одет как на всех своих фотографиях: красная рубашка, светло-синие панталоны, серая фетровая шляпа и на плечах американский пончо в черную полоску...» Рядом с ним в карете сидел Ж. Барни, впереди один из членов Женевского комитета Соллер. Поезд, которым Гарибальди прибыл, опоздал, потому что на всех станциях возникали приветственные митинги. По прибытии в Женеву Гарибальди произнес речь с балкона отеля (бывший дворец Фази). Д. Фази, швейцарский политический деятель, был председателем Женевского комитета по приему Гарибальди. Этим объясняются слова А. Г. Достоевской: «с балкона дома президента». Запись А. Г. Достоевской исправляет соответствующее место ее «Воспоминаний», где рассказано о совместной с мужем прогулке для участия в встрече Гарибальди. Переданное там впечатление Достоевского от внешнего облика Гарибальди почти дословно совпадает с записью собственных впечатлений Анны Григорьевны в дневнике (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 163).

21 *...мама поздравила меня с полугодием...*— Полугодие со дня свадьбы Достоевских, состоявшейся 15 февраля 1867 г.

22 *...нужно еще кормить разных чужих щенят.*— Ф. М. Достоевский был неправ, утверждая в споре, что вовсе «не обещано содержать» П. А. Исаева; такие обещания ему давались не раз. См. в письме от 30/18 сент. 1863 г.: «Друг мой, покамест я жив и здоров, ты на меня можешь, конечно, надеяться, но потом?» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 48); позже, в письме от 2 марта/19 февр. 1868 г.: «Покамест я жив, ты будешь сын мой, и сын дорогой и милый. Я твоей матери клялся не оставить тебя еще накануне ее смерти» (Там же. С. 264). Через несколько дней после этого письма, связанного с сообщением А. Н. Сниткиной о том, будто П. А. Исаев просил у Каткова денег, Достоевский в письме к последнему так формулирует свои обязательства по отношению к пасынку: «Обязанность эту я признаю, но только свободно в сердце, потому что искренне люблю его, взростив его с детства. ⟨...⟩ Обязанности же официальной, формальной тут нет ни малейшей; она давно кончилась, если и была» (Там же. С. 275; см. также: Лит. наследство. Т. 86. С. 372—374).

[23] *Сегодня Федя встретил Огарева... я, конечно, пойду.*— Имя Огарева упоминается здесь А. Г. Достоевской впервые. Однако из контекста ясно, что встреча эта не первая. Это подтверждается письмом Н. П. Огарева к А. И. Герцену от 3 сент. 1867 г.: «Сейчас был у мертвого дома, который тебе кланяется. Бедное здоровье» (Лит. наследство. Т. 39—40. С. 469). На конгрессе Огарев был избран одним из вице-президентов от русских представителей.

[24] *...я рано утром отправилась к Сниткиным.— Сниткины* — семья дяди А. Г. Достоевской, Николая Ивановича Сниткина. Дата — октябрь 1866 г.— ошибочна, следует: август.

[25] Установить какие-либо данные об этом Дьяконове, как и о некоторых знакомых семьи А. Г. Достоевской (см. ниже *Прокофий Андреевич, Николай Петрович,* с. 247 и др.), о которых читатель не найдет разъяснений в примечаниях, не удалось.

[26] *...случилось быть утром у Андреевых...— Андреевы* — см. примеч. 86 к 1-й книжке.

[27] *...смотреть из окна церемонию.*— 30 августа — по православному календарю день св. Александра Невского, отмечался традиционно в Петербурге крестным ходом, особенно торжественным в 1860-е годы, когда это был день тезоименитства царя и наследника. В 1865 г. крестный ход из Исаакиевского собора в Александро-Невскую лавру должен был начаться в половине девятого утра (Русский инвалид. 1865. № 190. 30 авг.).

[28] *...была Александра Павловна.*— Александра Павловна Неупокоева — крестная мать А. Г. Достоевской, акушерка.

[29] *...с этим глупым Конгрессом мира ничего, разумеется, путного не выйдет...*— 9 сентября на первом заседании Конгресса мира Гарибальди произнес речь, содержащую программу из 12 пунктов, главными из которых были братство народов, неприемлемость решения конфликтов военным путем, республиканское правление и демократия. Папство объявлялось павшим.

Этот последний пункт вызвал бурю возмущения, как посягательство на религиозную свободу католиков, и буржуазная политическая верхушка Женевы, возглавляемая Д. Фази и А. Весселем, выступила с протестом на конгрессе. На публичное осуждение Гарибальди после небывалого приема, устроенного ему городом, они отважились только после его отъезда: через два часа после этого на улицах были расклеены афиши с такими, в частности, заявлениями: «Под предлогом Конгресса мира мы услышали речи, подстрекающие к гражданской войне.〈...〉 Мы решительно заявляем, что намерены видеть уважение к нашим свободам и особенно нашим религиозным свободам...» (Annales du Congrès de Genève. Genève, 1868. P. 203—204).

Гарибальди, однако, уехал не вследствие этого конфликта: его отъезд был заранее намечен на 11 сентября (*Guillaume J.* L'Internationale: Documents et souvenirs. P., 1905. T. 1. P. 52). Огарев писал об этом Герцену: «На конгрессовке президентом выбран был Гарибальди, два дня был, раз говорил — тоже общие места, на 3-й день уехал. Слухи ходят, будто его швейцарское правительство попросило уехать. Не знаю, кто пустил это в ход по городу, но сомневаюсь в истине, ибо накануне сам Гар〈ибальди〉 〈...〉 говорил мне, что он просто не может дольше остаться, потому что некогда» (Лит. наследство. Т. 39/40. С. 470—471). Реакция Достоевского («Видел и Гарибальди. Он мигом уехал» — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 217) и его жены — отражение этих слухов.

[30] *...вошли в это место... потратили силы там.*— В заседании конгресса 11 сентября, на котором присутствовали Достоевские, председательствовал бернский адвокат Жолиссен, избранный президентом конгресса. В первой половине заседания выступали деятели I Интернационала У. Р. Кример и Д. Оджер; Карл Фогт прочел на французском и немецком языках «Dix articles contre la guerre» немецкой писательницы Фанни Левальд-Стар, затем два делегата-итальянца — Ченери и Гамбуччи — выступали против папства. Бурная реакция зала, прервавшая заседание, произошла как раз после речи Гамбуччи (Annales du Congrès de Genève. P. 222). О выступлении Гамбуччи см. также письма Огарева к Герцену от 12 сентября 1867 г. (Лит. наследство. Т. 39/40. С. 470). Затем Ш.-Л. Шассен предложил проект резолюции (*Guillaume J.* Op. cit. P. 55). Дальнейшей дискуссии Достоевские, вероятно, уже не слышали.

Из записи о посещении конгресса Достоевскими 11 сентября ясно, что они не слышали и не могли слышать выступления Бакунина: он выступал на конгрессе один раз, 10 сентября.

[31] *...записка одной особы...*— Имеется в виду А. П. Суслова.

[32] *...начала строить два дома зараз.*— Об истории постройки двух домов, послужившей причиной разорения матери, А. Г. Достоевская рассказывает в черновых набросках «Воспоминаний»: «Это довольство, вероятно, продолжалось бы до конца дней моей матери, если б не встреча с одним лицом, сделавшимся невольным виновником нашего разорения. Это был молодой архитектор Иван Александрович Мерц, влюбившийся в мою сестру, которой он тоже понравился. Узнав, что большая часть наших участков, занятая под огородами, приносит мало дохода, он стал уговаривать мою матушку употребить имевшиеся у нее 15 тысяч наличных денег на постройку двух домов.〈...〉

Дома еще не были подведены под крышу, как весь наличный капитал мамы был уже истрачен, и ей пришлось искать денег (но уже не пяти, а десяти тысяч) под залог дома, где мы жили. Пришлось заложить на тяжелых условиях...» (Ф. М. Достоевский. Сб. 2. С. 288).

33 *Plainpalais* — поле для военных маневров в центре Женевы на левом берегу Роны.

34 *...Федя с ним встретился на пароходе...* — Достоевский встретился с Герценом на пароходе во время своего путешествия по Италии вместе с Сусловой в 1863 г. (по пути из Неаполя в Ливорно 13 окт. 1863 г.). Однако Герцен был на пароходе не с Огаревым (оставшимся в Лондоне), а с детьми и М. Мейзенбуг. Об этой встрече см.: *Суслова А. П.* Указ. соч. С. 65. Встреча Достоевского с Герценом и Огаревым на пароходе неизвестна. Очевидно, А. Г. Достоевская не совсем поняла рассказ мужа.

35 *...скоро сможем отправить к Бабикову эту статью.* — Статья «Знакомство мое с Белинским».

36 *...он пишет, что получил наше письмо...* — Письмо А. Н. Майкова от 27 августа не опубликовано (РГБ. Ф. 93. Разд. II, 6.42. Л. 1—2).

37 *...я отправлюсь в Саксон ле Бен.* — Саксон ле Бен (Saxon les Bains) — курортный городок в нескольких часах езды от Женевы, где находилась рулетка.

38 *...эта статья ему не даром досталась...* — Ср. в письме Достоевского к Майкову от 15 сент. 1867 г.: «...эту растреклятую статью я написал, если все считать в сложности, раз пять и потом все опять перекрещивал и из написанного опять переделывал» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 216).

39 *...не сажать должников за долги в отделение.* — Отмена долговых тюрем могла означать для Достоевского возможность немедленного возвращения в Россию. Так понимали эти газетные известия и друзья его. Майков писал ему 3 ноября 1867 г.: «Но вот, постойте, пишут, что скоро отменят Тарасов дом, т. е. сажание за долги — я вас тотчас уведомлю: мне все кажется, что в России, при вашем безденежьи, все лучше» (Сб. 2. С. 342).

40 *...про жизнь одного крестьянина Архангельской губернии...* — Корреспонденция в «Голосе» от 5/17 сент. 1867 г. о крестьянине *И. П. Спехине* (р. 1775), жившем близ Емецка Архангельской губ. и обучавшем детей грамоте. Внимание Достоевского привлекла необыкновенная биография этого крестьянина, с 1804 г. служившего в английском флоте матросом под именем Джон Петерсон, затем ставшего солдатом британских войск в Вест-Индии, дослужившегося до унтер-офицерского чина; по выходе в отставку в 1817 г. он вернулся в Россию, где был судим «за самовольную отлучку», наказан плетьми и водворен затем на родину. Желание Спехина вернуться на родину, несмотря на угрозу наказания и на предложения продолжать службу в английских колониях, отвечало настроениям самого Достоевского и его отношению к проблеме эмиграции.

41 *...она встретила В⟨еревкина⟩...* — *И. А. Веревкина* (см. примеч. 16).

42 *...оскорбить такого прекрасного, превосходного человека.* — В конфликтах между родственниками Достоевского и А. Н. Сниткиной А. Н. Майкову, выполнявшему ряд денежных поручений Достоевского, приходилось не раз выступать в роли арбитра, причем он принимал сторону последней («...я полагаю, что самое преданное вам лицо есть Анна Николаевна, кажется, бесподобная женщина...» — Сб. 2. С. 342). По-видимому, речь идет о каких-то жалобах Э. Ф. Достоевской на А. Н. Сниткину.

43 *Chêne* — деревушка на берегу Женевского озера по направлению к Лозанне.

44 *...повернули мимо укреплений...* — У Бастионов (укреплений в центре Женевы) в 1867 г. строилось здание университета.

45 *...Без кормила и весла.* — Кому принадлежит стихотворение, установить не удалось.

46 *...Аполлону Николаевичу, а он уже перешлет в Москву.* — В письме к Майкову от 15 сент. 1867 г. Достоевский дал точные указания о способе доставки Бабикову статьи о Белинском: ее следовало послать для передачи ему в Москву в книжный магазин И. Г. Соловьева («бывший Базунова». — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 216). Обстоятельства пропажи рукописи неизвестны; обычно указываемые сведения о пропаже ее «вместе с другими рукописями» несостоявшегося сборника «Чаша» восходят к примечанию А. Г. Достоевской (к письму Достоевского от 21 мая 1867 г.), неточность которого отмечена еще А. С. Долининым (*Достоевский Ф. М.* Письма к жене. М., 1926. С. 313—314 и Письма. Т. 2. С. 377). Несомненно только, что статья была доставлена в магазин Соловьева («С Бабиковым — сделано, как вы писали, но об нем ни слуху ни духу. Говорят, пьет», — писал Майков Достоевскому 3 ноября 1867 г. — Сб. 2. С. 342); несомненно также, что до конца 1867 г. статья до Бабикова не дошла и он даже не знал, что она окончена и послана ему. 31 дек. 1867 г. Бабиков обратился к Майкову с просьбой вернуть задаток, данный им за обещанное стихотворение, — в связи с тем, что «издание сборника должно было остановиться». К этому письму было приложено другое, адресованное Достоевскому. Бабиков писал ему: «В письме Вашем от февраля ныне проходящего года и при личном свидании в Москве вы говорили, что если я не согласен дожидаться вашей статьи, то вы готовы возвратить

мне взятые вами за оную деньги. Тогда я надеялся; теперь предприятие это рушилось, и, находясь сам в величайшей крайности, я питаю полную надежду, что вы исполните вами обещанное и возвратите полученные вами с меня 200 рублей серебром» (см.: *Ланский Л.* Утраченные письма Достоевского // Вопр. лит. 1971. № 11. С. 201).

Сведения об этой статье, сообщаемые А. Г. Достоевской в разных местах, вообще противоречивы. Так, в одном черновом наброске к «Воспоминаниям» она писала: «Эта статья была написана Ф. М. во время пребывания нашего в Дрездене в мае 1867 г. и заключала в себе не менее 4-х листов» (РГАЛИ. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 149 об.). В другом: «Статья эта заключала в себе до 2-х печатных листов» (РГБ. Ф. 93. Разд. III, 5.15. Л. 8 об.).

47 См. указ. письмо к А. Н. Майкову.

48 *...как я была счастлива, что он приехал...*— Речь идет о первом посещении Достоевским дома Сниткиных 3 ноября 1866 г.

49 *...выезд государ⟨евой⟩ невесты в Петербурге.*— 14 сент. 1866 г. в Россию прибыла невеста наследника престола датская принцесса Дагмара, будущая императрица Мария Федоровна. Торжественный въезд в Петербург был назначен на 17 сентября.

50 *Александра Ивановна.*— А. И. Иванова — соученица А. Г. Достоевской на курсах стенографии Ольхина. О ней говорится в черновых набросках к «Воспоминаниям»: «Это была барышня значительно старше меня, очень неглупая, чрезвычайно смелая и злая на язык и очень способная, но почему-то часто пропускавшая наши лекции» (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 3 об.).

51 *...Невеста выходила на балкон и кланялась народу...*— «По прибытии во дворец⟨...⟩ невеста показалась на балконе собравшейся громадной толпе народа. Вечером в городе зажглась иллюминация» (Русский инвалид. 1867. № 238. 18 сент.).

52 *Сорокин.*— Вероятно, Иван Максимович Сорокин, доктор медицины с 1860 г., с 1865 г.— доцент Петербургского университета. Дополнительных сведений об упоминаемой ниже Марии Ганецкой найти не удалось.

53 *Сегодня он начал программу своего нового романа...*— Заслуживает внимания тот факт, что уже в этом раннем дневнике А. Г. Достоевская точно указывает, в какой именно тетради находятся записи к новому роману.

54 *...Следует поставить памятник. Не знаю, за что только?*— «Я должна признаться,— писала А. Г. Достоевская в одном из черновых набросков к «Воспоминаниям»,— в одном очень дурном чувстве, которое у меня тогда было, именно в ревности к Марии Дмитриевне. Я так любила Ф. М., что мне было обидно подумать о том, что другая женщина когда-нибудь была ему дорога и много значила в его жизни ⟨...⟩ Это было чисто детское чувство, которое с возрастом исчезло». Признание это, не вошедшее в окончательный текст «Воспоминаний», многократно подтверждается текстом «Дневника».

55 *...музей Rath какого-то русского генерала...*— Музей, содержавший коллекцию произведений искусства, принадлежавшую генералу русской службы *Симону Рату* (*Simon Rath*, 1766—1819), женевцу по происхождению, был подарен городу Женеве в 1824—1826 гг. его сестрами.

56 *...скалы и на них туман ... Salvator Rosa.*— Картина Александра Калама (Calame, 1810—1864) «Orage à la Handeck». *Greuze — Грез Жан Батист* (1725—1805) — франц. живописец. *Роза Сальватор* (1615—1673) — итал. живописец.

57 *...друг без друга жить не можем.*— Ср. с письмом Достоевского к жене от 20 мая 1867 г.: «Мы уже начинаем срастаться и, кажется, сильно срослись вместе, Аня, и так сильно, что не заметили, я по крайней мере» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 189).

58 *...знакомую Соловьева...*— Вероятно, *Николай Иванович Соловьев* (1831—1874) — врач, литературный критик, сотрудничавший в журнале «Эпоха».

59 *В письме он меня просит очень беречь Соню...*— Письмо от 5 окт. 1867 г. (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 220).

60 *Он был в страшном отчаянии...*— Обстоятельства этой поездки Достоевского в Саксон ле Бен были описаны им в письме от 6 октября, не полученном еще А. Г. Достоевской к моменту его возвращения (Там же. С. 222).

61 *...надо опять будет писать и клянчить у Каткова.*— К этому времени Достоевский был уже в большом долгу у редакции «Русского вестника». Как мы указывали выше, в начале 1867 г. Катков, у которого Достоевский взял до этого аванс под роман «Преступление и наказание», согласился выдать ему новый аванс в тысячу рублей. Этой суммой Достоевский обеспечил на некоторое время своих родных, сам же уехал с молодой женой за границу на деньги, полученные от заклада домашних вещей и ценностей. За границей, еще до приезда в Женеву, Достоевский дважды получал деньги из «Русского вестника» (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 136—144, 161, 164). О долге Достоевского «Русскому вестнику», накопившемся к марту 1868 г., несмотря на начавшееся уже печатание «Идиота», см. в «Заявлении» Достоевского: «Заявляю,

кроме того, что я взял в ред⟨акции⟩ „Р⟨усского⟩ В⟨естника⟩" от издателя этого журнала в Москве Мих⟨аила⟩ Никиф⟨оровича⟩ Каткова до пяти тыс. руб. в продолжение прошлого 1867 и в нынешнем 1868 году» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 340). Из этого долга Достоевский выплатил к моменту составления «Заявления» (первой частью «Идиота») только 1900 руб.

[62] *...мама... рада была получить его драгоценное письмо.*— Это письмо Достоевского к А. Н. Сниткиной неизвестно.

[63] *...сказали, что она кончается...*— Семья сестры Достоевского *Веры Михайловны Ивановой.* М. Д. Достоевская с осени 1863 г. жила в Москве, где и скончалась 15 апреля 1864 г.

[64] *Перед его отъездом в Петербург...*— Вероятно, последний перед смертью М. Д. Достоевской отъезд Достоевского в Петербург в середине февраля 1864 г. (28 февраля он вернулся в Москву и оставался там до смерти жены).

[65] *Послали за Александром Павловичем...— Александр Павлович Иванов* (1813—1868) — врач Константиновского межевого института в Москве, муж В. М. Ивановой.

[66] *...не любила свою сестру Варвару...— Варвара Дмитриевна Констант.* Первый муж М. Д. Достоевской — *Александр Иванович Исаев* (ум. 1855), губернский секретарь в Семипалатинске, затем в Кузнецке.

[67] *...какого-то начальника парада Комарова...*— В переписке Достоевского с свояченицей В. Д. Констант упоминается *Юрий Егорович* — может быть, *Комаров,* о котором идет речь (Письма. Т. 1. С. 339, 345).

[68] *Третья сестра Софья живет с ... Яковлевым.— Софья Дмитриевна Констант,* гражданская жена *Федора Акимовича Яковлева,* помещика Псковской губ.

[69] *...весь вечер Федя просидел за письмом к Каткову...*— Письмо к Каткову неизвестно.

[70] *...письма к Александру Павловичу, Сонечке и Яновскому...*— Из указанных писем известно только письмо к С. А. Ивановой (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 222—225).

[71] *...поцелуйте в ручку от меня.*— Письмо от 20—24 сент. 1867 г.: Сб. 2. С. 340; опубликована только часть письма, хранящаяся в Пушкинском доме. Конец этого письма, хранящийся в РГБ (Ф. 93. Разд. II, 6.42. Л. 3), не был опознан при составлении «Описания рукописей Ф. М. Достоевского» (М., 1957. С. 421) и описан там как отдельное письмо. Цитируемая А. Г. Достоевской фраза находится как раз в этой отделившейся части письма.

[72] *...Федя... находит большие недостатки.*— Достоевский отмечал слабые стороны высоко ценившегося им в целом творчества Жорж Санд, в частности, в письме к Майкову от 18 янв. 1856 г.: «Скажите, почему дама-писательница почти никогда не бывает строгим художником? Даже несомненный колоссальный художник George Sand не раз вредила себе своими дамскими свойствами» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. I. С. 210).

[73] *Была и Верочка...— Вера Николаевна Тихменева,* сестра М. Н. Стоюниной.

[74] *...она живет у Покрова...*— Праздник Покрова отмечается по православному календарю 1 октября и является храмовым праздником всех церквей Покрова Богородицы.

[75] *...стала потом дожидаться Березовского, который с Бадмаевым обещал придти...— Вениамин Матвеевич Березовский,* в 1861 г. студент 4-го курса юридического факультета Петербургского университета. По всей вероятности, Александр Александрович Бадмаев, в 1861 г. сдавший в Петербурге экзамен на лекарского помощника, впоследствии лектор монгольского языка в Петербургском университете (см.: *Григорьев В. В.* Имп. Санктпетербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 386). Но к семейству Сниткиных мог быть близок и Амплий Бадмаев, окончивший в 1864 г. факультет восточных языков (Там же. Прил. С. 117).

[76] *Это было время студенческих историй...*— Осенью 1861 г. в Петербурге происходили крупные студенческие волнения в знак протеста против так называемых Путятинских правил, ограничивших доступ демократических элементов в университет и вводивших в нем полицейские порядки. После студенческой демонстрации 25 сентября занятия были прекращены; студенты оставались в Петербурге, ожидая их возобновления. 11 октября занятия начались, но волнения не прекращались, а в декабре университет был вновь закрыт до следующего учебного года (см.: *Григорьев В. В.* Указ. соч. С. 76—77).

[77] *...Березовский был взят в крепость...*— 2 окт. 1861 г. Березовский был арестован за участие в студенческих волнениях, находился в Петропавловской крепости до 7 декабря, был исключен из университета с отдачей на поруки родным. Позже (1865) привлекался по делу кружка Потанина-Ядринцева, но эмигрировал за границу (Деятели революционного движения. Т. 1, ч. 2. М., 1928. С. 37).

[78] *...мы получили письмо от Феди...— Федор Михайлович Достоевский* (1842—1906) — племянник писателя, пианист, впоследствии владелец магазина музыкальных инструментов, директор саратовского отд. Русского музыкального общества.

[79] *...он... рассказывал... историю Ольги Умецкой.*— Отчеты о судебном процессе Умецких («Дело о дочери помещика Ольге Умецкой, обвиняемой в поджогах, и о родителях ее

Владимире и Екатерине Умецких, обвиняемых в злоупотреблении родительской власти») Достоевский прочел, вернее всего, в «Голосе» от 26—28 сентября или в «Москве» от 23 и 24 сентября (в «Московских ведомостях» отчет был напечатан позже, 1/15 октября). О значении этого дела и образа Ольги Умецкой для творческой истории романа «Идиот» см.: Из архива Ф. М. Достоевского. «Идиот». Неизданные материалы. М.; Л., 1931. С. 204—209, 219—223; *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 340—342.

[80] *...роман... всего 7 листов...*— Объем романа «Игрок», который Достоевский должен был сдать издателю Ф. Т. Стелловскому к 1 ноября 1866 г., был оговорен в условии.

[81] *...дом Алонкина, кв. № 13.— Иван Максимович Алонкин* (ум. 1875) — домовладелец, у которого Достоевский снимал квартиру в 1864—1867 гг. Во время пребывания Достоевских за границей квартира оставалась за ними и ее заняла Э. Ф. Достоевская с семьей.

[82] *...нашел мне работу... она будет стоить 30 рублей...*— В «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской — 50 рублей (С. 47).

[83] *...мы встретили Ольгу Васильевну...*— «Старушка-полковница», снимавшая квартиру у А. Н. Сниткиной.

[84] *...мне встретился Grünberg...— Карл Андреевич Гринберг* — учитель немецкого языка в Мариинской гимназии, которую окончила А. Г. Достоевская.

[85] *Тут жил Б[енардаки?]*.— На углу Столярного пер. и Малой Мещанской был дом Д. Е. Бенардаки.

[86] *...это вроде Ушинского...— Константин Дмитриевич Ушинский* в 1862—1867 гг. жил по преимуществу за границей, но ежегодно бывал в Петербурге, где и мог его посетить младший брат А. Г. Достоевской.

[87] *...он лечился у Юнге от раны в глаз...— Э. Я. Юнге* — врач-окулист, лечивший осенью 1866 г. глаз, поврежденный Достоевским во время припадка (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 51).

[88] *...он мне показался чрезвычайно странным...*— В «Воспоминаниях» этот откровенный рассказ был значительно сокращен и смягчен: «Он мне не понравился и оставил тяжелое впечатление» (С. 53). Однако в ранних черновых набросках (1883 г.) сохранился иной текст, свидетельствующий о первоначальном намерении автора отразить в них свое подлинное первое впечатление: «Я должна сделать одно замечание: ни один человек в мире, ни прежде, ни после, не производил на меня такого тяжелого, поистине удручающего впечатления, какое произвел на меня Федор Михайлович в первое наше свиданье» (РГБ. Ф. 93. Разд. III, 5.15. Л. 8 об.).

[89] *...нашел, кажется, 2 пропуска в предлогах...*— Ср. в «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской: «Нашел, что я пропустила точку и неясно поставила твердый знак...» (С. 52).

[90] *Девицы были одни дома... пришли Саша и Маша.*— Девицы: *Мария, Елизавета* и *Зинаида Николаевны, Саша — Александр Николаевич Сниткин* — двоюродные сестры и брат А. Г. Достоевской; вторая *Маша — М. М. Андреева.*

[91] *...писателю Сниткину, который недавно умер.— Алексей Павлович Сниткин* (псевд. *Амос Шишкин,* 1839—1866) — поэт-юморист, писатель, сотрудничал в «Современнике», «Светоче», «Библиотеке для чтения» и др.

[92] Письмо Достоевского к брату от 22 дек. 1849 г. (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. I. С. 161—162).

[93] Ср. в «Воспоминаниях»: «Как „воротился из Рулетенбурга“? Разве я говорил про Рулетенбург?» (С. 56).

[94] *...он мне рассказал всю свою историю со Стелловским...*— Историю договора Достоевского со Стелловским об издании собрания его сочинений в трех томах и романа «Игрок» см. в кн.: *Милюков А. П.* Литературные встречи и знакомства.СПб., 1890. С. 231—235. См. также рассказ А. Г. Достоевской в публикуемом «Дневнике» (С. 318) и «Воспоминаниях» (С. 58—60).

[95] *... о Тургеневе...*— Ср. письмо к Майкову от 28/16 авг. 1867 г.: «Заметил я, что Тургенев например (равно как и все, долго не бывшие в России) решительно фактов не знают (хотя и читают газеты) и до того грубо потеряли всякое чутье России, таких обыкновенных фактов не понимают, которые даже наш русский нигилист уже не отрицает...» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 211).

[96] *...про Некрасова...*— Об отношении Достоевского к Некрасову см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов в Петербурге. Л., 1947; *Михайлова А. Н.* Достоевский о Некрасове и Щедрине//Лит. наследство. Т. 49—50. М., 1946; *Долинин А. С.* Последние романы Достоевского. Л., 1963; *Туниманов В. А.* Достоевский и Некрасов//Достоевский и его время. Л., 1971. Отзыв Достоевского о Некрасове, приведенный здесь А. Г. Достоевской и относящийся ко времени полного разрыва писателей, следует в первую очередь соотнести с его позднейшим и более объективным мнением, выраженным в «Дневнике писателя» («Пушкин, Лермонтов и Некрасов» — «Дневник писателя на 1877 г.»): «...Я твердо уверен (и прежде был уверен), что из всего, что рассказывали про покойного, по

крайней мере, половина, а, может быть, и все три четверти — чистая ложь. Ложь, вздор и сплетни. У такого характерного и замечательного человека, как Некрасов,— не могло не быть врагов. А то, что действительно было, что в самом деле случалось — то не могло тоже не быть подчас преувеличено. Но приняв это, все-таки увидим, что нечто все-таки остается. Что же такое? (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 121).

Анализируя это «нечто», искренне стремясь снять с памяти Некрасова несправедливые обвинения, Достоевский и в конечном своем выводе сохраняет все же какую-то долю нравственного неприятия Некрасова: «Некрасов есть русский исторический тип, один из крупных примеров того, до каких противоречий и до каких раздвоений, в области нравственной и в области убеждений, может доходить русский человек в наше печальное, переходное время».

97 *Правду Майков говорит...*— Далее неточная цитата из письма А. Н. Майкова от 20—24 сент. 1867 г. (Сб. 2. С. 340).

98 *...Сниткины начали меня уверять, что он сослан был за убийство...*— Достоевский писал об этих слухах позднее в «Дневнике писателя»: «Кстати, прибавлю как подробность, что с тех пор (со времени выхода „Записок из Мертвого дома".— *С. Ж.*) про меня многие думают и утверждают даже и теперь, что я сослан был за убийство жены моей». К этому тексту есть примечание А. Г. Достоевской: «Я до знакомства с Федором Михайловичем тоже слышала, что Достоевский убил свою жену, хотя знала от моего отца, что он был сослан за политическое преступление» (*Гроссман Л. П.* Семинарий по Достоевскому. М.; Пг., 1923. С. 63).

99 *Припадок был, кажется, не из очень сильных...*— Припадок в ночь с 17 на 18 октября отмечен самим Достоевским в записной тетради № 3 (Из архива Ф. М. Достоевского. Идиот. Неизданные материалы. С. 22). Приводим целиком эту запись для сравнения с дневником А. Г. Достоевской: «С 17-го на 18-е октября ночью в 1/2 6-го припадок, не из очень сильных. Последние 4 дня чувствовал неправильность в сердцебиении, необыкновенную раздражительность. Пошел к доктору 17-го; дал пилюль, чтоб уничтожить неправильность действием на низ. Сердцебиение и раздражительность приписываю беспрерывным женевским переменам погоды. Все эти 4 дня был холод, дождь, ветер, погода была точь-в-точь, когда в Петербурге от юго-западного ветру сходит иногда в феврале весь снег. Но 17-е, когда ходил к доктору, наступила прелестная, светлая, теплая погода, и я вдруг почувствовал себя необыкновенно лучше. Ложась спать, я совершенно не ждал припадка, о чем и говорил А. Г. Но ночью вдруг переменилась погода на скверную» (Там же. С. 175).

100 *Платон Романовский.*— Сведений о Романовском найти не удалось.

101 *Рассказал о своих долгах...*— В письме к И. Л. Янышеву Достоевский писал об этом: «По глупости своей я переписал тогда эти векселя на себя, в надежде помочь вдове и детям покойного; из них только вдова знается со мной, а дети даже мне теперь и не кланяются...» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 156). Дочь М. М. Достоевского — *Мария Михайловна* (1843—1888), пианистка; жених ее, а с июля 1867 г. муж — *Михаил Иванович Владиславлев* (1840—1890), профессор философии, впоследствии ректор Петербургского университета. Вернувшись из-за границы, Достоевский помирился с племянницей.

102 *...рассказал он про Корвин-Круковскую...*— *Анна Васильевна Корвин-Круковская* (в замуж. Жаклар, 1843—1887) — писательница, впоследствии участница Парижской коммуны. Письмо ее от начала ноября 1866 г.— см. лит.-худ. сборник «Красной панорамы» (1929. Май. С. 40—41).

103 *Рассказал... о своих многих родственниках...*— *Мария Александровна Иванова*, см. примеч. 20 к 2-й книжке; *Софья Александровна Иванова*, см. примеч. 68 к 1-й книжке; *Юлия Александровна Иванова* (1852—1924) — племянницы Достоевского; *Елена Павловна Иванова*, жена *Константина Павловича Иванова* (брата А. П. Иванова), на которой летом 1866 г. Достоевский намеревался жениться, если умрет ее муж, тогда уже безнадежно больной.

104 *Потом мы начали читать повесть... о крокодиле...*— «Крокодил. Необыкновенное событие или пассаж в Пассаже»; напечатан (не полностью вследствие закрытия журнала) в «Эпохе» (1865. № 2). Рассказ был воспринят либеральной и демократической прессой (Голос. 1865. 3 апр.; Искра. 1866. № 13) как личный выпад против Чернышевского, находившегося уже в ссылке. Опровержение Достоевским этого обвинения см.: «Дневник писателя», январь 1873 г. («Нечто личное»).

Записная тетрадь Достоевского за 1864—1865 гг. с материалами к этому рассказу документально опровергает эти несправедливые слухи о пародийном изображении Чернышевского и его жены в персонажах рассказа (см.: *Розенблюм Л. М.* Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 86—87). Достоевский писал, в частности, в статье «Нечто личное»: «Между тем эта низость, мне приписываемая, так и осталась в воспоминаниях иных особ несомненным фактом, имела ход в литературных кружках, проникла и в публику...» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 24). Отмечая

в своих мемуарных записях беседу в доме Сниткиных о повести «Крокодил», А. Г. Достоевская явно не оценила значение этого слуха; по-видимому, она ни тогда, ни после замужества не рассказала об этом Достоевскому — иначе в дневнике, несомненно, последовала бы возмущенная оценка его писателем.

105 *...не даем спать* [*Наталье Федоровне*].— Жена дяди А. Г. Достоевской *Н. Ф. Сниткина.*

106 *...начала писать письмо к Анне Ивановне Майковой.*— Жена А. Н. Майкова.

107 *...доехала до госпиталя...*— А. Г. Сниткина жила близ здания 1-го военного Сухопутного госпиталя (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 5).

108 *Федя сегодня посылает письмо к Майкову.*— Письмо от 21/9 октября 1867 г. См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 225—228.

109 *Федя сегодня кончил письмо к Паше.*— См.: Там же. С. 228—231.

110 *Федя отнес письмо к Эмилии Федоровне.*— См.: Там же. С. 231—233.

111 *...заговорил о своем романе.*— О романе «Преступление и наказание», напечатанном в 1866 г. в «Русском вестнике», а в 1867 г. вышедшем отдельным изданием. Судя по дальнейшему тексту, Достоевский дал Огареву прочесть первую часть романа, т. е. часть журнального текста.

112 *...известить о посылке Майкову денег...*— О посылке ему денег из редакции «Русского вестника» для раздачи П. А. Исаеву, Э. Ф. Достоевской и А. Н. Сниткиной (см. письмо Майкова от 3 ноября 1867 г.: Сб. 2. С. 342).

113 *Он принес стихотворения Огарева...*— Вероятно, сборник стихотворений Огарева, изданный в Лондоне в 1858 г.

114 *...толковали о Никифоровой...*— *Мария Васильевна Никифорова*, подруга А. Г. Достоевской, впоследствии ее помощница по издательским делам.

115 *...остается написать: Николаю Михайловичу... двум Милюковым...*— *Николай Михайлович Достоевский* (1831—1883), инженер, *Александра Михайловна* (в замуж. *Голеновская*, 1835—1889), брат и сестра писателя; *А. П. Иванов*; *Александр Петрович Кашин*, его жена *Ольга Алексеевна; Ольга Александровна* и *Людмила Александровна Милюковы.*

116 *...я застала у него Долгомостьева...*— *Иван Григорьевич Долгомостьев* (ум. 1867) — сотрудник журналов «Время» и «Эпоха».

117 *...каким-то господином Спиридовым...*— *Петр Александрович Спиридов*, политический эмигрант с 1866 г., упоминается в переписке Герцена и Огарева этого времени, см.: Лит. наследство. Т. 39—40. С. 478.

118 *...письмо от Яновского...*— «Деньги отдадите по возвращении: дай бог, чтобы они вас хоть немного успокоили — посылаю 100 руб.»,— писал С. Д. Яновский (Сб. 2. С. 371).

119 *...такой уж у них глупый патриотизм.*— Ср. в письме Достоевского к Майкову от 21/9 окт. 1867 г.: «И какие здесь самодовольные хвастунишки! Ведь это черта особенной глупости быть так всем довольным» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 226).

120 *Письмо действительно было от Сонечки.*— Это письмо С. А. Ивановой не сохранилось. Переписка Достоевского с ее семьей не дает данных о таком эпизоде. Отклики на это письмо С. А. Ивановой есть в письме к ней Ф. М. Достоевского от 10 апреля/29 марта 1868 г. (Там же. С. 293—294).

121 *...роман у него не ладится...*— Во второй половине октября в записных тетрадях Достоевского сменяются один за другим три плана романа, впоследствии полностью отвергнутые (Из архива Ф. М. Достоевского. Идиот. Неизданные материалы. С. 219—223).

122 Сведений о Дьякове найти не удалось.

123 *Мишины... товарищи...*— *Михаил Николаевич Сниткин* — старший из двоюродных братьев А. Г. Достоевской, врач.

124 *...Бормотов... Пришли Косковские...*— *Егор Петрович Бормотов* — студент, сокурсник А. Н. Сниткина, впоследствии врач. О Косковских сведений нет.

125 Из указанных лиц, кроме уже упоминавшегося Веревкина (см. примеч. 16 к 3-й книжке), известен только *Аполлон Александрович Мялицын* — студент, сокурсник А. Н. Сниткина, впоследствии врач (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 62).

126 *...этот адрес цел и до сих пор у него в синей книжке.*— Адрес А. Г. Сниткиной был записан писателем в тетради с заметками к «Преступлению и наказанию», впоследствии служившей и при разработке планов «Идиота» (ЦГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 5). Тетрадь эта в переплете вишневого цвета. Текст дневника уточняет дату записи этого адреса, неточно указанную впоследствии Анной Григорьевной на отдельном листке, вложенном в тетрадь: «Запись эта была сделана в первый день нашей работы, причем Ф. М. забыл записать мою фамилию и очень сокрушался в тот день, не зная, как меня найти (т. е. как вернуть продиктованную частицу романа) на случай, если б я отдумала работать и к нему не пришла в назначенный день» (см.: публикацию Т. И. Орнатской «Рукою Достоевского».— Достоевский: Материалы и исследования. Т. 6. Л., 1985. С. 22).

127 *...родился он в 22 году... а он... сердя Машеньку, говорил...*— Достоевский родился в 1821 г. *Машенька* — вероятно, приятельница племянниц Достоевского Мария Сергеевна Иванчина-Писарева (в замуж. Бердникова). Об отношениях Достоевского с ней см. воспоминания

М. А. Ивановой.— Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1864. Т. 1. С. 370 и Лит. наследство. Т. 86. С. 510—511. См. также: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 129.

128 *...говорил, что знает его по его* [*мнениям*] *о Пушкине...*— Из трудов В. Я. Стоюнина, которые мог иметь в виду Достоевский, осуждая его «мнения» о Пушкине, можно назвать лишь книгу «О преподавании русской литературы» (СПб., 1864) и отдельные заметки литературного характера в газете «Русский мир». Известная популярная биография Пушкина, принадлежащая Стоюнину, была написана много позже. Его жена пишет в своих воспоминаниях: «Федор Михайлович сразу невзлюбил Стоюнина за его тяготение к Западу и не скрывал этого» (Сб. 2. С. 578).

129 *...первый раз, что он видел меня не в черном платье.*— В «Воспоминаниях» А. Г. Достоевская рассказывает, что заменила свой туалет более нарядным, зная, что 30 октября — день рождения Достоевского (С. 67). Как видим, это неверно — дело происходило 31 октября; маловероятно вообще, чтобы ей тогда была известна эта дата.

130 *...говорила про доктора, который ко мне сватается...*— Возможно, речь шла об *И. А. Веревкине* (см. примеч. 16 к 3-й книжке), но в первой книжке упоминается сватавшийся к Анне Григорьевне некий Т.

131 *...Миша, племянник его...*— *Михаил Михайлович Достоевский* (1847—1896) — племянник писателя, с 1869 г. служил в банке.

132 *...оканчивал свое письмо к Яновскому...*— Это письмо к С. Д. Яновскому неизвестно.

133 *Клавдия Егоровна* — *Тихменева* (1824—1886) — мать М. Н. Стоюниной.

134 *Николай Васильевич Тихменев* — отец М. Н. Стоюниной, чиновник собств. е. и. в. канцелярии по делам Царства Польского.

135 *...выбрали рассказы Чужбинского...*— Рассказы А. С. Афанасьева (1817—1875), писавшего под псевдонимом Афанасьев-Чужбинский.

136 *...ему отвечали, что такой улицы здесь нет...*— В черновых набросках «Воспоминаний» А. Г. Достоевская писала: «Местность, где находились дома моей матери, и теперь не особенно оживленная, но 45 лет назад это была настоящая пустыня. Днем еще можно было попасть со Слоновой на Ярославскую чрез Госпитальные ворота. С шести часов ворота запирались, и тогда приходилось со Слоновой улицы (ныне Суворовский проспект) проезжать к нам мимо Летнего госпиталя чрез огромное поле 〈...〉. На этом поле каждую зиму находили два-три трупа замерзших или убитых лошадей» (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 69 об.).

137 *...рассказал о своей двоюродной сестре, которая сгорела...* Речь шла не о двоюродной сестре, а о тетке Достоевского *Екатерине Федоровне Ставровской*, умершей в 1855 г. от ожогов (в церкви на ней загорелось платье); см.: *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевских. М., 1933. С. 82. Младшая сестра матери Достоевского, она была моложе племянника на два года.

138 *...«процесс... Praslin»...*— Протоколы нашумевшего судебного процесса об убийстве пэром Франции Теобальдом Праленом, герцогом Шуазель (Charles-Laure-Hugues-Théobald Praslin, duc de Choiseul), своей жены были изданы в 1847 г. отдельной книгой (Cour des Pairs. Assassinat de M-me la duchesse de Praslin. Procédure. Procès-verbaux... P., 1847).

139 *...я получила письмо от Феди...*— См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 233—234.

140 *Владимир Александрович.*— Муж А. П. Неупокоевой.

141 *...позволит ли Ольхин мне принять эту работу...*— Ср. в «Воспоминаниях»: «Охотно бы стала вам помогать,— отвечала я,— да не знаю, как посмотрит на это Ольхин. Быть может, он эту новую работу у вас предназначил для другого своего ученика или ученицы» (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 71). Рассказ в «Воспоминаниях» вероятно точнее: в черновых набросках подробно рассказано о соперничестве между учениками Ольхина в получении работы: «Большинство из них считало себя вполне подготовленными к стенографической работе и было обижено предпочтением меня. Александра Ивановна, как самая решительная, мне это выяснила и объявила довольно резко, что следующую работу она потребует себе и никому другому, ни мне не уступит» (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 40 об.).

142 *Письмо, по обыкновению, было отчаянное...*— См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 28, кн. II. С. 235—236.

143 *Федя очень надеялся попросить у Огарева 300 франков...*— Сам Огарев в это время очень нуждался. «Зачем ты оставляешь О[гарева] совершенно без средств? Я пишу с его ведома и прошу тебя — как бы ни было трудно — выслать сейчас вексель в Ниццу. Я делаю все, что могу — но есть граница»,— писал Герцен Сатину 9 окт./27 сент. 1867 г. (*Герцен А. И.* Полн. собр. соч. Т. 29, кн. I. С. 210), а 28/16 октября сообщал Огареву: «От Сат[ина] ничего. Я могу 1 числа прислать 400 fr.» (Там же. С. 220).

К письму Достоевского, где речь идет о возможном займе у Огарева, А. Г. Достоевская сделала впоследствии примечание: «Заем 300 фр. не состоялся, так как были получены небольшие деньги из Петербурга от моей матери» (Письма к жене. С. 314). В нем все неверно: как видно из дальнейшего текста дневника, заем у Огарева состоялся — правда, не 300, а всего 60 франков; деньги же из России были присланы только 17/5

декабря, но не А. Н. Сниткиной, а редакцией «Русского вестника» (письмо от 28.XI.1867 — РГБ. Ф. 93. Разд. II, 8.20).

144 *...он послал письмо к Каткову...*— Это письмо неизвестно.

145 *...Мама поехала в Москву к брату...*— Намерение А. Н. Сниткиной взять сына домой «под наблюдение» было, возможно, продиктовано стремлением изолировать его от студенческих волнений, происходивших в Москве осенью 1867 г. в связи с демонстративной отставкой пяти профессоров университета И. К. Бабста, Ф. М. Дмитриева, М. Н. Капустина, С. А. Рачинского и Б. Н. Чичерина), протестовавших таким образом против нарушения университетского устава 1864 г. (см.: *Чичерин Б. Н.* Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С. 213).

146 *...все, продиктованное на этой квартире, было потом забраковано и брошено.*— К началу декабря 1867 г. была написана первая часть романа «Идиот» по первоначальному плану. Достоевский писал А. Н. Майкову о том, что «4 декабря иностранного стиля бросил все к черту» и в середине декабря роман был начат заново (Из архива Ф. М. Достоевского. «Идиот». Неизданные материалы. С. 203).

147 *...афиши, возвещавшие Escalade...*— 12 декабря в Женеве отмечается национальный праздник — годовщина неудачной попытки герцога Савойского Карла-Эммануила овладеть Женевой приступом (Escalade) в ночь с 11 на 12 декабря 1602 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Анна Григорьевна
Достоевская
ДНЕВНИК 1867 ГОДА

Утверждено к печати
Редакционной коллегией
серии «Литературные памятники»

Редактор издательства Н. А. Алпатова
Художники В. Г. Виноградов, В. Н. Тикунов
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Н. П. Кузнецова
Корректоры Н. П. Гаврикова, Ф. Г. Сурова

ИБ № 49797

Сдано в набор 04.12.91
Подписано к печати 16.12.92
Формат 70×100 1/16
Гарнитура таймс
Печать офсетная
Усл. печ. л. 38,18. Усл. кр.-отт. 38,18. Уч.-изд.л. 41,1
Тираж 30000 экз. Тип. Зак. 4327

Ордена Трудового Красного Знамени
издательсво "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА" ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Петрарка Франческо
АФРИКА. 28 л.

Франческо Петрарка прославился как великий лирик Возрождения. Вершина его творчества – героическая поэма "Африка" на латинском языке, над которой он работал всю жизнь. Предмет поэмы – война между Римом и Карфагеном, герои ее – Ганнибал и Сципион Старший, в числе эпизодов – запомнившаяся потомкам любовь нумидийского царя Массиниссы к царице Софонисбе и ее трагическая смерть. На русский язык поэма переводится впервые, сопровождается подробным комментарием.

Для широкого круга читателей.

П.А. Толстой

ПУТЕШЕСТВИЕ СТОЛЬНИКА П.А. ТОЛСТОГО ПО ЕВРОПЕ. 1697–1699. 35 л.

Уникальный литературный памятник, принадлежащий перу известного государственного деятеля петровского времени, по широте охвата и глубине осмысления событий, верности и точности наблюдений не имеет себе равных среди обширной путевой литературы конца XVII – начала XVIII в. Книга содержит энциклопедические сведения о материальной и духовной жизни Польши, Римской империи, Венецианской республики, Миланского и Неаполитанского королевств, Папской области, Дубровницкой республики, Мальтийского рыцарского государства. Отдельным изданием выходит впервые.

Для широкого круга читателей.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА" ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Плутарх

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ: В 2 т. 120 л.

"Сравнительные жизнеописания" – это 50 биографий греческих и римских царей, полководцев и политических деятелей с древнейших времен до I в.н.э. Среди них – Солон, Фемистокл, Перикл, Александр Македонский, Катон, братья Гракхи, Помпей, Цезарь и другие образы, ставшие вечным достоянием европейской культуры именно в том виде, который придал им древнегреческий писатель Плутарх. Жизнеописания расположены попарно – грек с римлянином, Александр с Цезарем, Демосфен с Цицероном и т.д., – и каждая пара завершается "сравнением" с интересной моралистической оценкой, – отсюда в заглавии слово "Сравнительные...".

Настоящее издание – единственный на русском языке полный перевод "Жизнеописаний", отвечающий современным художественным и научным требованиям. Он был издан в серии "Литературные памятники" в 1961–1964 гг. и теперь переиздается с новой статьей, новыми комментариями, хронологическими и генеалогическими таблицами.

Для широкого круга читателей.

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ТРУБАДУРОВ. 52 л.

В основу книги положен перевод замечательного средневекового памятника XIII–XIV вв. – "Жизнеописания трубадуров", первых в истории европейской литературы лирических поэтов. Жизнеописания эти, посвященные главным образом куртуазной любви трубадуров, лежат у истоков европейской новеллы. В книгу входят также "Жизнеописания прованских пиитов", сочиненные Жаном де Нострдамом, братом знаменитого астролога. В "Дополнения" включено множество параллельных латинских, итальянских, старофранцузских текстов о трубадурах, в том числе памятники, объединенные известным сюжетом "съеденного сердца": ревнивый муж заставляет жену съесть сердце убитого им ее возлюбленного. Издание сопровождается статьями и комментариями.

Для широкого круга читателей.

Ариосто Лудовико

НЕИСТОВЫЙ РОЛАНД. В 2 т. 90 л.

"Неистовый Роланд" (1532 г.), поэма в 46 песнях, – признанный шедевр европейской поэзии эпохи Возрождения. Запутаннейшие похождения рыцарей Карла Великого, дикое сумасшествие Роланда от измены возлюбленной занимательные вставные эпизоды и "пророчества" освещены изящной иронией, предвещающей "Дон Кихота". "Роланд" был любимой поэмой Вольтера. Полный стихотворный перевод поэмы на русский язык публикуется впервые. Перевод экспериментальный, "свободным стихом".

Для широкого круга читателей.

Лопе де Вега

ДОРОТЕЯ. 20 л.

"Доротея", роман в диалогах, или "драма для чтения", – любимое произведение великого испанского драматурга, начатое им в юности и завершенное к концу жизни. Сюжет основан на пережитой поэтом в юности любовной драме, закончившейся скандальным судебным процессом и изгнанием Лопе из Мадрида. Поразительная психологическая глубина в анализе страсти, живость действия, прекрасные стихи, включенные в текст драмы, придают ей совершенно особый колорит. Это своеобразная исповедь гениального поэта и одновременно яркая картина нравов Испании XVII в.

Для широкого круга читателей.

К. Цельтис

СТИХОТВОРЕНИЯ. 25 л.

В книге Конрада Цельтиса (1459–1508), видного немецкого гуманиста второй половины XV – начала XVI в., представлены впервые в русском переводе все жанры его поэтического наследия: оды, эподы, любовные элегии, эпиграммы и др. Своим творчеством Конрад Цельтис сыграл значительную роль в развитии немецкой литературы раннего Нового времени и укреплении контактов с польской и чешской культурной средой.

Для широкого круга читателей.